Пол АНДЕРСОН

МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Пол Андерсон

3

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол Андерсон

Собрание Сочинений

в Восьми томах

Пол Андерсон

ТОМ 3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

"ФАБУЛА"
1993

ББК 84.4/8
А64

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1993 году.

Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Андерсон П.
А 64 Собрание сочинений. В 8-ми томах. Т. 3. Пер. с англ. — М.: ПОО «Фабула», 1993. — 416 с. — (Сер. «Мастера американской фантастики»).
ISBN 5-86090-166-6

В 3-й том Собрания сочинений известного американского фантаста Пола Андерсона входят романы «Крестоносцы неба», «Экран», повесть «Царица ветров и тьмы» и цикл рассказов «Патруль времени», объединенных одними и теми же героями.

4804010000 — Без объявл. ББК 84.4/8

ISBN 5-86090-166-6

© ПОО «Фабула», 1993
© Оформление, рисунки. П. Храмцов, 1993

Крестоносцы неба

Когда капитан поднял голову, настольная лампа под абажуром осветила его лицо, бросив глубокие тени на морщины и резкие черты. Иллюминатор был открыт, и в него смотрела чужая летняя ночь.

— Ну, — сказал он.

— Я перевел, сэр, — ответил социотехник. Пришлось экстраполировать назад от современного языка, потому это и заняло так много времени. Однако в процессе работы я достаточно освоил язык, чтобы говорить с этими... созданиями.

— Хорошо. — Капитан кивнул.

— Я ожидал увидеть здесь все что угодно, но это! Гром и молния!

— Понимаю, что вы испытываете, сэр. Даже в со всей физической очевидностью стоящее перед глазами мне трудно поверить, что это существует.

— Ладно, я прочту. Никакого отдыха!

Капитан кивком разрешил своему социотехнику удалиться, и тот вышел из каюты.

Несколько мгновений капитан сидел неподвижно, глядя на документ, но, в сущности, не видя его. Книга, судя по внешнему виду, была очень древней. Это рукопись, выполненная уникальным шрифтом на тонком пергаменте, заключенном в массивный переплет. Рядом лежал текст перевода. Капитан почти боялся перелистнуть страницу, боялся того, что там увидит. В этой книге должна быть описана удивительная катастрофа, происшедшая тысячу лет назад. Ее последствия ощущались до сих пор. Капитан почувствовал себя маленьким и одиноким. Как далеко отсюда его дом!

Однако...

Он начал читать.

ГЛАВА 1

Архиепископ Уильям, наиболее ученый и благочестивый прелат, приказал мне изложить английским письмом эти великие события, скромным свидетелем которых я был. Я беру в руки перо во имя Господа и моего покровителя — святого Христофора: я верю, что они помогут мне, укрепят мои слабые силы и позволят для пользы будущих поколений описать поход сэра Роже де Турневиля, и, прочитав это, люди пылко вознесут хвалу Господу, воля которого правит всем.

Я опишу эти события точно так, как запомнил их, без страха, без пристрастий, тем более что большинство их участников уже мертвы. Сам я слишком ничтожен, но поскольку всегда полезно узнать о летописце, чтобы судить о степени его правдивости, позвольте мне сказать несколько слов о себе. Я родился за сорок лет до того, как начался мой рассказ, и являюсь младшим сыном Уста Брауна. Отец мой был кузнецом в маленьком городке Энсби на севере Линкольншира. Земля здесь принадлежит баронам де Турневиль, чей древний замок возвышался на холме над городом. Тут было и маленькое аббатство францисканцев, куда я поступил еще мальчиком. Приобретя скромное уменье (боюсь, что это мое единственное уменье вообще) читать и писать, я стал учителем в этом искусстве новичков и детей мирян. Свое детское прозвище я перевел на латынь и, в знак смирения, сделал своим церковным именем. Поэтому меня зовут брат Парвус (Слабый). Я действительно мал ростом, болезнен, но, к счастью, быстро завоевываю доверие детей.

В лето от Рождества Христова 1345-е, сэр Роже собирал армию добровольцев, чтобы присоединиться к нашему могущественному королю Эдуарду Третьему и его сыну во французской войне. Энсби было местом сбора. В мае вся армия уже собралась здесь, разместившись на выгоне и превратив наш тихий городок в шумное, полное драк и скандалов место. Лучники, арбалетчики, копьеносцы, кавалеристы бродили по грязным улочкам, пили, играли в азартные игры, охотились за девками, насмехались и ссорились с риском для своих душ и наших крытых соломой домов. В самом деле, два дома сгорели. Вместе с тем они принесли необычное оживление, чувство славы, так что все независимые крестьяне мечтали о том, чтобы уйти с ними, если это будет возможным. Даже у меня возникли смутные мечты, и что касается меня, так это вполне могло быть правдой, так как я был домашним учителем сэра Роже и приводил в порядок его бумаги. Барон поговаривал о том, чтобы сделать меня своим секретарем, но мой аббат пока сомневался.

Так обстояли дела, когда прилетел Версгорский корабль.

Я хорошо помню этот день. Я по каким-то делам был в городе. После дождя выглянуло солнце, улицы были полны грязи по самую щиколотку. Я пробирался сквозь толпы солдат, бродивших без цели, кивая знакомым. И вдруг раздался гром. Как и все, я поднял голову.

— Смотрите! Это — чудо!

С неба, увеличиваясь с чудовищной быстротой, опускался корабль — весь из металла. Солнце так отражалось от его боков, что я не мог разглядеть его форму. Огромный цилиндр, около двух тысяч футов в длину. Если не считать свиста воздуха, он двигался совершенно бесшумно.

Кто-то закричал. Женщина упала на колени в лужу и начала выкрикивать молитвы. Мужчина закричал, что это Божья кара за грехи, и присоединился к женщине. Я понял, что среди такой массы людей паника может привести к гибели многих. Конечно, это не было желанием Бога, если он послал видение.

С трудом понимая, что делаю, я вскочил на ствол огромной железной бомбарды, стоящей на повозке, по самую ось ушедшей в грязь улицы.

— Смелей! — крикнул я. — Не бойтесь! Смелей, с верой в Господа!

Но мой слабый крик не был услышан. Тут рядом со мной оказался рыжий Джон Хеймворд, капитан лучников, веселый гигант с волосами цвета меди, с яростными голубыми глазами — он стал моим другом с момента своего появления в городе.

— Я не знаю, что это за штука, — крикнул он, и голос его разнесся над всеобщей суматохой, которая на мгновение замерла. — Может быть, какая-нибудь французская хитрость. А может, какая-то дружеская шутка, тогда наш страх будет глупым. За мной, солдаты! Встретим его, когда оно приземлится!

— Магия! — закричал какой-то старик. Это волшебство! Это божество! Мы погибли!

— Нет, — отвечал я. — Волшебство не может повредить добрым христианам.

— Но я жалкий грешник... — причитал он.

— Святой Джордж и король Эдуард!

Рыжий Джон спрыгнул со ствола и побежал вниз по улице. Подобрав сутану, я припустился за ним, лихорадочно вспоминая формулу изгнания злых духов.

Взглянув назад через плечо, я был удивлен, увидев, что большинство солдат последовало за нами. Это не было проявлением храбрости, скорее всего, они боялись потерять предводителя. Но вначале они сбегали в свой лагерь за оружием, а затем прибежали на выгон. Я видел, как из замка на вершину холма вылетели кавалеристы. Сэр Роже де Турневиль, без лат, но с мечом у пояса, скакал во главе. Он кричал и размахивал копьем. Вдвоем с Рыжим Джоном они построили солдат в некоторое подобие военного строя. Едва они закончили построение, как корабль приземлился.

Он глубоко вонзился в почву пастбища. Вес его был огромен, и я не мог понять, что позволяло ему так легко находиться в воздухе. Я знал, что он был реальностью. Он был весь закрыт. Ровная, гладкая поверхность без кормы или бака. Не могу сказать, что я ожидал

увидеть весла, но отчасти я был удивлен, что не было парусов. Однако я разглядел орудийные башни, из которых выглядывали стволы, похожие на стволы наших бомбард.

Над выгоном воцарилась тишина. Сэр Роже подъехал ко мне.

— Вы ученый клерк, брат Парвус, — сказал он спокойно, хотя ноздри его побелели, а волосы были мокры от пота. — Что вы думаете об этом?

— Не могу сказать, сэр, — выдавил я. — В древних сказаниях говорится о колдунах, таких как Мерлин, которые умели летать по воздуху.

— Может быть, это... Божественное? — Он перекрестился.

— Не знаю. — Я робко взглянул на него. — Однако не вижу сонма ангелов...

Приглушенный звон донесся со стороны корабля, сопровождаемый стоном страха, и начала открываться круглая дверь. И хотя это было так жутко, испуганные солдаты остались англичанами — никто не побежал. Я заметил, что дверь двойная, с внутренним помещением. Как язык, выскочила металлическая лестница и коснулась земли. Я поднял крест, и с моих губ сорвалось несколько строф из «Отче наш».

В дверях появился один из членов экипажа. Боже! Как мне описать ужас этого первого знакомства с ним. Конечно, это был демон ада!

Он был около сорока футов роста, широкий и сильный на вид, одетый в платье, отливающее серебром. Кожа его была без волос и глубокого синего цвета. Уши, длинные и заостренные, торчали по обеим сторонам круглой головы, желтые узкие глаза глядели с тупоносого лица с густыми бровями. И у него был хвост!

Кто-то начал кричать. Рыжий Джон натянул лук.

— Спокойно! — крикнул он. — Я пошлю в ад первого струсившего!

Неподходящий момент для богохульства. Еще выше подняв крест, я заставил свои неповинующиеся ноги сделать несколько шагов вперед и произнес заклинания. Я был уверен, что они не помогут — конец света был перед нами. Если бы демон продолжал стоять неподвижно, мы бы не выдержали и побежали. Но он поднял трубку, которую держал в руке. Из нее вырвалась ослепительная белая молния. Я услышал треск и увидел, как пламя охватило стоявшего рядом со мной солдата. Тот упал мертвым.

Появились еще три демона.

Солдаты в таких случаях привыкли действовать не задумываясь. Прозвенела тетива лука Рыжего Джона. Первый демон упал, насквозь пронзенный длинной стрелой. Я увидел, как он умер, кашляя кровью. А за первым выстрелом последовала еще сотня, и воздух наполнился множеством летящих и свистящих стрел. Три других демона упали так густо усеянные стрелами, что стали похожи на ежей.

— Убить! Их можно убить! — воскликнул сэр Роже. — Ура! Святой Джордж за веселую Англию.

И он направил своего коня прямо к лестнице. Говорят, страх рождает неестественную храбрость. С единым криком весь отряд бросился за ним. Должен признаться, что и я побежал вместе со всеми.

Я смутно помню подробности схватки, протекавшей в бесчисленных комнатах и длинных коридорах. Где-то я подхватил боевой топор. У меня сохранились туманные воспоминания об ударах по отвратительным синим лицам, о падениях в лужах крови и о новых ударах. Сэр Роже не мог руководить схваткой. Его люди озверели, когда узнали, что демонов можно убивать, и их единственным желанием стало убийство, что они и делали.

В экипаже корабля было около сотни членов, но мало кто из них имел оружие. Позднее мы обнаружили склады с огромным запасом вооружения, но захватчики больше рассчитывали на панику. Не зная англичан, они не рассчитывали встретить сопротивления. Артиллерия корабля была готова открыть огонь, но оказалась совершенно бесполезной, когда мы ворвались вовнутрь.

Меньше чем через час мы перебили их всех!

Выбравшись из этой кровавой бойни, я чуть не закричал от радости, снова увидев солнце. Сэр Роже с капитаном подсчитывали наши потери. Оказалось, что погибло пятнадцать солдат. Когда я стоял, дрожа от возбуждения и радости, появился Рыжий Джон Хеймворд. С его плеча свисал демон, которого он швырнул к ногам сэра Роже.

— Я оглушил его кулаком, сэр, — доложил он.

— Я подумал о том, что, может быть, захватить одного, чтобы порасспросить его. Или мне нужно отсечь ему голову? Приказывайте, сэр.

Сэр Роже задумался. Никто из нас еще не осознал всей необычности происшедшего... Наконец губы его тронула улыбка, и он ответил по-английски так же легко, как обычно говорил по-французски.

— Если это демон, — сказал он, — то слабый. Их так же легко убивать, как и людей. Даже легче. Они знают о войне не больше моей маленькой дочери. И даже меньше, так как она дала моему носу немало добрых тумаков. Думаю, что цепи удержат это создание. Как ты считаешь, брат Парвус?

— Да, мой господин, хотя лучше будет поместить рядом священные реликвии.

— Тогда возьмите его в аббатство и посмотрите, что можно сделать. Вечером я жду вас в замке.

— Конечно, мы должны отслужить большую мессу в благодарность Господу за избавление от зла.

— Да, да, — нетерпеливо сказал он. — Поговорите об этом с

аббатом. Делайте как сочтете нужным. Но приходите к ужину и расскажите мне все, что узнаете.

И он задумчиво посмотрел на корабль...

ГЛАВА 2

Я пошел, как мне было приказано, с одобрения моего аббата, который заявил, что теперь руки мирян нужно соединить с руками духовников. Город был удивительно спокоен, когда я проходил по его освещенным солнцем улицам. Люди были в церкви или прятались за запертыми дверями. Со стороны военного лагеря доносились звуки мессы. Над нашими хрупкими строениями нависла горообразная громада чужого корабля.

Но в городе чувствовалось необычное волнение, нечто вроде опьянения от победы над неземными силами — было неизбежно самодовольное заключение, что нас поддерживает Бог.

Я прошел через двор замка, мимо утроенной стражи, прямо в большой зал. Замок Энсби был старой нормандской постройки, мрачный внешне и очень холодный для жизни в нем. В зале стоял полумрак, хотя его освещали факелы, бросающие колеблющиеся тени на развешанное оружие и гобелены. Дворяне и наиболее значительные люди города и армии сидели за большим столом. Стоял гул от разговоров, вокруг сновали слуги, на каменном полу лежали, высунув языки, собаки. Это была успокаивающе знакомая картина, хотя за внешней беззаботностью скрывалось большое напряжение. Сэр Роже оказал мне особую честь, велев сесть рядом с ним и леди.

Позвольте мне описать Роже де Турневиля, рыцаря и барона. Это был высокий, сильный и мускулистый человек лет тридцати с серыми глазами и костлявым лицом, с орлиным носом. Его светлые волосы были уложены в обычную прическу воина и пэра — потолще на макушке, потоньше или совсем выбриты ниже. Это не способствовало украшению и без того не слишком привлекательной внешности. Уши сэра Роже напоминали ручки кувшина.

Его владения были бедны и заброшенны, большую часть своего времени он проводил в войнах. Поэтому ему недоставало хороших манер, хотя по-своему он был умен и добр. Жена его, леди Катрин, была дочерью виконта де Мони. Большинство дворян считало, что этот брак не соответствует стилю жизни и положению ее в обществе, ибо в Винчестере, где она выросла, ее окружению была свойственна самая современная элегантность. Она была очень красива, с большими голубыми глазами и каштановыми волосами. Но характер имела отчасти сварливый. У них было двое детей: Роберт, чудный мальчик шести лет, мой ученик, и трехлетняя девочка — Матильда.

— Ну, брат Парвус, — прогремел на весь зал барон, — садись. Выпей с нами. Черт возьми, эти события требуют большего, чем эль!

Деликатный нос леди Катрин слегка сморщился — в доме ее родителей эль употребляли только слуги.

Когда я уселся за стол, сэр Роже нетерпеливо наклонился ко мне и спросил:

— Что вы узнали? Мы действительно взяли в плен демона?

За столом наступило молчание. Даже собаки лежали неподвижно. Я слышал треск факелов и шуршание древних знамен, свисавших с потолочных балок.

— Думаю, что да, милорд, — осторожно ответил я, — потому что он очень рассердился, когда мы обрызгали его святой водой.

— Но он не исчез в облаке дыма? Ха! Если это и демон, то он не похож на тех, о которых я слышал. Эти демоны смертны, как и люди.

— И даже больше, сэр, — сказал один из капитанов, — ибо у них нет души...

— Меня не интересуют их вздорные души, — фыркнул сэр Роже. — Я хочу знать все об их корабле. Во время битвы я прошелся по нему. Кит, а не корабль! Мы можем погрузить на его борт весь Энсби, и каждому жителю достанется по каюте. Вы спрашивали демона, почему сотне ему подобных понадобилось так много места?

— Он не говорит ни на одном из местных языков, милорд, — ответил я.

— Ерунда! Все демоны знают по крайней мере латынь! Он лжет!

— Может, устроить ему свидание с нашим палачом? — лукаво спросил сэр Оливер Монтбелл.

— Нет, — сказал я, — пожалуйста, не надо. Он очень быстро учится. Он повторял за мной очень много слов, и поэтому мне показалось, что он просто притворяется незнающим. Дайте мне несколько дней, и я смогу разговаривать с ним.

— Несколько дней... — пробормотал сэр Роже. — Это слишком много.

Он швырнул кость, которую обглодал, собакам и шумно облизал пальцы. Леди Катрин нахмурилась и указала на чашку с водой и салфетку.

— Извини, дорогая, — сказал он. — Никак не могу научиться этим новомодным штучкам.

Сэр Оливер избавил его от замешательства, спросив:

— Почему вы говорите, что несколько дней — это много? Вы ведь не ожидаете прилета другого корабля?

— Нет, но в таком случае люди будут бездельничать еще несколько дней. Мы уже совсем были готовы к отправке, когда это случилось.

— Как? Разве мы не отправимся в назначенный день?

— Нет, вы болваны! — Кулак сэра Роже опустился на стол. Кубок подпрыгнул. — Разве вы не видите, какие возможности дает нам это? Корабль послан нам святыми...

И пока мы сидели, охваченные благоговейным страхом, он продолжал:

— Мы можем поместить всю армию на борт этой штуки. Лошадей, коров, свиней, птицу. Проблема продовольствия не будет нас занимать. И женщины тоже. Все удобства домашней жизни! Эй, а почему не взять и детей. Посевы некоторое время будут без присмотра, а детям безопаснее будет с нами, на случай другого прилета. Я не знаю, какая сила заставляет этот корабль лететь, но одно его появление внушает такой ужас, что нам незачем будет воевать. Мы пролетим через канал и за месяц кончим войну с Францией. Затем освободим Святую землю и вернемся домой как раз к сбору урожая!

Долгое молчание прервалось гулом приветственных возгласов, в котором заглохли мои слабые возражения. Я подумал, что план этот безумен. Я видел, что так же считала леди Катрин и некоторые из офицеров. Но остальные смеялись и кричали, пока весь зал не заполнился гулом восторга.

Сэр Роже повернул ко мне покрасневшее лицо.

— Все зависит от вас, брат Парвус, — добавил он, — вы должны заставить демона говорить или научить его, безразлично. Он покажет нам, как управлять кораблем.

— Мой благородный лорд... — начал я.

— Хорошо! — Сэр Роже хлопнул меня по плечу так, что я подавился и чуть было не упал со стула. — Я знаю, вы сделаете это. Наградой для вас будет возможность отправиться с нами!

Казалось, весь город, вся армия сошли с ума. Разумеется, самым мудрым решением было послать сообщение епископу, а то и в Рим, — просить совета. Но нет, они хотели лететь, и все. Жены не желали оставлять мужей, родители — детей, девушки — возлюбленных. Самые бедные крестьяне поднимали головы от своих участков и мечтали о том, как они освободят Святую землю, набив по пути мешки золотом.

Что еще можно ожидать от народа, происходящего от саксов, норманнов и датчан.

Я вернулся в аббатство и провел всю ночь на коленях, молясь о том, чтобы мне был подан знак, но святые хранили молчание.

После заутрени я с тяжелым сердцем отправился к аббату и рассказал ему о замысле барона. Аббат был разгневан тем, что ему не разрешили немедленно связаться с церковными властями, но решил, что лучше повиноваться. Я был освобожден от других занятий, чтобы больше времени общаться с демоном.

Я подпоясался и отправился в подвал, где находился демон. Это была узкая и полутемная комната, используемая для эпитимии. Брат Томас, наш кузнец, прикрепил к стене скобы и приковал к ним демона. Демон лежал на охапке соломы — в темноте это было пугающее зрелище. Когда я вошел, он со звоном цепей поднялся. Рядом с ним, но вне пределов его досягаемости, располагались наши

реликвии в ящиках: бедренная кость святого Осварта и коренной зуб Святителя Виллибарда. Они должны были помешать демону сбросить цепи и убежать в ад. Но если бы он все же сбежал, я не очень-то бы и расстроился...

Я перекрестился и сел. Его желтые глаза глядели на меня. Я принес с собой бумагу и перья, чтобы использовать свою небольшую склонность к рисованию.

Изобразив человека, я сказал: — Хомо. — Мне показалось, что разумнее всего учить его латыни, чем какому-нибудь другому языку, принадлежащему лишь одной нации. Затем я нарисовал еще одного человека и показал демону, что это — люди. Так продолжалось и дальше — он очень быстро все усваивал.

Вскоре он попросил бумагу, и я дал ему ее. Рисовал он искусно. Он объяснил, что зовут его Бранитар, а его раса называется версгорцы.

Я не мог отыскать эти слова ни в одной лемонологии. Но я позволил ему руководить нашими занятиями, так как его раса превратила изучение языков в науку, и мы быстро продвигались вперед.

В течение следующих дней я работал с ним долгие часы и почти не выходил наружу. Сэр Роже не допускал никакой связи демона с другими людьми. Думаю, что он опасался, как бы другой Эрл или Дюк не узнали о корабле. Со своими лучшими людьми барон много времени проводил на границе, стараясь задержать всех странников и путешественников.

Вскоре Бранитар смог пожаловаться на свою скудную диету, состоящую из хлеба и воды, и пригрозил местью. Я хоть и побаивался его, но старался держаться храбро. Конечно, наши разговоры велись гораздо медленнее, чем я здесь излагаю. Со многими паузами, во время которых мы подбирали слова для общения.

— Вы сами навлекли это на себя, — сказал я ему. — Вам следовало лучше обдумать ситуацию, прежде чем нападать на христиан безо всякого повода.

— Кто такие христиане? — спросил он.

Я решил, что он только притворяется несведущим, и в качестве испытания прочел «Отче наш». Он не превратился в дым, и это меня изумило.

— Думаю, что понял, — произнес он. — Вероятно, вы верите в какой-то примитивный пантеон.

— Мы не язычники, — возмутился я и принялся объяснять ему суть троицы. Я уже дошел до перевоплощения, когда он взмахнул своей синей рукой, она была очень похожа на человеческую, не считая острых толстых ногтей.

— Не важно, — сказал он. — Все христиане воинственны так же, как и вы?

— Вам лучше было бы напасть на французов. Ваше несчастье, что вы приземлились у англичан.

— Упрямое племя, — кивнул он. — Это дорого вам обойдется. Но если вы немедленно освободите меня, я постараюсь смягчить наказание, которое вас ожидает.

Мой язык прилип к небу, но я отодрал его и холодно потребовал объяснений. Откуда они прибыли к нам и каковы были их намерения?

Ему понадобилось довольно много времени, ибо он говорил довольно необычные вещи. Я решил, что он лжет, но не стал мешать ему. В конце концов, рассказывая, он лучше усвоит язык.

Две недели спустя после приземления корабля в аббатстве появился сэр Оливер Монтбелл и потребовал встречи со мной. Мы встретились в монастырском саду, отыскали скамейку и сели.

Этот Оливер был младшим сыном от второго брака незначительного барона нашей марки с женщиной из Уэллса. Смею сказать, что в его груди тлел древний конфликт двух наций, но в нем, несомненно, была и кимраевская красота. Став пажом, а затем и оруженосцем известного рыцаря при дворе короля, юный Оливер пленил сердце своего хозяина и пользовался привилегиями, которые соответствовали гораздо более высокому рангу. Он много странствовал, был трубадуром, а впоследствии был посвящен в рыцари, но по-прежнему оставался бедным. В надежде найти свое счастье, он прибыл в Энсби, чтобы присоединиться к армии сэра Роже. Несомненно храбрый рыцарь, он был слишком красив, с точки зрения мужчины. Говорили, что никто не может чувствовать себя спокойно в его присутствии. Но это было не совсем верно, ибо сэр Роже принял его с радостью. Он был счастлив, что наконец-то леди Катрин будет с кем поговорить об интересовавших ее вещах.

— Я прибыл от лорда, брат Парвус, — начал Оливер. — Он желает знать, сколько времени вам потребуется еще для приручения этого зверя?

— О, он уже знает достаточно слов, но то, что он говорит, настолько неправдоподобно, что я пока не решался об этом говорить.

— Сэр Роже все больше проявляет нетерпение, к тому же ему все трудней держать людей в руках. Они пожирают его состояние, и ни одна ночь не обходится без грабежей или убийства. Мы должны выступить сейчас или никогда.

— Тогда я умоляю не выступать, по крайней мере на этом корабле.

С того места, где мы находились, я видел поразительно высокий нос корабля, задевавшего, казалось, облака. Корабль пугал меня.

* * *

— Ну, — выпалил сэр Роже, — что же сказало вам чудовище?

— Оно имело наглость утверждать, что они прибыли не снизу, а сверху, с самого неба!

— Он... ангел?

— Нет. Он говорит, что он не ангел и не демон. Что он представитель другой расы смертных, другого человечества.

Сэр Оливер потер свой гладко выбритый подбородок.

— Может быть, — задумчиво прошептал он и в полный голос продолжал: — В конце концов, если существовали единороги, кентавры и другие чудовища, почему бы не существовать и голубокожим?

— Я знаю. Все это было бы достаточно разумным, если бы он не утверждал, что живет прямо на небе.

— Расскажи мне, что он говорит.

— Как хотите, сэр Оливер, но помните, что это не мои выдумки. Это Бранитар настаивает, что Земля не плоская, а круглая и висит в пространстве. Он идет еще дальше и утверждает, что Земля вращается вокруг Солнца, — некоторые древние ученые придерживались того же мнения, но я не могу тогда понять, как океаны не выливаются в пространство, или...

— Пожалуйста, продолжайте свой рассказ, брат Парвус.

— Что же... Бранитар говорит, что звезды — другие солнца, но только очень далеко от нас. И что у них тоже есть миры, как наша Земля. Даже древние греки не поверили бы в такую глупость. За каких невежественных дураков принимает нас это создание? Далее Бранитар говорит, что народ его — версгорцы — прилетели из одного из этих миров, похожих на нашу Землю. Он хвастает, что их колдовской властью можно...

— Может быть, он и не лжет, — сказал сэр Оливер. — Мы испытали некоторые образцы их ручного оружия. Сожгли три дома, свинью и раба, прежде чем научились обращаться с ним.

Я сглотнул, а потом продолжал:

— У этих версгорцев есть корабли, которые могут летать меж звезд. Они завоевали множество миров. Они подчиняют себе или уничтожают население покоренных миров. А затем заселяют эти миры, и каждый версгорец получает сотни тысяч акров земли. Их численность растет так быстро, и они так не любят скученность, что вынуждены постоянно искать все новые миры. Корабль, который мы захватили, был разведчиком, странствовавшим в поисках новых миров для завоеваний. Обнаружив нашу Землю, они решили, что она пригодна для их целей, и приземлились. План их был обычным, раньше он всегда удавался. Они хотели запугать нас и использовать эту местность как базу. Собрали бы образцы растений, животных и минералов. Именно поэтому их корабль так велик и с таким количеством пустых помещений. Это что-то вроде Ноева ковчега. Когда они вернулись бы домой и сообщили о своей находке, был бы послан флот для захвата Земли.

— Гм... — усмехнулся сэр Оливер. — Уж это-то мы предотвратили.

И мы оба замолчали, представив себе ужасную картину порабощения человечества нелюдьми, хотя оба в это не верили. Я

решил, что Бранитар прилетел к нам из отдаленной от нас области Земли, например из Китая, — и пугает нас, чтобы мы его отпустили. Сэр Оливер согласился с этой гипотезой.

— Тем не менее, — добавил рыцарь, — мы должны научиться пользоваться кораблем, пока не прибыли другие. А как лучше всего научиться? Отправившись во Францию и Иерусалим. И как говорит милорд, будет очень удобно иметь с собой женщин и детей — все население города. Вы спрашивали его, как управлять кораблем?

— Да, — неохотно ответил я. — Он говорит, что управление очень простое.

— А говорили вы ему, что с ним будет, если он станет править не туда?

— Намекнул. Он говорит, что согласен повиноваться.

— Отлично. Тогда мы можем через день-два выступить! — Сэр Оливер откинулся назад, мечтательно полуприкрыв глаза. — Мы даже, может быть, сумеем передать слово-другое его соплеменникам. За выкуп, который они дадут, можно будет купить много вина и женщин...

ГЛАВА 3

Итак, мы выступили.

Необычнее даже, чем сам корабль и его появление, была погрузка в него. Корабль возвышался как стальной утес, воздвигнутый для таинственных целей каким-то колдуном.

С другой стороны выгона теснились домишки Энсби, крытые соломой, извивались узкие улочки, зеленели поля пшеницы под нашим скудным английским солнцем. Даже замок, до того господствовавший над всей местностью, теперь казался сморщенным и серым.

Из множества площадок мы соорудили лестницу, ведущую в сверкающий столп, и вот уже ее заполнили краснолицые смеющиеся люди. Тут с ревом пробирается Джон Хеймворд — на одном плече у него лук, на другом — девица из таверны. Там йомен, вооруженный ржавым топором, участвовавшим, возможно, в битве при Гастингсе, и одетый в залатанный кафтан, шел в сопровождении ревущей жены, нагруженный домашним скарбом и сопровождаемый полудюжиной детей, цепляющихся за юбку жены.

Здесь лучник пытается упорно втянуть на трап сопротивляющегося мула, и его проклятия добавляют немало лет к сроку его пребывания в чистилище. Там парень ловил вырвавшуюся свинью. Тут шествовал богатый рыцарь в сопровождении леди, на руке которой сидел сокол. Там священник читал молитвы и с опаской шел в железную утробу. Всего на борт взошло около двух тысяч человек.

Корабль легко вместил их всех. Каждый значительный человек получил каюту для себя и своей леди, ибо многие взяли с собой жен

или любовниц, а некоторые и тех и других, чтобы сделать свое пребывание во Франции более приятным. Простой люд расположился на соломенных матрацах в пустых трюмах.

Бедный Энсби был совершенно покинут, и я частенько думаю, существует ли он до сих пор?..

Сэр Роже заставил Бранитара проделать несколько пробных полетов. Корабль бесшумно и плавно поднимался, когда Бранитар нажимал какие-то штучки в главной каюте. Управление было по-детски простым, хотя мы ничего не понимали в десятках кружочков и прямоугольников, покрытых языческими знаками, посреди многих дрожали маленькие стрелочки. Через меня Бранитар сказал сэру Роже, что корабль получает энергию, разрушая материю. (Невероятная чушь!) И что его машины могут уничтожать притяжение Земли. Это было бессмыслицей. Аристотель очень ясно объяснил, что предметы падают на землю, потому что это их природное свойство, и я не хотел вдумываться в неразумные идеи, к которым так склонны легкомысленные головы.

Несмотря на то что сам аббат оставался, он присоединился к отцу Симону при богослужении благословления корабля. Мы нарекли корабль «Крестоносцем». С нами на корабле отправлялись два капеллана, мы взяли также с собой волосы святого Венедикта, и все, кто отправлялся, исповедовались и получали отпущение грехов. Считалось, что мы полностью избавились от влияния зла, хотя у меня были на этот счет сомнения.

Мне отвели маленькую каюту по соседству с помещением, занимаемым сэром Роже, его женой и детьми. Бранитар содержался под стражей в соседней комнате. В мои обязанности входили обучение пленника латыни, работа переводчика, секретаря милорда и занятия с юным Робертом.

При отправлении в рулевой рубке находились сэр Роже, сэр Оливер, Бранитар и я. Это помещение, как и все остальные, не имело окон, но состояло из стеклянных прямоугольников, на которых было изображение Земли под нами и неба сверху. Я дрожал и читал молитвы, ибо не пристало христианину смотреть в кристаллы индийских магов.

— Ну, — сказал сэр Роже, повернув ко мне свое ястребиное лицо, — начнем! Через час мы будет во Франции.

Он уселся перед столом со множеством ручек и колесиков.

Бранитар сказал:

— Тренировочные полеты проходили только на несколько миль. Передайте вашему хозяину, что более длительные полеты требуют и более длительной подготовки.

Сэр Роже кивнул, когда я передал ему это.

— Хорошо, пусть занимается. — Меч его показался из ножен. — Но я буду следить за тем, куда мы летим, и при первом же признаке измены я...

— Сэр! — нахмурился Оливер Монтбелл. — Разумно ли это? Существо...

— Он наш пленник. В вас слишком сильны кельтские опасения, Оливер. Пусть начинает.

Бранитар сел. Мебель корабля не предназначалась для человека, но мы могли к ней приспособиться. Я следил за пленником, когда его руки начали двигаться над панелью управления. Глубокое гудение наполнило корабль. Я ничего не почувствовал, но Земля на нижнем экране начала удаляться. Это было волшебство. Борясь с охватившей меня тошнотой, я смотрел на экран, изображающий небо. Мы летели среди облаков, которые вблизи казались густым туманом. Это с очевидностью свидетельствовало о силе Господа, ибо известно, что ангелы часто сидят на облаках и не промокают.

— Теперь на юг! — приказал сэр Роже.

Бранитар усмехнулся, взглянул на приборы и дернул вниз какую-то ручку. Я услышал звук захлопывающегося замка. Ручка осталась внизу. Адское торжество сверкнуло в глазах Бранитара, когда он вскочил со своего сиденья и вскрикнул:

— Дело сделано! — Его латинский язык был ужасен. — Я послал вас на смерть. Вам конец!

— Что?! — воскликнул я.

Сэр Роже выругался. Он уже догадался, что сказал Бранитар, и ринулся на версгорца. Но его остановило зрелище, которое открывалось на экранах. Меч выпал из его рук, и пот выступил на его лице.

В самом деле, это было ужасно. Земля под нами уменьшалась, как будто падала в глубокий колодец. Вокруг нас голубое небо темнело, показались звезды, но это не была ночь, потому что солнце по-прежнему ярко светило на одном из экранов.

Сэр Оливер бормотал что-то по-уэльсски. Я упал на колени. Бранитар метнулся к двери, но сэр Роже успел схватить его за край одежды, и они вместе упали.

Сэр Оливер был парализован ужасом, и я тоже не мог оторвать глаз от ужасного зрелища, открывающегося перед нами. Земля уменьшилась до такой степени, что едва закрывала один из экранов. Она была голубой, усеянной темными пятнышками, и круглой. Да, да, круглой!

Новая, более низкая нота послышалась в помещении. Стрелки все новых приборов пробуждались к жизни. Мы двигались с невероятной, все увеличивающейся скоростью. Могучие силы, действующие на совершенно неизвестных нам принципах, уносили нас от Земли.

Я видел, как под нами проплыла Луна. Мы пролетели так близко от нее, что я мог разглядеть горы и осыпи на ней, окруженные черными тенями. Но ведь этого не могло быть! Всем известно, что Луна совершенно плоский круг. Всхлипывая, я старался избавиться от этой галлюцинации, от наваждения экранов, и не мог.

Сэр Роже одолел Бранитара и швырнул его на пол, почти потерявшего сознание. Тяжело дыша, рыцарь встал.

— Где мы? — выдохнул он. — Что с нами происходит?

— Мы поднимаемся, — простонал я. — Все выше...

И я зажал уши, читая молитвы, чтобы не оглохнуть от грохота, когда мы ударимся о первую кристаллическую сферу.

Спустя некоторое время, убедившись, что ничего не происходит, я открыл глаза и вновь взглянул на экраны. Земля и Луна отдалялись все больше и теперь были похожи на звезды голубого и золотого цвета. Настоящие звезды мерцали жестко, сверкая на фоне бесконечной тьмы. Мне показалось, что корабль все еще увеличивает скорость.

Сэр Роже прервал мои молитвы проклятием.

— Вначале рассчитаемся с предателем! — И он пнул Бранитара под ребра.

Версгорец сел и с вызовом посмотрел на него.

Я собрался с силами и сказал ему по-латыни:

— Что ты сделал? Ты умрешь в страшных мучениях, если не доставишь нас обратно.

Он встал, скрестил руки и гордо посмотрел на нас.

— Вы, варвары, хотели сравниться с умом цивилизованного существа! Делайте со мной что хотите, но когда путешествие подойдет к концу, я буду отмщен!

— Но что ты сделал?

Его окровавленный рот скривился в усмешке.

— Я передал управление кораблем пилоту-автомату. Теперь он сам управляет, все автоматизировано — вылет из атмосферы, переход в квазипространство, компенсация статических эффектов, сохранение искусственной гравитации и другие факторы жизненной среды обитания.

— Ну так поверни же обратно!

— Никто не может этого сделать, я тоже не могу, так как рукоять опущена. Она будет оставаться в таком положении, пока мы не прибудем на Териксан. Это ближайшая планета, населенная моим народом.

Я судорожно схватился за ручки рулевых приборов. Они не двигались.

Когда я рассказал обо всем рыцарям, сэр Оливер громко застонал.

А сэр Роже угрюмо сказал:

— Проверим, правда это или нет. Допросим его с пристрастием...

Через меня Бранитар с презрением ответил:

— Начинайте! Я вас не боюсь. Даже если вы сломаете мою волю, это бесполезно. Курс корабля изменить невозможно, его нельзя также остановить. Это устройство как раз и предназначено для ситуаций, когда корабль должен достичь цели, не имея на борту ни одного члена экипажа. Он замолчал, а потом искренне добавил: — Вы должны понять, что я не таю на вас злобы, вы безрассудно храбры, и я даже сожалею, что нам необходим ваш мир. Если вы освободите меня, я

вступлюсь за вас, когда мы прибудем на Териксан. Может быть, вас отпустят живыми.

Сэр Роже задумчиво тер пальцами подбородок. Я слышал, как скрипела под его пальцами щетина, хотя он и брился в прошедший четверг.

— Думаю, после прибытия корабль снова будет доступен управлению, — сказал он.

Я поразился его холодному спокойствию.

— Сможем ли мы тогда повернуть его назад и возвратиться домой? — спросил он.

— Я не поведу вас! — ответил Бранитар. — А одни вы, не умея читать навигационные карты, никогда не отыщете обратного пути. Мы будем от вашей планеты дальше, чем может пролететь свет за тысячу лет.

— Ты не должен считать нас неразумными дикарями, — оскорбился я. — Мы, как и вы, знаем, что свет распространяется бесконечно быстро.

Бранитар пожал плечами.

Глаза сэра Роже сверкнули, и он спросил:

— Когда мы прибудем?

— Через десять дней, но не из-за расстояния между звездами, хотя оно само по себе и огромно. Мы так поздно добрались до вас из-за этого расстояния. Уже триста лет как мы вышли в межзвездное пространство, но звезд очень много...

— Гм, — произнес сэр Роже. — Прибыв, мы сможем использовать этот отличный корабль с его бомбардами и ручным оружием. Версгорцы пожалеют о нашем прилете.

Я перевел это Бранитару, на что тот ответил:

— Я искренне советую вам сдаться. Конечно, оружие этого корабля может убить версгорца или разрушить город, но это для вас бесполезно. У нас есть силовые экраны, которые задерживают любой луч, а вот корабль так не защищен, так как генераторы силовых полей слишком громоздки. Орудия из крепостей уничтожат вас.

Выслушав его, сэр Роже лишь сказал:

— Что же, у нас есть на размышления еще десять дней. Видно окружающее пространство только из этой каюты. Придется выдумать какую-нибудь сказку, чтобы не пугать людей раньше времени.

Он вышел, и плащ развевался за ним, как два больших крыла.

ГЛАВА 4

Я был незначительным человеком, и многое происходило без моего участия. Но я попытаюсь как можно полнее описать события, используя догадки, чтобы дополнить недостаток моих сведений. Ведь священники на проповедях выслушивают много тайн и могут узнать или догадаться о многом. Полагаю, например, что сэр Роже отвел

леди Катрин в сторону и рассказал ей, как обстоят дела. Он надеялся встретить с ее стороны спокойствие и храбрость, но она разразилась слезами.

— Будь проклят тот день, когда я вышла за вас замуж! — кричала она. Ее прекрасное лицо сначала покраснело, потом побелело, и она топнула своей маленькой ножкой о стальной пол.

— Мало того, что ваша невоспитанность позорила меня перед королем и двором, заставляла проводить жизнь в берлоге, которую вы называете замком. Теперь вы в своем неуемном азарте рискуете жизнями и душами наших детей!

— Но, дорогая, — запинаясь, проговорил он. — Я ведь только...

— Да, вы были слишком глупы! Вам мало было отправиться во Францию, грабить и развратничать, вам еще захотелось проделать это с помощью воздушного гроба. Вы были настолько высокомерны, что поверили, будто демон боится вас и станет вашим рабом. О, Богоматерь Мария, какая у меня несчастная судьба!

И она, рыдая, ушла.

Сэр Роже посмотрел ей вслед, пока она не скрылась в своей каюте, а затем с тяжелым сердцем отправился осматривать свое войско.

Солдаты, расположившись в просторных трюмах, готовили ужин. Несмотря на разведенные костры, воздух в помещении оставался свежим и прохладным. Бранитар рассказал мне, что корабль снабжен специальной аппаратурой, которая восстанавливает жизненные силы атмосферы корабля. Меня несколько раздражали постоянно светящиеся стены и невозможность отличить день от ночи. Но простые солдаты, по-видимому, не обращали на это внимания. Они сидели вокруг костров, пили эль, хвастались, играли в кости и ловили блох — дикая, безбожная толпа, которая, тем не менее, относилась к своему лорду с подлинной преданностью.

Сэр Роже знáком подозвал к себе Рыжего Джона, чья огромная фигура резко выделялась среди солдат, и прошел с ним в соседнюю каюту.

— Ну, сэр, — заметил немного хмельной Джон Хеймворд, — я вижу, что путь во Францию почему-то затягивается?

— Наши планы... гм... несколько изменились, — осторожно сказал ему сэр Роже. — В той стране, откуда прилетел этот корабль, нас ждет богатая добыча. Захватив ее, мы наймем большую армию и разгромим всех наших противников.

Рыжий Джон рыгнул и почесал под доспехами.

— Если только мы не захватим больше, чем сможем удержать, сэр.

— Думаю, что этого не случится. Но мы должны подготовить людей и рассеять их страхи, если они возникнут.

— Это будет нелегко, сэр.

— Почему? Ведь я же сказал, что добыча будет богатой!

— Что ж, если вы хотите честного ответа, то вот он. Видите ли,

хотя мы и взяли с собой всех женщин из Энсби, и большинство из них незамужние, и... дружественно настроены к солдатам... Даже и тогда, сэр, остается фактом, что у нас вдвое больше мужчин, чем женщин. Француженки очень хороши, и, говорят, что сарацинки не хуже, хотя и ходят в чадре, но глядя на этих синекожих, которых мы победили, не скажешь, что их женщины хороши.

— Откуда вы знаете, что нас не ждет там прекрасная принцесса, которая обрадуется, увидев честное английское лицо?

— Так-то так, милорд...

— Тогда проследите, чтобы лучники были готовы к бою, когда мы прибудем.

Сэр Роже похлопал гиганта по плечу и пошел заводить подобные разговоры с остальными капитанами.

Несколько позже он передал мне их разговор о женщинах, и я не на шутку растревожился.

— Слава Богу, что он сделал этих синеликих не такими привлекательными! — воскликнул я. — Велика предусмотрительность Господа!

— Они, конечно, некрасивы, — заметил барон, — но вы уверены, что они не люди?

— Не знаю, сэр, — ответил я, подумав. — Но они не похожи ни на один народ на Земле, хотя ходят на двух ногах, имеют руки, речь и силу разума.

— Это, в конце концов, не важно!

— О, нет, напротив, это очень важно, сэр! Видите ли, если у них есть душа, то наша прямая обязанность наставить их на путь истинной веры. Но если у них нет души, то было бы богохульством давать им причастие.

— Это я предоставляю решать вам, — равнодушно ответил он.

Я заторопился в каюту Бранитара, которая охранялась несколькими копьеносцами.

— Что ты хочешь? — спросил он, когда я вошел и уселся в кресло.

— У тебя есть душа?

— Что это такое?

Я объяснил ему, что означает слово «спиритус», — он был удивлен.

— Вы в самом деле верите, что ваше миниатюрное подобие живет у вас в голове?

— О, нет, душа нематериальна. Она дает нам жизнь... Не совсем так, поскольку животные тоже живы, но она у нас...

— А, понимаю, разум?

— Нет, нет и нет. Душа это то, что живет и после смерти тела и подвергается суду за то, что совершил человек при жизни.

— Ага! Понимаю. Вы верите, что личность продолжает жить и после смерти. Интересная проблема! Если личность — это совокупность отношений, а не материальный объект, то, теоретически, эту

личность возможно передать другому субъекту. Та же система отношений воплотится в другом физическом объекте.

— Перестань молоть чепуху! — нетерпеливо воскликнул я. — Ты хуже альбинойцев. Расскажи мне простыми словами, есть ли у вас душа или нет?

— Наши ученые исследовали проблему личности в этом аспекте, но, насколько мне это известно, она еще не решена.

— Опять ты за свое! — вздохнул я. — Скажи мне просто, есть у тебя душа, или нет?

— Не знаю.

— Ты безнадежен, — выругал я его и вышел.

Впоследствии я обсуждал эту проблему с учеными прелатами, но, за исключением очевидного положения, что условное крещение может быть дано любому живому существу, желающему его получить, мы ничего не решили. Это дело Рима, а может быть, даже и Вселенского собора.

Пока происходили эти события, леди Катрин справилась со своими слезами и гордо шествовала по коридорам, пытаясь унять свое беспокойство. В длинном помещении, где обычно обедали капитаны, она обнаружила сэра Оливера, теребившего струны арфы.

При виде миледи он вскочил и поклонился.

— Миледи, какой прекрасный, можно сказать, ошеломляющий сюрприз!

Леди Катрин села на скамью.

— Где мы сейчас? — спросила она, внезапно поддавшись слабости.

Предположив, что она знает правду, он ответил:

— Не знаю. Солнце уменьшилось до такой степени, что затерялось среди звезд. — Невеселая улыбка осветила его темное лицо. — Но в этой комнате достаточно света...

Леди Катрин почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Она посмотрела на носки своих башмачков и, не желая того, улыбнулась.

— Мы в самом одиноком путешествии, какое только может себе представить человек, — сказал сэр Оливер. — Если леди позволит, я ознакомлю ее с песенным циклом, достойным ее красоты.

Леди Катрин не отказалась, и голос сэра Оливера заполнил комнату.

ГЛАВА 5

О продолжении путешествия мало что можно сказать.

Солдаты пьянствовали и задирались между собой. Крестьяне, когда не нужно было заботиться о скоте, спали и ели.

Сэр Оливер часто разговаривал с леди Катрин, и хотя сэру Роже это не нравилось, он не обращал на это большого внимания и был погружен в разработку каких-то планов.

Мы часто проводили время у Бранитара, который рассказывал нам о своей империи. Я не очень-то ему верил.

Бранитар поведал нам, что в Версгорскую империю входит около ста миров, подобных нашему. В каждом живет несколько миллионов версгорцев, которые любят простор. Города есть только на главной планете — Версгориксане, а на пограничных планетах, типа Териксана, есть крепости — базы космического флота.

Бранитар неустанно подчеркивал огневую мощь этих крепостей.

В открытых версгорцами мирах коренные жители или порабощались, или уничтожались. Сами версгорцы не занимались черной работой, поручая ее или рабам, или автоматам. Версгорцы — аристократия. Будучи порабощенными и безоружными, захваченные народы не имели шансов на успех освободиться от малочисленных, но до зубов вооруженных хозяев.

Сэр Роже пробормотал что-то о вооруженном восстании, но Бранитар рассмеялся и сказал, что Териксан никогда не был ранее заселен, и поэтому на нем лишь несколько сот рабов.

Сэр Роже спросил, только ли версгорцы умеют совершать межпланетные перелеты, на что Бранитар презрительно пожал плечами.

— Мы обнаружили три расы, которые независимо от нас владеют этим искусством. Они обитают в сфере нашей империи, но мы не покоряли их. Не стоит тратить время на войну, когда достаточно других планет. Мы позволили этим расам существовать и даже иметь небольшие колонии поблизости от наших планет, но не допустим их дальнейшего распространения. Было несколько небольших войн. Они не любят нас и знают, что, как только нам станет выгодно, мы покорим их, но перед нашим могуществом они бессильны...

По приказу сэра Роже я начал изучать язык версгорцев. Для Бранитара это было небольшим развлечением, а для меня отличным средством заглушить нарастающий страх. Их язык груб, но довольно прост в освоении.

В контрольной рубке корабля я обнаружил множество ящичков, заполненных картами и математическими таблицами. Надписи были сделаны удивительно четко, и я решил, что это навигационные указания. Я нашел карту планеты Териксан и перевел все названия. Сэр Роже долгие вечера просиживал над ней. Даже сарацинские карты, которые привез его дед, казались грубыми по сравнению с этой.

Хотя, с другой стороны, версгорцы и проявили недостаток культуры, не изобразив на ней русалок, карту ветров, гиппогрифа и другие изображения.

Я перевел также многие надписи и в контрольной рубке. Некоторые, как, например, «скорость» и «высота», были мне понятны, но что такое «подача горючего» или какова разница между «досветовым полетом» и «послесветовым полетом»? Вероятно, это были хотя и непонятные, но весьма могущественные заклинания.

Так тянулись однообразные дни, пока мы не увидели планету, похожую на нашу, но с двумя лунами. Когда я увидел голубое небо, я со страхом и благодарностью опустился на колени.

Рукоятка на пульте управления щелкнула и встала на место, в верхнее положение. Корабль остановился и повис в миле от поверхности планеты. Мы достигли Териксана...

ГЛАВА 6

Сэр Роже вызвал в рубку меня, сэра Оливера, Рыжего Джона. Последний тащил на цепи за собой Бранитара.

Взглянув на экраны, лучник разразился проклятиями. По кораблю разнеслись команды вооружаться. Двое рыцарей уже находились в полном облачении в коридоре. Их ждали оруженосцы со шлемами и щитами. В трюмах ржали лошади. Женщины и дети сгрудились в коридорах с расширенными от страха глазами.

— Итак, мы прибыли, — сказал сэр Роже, и было жутко видеть его мальчишескую радость, в то время как остальные с трудом дышали и потели так, что вскоре воздух заполнился запахом множества тел.

Но сражение, пусть даже с силами ада, было для них понятным и привычным делом.

На вопрос сэра Роже, где именно на планете мы находимся, Бранитар нажал на одну из множества кнопок, находящихся на пульте управления. Один из темных экранов засветился, показывая карту.

Я сопоставил отметки на ней с картой, которую держал в руках.

— Крепость Гантурак лежит примерно в ста милях к северу отсюда, милорд, — сказал я.

Немного усвоивший английский, Бранитар кивнул в знак согласия.

— Гантурак — самая маленькая из базовых крепостей. — Дальше он вынужден был излагать свою похвальбу по-латыни. — Но и там находятся многочисленные космические корабли и армады других летательных средств. Боевое вооружение с поверхности может уничтожить любой корабль, а защитные экраны сделают ваше оружие бесполезным. Вам лучше сдаться.

— Может, это самое мудрое решение? — спросил сэр Оливер.

— Что?! — воскликнул сэр Роже. — Англичанин боится битвы?

— Но женщины и маленькие дети, что с ними будет?

— Я не богат и не могу заплатить выкуп.

Гремя своим вооружением, сэр Роже уселся в кресло пилота и привел в действие приборы управления.

Через нижний экран я видел, как земля этой планеты проносится под нами. От родной планеты ее отличала густо-синяя раститель-

ность. Не считая редких круглых построек, местность была необитаемой.

Затянувшееся молчание прервал резкий голос, говоривший на языке синелицых. Мы перекрестились от неожиданности и огляделись. Звук исходил из маленького черного ящичка на главном контрольном пульте.

— Черт возьми! — Рыжий Джон выхватил из ножен свой кинжал. — Здесь все время был шпион! Дайте мне возможность, сэр, и я заставлю его выйти оттуда!

Бранитар сумел разобрать нехитрый смысл его слов. Смех вырвался из его толстой синей глотки.

— Голос приходит издалека, по волнам, подобным световым, но более длинным, — пояснил он.

— Говори понятнее, — потребовал я.

— Нас запрашивает наблюдатель из крепости Гантурак.

Сэр Роже только коротко кивнул, когда я перевел это ему.

— Голос доносится из воздуха, и это ничто по сравнению с тем, что мы уже видели, — сказал он. — Что хочет от нас этот парень?

— Я разобрал только несколько слов из всей фразы, но общий смысл понял:

«Кто вы? Крепость не является обычным местом для посадки разведывательных кораблей. Почему вы вторгаетесь в запретную зону?»

— Успокой их, — сказал я Бранитару. — И помни, я пойму, если ты попытаешься предать нас.

Он только пожал плечами, хотя все лицо его блестело от выступившего пота.

— Возвращается разведывательный корабль 587-ЗИН. Срочное сообщение. Необходима остановка над базой.

Голос выразил согласие, но предупредил, что если мы спустимся ниже, чем на сто антакс (примерно полмили), то будем уничтожены.

Мы должны висеть в воздухе до тех пор, пока на борт не поднимется патруль.

Вскоре показался и сам Гантурак: плотная масса куполов и цилиндров, стальные остовы, покрытые особым камнем, как мы узнали впоследствии. Строения образовывали круг примерно тысячу футов в диаметре. В полумиле к северу находилась меньшая группа зданий. При помощи увеличительных экранов мы увидели там стволы огромных бомбард.

Еще до того как мы остановились, над обеими частями крепости появилось бледно-голубое свечение. Бранитар указал нам на небо.

— Защитные экраны. Ваши выстрелы будут отражены. При удачном стечении обстоятельств можно попасть в одну из этих бомбард — в момент выстрела экраны снимаются. Не слишком легкая цель...

В воздухе появилось несколько яйцеобразных металлических предметов, казавшихся мошками по сравнению с размерами

«Крестоносца». Множество таких кораблей мы видели на Земле в главной части крепости.

— Так я и думал. — Сэр Роже кивнул. — Защитные экраны, возможно, останавливают лучи орудий, но корабли проходят.

— Верно, — подтвердил с моей помощью Бранитар. — Вы можете сбросить один или два снаряда со взрывчаткой, но подземные орудия рано или поздно уничтожат вас.

— Ага! — Сэр Роже испытующе изучал лицо версгорца до тех пор, пока оно не посерело.

— Значит, у вас есть взрывчатые снаряды? Несомненно, они есть и на борту корабля. Ты никогда не говорил мне об этом. Ну ладно, вспомним об этом позже. — Он ткнул пальцем в сторону сэра Оливера и Рыжего Джона. — Вы двое видели местность, возвращайтесь к людям и будьте готовы высадиться, как только мы приземлимся.

Они ушли, нервно поглядывая на экраны.

Воздушные корабли были совсем близко, и сэр Роже взялся обеими руками за штурвал, управляющий огнем наших бомбард. Мы уже знали, что эти огромные орудия сами наводятся на цель и стреляют, и даже попрактиковались в стрельбе.

Когда патрульные корабли подошли совсем близко, сэр Роже повернул штурвал. Адские лучи вырвались из наших бомбард, и пламя охватило патрульные корабли. Я увидел, как ближайший к нам корабль был расколот надвое этим огненным мечом. Другой раскалился добела и так же, как и третий, взорвался. Прогремел гром, затем все, что я видел, стало обломками расплавленного металла.

Затем сэр Роже проверил утверждение Бранитара. Тот говорил правду. Бледно-голубой экран отразил наши лучи. Барон нахмурился.

— Я предвидел это. Нам лучше спуститься, прежде чем они пришлют настоящие военные корабли, чтобы расправиться с нами, или откроют огонь с Земли...

Продолжая говорить, он направил корабль вниз. Мы были слишком низко, и огонь лишь коснулся нас. Я увидел летящие навстречу здания Гантурака и приготовился к смерти.

Скрежет и дрожь по телу корабля. Одна из башен пронзила его насквозь. Невероятно тяжелый, в две тысячи футов длиной, «Крестоносец» придавил половину Гантурака.

Еще не замерли двигатели, а сэр Роже уже был на ногах.

— Ура! — закричал он. — Бог поможет правым!

И он побежал по наклонившейся и вздыбленной палубе. Выхватив у насмерть перепуганного оруженосца шлем, он вскочил в седло. Оруженосец последовал за ним с дрожащими губами, но крепко держа щит де Турневиля.

Бранитар безмолвно сел. Я подобрал рясу и отправился искать сержанта, который должен был караулить пленника. Разыскав его, я получил возможность наблюдать за сражением.

«Крестоносец» опустился на крепость всей своей длиной, а не кормой, и не опрокинулся лишь благодаря генератору искусственного тяготения.

Опустошение царило вокруг нас. Сэр Роже со своей кавалерией был уже снаружи. Он не стал собирать своих солдат, а сразу ударил по ближайшему скоплению врага. Его меч и копье разили насмерть. Его подчиненные, кроме обычного холодного оружия, пользовались ручными бомбардами, захваченными на корабле.

Теперь вперед выдвинулись лучники и легко вооруженные солдаты. Возможно, испуг сделал их такими страшными. Они сблизились с версгорцами, прежде чем те сумели пустить в ход свое огненное оружие. Схватка перешла в рукопашную.

Когда пространство вокруг сэра Роже очистилось, он отступил на своей черной кобыле. Раздался ревущий звук трубы, отзывающий тяжелую кавалерию. Рыцари, более дисциплинированные, чем простые солдаты, тотчас же вырвались из столпотворения и присоединились к своему барону. Довольно много закованных в броню людей на лошадях столпилось вокруг барона.

Его рука в металлической перчатке указала на меньшую крепость, где бомбарды уже прекратили свою беспорядочную стрельбу.

— Надо захватить ее прежде, чем они опомнятся. Вперед, за мной, англичане, во славу Бога и Святого Георгия!

Он взял новое копье из рук оруженосца и поскакал вперед. Топот копыт, сотрясающий поверхность планеты, следовал за ним.

Версгорцы, находящиеся в меньшей крепости, пытались отбить нападение. У них было несколько разновидностей ружей и взрывчатые снаряды, бросаемые вручную. Они сбили несколько наших всадников, но расстояние было слишком мало, к тому же они были сбиты с толку и испуганы...

Нет зрелища более ужасного, чем атака тяжело вооруженной кавалерии. Беда версгорцев была в том, что они в своем развитии зашли слишком далеко. Они считали сражения на земле устаревшими и оказались слишком слабыми и плохо вооруженными, когда это произошло. Правда, они владели огненными луками и экранами, защищавшими их от лучей, но не подумали, что надо поставить еще и проволочные ежи.

Страшный напор рыцарей сокрушил линию обороны версгорцев, смешал их с грязью и промчался дальше.

Впереди виднелись развалины одного из зданий, где готовился к взлету небольшой космический корабль, который, однако, был больше любого земного морского корабля. Он стоял на корме, его машины выли. Вот-вот он взлетит и сожжет нас сверху. Сэр Роже кинул на него свою кавалерию. Древки копий у людей сломались, кони и люди падали от столкновения с кораблем на землю. Но подумайте, кавалерист несет свой вес и вес вооружения, да и лошадь весит не менее пятисот фунтов, и все это несется со скоростью

несколько миль в час. Удар от столкновения был страшен. Корабль был сбит. Он лежал на боку, искалеченный, а крепость затопили люди сэра Роже. Версгорцы умирали как мухи. Или, вернее, на мух были похожи эти игрушечные лодки, парящие сверху и неспособные выстрелить, так как в схватке они непременно попали бы в своих. Разумеется, сэр Роже все равно убивал их, но когда сверху разобрались в ситуации, было уже поздно.

Схватка продолжалась и в главной крепости. По-прежнему здесь творилось столпотворение, и Джон Хеймворд решил ввести в бой своих лучников. Он построил их и повел через открытое пространство на помощь сэру Роже.

Словно стая хищных ястребов, патрульные лодки начали быстро снижаться. Наконец-то они нашли свою добычу. Их огненные лучи не были рассчитаны на большое расстояние, и они снизились почти до земли. При первом же залпе упало двое лучников. Но тут Рыжий Джон выкрикнул приказ.

Внезапно тучи стрел заполнили небо. Оперенное древко, выпущенное шестифутовым тисовым луком, пробивает вооруженного всадника и лошадь под ним. Эти маленькие дежурные лодки ухудшили свое положение тем, что летели ровным строем, как гуси, и ни одна из них не спаслась. Измятые, с пилотами, похожими на ежей, они рухнули вниз, а лучники, прокричав слова торжества, бросились на соединение со своими товарищами.

Сбитый копьеносцами космический корабль имел экипаж, члены которого наконец пришли в себя от испуга. Внезапно из башни корабля одна из бомбард изрыгнула пламя. Это не был гром, обрушивающий стены. Ближайший к кораблю всадник и лошадь, охваченные пламенем, мгновенно погибли. Рыжий Джон ухватился за один конец балки, и пятьдесят человек, в едином порыве, бросились ему на помощь. Несколько мощных ударов, и английские йомены ворвались в корабль.

Битва за Гантурак продолжалась несколько часов, но большая часть времени ушла на поиски спрятавшихся версгорцев. У нас было убито около десяти человек, раненых не было. Если огненный луч попадал в цель, то убивал наверняка. У противника пало около трехсот синекожих, и еще столько же попало в плен. Вероятно, около сотни убежало и теперь весть о нашем нападении дойдет до ближайших поселений, до которых было, однако, не близко. Очевидно, быстрота нашей атаки позволила вывести из строя передатчик Гантурака, прежде чем по нему успели что-либо передать.

Но самое страшное обнаружилось позднее. Мы не горевали о потере «Крестоносца» — у нас теперь было несколько кораблей, но при ударе погибли все навигационные карты.

Но сейчас мы торжествовали. Раскрасневшийся и вспотевший, в обожженных и измятых доспехах, сэр Роже де Турневиль на усталой лошади въехал в главную крепость. За ним двигались копьеносцы,

лучники, йомены, оборванные и избитые. Их плечи сгибались от усталости, но на их губах была молитва, она вздымалась к незнакомым созвездиям, мерцавшим над нашими головами, и знамена гордо развевались на фоне темного неба.

Поле боя осталось за нами!

Как прекрасно быть англичанином!

ГЛАВА 7

Мы разбили лагерь рядом с меньшей крепостью. Солдаты, набрав в лесу хвороста, разожгли костры и теперь ждали, когда в котлах приготовится ужин. Лошади щипали местную траву, не очень довольные ее вкусом. Неподалеку, под охраной нескольких копьеносцев, находились пленные синекожие, подавленные и не верящие в происшедшее. Мне немного было жаль этих, не знающих Бога существ, хотя их господство было бы жестоким.

Сэр Роже предложил мне присоединиться к его капитанам, которые расположились неподалеку от орудийной башни. Подготовив ее орудия к отражению контратаки, мы старались не думать о том, как ужасно вооружен наш враг.

Для благородных леди поставили палатки. Большинство из них отправилось спать, но леди Катрин сидела на стуле, освещенная костром, и с твердо сжатым ртом слушала наши разговоры.

Усталые капитаны растянулись на земле. Я видел, как сэр Оливер Монтбелл лениво перебирает струны арфы, рядом с ним расположился весь покрытый шрамами, обожженный старый сэр Брайан Фиту-Вильям, третий благородный рыцарь, принимавший участие в этом походе. Немного дальше — огромный Альфред Эдгарсон, честнейший из саксонских франклинов. Насмешливый Томас Баллард пробовал ладонью лезвие своего меча. Рыжий Джон Хеймворд сиял, так как из всех собравшихся он был более низким по происхождению.

Сэр Роже стоял выпрямившись и скрестив руки на своей груди. Сняв, подобно остальным, латы, он выглядел скромнее любого из своих сержантов. Но стоило взглянуть на его мускулистое лицо и послушать его речь, то сразу становилось ясно, кто здесь предводитель.

Он кивнул, когда я подошел.

— Вот и вы, брат Парвус. Садитесь и берите стакан. У вас ясная голова, а сегодня мы, как никогда, нуждаемся в добром совете.

Здесь не было знакомых звуков, только равномерное гудение и звон доносились до нас. Чужие запахи были еще более странными и беспокоящими.

— Ну, — сказал милорд, — милость Господа помогла нам выиграть первое сражение. Теперь надлежит решить, что же делать дальше?

— Я думаю... — Сэр Оливер прочистил горло и торопливо заговорил: — Нет, джентльмены, я уверен, Бог помогает нам. Но перестанет помогать нам, если мы проявим гордыню. Мы захватили редкую добычу, и с этим оружием мы много добьемся дома. Нужно возвращаться.

Сэр Роже потер подбородок.

— Я охотно остался бы здесь, но вы во многом правы, мой друг. Освободив Святую землю, мы вновь сможем вернуться сюда и расправиться с этим дьявольским гнездом.

— Да, — кивнул сэр Брайан. — Мы слишком одиноки теперь и отягощены женщинами, детьми и скотом. Несколько солдат против целой империи — это безумие.

— Но я охотнее преломил бы копье об этих версгорцев еще раз, — заметил Альфред Эдгарсон. — Я не добыл еще золота.

— Золото бесполезно, пока мы не доставим его в Англию, — напомнил капитан Баллард. Плохо воевать на безводной и знойной Святой земле, но здесь мы даже не знаем, какие растения ядовиты и какая здесь зима. Лучше завтра же отправиться назад.

Гул всеобщего одобрения сопровождал его слова. Я откашлялся. С Бранитаром я провел весьма неприятный час.

— Милорд...

— Да...

— Милорд, мы не можем найти пути домой.

— Что?

Все в едином порыве потребовали объяснений. Я объяснил, что все навигационные карты уничтожены, контрольная рубка оплавлена, по-видимому, через трещину в корпусе в нее проник огненный луч и...

— Но Бранитар знает дорогу, — прервал меня Рыжий Джон. — Он сам прокладывал ее, и я вырву из него это, милорд!

— Не торопись, — посоветовал я. — Ведь это не плавание вдоль берегов Англии, где известны все приметы. Это вся Вселенная, с бесчисленным количеством звезд. Это был разведывательный полет, и без записей капитана можно всю жизнь провести в поисках и никогда не найти нашего Солнца.

— Но разве Бранитар не помнит? — воскликнул сэр Оливер.

— Помнит сотни чисел? Никто не может запомнить их, а он не капитан, не пилот, фактически он был пленником этих дьявольских машин...

— Довольно! — Сэр Роже прикусил губу. — Но постой, разве курс «Крестоносца» не был известен герцогу, который послал его?

— Нет, милорд. Версгорцы идут в разведку только по желанию своего капитана, и пока они не вернутся, никто не знает, где они.

Поднялся ропот. Это были крепкие люди, но услышанное испугало бы любого. Сэр Роже подошел к жене и взял ее за руку.

— Мне жаль, дорогая, — пробормотал он.

Но она отвернулась от него.

Сэр Оливер поднялся. Костяшки его пальцев побелели.

— Это вы привели нас всех сюда! — воскликнул он. — Привели на смерть и проклятие перед небом! Вы довольны?!

Сэр Роже положил руку на рукоять меча.

— Спокойно! — проревел он. — Вы все согласились с моим планом. Никто не был принужден насильно. Теперь мы должны разделить нашу ношу, и пусть Бог сжалится над нами!

Младший рыцарь что-то негодующе пробормотал, но сел.

Меня ужасно удивило самообладание сэра Роже. Несомненно, он был вождем. Я отношу это за счет крови короля Вильгельма Завоевателя и незаконной дочери Эрла Годфри, позднее объявленного вне закона за пиратство, — основателя благородного рода де Турневилей.

— Предположим, — сказал барон, — все еще не так плохо. Будем действовать храбро, и победа будет за нами. У нас много пленников, за которых мы можем потребовать выкуп. Я думаю, что и пленники нам помогут. Многие из них умеют обращаться с этим адским оружием... Враги могут, конечно, использовать и другое оружие, но что нам от этого? Не в первый раз храбрый человек побеждает армию, которая кажется сильнее его. В худшем случае мы можем отступить. У нас достаточно небесных кораблей, мы вполне можем избежать преследования! Торговаться из-за выкупа; бороться в случае необходимости; поддерживать веру в Господа. Несомненно, что тот, кто остановил Солнце для Иисуса Навина, сможет уничтожить миллионы версгорцев, если ему это будет угодно. Добившись соглашения с врагами, мы заставим их найти наш дом, набить корабли золотом. Говорю вам: смелей! Во славу Господа, за честь Англии, за обогащение всех нас!

Он увлек их всех, заразил их своей верой, и они в конце концов стали выкрикивать приветствия в его адрес. Собравшись вокруг него, они положили руки на его огромный меч и поклялись сражаться вместе, пока не минет опасность. Потом они целый час разрабатывали дальнейшие планы, большинство которых остались неосуществленными, ибо человек предполагает, а Бог располагает.

В конце концов все разошлись спать.

Я видел, как милорд взял жену за руку, чтобы отвести ее в палатку, когда она заговорила резким шепотом. Она не слушала его возражений, а стоя в темноте враждебной ночи, обвиняла его. Большая луна освещала их холодным светом. Плечи сэра Роже поникли. Он повернулся и медленно отошел прочь. Завернувшись в одеяло, он уснул в росистом поле.

Странно, что храбрейший из мужчин так беспомощен перед лицом слабой женщины. Он казался слабым и побежденным, лежа под открытым небом. И я подумал, что это предвещает всем нам несчастье...

ГЛАВА 8

Вначале мы все не обратили на это внимания, потому что слишком устали и слишком долго спали. Но когда я открыл глаза и увидел, что все еще темно, я замерил движение звезд над деревьями. Ах, как медленно они двигались! Ночи здесь намного длиннее земных.

Это само по себе встревожило наших людей. А тот факт, что мы не можем улететь (теперь уже нельзя было скрыть, что нас привело сюда предательство, а не желание), испугал многих. Но, в конце концов, они привыкли полагаться на решение барона.

Каково же было наше удивление, когда еще задолго до настоящего рассвета появились корабли противника!

— Держитесь храбро! — посоветовал я Рыжему Джону, когда он со своими людьми дрожал в предрассветном тумане. — Они не волшебники. Просто они умеют переговариваться на больших расстояниях. Как только один из беглецов добрался до ближайшего жилища, известие о нас быстро распространилось.

— Что ж, — резко ответил Джон Хеймворд, — если это не волшебство, я хотел бы знать, что же это все-таки?

— Но даже если это и волшебство, вы не должны его бояться, ибо черная магия бессильна против добрых христиан. Но я еще раз повторяю вам, что это только высокое знание механики и военного искусства.

— А они-то превосходят доб... добрых христиан, — проворчал, заикаясь, кто-то из лучников, но Джон заставил его замолчать, пока я проклинал свой болтливый язык.

В неровном, бледном свете дрожавших звезд мы видели множество кораблей, некоторые из них были так же велики, как и наш разбитый «Крестоносец». Колени мои под рясой дрожали. Конечно, все мы были под защитой экрана малой крепости, который так и не выключили. Наши оружейники обнаружили, что управление подземными бомбами так же просто, как и на нашем корабле, и были готовы к стрельбе. Однако я знал, что у нас нет настоящей защиты, если будет сброшен один из тех мощных взрывчатых снарядов, о которых я много слышал от Бранитара, или версгорцы будут атаковать нас пешим строем, просто задавив нас своей численностью, не считаясь с потерями.

Но эти корабли продолжали парить в полной тишине под незнакомыми звездами. Когда наконец белесый рассвет заиграл на боках кораблей, я оставил лучников и побрел по влажной траве к кавалерии.

Сидя в седле, сэр Роже глядел в небо. Он был вооружен с ног до головы. Шлем он держал на сгибе руки, и никто, глядя на его лицо, не сказал бы, что он почти не спал ночью.

— Доброе утро, брат Парвус. Какой долгой была тьма...

Сэр Оливер тоже был в седле и тоже глядел в небо, поминутно облизывая губы. Он был бледен, и его большие глаза с длинными

ресницами были обведены темными кругами. Перекрестившись, он сказал:

— Даже зимняя ночь в Англии не так долга.

— Тем больше будет дневного света, — заметил сэр Роже.

Теперь, когда ему предстояло иметь дело не с женщиной, а с врагами, он казался довольным.

— Почему они не нападают? — сдавленно выкрикнул сэр Оливер, и голос его прозвучал как треснувшая ветка? — Чего они ждут?

— Это очевидно, и я думаю, что об этом и не стоит упоминать, — ответил сэр Роже. — А разве у них недостаточно оснований бояться нас?

— Что? — удивился я. — О, сэр, разумеется, мы англичане, однако...

Мой взгляд скользнул по нескольким жалким палаткам, раскинутым у крепостной стены, по оборванным и закопченным солдатам, по женщинам, старикам и плачущим детям; по коровам, свиньям и овцам, за которыми присматривали бранящиеся йомены; по котлам, где булькала похлебка, и остановился на рыцаре.

— Однако, милорд, — закончил я, — в данный момент мы скорее похожи на французов...

Барон улыбнулся.

— Что они знают о французах и англичанах? Кстати, мой дед участвовал в битве при Баннекбери, где горсть оборванных шотландцев с пиками наголову разбила кавалерию Эдварда Одиннадцатого. Все, что версгорцы знают о нас, это то, что мы внезапно появились откуда-то и, если похвальбы Бранитара правдивы, сделали то, что до сих пор никому не удавалось: захватили одну из их крепостей! Думаю, что на месте их коннетабля, я бы тоже действовал осторожней.

Хохот, поднявшийся между всадниками, перебросился на пехотинцев, и вскоре весь лагерь был охвачен им. Я видел, как задрожали пленники и прижались друг к другу, испугавшись того волчьего воя, который пронесся над полем.

Когда солнце взошло, несколько версгорских кораблей медленно и осторожно приземлились в миле от нас. Мы не стреляли, поэтому они, набравшись храбрости, начали воздвигать в поле какое-то сооружение.

— Вы позволяете возводить им замок у себя под носом? — воскликнул Томас Баллард.

— Это лучше, чем если бы они сейчас напали на нас. Пусть почувствуют себя пока в безопасности, — ответил барон и сухо улыбнулся. — Я хочу показать, что мы согласны на перемирие. Помните, друзья, что лучшее оружие сейчас — язык.

Вскоре приземлились еще несколько версгорских кораблей, образовав круг, похожий на Стоунхеджи, который гиганты воздвигли в Англии еще до потопа, и вокруг этого пространства засветился

защитный экран, появились передвижные бомбарды, а сверху закружили патрульные лодки. Только после этого они послали герольда.

Приземистая прямоугольная фигура смело двигалась по полю, хотя герольд знал, что мы можем открыть по нему стрельбу. Металлические доспехи ослепительно сверкали в лучах утреннего солнца, и мы ясно видели, что руки у герольда пусты.

Сэр Роже сам выехал ему навстречу, а я, читая молитвы, последовал за ним.

Версгорец вздрогнул, когда на него надвинулась кобыла с блестящей металлической башней на ней, но не теряя присутствия духа, он сказал:

— Если вы будете вести себя как следует, то я не уничтожу вас во время переговоров.

Выслушав перевод, сэр Роже усмехнулся:

— Скажи этому хвастуну, что я в свою очередь придержу наши молнии, хотя они могут вполне сжечь весь их лагерь.

— Но в нашем распоряжении нет никаких молний, сэр, — возразил я. — Так утверждать нечестно!

— Вы передадите мои слова точно и с достаточно правдивым лицом, брат Парвус, или на себе испытаете мои молнии!

Пришлось повиноваться. О, что я вынужден был говорить! Я весьма уважаю милорда, но когда он заговорил о своем небольшом поместье, занимающем всего три планеты, о своей победе над четырьмя миллионами язычников и о том, как он в одиночку, на пари, захватил Константинополь, или о том, как он во Франции за одну ночь двести раз осуществил право синьора (в эту ночь было двести крестьянских свадеб), и так далее... его слова шокировали меня. Единственным утешением было то, что из-за моего слабого знания версгорского, герольд понял лишь то, что перед ним могущественный рыцарь, способный победить его в любой схватке.

Поэтому он, от имени своего господина, согласился заключить перемирие и обсудить создавшееся положение в убежище, которое будет сооружено на полпути между лагерями. Каждая сторона отправит туда в полдень десяток представителей, но без оружия.

— Итак, — весело воскликнул сэр Роже, когда мы возвращались обратно, — неплохо я проделал это, верно?

— Хм... Конечно, Святой Георг или, точнее, Святой Днемас, покровитель воров, помогли вам в переговорах, но...

— Что? Не бойся говорить прямо, брат Парвус. Я часто думаю, что на твоих щуплых плечах находится голова лучшая, чем у всех моих капитанов вместе взятых.

— Милорд, вам удалось обмануть их только на время. Как вы и говорили, они будут осторожны до тех пор, пока не изучат нас. И все же, долго ли мы сможем дурачить их?

У них богатый опыт общения с разными расами, живущими в разных условиях. Разве не сумеют они по нашей малочисленности,

по древнему и примитивному оружию, отсутствию собственных космических кораблей обнаружить истину и напасть на нас превосходящими силами?

Он сжал губы и поглядел на навес, где находились жена и дети.

— Конечно, вы правы. Я надеюсь задержать их на очень короткое время.

— А что потом?

— Не знаю... Но это моя тайна, вы поняли? Я говорю это только вам. Стоит нашим людям узнать истинное положение, понять, насколько мы беспомощны... и все погибло.

Я кивнул. Сэр Роже пришпорил свою лошадь и, крича, как мальчишка, галопом поскакал в лагерь...

ГЛАВА 9

Перед полуднем барон собрал всех на совет.

— Благодаря Господу, — сказал он, — мы выиграли время. Вы заметили, что мне удалось заставить их посадить свои корабли. И время, которое мы получили, надо израсходовать с пользой. Необходимо обыскать крепость. Нам особенно нужны карты, книги и другие сведения. Наши механики и оружейники должны разобраться со всеми машинами. Мы должны сравняться с ними в военном искусстве, но все это надо сделать тайно от версгорцев. Ибо если кто-нибудь из них увидит, что мы ничего не понимаем в этих сложностях...

Он улыбнулся и провел пальцами поперек горла. Добрый отец Симон, капеллан сэра Роже, слегка позеленел.

— Неужели?

Сэр Роже утвердительно кивнул.

— Для вас у меня тоже есть работа. Брат Парвус нужен мне как переводчик, но у нас есть пленник, Бранитар, который говорит по-латыни...

— Я этого не утверждал, сэр, — вмешался я, — его склонения ужасны, а то, что он делает с неправильными глаголами, нельзя описать в компании джентльменов.

— Тем не менее, пока он достаточно не овладеет английским, для разговора с ним нужен священник. Видите ли, Бранитар должен выяснить, что могут делать наши пленники и расспросить их, если это понадобится.

— Но будет ли он делать это? — спросил отец Симон. — Он самый упорствующий язычник, сын мой, если у него вообще есть душа. Несколько дней назад, еще на корабле, я громко читал ему перечисление поколений от Адама до Ноя. Он с трудом выдержал до Дхиреда, а потом уснул.

— Приведите его сюда, — приказал милорд, — а также пусть отыщут одноглазого Губерта. Пусть придет сюда в полном облачении.

В ожидании мы обменивались негромкими фразами.

Альфред Эдгарсон спросил меня:

— Брат Парвус, а что беспокоит вас? Мне кажется, что вам бояться нечего. Большинству из нас, если мы ведем себя достойно, не грозит ничего, кроме потения в чистилище. А затем мы присоединимся к святому Михаилу, охраняющему стены Небесного храма, разве не так?

Я не хотел пугать их, говоря о том, что меня беспокоит, но когда они настояли на своем, сказал:

— Увы, добрые люди, возможно, все мы — великие грешники.

— Ну? — рявкнул сэр Брайан Фиту-Вильям. — В чем дело? Перестаньте хныкать!

— У нас не было возможности точно отмечать время в путешествии, — прошептал я. — Песочные часы очень неточны, а прибыв в это дьявольское место, мы даже забыли их переворачивать. Сколько длятся здесь день и ночь? Какое время сейчас на Земле?

Сэр Брайан выглядел удивленным.

— Не знаю. Ну и что с того?

— Убежден, что вы завтракали ляжкой быка, а вы уверены, что сейчас не пятница?

Все сидевшие за столом, воззрились друг на друга круглыми глазами.

— А когда воскресенье? — воскликнул я. — Можете ли вы мне сказать, когда пост? Как соблюдать великий пост в Пасху, когда две луны этого мира сбивают все наши расчеты, и мы ничего не знаем наверняка?

— Мы погибли! — Томас Баллард закрыл лицо руками.

Сэр Роже встал.

— Нет! Я не священник и даже не очень набожен, но разве не сам Господь сказал, что суббота создана для человека, а не человек — для субботы?

Отец Симон поглядел на него с сомнением.

— Я могу дать особое отпущение грехов, с учетом чрезвычайных обстоятельств, но не уверен, насколько простирается моя власть.

— Мне это не очень нравится, — пробормотал Баллард. — Я вижу в этом знак, что Господь отвернулся от нас, не давая нам возможности отмечать посты и праздники.

Сэр Роже покраснел. Еще с минуту он наблюдал, что храбрость покидает его товарищей, как вино разбитую чашку. Потом, овладев собой, он громко рассмеялся и воскликнул:

— Разве Господь не велел верующим в него идти так далеко и нести слово его, и он всегда будет с нами? Но мы не будем обсуждать его цитаты. Возможно, в этом мы согрешили. Но в любом случае человек не должен пресмыкаться, он должен стараться улучшить свое положение. Мы дадим хорошее возмещение. Кстати о возмещении... Разве плохо сжать Версгорскую империю в поисках выкупа так, что

лопнут желтые глаза ее императора? И это докажет, что сам Господь, наш Бог направил нас на эту войну!

Он выхватил свой меч, молнией блеснувший при дневном свете, и, держа его крестообразной рукояткой вверх, сказал:

— Этим моим оружием, которое и есть знак креста, клянусь бороться во славу Господа! Этим лезвием я добуду победу!

Все испустили победный клич, только Баллард выглядел по-прежнему хмуро. Сэр Роже наклонился к капитану, и я услышал его свистящий шепот:

— Доказательством моей правоты будет то, что я убью, как собаку, любого, кто не согласится со мной...

В сущности, как я понял, барон в своей резкой манере сказал правду.

В скором времени тяжело вооруженный всадник привел Бранитара.

— Добрый день, — добродушно сказал сэр Роже. — Мы хотим, чтобы ты помог нам допрашивать пленных, а также помог разобраться в оружии и механизмах.

Когда я это перевел, версгорец с воинской гордостью выпрямился.

— Не трать зря слов, — ответил он. — Убей меня, и кончим на этом. Я недооценил ваши возможности, и это привело к многочисленным жертвам моего народа. Больше я не предам их.

Сэр Роже кивнул.

— Я ожидал это. Где одноглазый Губерт?

— Здесь, сэр. Добрый старый Губерт здесь. — И вперед выступил палач барона. Одной ужасно костлявой рукой он держал топор, веревка с петлей была обмотана вокруг тела.

— Я бродил неподалеку, сэр, собирал цветы для моей меньшей внучки. Вы ее знаете, маленькая такая девочка с длинными золотистыми волосами. На них так хорош будет венок из маргариток. Я надеялся найти цветы, которые напоминали бы ей наши дорогие линкольнширские маргаритки, мы сплели бы вместе с ней венок...

— Для тебя есть работа. Этот синелицый упрямец... Ты можешь убедить его?

— О, сэр! — Губерт пососал беззубые десны с видом крайнего удовольствия. Он обошел вокруг нашего застывшего пленника, изучая его со всех сторон. — Конечно, сэр. Небо да благословит моего доброго хозяина! Со мной кое-какое оборудование: тиски для больших пальцев, щипцы и тому подобное. Это займет немного времени. Я всегда говорил, что в холодный пасмурный день нет ничего уютней пылающей жаровни и нет ничего лучше кипящего котла с маслом. О, сэр, у меня от благодарности появились слезы в моем единственном глазу. Да, сэр. Позвольте взглянуть. Так... Так...

Он решительно принялся обмерять Бранитара своей веревкой.

Версгорец отшатнулся. Он уже достаточно знал английский, чтобы понять суть.

— Вы не смеете! — воскликнул он. — Ни одна цивилизованная раса...

— Позвольте взглянуть на ваши пальчики, господин. — Губерт извлек из сумки тиски и держал их у голубых пальцев. — Да, подойдет.

Он достал связку ножей разного размера. Бранитар судорожно сглотнул.

— Нет, вы не цивилизованы... — слабым голосом произнес он. — Хорошо, я сделаю это. Будьте вы прокляты, стая зверей! Когда придет мой черед...

— Я могу подождать, — заверил я его.

Сэр Роже торжествовал. Но внезапно его лицо омрачилось. Глуховатый старый палач продолжал готовить свои орудия.

— Брат Парвус, — обратился ко мне милорд. — Вы не сообщили бы... Губерту. Я не могу огорчить его.

Пришлось огорчить старика, сказав ему, что если Бранитар обманет нас, то будет наказан. Прихрамывая, старый палач пошел на всякий случай готовиться к пытке. Я приказал страже показать эти приготовления Бранитару...

ГЛАВА 10

Наконец настало время встречи. Поскольку все его помощники были заняты изучением машин, сэр Роже взял с собой десять леди в их лучших нарядах. Кроме того, нас сопровождали десять невооруженных солдат в доспехах.

Когда мы на лошадях ехали по полю к похожему на беседку строению, которое версгорские машины воздвигли из перламутрового материала всего за час, сэр Роже сказал жене:

— Я бы не стал подвергать вас опасности, если бы у меня был выбор. Единственная наша возможность выжить — поразить их своим могуществом и богатством.

Ее лицо словно окаменело. Отвернувшись от него, Катрин смотрела на огромные зловещие остовы приземлившихся кораблей.

— Я здесь не в большей опасности, милорд, чем мои дети там, в палатке.

— Боже! — простонал он. — Я ошибся. Я должен был оставить этот проклятый корабль и послать вестника к королю. И всю оставшуюся жизнь вы будете упрекать меня за эту ошибку?

— Из-за вашей ошибки эта жизнь будет не такой уж и долгой...

Он натянул поводья.

— Вы поклялись во время венчания...

— О, да! Разве я не сдержала свою клятву? Я не отказала вам в повиновении. — Ее щеки порозовели. — Но в чувствах моих волен только Господь.

— Я не побеспокою вас более, — ответил он и отъехал в сторону.

Издали они были похожи на рыцаря и его прекрасную возлюбленную. Будучи благородной по крови, леди Катрин прекрасно владела своими чувствами. Когда мы подъехали к месту встречи, ее тонкие черты выражали лишь презрение, обращенное к врагу. Она подала руку сэру Роже и спешилась с необыкновенной грацией. Он громоздко, с нахмуренными бровями, двинулся вперед.

Внутри беседки оказался круглый стол, окруженный чем-то вроде круглого дивана с подушками. Вожди версгорцев заполнили одну половину дивана. Выражение синих лиц было нам непонятно, но глаза их нервно мигали. На них были сплетенные из нитей какого-то металла куртки с металлическими, похоже, сделанными из бронзы, значками, обозначающими их ранг.

В шелке и парче, золотых доспехах, страусовых плюмажах, штанах из дубленой кожи, англичане были похожи на петухов с птичьего двора. Я заметил, что чужаки были ошеломлены, но больше всего их покоробила контрастная простота моей монашеской рясы.

Я свел руки вместе, встал и сказал на версгорском языке:

— Для успехов наших переговоров и для укрепления мира позвольте мне прочитать «Отче наш».

— Что?

Это спросил вождь врагов — толстый и величественный версгорец со строгим лицом.

— Помолчите!

Я мог бы им объяснить, что это такое, но, казалось, их отвратительный язык не имеет слов для молитвы. Об этом я уже расспрашивал Бранитара.

— Отче наш, иже еси... — начал я, и все англичане преклонили колени.

Я слышал, как один версгорец прошептал:

— Я же говорил вам, что они варвары. Это какой-то суеверный обряд.

— Не уверен, — ответил ему вождь. — Джары на воде знают определенные формулы для психологического объединения. Я видел, как они на некоторое время удваивали свои силы, останавливали кровь из рваных ран или по многу дней находились без сна. Контроль за внутренними органами через нервную систему. И вопреки всем утверждениям нашей пропаганды, вы не хуже меня знаете, что в развитии науки джары продвинулись не меньше нас...

Я отчетливо слышал их тайный разговор, хотя они об этом и не подозревали. Теперь я вспомнил, что и Бранитар казался мне немного тугоухим. Очевидно, слух у версгорцев менее острый, чем у людей. Как я узнал впоследствии, из-за своей плотной атмосферы, версгорцы слышали только громкие звуки. Здесь на Териксане, где воздух был такой же плотности, как и в Англии, они вынуждены были повышать голос, чтобы их услышали. Я с благодарностью принял этот подарок Господа, не останавливаясь, чтобы не возбудить подозрения врага.

— Аминь! — закончил я, и мы все уселись вокруг стола.

Сэр Роже разглядывал врага черными глазами. Через некоторое время он спросил:

— Я имею дело с лицом соответствующего ранга?

Я перевел.

— Что такое ранг? — спросил глава версгорцев. — Я губернатор этой планеты, и со мной все старшие офицеры сил обороны.

— Он имел в виду, — объяснил я, — благородны ли вы по своему происхождению, и не унизит ли он себя, общаясь с вами?

Они казались еще более сбитыми с толку. Я, как мог, объяснил им концепцию благородного происхождения, учитывая ограниченность моего версгорского словаря. Мы так и сяк поворачивали эту тему, пока один из офицеров не сказал своему лорду:

— Думаю, что я понял, Грас Хуруга. Если они больше нас знают о генетическом планировании...

Слов его речи я не понимал, или понимал очень смутно, благодаря контексту.

— ...они могли применить это искусство к себе. Возможно, их цивилизация носит военизированный характер, а командуют ими специально выделенные для этого особи. — При этой мысли он вздрогнул. — Конечно, они не желают тратить время на разговоры с менее разумными существами.

Другой офицер воскликнул:

— Но это фантастика! В наших исследованиях мы никогда...

— До сих пор мы знали только маленькую часть Великой Галактики, — ответил лорд Хуруга. — Мы не смеем предполагать, что они менее сильны, чем утверждают, пока не получим более точную информацию.

Я слушал то, что они считали шепотом, и послал им самую загадочную и горячую улыбку, когда губернатор обратился ко мне:

— В нашей империи нет установленных рангов, но каждый версгорец занимает место по своим заслугам. Я, Хуруга — высшая власть на Териксане.

— Тогда я буду говорить с тобой, пока весть о нас не дойдет до императора, — сказал сэр Роже.

Мне было сложно перевести слово «император». На самом деле версгорское государство не было похоже ни на что на свете. Наиболее богатые и важные версгорцы жили в своих обширных владениях со свитой синелицых наемников. Между собой они общались при помощи средств дальней связи или навещая друг друга на своих быстрых воздушных кораблях. Ни один из них не занимал свое место по праву рождения. Перед законом все равны, все свободны бороться за деньги или за общественное положение. У них не было фамилий, и они значились под номерами в Центральной регистратуре. Мужчины и женщины редко жили вместе более нескольких лет. Дети в раннем возрасте отправлялись в школы, где они находились до

совершеннолетия, ибо родители считали их скорее обузой, чем благословением.

Однако это государство, теоретически — республика свободных версгорцев, на практике было самой отвратительной формой тирании, которую когда-либо знало человечество. Даже в бесславные дни Нерона!

У версгорцев не было привязанности к месту своего рождения, не было у них и уз дружбы или любви. В результате, каждого индивидуума ничто не отделяло от всесильного правительства империи. В Англии, когда король Джон стал слишком высокомерным, он почувствовал преграду со стороны древних законов о разнообразных местных интересах. Бароны сумели обуздать его и тем самым добыть для англичан несколько дополнительных свобод.

Версгорцы — самая льстивая из всех рас, которые я знаю, были неспособны противостоять какому-либо давлению со стороны вышестоящих. А продвижение в соответствии с заслугами означало лишь только «продвижение в соответствии с полезностью имперским министрам».

Но я отвлекаюсь. Вернемся к Хуруге, который обратил на нас свои ужасные глазки и сказал:

— Кажется, у вас две разновидности? Две разные расы?

— Нет, — возразил ему один из его офицеров. — Два пола, я уверен. Они, по всей вероятности, млекопитающие.

— А, да. — Хуруга посмотрел на женские платья с глубоким вырезом, по современной бесстыдной моде. — Вижу...

Когда я перевел это сэру Роже, тот сказал:

— Скажи им, если они так любопытны, что наши женщины владеют мечом не хуже мужчин.

Хуруга взглянул на меня.

— Меч? Вы имеете в виду рубящее оружие?

У меня не было времени спрашивать совета у милорда. Вознеся про себя молитву, я сказал:

— Да. Вы можете видеть их у всех в нашем лагере. Мы находим, что это самое лучшее оружие в ближнем бою. Можете спросить у любого из выживших в Гантуракском гарнизоне.

— М-м, да... — сказал один из версгорцев вслух. — Мы пренебрегали тактикой рукопашного боя в течение столетий, Грас Хуруга. Казалось, в ней нет необходимости, но сейчас я вспомнил одну из пограничных стычек с джарами. Это было на Улозе-4, и они с ужасающим эффектом применили длинные ножи.

— Для особых целей... да, да. — Хуруга нахмурился. — Но остается тот факт, что эти пришельцы передвигаются на животных.

— Которым не нужно другого топлива, кроме растительности.

— Но они не выдерживают удара лучом или пулей. У них оружие доисторического прошлого. Они прибыли не на своем корабле, а на нашем... — Он резко прервал свое бормотание и заявил мне: —

Слушайте! Я терпел достаточно! Сдавайтесь на нашу милость или мы вас уничтожим!

Я перевел.

— Экраны защитят нас от вашего огненного оружия, — сказал сэр Роже, — а если вы надумаете нас атаковать пешим строем — добро пожаловать.

Хуруга побагровел.

— Вы воображаете, что защитный экран спасет вас от бомб? — проревел он. — Нам достаточно сбросить только одну, а, разорвавшись, она уничтожит внутри экрана все живое!

Сэр Роже был ошеломлен меньше меня.

— Мы слышали о таком взрывчатом оружии, брат Парвус. Конечно, он пугает нас, говоря о единственном взрыве. Ни один корабль не способен поднять столько пороха, но они могут сбросить много бомб.

— Что же мне ответить ему? — испуганно спросил я.

Глаза барона сверкнули.

— Передайте ему мои слова как можно точнее, брат Парвус. Мы не применяли пока свою артиллерию такого же типа, потому что хотим разговаривать с вами, а не убивать вас. Если же вы настаиваете на бомбардировке, попробуйте! Наша защита сметет вас. Но мы не собираемся защищать версгорских пленников.

Я видел — эта угроза потрясла их. Даже эти жестокие уродцы не могли пойти на убийство нескольких сот своих соплеменников. Конечно, заложники не смогли бы долго удерживать их, но это был пункт для обсуждения, который мог дать нам выигрыш во времени. Я думал, как лучше всего использовать это время, и решил, что нужно подготовить наши души к смерти.

— Ну, я вовсе не говорил, что не хочу выслушать вас, — ответил Хуруга, — но вы еще не объяснили, почему вы явились сюда и устроили это провокационное нападение?

— Но ведь это же вы напали на нас первыми, мы же до этого не причиняли вам вреда, — ответил сэр Роже. — В Англии мы не позволяем собаке кусать более одного раза. И мой король поручил мне преподнести вам небольшой урок.

Хуруга сказал:

— На одном корабле? И даже на нашем собственном?

Сэр Роже:

— Не думаю, что потребуется привести войск больше, чем есть.

Хуруга:

— Кстати, из чистого интереса, чего вы требуете?

Сэр Роже:

— Ваша империя должна выплатить возмещение могущественному королю Англии, Ирландии, Уэльса и Франции.

— Давайте говорить серьезно.

— Я совершенно серьезен. Но с целью предотвратить дальнейшее

кровопролитие, я согласен встретиться с любым вашим бойцом, в любом вооружении. Бог помогает правому!

— Вы что, все сбежали из сумасшедшего дома?

— Обдумайте свое положение! Мы внезапно открыли вас, язычников, с умением и искусством, похожим на наше, только худшим. Вы можете причинить нам определенный вред, нарушая наши сообщения и нападая на наименее защищенные планеты. Это делает необходимым ваше уничтожение, а мы слишком милосердны, чтобы этому радоваться. Единственный разумный выход — в принятии вами феодальной присяги в верности.

— Вы и в самом деле ожидаете... Гордость существ, разъезжающих на животных и размахивающих мечами...

Он пустился в переговоры со своими офицерами.

Проклятая проблема перевода. Я не уверен, что правильно понял. Они могут быть карательной экспедицией. По причине военной тайны могут использовать наш корабль и хранить свое самое мощное оружие в секрете. Это возможно. Но возможно и то, что они варвары и безрассудно угрожают самой могущественной империи Галактики. А возможно, мы неправильно поняли их претензии, неверно оценили их и это может принести нам серьезный ущерб. У кого есть идеи?

Тем временем я сказал сэру Роже:

— То, что вы говорили, несерьезно, милорд!

Леди Катрин не удержалась от замечания:

— Он не может быть серьезным.

— Нет. — Барон покачал головой. — Что бы стал делать король Эдуард с этими синелицыми? С него достаточно Ирландии. Нет, я надеюсь только вступить с ними в переговоры. Если же мы сможем добиться от них гарантий того, что они оставят Землю в покое, ну и пару мешков золота для нас самих...

— И господства дома, — не смог удержаться я от насмешки.

— Об этом мы успеем подумать потом, — отрезал он. — Для этого теперь нет времени. Но мы, конечно, не должны сознаваться врагам, что просто заблудились.

Хуруга вновь повернулся к нам.

— Вы должны понять, что ваши претензии абсурдны. Однако, если вы сумеете доказать, что ваше господство достойно, наш император будет рад направить к вам посла.

Сэр Роже кивнул головой и, делая вид, что ему все это скучно, сказал:

— Прекратите ваши оскорбления. Мой государь, возможно, примет вашего посла, но если тот обладает истинной верой.

— Что такое вера? — спросил Хуруга.

Он действительно не смог понять меня, так как я использовал английское слово.

— Вера в того, кто есть источник мудрости и справедливости и которого мы вечно молим о руководстве.

— О чем он говорит, Грас? — пробормотал один из офицеров.

— Понятия не имею, — прошептал в ответ Хуруга. — Возможно, эти... хм... англичане имеют в виду гигантскую вычислительную машину, с которой обсуждают важные вопросы... не знаю. Проклятая проблема перевода! Лучше отложим это. Следите за ними. За их поведением, следите внимательно. Потом обсудим все.

— И пошлем сообщение на Версгориксан?

— Нет, вы глупцы! Нет, пока мы не узнаем большего. Вы хотите, чтобы правительство поняло, что мы не в состоянии сами решить свои проблемы? Если это действительно варвары, можете представить, что будет с нашей карьерой, когда мы вызовем на помощь весь флот?

Хуруга повернулся ко мне и громко сказал:

— На сегодня все переговоры окончены. Продолжение завтра, а тем временем мы обсудим полученные предложения.

Хоть сэр Роже и не показал виду, он был доволен этим.

— Однако надо договориться об условиях перемирия, — заметил он.

С каждым часом мой версгорский совершенствовался, и я смог объяснить им, что наше представление о перемирии в корне отличается от их представления. Перемирие вообще не является формальным договором, но просто следствием временно сложившихся обстоятельств. Мы договорились, что не будем стрелять друг в друга, даже если выйдем за пределы защитного экрана, но в любой другой воздушный корабль, который покажется на глаза, можно стрелять. Это было все. Версгорцы немедленно причинят нам вред и нарушат условия, если будут уверены, что для них это выгодно, но этого же они ожидали и от нас...

Я заметил, что у врагов значительное преимущество, ибо у них превосходство в воздушных кораблях.

— И тем не менее, — отметил сэр Роже, — мы кое-что выиграли. Это дело не закончится только выкупом и...

— Вас это удовлетворяет, — пробормотала леди Катрин.

Сэр Роже побледнел, вскочил, поклонился Хуруге и вышел...

ГЛАВА 11

Долгий терриксанский день позволил нашим людям добиться значительного успеха. При помощи Бранитара как инструктора и отца Симона как переводчика англичане смогли разобраться в управлении большинством механизмов. Хотя мы и не знали, как они работают, но использование их оказалось довольно простым. Единственная трудность заключалась в том, что йомены никак не могли запомнить символы, нарисованные на приборах.

Впрочем, это было не труднее, чем геральдика, а ведь преклоняющийся перед героями парень опишет их гербы в мельчайших подробностях.

Будучи единственным человеком, претендующим на знание

версгорского алфавита, я погрузился в изучение бумаг, найденных в захваченной нами крепости. Тем временем сэр Роже приказал наиболее придурковатым крепостным, которые были не в состоянии изучать новое оружие, заняться строительством.

Солнце медленно садилось, окрасив золотым туманом половину горизонта, когда барон вызвал меня к себе.

Я сел и принялся рассматривать офицеров. Они были оживлены, у них появилась надежда. Язык мой прилип к гортани. Я хорошо знал этих капитанов, но еще лучше я знал сэра Роже — глаза его сверкали, а это был верный признак того, что он задумал что-то дьявольское.

— Узнали ли вы, где главные замки этой планеты, брат Парвус? — спросил он меня.

— Конечно. Их всего три, и один из них — Гантурак.

— Не могу поверить в это! — воскликнул сэр Оливер. — Даже пираты...

— Вы забываете, что здесь не особое королевство и даже не отдельный феод, — ответил я. — Все лица, прямо подчиненные императорскому правительству, это все версгорцы. Крепости — лишь места обитания шерифов, которые поддерживают порядок и собирают налоги. Конечно, эти крепости являются одновременно и базами для космических кораблей. Здесь есть и воинские гарнизоны. Но версгорцы давно уже не вели настоящих войн. Они только запугивали беспомощных дикарей. Ни одна из других рас, овладевшая космическими перелетами, не осмеливалась открыто объявить войну. Лишь изредка, на какой-нибудь отдельной планете, происходили стычки. Кроме трех крепостей, остального вполне достаточно для одной планеты.

— Насколько же они сильны? — поинтересовался сэр Роже.

— Крепость называется Стуларакс, на противоположной стороне планеты, примерно такая же, как и Гантурак. И еще есть главная крепость — Дарова, где живет этот проклятый проконсул Хуруга. Она самая большая и наиболее сильно укрепленная. Вероятно, именно она поставила большую часть кораблей и воинов, которые сейчас находятся перед нами.

— А где расположена ближайшая планета, населенная синелицыми?

— Согласно книгам, которые я изучал, — в двадцати световых годах отсюда. Сам Версгориксан значительно дальше, даже дальше, чем Земля.

— Но ведь по передатчику можно сообщить императору о случившемся? — спросил капитан Баллард.

— Нет. Передатчик действует со скоростью света, а сообщения между звездами перевозятся на космических кораблях, что означает не менее нескольких недель, чтобы известить версгорского императора. Но Хуруга не хочет делать этого, я слышал его разговор с приближенными. Он хочет держать случившееся в секрете, по крайней мере временно.

— Ага, — усмехнулся сэр Брайан Фиту-Вильям. — Герцог хочет сам возместить ущерб, причиненный нами, уничтожив нас, прежде чем сообщит о случившемся. Это обычный образ мыслей.

— А если мы причиним ему сильное беспокойство, он завопит о помощи, — предрек сэр Оливер.

— Верно, — согласился сэр Роже. — И я сейчас думаю о том, чтобы причинить ему как можно больше беспокойства...

Я смутно осознал, что, когда мой язык прилип к гортани, он поступил правильно.

— Как можем мы бороться с ними? — спросил Баллард. — У нас нет оружия, которое могло бы сравниться с дьявольскими машинами вон на том поле. Если понадобится, они будут таранить нас, корабль за кораблем, не считаясь с потерями.

— Именно поэтому, — сказал сэр Роже, — я предлагаю напасть на меньшую крепость — Стуларакс, чтобы захватить побольше оружия. К тому же это нарушит спокойствие Хуруги.

— И заставит его напасть на нас.

— Возможно, но я не боюсь этой схватки. Понимаете ли вы, что наша единственная надежда — смелость?

Но сэр Брайан возразил:

— Но как мы сможем осуществить это? Тот замок лежит в тысяче миль отсюда, а мы не можем лететь — нас расстреляют!

Сэр Оливер насмешливо поднял бровь.

— Может, у вас есть волшебная лошадь? — И он улыбнулся сэру Роже.

— Нет, это другое животное. Слушайте...

Это была долгая ночная работа для йоменов. Они подложили катки под один из небольших космических кораблей, привязали к нему быков и потащили так тихо, как это было возможно. Они поползли по полю, под прикрытием скота, который мы выгнали на пастбище. Под покровом темноты и Господа Бога уловка удалась. В лесу, под защитой высоких деревьев с густыми кронами и под охраной множества разведчиков, двигавшихся как тени, чтобы обнаружить любого синелицего, дело пошло быстрее.

— У них была хорошая домашняя практика во время браконьерства, — заметил Рыжий Джон.

Работа стала тяжелее, но безопаснее. К рассвету корабль был в нескольких милях от лагеря, на достаточно большом расстоянии, чтобы улететь, не будучи замеченным чужаками. Хотя это был самый большой корабль, который мы имели, он был несколько меньше «Крестоносца», поэтому самое мощное оружие мы загрузить не могли. На него погрузили несколько пушек, стрелявших взрывчатыми снарядами, пользоваться которыми нас научил один пленный инженер.

Тем временем все, кто не был занят перевозкой корабля, работали над укреплением нашей обороны. Мы окружили большую часть Гантурака кольями, ямами, ловушками, рогатками. Когда

наступил рассвет, наши укрепления оказались скрытыми густой травой.

Я с радостью взялся за работу, но мой мозг все время задавал мне один вопрос: неужели сэр Роже сошел с ума? Но, подумав, я логически объяснил все его действия. Мы не улетели сразу же после взятия Гантурака лишь потому, что не знали дороги домой, а смерть лучше, чем вечное блуждание среди звезд. Мы вынуждены будем напасть на Стуларакс, ибо Хуруга, рано или поздно, поймет, кто мы такие, и уничтожит нас. Своим нападением мы нарушим равновесие, и Хуруга будет считать нас могущественнее, чем мы есть.

Я знал, что сэр Роже импровизирует. Он был похож на бегуна, который споткнулся и, чтобы не упасть, вынужден бежать еще быстрее. Но как прекрасно он бежал!

Эти рассуждения успокоили меня, и я стал ждать рассвета.

Утром сэр Роже отправил наш рейдовый отряд из двадцати человек во главе с сэром Оливером и Рыжим Джоном.

— Идите через лес к месту, где лежит корабль, — сказал барон. — Ждите до полудня и тогда взлетайте, вы ведь умеете управлять этой каретой. Приблизившись за час к Стуларакс, приземлитесь в укрытие. Дайте из ваших орудий несколько выстрелов, этим вы сломите внешнюю оборону. Падайте им на голову, пока они не опомнились. Хватайте, что попадется под руку из их арсенала, и возвращайтесь. Если здесь будет спокойно, тогда тихо приземляйтесь, ну а если будет сражение — поступайте как сочтете нужным.

— Конечно, сэр!

Сэр Оливер пожал барону руку. Больше этот жест между ними не повторялся.

— Подождите!

Из лагеря торопливо шла леди Катрин.

— Я только что узнала о вашем походе, — сказала она, обращаясь к сэру Оливеру. — Как это?.. Двадцать человек против целой крепости?

— Двадцать человек. — Он поклонился с мрачной улыбкой. — И я сам, с воспоминаниями о вас, миледи.

Ее обычно бледное лицо слегка покраснело. Она прошла мимо каменно стоявшего сэра Роже к молодому рыцарю и стала прямо напротив него. Все видели, что руки ее окровавлены. В них она держала шнурок.

— После того как лопата уже не держалась в моих руках, — прошептала она, — я помогала натягивать луки. У меня нет другого подарка для вас на память...

Сэр Оливер принял подарок — шнурок — в полном молчании. Спрятав его под камзол, он поцеловал ее маленькие израненные пальцы. Затем повернулкя и повел свой отряд в лес.

Сэр Роже не двигался.

Леди Катрин слегка кивнула ему.

— А вы будете заседать сегодня за столом с версгорцами?

И она скользнула в утренний туман, к палатке, которую он с ней больше не делил. Сэр Роже подождал, пока она не скрылась из виду, потом пошел в лагерь...

ГЛАВА 12

Наши люди использовали долгое утро для отдыха. Теперь я уже разбирался в циферблате версгорских часов, но еще не знал, как они соотносятся с земными часами. В полдень я оседлал свою кобылу и встретился с сэром Роже, чтобы отправиться на переговоры. Он был один. Мне казалось, что он немного волновался, хотя и не показывал виду.

— Возьмем с собой охрану? — запинаясь, проговорил я.

— Для этого нет причин, — с непонятным выражением лица ответил он. — Если Хуруга узнает о нападении, это свидание может плохо кончиться для нас. Мне очень жаль, но я вынужден подвергать вас опасности.

Мне тоже было жаль себя, но что толку тратить время на сожаления, лучше посвятить его молитвам.

Те же версгорские офицеры ждали нас внутри перламутровой беседки. Хуруга удивленно смотрел на наше приближение.

— Где ваши спутники? — спросил он.

— Молятся, — ответил я, и это было почти правдой.

— Опять это слово, — прошептал один из синеликих. — Что же это в конце концов означает?

— Вот что... — И я проиллюстрировал свой ответ, прочитав «Богородица, дева, радуйся», перебирая при этом четки.

— Разновидность вычислительной машины, по-моему, — сказал другой версгорец. — Возможно, она не так примитивна, как выглядит.

— На что они рассчитывают? — прошептал третий.

Хуруга выпалил:

— Это зашло слишком далеко! Вы проработали всю ночь. Если вы замыслили какую-то хитрость...

— А разве у вас нет своих планов? — прервал я его самым кротким христианским голосом.

Как я и рассчитывал, это остановило его, и пока он собирался с мыслями, мы сели.

Помолчав немного, Хуруга воскликнул:

— Относительно ваших пленников. Я отвечаю за безопасность жителей этой планеты, и я не могу разговаривать с существами, которые держат в плену версгорцев. Первым условием дальнейших переговоров является освобождение пленных!

— В таком случае мы не будем продолжать переговоры, — ответил сэр Роже, и я перевел. — Но мы совсем не хотим уничтожать пленников.

— Вы не покинете этого места, пока наши соплеменники не будут освобождены, — сказал Хуруга.

Я сглотнул слюну.

Он холодно улыбнулся.

— Я захватил с собой солдат на случай всяких недоразумений...

Хуруга порылся в своем костюме и извлек маленький пистолет, стреляющий пулями, и ствол его уставился на нас.

Сэр Роже зевнул и постучал пальцами по своему серебряному рукаву.

— Что он говорит?

Я рассказал.

— Измена, — простонал я. — Мы ведь безоружны.

— Нет, вспомните, что не давались никакие клятвы. Впрочем, скажите его светлости герцогу Хуруге, что я предвидел этот ход и позаботился о защите. — Барон повернул драгоценное кольцо на пальце и сжал кулак.

— Я взвел его. Если мой кулак разожмется по любой причине раньше, чем я поверну вновь кольцо, раздастся взрыв, который пошлет всех вас к святому Петру.

Стуча зубами, я передал это лживое заявление. Хуруга вскочил на ноги.

— Это правда? — проревел он.

— Ко... неч... но... — Язык мой заплетался. — К... клянусь Магометом...

Синие офицеры образовали тесную группу. По их шепоту я понял, что маленькие бомбы, как камень в перстне, теоретически возможны, но ни одна из известных версгорцам ранее не обладала такой мощностью.

Наконец они успокоились.

— Ладно, — сказал Хуруга. — Похоже, что мы зашли в тупик. Я считаю, что вы лжете, но не могу рисковать своей жизнью. — Он сунул пистолет обратно под одежду. — Но все же вы должны понять, что это невозможная ситуация. Если я сам не сумею добиться освобождения пленников, мне придется передать дело императору и его правительству на Версгориксане.

— Не нужно так торопиться, — ответил сэр Роже. — Мы заботимся о заложниках, а вы можете прислать врачей, чтобы они позаботились об их здоровье. Разумеется, мы конфискуем все захваченное оружие как гарантию наших добрых отношений, но взамен мы выставим конную стражу против сарацин.

— Против кого? — Хуруга сморщил костлявый лоб.

— Сарацин. Пираты-язычники. Вы с ними не сталкивались? Трудно поверить, ибо они встречаются повсюду. Возможно, в эту минуту сарацинский корабль опускается на вашу планету, чтобы грабить и жечь...

Хуруга мигнул. Он отозвал в сторону одного офицера и что-то

прошептал ему. На этот раз я не расслышал, что он сказал. Офицер торопливо исчез, а Хуруга повернулся к нам и сказал:

— Расскажите о них еще.

— С удовольствием. — Барон откинулся на сиденье и скрестил ноги.

Я восхищался его спокойствием, но сам не мог не волноваться. По моим расчетам, лодка сэра Оливера уже должна быть над Стулараксом (вспомните, насколько быстрее шли события, чем я их описываю). Однако сэр Роже вел себя так, словно в запасе у него была целая вечность. Он объяснил, что мы, англичане, так яростно напали на версгорцев, поскольку их нападение заставило нас подумать, что они новые союзники сарацин. Теперь же, когда это недоразумение разъяснилось, есть надежда, что со временем англичане и версгорцы достигнут соглашения и заключат союз против общего врага...

И тут нашу беседу прервали. Вбежал синелицый офицер, и через открытую дверь я увидел, как в версгорском лагере поднялась суматоха, как солдаты разбегались по своим постам, а до моих ушей донесся рев проснувшихся машин.

— Ну? — рявкнул Хуруга на своего подчиненного.

Остальные офицеры заволновались.

— Докладываю... Передатчик... Окрестное население видело яркий блеск... Стуларакс погиб, должно быть, взрыв сверхмощной бомбы... — тяжело дыша, докладывал офицер.

Когда я перевел сэру Роже то, что докладывал Хуруге офицер, взгляд его зажегся торжеством.

Но что же все-таки произошло? Стуларакс погиб? Полностью уничтожен? Нашей целью было всего лишь раздобыть оружие. Но если оно все исчезло в облаках дыма?

Сэр Роже облизал пересохшие губы.

— Скажите ему, брат Парвус, что это высадились сарацины.

Но Хуруга не дал мне такой возможности. Тяжело дыша от гнева, сверкая налитыми кровью глазами, он встал, тяжело шатаясь, и вновь вытащил свой пистолет.

— Довольно ломать комедию! — закричал он. — Кто был с вами? И сколько у вас космических кораблей?

Сэр Роже начал медленно подниматься — пока не навис над коренастым версгорцем, как могучий дуб над вереском. Он улыбнулся, зловеще тронул свое кольцо и сказал:

— Возможно, мне лучше вернуться в свой лагерь и подождать, пока вы не успокоитесь?

Я не мог передать его слова с тем же спокойствием.

Хуруга фыркнул:

— О, нет, вы останетесь здесь.

— Я ухожу. — Сэр Роже покачал своей коротко остриженной головой. — Кстати, если я не вернусь, мои люди получили приказ убить всех пленников.

— В таком случае идите. Но когда вы вернетесь в лагерь, мы на вас нападем. Я не хочу оказаться между двух огней — вами и вашими друзьями в небе.

— Заложники... — напомнил сэр Роже.

— Мы атакуем, — упрямо повторил Хуруга. — Нападение будет пешим, отчасти, чтобы спасти тех же самых пленных, а главным образом потому, что все корабли немедленно отправятся в Стуларакс. Мы также воздержимся от применения мощных бомб, чтобы не повредить пленным. Но, — он постучал пальцем по столу, — если ваше оружие намного мощнее нашего, мы просто задавим вас численностью. Я не верю, что у вас есть также бронированные тележки. Всего несколько легких каров, захваченных в Гантураке. Но помните, что после этой битвы те из вас, кто останется в живых, будут нашими пленниками. И если вы причините вред хотя бы одному версгорцу, ваши люди умрут медленной смертью. А если вас захватят живым, то вы, сэр Роже де Турневиль, будете смотреть на то, как они умирают, и умрете последним...

Барон спокойно выслушал перевод. Только его побледневшие губы резко выделялись на загорелом лице.

— Что же, брат Парвус, — тихо сказал он. — Получается не совсем так, как я надеялся, хотя и не так плохо, как можно было бы предвидеть. Передайте ему, что если он действительно отпустит нас и нападет только пешим строем, не используя бомбы, то их соотечественникам ничего не угрожает. Кроме огня со стороны нападающих. — Затем сухо добавил: — Не думаю, что я смог бы убить беспомощных пленников. Но этого ему переводить не нужно.

Хуруга лишь слегка наклонил голову, когда я передавал ему слова сэра Роже.

Мы вышли из беседки, вскочили в седла и двинулись в лагерь. Мы заставили наших лошадей идти шагом, чтобы хоть немного продлить перемирие и поймать немного солнечного тепла на наши лица.

— Что же случилось в Стулараксе?

— Не знаю, — ответил сэр Роже. — Но уверен, что синелицые говорят правду (а ведь я раньше не верил), когда утверждают, что одна бомба может стереть с лица земли целое укрепление. Итак, оружие, которое мы надеялись приобрести, пропало. Остается только лишь молиться за наших воинов, которые тоже, наверное, погибли при взрыве. Теперь мы можем только защищаться.

Он поднял увенчанную плюмажем голову.

— Но англичане сражаются даже лучше, когда их спины прижаты к стене...

ГЛАВА 13

Мы въехали в лагерь, и милорд закричал «Ура!», как будто возвращался с радостной вестью с поля битвы. С громким железным лязгом наши солдаты принялись занимать свои места.

Позвольте мне описать поподробнее сложившуюся ситуацию. Как вспомогательная база, Гантурак не был предназначен для отражения массированных атак. Его меньшая часть, которую мы занимали, состояла из нескольких приземистых строений, расположенных почти идеальным кругом, вне которого находилась лишь позиция бомбард. Но эти бомбарды, предназначенные только для стрельбы вверх, в небо, сейчас были для нас бесполезны. Под самой крепостью находился лабиринт подземных комнат и коридоров. Здесь мы разместили детей, стариков, пленников и скот под надзором нескольких вооруженных крестьян. Престарелые или по другим причинам негодные для участия в битве ждали в центре круга, чтобы заботиться о раненых, подносить пиво и вообще помогать сражавшимся.

Линия защищавшихся, обращенная фронтом к версгорскому лагерю, пряталась за низкой земляной стеной, возведенной минувшей ночью. Пешие воины были укреплены через равные промежутки отрядами лучников. На флангах разместились кавалеристы. Рядом с ними находились женщины и нетренированные солдаты, среди которых мы распределили все наше захваченное оружие, стреляющее пулями, — защитный экран делал бесполезными огненные лучи.

Вокруг нас сверкало бледное сияние этого экрана. За нами возвышалась древняя крепость. Перед нами долина, вся покрытая синеватой травой. То тут, то там были разбросаны отдельные группы деревьев, над отдаленными холмами проплывали светлые облака. Прекрасная местность напоминала рай. Готовя бинты вместе с теми, кто не будет участвовать в сражении, я с грустью думал о том, что на такой прекрасной земле существуют ненависть и убийства.

Летающий корабль прогремел в небе за версгорским лагерем, вне нашего поля зрения. Мы и не пытались стрелять. Прислуга бомбард в большинстве своем находилась в резерве, в своем распоряжении они имели несколько транспортных кораблей. Но в этот момент все мое внимание было приковано к равнине, где появились версгорцы.

Началось!

Противник хорошо сформированными рядами двинулся вперед. Солдаты на машинах были вооружены длинными пулевыми ружьями, они не объединялись в тесные ряды, но наоборот старались разъединиться. Некоторые из наших солдат начали смеяться над этим, но я понял, что такова у них тактика. Когда противник обладает скорострельным оружием, не следует атаковать компактными массами, иначе он может одним ударом вывести из строя сразу несколько нападающих машин.

Здесь были уже известные нам машины. И несомненно, их доставили сюда из центрального арсенала в Дарове. По полю на нас двигалась армада этих легких и открытых безлошадных экипажей, в них находилось по четыре солдата и небольшое пулевое оружие. Они двигались невероятно быстро и проворно, как водяные жуки, на колесиках. Глядя, как они несутся со скоростью около ста миль в час, я понял, для чего они предназначены, — в них очень трудно попасть, и они могут подобраться к главным бомбардам врага.

Однако эти маленькие кары держались несколько сзади, прикрывая версгорскую пехоту. Переднюю линию нападавших составляли тяжело вооруженные экипажи. Несмотря на мощные двигатели, они очень медленно, но быстрее, чем лошадь галопом, двигались на нас. Они были велики, как крестьянский дом, и покрыты толстой сталью, которая могла выдержать все, кроме прямого попадания. С бомбардами, торчащими из башен, двигаясь на нас с ревом и клубами пыли, они были похожи на драконов. Я насчитал их более двадцати — массивных, непроницаемых для пуль, двигающихся на колесах, заключенных в широкую ленту, похожую на гусеницы. Там, где они проходили, оставались широкие колеи из перемешанной земли и травы.

Я увидел, что один из солдат, научившийся стрелять из передвижных пушек на колесах, оставил свое место и побежал к бомбардам. Сэр Роже, вооруженный с ног до головы, подъехал к нему и ударил его плашмя копьем.

— Стой! — крикнул барон. — Ты куда?

— Стрелять, сэр. Нужно сразу стрелять в них, пока не разрушили стену и...

— Если бы я не думал, что наши добрые тиссовые луки справятся с этими переросшими улитками, я разрешил бы тебе стрельбу, — сказал милорд. — Назад, на место!

Его слова благотворно подействовали на испуганных копьеносцев, которые своим оружием готовились отразить нападение. Сэр Роже не видел причины объяснять им (считаясь с тем, что случилось в Стуларакссе), что на таком расстоянии взрывы могут уничтожить и их самих. Конечно, он понимал, что у версгорцев много видов различных бомб разной мощности. Но как отличить одну от другой?

А тем временем водители движущихся крепостей обнаружили, что по ним не стреляют и наверняка задумались, какое оружие мы держим в резерве. Они поняли это, когда первый боевой экипаж угодил в скрытую яму-ловушку. Еще два были пойманы так же, прежде чем нападавшие сообразили, что это за необычные препятствия. Несомненно, нам помогали добрые Святые. В своем невежестве мы выкопали широкие и глубокие ямы, которые сами по себе не были препятствием для этих мощных машин. Но зато мы добавили туда большие деревянные колья, как будто собирались отражать нападение огромных лошадей. Некоторые колья попали

между гусеницами и колесами, и те оказались наглухо заклиненными.

Один из экипажей сумел избежать ям, которые не были вырыты непрерывной цепью, и сумел приблизиться к нашему брустверу. Скорострельное оружие рявкнуло, и на поверхности нашей земляной стены появилось углубление.

— Господь да поможет правым! — крикнул сэр Брайан Фиту-Вильям и бросился вперед.

Его лошадь вырвалась из ряда, за ним последовало с полдюжины кавалеристов. Они образовали полукруг вне пределов досягаемости огненного ружья экипажа. И громоздкая машина начала преследование, пытаясь поймать в прицел ускользающих кавалеристов. Сэр Брайан направил ее по тому пути, по которому хотел, прогудел в свой боевой рог и вернулся в укрытие, в то время как машина провалилась в яму.

Боевые черепахи повернули назад. В высокой траве, с нашей искусной маскировкой, они не могли установить, где находятся ловушки. Других таких машин на Териксане не было. Если бы хоть одна из них прорвалась через наши укрепления, мы погибли бы.

Я думаю, что, учитывая скудные сведения о нас, наши силы и возможности подкрепления из космоса, Хуруга приказал тяжелым машинам отступить. В сущности, версгорская тактика была уязвимой во многих отношениях. Но вспомните, что долгое время им не приходилось сражаться на поверхности планет. Их завоевания планет скорее напоминали облаву. Стычки с соперничающими межзвездными нациями были редкими и чисто местными.

Итак, Хуруга, обеспокоенный нашими ловушками и ободренный тем, что мы не использовали артиллерию, приказал большим боевым машинам отступить. Вместо них он послал против нас пехоту и легкие экипажи. Его мысль была проста: с их помощью он хотел найти проходы между нашими ловушками для гигантских машин.

Синие солдаты приближались бегом, их с трудом можно было различить сквозь высокую траву. Они то объединялись в небольшие группы, то вновь разбегались поодиночке.

Находясь довольно далеко, я видел лишь случайный блеск шлема или вехи, которые они ставили, чтобы пометить безопасный путь для своих тяжелых машин. Однако я видел, что их насчитывается несколько сот...

Сердце глухо заколотилось в моей груди, а рот затосковал по кружке эля.

Перед солдатами шли легкие машины, некоторые на большой скорости угодили в ямы и были изуродованы. Но большинство продолжало движение прямой линией, приближаясь к столбам, которые мы установили перед брустверами для отражения кавалерийских атак.

При такой большой скорости эти машины были так же уязвимы, как и лошади. Я видел, как одна из них взлетела в воздух,

перевернулась и, ударившись о землю, раскололась надвое. Из другой от удара хлынуло горючее, и машину охватило пламя. Третья резко свернула, затормозила и столкнулась с рядом двигающейся машиной. Еще несколько, пройдя нашу засеку, наскочили на проволочные ежи. Железные шипы пробили мягкие круги вокруг колес, и машина, изуродованная подобным образом, могла только медленно уползать с поля боя.

Приказы на резком версгорском языке передавались по передатчикам. Большинство открытых машин, оставшихся невредимыми, перестали кружить и, выровняв линию, продолжали приближаться на небольшой скорости.

Щелк! Заработали наши катапульты. Хлоп! Проснулись наши баллисты. Камни, горшки с кипящим маслом и стрелы жестоко обрушились на приближающиеся машины. Их линия сломалась и замедлила свое движение.

И тогда выступила наша кавалерия!

Несколько наших кавалеристов погибли, натолкнувшись на свинцовую бурю, что бушевала повсюду. Но им не нужно было далеко скакать для встречи с врагом. К тому же, загоревшись, трава скрывала кавалеристов в густом облаке дыма. Я слышал звон и треск, с которым копья ударялись о стальные борта машин, но дальше у меня не было возможности следить за ходом сражения. Удар закованной в металл лошади начисто сносил защитный экран, сгибая тонкие стальные листы.

Несколько быстрых взмахов топора, булавы или меча очищали машину от экипажа. Некоторые из наших солдат для лучшего эффекта использовали ручные ружья или маленькие круглые бомбы, которые разрывались со страшным грохотом, когда их бросали, предварительно вытащив стальной стерженек. Конечно, у врага было аналогичное оружие и не меньше решимости использовать его, но...

Экипажи уцелевших машин в ужасе повернули назад, преследуемые кавалеристами.

— Назад! — кричал им сэр Роже. Он потрясал своим длинным копьем, взятым у оруженосца. — Возвращайтесь назад, вы, навозные жуки! Стойте и отражайте атаку!

Он выглядел устрашающе до ужаса — сверкающий металл доспехов, развевающийся по ветру плюмаж, украшенный гербом щит и не знающая усталости угольно-черная кобыла.

Но версгорцы не были рыцарским народом, они были более расчетливы и предусмотрительны, чем мы. И это дорого обошлось им...

Наши всадники должны были вернуться, ибо приближались синие пехотинцы. Стреляя из своих ружей, они собрались в большие группы для нападения на наших кавалеристов.

Бруствер больше не защищал их, они превратились в отличную мишень, и сэр Роже приказал своим людям отойти. Он повернул коня и поскакал назад по равнине.

Версгорцы испустили торжествующий крик и побежали. Среди шума, стоящего в нашем лагере, я различил голос капитана лучников. Затем в небо, на могучих крыльях, взлетела стая серых гусей. Она опустилась среди синекожих. Первая стрела еще не проделала и половину пути, когда лучник выпускал другую. Мощная стрела, выпущенная с большой силой, пробивает не защищенное доспехами тело насквозь, и ее окровавленный наконечник выходит с другой стороны. Стрелы косили нападающих. Я думаю, в это время версгорцы потеряли половину своих солдат.

Тем не менее, такие же упрямые, как и англичане, они бежали к земляной стене, где их поджидали наши солдаты.

Женщины также стреляли, уложив добрую треть нападающих. Тех, кто приближался настолько, что ружья становились бесполезными, встречали топорами, копьями, баграми, булавами, мечами; в ход пошли кинжалы.

Несмотря на ужасающе громадные потери, враг еще вдвое или втрое превосходил нас численностью. Но это уже не играло значительной роли. У них не было защитных доспехов. Единственное оружие, которое они могли применить в рукопашной, был нож, прикрепленный к стволу их ружей и образовывающий нечто вроде пики, или само ружье, используемое как дубинка. У них были стреляющие пулями пистолеты, которые стоили нам нескольких убитых и раненых. Однако, как правило, когда Джон-синелицый стрелял в Гарри-англичанина, он промахивался в сутолоке боя даже на очень близком расстоянии. Прежде чем Джон успевал выстрелить еще раз, Гарри укладывал его своей алебардой.

Когда же наша кавалерия ударила по версгорцам с тыла, наступил конец. Враг дрогнул, заколебался и, наконец, побежал, в слепом ужасе топча своих упавших товарищей. Всадники преследовали их с веселыми охотничьими криками. Когда враг отступил на достаточное расстояние, в дело вступили вновь наши лучники.

Однако многие, кто неизбежно попал бы на наши копья, уцелели, ибо сэр Роже вовремя заметил возвращающиеся тяжелые машины и приказал отступать. По милости Господа, я в это время был занят заботой о раненых, не следил за битвой и не знал, что в этот момент мы могли потерять все. Атака версгорцев не пропала даром, она показала машинам-черепахам, как избежать наших ловушек. И теперь железные гиганты двигались по полю, окрашенному кровью, и мы не видели никакой возможности избежать столкновения с ними.

Плечи Томаса Балларда, державшего знамя барона, поникли.

— Что ж, — вздохнул он, — мы сделали все, что могли. Кто отправится со мной и покажет этим выродкам, как умирают англичане?

Усталое лицо сэра Роже избороздили глубокие морщины.

— Перед нами стоит более трудная задача, друзья, — сказал он. — Мы с радостью рискнули бы своими жизнями в надежде одержать победу, но у нас нет права на риск. Мы должны жить как

рабы, если понадобится, чтобы наши женщины и дети не остались одни в дьявольском мире.

— Божьи кости! — закричал Брайан Фиту-Вильям. — Вы сошли с ума!

Ноздри барона затрепетали.

— Вы меня слышали. Мы останемся здесь!

А затем — ох! Как будто сам Господь явился спасти своих заблудших грешников!

Ярче чем молния нас осветила сине-белая вспышка из леса в нескольких милях от нас. Она была так ярка, что те, кто глядел в том направлении, на несколько часов ослепли. Несомненно, что такая же участь постигла и версгорскую армию, ибо она наступала в том направлении. Рев, последовавший за вспышкой, сбивал людей с ног и сбрасывал всадников с седел. Ветер, горячий, как из печи, подхватил палатки и, раздирая их в клочья, понес прочь. Затем мы увидели, как поднимается облако пыли и дыма, словно гигантский гриб. Оно за считанные минуты выросло до самого неба. Прошло много времени, прежде чем оно начало опадать, а его верхняя часть удерживалась в небе в течение нескольких часов.

Наступавшие боевые машины остановились. Версгорцы знали (мы — нет), что означал этот взрыв. Это была бомба сверхъестественной мощности, основанная на разложении материи, и я до сих пор считаю ее нечестивым вмешательством в судьбы Божьего мира. Хотя мой архиепископ цитировал мне Священное Писание, доказывая, что любое изобретение законно, если оно используется в добрых целях. Это был еще не самый мощный взрыв, могут быть гораздо сильнее. Он охватил круг в полмили диаметром и произвел сравнительно малое ядовитое излучение, которое всегда сопровождает такие взрывы. К тому же взрыв произошел достаточно далеко от нас и не причинил нам большого вреда.

Но он поставил перед версгорцами жесткую дилемму: если они используют против нас подобное оружие, чтобы уничтожить наш лагерь, то могут ожидать ответного удара, ибо скрытые бомбарды больше не будут иметь причин не стрелять по территории Гантурака. В ином случае им придется отложить наступление и искать нового врага.

Их боевые машины поползли назад. Большая часть воздушных кораблей, находившихся в резерве, поднялась в воздух и разлетелась в поисках тех, кто произвел этот взрыв. Главным оружием их поиска, как я узнал позже, было приспособление, действие которого я не понимаю и не хочу понимать, ибо это черное искусство — оно обнаруживает на расстоянии большие металлические массы. Орудие, достаточно сильное и большое, чтобы выстрелить таким снарядом, должно обладать массой, которую воздушный корабль способен обнаружить на расстоянии в несколько миль.

Но оно обнаружено не было. После часа напряженных поисков,

во время которого мы, англичане, молились за стенами нашей крепости, сэр Роже облегченно вздохнул.

— Я не хочу быть неблагодарным, но я верю, что Бог помог нам через сэра Оливера, а не непосредственно. Мы отыщем его отряд в лесу, даже если вражеские корабли не смогли сделать этого. Отец Симон, вы должны знать, кто самый лучший браконьер в вашем приходе.

— О, сын мой! — воскликнул капеллан.

Сэр Роже улыбнулся:

— Я не требую от вас открыть тайну исповеди, просто прошу указать, допустим, несколько самых опытных охотников, которые смогли бы проскользнуть в тот лес. Пусть разыщут сэра Оливера, где бы он ни был, и прикажут придержать открытие огня до моего распоряжения. Вы вовсе не должны мне открывать тайну исповеди, святой отец.

— В таком случае, сын мой, приказание будет исполнено.

Священник отвел меня в сторону и попросил дать духовное утешение его прихожанам, пока он сам отведет небольшой отряд в лес.

Но милорд дал мне другое задание, и мы с ним под белым флагом отправились к версгорскому лагерю. Мы были уверены, что у врага хватит разума понять значение белого флага, даже если они сами и не пользовались таким знаком перемирия. Так оно и оказалось. Сам Хуруга в открытой машине выехал нам навстречу. Его руки и синяя челюсть дрожали.

— Предлагаю вам сдаться, — сказал барон. — Не вынуждайте меня уничтожать ваших бедных солдат. Обещаю, что с вами будут обращаться вежливо и позволят написать домой, чтобы оттуда прислали выкуп.

— Мне сдаться варвару? — прохрипел версгорец. — И только потому, что у вас оказалось несколько скрытых орудий? Нет! — Он помолчал. — Но чтобы избавиться от вас, я согласен отпустить вас в космическом корабле, который вы захватили.

— Сэр, — прошептал я, закончив перевод, — неужели мы добились спасения?

— Вряд ли, — ответил сэр Роже. — Вспомните, мы не можем найти дорогу домой и не можем просить помощи их искусных навигаторов. Иначе раскроем свою слабость, и на нас вновь нападут. И даже если мы как-нибудь доберемся до дома, это дьявольское гнездо останется жить, и в любой момент нападение на Землю может повториться. Нет, боюсь, что тот, кто охотится на медведя, не должен расседлывать лошадей...

Итак, с тяжелым сердцем я сказал синему дворянину, что нам не нужен его дрянной и устаревший корабль, и если он не сдастся, мы вынуждены будем опустошить всю планету.

Хуруга только фыркнул в ответ и повернул назад.

Вернулись и мы. Вскоре с отрядом отца Симона из леса появился

Рыжий Джон. Мы встретились на опушке, и Джон Хеймворд начал свой доклад:

— Мы летели к замку Стуларакс не скрываясь, сэр. Видели другие небесные лодки, но никто не вызывал нас. Вероятно, нас принимали за своих. Но мы знали, что в крепость нам не позволят опуститься без опознавания. Поэтому мы приземлились в лесу, в нескольких милях от крепости. Собрали требучет и зарядили его одной из бомб, чтобы потрясти оборону крепости. Мы подобрались поближе, оставив на корабле несколько человек, которые должны продолжать стрельбу до тех пор, пока не обрушатся стены. Предположив, что гарнизон отправится на поиски нападающих, мы решили тем временем проскользнуть вовнутрь, перебить оставшихся охранников, забрать, что возможно, и вернуться на корабль...

Здесь, пожалуй, стоит объяснить, что такое требучет. Это простое, но очень эффективное метательное оружие. В частности же, это большой рычаг, свободно вращающийся вокруг некоторой точки опоры, длинное плечо рычага заканчивается корзиной для метательного снаряда, а на короткое плечо кладется камень, весом в несколько тонн. Камень этот, с использованием блоков, поднимается наверх. В корзину кладут снаряд, затем рычаг освобождается, груз падает на короткий конец рычага, а длинное плечо с корзиной поднимается, описывает большую дугу и швыряет снаряд.

— Особого эффекта от этой бомбы я не ожидал, — продолжал Рыжий Джон. — Она весила не более пяти фунтов. И нам пришлось довольно долго регулировать требучет для такого маленького груза. — Что может сделать такая бомба? — размышлял я. — С треском разорваться? Я видел, как использовали требучет при осаде французских городов. Мы швыряли камни весом в одну и даже в две тонны, а также дохлых лошадей через их стены. Но приказ есть приказ. Поэтому я, несколько удивленный, положил, как мне было приказано, маленькую бомбу, и мы выпустили ее. Боже мой! Как будто взорвался весь мир. Должен вам сказать, что это намного превосходит эффект падения дохлой лошади. Через наши увеличительные приборы мы видели, что замок полностью разрушен. Никакого смысла ходить туда уже не было. Для верности мы швырнули туда еще несколько бомб. Теперь там ничего нет, кроме большой оплавленной воронки. Сэр Оливер решил, что к нам в руки попало самое полезное для нас оружие, и я с ним согласен. Поэтому, когда мы приземлились в лесу, в нескольких милях отсюда, то снова вытащили требучет и собрали его. Потому мы так долго отсутствовали. Когда сэр Оливер с воздуха увидел, что здесь происходит, мы швырнули бомбу просто для того, чтобы отвлечь внимание противника. Теперь же мы готовы действовать по вашим приказам, сэр.

— А корабль? — спросил сэр Роже. — У противника есть приборы, отыскивающие металлические предметы. Они не смогли

обнаружить требучет, потому что он сделан из дерева. Но они должны были обязательно обнаружить корабль, где бы вы его ни спрятали...

— Ах, это, сэр? — протянул Рыжий Джон и улыбнулся. — Сэр Оливер сумел пристать к кораблям версгорцев, а кто в такой суматохе сумел бы определить разницу?

Сэр Роже рассмеялся.

— Вы упустили славную битву, но можете запалить хороший костер. Отправляйтесь назад и немедленно начинайте обстрел вражеского лагеря...

В обусловленный момент, определенный по версгорским часам, сэр Роже загнал всех под землю, но даже там мы почувствовали, как вздрогнула земля, и услышали глухой рев.

Одного взрыва было достаточно. В слепом ужасе выжившие версгорцы кинулись к транспортным кораблям, бросив на произвол судьбы множество военного снаряжения. Воздушные корабли удирали быстрее, чем даже гонимые ураганом облака. Когда медленный солнечный закат осветил направление, которое мы называем западным, над полем боя развевались английские леопарды, торжествуя победу англичан...

ГЛАВА 14

Сэр Оливер появился как герой рыцарского романа. Его подвиги не потребовали от него больших усилий. Летая в центре версгорского военного флота, он даже сумел согреть воду в жаровне и побриться. Теперь он шел по лагерю, высоко подняв голову, и алый плащ развевался по ветру. Сэр Роже, грязный, пропотевший и окровавленный, встретил его у рыцарских палаток.

— Поздравляю, сэр Оливер, вы действовали блестяще. — Голос сэра Роже охрип от крика.

Младший рыцарь поклонился, но поклон его был адресован леди Катрин, уже выбравшейся из приветствующей рыцаря толпы.

— Я не мог сделать меньше, просто не мог, — промурлыкал сэр Оливер. — С тетивой лука у сердца...

Лицо леди Катрин вспыхнуло. Взгляд барона метался между ней и сэром Оливером. Несомненно, они составляли прекрасную пару. Я видел, как рука сэра Роже сжала рукоять меча.

— Идите в свою палатку, мадам, — сказал он жене.

— Мне нужно заботиться о раненых, сэр.

— Вы трудитесь для кого угодно, только не для собственного мужа и детей. — Сэр Роже попытался улыбнуться, но на его лице появилась только болезненная гримаса (во время боя пуля ударила в забрало его шлема). — Я сказал, идите в свою палатку!

— Так не разговаривают с благородной леди, сэр, — заявил Оливер Монтбелл с оскорбленным видом.

— Ваши слащавые рондо приятнее?

Сэр Оливер нахмурился еще больше.

— Или шепот, которым назначают свидания.

Леди Катрин страшно побледнела. Она не могла найти слов. И на полет стрелы вокруг воцарилось молчание.

— Призываю Господа в свидетели, что я оклеветана, — наконец сказала леди Катрин, и платье зашуршало от стремительной походки.

Когда она исчезла в палатке, я услышал рыдания. Сэр Оливер с ужасом глядел на барона.

— Вы с ума сошли, — выдохнул он наконец.

Широкие плечи сэра Роже согнулись, словно на них навалилась огромная тяжесть.

— Еще нет. Я хочу встретиться с капитанами после того, как они умоются и поужинают. А вам, сэр, лучше организовать охрану лагеря. — Рыцарь вновь поклонился. Это не было оскорбительным жестом, но его поклон напомнил всем, насколько сэр Роже нарушил хорошие манеры. Затем сэр Оливер отошел и принялся выполнять свои обязанности.

Вскоре везде стояли часовые. А сэр Оливер, взяв с собой Бранитара, отправился в версгорский лагерь осматривать оборудование, которое еще можно было использовать.

Синелицый сумел за последние, даже очень насыщенные дни, усовершенствовать свой английский. Он говорил с большой убежденностью, а сэр Оливер его слушал. Я видел эту картину в черных вечерних сумерках, но не слышал, о чем они говорили. Я торопился на совет.

Высоко в небо взметнулось пламя костра, факелы были воткнуты в землю. Английские капитаны сидели вокруг плетеного столика, а над их головами мерцали чужие созвездия. Я слышал ночной шум леса. Все люди смертельно устали, но их взгляды были прикованы к барону.

Гладко выбритый, одетый в чистую одежду, с сапфировым перстнем на пальце, он выдавал свою усталость только тускловатостью голоса.

Хотя говорил он решительно, в его голосе не было жизни. Я взглянул в сторону палатки, где находилась леди Катрин и его дети, но в темноте ничего не было видно.

— С Божьей помощью мы опять победили, — начал милорд. — Несмотря на наши потери, у нас теперь больше оружия и машин, чем мы можем использовать. Армия, выступившая против нас, разбита и на планете осталась лишь одна крепость.

Сэр Брайан почесал поросший седой щетиной подбородок.

— Можно, конечно, вновь поиграть в игры, — сказал он. — Но осмелимся ли мы остаться здесь? Как только версгорцы придут в себя, они найдут способ расправиться с нами.

— Верно, — кивнул ему сэр Роже. — И это одна из причин, почему нам нельзя медлить. А вторая — это место вообще неудобно для жизни во всех отношениях. Замок Дарова и больше, и

укрепленнее, и лучше подходит для нас. Захватив его, мы не будем опасаться взрывов. И даже если герцог Хуруга не будет бомбардировать нас здесь, можно ли быть уверенными, что он не проглотит свою гордость и не пошлет корабль за помощью к императору? Надо готовиться к тому, что против нас выступит вся версгорская армада, а ее размеры вы себе можете представить. — Он постарался не заметить дрожи, охватившей капитанов, и закончил: — По всем этим причинам нам необходимо захватить Дарову.

— Противостоять флоту ста миров?! — воскликнул капитан Баллард. — Нет, сэр, ваша гордость переходит в безумие. Давайте-ка улетим, пока это возможно, и будем молить Бога, чтобы он направил нас к Земле.

Рука сэра Роже с силой ударила по столу.

— Клянусь ранами Христа! — взревел он. — В день победы, какой не знал сам Ричард Львиное Сердце, вы готовы поджать хвост и бежать без оглядки! Я думал, вы мужчины!

— Что же, в конце концов, выиграл Ричард, — проворчал Баллард, — кроме выплаты выкупа, который разорил всю страну?

Но сэр Брайан, услышав это, прошептал:

— Я не хочу слышать об измене...

Баллард понял, что он сказал, и, покусывая губы, замолчал.

Тем временем сэр Роже торопливо продолжал: — Арсеналы Даровы опустошены. Из них выгребли все, чтобы вооружить армию, которая была разбита. Теперь у нас есть все вооружение, которым они располагают, а большая часть гарнизона перебита, но, только дайте им время, и они оправятся. Хуруга созовет воинов со всей планеты и выступит против нас. Но сейчас в их рядах царит паника, и самое большее, что они могут сделать, — это воздвигнуть крепостной вал. Контратака сейчас вне сомнения.

— И, захватив Дарову, мы будем сидеть там, пока не прибудут их подкрепления? — послышался из темноты чей-то голос.

— Это все же лучше, чем сидеть здесь, верно?

И хотя смех сэра Роже был принужденным, ему ответили одна или две угрюмые улыбки.

Итак, все было решено.

Наши люди так и не легли спать. Под ярким светом двойной луны они вновь начали свой тяжелый труд. Мы отыскали несколько тяжелых транспортных кораблей, которые были сравнительно мало повреждены, так как находились далеко от центра взрыва. Ремонтники из числа наших пленников довольно быстро восстановили их. Не теряя времени, мы начали погрузку. Ненасытное чрево кораблей поглощало все: машины, оборудование и оружие. За ними последовали люди, пленники, скот — и задолго до полуночи наши корабли поднялись в воздух в сопровождении целой тучи маленьких летающих лодок, с двумя-тремя людьми на борту.

Мы спешили не зря. Через час после нашего отлета, как мы

узнали позже, автоматический воздушный корабль, оснащенный мощной бомбой, обрушился на Гантурак. Но нас там уже не было.

Осторожный полет по свободному от вражеских кораблей пространству привел нас к внутреннему морю. Через много миль впереди мы обнаружили Дарову. Вызванный в качестве переводчика в контрольную рубку, я увидел ее на экране далеко внизу и впереди.

Наши корабли летели навстречу восходящему Солнцу, восход которого окрашивал здания крепости в розовый цвет. Их было всего десять — низких, круглых, из оплавленного камня строений. Стены их были настолько толсты, что могли выдержать любой удар. Они были соединены друг с другом укрепленными туннелями. В сущности, весь замок находился под землей и был так же изолирован и самообеспечен, как космический корабль. Его окружал сплошной ряд гигантских бомбард и странных на вид металлических установок, высовывавших свои стволы из внешних укреплений. И над этим всем, как сатанинская пародия на ореол, сверкал защитный экран — и ни одного космического корабля противника.

К этому времени я, как и большинство из нас, умел пользоваться передатчиком. Я включил его, и на экране появилось изображение версгорского офицера. По-видимому, он тоже пытался связаться с нами и настраивал аппаратуру. Из-за несогласованности действий мы потеряли несколько секунд. Лицо офицера было бледно, цвета небесно-голубой лазури, и он несколько промедлил, прежде чем спросил:

— Чего вы хотите?

Сэр Роже нахмурился. С налитыми кровью глазами, с лицом, вся плоть которого, казалось, вот-вот расплавится от гнева, он выглядел пугающе.

Ответ последовал незамедлительно:

— Хуругу!

— Мы не можем... вызвать нашего Граса, он приказал не беспокоить его...

— Брат Парвус, скажите этому идиоту, что я буду разговаривать только с их герцогом и ни с кем больше! Переговоры! Разве у них нет обычая, принятого у всех цивилизованных народов?

Версгорец быстро взглянул на нас, когда я передал ему слова милорда, потом что-то сказал в маленький ящик и притронулся к нескольким кнопкам. Его изображение сменилось лицом Хуруги. Некоторое время губернатор протирал заспанные глаза, потом с угрюмой храбростью сказал:

— Не надейтесь разрушить эту крепость, как вы сделали с другими. Дарова построена как необыкновенно мощное укрепление. Это же центральная база планеты! Массированная бомбардировка может повредить только наземные постройки. Если же вы попытаетесь провести прямую атаку, мы смешаем вас с песком...

— Но долго ли вы выдержите? — насмешливо спросил сэр Роже.

Хуруга обнажил свои острые зубы.

— Дольше, чем ты думаешь, скотина!

— И тем не менее, я не думаю, чтобы вы были приспособлены к осаде...

Я нашел в своем скудном словаре соответствие для этого последнего термина, и Хуруга с трудом вник в иносказательное толкование, которым я пытался объяснить, что значит слово «осада». Когда я объяснил милорду, почему перевод занял так много времени, сэр Роже коротко кивнул головой.

— Я подозревал это, — сказал он. — Смотрите, брат Парвус. Эти межзвездные нации имеют оружие почти такое же мощное, как меч святого Михаила. Одним взрывом они могут уничтожить город, а десятью — опустошить целое графство. Но, в таком случае, могут ли их битвы длиться долго, а? Этот замок построен так, чтобы выдержать быстрый и короткий удар. Но осада? Вряд ли!

И, уже обращаясь к экрану, сказал:

— Я остановлюсь невдалеке от вас. При первой же попытке напасть открываю огонь по крепости. Поэтому, во избежание всяких недоразумений, для ваших людей лучше все время находиться под землей. В любое время, как только решитесь сдаться, вызывайте меня по передатчику.

Хуруга осклабился.

Я прочел мысли, скрывавшиеся в его черепе: «Пусть англичане сидят поблизости, пока не прибудет карательная экспедиция...»

Экран погас.

Неподалеку от крепости мы нашли хорошее место для лагеря. Оно лежало в глубокой, укрытой холмами долине, через которую бежала река с чистой холодной водой, полная рыбы. Луга чередовались с рощами, дичь была в изобилии, и в свободное время наши люди охотились. Я видел, как за несколько долгих дней отдохнули и повеселели наши солдаты.

Сэр Роже себе отдыха не давал. Я думаю, что появляться в своей палатке он не осмеливался, ибо леди Катрин оставила детей под присмотром няньки и бродила по лагерю с сэром Оливером. Они не прятались и не делали ничего скрытного, но если муж видел их, то тут же отдавал приказ присмотреть за ними надежному человеку.

Запрятавшись в лесах, мы обезопасили наш лагерь от любого обстрела. Разбросанное по всей территории лагеря в палатках и под навесами, наше оружие и снаряжение не давали необходимой для обнаружения детекторами концентрации металла. Наши воздушные корабли постоянно патрулировали над Даровой, приземляясь для отдыха в разных местах, далеко от лагеря. Требучеты были в постоянной готовности на случай, если в крепости появятся признаки жизни. Но Хуруга предпочитал пассивно наблюдать. Время от времени над нами проносился осмелевший вражеский корабль, прилетевший из какого-нибудь района планеты. Но он не находил цели, а наши патрули вынуждали его удирать без оглядки.

Большая часть наших сил — крупные корабли, орудия, военные

машины — была размещена где-то в другом месте. Поэтому я часто не видел сэра Роже. Я оставался в лагере, изучая версгорский и обучая Бранитара английскому. Я также организовал обучение туземному языку некоторых наиболее одаренных наших парней. У меня не было ни малейшего желания принимать участие в экспедициях барона.

У него были космические корабли, у него были бомбарды, стреляющие и огнем, и бомбами. У него было несколько ужасных машин-черепах. У него были сотни открытых боевых машин, которые он обвешал щитами и вымпелами, посадив в каждую по четыре солдата. Он бродил по стране и опустошал ее. Ни одно изолированное имение не могло выдержать его атаки. Грабя и сжигая, он оставлял за собой разорение, убивал версгорцев, но не более, чем это было необходимо при военных действиях. Остальных держал в плену на больших транспортных кораблях. Несколько раз население пыталось оказывать сопротивление. Однако у них было только ручное оружие, и солдаты сэра Роже били их, как мякину, и развеивали прах по их же собственным полям. Несколько дней и ночей оказалось достаточно, чтобы опустошить почти всю страну. Потом он предпринял набег через океан, грабя и сжигая все на своем пути.

Мне это все казалось жестокой бойней.

Впрочем, то же самое делала империя на сотнях планет. Но я не понимал логику подобных действий.

Правда, надо признать, сэр Роже поступал так, как обычно ведут себя европейские армии во вражеской стране. Но когда он приземлялся и его люди выходили из кораблей, тяжело нагруженные драгоценностями, богатыми тканями, серебром и золотом, пьяные от найденных напитков, хвастающиеся своими подвигами, я отправлялся к Бранитару.

— Эти новые пленники не в моей власти, но передай своим собратьям в Гантураке, что прежде чем барон уничтожит их, он должен будет снести мне голову.

Версгорец с любопытством взглянул на меня и спросил:

— Почему ты заботишься о нас?

— Бог да поможет мне, — ответил я, — не знаю ничего, кроме того, что и вас создал Господь...

Известие об этом разговоре дошло до милорда, и он вызвал меня к себе. Пройдя по лагерю, я увидел просеку, вырубленную пленниками. Сами они толпились, как овцы, перепуганные, в окружении английских солдат с ружьями. Конечно, их присутствие тоже служило нам защитой, поскольку корабли противника уже обнаружили наш лагерь. Сэр Роже позаботился о том, чтобы губернатор знал о присутствии в лагере пленных. Но когда я увидел синекожих матерей, державших на руках плачущих детей, что-то сжало мне сердце.

Барон сидел на табурете и грыз запеченную на огне ляжку быка. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь листву, падали на его лицо.

— Что же это, брат Парвус? — воскликнул он. — Неужели вам так понравились эти свиные рыла, что вы вступаетесь за них?

Я пожал плечами.

— Подумайте, сэр, как такие деяния отягощают вашу душу...

— Что? — Он поднял густые брови. — Когда это запрещалось освобождать пленных?

Теперь пришла моя очередь удивляться.

Сэр Роже продолжал с аппетитом глодать ляжку.

— Мы оставим у себя таких, как Бранитар, и ремесленников — они полезны для нас. Остальных мы гоним в Дарову. Тысячи и тысячи. Как вы думаете, растает ли сердце Хуруги от благодарности?

Стоя по колено в траве на лугу, освещенном солнцем, я в растерянности ничего не мог сказать.

Итак, под насмешливые выкрики и подталкиваемая нашими людьми, эта бесконечная толпа двигалась через ручьи и кустарники, пока не оказалась на опушке леса. Впереди были видны строения Даровы. Несколько версгорцев робко выступили вперед. Англичане, опираясь на копья, смеялись. Один версгорец побежал вперед. Никто в него не стрелял. Побежал еще один, и еще... И наконец вся масса устремилась к крепости.

В этот же вечер Хуруга сдался.

— Это было легко, — смеялся сэр Роже. — Не думаю, что у него было много запасов, ведь осады в этом мире не известны. Итак, во-первых, я показал ему, что намерен опустошить всю планету, так что, если бы мы были даже побеждены, ему бы пришлось отвечать. А потом я добавил ему несколько лишних ртов...

Он хлопнул меня по спине. Когда же я отошел и выпрямился, он сказал:

— Ну, брат Парвус, теперь нам принадлежит этот мир. Не хотите ли стать его первым аббатом?

ГЛАВА 15

Конечно, я не мог принять это предложение. Помимо сложного вопроса о посвящении в сан, я знаю, как мне кажется, свое скромное место в жизни. В любом случае, в нашем положении это были пустые разговоры. У нас было слишком много забот, и мы могли предложить Богу лишь благодарственную мессу. Мы позволили уйти всем пленным. По мощному передатчику сэр Роже обратился с речью ко всему Териксану. Он приказал всем землевладельцам в областях, не подвергшихся разорению, явиться для изъявления покорности и захватить на обратной дороге с собой по нескольку бездомных. Урок, который мы им преподали, оказался таким наглядным, что в последующие несколько дней лагерь кишел синими посетителями. По большей части иметь дело с ними приходилось мне, и я забыл, что такое сон. В большинстве своем они были кроткими существами.

Действительно, эта раса столько господствовала на множестве звезд, что только теперь их солдаты имели возможность развивать присущее нашим солдатам презрение к смерти. Когда же солдаты были разбиты, буржуа и франклины сдались, не колеблясь ни минуты. Они настолько привыкли находиться под властью всесильного правительства, что даже и не думали о возможности сопротивления.

Большую часть своего внимания сэр Роже уделял тренировке войска в несении гарнизонной службы. Машинами в замке было легко управлять, как и другим версгорским оборудованием, так что гарнизонную службу могли нести женщины, подростки, крестьяне и старики. Они могли защитить крепость от нападения, по крайней мере на время. Тех же, кто оказался совершенно неспособным овладеть дьявольским искусством чтения показаний приборов, нажимания кнопок и поворачивания ручек, сэр Роже отправил на отдаленный остров присматривать за скотом.

Когда перемещенный на Териксан Энсби оказался способен к самозащите, барон собрал солдат для еще одной экспедиции в небо. Он заранее объявил мне свой замысел. По-прежнему только я довольно свободно владел версгорским, хотя Бранитар с помощью отца Симона быстро учил и других.

— До сих пор все складывалось довольно удачно, брат Парвус, — объявил сэр Роже. — Но одни мы не справимся с версгорской империей. Я надеюсь, что вы довольно хорошо овладели их письменностью. Во всяком случае достаточно, чтобы следить за туземным навигатором и знать, что он не приведет нас туда, куда нам совсем не нужно.

— Я немного изучил принцип составления их звездных карт, — ответил я, — хотя они обычно используют не карты, а столбцы чисел. Нет у них на корабле и рулевых. Они указывают автомату данные звезды, к которой надо лететь, и уже Гомункулус руководит полетом.

— Я знаю! Именно так Бранитар завлек нас сюда. Опасное существо, но слишком полезное, чтобы его убить. Я с радостью не беру его с собой, но с нелегким сердцем оставляю его в Дарова...

— Но куда вы направляетесь, сэр?

— Ага, вот оно что? — Он потер красные от бессонницы глаза. — Есть и другие королевства, кроме Версгора. Меньшие межзвездные цивилизации, которые предвидели, что рано или поздно синелицые дьяволы прикончат их. Я собираюсь искать союзников.

Все было ясно, но я еще колебался.

— Ну, — требовательно спросил сэр Роже, — что вас еще беспокоит?

— Если они до сих пор не решались на войну, как же горстка отсталых дикарей, какими являемся мы, сможет подтолкнуть их к этому?

— Слушайте, брат Парвус, я устал от этого нытья по поводу нашего невежества и слабости. Мы не так невежественны в истинной вере, не правда ли? Кстати, если орудия войны и машины могут

меняться в течение столетий, соперничество и интриги кажутся здесь не слабее, чем у нас дома. Мы не дикари только потому, что используем их смертоносное оружие.

Я не смог опровергнуть его доводы, ведь в них была наша единственная надежда, если не считать полета наугад в поисках Земли.

Лучшие версгорские космические корабли хранились в подземельях Дарова. Мы как раз занимались их снаряжением, когда солнце заслонил еще больший корабль. Вися над нами, как грозовая туча, он привел наших людей в отчаяние. Но вот прибежал сэр Оливер Монтбелл, тащя на веревке за собой версгорского офицера, и, взяв меня с собой как переводчика, пошел к передатчику. Стоя вне поля зрения экрана, сэр Оливер под угрозой меча заставил пленника говорить с командиром корабля.

Это оказался торговый корабль, совершающий регулярные рейсы к этой планете. Вид Гантурака и Стуларакса привел его экипаж в ужас. Действительно, вид оплавленных ям на месте мощных крепостей заставил бы содрогнуться кого угодно.

Мы легко могли бы сбить этот корабль, но сэр Оливер приказал пленному офицеру сказать, что это был набег из космоса, отраженный гарнизоном Дарова, и что корабль должен приземлиться здесь. Капитан корабля повиновался, и когда люки корабля открылись, сэр Оливер ввел на борт корабля группу солдат и безо всяких осложнений захватил корабль.

За это солдаты чествовали его днем и ночью, и он превратился в храбреца, всегда готового на галантный жест. Сэр Роже, трудившийся безостановочно, стал еще более грубым. Сэр Оливер был его полной противоположностью, как Оберон по сравнению с медведем. Половина наших женщин была в него влюблена, но он пел свои песни только ради леди Катрин.

Добыча с огромного космического корабля была богатой. Но самой лучшей добычей было обнаруженное на корабле большое количество зерна. Мы испробовали его на нашем скоте, который только худел на отдаленном острове, питаясь невкусной синей травой. Коровы приняли новую пищу с такой радостью, будто это был добрый английский овес.

Услышав это, сэр Роже воскликнул:

— С какой бы планеты ни прилетел этот корабль, следующей мы должны захватить именно эту планету!

Я перекрестился и поторопился уйти.

У нас осталось очень мало времени. Ни для кого не было секретом, что Хуруга послал на Версгориксан корабль с известием сразу же после битвы за Гантурак. Требовалось время, чтобы корабль достиг этой отдаленной планеты, для сбора императорского флота и, наконец, для того, чтобы прилететь сюда.

День за днем пролетали мимо.

Главой гарнизона Даровы, состоящего из женщин, подростков,

стариков и крестьян, сэр Роже назначил свою жену. Конечно, пространные и напыщенные статьи, которыми описываются значительные персоны в наших хрониках, ненаучны... но я знал этих двоих, и не только внешне. Я знал их души. Как сегодня, я вижу их в обожженной комнате чужого замка.

Леди Катрин увешала свое жилище гобеленами, разбросала по полу шкуры и развесила по стенам светильники, чтобы это место не казалось таким чужим. Она гордо ждала, пока ее муж простится с детьми. Маленькая Матильда открыто плакала. Роберт сдерживал слезы, пока отец не закрыл за собой дверь, ведь он же был де Турневиль.

Сэр Роже медленно выпрямился. У него не было времени побриться, и щетина, как проволока, торчала на его обожженном лице. Серые глаза были воспалены, а мускул на лице не переставал дергаться. Поскольку из труб здесь бежала горячая вода, он был вымыт, но на нем был его обычный грубый камзол и заплатанные брюки.

— Ну, я должен идти.

— Да. — Она вся напряглась.

— Я верю... — Он прочистил горло. — Я думаю, что у вас есть все необходимое.

— Да...

— Помните то, что все наши учащиеся как можно скорее должны овладеть версгорским языком. Иначе мы будем глухонемыми среди врагов. Никогда не доверяйте пленным. Два вооруженных солдата должны быть постоянно с каждым из них.

— Конечно, — кивнула леди Катрин. Она была причесана, и локоны ее, как застывшие морские волны, лежали на плечах. — Я также буду помнить, что свиньям нельзя давать зерно, которое мы даем другому скоту...

— Это очень важно! И не забудьте пополнять запасы. Те из нас, кто провел пробу туземной пищи, живы и здоровы, поэтому можете пополнять запасы продовольствия в версгорских амбарах.

Наступило молчание.

— Ну, — повторил он, — я должен идти.

— Господь да будет с вами, милорд!

Он постоял еще немного, вслушиваясь в ее голос, потом выдохнул:

— Катрин...

— Да, милорд?

— Я обидел вас. — Слова давались ему с трудом. — Я пренебрегал вами, это еще хуже...

Молча она протянула ему руку, и он осторожно коснулся ее.

— Каждый человек может ошибаться, милорд.

Он осмелился заглянуть в ее голубые глаза.

— Вы дадите мне талисман на память?

— Ради вашего благополучного возвращения...

Он обнял ее и, прижав к себе, весело воскликнул:

— И ради моей победы! Дайте мне талисман, и я положу всю империю к вашим ногам.

Она высвободилась из его объятий и отступила. Губы ее дрожали.

— Когда вы начнете поиски Земли?

— Какая честь возвращаться в наш маленький дом, когда мы оставляем все звезды нашим врагам? — В его словах звенела гордость.

— Да поможет мне Бог... — прошептала леди Катрин и вышла.

Он долго стоял, пока ее шаги не стихли в холодных коридорах, затем повернулся и вышел...

ГЛАВА 16

Вначале мы хотели погрузиться на один большой корабль, но потом решили, что лучше отправиться на нескольких. Один из наших парней, немного разбиравшийся в геральдике, раскрасил корабли краской. Теперь они были разукрашены гербами Турневилей и английскими леопардами, сверкали золотом и пурпуром.

Териксан остался позади. Мы пребывали в странном состоянии, где было больше измерений, чем обычные три Эвклидова, и версгорцы называли это «сверхсветовым полетом».

Вновь нас окружали со всех сторон звезды, и мы забавлялись, давая названия новым созвездиям — Рыцарь, Пахарь, Арбалет и другие, включая и такие, которые здесь описывать неуместно.

Путешествие было недолгим, всего лишь несколько дней, как мы смогли определить по часам. За это время мы немного отдохнули и, когда прибыли в планетную систему Водавант, стали сильны, как охотничьи псы.

Теперь мы уже знали, что существует множество видов и разного цвета солнц. Версгорцы предпочитали, как и люди, маленькие желтые светила. Водавант была краснее и холоднее и имела только одну обитаемую планету (обычный случай). Когда на этой планете высадились версгорцы, они нашли ее тусклой и холодной. Поэтому наши враги не стали покорять туземцев — джаров, а просто запретили им захватывать новые колонии, кроме тех, что они уже имели, и заставили их подписать невыгодный торговый контракт.

Планета, как огромный щит, избитый и поржавелый, висела на фоне звезд, когда нас остановили боевые корабли туземцев. Наша флотилия поспешно остановилась, мы замедлили скорость и стали двигаться через пространство по гиперболической суперзвуковой орбите, на которую перешли и корабли джаров. Но эти проблемы небесной навигации заставляют болеть мою бедную голову, так что я оставляю их астрологам и ангелам.

Сэр Роже пригласил адмирала джаров на наш флагманский корабль. Мы, как обычно, использовали версгорский язык, я служил переводчиком. Но я передам только суть происшедшего тогда

разговора, без утешительных победных эпизодов, которые на самом деле происходили...

Подготовка приема производилась так, чтобы посетители были поражены роскошью и великолепием убранства. Коридоры от входа до столовой были заполнены воинами. Лучники надели свои зеленые камзолы и штаны, украсили шляпы перьями и держали в руках свое смертоносное оружие. Пехотинцы отполировали шлемы и образовали арку из пик. Там, где коридор был достаточно широк и высок, красовались двенадцать кавалеристов в полном вооружении, в доспехах, со знаменами и щитами, плюмажами и копьями. У последней двери стоял начальник охоты сэра Роже со сворой мастифов у ног и с соколом на перчатке. Гудели трубы, гремели барабаны, выли рога, лаяли собаки, и корабль дрожал от оглушительного крика.

— Бог и святой Георг за веселую Англию!

— Ура!

Джары выглядели немного испуганными, но продолжали путь в столовую, которая была увешана наиболее богатыми из захваченных тканей. В конце длинного стола, окруженный алебардщиками и лучниками, в роскошной одежде, на троне, торопливо сколоченном нашими плотниками, сидел сэр Роже.

Когда джары вошли, он поднял золотой версгорский кубок и выпил в их честь добрый английский эль. Он хотел использовать для этой цели вино, но отец Симон решил сберечь его для святого причастия, сказав, что чужие дьяволы все равно не заметят разницы.

— Добро пожаловать!

Джары недоуменно переглядывались, пока пажи не указали отведенные им места с такими церемониями, как будто это был королевский двор. После этого я прочел молитву и попросил Господа благословить это необычное совещание. Это было сделано не только по религиозным соображениям. Как мы уже узнали, джары используют определенные словесные формулы для пробуждения скрытых сил тела и разума. Если они будут настолько глупы, что примут мою торжественную латынь за такую же формулу, то грех ведь падет не на нас, верно?

— Добро пожаловать, милорд, — сказал сэр Рожé, обращаясь к адмиралу.

Барон тоже выглядел отдохнувшим. Даже что-то мальчишеское было в его облике. Только те, кто его хорошо знал, видели, какая пустота царит в его душе.

— Прошу простить за бесцеремонное вторжение в ваш дом, но новости, с которыми я пришел, не могут ждать.

Адмирал джаров наклонился вперед. Он был несколько выше среднего человека, но гораздо тоньше и грациозней, с мягкой серой шерстью по всему телу и белым гребешком вокруг головы. На лице — кошачьи усики и огромные пурпурные глаза, но в целом он выглядел как человек. Или, скорее, как человек в триптихе, нарисованном не

слишком искусным художником. На нем был плотный облегающий костюм из коричневого материала, со знаками его ранга. Но по сравнению с великолепием наших солдат он и его восемь помощников выглядели скучновато. Его имя, как мы узнали, было Балджад Сер Ван. Наши ожидания, что командующий флотом планеты должен занимать высокое положение в своем правительстве, вполне оправдались.

— Мы не думали, что версгорцы настолько доверятся какой-нибудь нации, что вооружат ее как своего союзника, — сказал адмирал.

Сэр Роже засмеялся.

— Несомненно, дорогой сэр! Мы прибыли к вам после недавнего захвата Териксана, используя трофейные версгорские корабли.

Балджад был настолько ошеломлен, что шерсть его ощетинилась от возбуждения.

— Значит, вы межзвездная раса? — воскликнул он.

— Мы — англичане, — уклонился от прямого ответа сэр Роже. Он не хотел лгать потенциальному союзнику больше, чем это было необходимо, ибо в дальнейшем подобная ложь могла вызвать неприятности. — Наши лорды владеют обширными зарубежными территориями: Ольстер, Дейнстер, Нормандия, но я не хочу вас утомлять перечислением планет. (Лишь один я заметил, что на самом деле эти графства не были планетами.) Короче, цивилизация очень древняя, и наши записи уходят в прошлое больше чем на пять тысяч лет...

В последней фразе сэр Роже использовал эквивалент земных лет, и кто мог бы отрицать, что Священное Писание с абсолютной точностью описывает события со времен Адама. Но это все не произвело на Балджада особого впечатления.

— Версгорцы хвастают, что их записи охватывают две тысячи лет с тех пор, как их цивилизация возобновилась после последней междуусобной войны. Но мы, джары, ведем исторические записи уже восемь тысячелетий.

— Как давно вы овладели космическими полетами? — спросил сэр Роже.

— Около двух столетий.

— Ага, наши первые шаги в этой области... как давно они были, брат Парвус?

— Около двух с половиной тысяч лет назад, в месте, именуемом Вавилон, — ответил я на это.

Балджад сглотнул, а сэр Роже, как бы не замечая этого, продолжал:

— Вселенная так огромна, что расширяющееся английское королевство до недавнего времени не встречалось с расширяющимся версгорским доменом. Не зная нашей истинной мощи, версгорцы напали на нас безо всякого повода. Вы же знаете их злобность. Сами же мы — очень мирная нация.

Пленники-версгорцы с презрением нам говорили, что джарская

республика ненавидит войны и никогда не колонизирует планеты, имеющие разумных обитателей.

Сэр Роже развел руки и поднял глаза вверх:

— Одна из наших заповедей — «Не убий!» Но еще большим грехом было бы позволять такой жестокой и кровожадной расе, которой являются версгорцы, уничтожать беспомощные народы.

— Гм... — Балджад почесал шерсть у себя над глазами. — Где лежит эта ваша Англия?

— Ну, ну, — ответил сэр Роже. — Вы не можете ожидать, что мы скажем это даже самому благородному незнакомцу, пока между нами не будет полного взаимопонимания. И версгорцы тоже не знают этого. Мы захватили их разведывательный звездолет. Моя экспедиция прибыла сюда, чтобы наказать их и собрать побольше информации. Как я уже говорил, мы с незначительными потерями захватили Териксан. Но наш король не вмешивается в дела других народов, не узнав их желаний. Клянусь, что Эдуард Третий и не думает о вражде с вами. Напротив, я бы хотел, чтобы вы, джары, и другие народы, страдающие под пятой версгорцев, объединились бы с нами в крестовом походе против них. А потом мы раздавим их империю.

— Разве вы, глава отдельного вооруженного отряда, уполномочены вести подобные переговоры? — с сомнением спросил Балджад.

— Сэр, я не простой дворянин, — чопорно ответил барон. — Мое происхождение не менее высоко, чем у любого барона вашего королевства. Один из моих предков командовал объединенным флотом всей планеты.

— Но все это так неожиданно. Нечто неслыханное. Мы не можем... Я не могу... Это надо обсудить.

— Конечно. — Голос милорда звенел. — Но не тратьте слишком много времени, джентльмены. Я предлагаю вам шанс покончить с версгорским владычеством. Англия больше не может терпеть его. Если вы разделите с нами тяготы войны — хорошо, если нет — мы, англичане, вынуждены будем сами оккупировать версгорский домен: кто-то ведь должен навести в нем порядок. Итак, говорю я, присоединяйтесь к крестовому походу под моим командованием. И — ура! К победе!..

ГЛАВА 17

Джары, как и другие свободные нации, не были простаками. Они пригласили нас приземлиться и быть гостями их планеты. Странная была эта стоянка, как будто мы оказались в не знающей времени стране эльфов. Я помню стройные башни и легкие мосты между ними; города, где здания чередовались с парками, образуя гигантский сад; лодки на голубых озерах; ученых, обсуждающих со мной вопросы английского языка; огромные лаборатории алхимиков; музыку, которая еще звучит в моих снах. Но это не географическая книга, и

даже краткий рассказ об этой нечеловеческой цивилизации прозвучит для уха обычного англичанина более дико, чем фантазии славного венецианца Марко Поло.

Пока военные руководители и политики джаров вежливо, но настойчиво расспрашивали нас, к Териксану спешила экспедиция, чтобы проверить, что же на самом деле произошло. Леди Катрин встретила ее с помпой и позволила расспросить тех версгорцев, которых джары выберут сами. Она не показала им Бранитара, который знал слишком много. Остальные, даже Хуруга, не могли сообщить ничего, кроме впечатлений о несокрушимой мощи.

Будучи незнакомыми с разнообразием человеческой внешности, члены экспедиции так и не поняли, что гарнизон Даровы укомплектован слабейшими. Но они пересчитали людей и с трудом могли поверить, что такие незначительные силы могли совершить все это. Конечно, решили они, у людей есть неведомые силы! Когда они увидели пастухов верхом на лошадях, женщин, готовящих пищу у костров, они с легкостью проглотили объяснение, что мы, англичане, предпочитаем простую жизнь на лоне природы, — это ведь был и их идеал жизни.

К счастью, языковой барьер ограничивал их лишь тем, что они могли сами увидеть. Те наши парни, которые изучали версгорский язык, владели им слишком слабо для полноценной беседы. Многие простолюдины, а возможно, и воины, выдали бы свой ужас, прося увезти их домой. Но все разговоры с англичанами происходили через меня. А я поддерживал высокомерие сэра Роже. Он не стал скрывать от джаров, что версгорцы вскоре собираются напасть на Дарова. Скорее, он бахвалился этим. Ловушка подготовлена, сказал он. Если же Вода и другие планеты не помогут ему, то он вынужден будет обратиться за помощью к Англии. Мысль об армаде из совершенно неизвестного района космоса, которая может вторгнуться в их мир, сильно обеспокоила вождей джаров. Я не сомневался, что некоторые из них считают нас авантюристами, возможно, объявленными вне закона, которые не могут рассчитывать на помощь родины. Но другие возражали.

— Допустим, мы будем стоять в стороне и не вмешиваться. Даже если эти пришельцы — пираты и захватили планету, не проявив никакого страха перед версгорской империей. В любом случае, мы должны учитывать возможность, что англичане, невзирая на их клятвы, так же агрессивны, как и синелицые. Поэтому не лучше ли укрепиться, помогая этому Роже занять несколько планет и захватить много добычи? А единственная альтернатива — заключить союз с версгорцами, но это совсем немыслимо!

К тому же воображение джаров было захвачено открывающейся перспективой. Они видели сэра Роже и его товарищей и их спокойные лица. Они слышали о поражении, которое он нанес их заклятым врагам. Фольклор джаров, основывающийся на том, что им известна только малая часть вселенной, заставлял их верить, что где-то может

существовать более древняя и могущественная раса. Поэтому, когда они узнали, что сэр Роже призывает их к войне, они приветствовали его. Джар был истинной республикой, а не карикатурой на нее в отличие от Версгора. Голос народа в его парламенте звучал довольно внушительно.

Версгорский посол протестовал, когда же это не помогло, он пригрозил уничтожением. Но он был слишком далеко от дома. Депеши, которые он слал своему правительству, шли долго, а тем временем толпы джаров забрасывали камнями его резиденцию.

Сэр Роже совещался также с послами других рас этой Галактики. Здесь были представители двух других межзвездных наций: ашенкогхли и протаны.

Я расскажу об одном из таких заседаний. Как обычно, оно проходило на версгорском языке. У меня было много дополнительных трудностей с переводом, ибо протан находился в ящике, где был жаркий и ядовитый для нас воздух, который для него необходим, и говорил он с помощью передатчика, с акцентом, еще более худшим, чем мой. Я никогда не пытался узнать его личное имя или должность, ибо это означало погружение в концепции более сложные для человека, чем даже книги мамонидов. Для меня он был третичным язычным мастером северо-восточного улья, а про себя я назвал его Этальберт.

Мы, посетители, сидели в холодной синей комнате замка, расположенного далеко от города. Пока щупальцы Этальберта проделывали движения формального приветствия, сэр Роже оглядывался.

— Открытые окна, широкие, как люки корабля, — пробормотал он. — Какая роскошь! С каким бы удовольствием я атаковал это место!

Переговоры начались.

— Я не могу навязывать улью свою точку зрения, — сказал Этальберт. — Я могу лишь послать рекомендации. Однако, поскольку мозг у моих сограждан менее индивидуалистичен, чем у других наций, мои рекомендации будут иметь большой вес. В то же время меня, соответственно, труднее убедить в чем-либо...

Мы уже успели удостовериться в этом. Что касается ашенкогхли, то они были разделены на кланы, вождь одного из которых был послом и по собственной воле мог вызвать флот клана. Это настолько упрощало наши переговоры, что и тут я увидел помощь Господа. Могу сказать, что соглашение, которого мы добивались, было очень ценным для нас.

— Вы, сэр, несомненно, знакомы с доводами, которые мы привели джарам, — заметил сэр Роже. — Они в такой же мере относятся и к вашей собственной планете.

Я с тревогой подумал, что на меня взваливаются трудности произношения и дипломатических формулировок. Версгорский язык был настолько варварским, что я так и не научился думать на нем.

Поэтому мне вначале приходилось переводить фразы сэра Роже на латынь, а потом уже, на основании латинских фраз, воздвигать версгорские структуры. Этальберт же, в свою очередь, мысленно переводил их на язык протан.

Удивительны создания Господа!

— Наши ульи недовольны, — согласился посол. — Версгорцы ограничили наши перемещения и распространение в космосе, они берут с нас большую плату за редкие металлы. Однако наша планета бесполезна для них, и поэтому мы не боимся непосредственного нападения, которого боятся Вода или Ашенк. Зачем же нам провоцировать его самим?

— По-видимому, у этих созданий нет понятия чести, — прошептал мне барон. — Поэтому скажите, что, когда версгорцы будут разбиты, они полностью избавятся от прежних ограничений и расходов.

— Естественно, — последовал холодный ответ. — Но выигрыш слишком мал по сравнению с риском. Ведь наша планета и ее колонии могут подвергнуться бомбардировке.

— Риск будет намного меньше, если все противники версгорцев будут действовать совместно. Тогда враг будет слишком занят обороной, чтобы нападать самому.

— Но других союзников нет.

— Я считаю, что лорд ашенкогхли здесь, на Воде, планирует присоединиться к нам. А все остальные кланы его планеты поддержат войну, чтобы в случае победы он не слишком усилил свое влияние.

— Сэр! — возразил я по-английски. — Вы не забыли, что этот ашенкогхли вовсе еще не решился присоединиться к нам.

— Передайте мои слова этому чудовищу.

— Милорд, но это же неправда!

— Пока да. Но мы сделаем это правдой. В конце концов, она не будет ложью.

Меня шокировала эта казуистика, но я выполнил требование милорда. Этальберт был поражен.

— Почему вы так думаете? Ашенкогхли всем известен своей осторожностью.

— Конечно.

Жаль, что бодрый голос сэра Роже не воспринимали нечеловеческие уши протана.

— Поэтому он и не объявляет о своем решении открыто. Но его свита... Кое-кто из них проговорился, а мы умеем понимать намеки...

— Это следует проверить, — сказал Этальберт, — и его намерения довольно легко понять — он заставит своих шпионов работать днем и ночью.

Мы тоже сумели склонить на свою сторону нескольких джаров и суммировали сведения, полученные сэром Роже в разговорах с молодым лордом ашенкогхли. Этот юный кентавр был более склонен к войне, так как она сулила ему славу и богатство. Он сообщил

сведения об организациях, связи с которыми были необходимы сэру Роже. Потом милорд объяснил, какие документы следует подбросить агентам Этальберта, какие слова проронить якобы пьяным, какие неуклюжие попытки подкупа джарских чиновников сделать...

Вскоре все, кроме самого посла ашенкогхли, знали, что он собирается присоединиться к нам.

Поэтому Этальберт рекомендовал своим ульям вступить в войну. Конечно, он пытался сделать это тайно, но сэр Роже подкупил джарского чиновника, который пересылал в специальных ящиках дипломатическую почту. Инспектору пообещали целый архипелаг на Териксане. Это был отличный ход милорда, ибо он давал ему возможность предъявить послу ашенкогхли доказательство, что протаны вступят в войну. А поскольку действия Этальберта имели большой вес, ашенкогхли вызвал свой флот и написал послание вождям других кланов, предлагая им поступить так же.

Конечно, разведка Воды незамедлительно узнала об этом. Джары не хотели слишком большого усиления ашенкогхли и протан, в то время как их планета по-прежнему останется незначительной; поэтому разведка рекомендовала своему правительству вступить в войну, и, как следствие всего этого, парламент джаров объявил войну версгорской империи.

Сэр Роже широко улыбался.

— Это было довольно легко организовать, джентльмены, — сказал он поздравляющим его капитанам. — Я лишь поступил в соответствии с тем, как подобные дела делаются повсюду. Это не секрет. Этот звездный народ попал в силки, которых легко бы избежал любой полуграмотный князь Германии.

— Но как же это могло быть, сэр? — спросил сэр Оливер Монтбелл. — Они же старше, сильнее и мудрее нас?..

— Первое и второе — несомненно, — кивнул сэр Роже. — Но вот третье — нет. Когда дело доходит до интриг — я в них не специалист, я не итальянец, но эти звездные существа подобны детям. А почему? На Земле много столетий существуют нации, и каждая добивается определенных преимуществ перед другими. И все это при такой сложной феодальной системе, что все ее ступени невозможно запомнить. Почему мы ведем так много войн во Франции? Потому что герцог Анжуйский был, с одной стороны, суверенным королем Англии, а с другой стороны, — французским королем! Подумайте, к чему это привело. А ведь это всего лишь один небольшой пример. На нашей Земле мы отлично изучили все виды плутовства, а здесь они неизвестны. Среди всех этих звездных наций единственной реальной силой в течение столетий был Версгор. Версгорцы всюду действовали одним методом: грубо уничтожая расы, у которых не было оружия для защиты. Насильно, поскольку их домен оказался самым большим, они навязывали свою волю трем другим нациям, обладающим такими же знаниями. Эти нации никогда и не пытались объединиться против версгорцев. Никто из них не был способен на большее, чем игра в

снежки. От меня не требовалось большого искусства, чтобы сыграть на таких простых вещах, как жадность, страсть и постоянное соперничество.

— Вы слишком скромны, сэр, — улыбнулся сэр Оливер.

Настроение барона упало.

— Черт, вмешивается повсюду. Мы сидим здесь и ждем, когда соберется флот. А тем временем враг не дремлет!

Да, это был кошмарный период. Мы не могли оставить Воду и возвратиться к нашим женщинам и детям на Териксан. Союз, который мы сколачивали, еще не был прочен. Десятки раз сэр Роже был вынужден латать возникающие прорехи, используя способы, которые будут дорого стоить ему в его будущей жизни. Мы же, остальные, проводили свое время изучая историю, языки, географию (или, лучше сказать, астрологию) и колдовские механические искусства. Это делалось под предлогом сравнения местных машин с нашими. К счастью, мы установили по документам, что некоторые виды захваченного нами оружия были секретны, поэтому мы смогли продемонстрировать особо эффективное ручное оружие, стреляющее разрывными пулями, со спокойной совестью утверждая, что оно английское, и в то же самое время следя, чтобы никто из союзников не мог взглянуть на него поближе.

Ночь после того, как связной корабль джаров принес сообщение, что вражеская армада прибыла на Териксан, сэр Роже провел один в спальне. Я не знаю, что там происходило, но наутро его меч нуждался в заточке, а вся мебель была изрублена в щепки.

Слава Богу! Ждать нам оставалось недолго. Флот Водаванта уже собрался на орбите. Прибыло несколько десятков военных кораблей с Ашенка, а вслед за ними появились, похожие на ящики, корабли протан. И без малейшей задержки флот покинул Воду.

Первый же взгляд, брошенный на Дарову, когда мы, избежав встречи с патрульными кораблями версгорцев, вошли в атмосферу Териксана, заставил меня усомниться в необходимости спешки. На сотни миль вокруг крепости почва была черной, избитой и обожженной, скалы оплавились от взрывов. Ядовитые излучения, которые можно уловить только с помощью приборов, убили все живое. И только через много лет здесь снова сможет возродиться жизнь.

Но Дарова и была рассчитана на отражение таких атак, а леди Катрин позаботилась о запасах продовольствия и воды.

Версгорские корабли постоянно висели над защитным полем крепости. Выстрелы с них разбивали наземные строения, но подземные помещения оставались целыми. И, ко всему прочему, дела у версгорцев, бомбардирующих крепость, шли далеко не блестяще. Время от времени засохшая земля разверзалась, и из нее, как змеиные языки, выглядывали стволы бомбард, которые плевались огненными молниями и прятались назад. Как раз в тот момент, когда мы появились, три версгорских корабля развалились на куски, а их

обломки добавились ко многим другим, оставшимся от кораблей во время прежних атак.

Больше я не видел затянутой дымом Даровы, потому что перед нами появилась версгорская армада, и началась великая битва в космосе.

Страшной была эта битва. На огромном пространстве воцарился хаос, сталкивались взрывные снаряды, лучи и маленькие корабли без экипажей. Космические корабли под управлением искусственного мозга маневрировали так быстро, что только силовые защитные корпуса не давали экипажу размазываться по переборкам. Корпуса раскалывались, но корабли не гибли в пустоте. Поврежденные секции изолировали от остальных, а из неповрежденных продолжали вести огонь.

Таков был обычный способ ведения войны в космосе, но сэр Роже и в него внес новшества. Когда он впервые предложил свой тактический план сражения, джарские адмиралы ужаснулись. Но он настаивал, говоря, что такова английская тактика ведения сражений, что, в сущности, было правдой. На самом деле он сделал это из опасения, что наши люди выдадут свое неумение в обращении с дьявольским оружием.

Итак, сэр Роже разместил наших людей в маленьких космических кораблях, многочисленных и чрезвычайно быстрых. Общий план сражения с самого начала был неортодоксален и должен был вынудить противника занять определенную позицию. И когда настало время, сэр Роже направил космические лодки в самое сердце версгорского флота. Некоторые из них были тут же уничтожены, но остальные продолжали свое движение прямо к флагманскому кораблю версгорской армады. Он был огромен, почти в милю диаметром. Корабль нес на себе генератор защитного поля. Но англичане с помощью взрывчатки пробили его борт. Затем, надев космические скафандры, на которых рыцари нарисовали свои кресты, держа в руках мечи, топоры, алебарды, луки и ручные ружья, они ворвались в корабль.

Их было слишком мало, чтобы захватить весь лабиринт коридоров и кают. Но они объединились, не понеся особых потерь (экипаж флагмана не был готов к рукопашной схватке), и добавили суматохи к общей сумятице в стане врага. Вскоре экипаж покинул корабль, и сэр Роже приказал нашим тоже уходить. И они сделали это прежде, чем корпус раскололся на куски.

Только Бог знает, было ли это действие решающим. Союзный флот меньше по численности и хуже вооружен, поэтому любой наш успех добывался дорогой ценой. С другой стороны, наша атака была настолько внезапной, что мы сумели зажать флот в тиски между нами и Даровой, большие бомбарды которой не стояли без дела, сбивая версгорские корабли.

Я не могу описать появление святого Георгия, потому что мне не посчастливилось видеть его. Однако многие достойные рыцари

клялись, что они видели, как святой рыцарь ехал верхом по Млечному Пути и пронизывал своим копьем вражеские корабли, как драконов. Так или иначе, но через несколько часов, которые я все помню, версгорцы отступили. Они отступили в полном порядке, потеряв четверть своего флота, и мы не стали преследовать их. Сожженные корабли парили над сожженной Даровой, куда спустилась лодка с сэром Роже и адмиралами союзников. В центральном подземном зале английский гарнизон, перепачканный и измотанный в сражении, приветствовал их криками восторга. Леди Катрин нашла время выкупаться и переодеться в свой лучший наряд. Но когда она увидела мужа, стоящего среди союзников в покореженном космическом скафандре, ее спокойствие кончилось.

— Милорд!

Сэр Роже снял прозрачный шлем. Трубка подачи воздуха мешала ему, и, откинув ее, он опустился на одно колено.

— Нет! — громко воскликнул он. — Не говорите так. Позвольте сказать мне: «Миледи, любовь моя!»

Как во сне, она приблизилась к нему.

— Вы победили?

— Нет, победили вы!

— И теперь?..

Он встал, лицо его исказилось. Действительность безжалостно вступала в свои права.

— Совещание, — сказал он. — Подсчет потерь. Строительство новых кораблей. Сбор новых армий. Интриги среди союзников и укрепление союза, с подталкиванием нерешительных. И борьба, всегда борьба. Пока, если Бог поможет, синелицые не будут загнаны на свои планеты и не подчинятся...

Он остановился. Лицо его утратило краску жизни, оно побледнело.

— Но сегодня вечером, миледи, я заслужил право быть с вами наедине, — сказал он слова, которые повторял про себя, должно быть, много раз.

Она задержала дыхание.

— Сэр Оливер Монтбелл жив?

Когда же он не сказал «нет», она перекрестилась, и на губах у нее появилась слабая улыбка. Затем она пригласила капитанов в замок и протянула им руку для поцелуя...

ГЛАВА 18

Я подошел к самой печальной и трудной для описания части своего рассказа. Я при этих событиях не присутствовал, за исключением самого конца.

Сэр Роже ухватился за свой Крестовый поход. Словно убегал от чего-то, и в некотором смысле это было верно. А я был увлечен им,

как листок бурей. Я был передатчиком и переводчиком, но в те минуты, когда у нас не было срочных дел, я становился его учителем версгорского языка до тех пор, пока мое слабое тело выдерживало подобное напряжение. Последнее, что обычно я видел перед тем, как погрузиться в сон, было освещенное лампой изможденное лицо милорда. Он обычно вызывал медика джара, чтобы с его помощью изучать до рассвета джарский язык. Однако прошло много недель, прежде чем он начал отчаянно ругаться на обоих языках.

И своих союзников он заставлял действовать так же энергично, как действовал сам. Версгорцам нельзя было давать ни малейшего шанса восстановить положение. Нужно было атаковывать планету за планетой, очищать от синелицых и там оставлять свои гарнизоны. В этих действиях врагу отводилась роль только обороняющегося. Мы получали большую помощь от населения оккупированных версгорцами планет. Как правило, туземцы нуждались лишь в оружии и руководстве. А теперь, получив и то, и другое, они нападали на версгорцев с такой яростью, что те вынуждены были обращаться к нам за защитой. Джары с ашенкогхлями и протаны приходили в ужас. У них не было опыта в подобных делах, а сэр Роже знал жакерию во Франции. Изумленные союзники все больше и больше признавали его безусловное главенство.

Причины и следствия событий слишком сложны, слишком менялись они от планеты к планете, чтобы быть отраженными в этой хронике. В целом, на всех захваченных версгорцами планетах были уничтожены существовавшие там цивилизации. Теперь, в свою очередь, рухнула и Версгорская империя. А сэр Роже вступил в образовавшийся вакуум — отсутствие религии, анархия, бандитизм, голод, постоянная угроза вторжения синелицых, необходимость обучения наших многочисленных гарнизонов. И у него было решение этой проблемы, решение, найденное в Европе за столетия после падения Рима, — феодальная система.

Но в этот момент, когда он закладывал краеугольный камень в основание наших побед, этот камень обрушился на него, да помилует Господь его душу! Никогда не жил более славный рыцарь, даже теперь, спустя поколение, мои глаза наполняют слезы, и я с радостью пропустил бы эту часть хроники. Я сам не был свидетелем, мне было бы простительно поступить так.

Те, кто предал своего господина, не решились на это сразу. Они медлили, и если бы сэр Роже не был так слеп ко всем тревожным сигналам, этого никогда бы не произошло. Поэтому я не буду излагать случившееся холодными словами, а вернусь в прошлое и постараюсь оживить тех людей, которые давно уже обратились в прах, а души — к милосердному Господу.

Начну я с Териксана. Флот улетел, чтобы начать долгую кампанию по захвату версгорских колоний. Джарский гарнизон занял Дарову. Мужчины, женщины, дети и старики, которые так мужественно обороняли крепость, получили ту награду, которая была

во власти сэра Роже. Он переместил их на остров, где пасся наш скот. Здесь они могли жить в лесах и полях, возводить дома, пасти стада, охотиться, сеять, жать и делать все, что они делали дома. Правила ими леди Катрин. При ней находился Бранитар для того, чтобы он не мог рассказать слишком много союзникам-джарам, и для обучения ее версгорскому языку. На крайний случай в ее распоряжении находился быстроходный космический корабль. Джарам посещение острова было запрещено, чтобы они не увидели чего-нибудь нежелательного.

Это было мирное время, но в сердце миледи мира не было. Для нее великое горе началось после отлета сэра Роже.

Она шла по цветущему лугу, слушая шорохи ветра в роще, две девушки шли за ней. В лесу слышались голоса, звуки топора, лай собак, но она воспринимала их как во сне.

Внезапно она остановилась. В первое мгновение она могла только смотреть. Потом одной рукой схватилась за нагрудный крест. Ее служанки, хорошо вымуштрованные, отошли за пределы слышимости. Из лощины, прихрамывая, вышел сэр Монтбелл. Он был в изысканном наряде, и только меч у пояса напоминал о том, что идет война. Костыль, на который он опирался, не гармонировал с грацией, когда он снял для поклона свою украшенную плюмажем шляпу.

— Ах, — воскликнул он, — это место превратилось в Аркадию, а старик Хоб, пасущий стадо свиней, которого я только что встретил, — это языческий Аполлон, играющий гимн великой волшебнице Венере!..

— Что это? — В синих глазах миледи была тревога. — Разве флот вернулся?

— Нет. — Сэр Оливер пожал плечами. — Проклятая вчерашняя неосторожность. Я споткнулся, играя в мяч, и разбился. Подвернулась лодыжка, и я так слаб, что совершенно бесполезен в битве. По необходимости я передал свои обязанности юному Хафу Торну и на корабле прилетел сюда. Теперь придется ждать выздоровления, а потом искать корабль и джарского пилота, чтобы присоединиться к товарищам.

Катрин отчаянно пыталась заговорить:

— В... в своих уроках языка... Бранитар упоминал, что звездный народ владеет и... медицинским искусством. — Она вспыхнула, как пламя. — Их приборы заглядывают даже в глубь человеческого тела, и они впрыскивают лекарства, которые залечивают любые раны за считанные дни...

— Я думал об этом. Я, конечно, не хочу быть увальнем на войне. Но потом я вспомнил прямой приказ моего господина, что мы не должны разубеждать своих союзников в том, что мы не менее искусны, чем они. Поэтому я не решился просить помощи у их врачей, — продолжал он. — Я сказал, что остаюсь для завершения некоторых дел, а костыль ношу, как наказание за грехи. Когда же

природа излечит меня, я отправлюсь. Но, по правде говоря, это разобьет мне сердце. Ведь я покину вас.

— Сэр Роже знает?

Сэр Оливер кивнул, и они торопливо сменили тему. Но этот кивок был отчаянной ложью. Сэр Роже этого не знал. Никто не осмелился сказать это ему. Я мог бы сказать ему, сэр Роже не осмелился бы ударить человека в рясе, но я этого не знал. Поскольку барон в эти дни избегал общества сэра Оливера, и у него было над чем поломать голову, то он и не думал о нем. Полагаю, что в глубине души он и не хотел об этом думать.

Повредил ли сэр Оливер лодыжку на самом деле, я не могу сказать. Но если и так, то это весьма странное совпадение. Я сомневаюсь, планировал ли он свое предательство заранее. Скорее, он хотел продолжить свои переговоры с Бранитаром и посмотреть, что из этого выйдет.

Смеясь, сэр Оливер приблизился к Катрин.

— Но сейчас, — сказал он, — я благословляю этот случай...

Вся дрожа, она смотрела в сторону.

— Прошу вас помнить, что мой муж на войне.

— Не оскорбляйте меня! — воскликнул он. — Я скорее умру, чем опозорю вас.

— Я никогда не подозревала в вас такого галантного рыцаря.

— И это все? Я только галантен? Забавен и галантен? Шут, развлекающий вас в момент усталости? Но лучше быть дураком, чем возлюбленным Венеры. Позвольте мне развлечь вас... — И своим чистым голосом он стал петь рондо в ее честь.

— Нет. — Катрин отодвинулась от него, как самка оленя, убегающая от охотника. — Я... я дала обет...

— В государстве любви есть лишь один обет — сама любовь.

— Я должна думать о детях, — взмолилась леди Катрин, и заходящее солнце осветило ее волосы.

— Конечно, миледи. Я часто качал Роберта и маленькую Матильду на коленях. Надеюсь с Божьей помощью делать это вновь.

Она умоляюще взглянула ему в лицо и спросила:

— Что вы хотите этим сказать?

— Ох, нет! — Он посмотрел на лепечущий лес, листва которого ни формой, ни цветом нисколько не напоминала земную. — Я не хочу неверности.

— Но дети! — На этот раз она схватила сэра Оливера за руку. — Во имя Христа, Оливер, если вы что-нибудь знаете, говорите!

Он не повернулся к ней. У него был прекрасный профиль.

— Я не посвящен во все секреты, Катрин. Возможно, вы лучше меня сумеете обдумать этот вопрос. Ибо вы знаете барона лучше меня.

— Разве кто-нибудь может сказать, что знает его? — с горечью спросила она.

Оливер очень тихо сказал:

— Мне кажется, что его аппетит растет с каждым поворотом судьбы. Вначале он хотел лететь во Францию и присоединиться к королю, потом задумал освободить Святую Землю. Принесенный сюда злосчастьем, он держался доблестно, никто не может отрицать этого. Но, получив передышку, разве принялся он за поиски Земли? Нет, он захватил планету, а теперь хочет завоевать Солнце. Чем это кончится?

— Чем?.. — Она не могла продолжать и не могла отвести взгляд от сэра Оливера.

— Бог кладет предел всему, — сказал рыцарь. — Неограниченные притязания — плод сатаны, откуда может вылупиться лишь горе. Разве не кажется вам, миледи, когда вы лежите ночью без сна, что нас перехитрят и уничтожат?

После недолгого молчания он добавил:

— Христос и его мать помогут невинным детям...

— Что вы можете сделать? — с болью воскликнула она. — Ведь мы потеряли дорогу домой?

— Но ее можно отыскать.

— Через сотни лет поисков?

Некоторое время он молча смотрел на нее и потом ответил:

— Мне не хотелось бы пробуждать напрасные надежды. Но время от времени я понемногу разговариваю с Бранитаром. Наши знания языков друг друга очень малы, и, конечно, он не верит ни одному человеку. Однако... он кое-что сказал. И это заставляет меня думать, что дорогу можно найти.

— Что?! — Она схватилась за него обеими руками. — Как? Где? Оливер, вы сошли с ума!

— Нет! — нарочито грубо ответил он. — Но давайте допустим, что это правда. Что Бранитар может действительно указать нам путь. Думаю, он не станет делать этого бесплатно. Как вы думаете, отменит ли сэр Роже свой Крестовый поход? Согласится ли он спокойно вернуться на Землю?

— Он... Ну...

— Разве он не повторял всегда: «Пока версгорцы сохраняют власть, над Англией висит смертельная опасность!» Разве открытие дороги домой заставит его отказаться от всех усилий? Нет! Но в таком случае, какая нам польза, что мы узнаем путь домой? Война будет продолжаться, пока мы все не погибнем.

Она вздрогнула и перекрестилась.

— Поэтому я здесь, — закончил сэр Оливер. — Я постараюсь точно узнать, можем ли мы отыскать дорогу. А вы, может быть, подумаете, как использовать это знание, пока не поздно.

Он вежливо поклонился и, пожелав ей доброго дня, исчез в лесу...

ГЛАВА 19

Прошло много длинных терриксанских дней. На Земле прошли недели. Захватив первую из намеченных планет, сэр Роже двинулся к следующей. Пока корабли союзников отвлекали внимание вражеской артиллерии, он обрушил все силы англичан на центральную крепость планеты. Здесь Рыжий Джон действительно освободил принцессу. Правда, у нее были зеленые волосы и антенны на голове, и, конечно, не было никакой надежды получить потомство от брака представителей двух различных рас. Но человекоподобие и исключительная грациозность ваштуцаров (их раса как раз подверглась завоеванию) очень привлекали одиноких англичан. Применимо ли к такому случаю запрещение Левия? Этот вопрос горячо обсуждался.

Версгорцы контратаковали из космоса, базируя свой флот в кольце планетоидов. Сэр Роже использовал возможность выключить искусственное тяготение на корабле и потренировать своих людей в таких условиях. А потом, одетые в космические скафандры, наши лучники совершили свой знаменитый рейд, известный как «битва в метеорах». Стрелы пронзали скафандры версгорцев, и ни один экран не мог их защитить. Понеся огромные потери, враг очистил планетную систему. Адмирал Балджад захватил три другие планетные системы, когда флот версгорцев отражал наше нападение, и поэтому отступление версгорцев было долгим.

А на Териксане тем временем сэр Оливер развлекал леди Катрин, а когда не был этим занят, то он и Бранитар осторожно изучали друг друга под предлогом уроков языка. Они решили, что достигли взаимопонимания.

Оставалось убедить баронессу.

Взошли две луны. В их серебряном свете вершины деревьев отливали сединой, и двойные тени пролегли по траве, влажной от росы. Леди Катрин вышла из своего домика, как она часто это делала, когда дети спали, а она не могла заснуть. Набросив мантилью с капюшоном, она шла по улицам нового поселка, мимо полузакопченных плетеных домов, в свете лун казавшихся темными блоками, и вышла на луг. Остановилась возле ручья, журчавшего между камней, и вдохнула теплый чужой запах цветов Териксана, вспомнив английский боярышник, который увенчивает майскую королеву. Она вспомнила, как, едва выйдя замуж, стояла на каменистом берегу Довера, провожая мужа на летнюю кампанию, и махала, махала платком, пока последний парус не скрылся за горизонтом... Теперь он улетел к звездам, и никто не сможет увидеть ее платка. Она наклонила голову и сказала себе, что не должна плакать.

В темноте прозвучал звон струн. К ней шел сэр Оливер. Он бросил костыль, хотя еще старался прихрамывать. Лунные блики сверкали на массивной серебряной цепи, свисавшей с его черной бархатной куртки.

Катрин увидела, что он улыбается.

— Ого, нимфы и драконы вышли погулять?

— Нет!

Несмотря на всю свою решительность, она почувствовала, что ей приятно. Его добродушное подшучивание и непритязательная лесть скрашивали ей так много печальных часов. Они возвращали ее ко временам девичества при дворе. Но она протестующе вытянула руки.

— Нет, добрый рыцарь, вам так говорить не подобает.

— Под таким небом, в таком присутствии ничто не является неподобающим, — сказал в ответ сэр Оливер. — Мы знаем, в раю не существует греха...

— Не говорите так. — Ее боль вернулась к ней с удвоенной силой. — Если мы и попали куда-нибудь, то в ад.

— Там, где моя леди, — там рай!

— Разве здесь место для любовной игры? — насмешливо спросила она.

— Нет. — В свою очередь он был серьезен и строг. — Конечно, палатка или бревенчатая хижина — не место для той, которая привыкла повелевать сердцами. И эти поля не годятся в качестве дома ни ей, ни ее детям. Вы должны сидеть среди роз, как королева любви и красоты, чтобы тысячи рыцарей преломляли копья в вашу честь, а тысячи менестрелей воспевали ваше очарование.

Она попыталась возразить:

— Мне было бы достаточно вновь увидеть Англию... — Но она не могла уже дальше говорить.

Оливер стоял, глядя в ручей, где скользило и сверкало двойное отражение лун. Наконец он сунул руку под плащ, и Катрин увидела сверкнувшую в его руке сталь. Она отшатнулась. Но он поднял вверх крестообразную рукоять и сказал своим красивым грудным голосом, который он так хорошо умел использовать:

— Этим символом Спасителя и своей честью клянусь всегда выполнять любые ваши желания!

Сверкнул клинок. Она с трудом расслышала, как он добавил:

— Если вы действительно хотите этого...

— Что вы имеете в виду? — Она плотнее запахнула мантилью, как будто ей внезапно стало холодно.

Веселость сэра Оливера была совершенно не похожа на шутливость сэра Роже, а его внезапная серьезность более красноречива, чем протесты ее мужа. Она чувствовала смутный страх перед сэром Оливером и отдала бы все свои драгоценности, чтобы из леса вышел барон.

— Вы никогда не говорите ясно, что вы имеете в виду, — прошептала она.

Он повернул к ней обезоруживающе печальное лицо.

— Возможно, я никогда не научусь трудному искусству

откровенной речи. Но сейчас я колеблюсь, потому что мне неизъяснимо трудно сказать моей леди...

Леди Катрин выпрямилась. На мгновение, в нереальном свете двух лун, она показалась удивительно похожей на сэра Роже — это был его жест. Потом она снова стала Катрин, которая храбро сказала:

— Расскажите мне все!

— Бранитар может отыскать Землю!

Леди Катрин не была слабым человеком. Но звезды, казалось, покачнулись. Утратив осторожность, она прижалась к груди сэра Оливера. Руки его сомкнулись вокруг ее талии, а губы скользнули по щеке к ее губам. Она слегка отстранилась, и он не стал преследовать ее поцелуем, но Катрин чувствовала себя слишком слабой, чтобы отказаться от его поддержки.

— Это нелегкая новость, мы уже говорили почему. Сэр Роже не откажется от своей войны.

— Он может отправить нас домой!

Сэр Оливер холодно взглянул на нее:

— Вы думаете, он захочет этого? Ему нужен каждый человек для усиления его гарнизона. Вспомните, что он заявил, когда флот покидал Териксан. Как только оборона версгорцев будет окончательно сломлена, он отправит людей из этого поселка на помощь тем, кого он сделал новоявленными рыцарями и герцогами. А что касается его самого, он, конечно, кричит об опасности, нависшей над Англией, но никогда не говорит о том, чтобы сделать вас королевой!

Она могла только вздохнуть, припомнив слова мужа.

— Бранитар вам сам все объяснит.

Сэр Оливер свистнул, и из зарослей выступил версгорец. Он передвигался теперь почти свободно, поскольку у него не было возможности сбежать с острова. На его приземистой фигуре были прекрасные одежды, которые сидели на нем отлично и сияли как тысяча жемчужин. Круглое и безволосое, с вздернутым носом и длинными ушами, его лицо не казалось больше таким отвратительным, а его желтые глаза светились весельем. Он уже достаточно хорошо говорил по-английски, чтобы обратиться к леди Катрин:

— Миледи удивлена, как я могу найти дорогу обратно среди бесчисленных звезд? — сказал он. — Когда в Гантураке были утрачены навигационные карты, я и сам отчаялся. Так много солнц такого же типа, что и ваше, лежит в радиусе нашего полета, что поиски могут занять тысячелетия. Это тем более верно, что туманности скрывают многие звезды и обнаружить их можно только с близкого расстояния. Разумеется, если бы выжил кто-нибудь из навигаторов нашего корабля, он смог бы сузить район поисков. Но я ведь работал с машинами. Звезды я видел издалека и случайно, и они ничего не означали для меня, когда же я обманул ваших людей (будь проклят тот день!), я лишь включил автоматику, рассчитанную на управление кораблем без экипажа...

Возбуждение неторопливо поднималось в Катрин, и она, высвободившись из объятий сэра Оливера, выпалила:

— Я не совсем дура. Надеюсь, милорд достаточно уважает меня, чтобы объяснить мне все это. Что нового ты открыл?

— Не открыл, — Бранитар развел руками, — просто вспомнил. Эта мысль пришла мне в голову уже давно, но произошло столько событий... Знаете, миледи, что существуют определенные опознавательные звезды? Они настолько ярки, что видны по всей галактике и используются в навигации, как маяки. Например, звезды, называемые нами Уловарна, Джарис, Грас. Если они видны в определенном расположении по отношению друг к другу, мы можем опередилить район космоса. Даже приблизительная визуальная оценка углов позволяет определить положение с точностью до двадцати светолет. А это уже небольшая сфера, в которой не так уж трудно отыскать желтый карлик — ваше Солнце.

Она кивнула медленно и задумчиво.

— Ага. Если ты запомнил расположение таких звезд, как Сириус и Ригель...

— Самые яркие звезды вашего неба, возможно, не совсем те, о которых я говорю, — предупредил он. — Они просто могут находиться поблизости. Навигатору необходим хороший набросок ваших созвездий, со всеми яркими звездами и указанием их цвета, как они видны с Земли. Получив достаточно данных, он сможет проанализировать и определить, какие же звезды являются опознавательными. Затем их относительное расположение скажет ему, с какого пункта их наблюдали.

— Думаю, что я смогла бы начертить Зодиак... — неуверенно сказала леди Катрин.

— Это бесполезно, миледи. У вас нет навыка определять тип звезд на глаз. Я согласен, что и у меня тоже его нет, но все же я прошел обучение, которое обязательно у нас для всех членов космического экипажа. К тому же я несколько раз дежурил в контрольной рубке, когда наш корабль кружил вокруг Земли и мы проводили обследование планеты с орбиты. Конечно, я не обращал внимания на созвездия и не помню, как они выглядят.

Сердце ее сжалось.

— Значит, все потеряно?!

— Не совсем. Я просто этим хотел сказать, что у меня нет сознательных воспоминаний. Но мы, версгорцы, знаем, что мозг сложен и не ограничивается лишь сознанием.

— Верно, — мудро согласилась Катрин. — Еще есть и душа.

— Гм... Это не совсем то, что я имел в виду. Существуют подсознательные и полусознательные глубины мозга. Источник сновидений и... не забудем, что подсознание ничего не забывает. Оно запечатлевает даже самые обычные явления, воздействующие на органы чувств. Если меня погрузить в транс под руководством опытного медика, я нарисую точную картину земного неба, как она

запечатлена в моем подсознании. Затем искусный навигатор, со звездной таблицей в руках, математически обработает этот рисунок. На это потребуется время. Многие голубые звезды могут оказаться Грасом, например, и лишь детальное изучение может отбросить те из них, которые находятся в неверном соотношении с шаровой туманностью, известной как Торгалта. Однако постепенно навигатор сузит район поисков до той минимальной сферы, о которой я уже говорил. Затем он может полететь туда и при помощи пилота-космонавта посетить все желтые карлики по соседству, пока мы не отыщем Солнце.

Катрин сжала руки.

— Это замечательно! Верно? — воскликнула она. — О, Бранитар, какой награды ты хочешь? Милорд дарует тебе королевство!

Он широко расставил свои толстые ноги, поглядел в ее затененное лицо и ответил с гордостью, которой раньше в нем нельзя было различить:

— Какую радость принесет мне королевство, созданное из обломков империи моего народа? Зачем мне помогать вам, если это повлечет за собой нашествие сюда новых полчищ англичан?

Она стиснула кулаки и сказала с истинно нормандским высокомерием:

— Ты не сможешь скрыть свои знания от одноглазого Губерта!

Он вздрогнул.

— Мозг очень тонкий инструмент, миледи, а подсознание нелегко пробудить. Ваши варварские методы могут воздвигнуть непреодолимый барьер... — Внезапно он сунул руку под одежду, и в ней блеснул нож. — Да я и не позволю пытать себя. Это дал мне Оливер, а я хорошо знаю, где находится мое сердце.

С легким криком Катрин отшатнулась.

Рыцарь положил ей обе руки на плечи.

— Прежде чем осуждать, выслушайте меня, — сказал он мягко. — Много недель я прощупывал Бранитара. Он давал мне намеки... Я, в свою очередь, тоже намекал. Мы торговались, как два сарацинских купца, ни разу не признав открыто, что торгуемся. Наконец он потребовал этот кинжал, как плату за открытый разговор. Я не могу себе представить, что он принесет вред этим кинжалом кому-либо из нас. Даже наши дети ходят теперь с гораздо лучшим оружием, чем этот нож. И я согласился. Тогда он рассказал мне то, что теперь знаете и вы.

Силы оставили леди Катрин. Она получила слишком большое потрясение за короткое время, а между ударами судьбы испытала слишком много страха и одиночества.

— Чего же ты требуешь?

Бранитар провел пальцами по лезвию ножа, кивнул и вновь спрятал его.

— Во-первых, вы должны нанять хорошего версгорского медика, — очень вежливо проговорил он. — Я сам отыщу его в

кадастровой книге, которая хранится в Дарове. Вы можете взять ее у джаров на время под каким-нибудь предлогом. И этот медик будет работать совместно с искусным версгорским навигатором, который скажет, о чем меня надо спрашивать, и будет руководить моим пером, когда я в трансе начну рисовать карту. А позже вам потребуется пилот. Кроме того, я настаиваю на присутствии двух артиллеристов. Их также можно отыскать на Териксане. Союзникам вы скажете, что они нужны вам для разработки секретного оружия.

— Когда ты начертишь карту, что же будет дальше?

— Ну, я не собираюсь спокойно отдавать ее вашему мужу! Думаю, мы тайно проберемся на борт космического корабля, и у нас будет равновесие сил: у вас, людей, — оружие, у нас, версгорцев, — знания. Но мы всегда будем готовы уничтожить и записи, и себя, если вы нас предадите. Вот тогда-то мы сможем поторговаться с сэром Роже. Ваши просьбы могут поколебать его. Если он откажется от войны, можно будет организовать возвращение на Землю, а наша цивилизация даст обязательство никогда не вторгаться к вам.

— А если он не согласится? — Голос ее оставался тусклым.

Сэр Оливер наклонился к ней и прошептал по-французски:

— Тогда вы с детьми... и... я, мы все вернемся. Но сэру Роже говорить об этом, конечно, не надо.

— Я ничего не могу придумать. — Она закрыла лицо руками. — Отец небесный! Я не знаю, что делать!

— Если ваш народ будет продолжать эту безумную войну, — сказал Бранитар, — она кончится вашим полным поражением.

Сэр Оливер снова и снова говорил ей о том же. И он был единственным на всей планете человеком, кто мог свободно с ней об этом говорить. Она вспомнила обожженные трупы в руинах крепости, вспомнила, как кричала во время осады Даровы маленькая Матильда, когда разрывы бомб сотрясали стены. Подумала о зеленых рощах и лесах Англии, где охотилась с милордом в первый год своего замужества; подумала о годах, которые ему предстояло провести в войне за цель, которой не понимала. Она доверчиво подняла лицо к лунам, осветившим ее слезы, и сказала:

— Да...

ГЛАВА 20

Не могу сказать, что привело сэра Оливера к предательству. Две силы боролись в его груди. В глубине души он всегда должен был помнить о том, как страдал народ его матери от рук людей его отца. Несомненно, частично его чувства, о которых он говорил Катрин, были правдивы: ужас положения и сомнения в победе, любовь к ней и забота о ее безопасности. Но частично это были и менее благородные побуждения — чего только нельзя было добиться на Земле с помощью версгорского оружия!

Читатель моей хроники, когда ты будешь молиться о душах сэра Роже и леди Катрин, замолви словечко и за несчастного лорда Оливера Монтбелла.

Что бы ни таилось в глубинах его души, изменник действовал смело и хитроумно. Он тщательно следил за версгорцами, помогавшими Бранитару. В течение нескольких недель, прошедших после их сговора, пока забытое Бранитаром извлекалось из глубин его памяти, изучалось при помощи математики, более сложной, чем арабская, рыцарь спокойно готовил корабль к отлету. И все это время ему приходилось уговаривать баронессу.

Она колебалась, плакала, бушевала, приказывала оставить ее одну.

Вновь и вновь прибывали корабли с приказами направить столько-то и столько-то людей для поселения на вновь захваченной планете. Корабли привозили письма, адресованные сэром Роже своей жене. Он диктовал эти письма мне, ибо не всегда его речь поддавалась контролю, и я слегка сглаживал его фразы, чтобы сквозь их краткость всегда чувствовалась любовь. Катрин писала в ответ, согласовывая свои действия.

В конце концов леди Катрин сказала в своей почти обезлюдевшей деревне, что ее вызывает муж. С детьми и двумя служанками она погрузилась на корабль. Сэр Оливер уже хорошо изучил космос, чтобы направить корабль в заданный район, для этого достаточно было нажать несколько кнопок.

Накануне отлета он увел на корабль версгорцев: Бранитара, медика, пилота и несколько солдат, умеющих стрелять из бомбард, которыми был вооружен корабль.

Оружие имели только сэр Оливер и леди Катрин. Кроме того, несколько пистолетов было спрятано в спальне среди ее одежды, и одна из девушек всегда оставалась там. Девушки так боялись синелицых, что при любой их попытке прикоснуться к ним подняли бы сумасшедший крик.

Тем не менее рыцарь и леди Катрин внимательно следили за своими так называемыми союзниками. Ибо было совершенно очевидно, что Бранитар любыми средствами постарается сообщить версгорскому правительству, где находится Земля. Если вся Англия станет заложником, сэр Роже вынужден будет покориться. Даже простое знание того, что мы не великая космическая держава, а просто невежественный христианский народ, может так подбодрить версгорцев и деморализовать наших союзников, что ход войны изменится, и не в нашу пользу. Поэтому Бранитара нужно было заставить держать язык за зубами.

Вряд ли планы сэра Оливера осуществились бы. Я уверен, что Бранитар вовсе не собирался высаживать своих компаньонов — людей на английскую землю. Несомненно, он составлял какие-то хитрые планы. Но пока их интересы совпадали.

Эти соображения сами по себе должны будут начисто

опровергнуть все сплетни относительно леди Катрин. Она и сэр Оливер даже не осмеливались вместе отдыхать. Кто-то из них должен был постоянно оставаться на страже с пистолетом в руке на протяжении всего полета. Им нельзя было допускать возможности измены версгорцев.

Хотя сэр Оливер и был уверен, что данные, сообщенные Бранитаром, верны, все равно он требовал доказательств. Десять дней корабль летел к указанному району пространства. Еще несколько недель прошли в изучении наиболее обнадеживающих звезд. Я не пытаюсь передать в этой хронике то, что чувствовали люди, когда созвездия вновь стали знакомыми и когда наступил момент, обусловленный договором с Бранитаром, и перед ними мелькнули белые скалы Довера.

За считанные минуты пронзив атмосферу Земли, корабль вновь устремился к враждебным звездам...

ГЛАВА 21

Сэр Роже обосновался на планете, названной нами Новым Альбионом. Наши люди нуждались в отдыхе, а ему необходимо было время для решения множества вопросов, обрушившихся на него вместе с огромным королевством. К тому же он вел переговоры с версгорским губернатором внешнего звездного скопления. Этот вельможа был склонен сдать все контролируемое пространство, если ему дадут соответствующую взятку и гарантии.

— Они так мало знают о распознавании и использовании предателей, — заметил сэр Роже, обращаясь ко мне, — что я могу купить этого парня дешевле, чем итальянский город. Наши союзники никогда не пытались сделать этого, так как считают, что версгорская нация так же едина, как они сами. Но разве не логично, что такая разбросанность поместий, разделенных неделями пути, дает возможность действовать здесь так же, как в Европе? Она даже еще больше склонна к подкупу...

— Поскольку у них нет истинной веры...

— Гм... Да, несомненно, хотя я никогда не встречал христианина, который отверг бы взятку по религиозным мотивам. Я считаю, что версгорский тип правления не способствует верности.

Во всяком случае, мы получили передышку и расположились лагерем в долине под поразительно высокими скалами и водопадом, стремительно падающим в озеро, более чистое, чем стекло, по берегам которого росли изумительной красоты деревья. Даже наш гомонящий, неаккуратный английский лагерь на берегу не смог нарушить эту исключительную красоту.

Как-то днем я сидел в своей маленькой палатке, отдыхая в деревянном кресле. Отложив на время занятия, я наслаждался покоем, перечитывая захваченную из дома книгу — описание чудес

святого Козьмы. В отдалении слышались редкие выстрелы — это наши солдаты тренировались в стрельбе. Я почти уснул, когда ко мне кто-то подбежал.

Очнувшись, я увидел перед собой испуганное лицо оруженосца барона.

— Брат Парвус! Ради Бога, идемте!

— Как... что?

— Срочно, — почти простонал оруженосец.

Я подобрал рясу и заторопился за ним.

Свет Солнца, просящие благословения язычники, пение птиц — все это сразу куда-то исчезло. Я слышал лишь удары собственного сердца, внезапно ощутив, как мало нас, как слабы мы и как далеки от дома.

— Что случилось?

— Не знаю, — ответил оруженосец. — Один из наших патрульных кораблей получил по передатчику сообщение и передал его нам. Сэр Оливер Монтбелл требует личного разговора с милордом. Не знаю, о чем они там говорили, но сэр Роже вышел, спотыкаясь, как слепой, и потребовал вас. Ох, брат Парвус, на него было страшно смотреть!

Я подумал, что мы должны молиться за всех нас: мы погибнем, если силы и энергия барона покинут его. Он нес свою ношу слишком долго, и она была слишком тяжела, но он ее ни с кем не делил.

— Все святые! — подумал я. — Встаньте рядом с ним!

Рыжий Джон Хеймворд возвышался на лошади рядом со входом в миниатюрный джарский домик. Узнав о болезненном состоянии своего командира, он прискакал сюда. Натянув лук, он орал на собравшуюся толпу:

— Назад! Назад на свои места! Клянусь ранами Христовыми, я отправлю в ад первого же, кто сунется к милорду. Назад, я сказал!

Обойдя рассвирепевшего гиганта стороной, я вошел в домик. Было жарко, лучи солнца, струящиеся сквозь прозрачный потолок, накалили помещение, полное домашних вещей, ковров, занавесок и оружия. Но в одном из шкафов находились вещи чуждого нам производства. На подоконнике был установлен большой передатчик.

Перед ним, опустив подбородок на грудь, полулежал сэр Роже. Его большие руки свисали по сторонам. Я остановился и, положив руку ему на плечо, спросил:

— В чем дело, милорд?

Он не шелохнулся.

— Прочь!

— Вы меня звали.

— Я не знал, что делал. Это останется внутри меня и... Прочь!

Голос его был ровным, но безжизненным, и мне потребовалось все мое мужество, чтобы обойти его и сказать:

— Вероятно, сообщение, как всегда, записалось автоматически?

— А... наверное. Надо стереть запись.

— Нет.

Он встал, напоминая волка, пойманного в ловушку, когда крестьяне приближались к нему, чтобы прикончить.

— Я не хочу причинять вам вреда, брат Парвус.

— Тогда не причиняйте, — кротко ответил я и приготовился включить запись.

— Если вы прослушаете запись, — предупредил он, — я должен буду убить вас во имя моей чести.

Я вспомнил свое детство. Мы употребляли немало коротких, едких, чисто английских выражений. Я выбрал одно из них и произнес, краем глаза заметив, как опустилась его челюсть. Барон упал обратно в кресло.

— Ваша честь, ради благополучия ваших людей, — добавил я, — сидите спокойно и дайте мне возможность выслушать сообщение.

Он ничего не ответил и погрузился в свои мысли. Я повернул выключатель.

На экране появилось лицо сэра Оливера. Я заметил, что он тоже устал, глаза сухи и воспалены. Он говорил в своей обычной вежливой манере, но не мог скрыть возбуждения.

Я не могу точно вспомнить его слова, да и не в них дело. Он просто сообщил милорду о случившемся. Сейчас он находится в космосе на похищенном корабле и приблизился к Новому Альбиону настолько, чтобы отправить это сообщение, и, несомненно, он сразу после этой передачи вновь уйдет в космос. И нет никакой надежды отыскать его в этой бездне.

Если мы согласимся на его условия, продолжал он, то он организует перевозку всех наших людей домой, а Бранитар заверил его, что версгорский император обещает не вмешиваться в дела Земли. Если же мы не согласимся, то изменник отправится на Версгориксан и откроет всю правду о нас. Затем, если понадобится, враг сможет взять достаточное количество французских или сарацинских наемников и уничтожит нас. Но, по всей видимости, заставит их сдаться. В любом случае сэр Роже никогда больше не увидит своей жены и детей.

На экране появилось лицо леди Катрин, и я, помня слова сэра Роже, не решаюсь передать их здесь. Когда передача закончилась, я сам стер запись.

Некоторое время мы молчали — милорд и я.

— Ну? — наконец сказал он, как старик.

Я смотрел в пол.

— Монтбелл сказал, что завтра в обусловленный час они приблизятся вновь, чтобы услышать ваше решение. Можно послать множество кораблей без экипажа, нагруженных взрывчаткой, вдоль передающего луча. Возможно, его корабль будет уничтожен...

— Вы требуете от меня слишком многого, брат Парвус, — по-прежнему безжизненно сказал сэр Роже. — Я не могу убить свою жену и детей...

— Но нельзя ли захватить корабль? — сказал я и тут же сам ответил: — Нет. Практически это невозможно. Любой снаряд, разорвавшийся поблизости от такого небольшого космического корабля, скорее уничтожит его, чем повредит только двигатель. Или же повреждение будет настолько незначительно, что он сможет улететь быстрее света.

Барон поднял свое застывшее лицо.

— Что бы ни случилось, никто не должен знать об участии в этом деле миледи, вы поняли? Она не в здравом уме. Ее обуяли злые духи...

Я посмотрел на него с жалостью, еще большей, чем раньше.

— Вы слишком доблестны, чтобы прятаться за такой глупостью.

— Что же мне делать? — простонал он.

— Вы можете сражаться...

— Если Монтбелл отправится в Версгориксан — это безнадежно.

— Или вы можете принять его предложение и условия.

— Ха! И вы думаете, что эти синелицые оставят Землю в покое?

— Сэр Оливер имеет основания им верить, — осторожно заметил я.

— Он дурак! — Кулак сэра Роже ударил по ручке кресла. Он выпрямился, и резкость его голоса была единственным признаком того, что он еще не впал в полное отчаяние. — Или же он еще больший предатель, чем мы полагали, и надеется стать вице-королем Земли после того, как ее завоюют версгорцы. Понимаете ли, что теперь не просто необходимость в новых территориях заставляет версгорцев захватить нашу планету? Наша раса доказала, что она для них смертельно опасна. И тем не менее, люди на Земле совершенно беспомощны против нашествия из космоса. Но дайте им всего лишь несколько столетий для подготовки, и они сами изобретут космические корабли и двинутся во Вселенную.

— Версгорцы сильно пострадали в этой войне, — продолжал я слабо сопротивляться, им необходимо время, чтобы восстановить свои потери, даже если наши союзники сдадут им все занятые планеты. Возможно, они решат, что целесообразнее оставить Землю в покое на сто или двести лет.

— К тому времени мы спокойно умрем? — Сэр Роже тяжело кивнул. — Да, это большое искушение. Настоящий подкуп, но разве мы не будем гореть в аду, если принесем горе еще не рожденным детям?

— Может, это лучшее, что мы можем сделать для нашей расы? — сказал я. — То, что вне наших сил, — в руках Господа.

— Нет, нет и нет! — Он поднял руки. — Я не могу. Лучше умереть как человек... Но Катрин...

— Может, еще не поздно переубедить сэра Оливера. Ни одна душа не погибла безвозвратно, пока жив человек. Вы можете обратиться к его чести, указав ему, как глупо полагаться на обещания версгорцев; предложить ему прощение и богатую награду.

— И мою жену? — Он горько усмехнулся.

Но через минуту добавил:

— Может быть, я не верю ему. Но возможен разговор... Я попытаюсь даже смирить себя. Вы поможете мне, брат Парвус? Я не должен ругаться при виде его лица. Вы укрепите мои силы?..

ГЛАВА 22

Вечером следующего дня мы покинули Новый Альбион. Сэр Роже и я отправились на переговоры вдвоем, в крошечной безоружной космической лодке. Сами мы были еще слабее. У меня, как всегда, были с собой четки и более ничего.

Сэр Роже был одет в камзол йомена, но у него были меч и кинжал, а к сапогам прицеплены шпоры. Он сидел в пилотском кресле, как в седле, и глаза его были ледяными.

Мы сказали капитанам, что это всего лишь небольшой полет для осмотра некой добычи, захваченной сэром Оливером. Солдаты почувствовали ложь, и лагерь глухо гудел.

Рыжий Джон сломал две дубинки, пока наводил порядок. Мне казалось, когда я входил в лодку, что все наше предприятие рухнуло. Но в целом — люди были спокойны, вечер был безветренным, на наших древках повисли знамена, и я заметил, что они выгорели и изорвались.

Шлюпка проколола синее небо и погрузилась во тьму, как изгнанный Люцифер. Мельком я заметил военный корабль, патрулирующий на орбите. Конечно, я чувствовал бы себя гораздо удобнее, если бы за спиной у меня были его орудия. Но мы могли взять лишь эту беспомощную скорлупку. Сэр Оливер дал ясно понять это, когда говорил с бароном вторично:

— Если хотите, барон де Турневиль, мы примем вас для переговоров. Но вы должны прибыть один, в маленькой шлюпке и без оружия. Ну, ладно, вы можете взять с собой вашего монаха. Я скажу, какую орбиту вам нужно будет занять, чтобы мой корабль вас встретил. Если мои телескопы и детекторы обнаружат хоть какой-нибудь признак предательства с вашей стороны, я отправлюсь прямо на Версгориксан.

Мы набирали скорость в молчании, которое становилось все тягостнее. Наконец я решился нарушить его:

— Если бы вы примирились, то мужество вернулось бы к нашим людям. Тогда, я думаю, они действительно были бы непобедимы...

— Катрин и я? — рявкнул барон.

— Н... нет, я имел в виду и сэра Оливера, — заикаясь выговорил я.

Но пока я это говорил, правда открылась мне самому — я действительно думал о миледи. А сэр Оливер сам по себе был ничто. Наша судьба зависела от сэра Роже. Но он не мог продолжать борьбу,

разлученный с той, что пленила его душу. Она и дети — вот из-за кого он так кротко и просительно явился к Оливеру.

Все дальше и дальше летели мы, пока планета под нами не превратилась в тусклое пятно. Я никогда ранее не чувствовал себя таким одиноким, даже когда мы покинули Землю.

Но вот что-то закрыло перед нами несколько звезд, и я увидел, как из темноты вырастает корпус космического корабля.

Мы могли бы принести с собой бомбу и уничтожить корабль. Но сэр Оливер хорошо знал, что мы никогда не сделаем этого, пока на корабле находятся Катрин, Роберт и Матильда.

Вскоре щелкнули магнитные зажимы, и, таким образом, корабли были соединены теперь в холодном поцелуе встречи. Открыв свой люк, мы ждали.

Через люк выбрался Бранитар. Радость победы горела в его взоре, но, увидев меч и кинжал сэра Роже, он отступил.

— У вас не должно быть оружия! — воскликнул он.

— А? Да! — Барон посмотрел на оружие. — Я никогда не думал об этом. Это все равно что шпоры... знак того, кто я есть. Ничего больше.

— Отдайте их.

Сэр Роже отцепил меч и кинжал и протянул их версгорцу. Отдав оружие другому синекожему, Бранитар ощупал нас.

— Спрятанных пистолетов нет, — заключил он.

Я почувствовал, что мои щеки вспыхнули, но сэр Роже, казалось, ничего не заметил.

— Очень хорошо, — продолжал Бранитар. — Следуйте за мной.

Мы прошли по коридору в кают-компанию. За деревянным столиком сидел сэр Оливер. Он был в черном бархатном камзоле, и драгоценные камни сверкали на его руке, лежавшей на огненном пистолете перед ним. На леди Катрин было серое платье и монашеский плат. Локон выбился из-под него и, как язык пламени, упал на лоб.

Войдя в кают-компанию, сэр Роже остановился.

— Где мои дети?

— Они в моей каюте со служанками. — Его жена говорила как машина. — Они здоровы...

— Садитесь, сэр, — сказал сэр Оливер.

Его взгляд скользнул по комнате. Бранитар отложил меч и кинжал и встал справа. Второй и третий версгорцы, скрестив руки, встали за ним. Я решил, что это медик и навигатор, о которых я уже говорил. Два артиллериста, по всей видимости, находились у орудий, а пилот — в рулевой рубке, на случай, если придется удирать. Леди Катрин, как восковая фигура, стояла у стены слева от сэра Оливера.

— Надеюсь, вы не думаете подстроить мне каверзу, — сказал изменник. — Все дозволено в борьбе за любовь и на войне...

Катрин протестующе подняла руку.

— Только на войне... — Слова эти дались ей с трудом, и рука вновь упала.

Продолжая стоять, барон плюнул на пол.

Оливер покраснел.

— А послушайте, — воскликнул он, — давайте не будем лицемерить о нарушенных клятвах. Ваша собственная позиция более чем сомнительна. Вы присвоили себе право производить в дворянство простолюдинов и крестьян, раздавать награды и вести переговоры с иноземными королями. Вы сами сделались бы королем, если бы смогли! Где ваши клятвы о верности английскому сюзерену?

— Я не делал ничего во вред ему, — ответил сэр Роже. — Если бы я нашел Землю, то присоединил бы наши завоевания к его домену. Но до тех пор мы должны как-то держаться, и наш единственный шанс — возвести свою собственную феодальную систему.

— Возможно, в этом вы и правы, — согласился сэр Оливер. — Но вы должны благодарить меня, сэр Роже, за то, что я снял с вас эту необходимость. Мы можем вернуться домой!

— Как версгорский скот?

— Думаю, что нет. Но садитесь вы, оба. Здесь есть вино и хлеб. Сегодня вы — мои гости.

— Нет, я не преломлю хлеба с вами...

— Тогда вы умрете с голоду, — весело проговорил сэр Оливер.

Барон окаменел, а я впервые заметил, что у леди Катрин была пустая кобура. Оливер, очевидно, под каким-то предлогом отобрал у нее оружие. Теперь только он вооружен.

Увидев, какое впечатление произвели на нас его слова, он вновь стал серьезным.

— Милорд, когда вы предложили переговоры, вы вправе были ожидать, что я не упущу такого шанса. Вы останетесь с нами...

— Оливер! — крикнула леди Катрин. — Ты никогда не говорил мне... Вы сказали, что он сможет спокойно покинуть корабль, если...

Он повернулся к ней и вежливо сказал:

— Подумайте, миледи. Разве не было вашим самым горячим желанием спасти его? Но вы сами боялись, что его гордость не позволит ему сдаться. Теперь он пленник... Ваше желание исполнилось. Все бесчестие на мне. Я с радостью понесу эту ношу, ибо этого хотела миледи.

Она так дрожала, что я заметил это.

— Я не участвовала в этом, Роже, — проговорила она. — Я никогда не думала...

Муж даже не взглянул на нее.

— Каковы же ваши планы, Монтбелл?

— Эта новая ситуация дает нам новые надежды. Я никогда не радовался возможности переговоров с версгорцами. А теперь в этом вообще отпала необходимость. Мы можем отправиться прямо сейчас домой. Оружие и золото на борту этого корабля дадут мне все, чего я желаю.

Бранитар, единственный версгорец, понимающий по-английски, воскликнул:

— Эй, а как насчет меня и моих друзей?

Оливер холодно сказал:

— Почему бы вам не сопровождать нас? А без сэра Роже де Турневиля союзники скоро сдадутся. Так что вы выполнили свои обязательства по отношению к своему народу. Я изучил ваш образ мышления — место обитания не имеет для вас большого значения. По пути мы подберем несколько самок вашей расы. Как мои вассалы, вы сможете приобрести столько земли и власти, сколько не сможет ни один землянин. А ваши и мои потомки будут владеть целой планетой. Конечно, вы попадете в непривычные общественные отношения, но, с другой стороны, получите такую свободу, какой вы никогда ранее не имели.

У него было оружие. Но, думаю, что Бранитар просто согласился с его аргументами, и его согласие было вынужденным.

— А мы? — выдохнула Катрин.

— Вы и Роже получите свои поместья в Англии, — ответил сэр Оливер. — Я добавлю еще замок в Винчестере.

Возможно, он говорил искренне. Или, может быть, он думал, что, став господином Европы, он сможет что угодно делать с ее мужем и с нею. Катрин была слишком потрясена, чтобы предвидеть и эту возможность. Ее лицо вдруг приняло мечтательное выражение. Плача и улыбаясь, она посмотрела на Роже.

— Любимый, мы можем вернуться домой!

— А что станет с людьми, оставшимися здесь?

— Я не могу рисковать, взяв их с собой. — Сэр Оливер пожал плечами. — К тому же они все низкого происхождения.

Сэр Роже кивнул.

— Ага. Это так...

Он вновь посмотрел на жену. Потом резко выбросил ногу назад. Рыцарская шпора вонзилась в живот стоящего сзади версгорца. Тот упал.

Сэр Роже тут же пригнулся к палубе. Сэр Оливер вскрикнул от неожиданности и отскочил. Его пистолет изрыгнул пламя, но изменник промахнулся — барон был слишком быстр. Он сбил с ног второго версгорца и уронил его на себя. И следующий выстрел Оливера попал в этот живой щит.

Сэр Роже, держа перед собой труп, встал и сделал прыжок. У Оливера было еще время для последнего выстрела, который сжег уже мертвое тело. А затем сэр Роже швырнул тело мертвеца через стол Оливеру в лицо.

От удара Оливер упал. Сэр Роже потянулся за своим мечом. Бранитар тоже попытался его схватить. Но барон успел сжать рукоятку кинжала. Сверкнуло выхваченное из ножен лезвие, раздался глухой звук, и кинжал пригвоздил руку Бранитара к столу, войдя в него по самую рукоятку.

— Жди меня здесь, — насмешливо крикнул сэр Роже и извлек меч. — Ура, Бог да поможет правым!

Сэр Оливер высвободился из-под трупа и встал, все еще сжимая в руке пистолет. Я оказался рядом с ним. Он тщательно прицелился в грудь барона. Я пообещал святым множество свечей и набросил четки на запястье изменника. Он взвыл. Пистолет выпал из его руки и покатился под стол. Сверкнул меч барона. Сэр Оливер едва успел уклониться, и заостренная сталь вонзилась в дерево. Несколько мгновений сэр Роже освобождал меч. Пистолет лежал на полу, и я нырнул за ним. То же сделала и леди Катрин, с другой стороны стола, и мы столкнулись лбами. Когда способность видеть вернулась ко мне, я сидел на полу, а сэр Роже гнался за Оливером, бегущим к двери.

Катрин закричала.

Барон остановился, как пойманный арканом барс. Она поднялась.

— Дети, милорд! Они на корме, в спальне... Там все остальное оружие...

Барон выругался и помчался вперед, Катрин — за ним. Я встал, чуть пошатываясь, сжимая в руке пистолет, о котором все забыли. Бранитар оскалил на меня зубы и попытался высвободить кинжал, пригвоздивший его к столу, но от его попыток лишь сильнее полилась кровь. Я решил, что будет безопасней не освобождать синекожего от кинжала. Мое внимание было привлечено другим. Версгорец, которого пронзил шпорой барон, был еще жив, но вряд ли надолго. Мгновение я колебался... Где мой долг — с милордом и миледи или же с этим умирающим язычником? И я склонился над остывающим синим лицом.

— Отец... — прошептал версгорец.

Не знаю, кого он призывал, но я совершил над ним те скромные обряды, которые позволяли обстоятельства, и держал его руку, пока он не умер. Молюсь, чтобы он оказался в лимбе...

Сэр Роже вернулся, вытирая свой меч. Он сиял, и я редко видел такую радость в человеке.

— Ах, волчонок! — воскликнул он. — Норманнская кровь всегда скажет свое!

— Что случилось? — сказал я, вставая с колен.

— Оливер и не пытался достать оружие. Наоборот, он бросился в рулевую рубку, но остальные версгорцы — артиллеристы, услышав шум, решили не упускать такой шанс и вооружиться. Я видел, как один из них вбежал в спальню, второй мчался следом, вооруженный длинным рычагом. Я напал на него, но он был хорошим бойцом, и мне потребовалось время, чтобы справиться с ним. А Катрин, догнав первого, боролась с ним голыми руками, пока тот не сбил ее с ног. Эти трусливые служанки, как и следовало ожидать, смогли лишь забиться в угол, визжа, словно их режут. Но потом! Слушайте, брат Парвус! Мой сын Роберт открыл оружейный ящик, извлек оттуда пистолет и пристрелил версгорца быстрее, чем это сделал бы Рыжий Джон. О, дьяволенок!

Вошла миледи. Волосы ее растрепались, на одной щеке был синяк. Но она спокойно, как сержант, докладывающий расстановку пикетов, сказала:

— Я успокоила детей.

— Бедная крошка Матильда, — пробормотал ее муж. — Она очень испугалась?

Леди Катрин негодующе взглянула на него и сказала:

— Они оба хотели продолжить борьбу...

— Ждите меня здесь, пойду побеседую с Оливером и пилотом.

Катрин едва задержала дыхание.

— Я должна прятаться, когда милорду грозит опасность?

Он остановился и взглянул на нее.

— Но, я думал... — Это выглядело довольно беспомощно.

— ...что я предала вас, чтобы попасть домой? — Она опустила взгляд. — Я думала, что вы забыли меня. Я поступила так, как мне казалось лучше... Для вас. Я ошибалась. Это было как сон. Вы не должны оставлять меня одну, милорд. Я слишком нуждаюсь в вас.

Он медленно кивнул.

— Это я должен просить прощения. Да пошлет мне Господь достаточно лет, чтобы стать достойным вас. — Положив руку ей на плечо, он добавил. — Но оставайтесь здесь. Нужно присмотреть за этим синелицым. Если я убью Оливера и пилота...

— Убейте их! — воскликнула она в приступе ярости.

— Охотно, — ответил он с вежливостью, с которой всегда разговаривал с ней. — Глядя на вас, я хорошо понимаю его. Но... Бранитар может указать дорогу домой, и поэтому караульте его.

Леди Катрин взяла у меня пистолет. Пригвожденный к столу пленник застонал.

— Идемте, брат Парвус, мне понадобится ваше словесное искусство.

Сэр Роже был вооружен мечом и пистолетом, взятым из ящика с оружием. Мы прошли по коридору, потом вверх по лестнице и направо, до входа в рулевую рубку. Дверь была заперта изнутри. Сэр Роже постучал по ней рукоятью меча.

— Эй, вы, двое, — крикнул он. — Сдавайтесь!

— А если нет? — слабо раздался из-за двери голос сэра Оливера.

— Если нет, то я выведу из строя двигатели и уйду на лодке, оставив вас здесь. Но послушайте, я больше не гневаюсь на вас. Все кончается к лучшему, мы действительно сможем отправиться домой, после того как звезды станут безопасными для англичан. Мы были с вами друзьями, Оливер. Дайте мне вашу руку — клянусь не причинять вам вреда.

Наступило тяжелое молчание.

Наконец Оливер сказал из-за двери:

— Вы ведь никогда не нарушали свою клятву? Хорошо, входите, сэр Роже.

Я услышал, как щелкнул замок. Барон протянул руку к двери. Не знаю, что заставило меня сказать:

— Подождите, сэр, — и, с неслыханным нарушением всех правил хорошего тона, я прошел вперед.

— Что?

Но я уже открыл дверь и переступил порог двери. Два железных прута обрушились мне на голову и... окончание этих событий я вынужден передать по рассказам других, ибо приходил в чувство целую неделю.

Я лежал в луже крови, и сэр Роже решил, что я убит. А Оливер и пилот, увидев, что они ударили не барона, напали на него. Они были вооружены двумя отсоединенными от приборов металлическими стойками, тяжелыми и длинными, как мечи.

Меч сэра Роже со свистом рассек воздух. Пилот поднял свою дубинку, клинок с силой ударил по ней, выбив пучок искр. Сэр Роже крикнул так, что задрожали стены:

— Убийцы невинных!

Второй удар выбил стойку из руки версгорца. Третий — и синяя голова отлетела от тела и покатилась по лестнице.

Услышав крик, Катрин подбежала к двери кают-компании и выглянула, как будто могла видеть сквозь стену. Бранитар стиснул зубы и свободной рукой схватил кинжал. Мускулы вздулись на его плечах. Мало кто из людей смог бы вытащить кинжал — но он смог!

Миледи услышала его стон и обернулась, когда Бранитар огибал стол. Его правая рука, покрытая кровью, висела безжизненно, но в левой сверкал кинжал.

Миледи подняла пистолет.

— Назад!

— Опустите, — презрительно сказал он. — Вы никогда его не примените. Иначе вы никогда не увидите звезд над Землей — я ваша единственная надежда на возвращение.

Она взглянула в глаза врагу своего мужа и выстрелила. Потом побежала к рубке.

Сэр Оливер Монтбелл отступал под натиском барона, а когда тот поднял пистолет, он схватил со стола книгу и закрылся ею, как щитом.

— Одумайтесь! — закричал он. — Это корабельный журнал. В нем находятся данные о месторасположении Земли. Других нет!

— Вы лжете. Они есть в мозгу синелицего Бранитара. Тем не менее, — он сунул пистолет в кобуру, — я не хочу пачкать руки вашей кровью. Но вы убили брата Парвуса и сами умрете.

Оливер приготовился к броску. Его большой лом был мощным оружием. Он поднял его и бросил. Получив удар по голове, сэр Роже упал. Оливер прыгнул и, схватив лом убитого версгорца, отбросил в сторону меч сэра Роже. Он издал торжествующий крик. Сэр Роже пытался встать. И Оливер поднял лом...

В дверях появилась Катрин. Сверкнуло пламя и охватило журнал полета.

Оливер закричал от боли. Она выстрелила вновь, и он упал.

Силы оставили Катрин. Она медленно опустилась на пол и заплакала. Сэр Роже подполз к ней и обнял. Не знаю, кому из них это придало сил больше.

Чуть позже он печально сказал:

— Все!

— Я убила Бранитара... — всхлипывая, призналась Катрин.

Сэр Роже задумчиво посмотрел на то, что осталось от корабельного журнала.

— Боюсь, положение непоправимо. Мы не сможем найти дорогу домой.

— Не важно, — улыбнулась она сквозь слезы. — Там, где вы, — там Англия...

ЭПИЛОГ

Раздался звук зуммера. Капитан отложил рукопись и нажал кнопку интеркома.

— Что происходит?

— Этот восьминогий сенешал замка, наверху, связался наконец со своим хозяином, сэр, — ответил голос социотехника.

— Насколько я мог понять, герцог планеты был на сафари, и все это время они пытались отыскать его. Он использует целый континент в качестве охотничьего заповедника. Сейчас он возвращается. Советую посмотреть на это представление. Сотни антигравитационных кораблей. О, Боже! Тот, который приземлился, уже разгружается. В нем всадники.

— Церемониал, несомненно. Через несколько минут выйду. — Капитан взглянул на рукопись.

Как он сможет разговаривать с этим фантастическим герцогом, не зная, что в действительности здесь произошло?

Он торопливо перелистал страницы. Эта хроника версгорского Крестового похода была длинной и многословной. Капитан прочел запись о том, как король Роже Первый был коронован архиепископом нового Кентербери и правил много лет.

Но как это произошло? Ясно, что тем или иным путем англичане выиграли свои битвы. Постепенно они настолько усилились, что перестали зависеть от удачи. Но их общество! Как мог их язык, не говоря уже о социальной организации, выстоять в столкновении со старыми и развитыми организациями? Почему социотехник переводил этого многоречивого сэра Парвуса подряд, не сделав резюме о самых значительных событиях?.. Погоди...

Внимание капитана привлекли страницы в конце книги, он прочел:

«Я уже упоминал, что сэр Роже де Турневиль установил феодальную систему на завоеванных планетах, отданных союзникам. Впоследствии некоторые насмешники заявили, что мой благородный господин поступил так, потому что другого не знал. Я отвергаю это самым решительным образом! Как я уже говорил, крушение Версгорской империи было подобно крушению Рима, а аналогичные проблемы порождают аналогичные решения. Преимущество сэра Роже заключалось в том, что у него был уже готовый ответ, найденный опытом многих столетий земной истории.

Разумеется, каждая планетная система была своим, особым случаем, требовавшим особых решений. Но у большинства из них было много общего. Туземцы охотно подчинялись приказам своих освободителей. Помимо благодарности, которую они к нам испытывали, играло свою роль и то обстоятельство, что это был бедный, невежественный народ. Их цивилизации угнетали в течение многих лет. И сейчас они нуждались в руководстве. Приняв истинную веру, они поняли, что у них есть душа. Это вынудило английское духовенство спешно посвящать в духовный сан новообращенных. Отец Симон отыскал в тексте Священного Писания и в творениях Святых Апостолов места, подтверждающие правильность такого пути. В сущности, хотя он никогда и не говорил того, сам Господь Бог предопределил быть ему епископом, послав так далеко в область неверных. Отсюда следовало, что он не превысил своих полномочий, разбрасывая семена нашей святой католической церкви. Конечно, при его жизни мы всегда называли архиепископа Нового Кентербери «нашим папой», что напоминало нам о том, что он посланец нашего истинного Святого Отца. Я порицаю беззаботность младшего поколения в использовании титулов.

Вскоре многие версгорцы приняли новый порядок. Их центральное правительство всегда находилось от них в отдалении, выступая только как сборщик налогов и указатель законов. Воображение многих синекожих было захвачено нашим богатым церемониалом и тем, что теперь он может встретить члена своего правительства, благородного дворянина, лицом к лицу. Более того, верно служа этому благородному господину, он может надеяться на награду, имение и даже титул.

Из тех версгорцев, которые раскаялись в своих грехах и приняли истинную веру, я напомню только о нашем бывшем противнике, Хуруге, теперь известном как архиепископ Уильям.

В поведении сэра Роже тоже не было ничего неискреннего. Он никогда не предавал своих союзников, в чем его некоторые обвиняли. Он обращался с ними резко, но, исключая необходимое утаивание нашего истинного положения (а эту маску он сбросил, как только мы стали достаточно сильны и могли не бояться разоблачения), всегда был честен. Не его вина в том, что Бог всегда помогает англичанам...

Джары, ашенкогхли и протаны всегда охотно соглашались с его предложениями. У них не было реального представления об империи.

Получив те захваченные планеты, где не было туземного населения, они были счастливы предоставить нам такое беспокойное дело, как управление планетами, где были рабы. Они лицемерно отводили глаза от необходимости иметь такое управление, часто сопровождаемое кровопролитиями. Я убежден, что многие политики тайно радовались тому, что каждая планета уменьшает силу их загадочного союзника, ибо на каждой планете он должен был оставить герцога, окружающее его дворянство и небольшой гарнизон для обучения аборигенов. Междуусобные войны, контратаки версгорцев сокращали эти незначительные силы еще больше. Имея небольшие военные традиции, наши союзники еще не осознавали, как эти тяжелые годы укрепляли верность жителей англичанам. К тому же, будучи слабыми сами, они не знали, какое сильное и здоровое потомство будет у англичан.

Одним словом, когда эти обстоятельства стали ясны как день, было уже поздно. Наши союзники, по-прежнему оставаясь тремя нациями со своими языками и традициями, застыли на месте. А вокруг них разрасталось семейство сотен рас, объединенных религией, языком и английской короной. Даже если бы мы, люди, захотели изменить это, то уже не смогли бы. Мы были так же удивлены, как и союзники.

В доказательство того, что сэр Роже никогда не действовал против союзников, скажу: подумайте, как легко он смог бы победить их в свои пожилые годы, когда правил могучим межзвездным государством. И не его вина в том, что молодые поколения этих наций, все более убеждаемые нашими успехами, склонялись к нашему образу жизни и религии...»

Капитан отложил рукопись и заторопился к главному выходу. Трап был опущен, и по нему навстречу капитану поднимался рыжеволосый человек огромного роста. Фантастически одетый, он был вооружен богато украшенным мечом и бластером. За ним, как почетный караул, стояли солдаты в зеленых мундирах. Над их головами развевались знамена с гербом славного семейства Хеймвордов.

Рука капитана утонула в волосатой ручище этого гиганта. Социотехник перевел с искаженного английского:

— Наконец! Слава Богу! На старой Земле научились строить космические корабли! Добро пожаловать! Добрый вечер, сэр!

— Но почему же вы не искали нас, ваш... гм... ваше высочество? — заикаясь, проговорил капитан.

Когда его слова были переведены, герцог пожал плечами и ответил:

— О, мы искали. На протяжении многих поколений каждый юный рыцарь отправлялся на поиски Земли, если не выбирал поиски святого Грааля. Но вы же знаете, какое тут количество звезд. А к центру Галактики их еще больше — там мы до сих пор сталкиваемся с другими звездными расами. Коммерция, исследования, войны — все

отвлекало нас от этого небольшого спирального рукава. Видите ли, вы прибыли из бедной отдаленной провинции. Король и папа обитают далеко отсюда, на Седьмом небе... В конце концов, через несколько столетий старая Земля станет просто легендой, традицией.

Его большое лицо осветилось.

— Но теперь все изменится. Вы все же отыскали нас! Удивительно! Скажите же мне, освободили ли Святую землю от язычников?

— Ну... — сказал йешу Бар Деви, законопослушный гражданин Израильской империи. — Да.

— Плохо. Мне хотелось бы принять участие в Крестовом походе. Жизнь стала скучной после завоевания планеты Драконов десять лет назад. Говорят, однако, что королевская экспедиция к звездному скоплению в созвездии Стрельца обнаружила многообещающие планеты... Но послушайте, вы должны посетить мой замок. Я приму вас, как смогу, и помогу добраться до короля. Дорога туда трудна, но я пошлю с вами астрологов, которые хорошо знают ее.

— Что он сказал? — спросил капитан Бар Деви, когда смолк бас герцога.

Социолог объяснил.

Капитан Бар Деви покраснел.

— До сих пор ни один астролог не вступил на борт моего корабля!

Социотехник тяжело вздохнул. В ближайшие годы ему предстоит тяжелая работа...

Экран

ГЛАВА 1

Одно мгновение, когда он смотрел на мегаполис, что-то вроде ужаса охватило его. Что же теперь делать?

Багровое солнце спускалось за Центр, черным силуэтом вырисовывающийся на небе, где изредка пролетали самолеты. Вся линия горизонта, казалось, образовалась из силуэтов объединенных субгородов и башен. Однако Коскинен знал, что это только иллюзия. На самом деле огромные здания стояли друг от друга на большом расстоянии, а между ними находились более низкие дома: магазины, квартиры для людей низших классов. И все это связывалось между собой с помощью труб, которые сейчас сверкали в последних лучах солнца. Внизу, на земле, находилась самая прозаическая часть города: улицы, движущиеся тротуары, монорельсы. Там, внизу, уже вспыхнули в окнах огни — темнота там наступает раньше, — включились уличные фонари, зажглись фары автомобилей и трамваев. Здесь, на высоте в сотни этажей, стояла тишина, и город внизу казался нереальным. Как будто Коскинен видел какую-то чужую планету.

Коскинен резко выключил стену обзора, и весь пейзаж перешел в беспорядочные переливы пастельных тонов. Коскинен не проигрывал те записи, которые предлагались ему в роскошно оформленном списке, и даже не стал слушать гавайскую гитару или музыку парижских кабаре, так понравившиеся ему сегодня утром. Он хотел чего-то, что можно осязать физически, попробовать на вкус, понюхать в конце концов.

Что же именно?

При отеле были свои бары, рестораны, бассейн, гимнастический зал, сад, театр — все, что можно было купить или нанять на время. Он мог даже потребовать обслуживание по первому классу и уплатить

за это на пять лет вперед. Кроме того, есть еще и сам город. А можно еще заказать стартокорабль и улететь в какой-нибудь западный город. Нанять местный флайер или флиттер, улететь на окраину Национального парка, провести ночь на берегу лесного озера. Или...

«Что? — спросил он себя. — Я могу заплатить за все, что хочу. Только мне не купить друзей. Уже целых двадцать четыре часа я совершенно один! Я уже понял, как скучно платить за все».

Он подошел к телефону. «Звони, — сказал ему Дэйв Абрамс. — Централия Кондоминиkум на Лонг Айленд. Вот номер. У нас всегда найдется для тебя место. Да и Манхэттен рядом. Прекрасное место для развлечений. По крайней мере, так было пять лет назад. А кроме того, я могу гарантировать самые вкусные в мире мамины булочки».

Коскинен опустил руку, не подняв трубку. Еще нельзя. Семье Абрамсов тоже нужно время, чтобы узнать сына. Он за пять лет здорово изменился. Представители правительства, встречавшие команду в Годлар Филд, отметили, как они стали спокойны, как будто спокойствие Марса вошло в них, стало их частью. Нет, звонить он не будет. Он слишком горд для того, чтобы напрашиваться в гости: «Эй, примите меня. Мне плохо одному. Ведь у меня нет друзей». И это после того, как он наговорил, что он будет делать, как будет веселиться после возвращения на Землю.

Все его товарищи по экипажу имели преимущество перед ним. Они были старше, и у них у всех было место, куда они возвращались, где их ждали. На корабле было даже двое женатых. А у Пита Коскинена не было никого. Кошмары прошлой войны не затронули маленький городок в северной Миннесоте. Но сопутствующие эпидемии не пропустили его. И вот восьмилетнего выжившего ребенка, сироту, вырастили вместе с несколькими тысячами других, таких же, как он. Было трудно. Не потому что в школе к ним относились сурово. Нет, страна делала все, чтобы заменить сиротам родителей. Но страна нуждалась в большом количестве тренированных мозгов. Коскинен получил степень магистра в восемнадцать лет. В этом же году Общество Астронавтов приняло его предложение и включило в состав Девятой Экспедиции на Марс. Он был одним из тех, кто надолго останется на Марсе, чтобы побольше узнать о марсианах. И Коскинен покинул Землю.

Он выпрямился.

«Мне нечего жалеть себя, — подумал он. — Мне двадцать три года. У меня прекрасное здоровье, внушительный счет в банке».

— Нужно начинать с чего-нибудь, парень, — сказал он вслух и вошел в ванную, чтобы посмотреть, как он выглядит.

Красная блуза с высоким воротником, облегающие легкие голубые брюки, мягкие сапожки. Все это он купил сегодня в самом шикарном магазине. Он подумал, не сбрить ли ему светлую бородку, но затем решил, что его лицо без нее будет слишком детским — курносый нос, высокие скулы, голубые глаза. Тело его было мускулистым, сильным, хорошо тренированным. Капитан Твен

настаивал на ежедневных упражнениях, да и постоянно таскать на себе сто земных футов снаряжения — это тоже не прогулка на пикник. Коскинен удивился, как быстро он приспособился к земной силе тяжести. Пыльный, влажный воздух и температура позднего лета угнетали его больше, чем вес.

«Через несколько дней, когда я сделаю официальное заявление, мое имя войдет в анналы истории. А пока нет ничего удивительного, что на Земле я никому не нужен. Нельзя же провести большую часть своей жизни в другом мире, отличном от этого, что кажется сном, и по возвращении стать мгновенно таким же, как и шесть биллионов землян».

Раздался звонок.

В первое мгновение удивленный Коскинен не двинулся с места.

«Кто?.. Кто-нибудь с корабля? — с надеждой подумал он. — Такой же одинокий, как и я сам?»

Он вспомнил про сканер, включил его, но экран был пуст.

Испортился? Снова звонок. Коскинен нажал кнопку «Открыто».

Дверь открылась, и вошли два человека. Один из них нажал на кнопку возле двери, и та закрылась. Другой рукой он щелкнул чем-то в маленькой плоской коробочке. Сканер вернулся к жизни, и на экране появился пустой коридор. Человек опустил коробочку в карман голубой одежды. Его компаньон двигался вдоль стены до тех пор, пока ему не стала видна ванная комната.

Коскинен стоял без движения, ничего не понимая. Это были мощные мужчины. Он видел это, лица их были твердыми, почти без выражения.

— Эй, — начал он, — в чем дело?

Голос его прозвучал довольно слабо и беспомощно, как будто звукоизоляция стен и пола поглотила его голос.

Человек возле ванны рявкнул:

— Ты Пит Дж. Коскинен с «Боаса»?

— Д-да. Но...

— Мы из Службы Безопасности.

Человек достал из кармана бумажник и открыл его. Коскинен посмотрел на идентификационную карту, сравнил лицо владельца с фотографией. Живот у него поджался.

— В чем дело? — спросил он дрожащим голосом, так как даже новички на Земле знали, что СБ не занимается простыми преступлениями.

Человек спрятал бумажник. Коскинен успел заметить имя Сойер. Человек возле двери остался анонимом.

— Наше бюро получило сообщение о тебе и твоей работе на Марсе, — сказал Сойер. Его глаза цвета стали пристально смотрели на Коскинена. — Сначала скажи, у тебя назначены какие-нибудь встречи на этот вечер?

— Нет. Нет, я...

— Отлично. Помни, что мы проверим все твои слова, даже с помощью психовмешательства. Лучше не лги нам.

Коскинен отступил на шаг. Руки его внезапно вспотели.

— В чем дело? — прошептал он. — Я арестован? За что?

— Назовем это просто предохранительной мерой, — сказал Сойер чуть более дружеским тоном. — Технический арест. Но технический только до тех пор, пока ты не отказываешься помогать нам.

— Но что я сделал? — Внезапный гнев охватил Коскинена. — Вы не можете пичкать меня наркотиками. Я знаю свои права! — крикнул он.

— Верховный Суд три года назад постановил, что в случаях, касающихся национальной безопасности, допустимы методы психического вмешательства. Разумеется, эти свидетельства не могут быть использованы в суде — пока. Но это и не важно. — Сойер наклонился к Коскинену. — Где эта штука?

— Какая? — Коскинена охватила дрожь.

— Гаджет. Экранирующее устройство. Ты взял его с корабля вместе со своим багажом. Где багаж?

«Это почти единственный мой багаж», — пронеслось в голове Коскинена.

— Что? Что? Что вам нужно? — услышал он свой заплетающийся шепот. — Я... никогда не воровал. Я только хотел иметь его при себе... пока не сделаю официального сообщения.

— Никто не считает тебя вором, — сказал человек у двери. — Просто Служба Безопасности считает гаджет опасной штукой. Кто еще знает о нем, кроме других членов экспедиции?

— Никто. — Коскинен облизнул губы. Страх стал понемногу оставлять его. — Он у меня здесь... в этой комнате.

— Отлично. Давай его сюда.

Коскинен прошел в кабинет, нажал кнопку. Стена скользнула в сторону, и появилась кое-какая одежда, плащ и сверток размером три на два фута. Он был завернут во вчерашнюю газету и перевязан шнурком.

— Вот, — сказал Коскинен.

— И это все? — подозрительно спросил Сойер.

— Устройство небольшое. Я покажу вам. — Коскинен наклонился, но Сойер положил руку ему на плечо и оттянул назад.

— Не надо. Держись подальше от него!

Коскинен постарался подавить гнев, снова завладевший им. Он — свободный американский гражданин, который хорошо поработал для своей страны. Кто они такие, эти плоскостопые, чтобы так обращаться с ним?

Служба Безопасности, вот кто. Это заставило его содрогнуться. Нет, конечно, он мало знал о них, никогда не слышал, чтобы они хватали людей без вины. Но о Службе Безопасности всегда говорили приглушенным тоном.

Сойер быстро осмотрел комнату.

— Больше ничего, — кивнул он. — О'кей, Коскинен, расплатись здесь, и мы уходим.

Он начал складывать вещи в чемодан, а Коскинен подошел к телефону, набрал номер и невразумительно пробормотал, что чрезвычайные обстоятельства вынуждают его срочно уехать. Затем он подписал чек, и клерк, принявший внизу его факсимиле, спросил, не нужен ли ему носильщик.

— Нет, благодарю.

Коскинен отключил связь и посмотрел в лицо агента, имени которого он так и не узнал.

— Я надолго? — спросил он.

Агент пожал плечами.

— Я только работаю здесь. Идем!

Коскинен сам понес свой чемодан. Сойер взял сверток, а третий человек стоял возле стены, недвусмысленно держа руку в кармане. Скользящая дорожка понесла их вдоль коридора. На третьем перекрестке они сели в лифт, который поднял их прямо на крышу. По пути им встретились юноша и девушка, спускающиеся вниз. Ее полупрозрачная легкая туника переливалась нежными цветами, волосы были уложены в высокую прическу и спрыснуты микалитом. Смех ее показался Коскинену серебряными колокольчиками, звеневшими откуда-то издалека. Коскинен почувствовал себя таким же одиноким, как в ту ночь, когда стоял под деревом и видел, как умирает его мать...

«Чепуха, чепуха, — сказал он себе. — Все должно быть под контролем. Именно этого и хочет Протекторат — контролировать все, сохранить города от радиоактивного дыма. И Служба Безопасности — не более чем служба разведки Протектората. Все понятно. Ведь этот потенциальный барьер открывает возможности войн. Хотя и не агрессивных. Или я ошибаюсь? Может быть, Служба Безопасности — или сам Маркус — хочет иметь твердую уверенность в этом вопросе?»

А пока Сойер крепко держал его под локоть, у второго сотрудника наверняка в кармане было оружие. И они ведут его куда-то, где проникнут в его мозг с помощью психонаркотиков... И внезапно ему до боли захотелось снова очутиться на Марсе.

На окраине Тривиум Шаронтис, где начиналась Элизианская пустыня, которую заливало морем света маленькое сверкающее солнце с неба, похожего на пурпурное стекло, по которой перекатывались темно-красные и коричневые песчаные дюны, и на горизонте виднелся песчаный вихрь, стояла каменная башня. Она стояла здесь еще в те времена, когда жители Земли охотились на мамонтов. Из-за башни появилась огромная фигура Элькора. Шагов его не было слышно в разряженном воздухе. Он положил руку на шею Коскинена. Это была сильная рука, и Коскинен чувствовал ее прикосновение даже через термокостюм, но в то же время это

прикосновение было нежным и мягким, как крикосновение женской руки. И вот Коскинен ощутил кодированную вибрацию, пронизывающую все его существо. Он теперь понимал этот код так же просто, как английский язык.

— Когда я прошлой ночью растворился в звездном свете, мне пришла идея о новом аспекте реальности, которая может решить проблему и дать нам взаимную радость...

Они втроем вышли из кабины на крышу. Поодаль от припаркованных каров стоял ничем не выделяющийся воздушный кар. Сойер кивнул служителю и открыл дверцу кара:

— Заходи!

Коскинен сел на переднее сиденье. Агенты заняли места справа и слева от него. Они застегнули ремни безопасности. На радарном посту вспыхнул зеленый сигнал. Сойер двинул рычаг, и кар взмыл вверх.

ГЛАВА 2

Солнце уже село, и малоэтажные мегаполисы погрузились в темноту. По стране потянулись цепочки электрических огней. Они тянулись, смутно припоминал Коскинен, к Бостону, Массачусетсу, Норфолку, Питтсбургу... Но над погруженной в темноту землей возвышались небоскребы. Центры. Они были такими высокими, что солнце еще освещало их верхушки. Над янтарем солнечного заката небо окрасилось в темно-зеленый цвет, и на нем вспыхнули яркие точки. «Венера, — вспомнил Коскинен. — А эти маленькие и движущиеся — спутники связи». В небе было много воздушных шаров, гораздо больше, чем в его далеком детстве. «Значит, материальное благосостояние вернулось к людям наконец», — подумал он. Огромный трансконтинентальный лайнер скользил по небу и пошел на посадку на морской аэродром возле мыса Код.

Сойер взял курс на Вашингтон и включил автопилот. Он достал пачку сигарет.

— Куришь? — предложил он Коскинену.

— Нет, благодарю. — Тишина в кабине кара давила на него, и чтобы нарушить ее, он стал объяснять: — Мы не можем курить на Марсе.

— О, конечно. Если приходится все время восстанавливать кислород...

— Нет, кислород не при чем. Главное, сила тяжести. Вместе с марсианами мы разработали восстановитель воздуха размером с кулак. Он способен снабдить воздухом двух человек, даже при максимальном потреблении кислорода. Я вмонтировал такой восстановитель в экранирующее устройство. Естественно, когда я путешествовал по Марсу, используя вместо термокостюма и шлема потенциальное поле...

Сойер напрягся.

— Заткнись! — рявкнул он. — Я не желаю этого слушать!

— Но ты же из Службы Безопасности! — сказал удивленный Коскинен.

— Я не босс. И я не хочу подвергаться промыванию мозгов, чтобы забыть то, чего не должен знать.

— Заткнись, — сказал его партнер.

Сойер поджал губы. Коскинен откинулся на спинку сиденья. Неужели они сотрут мою память?

Второй агент повернулся и посмотрел в заднее стекло.

— Что-то долго этот кар летит за нами, — промычал он.

Сойер тоже посмотрел. Коскинен не мог удержаться, увидев ничем не примечательный кар, летящий за ними. В небе было много таких каров.

— Мы не одни летим в Вашингтон, — сказал Сойер.

Агент достал из отделения для перчаток бинокль и посмотрел на кар.

— Да, — пробормотал он. — Тот же самый, что летел за нами от самого Джерси. Я обратил внимание.

— Таких голубых «Эйзенхауэров-2012» много, — ответил Сойер.

— Я запомнил номер, — фыркнул агент. — Бери курс прямо на Академию.

— Но... — Пот каплями стекал по щекам Сойера.

— Слишком много совпадений с этим каром. Он летел за нами из Филли, затем потерялся над городом и появился над отелем «Фон Браун» точно в тот момент, когда взлетели мы. И к тому же он тоже летит в Вашингтон! У любого здесь возникнут сомнения.

— Мы получили приказ в страшной спешке, — возразил Сойер. — Может, это наш эскорт. Ну, конечно! Они действуют слишком профессионально. Штаб-квартира не всегда сообщает, что выделяет эскорт.

— Если у них было время выделить эскорт, то они могли бы подобрать нам вооруженный кар с закрытой связью. Это кто-то чужой. Что нам с ним делать?

Сойер взял микрофон.

— Вызови регулярную полицию, — предложил он. — Или даже штаб-квартиру.

— И тогда полконтинента узнает, что здесь происходит? Нет, подождем, пока нас не вынудят обстоятельства.

Агент наклонился к пульту и нажал кнопку. Вспыхнул транспарант с надписью:

«ПРОСИМ РАЗРЕШИТЬ МАКСИМАЛЬНУЮ СКОРОСТЬ»

— Что случилось? — встревожился Коскинен.

— Не беспокойся, парень, — сказал агент. — Когда Служба Контроля выведет нас на верхний уровень, этой птице придется ожидать не менее трех минут до того, как возникнет возможность

следующего открытия. А это тридцать миль и много каров между нами.

— Но... но...

Сойер взял себя в руки.

— Мы стараемся уберечь тебя, — сказал он дружелюбно. — Как ты думаешь, сколько времени ты проживешь, если китайцы набросят на тебя петлю?

— О, он проживет немного, но вряд ли такая жизнь понравится ему, — ответил агент.

Где-то внизу Служба Контроля вычислила маршрут, по которому кар мог подняться вверх с максимальной безопасностью. Прозвучал сигнал предупреждения. Коскинена со страшной силой вдавило в подушки сиденья. Мелькающие огни слились в сплошные линии и оказались далеко внизу. Через прозрачный потолок кабины Коскинен видел только темное небо, первые звезды на нем, и ни следа человеческой деятельности за исключением нескольких спутников связи да одинокого стратолайнера.

Кар выровнялся. Сойер потер лоб тыльной стороной ладони.

— Должен сказать, что здесь мне совсем не нравится.

— Но что теперь они могут сделать? — спросил Коскинен. — Если, конечно, они не решатся внезапно превысить скорость?

— Вряд ли они решатся на это, — хмыкнул агент. — Ведь тогда здесь через две минуты будут полицейские. Однако эти мальчики не играют вхолостую. Наверняка у них есть еще что-нибудь.

Сойер немного расслабился.

— При такой скорости мы быстро будем над Вашингтоном, но вполне возможно, что нам придется долго ждать просвета для посадки. И они успеют оказаться там. Как нам устроить срочную посадку?

— Хмм... Я...

Коскинен, глядя на звезды и думая, увидит ли он их снова, первым заметил стратокорабль.

— Что это? — спросил он. Оба агента вскочили.

Корабль быстро снижался. Большая черная пуля, неосвещенная, почти невидимая. Уши Коскинена, привыкшие к разреженному воздуху, уловили рев его двигателей.

— Военный! — ахнул Сойер.

Он рванулся к панели управления, включил что-то. Коскинен замер — это уход с курса, установленного Службой Контроля. И увеличение дозволенной скорости...

Бронированный корпус корабля завис над каром, начал прижимать его к земле. Снова вокруг замелькали огни дорожного движения. Служба Контроля пыталась справиться с неожиданным нарушением ее установок. Сквозь туман в глазах Коскинен видел, что она не справляется — красные и зеленые огни беспорядочно мелькали. Иногда они загорались одновременно.

Но вот ремень безопасности крепко сдавил его живот. Рывок был таким сильным, что он чуть не ударился головой о приборную доску.

— Черт возьми! — крикнул Сойер. — Они использовали для нас систему захвата спутников!

Через потолок кабины Коскинен увидел натянутые струны. Кар накренился. Огни снова остались внизу. Они были в ловушке.

Сойер нажал кнопки связи. Никакого ответа.

— Они блокировали связь! — прохрипел он. Затем он попытался включить двигатели. Вибрация усилилась, но все было бесполезно. Сойер выключил двигатель. — Нам не разорвать эту сеть. Есть надежда, что копы вмешаются?

— Никакой, — сказал его компаньон сквозь зубы. — Даже зацепив нас, этот корабль спокойно уйдет от любого полицейского кара. Но если вмешаются Воздушные Силы, то они еще смогут перехватить его.

Сквозь скрипы и скрежет Коскинен слышал низкий свист. И вот перед ним открылась черная глубина неба и солнце над западным горизонтом. Вероятно, они вошли в стратосферу, и воздух покидал кабину через неплотно пригнанные двери. По шуму в ушах Коскинен догадался, что давление падает.

— Кар, который следил за нами, имел постоянную связь с этим кораблем. А корабль постоянно находился на такой высоте, чтобы Служба Континентальной Защиты не засекла его. Вот почему кар открыто следил за нами. В каре знали, что мы будем делать, когда заметим слежку, — полетим наверх, прямо в ловушку. Значит, это китайцы. Никто, кроме них, не смог бы разработать такой дьявольский план.

У обоих агентов в руках уже были пистолеты.

— Ч-что будем делать? — запинаясь, спросил Коскинен. Ему уже не хватало воздуха. Дрожь била его тело.

— Драться! — сказал Сойер. — У нас есть еще шансы. Чтобы освободить нас из сети, им нужно спуститься. Копы наверняка предупредили Воздушные Силы, и их радары засекли нас. Эскадра преследования перехватит их через двадцать минут.

— Вероятно, они тоже знают это, — сказал другой агент.

Он неотрывно смотрел вверх, на стальное небо и звезды.

Кар тряхнуло. В брюхе открылся квадратный люк. В нем сверкнул свет.

— Они поднимают нас на борт! — ахнул Сойер.

Его компаньон сидел неподвижно. Кровь текла из его носа.

— Да, — сказал он. — Этого я и боялся.

Его пистолет повернулся и уперся в Коскинена.

— Прости, парень, — пробормотал агент.

— Что ты делаешь? — вырвался крик из груди Коскинена.

— Мы не можем позволить им взять тебя. Ты слишком важен для безопасности страны.

— Нет!!

— Прощай, парень!

Коскинен действовал помимо разума. Никакая реакция не спасла бы его, если бы он полагался только на разум. На Марсе он много занимался дзюдо ради развлечения. И его животные инстинкты наложились на отточенную технику.

Он резко повернулся на сиденье, одновременно выбив левой рукой пистолет из руки агента. Правый кулак его, как ракета, нанес удар в лицо, которое превратилось в сплошное кровавое месиво.

Тут же Коскинен ударил головой назад. Удар пришелся прямо в подбородок Сойера. Сойер хрюкнул. Руки Коскинена сдавили его шею. Уже страдающий от недостатка кислорода, Сойер тяжело обмяк.

Коскинен выпрямился. Космическая чернота окружала его. Вибрация кара пробудила его сознание. Люк уже был над самой крышей кара, как разинутая пасть. Коскинен заметил человека на краю люка — в термокостюме, шлеме и с винтовкой. Кар через минуту будет внутри корабля. И тогда корабль спокойно улетит туда, откуда прилетел.

Сойер и другой агент шевельнулись. Коскинен в смятении подумал: «Боже, что я наделал! Я напал на двух сотрудников Службы Безопасности... И я оставил их тут, чтобы их захватили в плен... Но они хотели убить меня. А у меня не было времени, чтобы помочь им».

Он уже отстегнул пояс безопасности, перебрался на заднее сиденье, взял сверток и развернул его. Свободной рукой он взялся за ручку двери. Воздух с шипением устремился наружу.

Кар стукнулся о край люка. Коскинен открыл дверь. Шпаги вонзились в его барабанные перепонки, когда он принял на себя полную разность давления. Человек в костюме направил на него винтовку.

Коскинен прыгнул в открытую дверь и начал падать...

ГЛАВА 3

Самое главное — защити свои глаза. Они могут заледенеть.

Коскинен спрятал лицо в изгиб левой руки. Тьма сомкнулась вокруг него. Тьма, невесомость и жгучий холод. Боль стиснула голову. Та порция воздуха, которую он вдохнул в каре, была еще в его легких, но она рвалась наружу. Если он поддастся этому давлению, то инстинкт заставит его сделать новый вдох. На такой высоте воздуха почти не было, но холода было вполне достаточно, чтобы заморозить его дыхательную систему.

Ослепший, почти потерявший сознание, он неповинующимися руками сорвал обертку свертка и подтянул его к себе. Теперь... а где же лямка для правого плеча? Паника охватила его. С трудом он справился с нею и постарался разобраться.

Вот!

Он просунул правую руку в одну петлю, левую в другую. Панель управления улеглась на его грудь. Пальцами, которые уже ничего не чувствовали, нащупал тумблер включения...

Он сильно выдохнул воздух и открыл глаза.

Холод ударил как нож.

Он хотел крикнуть, но легкие его были пусты, а у него хватило здравого смысла не наполнять их.

Еще рано... рано... думал он в проблесках ускользающего сознания. Нужно опуститься ниже. Сколько же это займет времени? Квадратный корень из двойного расстояния, поделенного на «ЖЕ». Элькор... когда ты по ночам растворялся в звездах, учитывал ли ты силу притяжения голубой звезды по имени Земля?

В последний момент сознания он успел выключить тумблер...

Тело его было как будто чужим, и он не мог понять, тепло вокруг или нет. Однако он уже снова мог дышать. К счастью, его положение во время падения было таким, что встречный поток воздуха не попадал в его открытый рот и не мог разорвать легкие. Он жадно вдохнул несколько раз, затем вспомнил и снова включил тумблер.

Коскинен продолжал падать и видел ночное звездное небо над собой, так похожее на небо Марса, если бы не огни стратопланов, пересекающие его вдоль и поперек. Однако он не видел погони за собой. Естественно. Когда он прыгнул вниз, люди на странном стратоплане наверняка решили, что он погиб.

И внезапно он осознал, что падает в густонаселенную область страны. А при этой скорости падения он был настоящей бомбой.

— О, Боже, или кто ты там есть, сделай так, чтобы я не убил кого-нибудь при падении!

Город летел навстречу ему. Вот он уже ничего не видел, кроме домов... И удар...

Для него это было так, как будто он ударился о туго натянутую сеть. Потенциальный барьер образовал вокруг него плотную оболочку, поглощающую кинетическую энергию и затем выделяющую ее наружу. Ничто, даже звук, не могло проникнуть сквозь барьер.

Коскинен приземлился, поднялся на ноги, посмотрел на облако пыли, образовавшееся при ударе, и услышал свое хриплое дыхание внутри оболочки.

Пыль улеглась, и Коскинен вздохнул с облегчением. Он упал на улицу. Вокруг не было пятен крови — только кратер на бетонной мостовой и трещины, отходящие от него. Люминесцентные лампы бросали ровный скучный свет на не менее скучные кирпичные стены домов и неосвещенные окна. Неоновая лампа, освещавшая вывеску над черной закрытой дверью, привлекла его внимание.

«ЛАВКА ДЯДЮШКИ ПОНА»

— Я спасен, — вслух сказал Коскинен, с трудом веря в случившееся. Голос его дрожал. — Я жив! Я свободен!

Из-за угла вышли два человека. Они были плохо одеты, тощие, изможденные. Видимо, эти кварталы были заселены беднейшими людьми. Они остановились и, раскрыв рты, смотрели на Коскинена и на разрушенную мостовую. Полоса искусственного безжизненного света освещала лицо одного из них. Коскинен видел, что человек отчаянно жестикулирует, но он не мог слышать, что говорил этот человек.

«Вероятно, шум от моего падения был подобен взрыву бомбы, — подумал он. — Что мне теперь делать?»

Бежать отсюда! Пока не поздно!

Он отключил экран. И первым его ощущением было тепло. Ведь тот воздух, которым он дышал внутри экрана, был захвачен им на высоте двадцать тысяч футов. Здесь же воздух был спертым, загрязненным. Дикая боль пронзила его голову. Коскинен глотнул, чтобы уравнять давление. Звуки поглотили его — гул машин, рев пронесшегося рядом поезда, топот ног, крики людей.

— ...Эй, какого дьявола?.. Кто ты?..

К мужским голосам присоединился женский. Коскинен повернулся и увидел, что из боковых улочек, дверей домов выходят все новые и новые жители этого района. Возбужденные, взволнованные, кричащие — еще бы, такое событие в их тусклой, монотонной жизни! Коскинен понял, что он для них не больше чем любопытное зрелище. И не потому, что он грохнулся вниз с такой силой, что разворотил бетон. А потому, что он был одет так, как одеваются те, кто живет наверху, в роскошных квартирах, номерах отелей, кто ведет прекрасную загадочную жизнь. На спине у него был блестящий цилиндр, на груди панель управления с ручками, тумблерами, тремя стрелочными приборами. Да, он был похож на героя научно-фантастического фильма. Коскинен подумал, стоит ли им объяснять, что он участвует в съемках нового фильма или что он проводит эксперимент... Нет... Он бросился бежать.

Кто-то схватил его. Но Коскинен вырвался и побежал дальше. Позади него раздались крики. Десять фунтов аппаратуры давили ему на плечи. Он оглянулся. Столбы уличных фонарей стояли как скелеты великанов с горящими головами, но они находились на большом расстоянии друг от друга, так что пространство между ними заполняла тьма. По обеим сторонам улицы возвышались стены. Все небо над улицей было затянуто сетью линий электропроводов и трубопроводов. Где-то за углом проревел поезд. Коскинен успел заметить своих преследователей, услышать их вопли.

Он прижал локти к ребрам и прибавил скорости. Разумеется, он был в лучшей спортивной форме, чем эти недоедающие. Тем более что у него была надежда на будущее, и это тоже нужно учитывать. А на что могли надеяться они, у которых все рабочие места занимали машины, а потребление ограничивалось ростом населения? Люди, которые редко ели досыта, не могли хорошо драться, хорошо бегать.

Улицу, по которой бежал Коскинен, пересекал монорельс.

Коскинен услышал шум приближающегося поезда. Он спрятался за колонной вблизи монорельса. Вскоре появился поезд и понесся на Коскинена, ослепляя его светом прожектора. Коскинен бросился вперед и проскочил перед самым носом локомотива. Вибрация пронзила все его тело. Пыль забила ноздри. Коскинен прислонился к стене и только тут вспомнил, что мог сделать себя неуязвимым, включив защитный экран. Он смотрел на поезд. Мимо пронеслись товарные вагоны, а затем появились пассажирские. Через грязные стекла Коскинен видел бледные усталые лица.

«Но мне нужно поскорее убираться, — подумал Коскинен, — пока поезд отрезал меня от преследователей». Коскинен соскочил с платформы и снова оказался на улице. Он быстро пробежал по ней и свернул в первую боковую аллею.

Поезд прошел. Коскинен спрятался в темноте и прислушался. Но шума толпы не было. Видимо, погоня кончилась.

Аллея привела его на небольшую площадь, по сторонам которой стояли старые дома. Низкие, дряхлые. Коскинен притаился в тени. Он видел небо, беззвездное, багровое. На небе вырисовывался величественный силуэт центра. До него было примерно полмили. Вокруг слышался шум проезжавших поездов, машин, но возле этих домов не было никаких признаков жизни. Кроме старого тощего кота.

«Интересно, где я? Вероятно, где-то между Востоком и Вашингтоном, судя по направлению полета стратокорабля».

Он вспомнил Дэйва Абрамса. Дэйв был его ближайшим другом. Он и сейчас ему друг. И у него хороший уравновешенный ум. Отец Дэйва входит в Совет Директоров Атомного Центра, и его положение сравнимо с положением сенатора. Да, это выход. Позвонить Дэйву. Назначить где-нибудь встречу. Разработать план действий и выполнять его при поддержке могущественных друзей.

Немного успокоившись, Коскинен вдруг осознал, что голоден. И ему хочется пить. Его мучит жажда, как тогда, когда он путешествовал по Цереброс Кналу и у него отказал аппарат для увлажнения воздуха... Тогда они с Элькором ходили к философам, которых уже много лет никто не видел и все забыли, как они выглядят... Кажется, это было во Втором Земном Году. Да. На Третьем Году произошло слияние земной и марсианской наук и была разработана Новая концепция энергетических явлений, новая для обеих планет. На Четвертом Году все теоретические разработки воплотились в практические решения, и был сконструирован нормативный прибор для создания потенциального барьера. Такие приборы были изготовлены для всех членов экипажа «Боаса». Но из-за ограничения по весу на Землю был доставлен всего лишь один прибор... И тут Коскинен понял, как он был легкомыслен.

Коскинен дождался, чтобы его пульс и дыхание стали нормальными. Ноги болели от напряжения, но мозг был ясным. Вероятно, он находился в районе, подвергшемся атомной бомбардировке. После войны такие районы наскоро отстраивались, и потом в

них уже не вкладывали ни цента. Однако эти соображения ничем не помогли Коскинену. Таких районов по стране было множество.

Что же делать?

Позвонить в полицию? Но скорее всего, Служба Безопасности уже предупредила полицию. А агенты Службы Безопасности хотели убить его.

Дрожь охватила Коскинена. Такого не может быть! Только не в Соединенных Штатах Америки! А ведь страна должна охранять себя в этом жестоком мире. И тот, кто заботится о безопасности страны, должен быть человеком крепким, безжалостным. Нельзя же допускать, чтобы агенты были убийцами!

Впрочем, может быть, ситуация слишком серьезна. Возможно, хотя он и не мог себе этого представить, безопасность Соединенных Штатов зависит от того, чтобы он, Пит Коскинен, не попал в руки врагов. Если так, то он должен связаться со Службой Безопасности. Они позаботятся о нем и освободят его, когда...

Когда?

«Отец и мать мертвы, — подумал он. — Марс спрятался где-то в грязном небе. К кому обратиться?»

Оставалось только придерживаться уже принятого решения действовать с помощью могущественных друзей.

Впрочем, нужно что-нибудь поесть. К счастью, в его кармане находится туго набитый кошелек...

ГЛАВА 4

Он пересек небольшую площадь и вышел на более или менее приличную улицу. Судя по состоянию мостовой, здесь редко ездили машины. Кирпичные и бетонные дома жались друг к другу. Они были похожи на коробки и не превышали пяти этажей. Кое-где на балконах сидели люди, наслаждаясь свежим воздухом. Другие ходили по тротуарам: старики, шаркающие ногами, подростки хулиганского типа в кепочках, надвинутых на самые глаза, и сигаретами в углу рта, девочки в ультрамодных платьях. Они выглядели бы ничего, если бы надели такие платья через несколько лет, когда их фигуры приобретут женственные очертания. В окнах квартир виднелись люди, прильнувшие к синеватым экранам телевизоров.

Коскинен шел быстро, игнорируя взгляды людей и их перешептывания. Поесть, поесть... И вот за окном вспыхнул неон супермаркета.

В этот час там было мало народу. Он удивился обилию продуктов и сравнительно низким ценам. Он прошел мимо отделов одежды, лекарств, игрушек и наконец увидел надпись:

«РЕСТОРАН»

Разбитная девица на неоновой рекламе, одетая только в коротенький передник, под которым не было ничего, проворно сновала между столиками, вместе с едой предлагая свои прелести.

Робот-швейцар не смог идентифицировать прибор на спине Коскинена.

— Один момент, пожалуйста! — раздался голос из репродуктора. Прозвучал зуммер, включился сканер, и послышался человеческий голос:

— О'кей, проходите! Я не знаю, что это такое, но вы можете пройти с этим.

Коскинен ухмыльнулся и вошел в ресторан.

С удивлением он отметил, что здесь обслуживали не автоматы. Прекрасно, значит, в беднейших кварталах, где хоть какая-нибудь плата лучше, чем ничего, еще сохранились люди, специальностью которых было приготовление пищи.

Огромный мужчина с печальными глазами стоял за кассовым аппаратом. Его живот буквально нависал над кассой. Два человека в дальнем конце зала пили кофе. По своему внешнему виду они не походили даже на обитателей этого квартала. Их блузы были грязными, в пятнах, на лицах чернела щетина недельной давности. Один из них, огромный, волосатый, смотрел телевизор — какую-то идиотскую историю времен последней войны. Другой сидел, зажав сигарету в пальцах, и, казалось, был погружен в собственные мысли. А может, спал.

— Что вы закажете? — спросил кассир и нажал кнопку.

На экране появилось меню. Коскинен заказал гамбургер с жареным картофелем.

— И самую большую бутылку пива для начала, — добавил он.

— Смешанного? — спросил кассир.

— ?? — Коскинен посмотрел в мясистое лицо. — Вы имеете в виду смешанное с водкой?

— О чем вы говорите? Я имею в виду возбуждающее. Мескалиноид, скицио, несин... Что вы желаете?

— Ничего. Просто пиво. В этот вечер мне нужна ясная голова.

— Хммм. Вы сверху, не так ли? Одежда, солнечный загар и все такое... Вам не слишком повезло, когда вы попали сюда. — Кассир достал из холодильника бутылку «Ракетенбрауж», открыл ее и поставил перед Коскиненом. — Послушайте моего совета, — сказал он. — Садитесь-ка на первый же поезд и отправляйтесь обратно. А еще лучше, вызовите такси.

Пальцы Коскинена стиснули бутылку.

— Неужели это такой опасный район?

— Да нет. Разве что напоретесь на банду подростков. Но мы живем недалеко от Кратера, и их люди иногда забредают сюда.

Кассир скрыто показал на тех двоих, что пили кофе в дальнем конце. Один из них отвернулся от телевизора и открыто, со злобой, посмотрел на пришельца.

Кассир подтолкнул не слишком чистый стакан к Коскинену. И тут же прошептал:

— Здесь у нас охранники, так что у нас редко бывают

неприятности, но вам лучше не выходить одному на улицу. Этот заподозрил, что у вас есть деньги.

Коскинен пожал плечами. Почему бы ему и не воспользоваться такси?

— Благодарю за предупреждение, — сказал он. Он снял прибор и сунул его под стул.

— Что это? — спросил кассир.

— Эксперимент.

Вопросов больше не последовало. Люди низшего уровня не совали нос не в свои дела. Коскинен выпил пива. Ему сразу стало легче, и он набросился на еду. Уверенность вернулась к нему.

Кассир отошел от кассы и подошел к видеотелефону. Его абонент не пожелал включить видеофон. Затем к аппарату подошел тот, кто смотрел на Коскинена. Переговорив, он вернулся на свое место и толкнул соседа, вернув его к действительности. Они о чем-то пошептались. Коскинен не обратил на это внимания. Он покончил с едой и пошел к видеофону. Здесь он набрал номер Абрамса. На экране вспыхнула надпись:

ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПЛАТИТЕ ОДИН ДОЛЛАР ЗА ТРИ МИНУТЫ РАЗГОВОРА
И ДВА ДОЛЛАРА ЗА ТРИ МИНУТЫ ВИДЕОСВЯЗИ

Коскинен бросил две монеты и повернулся к кассиру:

— Где я?

— ??

— Я... я заблудился. Что это за район?

— Бронко.

Кассир закатил глаза к потолку, а те двое ухмыльнулись. Коскинен закрыл дверцу кабинки, когда засветился экран. Полная пожилая женщина смотрела на него с экрана. Глаза у нее были красные, припухлые, и она нервно вертела обручальное кольцо на пальце.

— Миссис Абрамс? — спросил Коскинен.

Женщина кивнула.

— Попросите к телефону вашего сына Дэйва, пожалуйста.

— Его нет, — проговорила она совсем тихо.

— А вы не скажете, как мне связаться с ним? Это очень срочно.

— Нет... нет... Кто вы?

— Пит Коскинен, друг Дэйва...

Она буквально подскочила на месте.

— Я не знаю вас! — крикнула она. — И ничего не хочу знать!

— Но, мадам... — Коскинен похолодел, но попытался вернуть себе спокойствие. — Что-нибудь случилось? Дэйв должен был рассказать обо мне. Если вы не знаете, где он сейчас, попросите его позвонить мне, когда он вернется. — Он замолчал, размышляя. — Я сниму комнату в отеле, затем позвоню вам, сообщу номер...

— Нет! — закричала она. — Его арестовали! Разве вы не знаете? Они пришли и увели его!

Коскинен замер. Женщина сообразила, что сказала слишком много.

— Вам лучше самому связаться с полицией, — заговорила она. — Здесь какое-то ужасное недоразумение. Может, вы поможете рассеять его. Отец Дэйва весь день сидел на телефоне, но не смог узнать ничего. Может, вы сможете помочь... — Она зарыдала.

«Прослушивается ли ее линия?» — подумал Коскинен и отключился.

Ему хотелось бежать. Но куда? Некуда! Если директор Атомного Центра не смог выручить сына... Я должен попытаться связаться с капитаном Твеном.

Капитан жил где-то в Орегоне, Коскинен знал это. Он вызвал Службу Информации.

— Немного терпения, сэр, — сказал голос. — Сейчас на одну минуту связь прервется.

— Какого черта?.. — Но Коскинен вспомнил, что сейчас связь осуществляется через систему спутников. — Я подожду, — сказал он.

— Если человека нет дома, вы хотите, чтобы был проведен специальный поиск?

— О, нет. Только найдите, где он остановился. Я буду говорить с любым, кто подойдет к видеофону.

Экран погас. Коскинен стоял и слушал идиотскую музыку. Он переминался с ноги на ногу, теребил бороду, ударял кулаком по ладони. Пот тек по его спине.

Послышался стук в дверь. Коскинен повернулся. Человек с квадратным подбородком, раньше сидевший за дальним столиком, стоял возле двери. Коскинен в приливе ярости распахнул дверь.

— В чем дело? — рявкнул он.

— Ты еще долго, парень? — Тон не был вызывающим, но могучие плечи угрожающе ссутулились.

— Еще несколько минут. Если ты торопишься, то здесь наверняка есть другие видеофоны.

— Нет, нет. Все о'кей. Я только интересуюсь. Мы здесь редко видим людей сверху. Я подумал, может, ты ищешь развлечения? — Изуродованное лицо исказилось в подобии улыбки.

— Нет, благодарю.

— Я знаю неплохие местечки. Таких ты не найдешь наверху.

— Нет. Я собираюсь только позвонить и убраться отсюда. Тебе ясно?

Человек выпрямился. Улыбка стерлась с его лица.

— Не кипятись. Я ведь по-дружески.

Коскинен захлопнул дверь. Человек прошел к столику и поговорил со своим партнером. Оба выглядели очень довольными.

Прошло еще много времени, и видеофон наконец зазвонил.

Коскинен повернулся к нему так поспешно, что ударился коленом. Боль помогла ему овладеть собой.

— Мы нашли ваш номер, сэр, — сказал оператор. — Эуджен, Орегон. — Он написал номер на листке бумаги.

Коскинен набрал номер, и на экране появилось неизвестное лицо.

— Капитан Силас Твен дома? — спросил Коскинен.

— Кто вы? — спросил человек повелительно, но осторожно.

— А кто вы такой, чтобы интересоваться этим?

Человек помолчал, затем принял решение:

— Служба Безопасности. Капитан Твен убит, сопротивляясь, когда его пытались похитить. А кто вы?

Коскинен замотал головой, стараясь сделать разум ясным.

— Это правда? — спросил он.

— Включите Службу Новостей. Кто вы, быстро!

— Я... только старый его друг... Джим Лонгворт... — пробормотал Коскинен, выудив из бесконечного далека имя школьного товарища. — Я слышал, что с Марса вернулась экспедиция, и решил... — Видя, что агент удовлетворился объяснением, он поспешно отключил связь.

Он выглянул из кабины. Огромный человек, подходивший к нему, сейчас говорил с кассиром. Отвратительная гримаса исказила его лицо. Кассир сжался, постоянно кивал и наконец ушел в дальний угол, делая вид, что очень занят. Огромный человек вышел, но костлявый остался. Он уже не курил и не обращал внимания на Коскинена, хотя вид у него был настороженный.

Твен мертв. Большой, добродушный Си Твен — труп. Как могло это случиться? Может, его убили агенты Службы Безопасности?

Коскинен поспешно бросил монеты в щель и набрал номер. Он даже не рассмотрел девушку.

— Включите мне сообщение о капитане Твене! — почти рявкнул он. — Экспедиция на Марс. Мне сказали, что он убит.

— Да, сэр. Сообщение пришло совсем недавно.

Девушка нажала кнопки, и на экране появился мужчина.

— Служба Новостей. Эуджен, Орегон, 12 сентября. Капитан Силас Дж. Твен, 44 года, начальник экспедиции на Марс сегодня был найден убитым в своей комнате в отеле. Труп обнаружила Доринда Джой в 16.30. Она — секретарь из агентства, которую он вызвал незадолго до трагедии. В номере многочисленные следы борьбы. Возле тела капитана Твена, который был застрелен, лежал труп человека, по всем приметам — китайца. Череп его был разбит тяжелой пепельницей, которая все еще находилась в руке Твена. Видимо, несколько человек проникли в номер, расположенный на девятом этаже, с подвижной платформы и попытались похитить капитана. Капитан, сопротивляясь, убил одного из них. Поняв, что с капитаном не справиться, преступники застрелили его и скрылись. Полицейский инспектор Джон Флайинг Игл заявил, что смерть капитана Твена наступила не раньше 16.00. Затем этим делом занялись агенты

Службы Безопасности, и из официальных источников больше никаких сведений не поступало. Мотивы разыгравшейся трагедии не выяснены. Твен был...

Далее последовали основные факты из биографии капитана, сопровождаемые кадрами из фильмов. Коскинен отключил аппарат. Забыть все! Забыть Службу Безопасности, забыть китайцев... У него защипало глаза. Неужели я заплачу?

Теперь бессмысленно звонить членам экспедиции. Вероятно, я один остался жив, и это только потому, что у меня прибор экранирования. Нужно поскорее выбраться отсюда, пока меня не схватили.

Выбраться? Куда? Пока я только знаю, что нужно выбираться. И поскорее.

Дрожащими пальцами он набрал номер вызова такси:

— Да, это супермаркет в Старом Проле. Откуда я знаю адрес? У вас же есть справочник? Так загляните туда. — Он отключил аппарат и вышел из кабины.

Кассир отшатнулся от него. Ужас исказил его лицо.

Коскинен расплатился, накинул прибор на плечи и вышел.

Какой-то человек с пистолетом в кобуре остановил его.

— Простите, мистер. Я охранник. Я наблюдал за вами по монитору. Вы знаете того, кто с вами говорил, когда вы звонили?

— Нет, — ответил Коскинен не слишком дружелюбно. — Дайте мне пройти.

— Он и тот другой тип — из Кратера. Я видел их и раньше. От них нельзя ждать ничего хорошего. Мне не понравилось, как он говорил с Гусом. Ясно как день, что он потребовал от Гуса, чтобы он ни о чем не предупреждал вас. А потом он оставил своего товарища и ушел один.

Костлявый человек поднялся и направился к двери. Охранник посмотрел ему вслед.

— Я не могу ничего сделать, пока они не предпримут что-нибудь незаконное, — сказал он. — Но если бы я был на вашем месте, мистер, я бы оставался здесь и ждал такси. Или вызвал полицию.

— Полицию? Службу Безопасности? Благодарю, нет!

Охранник хмыкнул.

— Ты хочешь со всем справиться сам, сынок? Но ты не похож на людей такого сорта. Что у тебя за спиной?

— Не твое дело! — рявкнул Коскинен и почти выбежал на улицу. Охранник пожал плечами.

На улице Коскинен остановился. Она была пустынна и тускло освещена. Где-то вдали слышался шум поездов. «Может, мне остаться пока в ресторане? — подумал он. — А потом куда? В отель? Не очень дешевый, чтобы он не был притоном грабителей, но и не очень дорогой, чтобы не привлекать внимания Службы Безопасности. Или китайцев. Какой-нибудь отель среднего класса для коммивояжеров.

Он слишком возбужден, чтобы уснуть, но можно принять таблетку для сна. А утром решить, что делать дальше».

Помятое зеленое такси приземлилось возле него. Из кабины вышел водитель. На нем был стальной шлем, в кобуре находился игольчатый пистолет. По борту машины была выведена надпись:

«КОМИТЕТ ТАКСИКОВ КОМПАНИ»

— Вы заказывали такси?

— Да.

Когда задняя дверца захлопнулась за ним, кто-то завернул Коскинену руку за спину, а другая сильная рука сдавила ему горло.

— Не двигайся, и тебе не сделают ничего плохого, — сказал голос человека, с которым он говорил из переговорной будки.

Водитель хмыкнул и сел на переднее сиденье. Он включил двигатель, и машина взмыла вверх. Коскинен с трудом перевел дыхание.

«Идиот, — обругал он себя. — Тупоголовый идиот! Совершенно очевидно, что это планировалось с самого начала. И дураку ясно, что он заказывал такси. Потом только нужно было вызвать сообщников с машиной, а тот, в ресторане, следил за Коскиненом, готовый предупредить сообщников, если что-то сорвется или случится что-то непредвиденное. Но ничего не случилось, и он, Пит Коскинен, попал в руки бандитов».

— Вот и хорошо, — сказал грабитель. Он рассмеялся. — Успокойся! Мы отвезем тебя не дальше чем на милю. Достань свой кошелек и брось его на пол.

Коскинен повиновался. «Но теперь я нищий, — подумал он. — У меня не наберется и двадцати долларов. А в банк обращаться нельзя...»

— О'кей! — хмыкнул бандит. — Он послушный, Тим. Так высадим его где-нибудь возле станции. Тогда у него будет шанс остаться живым.

Водитель что-то пробурчал, машина пошла на снижение. Они приземлились возле высокой стены — вероятно, автоматического завода. Мрак здесь был еще плотнее.

— О, да, — спохватился бандит, — сними и эту штуку тоже. Да, да, ту, что у тебя на спине. Не знаю, что это такое, но старый Зиггер или его девчонка разберутся. Может, ты скажешь сам?

— Но... пожалуйста... — прохрипел Коскинен.

— Заткнись! Скидывай ремни. Пронто!

Удушающий захват ослабился настолько, чтобы он мог расстегнуть ремни. Водитель повернулся и направил на него игольчатый пистолет. Металл пистолета зловеще поблескивал в темноте.

— Только без фокусов! — предупредил водитель.

«Что мне делать?» — подумал Коскинен.

Он в темноте сбросил ботинки, делая вид, что отстегивает пряжки. Ступнями он нащупал кошелек и подтянул его к себе.

— Пошевеливайся! — нетерпеливо сказал тот, что держал его за горло.

Коскинен нащупал тумблер.

Расширяющееся цилиндрическое силовое поле оторвало его от сиденья, и он повис в воздухе. Бандитов отбросило к противоположной стене. Должно быть, они оба орали, ругались, но теперь они были для него только безмолвными тенями.

Коскинен сунул кошелек в карман и ждал. Теперь он был неуязвим. Даже газ не мог проникнуть сквозь невидимый барьер, а воздухорегенератор гарантировал ему кислород для дыхания. Он видел, как их кулаки барабанят по барьеру. Водитель стрелял в него.

— Давайте, давайте, — говорил Коскинен, хотя они тоже не слышали его. — Вы не сможете мне ничего сделать. К тому же здесь наверняка есть полицейский патруль. Вытолкните меня за дверь и убирайтесь. Вы мне надоели!

Бандит двинулся, нащупывая границу барьера. Он надавил на невидимый барьер плечом и убедился, что Коскинен, заключенный в оболочку, подвижен.

— Вытолкайте меня отсюда и убирайтесь, идиоты! — прокричал Коскинен.

Двое посовещались. Водитель повернулся к панели управления, и машина взмыла в воздух.

«О, Боже!» — подумал Коскинен. Он понял, что бандиты решили взять его с собой.

Наверху было достаточно света, который пробивался сквозь грязный воздух снизу. Коскинен смог даже рассмотреть грабителя. Он прислонился к стене, не сводя глаз с Коскинена. В обеих руках он держал по пистолету — игольчатый и излучатель вибрации. Глаза у него блестели, как у безумного, грудь ходила ходуном, капли пота стекали по лицу. И все же Коскинен не мог отказать этим бандитам в мужестве. Впервые увидев такое, они все же нашли в себе силы забрать его с собой для исследования.

Что же делать?

Можно отключить поле, открыть дверь и выпрыгнуть... Нет. Это займет не меньше секунды. Времени вполне достаточно, чтобы игла успела поразить его.

Можно просто сдаться.

Нет. Пока нет. Это всегда можно будет сделать, когда положение станет безвыходным. Надо подождать и посмотреть, что будет дальше. Может быть, может быть. Силы оставляли Коскинена. Он устроился поудобнее и стал тупо ждать, что будет.

ГЛАВА 5

До Кратера оказалось недалеко. Машина вышла из луча Службы Контроля и стала спускаться на ручном управлении. Коскинен увидел впереди темный круг, четко вырисовывавшийся на фоне освещенной паутины улиц. Ему показалось, что внутри круга виднеются темные силуэты домов, в некоторых из которых даже светились окна. Но все остальное было темным. В нескольких милях впереди виднелся центр, который сверкающим фонтаном устремился в темное небо. Виднелись и другие небоскребы — владения богатейших фирм и компаний. Но все это было как будто на другой планете.

Но это же Марс, в отчаянии подумал Коскинен. Марс тоже убивал людей своим холодом, отсутствием воды, воздуха. Но в его пустынях, движущихся лесах была красота. Но самое главное — великий разум марсиан, который соединился с земным разумом, чтобы постичь еще неизведанное.

«Когда я был на Марсе, мне очень не хватало Земли. Я вспоминал зеленую траву, деревья, солнечное тепло на обнаженной руке, ветерок над озером. Лето, снег, людей, которых я знал, когда был ребенком... Но это не Земля. О, Элькор, верни меня обратно на Марс...»

Машина кружила вблизи темного круга. Водитель что-то говорил в микрофон. Идентифицирует себя? Говорили, что вожди кратеров сбивают тех, кто без разрешения приближается к их владениям. Очень немногие имели истинную информацию о кратерах. Коскинен знал, что во время послевоенного восстановления в городах, подвергшихся ядерным ударам, был слишком высокий уровень радиации. Когда он уменьшился, в эти города устремились беднейшие элементы, так как там земля была очень дешева или совсем не занята. Самые смелые спустились даже в кратеры, устроили там себе убежища, собрали людей и время от времени устраивали нападения на жителей городов. Полиция, которой было здесь достаточно, старалась не вмешиваться в дела жителей кратеров, если, конечно, дело не было совсем плохо. Все-таки любой социальный порядок лучше, чем никакой, а главари Кратеров четко установили структуру общества в своих владениях.

Водитель выключил микрофон. На панели вспыхнула лампочка — радиомаяк, догадался Коскинен. Машина приземлилась, к ней подошли какие-то тени. Водитель вышел из кабины и поговорил с ними. Затем открылась дверца, и Коскинена вытащили наружу.

Он осмотрелся. Оказалось, что посадочной площадкой послужила плоская крыша бетонного здания на самом краю кратера. Дно кратера терялось во тьме. Невдалеке на фоне неба вырисовывались сторожевые башни.

В чьей-то руке вспыхнул фонарь и высветил дюжину лиц, смотревших на Коскинена. Все они были вооружены. Одеты они были в кожаные куртки и шлемы. Двое схватили Коскинена и понесли,

остальные окружили их плотным кольцом. Грабитель и водитель пошли впереди. Кому-то приказали отвести машину.

Коскинен пассивно лежал внутри оболочки, страдая от усталости. Его внесли в дверь, спустили по лестнице в облицованный пластиком освещенный туннель. Здесь его положили на тележку, куда сели все его сопровождающие. Тележка быстро поехала по туннелю, свернула в более широкий туннель — возможно, остатки подземных сооружений, не пострадавшие от взрыва. Тут, наверное, есть своя система энергоснабжения, вентиляции, обогрева... И, разумеется, запасы пищи, оружия, всего необходимого для того, чтобы выдержать длительный штурм. Тележка ехала мимо людей, видимо, рабочих, которые с почтением смотрели на проезжавших воинов. Наконец они въехали в стальные ворота, где в стены были вмонтированы пулеметы, и оттуда уже все снова пошли пешком.

Теперь они шли через огромные роскошно и с большим вкусом отделанные холлы. Коскинен с изумлением смотрел вокруг. Но вот перед ним открылись стальные двери, и они очутились в комнате, стены которой были сделаны из бетонных блоков. Охранники опустили Коскинена на землю, и он встал на ноги.

Это было просто: достаточно сместить центр тяжести оболочки, чтобы она прочно встала на свое основание.

Охранники распределились вдоль стен, направив на него пистолеты. На широких столах стояла обычная лабораторная аппаратура, телефон, монитор для видеосвязи. Вероятно, здесь была их исследовательская лаборатория, решил Коскинен.

Коскинену показалось, что прошла целая вечность, пока открылись двери и в комнату вошли двое. Охранники приветствовали их. Коскинен постарался стряхнуть с себя тупую усталость и внимательно посмотрел на вошедших.

Первым был мужчина, огромный, пожилой, с большим животом и совершенно лысой головой. У него не было даже ресниц. Лицо пухлое, розовое, с бульбой носа и щелью рта. Несмотря на толщину, двигался он так, что в нем чувствовалась большая сила. Одет он был во что-то голубое, на пальцах сверкали перстни. Возле бедра висел пистолет.

На женщину смотреть было приятнее, чем на него. Ей около тридцати. Высокая, с прекрасной фигурой и гибкой талией. Черно-голубые волосы падали до самых плеч. Лучистые карие глаза, широкий нос, полные, капризно изогнутые губы. Кожа у нее была цвета «кофе с молоком», и ослепительно белый халат, надетый поверх роскошной красной туники, резко контрастировал с ее кожей.

«О'кей! — подумал Коскинен, почувствовав, как холодок прошелся по его спине. — Здесь сам босс. Как же бандиты называли его? Зиггер?»

Человек медленно обошел вокруг него, с любопытством ощупывая границы барьера, затем он толкнул Коскинена, наблюдая,

как он падает и как затем поднимается. Махнув всем рукой, чтобы они отошли подальше, он достал пистолет и стал всаживать пулю за пулей в барьер. Пули падали прямо на пол, погасив свою энергию в экране. Женщина внимательно смотрела на происходящее. Затем она достала блокнот, написала в нем несколько строчек и показала Коскинену.

Он прочел:

«Похоже, что именно то, что нам нужно. Ты не хочешь продать его нам?»

Он покачал головой.

— Отпустите меня! — прокричал он.

Она нахмурилась и написала:

«Делай знаки руками на языке глухонемых. Вот так». — И она показала несколько знаков.

Ну конечно! Это прекрасный способ общения в подобном случае. Коскинен отчаянно задвигал пальцами:

«Вам до меня не добраться. А полиция ищет меня. Лучше отпустите меня!»

Женщина посовещалась с Зиггером. Он казался в некотором замешательстве, но все же отдал приказ охранникам, и те вышли. Женщина обратилась к Коскинену:

«Очевидно, у тебя есть аппарат для регенерации воздуха, но я не вижу других запасов. Мы запрем тебя, и ты умрешь от голода. Лучше выходи и договорись с нами. Зиггер держит свое слово, если ему это выгодно. — Босс ухмыльнулся, покраснел, но не произнес ничего. — Однако его опасно иметь врагом».

«Не надо меня пугать, — ответил Коскинен. — Если вы так поступите, я буду расширять силовое поле, разрушу эти стены и, может быть, мне удастся бежать».

«О'кей! Голодание — это слишком долго», — лаконично ответила она.

Охранник вернулся с каким-то длинноствольным оружием. Женщина написала:

«Ты знаешь, что это?»

Коскинен покачал головой. Он не мог хорошенько рассмотреть.

«Лазерный пистолет. Стреляет мощным сфокусированным пучком света».

«О, да», — подумал Коскинен. Он внезапно вспотел.

«Я слышал о таких».

«Твой экран пропускает свет в обе стороны. Значит, он прозрачен для лазера, — написала женщина. — Первый выстрел будет тебе в ноги».

Охранник навел пистолет. Коскинен отключил поле и рухнул на четвереньки.

ГЛАВА 6

Телефон разбудил его. Он повернулся, поднял голову от подушки и попытался прийти в себя. Телефон продолжал звонить. Коскинен выругался, протянул руку и включил экран.

На него смотрела темнокожая женщина. Он ахнул, еще не окончательно вспомнив, где он и что с ним.

— Доброе утро, — сказала она, улыбнувшись. — Вернее, добрый день. Думаю, что ты спал достаточно долго.

— Да?

К нему медленно, разорванными фрагментами, пришло понимание действительности. Он чуть не потерял сознание, когда экран отключился. Они забрали от него силовой экран, привели его сюда, дали транквилизатор... Он осмотрелся — маленькая уютная комнатка с ванной, одна дверь, окон нет, вентиляционная решетка... Он под землей? В подземном замке Зиггера?

Снова вспыхнул экран.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала женщина. — Я заказала обед. — На ее лице появилась широкая улыбка. — Для тебя — завтрак. Охранник придет за тобой через пятнадцать минут. Вставай, соня!

Коскинен выбрался из постели. Одежда его исчезла, но в стенном шкафу висело несколько новых дорогих костюмов. По правде говоря, он не думал, что ему пойдут зеленая блуза и серые брюки. Но к тому времени, когда вооруженный охранник открыл дверь, Коскинен уже был готов и ужасно голоден.

Они вступили на подвижную дорожку и вскоре очутились в той части подземного замка, которая поразила Коскинена роскошью. Охранник открыл дверь. Коскинен вошел, и дверь закрылась за ним. Стоя на полу, где лежал мягкий ковер, Коскинен осматривал покои. На стенах висели хорошие картины. А сами стены переливались разными цветами, что пришлось не по вкусу Коскинену. Но он обрадовался, услышав мягкую приглушенную музыку Моцарта. Вся мебель была на низких ножках. На небольшом задрапированном пьедестале лежал кристалл лунного камня. «Сколько же все это стоит?» — подумал Коскинен.

За столом сидела женщина. Белая туника очень подходила к ее светло-коричневой коже. Она махнула рукой, в которой была сигарета. В другой руке она держала бокал с коктейлем.

— Садись, Пит!

Голос ее был чуть хрипловатым, с легким южным акцентом. «Вероятно, в ней есть примесь креольской крови», — подумал он.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил он, но сразу понял: идиот, у них же все мои документы.

— И проверка через Службу Информации, — кивнула она. — Тебе понравилось наше жилище?

Он сел за стол. К ним подкатил робот и спросил, что он хочет.

Коскинен понял, что кроме него и женщины здесь нет людей. Однако за дверью наверняка стоял охранник, а у нее под рукой кнопка вызова или в браслете вмонтирован микрофон.

— Я... я не знаю, — сказал он. — Я помню, что когда-то пил коктейль «Том Коллинз»...

Она сделала гримасу.

— О, тебе нужно пообтесаться. Куришь?

— Нет, благодарю. — Он облизнул губы. — Что говорят обо мне в новостях?

— Ничего, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Эти идиоты считают, что ты все еще блаженствуешь в отеле «Фон Браун» в Филли. Однако мы не смогли связаться ни с кем из твоих друзей.

— Я знаю, — грустно кивнул он. — Надеюсь, что они живы. Ты знаешь, что китайцы убили Си Твена?

— Что?

— Это было в Новостях, — ответил он. — Вчера вечером.

— Сегодня уже этого не было. Сегодня сказали, что он погиб по случайности, а то, что говорили вчера, было ошибкой истеричного диктора. — Ее чувственный рот внезапно стал жестким, злым. — Где правда?

Коскинен разозлился:

— Откуда я знаю?

Выражение ее лица снова смягчилось.

— Послушай, Пит, — заговорила она тихо и быстро. — Ты попал в какую-то неприятную историю. Я весь день экспериментировала с твоим прибором. Я кое-что выяснила, поняла, что он может делать. И одного этого достаточно, чтобы Зиггер с ума сошел от радости. Здесь у нас нет наркотиков, развязывающих языки, но у нас есть кое-что другое. Нет... — Она подняла тонкую руку. — Я не угрожаю тебе. Я никогда не мучаю людей. Но предупреждаю тебя, Пит, что Зиггер не остановится перед этим. У тебя нет другого выхода, как сотрудничать со мной.

— Если я пойду на это, Служба Безопасности не поблагодарит меня.

— Мы сможем спрятать тебя от ее агентов, если ты думаешь, что они не простят тебе. Кратер щедро расплачивается с теми, кто делает ему добро. Ну, так что произошло с Твеном?

Робот принес коктейль. Коскинен жадно выпил. Все окружающее перестало быть реальностью.

Она кивнула, слушая его, закурила новую сигарету, выпустила клуб душистого дыма, и глаза ее сузились. Выслушав все, она задумалась и наконец заговорила:

— Очевидно, что первое сообщение было правильным, а теперь Служба Безопасности пытается скрыть правду. Теперь я понимаю, в чем дело. Ваша экспедиция привезла с Марса этот прибор, совершенно не подозревая, к чему это приведет. Люди разъехались по домам. Их домашние и друзья узнали о приборе, и Служба

Безопасности, у которой полно осведомителей, узнала о нем очень быстро. Она-то поняла, какие последствия могут быть, и решила забрать прибор и изолировать всех знающих о нем до тех пор, пока не будет ясно, что делать. Поэтому все твои товарищи сейчас в заключении. Но у китайцев полно своих шпионов и агентов. Они давно знали о научных достижениях на Марсе, и когда экспедиция вернулась с Марса, все ее члены оказались в кольце шпионов. Вполне возможно, что «Боас» привез с Марса нечто необычное. Китайцы узнали о приборе еще быстрее, чем Служба Безопасности. И тут началась охота за членами экспедиции.

Коскинен слушал ее, забыв о своем нервном истощении и усталости. Сейчас на него не действовала ни выпивка, ни еда.

— Но я единственный, у кого есть прибор и кто знает о нем почти все. Ведь это я разрабатывал его. Разумеется, в сотрудничестве с марсианами. Остальные занимались другими работами.

Она откинулась на подушку, как кошка, чуть ли не мурлыкая.

— А почему Служба Безопасности не схватила тебя раньше других?

— Может быть, они были плохо информированы. А кроме того, им было трудно найти меня. Я сказал, что собираюсь в Миннеаполис, но в последний момент изменил решение, захотел пожить в супертауне. Однако они пришли быстро. И китайцы за ними.

— Значит, ты бежал от китайцев, когда наши ребята вышли на тебя?

— И от Службы Безопасности. — Коскинен допил бокал. — Агенты пытались убить меня.

Она широко открыла глаза, и их блеск чуть не ослепил его. Он понял, что должен рассказать ей всю правду, и начал рассказывать.

— Ясно, — пробормотала она. — Но они делали то, что требовал от них долг. — Она потянулась через стол и погладила его руку. — Поешь.

Робот принес суп. Женщина смотрела, как он ест, и не мешала ему. Затем она сказала:

— Кстати, я забыла, что ты не знаешь моего имени. Меня зовут Вивьена Кордиеро.

— Очень приятно, — пробормотал Пит.

В голове у него прояснилось, силы вернулись к нему. Он был благодарен Вивьене, что та растолковала ему всю ситуацию, которая казалась ему кошмарным сном.

— Ты физик?

— Да, немного, — кивнула она. — Я, как и ты, дитя института. — Лицо ее омрачилось. — Но я не пошла на службу государству. Боссы Кратера тоже нуждаются в тех, кто кое-что понимает в энергетике и теории информации.

— Ты понимаешь, что этот прибор всего лишь первый экспериментальный образец? Нужна большая лаборатория и годы работы, чтобы понять его возможности.

— Понимаю. Но Зиггер будет доволен и тем, что есть. Поговорим о приборе. Разумеется, не в подробностях — я не пойму сложной математики, — а в общем. — Коскинен колебался. — Я и так уже много узнала, — напомнила она ему.

Он вздохнул:

— О'кей.

— Во-первых, это марсианская машина?

— Не совсем. Я же говорил, что изобрел ее вместе с марсианами. Они прекрасно понимают теорию поля, но мало знают о физике твердого тела.

— Хмм. Значит, Служба Безопасности не может просто послать корабль на Марс и потребовать всю информацию о приборе. Известно, что марсиане не общаются с теми, кто им не симпатичен. И притвориться другим невозможно, потому что марсиане ЗНАЮТ. Русским пришлось убедиться в этом перед войной. Они поняли, что марсиане могут взрывать атомные бомбы прямо на кораблях противника. Разумеется, сейчас, когда космические корабли есть только в Америке, никто другой не может полететь на Марс. Значит, вся игра должна вестись только на Земле. Так что же представляет собой этот невидимый экран? Потенциальный барьер?

Он удивился и кивнул.

— Как ты могла узнать это?

— Но это же очевидно! Двумерный потенциальный барьер, отгораживающий его владельца от остального мира. Я определила, что он возрастает от нуля до максимума на расстоянии нескольких сантиметров. И ничто, не обладающее очень большой скоростью, не может проникнуть сквозь него. Так что пуля ударяется о барьер, теряет свою энергию и падает. Но куда девается кинетическая энергия пули?

— Поле поглощает ее. И запасает в аккумуляторе, откуда берет энергию при формировании барьера. По моим расчетам, скорость пули, чтобы она проникла сквозь барьер, должна быть не менее пятнадцати миль в секунду.

Она присвистнула.

— Это предел?

— Нет. Можно поднять барьер на еще большую высоту, но тогда требуются большие запасы энергии. При тех запасах, которыми обладает этот образец, я могу расширить поле и окружить барьером целый дом. Но тогда он будет тонким. Его пробьет пуля, обладающая скоростью одна миля в секунду.

— Миля в секунду тоже неплохо, — сказала она. — А как накапливается энергия?

— Квантовая генерация. Атомы аккумулятора перемещаются в низшие состояния.

— Ты только что изложил концепцию запасной энергии, — заметила она. — Если бы это стало известно людям, то многие фирмы прогорели бы, закрылись, не возникли бы сотни других. Это поле,

экран, щит — или как ты его называешь, что это? Сгущенное пространство?

— Можешь называть его и так, хотя это бессмысленное словосочетание. Я могу показать тебе формулы... — Коскинен замолчал. — Нет, нельзя! Только не этой банде преступников.

Но она сняла груз с его души.

— Не надо. То немногое, что я знала о тензорах и прочей белиберде, я давно забыла. Будем говорить только о чисто практической стороне. Я заметила в приборе встроенный термостатический аппарат. И прибор для регенерации воздуха. Я понимаю, что это тебе необходимо, так как пространство внутри экрана совершенно изолировано. Но таких аппаратов я еще никогда не видела.

— Это полностью изобретение марсиан. Выдыхаемые углекислый газ и водяные пары вступают в реакцию с металлическим пористым материалом. Для реакции нужно некоторое количество энергии, которую получают из аккумулятора. При этом образуется твердый гидрокарбон и свободный кислород. Вредные примеси, выдыхаемые человеком, тоже связываются гидрокарбоном. Под защитой таких барьеров мы могли неделями путешествовать по Марсу, имея при себе лишь минимальные запасы энергии и пищи.

— Ясно. Но как можно работать в таком барьере, если ты там неподвижен?

— Мы путешествовали на тележках, которые тащили электрические тракторы. Работы выполнялись роботами. А потом наши инженеры разработали машину для одного человека с манипуляторами, которыми человек мог управлять. Однако можно создать поле такой формы, чтобы оно облегало человека, как герметический костюм. Система генераторов будет менять форму поля в зависимости от того, что требуется человеку в каждый момент. Поле ведь не что иное, как алгебраическая сумма нескольких сил. Правда, потребуются значительные инженерные усилия, чтобы создать такую систему.

Вивьена пришла в возбуждение:

— Это только начало! Ведь, создав изменяемое поле, можно заставить летать корабли со скоростью света или близкой к ней! А возможности в энергетике? Если ты научился поддерживать атомы в состоянии низшей энергии, значит, ты научился управлять ядерной реакцией! Значит, ты можешь превращать любое вещество в энергию! О, Пит, этот экран только начало!

Он тут же вспомнил, где находится, стал мрачным и заметил:

— Это может быть и концом, раз столько разных людей и организаций охотятся за прибором.

Возбуждение в ней погасло. Она откинулась на спинку кресла.

— Да, это вполне возможно. Неуязвимость... Люди убивают друг друга и за меньшее. Ты знаешь это.

Робот принес кофе с пирожными. Вивьена обхватила себя руками, как будто ей стало холодно. Она улыбнулась Питу:

— Прости, что я говорю с тобой только о деле. Давай пока забудем о приборе. Мне бы хотелось узнать тебя как человека. — Голос ее дрогнул. — Такие люди, как ты, большая редкость в наше время. Не только здесь, но и во всем мире.

Они проговорили до самой ночи.

ГЛАВА 7

Охранник привел Коскинена и втолкнул его в двери. Гулкое эхо бетонных стен лаборатории вновь заставило его почувствовать себя совершенно одиноким. Однако Зиггер и Вивьена были уже здесь. Зиггер спрашивал Вивьену:

— Ты уверена, что он ничего не скажет тебе? Никогда? Может, стоит ему показать, что он здесь ничто, и ему следует помнить об этом?

Ее губы искривились.

— Не будь большим идиотом, чем ты есть, Зиггер. Такой пустоголовый тип, как Вонес, не может делать ничего, кроме глупостей.

— Он не пустоголовый.

— Но он пользуется стимуляторами мозговой деятельности.

— Это не наркотики.

— Еще хуже.

Зиггер поднял руку, как бы собираясь ударить ее. Она смотрела ему прямо в лицо.

— Как ты собираешься найти Вонеса? — спросила она.

Он опустил руку, отвернулся с глухим ворчанием и увидел Коскинена.

— А, вот и ты! — Глаза на безбровом лице сверкнули. — Подержи его, Бак!

Один из трех охранников схватил сзади руки Коскинена. Боль в затылке и в завернутых за спину руках была очень сильной, но Коскинен мог бы вырваться, если бы у босса и у других охранников не было пистолетов.

Зиггер взял со стола щипцы.

— Я хочу, чтобы ты все понял, Пит, — сказал он почти дружеским тоном. — Ты в плену. Никто вне Кратера не имеет понятия, где ты. Ты собственность. Моя собственность. Я могу делать с тобой все, что захочу. — Щипцы приблизились к носу Коскинена. — Я могу вырвать твой нос, прямо сейчас, если захочу. — Щипцы сдавили нос, и от боли слезы выступили на глазах у Коскинена. Зиггер зловеще ухмыльнулся. — А у тебя есть более чувствительные места, чем нос. А если я не захочу наносить тебе физические увечья, я посажу тебя в машину, воздействующую на нервную систему. Там мучения гораздо сильнее. Я видел парней, которые прошли через это.

А потом я пропущу твое тело через мясорубку. У меня много кошек, а ты знаешь, сколько сейчас стоит свежее мясо.

С видимым усилием он опустил щипцы. Босс уже вспотел, и тон его не был таким легким, каким бы ему хотелось.

— Вот что я могу сделать со своей собственностью. Ви, сделай то, что я просил.

На лице Вивьен не было никакого выражения. Она взяла стальной диск диаметром в три дюйма и на цепочке подвесила его на шею Коскинену. Затем она подложила под цепь диск асбеста и с помощью небольшого аппарата заварила цепь. Даже через асбест Коскинен чувствовал жар металла. Теперь Коскинен не мог снять диск с себя, не разрезав звенья цепи.

Пока Вивьена работала, Зиггер объяснил:

— Это гарантирует твое хорошее поведение. Ты будешь помогать леди-ученой разобраться с твоим экраном. Покажешь, как он работает, поможешь улучшить его, сделать еще несколько. И во время работы тебе может прийти в голову идея накинуть на себя эту штуку и убежать туда, где тебя не достанет луч лазера. Так забудь об этом. Теперь на тебе фульгуритовая капсула с детонатором. Я нажму кнопку, и тебе оторвет голову.

— Позаботься, чтобы эта штука не сработала от случайного сигнала! — рявкнул Коскинен.

— Не беспокойся, — сказала Вивьена. — Детонатор срабатывает от специального кодированного сигнала.

— Отпусти его, Бак, — сказал Зиггер.

Коскинен потер нос, который немного распух и болел. Зиггер сиял.

— Не держи зла на меня, Пит. Я показал тебе плохое. Теперь покажу хорошее. Курить хочешь? Или таблетки для счастья? У меня их полный карман. Пока ты пленник, ты — моя собственность. Но эти мальчики — не собственность. Они здесь потому, что знают, где им хорошо. Мне бы хотелось, чтобы ты присоединился к нам, Пит. Разумеется, по своей доброй воле. О, не пугайся. Я не преступник. Ты должен понять это. Я здесь правительство. Да, да. Я создаю законы, собираю налоги, забочусь о своих людях. Разве это не правительство? Что может сделать для тебя Вашингтон, чего не мог бы сделать я? И сделать лучше. Тебе нужны деньги, хорошая пища, хороший дом, развлечения? Ты все это будешь иметь, если захочешь. К тому же тебе совсем не обязательно все время жить здесь, в Кратере. Пластическая операция — и ты можешь идти куда захочешь. У меня по всему миру есть прекрасные дома, виллы, охотничьи домики, яхты... И мы будем иметь гораздо больше, когда у нас будет твой экран. Гораздо больше. Напряги свое воображение, мальчик, и подумай, что у нас будет уже в следующем году. Хочешь принять участие в игре?

Коскинен молчал.

Зиггер хлопнул его по спине.

— Подумай над моим предложением, Пит, — сказал он игриво. — А пока работай и веди себя хорошо.

Он вышел в сопровождении охранников. За ними закрылась дверь.

Вивьена достала сигарету, уселась в кресло и, затянувшись, выпустила дым. Коскинен осмотрел комнату. В углу он увидел экран монитора, и с экрана на него смотрело чье-то лицо. Значит, за ним следят. Он с трудом удержался, чтобы не сделать неприличный жест шпиону. На столе лежал его прибор. Коскинен пробежал пальцами по ручкам управления.

Немного погодя Вивьена шевельнулась.

— Ну как?

Он не ответил.

— Мне жаль, что так случилось, — сказала она. — Но я получила приказ от босса...

— Разумеется.

— А что касается остального... того, что делал он... Думаю, что Зиггер ничем не хуже других главарей банд. Может быть, даже не хуже любого правительства. А ведь он прав относительно того, что он правительство.

— В Вашингтоне не пытают, — пробормотал он.

— Я не уверена в этом, — горько заметила Вивьена.

Он удивленно посмотрел на нее. Во время их беседы она мало говорила о своем прошлом. Он выяснил, что родители Вивьены были довольно состоятельны, и она училась в частной школе. Но война прервала все. Она пережила несколько трудных лет среди беженцев, затем была полурабыней в плену у партизан, но ее освободили и взяли в Институт. Там ее вылечили, затем она получила образование.

— Мне кажется, что ты имеешь все основания ненавидеть анархизм, — сказал он.

— И правительство тоже, — ответила она. — Что касается Зиггера, то он сейчас в очень плохом настроении. Беспокоится об исчезновении Вонеса.

— Кто это?

— Напарник Неффа. Помнишь двух парней в ресторане? Нефф вышел, чтобы вызвать машину и похитить тебя. Вонес следил за тобой.

— О, да, наркоман. Помню.

— Предполагалось, что к ночи он вернется с докладом. У Зиггера есть для него поручение. Но он не вернулся, и никто не может найти никаких его следов.

— Убийство?

— Может быть. Хотя люди Зиггера больше привыкли убивать сами. Вонес мог попасть в руки банды подростков, или его даже могли захватить люди из нью-йоркского Кратера. Мы ведь ведем войну между собой за право контролировать территории. О, черт с ним. —

Вивьена выбросила сигарету. — Все так плохо. Почему правительство не хочет затратить деньги и покончить с этими гангстерами?

— Полагаю, что со временем это случится. Пока что есть много более важных дел. Поддержка Протектората требует так много денег и энергии, что...

— Не говори мне о Протекторате, — вырвалось у нее.

Коскинен разинул рот. Ее буквально трясло. Глаза ее, полные слез, смотрели куда-то мимо него, ногти впились в ладони.

— Что... что случилось? — Он сделал шаг к ней.

— Если бы Бог был, — сказала она сквозь зубы, — я уверена, что он ненавидел бы нас, нашу страну, весь наш род. Он заставил бы нас придерживаться Доктрины Корриса, чтобы мы сами уничтожили себя и спасли его от неприятностей.

— Но... Ви, что ты хочешь? Ты хочешь третьей термоядерной войны?

В голове у него всплыли строки, которые он изучал еще в Институте:

«...безопасность Соединенных Штатов. Следовательно, с этого момента ни одно государство не имеет права иметь вооруженные силы в большем количестве, чем это необходимо для выполнения внутренних полицейских функций. Любая попытка производить, накапливать оружие, подготавливать армию, способную к агрессивным действиям, будет рассматриваться как действие против США, и каждый, кто несет ответственность за такие действия, будет арестован и судим американским военным судом как военный преступник. Для того чтобы предотвратить тайное накапливание оружия, США берут на себя функции неограниченного контроля. В остальном национальный суверенитет будет соблюдаться неукоснительно, и США гарантируют целостность государственных границ с момента опубликования этой Доктрины. США признают, что государства могут изменить эти границы по взаимному соглашению, а население государства может изменить форму правления в государстве как законным путем, так и путем вооруженного переворота. Однако США оставляют за собой право судить, не являются ли такие изменения угрозой безопасности США, и в случае, если такие изменения несут угрозу будущему США и всего мира, не допустить их...»

Конгресс, Верховный Суд, президенты непрерывно усложняли, дополняли Доктрину Корриса, пока она не стала раем для юристов. Но практически все было просто для тех, кто понимает. Американцы держали вооруженные силы в Европе, которые вмешивались во внутренние дела любых государств, если президент считал, что это необходимо сделать. Постепенно вся система контроля, разведывательные операции, сбор и оценка информации перешли в руки Службы Безопасности.

Вивьена не ответила на вопрос Коскинена.

— Разумеется, мы несовершенны, — сказал он. — И не очень

приятно быть мировым полицейским. Это сделало нас непопулярными во всем мире. Но что еще можно сделать?

Она посмотрела на него долгим взглядом, затем сказала:

— Агенты Службы Безопасности пытались убить тебя.

— Да... конечно. Но я предпочел бы быть застреленным, чем попасть в камеру пыток к китайцам... или сюда!

— Они убили моего мужа.

Он замер.

— Хочешь послушать? — Она снова отвела от него взгляд. — После Института я получила работу за границей как научный советник при посольстве в Бразилии. Джанис был там инженером. Нежный, немного сумасшедший и такой молодой... очень молодой. Правда, он не был моложе меня. Но Бразилия почти не пострадала во время войны и ничего не знала о ее последствиях. Он не был отравлен, как я, и с ним я снова почувствовала себя чистой. Мы ходили с ним на реку слушать пение птиц... В то время Служба Безопасности наложила вето на план разработки урановых месторождений в Сьерра Дорадо, так как у нее не было достаточного количества инспекторов, чтобы осуществлять контроль. Шеф Службы Безопасности боялся, что некоторое количество урана будет утаиваться для создания атомных бомб...

Она замолчала.

Коскинен видел ее состояние и хотел перевести разговор в более спокойное русло:

— Контроль должны осуществлять высококвалифицированные люди. А ведь контролем должна быть охвачена не одна страна, а весь мир! Почему, как ты думаешь, китайцы держат целую армию агентов, опутывающую сетью всю Землю? Правительство Китая официально не признает их своей собственностью, но каждый знает, что правительство содержит эту сеть. И мы не можем ничего сделать, так как у нас нет людей, чтобы контролировать само правительство.

— Да, да, — сказала она. — Но по крайней мере китайцы не скрывают своего отношения к нам. А многие ненавидят нас, хотя и скрывают эту ненависть под сладкими улыбками. В некоторых странах мы можем позволить себе не предпринимать ничего, так как мы знаем, что они ничего не предпримут против нас... но мы думаем о том, что жители этих стран живут на грани нищеты... О, да, мы постоянно говорим о невмешательстве во внутренние дела других стран... но я была на дипломатической службе... я знаю.

Он вздохнул:

— Прости, я не хотел перебивать тебя.

— Благодарю за извинение, Пит. Ты напомнил мне Джаниса... Эти шахты могли бы дать работу и средства к жизни тысячам голодных людей. Некоторые отчаянные головы решили свергнуть бразильское правительство и создать новое, которое не было бы марионеткой янки... Но заговор провалился. Они были дилетантами. Служба Безопасности США и Бразилии хватала всех подряд. Они

схватили и Джаниса, хотя он и не участвовал в заговоре. Я это знаю точно. Но он был гордый человек, ему не нравилось дело в Сьерра Дорадо, он хотел, чтобы Бразилия была независима, и многие его друзья участвовали в заговоре. Их повезли в Вашингтон для суда. Я тоже поехала с ними. Меня, конечно, не арестовали. Я ехала сама. На них воздействовали наркотиками. Я была уверена, что это докажет невиновность Джаниса, но кто-то, кого я никогда раньше не видела, заявил под присягой, что Джанис участвовал во встречах заговорщиков. Я на суде назвала его лжецом. Я точно знала, что Джанис был все это время со мной.

И все же его признали виновным. И убили его. Меня обвинили в соучастии. Но мне дали испытательный срок. Все-таки стране нужны ученые. Примерно через год на одной вечеринке в Манхэттене я встретила одного из членов суда. Он был пьян и рассказал мне, почему убили Джаниса. Психические исследования показали, что он весьма склонный к мятежу тип. Поэтому он когда-нибудь предпримет какие-нибудь действия против правительства. От него лучше избавиться сейчас. «Пока он не сделал бомбу или не нашел какую-нибудь из старых ракет, которые еще сохранились в стране и о которых нет никаких официальных сведений. Он может убить миллионы американцев», — сказал этот член суда. Мой Джанис! И на следующий же день я ушла сюда. Мне хотелось исчезнуть, умереть... Но вместо этого я попала к Зиггеру. Ну что же, по крайней мере, я могу мстить им.

Она замолчала. Долго сидела неподвижно, затем взяла сигарету и закурила, но, сделав несколько затяжек, забыла о ней.

— Прости меня, — прошептал Коскинен.

— Благодарю, — глухо ответила она. — Но теперь я должна извиниться. Мне не следовало выплескивать на тебя все свои горести.

— Я думаю, что когда люди имеют власть, они всегда действуют жестоко, если видят угрозу ей.

— Да, без сомнения. Особенно, если эта власть не имеет ограничений.

— А действия Службы Безопасности ограничить нельзя. Хотя защитный экран может сделать ее ненужной. Если сделать большой экран, то он будет надежной защитой от атомных бомб.

Она шевельнулась, как будто вышла из состояния прострации.

— Вряд ли это практически осуществимо, — сказала она. Голос ее был неуверенным, она прикусила губу, но нашла в себе силы говорить: — Особенно, если бомбу тайно собрать и взорвать внутри области, защищенной экраном. К тому же есть и другие виды оружия — химическое, бактериологическое. Не пытайся меня обмануть, Пит. Я ненавижу Маркуса и его Службу Безопасности, но я отдаю себе отчет, что другие страны вряд ли смогли бы поддерживать мир лучше, вернее — по другому. Так или иначе, но это нужно делать, так как любое правительство — это монстр без морали и без

разума. Оно способно истребить половину человечества, лишь бы обеспечить хорошую жизнь своей стране.

— Интернациональная организация...

— Слишком поздно, — вздохнула она. — Кому сейчас можно доверять? К тому же мы создали общество, какое сами захотели создать. Такие же и Бразилия, и Китай... Мы совсем не хотим быть мировыми жандармами, но нам ничего не остается. И я не вижу, как могут быть созданы эффективные мировые полицейские силы без всемирного объединения.

Он посмотрел на свой прибор и вспомнил, как Элькор благословил его в день отправления корабля. Марсиане страдали тогда от задержки замораживания, и Коскинен постарался сократить прощание.

— А мой прибор! — запротестовал он. — Ведь это путь к спасению. Многие из тех, что умерли в атомную войну, погибли не от непосредственного воздействия взрыва, а от его последствий. Защитный экран спасет людей от радиоактивных осадков, ядовитых газов...

— Да, — сказала Вивьена. — Именно поэтому Зиггер хочет получить этот экран. Тогда его не остановит ничто. За десять лет он будет властителем всего преступного мира и большей частью всего остального мира.

— И мы должны работать на него? — спросил Коскинен.

— Да. И усовершенствовать прибор со временем. Если этого не сможем мы, он наймет других инженеров. Кажется, работа эта не очень сложная.

— Нет... я не могу. Я передам все это полиции!

— Это значит — Службе Безопасности, — медленно сказала она.

— Да... конечно.

— И директору Маркусу. Хью Маркусу. Представляешь, что он тогда сделает? Вспомни Джаниса.

Коскинен стоял, не двигаясь. Она безжалостно продолжала, и Коскинен понимал, что она говорит это не потому, что знает о мониторе, о том, что за ними наблюдают.

— Если не Маркусу, то кому-нибудь еще. Ты просто не хочешь думать о последствиях! Неуязвимость! Дай ее любому — от Маркуса до Зиггера или диктатора Китая... Дай любому, кто имеет власть над людьми, неуязвимость, и эта власть станет свободной от всех сдерживающих факторов. Она станет неограниченной. И тогда... Я бы предпочла отдать неуязвимость Зиггеру, — закончила она.

Губы ее были плотно сжаты. Она взяла еще сигарету и махнула рукой.

— Все, что он хочет, это грабить. Ему не нужны души всех людей.

ГЛАВА 8

Коскинен проснулся. Что это было?

Может быть, ничего. Сон, из которого он бежал прежде, чем он стал слишком зловещим, пугающим. Перед сном он выпил снотворного, но его действие, наверное, кончилось. Часы показывали 4.15. Он лежал в полной темноте. И тишине. Если не считать легкого шума вентилятора. Эти толстенные стены были эффективными звукоизоляторами. И если они пропускали звук, значит, он действительно был громким.

Он повернулся набок и попытался уснуть снова, но сон уже не шел к нему. Все, что сказала ему Вивьена, ее тон, ее состояние, подействовали на него больше, чем он думал.

«Я многого не знал. Мое детство прошло в стенах закрытой школы. Я никогда не встречался лицом к лицу с реальностью. Конечно, наши учителя не обманывали нас. Они предупреждали нас, что жизнь трудна, что на свете существуют и бедность, и невежество, алчность, тирания, ненависть... Но теперь я понимаю, что они сами лишь по-детски разбирались в хитросплетениях жизни. Свои политические взгляды они получали готовыми из официальных источников. Они были так загружены работой, что не могли отвлекаться ни на что другое.

Мне следовало выйти в мир вместе с остальными школьными товарищами, и тогда я мог бы многое узнать о реальной жизни. Но я предпочел сразу же улететь на Марс. А теперь я вернулся, и суровая правда встала передо мной. Не постепенно, чтобы я мог привыкнуть, приспособиться, а внезапно и неизбежно. В огромной дозе. Мне бы хотелось не знать всего этого.

«Но где правда? — тревожно думал он. — Кто прав? Где выход? Если он есть».

Весь день он находился в подавленном состоянии, работая с Вивьеной над прибором. Но работа далеко не была завершена. Требовалось еще много времени. У него, казалось, не было иного выбора, кроме как подчиниться Зиггеру. Лежа в постели и сжимая кулаки, он подумал:

«Мне слишком часто приходится подчиняться обстоятельствам. Не пора ли действовать самому?»

Но цепь и взрывчатый диск на его шее держали его, как якорь. Может, со временем ему удастся сделать что-нибудь такое, что послужит экраном для сигнала подрыва диска. Может быть. Но не скоро. А пока ему придется подчиниться, ждать своего шанса...

Раздался глухой грохот. Пол отозвался резонирующими колебаниями.

Коскинен вскочил с постели. Сердце его едва не выпрыгивало из груди. Может, это сирена? Нащупав выключатель, он включил свет, осветивший пустую комнату. Бросился к двери. Разумеется, закрыта.

Он приложил ухо к двери: крики, топот ног... Да, это сирена, воющая где-то в подземелье.

Коскинен включил видеофон. Никто не отозвался. Выключены несущественные аппараты или повреждена центральная сеть? Снова грохот потряс каменные стены.

Нападение? Но кто?

Зиггер! Коскинен покрылся холодным потом. Если Зиггер в отчаянии нажмет кнопку... Невольно Коскинен стал срывать с себя цепь. Он бегал по пустой комнате, тщетно пытаясь найти, чем перерезать стальную цепь. Ничего!

Он оделся, почистил зубы и стал в ожидании расхаживать по комнате.

Шум увеличивался. Еще взрыв. И еще. Но он не слышал голосов людей. Вероятно, битва велась где-то в другом месте. Ему ничего не оставалось, как ждать. Он попытался вспомнить родителей. Элькора. Но он был слишком возбужден, чтобы отключиться от реальности. «Идиот, — ругал он себя. — Если сюда упадет бомба, ты и не узнаешь об этом!» Это немного успокоило его.

Еще один взрыв. Огонь мигнул и погас. Вентилятор перестал вращаться.

Во рту Коскинена пересохло. Он стал искать глоток воды. Дверь открылась. Он повернулся и отшатнулся.

В комнату вошла Вивьена Кордиеро и закрыла за собой дверь. На ней был плащ, в руке пистолет, а на спине какой-то узел, прикрытый плащом. Глаза ее горели, ноздри раздувались, на губах играла жесткая улыбка.

— Вот! — выдохнула она. — Сними это.

Она скинула ношу с плеч. Ткань соскользнула, и Коскинен увидел свой прибор.

— Он слишком тяжел для меня.

— Что?.. Что?.. — Коскинен шагнул к ней.

— Возьми это, идиот! Нам очень повезет, если удастся сбежать с ним.

Силы вернулись к нему. Он схватил тяжелый прибор.

— Что случилось?

— Нападение. Большими силами и с прекрасным вооружением. Судя по сообщениям наблюдателей, это китайцы. Они нанесли удар ракетами с воздуха, что дало им возможность высадить десант. Сейчас они пробиваются через наши последние рубежи обороны. Мы вооружены так, чтобы отразить нападение другой банды или полицейских отрядов, но не таких хорошо вооруженных сил. — Она снова прикрыла прибор тканью. — Еще нужно изменить внешность.

— Что?

Она схватила его за руку.

— Каждый знает, как ты выглядишь. Но если сбрить бороду, то у тебя есть шанс проскользнуть незамеченным. Быстро! — Она протянула ему флакон с аэрозолем.

Через несколько минут Пит уже ощупывал свой гладкий подбородок с неожиданным любопытством. Он уже отвык от него. Судя по тому, с какой скоростью у него росла борода, подбородок его будет таким же по крайней мере через неделю.

Вивьена продолжала говорить:

— Я могу предположить, как все произошло. Китайцы приблизительно знали, где ты приземлился, и послали в этот район всех своих агентов. Возможно, они узнали Вонеса — в окрестностях все знают людей из Кратера. Они захватили его. — Вивьена вздохнула, вероятно, предположив, каким жутким мучениям подвергся бедняга Вонес. — Они заставили его рассказать все — и о тебе, и о плане укреплений. Несомненно, что они потом убили Вонеса. После этого они направили сюда все оружие, которое тайно накапливалось годами. Эта игра стоила свеч. Китайцы, заимев экран, смогли бы спокойно создавать свой ядерный арсенал и шантажировать нас.

Коскинен пожал плечами.

— Я не могу исключить вероятности, что китайцы добьются успеха, — сказала Вивьена. — Но я не хочу второй термоядерной войны. Поэтому я проникла в лабораторию, и все наши записи сейчас превратились в пепел.

— Подожди, — вспомнил Коскинен. Он показал на свое горло.

Она рассмеялась коротким лающим безрадостным смехом.

— Я об этом подумала. Между покоями Зиггера и моими есть проход. Он думает, что ключ только у него, но я уже давно сделала дубликат. И я знаю, где у него хранится взрывное устройство. Когда он ушел руководить обороной, я выкрала его. — Вивьена достала из кармана маленькую плоскую коробочку с кнопкой. — Вот детонатор.

Коскинен протянул руку, но она отстранила ее.

— Нет, нельзя. Идем, у нас мало времени!

Она открыла дверь и выскользнула в холл.

— О'кей, все чисто.

Они прошли через холл. Возле двери лежал часовой, застреленный в голову. Коскинен посмотрел на Вивьену. Она кивнула.

— Да. Иначе было не войти.

Они втащили тело в холл и закрыли дверь ключом Вивьены.

— Сжигаешь мосты? — спросил Коскинен.

В здании слышались разрывы, выстрелы, пулеметные очереди.

— Нет, — ответила она. — Они сожжены много лет назад. С того дня, как они убили Джаниса. Идем сюда!

Они пересекли подвижную дорожку, которая сейчас не двигалась. Почувствовался свежий воздух. Звуки боя стали слабее. Сердце Коскинена замерло, когда он увидел отряд охранников, направлявшихся к ним. Правда, они особенно не торопились. Вивьена свернула в боковой коридор, вдоль которого находились двери.

— В основном, это кладовые, — сказала она. — Держи руку на тумблере и приготовься включить экран, когда я скажу.

Следующая дверь вывела их на лестницу, ведущую наверх.

Коскинен устал. Дыхание гулко раздавалось между пустых стен. Лямки сильно давили на плечи. Коскинен ощущал острый запах своего пота. Коридор был тускло освещен редкими лампами.

Повернув, они совершенно неожиданно оказались перед бронированной дверью, перегораживающей коридор. Возле двери находился пулемет и два охранника в шлемах и масках, что делало их похожими на инопланетян.

— Стой! — скомандовал один из них.

Дуло пулемета уставилось на Коскинена.

— Экран! — прошипела Вивьена.

Он включил тумблер и тут же оказался в тишине. Вивьена, укрывшись за ним, открыла беглый огонь из автоматического пистолета. Первый охранник упал, второй продолжал всаживать пулю за пулей в экран. Пули падали у ног Коскинена. Наконец Вивьена застрелила и его.

Она подбежала к двери, посмотрела на трупы и махнула рукой Коскинену. Тот выключил экран и подошел к ней. Невыносимо яркая кровь текла по каменному полу. Ему стало плохо.

— Это было нужно? — спросил он Вивьену.

— Они бы не пропустили нас без пропуска. Не жалей этих громил. Они достаточно поубивали в своей жизни. — Она включила двигатель. — Нам надо торопиться. Возможно, они успели поднять тревогу.

Дверь медленно повернулась. За нею зияла чернота. Вивьена взяла фонарик у одного из убитых охранников, и они пошли по туннелю. Выход из туннеля был замаскирован огромным камнем. Коскинен выглянул из-за него.

Три огромных самолета кружили в багровом небе. Чуть дальше, над главным входом, кружили еще несколько самолетов. Отсюда они казались всего лишь серебряными искрами на фоне черного неба. Коскинена оглушили звуки боя — взрывы, пулеметные очереди, разрывы гранат, пистолетные выстрелы... Настоящий бой, где используются все виды оружия.

— Китайцы сделали все, чтобы создать впечатление у полиции, что здесь сражаются две банды гангстеров, — сказала Вивьена. — Если полицейские попытаются вмешаться, они будут просто перебиты. У них недостаточно оружия, чтобы на равных сражаться с китайцами. Следовательно, сюда будут вызваны части Службы Безопасности и армии, но это будет позже. Китайцы надеются, что они достигнут своей цели — захватят прибор и тебя до того, как это случится.

— Куда мы бежим? — спросил он, ошеломленный тем, что случилось.

— Идем!

Она повела его по еле заметной тропинке. Пит шел за нею, спотыкаясь и падая. Руки его были исцарапаны, он сильно ушиб колено, но был слишком напуган возможностью попасть в плен к

китайцам и поэтому не обращал ни на что внимания. Вскоре они перевалили через жерло кратера и пошли вниз среди развалин старых домов в лабиринт, где жили люди низшего класса.

ГЛАВА 9

Они остановились на узкой улочке между глухих кирпичных стен. Мрак окружал их. Серые прямоугольники света виднелись впереди и сзади — там начинались главные улицы, пустынные в этот час. Только ветер гнал по ним пыль да обрывки бумаги. Над головой виднелась сеть проводов. Они были далеко от Кратера и шума битвы, если она еще продолжалась, — здесь этого уже было не слышно. Ночь висела над городом, громыхающая, ревущая — автоматические заводы, автоматические пути сообщения, — все это создавало равномерный гул, мешающий услышать отдаленные звуки. Воздух был холодным, в нем стоял запах сернистых соединений.

Коскинен присел рядом с Вивьеной. Усталость навалилась на него. Долгое время он смотрел на нее в темноте и наконец сказал:

— Что же дальше?

— Не знаю, — глухо ответила она.

— В полицию...

— Нет, нет! — Резкость, с которой она отклонила его предложение, как будто пробудила их обоих. — Дай мне подумать, — сказала она.

Вивьена достала сигарету, и вскоре в темноте вспыхнуло красное пятнышко.

— К кому еще мы можем обратиться? — возразил он. — Снова к какому-нибудь боссу из банды? Нет, спасибо.

— Разумеется, нет, — сказала она. — Особенно теперь. Слухи о том, что произошло в Кратере, уже докатились до Службы Безопасности, и она поняла, в чем причина. Так что ни один босс не рискнет скрывать нас и сразу выдаст, если обнаружит.

— Тогда пойдем в полицию сами.

— Сколько раз ты должен получать копытом по зубам, прежде чем научишься не подходить к лошади сзади?

— О чем ты? Да, конечно, я признаю, что они убивают. Но...

— Ты хочешь провести остаток жизни в тюрьме?

— Разве нет другой возможности?

— О, они могут просто стереть всю твою память, а при этом существует возможность, что ты исчезнешь как личность. Мнемотехника еще не очень точная наука. Всякое может случиться. Лично я предпочту просидеть всю жизнь в тюрьме, чем позволить им лезть своими зондами в мой мозг. Заключенный всегда может найти способ покончить с собой.

— Но почему? Я же не тип, склонный к мятежу?

— Дело не в этом. Сейчас ты единственный человек на Земле,

кто знает, как работает генератор. Маркус способен хладнокровно убить невинного человека только из-за того, что тот может когда-нибудь причинить ему неприятность... Неужели ты думаешь, что такой человек, как Маркус, допустит, чтобы тайна экрана вышла из-под его контроля? Я не хочу сказать, что Маркус планирует стать военным диктатором Соединенных Штатов, но шаг за шагом он идет к этому. Разве можно воспрепятствовать ему в этом, если он обладает властью, силой и неуязвимостью?

— Ты преувеличиваешь.

— Заткнись. Дай мне подумать.

Поднялся ветер. Где-то прогремел поезд. Красноватый огонек сигареты погас.

— Я знаю одно местечко, где мы можем скрыться, — сказала она. — У Зиггера есть убежище, которое он держит под чужим именем. Там есть запасы продовольствия, оружия. Кроме того, оно снабжено специальной телефонной системой, которую нельзя обнаружить и засечь. Мы можем пожить там некоторое время и попытаться связаться с друзьями, например в Бразилии. А потом можно будет выбраться из страны.

— А дальше что? — с вызовом спросил он.

— Не знаю. Может, выбросить прибор в море и спрятаться в лесах на всю оставшуюся жизнь. А может, мы придумаем что-нибудь получше. Не дергай меня. Нет, пока я ничего не вижу лучше.

— Нет, — сказал Коскинен.

— Что? — переспросила она.

— Прости. Может, я чересчур доверчив. А может, ты слишком недоверчива. Но когда я отправлялся на Марс, я подписал клятву, что буду всегда поддерживать Конституцию. — Он встал. — Я сам пойду в Службу Безопасности.

Она тоже поднялась.

— Ты никуда не пойдешь!

Коскинен положил палец на тумблер.

— Не доставай пистолет, — сказал он. — Я закроюсь экраном раньше, чем ты нажмешь курок.

Вивьена отступила на шаг и достала из кармана плоскую коробочку.

— А это? — спросила она.

Он ахнул и рванулся к ней.

— Стоять! — крикнула она. Коскинен услышал щелчок предохранителя и замер на месте.

— Я убью тебя, если ты захочешь передать прибор властям.

— Ты действительно убьешь меня? — Коскинен не двинулся с места.

— Да... Это действительно важно, Пит. Ты говорил о клятве. Неужели ты не видишь, что Маркус последовательно уничтожает те жалкие остатки, что еще называются у нас Конституцией?

Она всхлипнула, Коскинен слышал это. Но он знал, что пальцы ее сжимают детонатор.

— Ты ошибаешься, — заговорил он. — Почему ты думаешь, что Маркус действует именно так? Ведь даже если бы он и захотел этого, ему бы не позволили. Ведь в правительстве не он один. Есть конгресс, Верховный Суд, президент, наконец. Я не могу представить себя вне закона только потому, что у тебя есть предубеждение против правительства, Ви!

Снова между ними легла тишина. Он ждал, размышляя о многом. Наконец она тихонько вздохнула и сказала:

— Может быть. Я не имею прямых доказательств. Но твой экран... и твоя жизнь... их надо спрятать. Я хочу, чтобы ты убедился в этом до того, как пойдешь к ним в пасть. Иначе будет поздно. А ты не так плох, чтобы желать тебе попасть к ним в лапы.

«Дэйв, — вспомнил он. И долго стоял, опустив плечи и думая о Дэйве Абрамсе. — Я был слишком пассивен. А тут ясно, что необходимо действовать».

И принятое решение вернуло ему физические силы. Он заговорил более уверенно:

— О'кей, Ви. Я сделаю, что ты скажешь. Мне кажется, я знаю, что надо делать.

Она сунула детонатор в карман и пошла за ним по темной улице. Они прошли несколько кварталов, завернули за угол и увидели витрины магазинов и телефонную будку. Вивьена дала ему несколько монет — у Коскинена в этом костюме все карманы были пусты — и встала возле двери будки. Щеки ее в мертвенно-бледном свете ламп казались зелеными, но губы были твердо сжаты. Она вновь обрела уверенность в себе.

Сначала Коскинен вызвал такси, затем набрал номер местного отделения Службы Безопасности. Вспыхнула зеленая лампочка — сигнал записи на ленту. Коскинен не включил экран: зачем им знать, как он теперь выглядит?

— Бюро Службы Безопасности, — ответил женский голос.

Коскинен напрягся.

— Послушайте, — сказал он. — Это очень срочно. Передайте ленту с записью этого разговора сразу же своему начальнику. Говорит Пит Коскинен с «Боаса». Я знаю, что вы меня ищете. Мне удалось избавиться от крупных неприятностей. Аппарат со мной. Но я не уверен, что могу доверять вам. Я пытался созвониться со своим товарищем Дэйвом Абрамсом. И понял, что вы схватили его. Мне все это очень подозрительно. Может, я и ошибаюсь. Но то, что у меня есть, слишком важно, поэтому я не могу действовать вслепую. Сейчас я исчезаю и позвоню с другого места примерно через полтора часа. А пока вы мне подготовьте все, что касается Абрамса. Понятно? Я хочу видеть его воочию и убедиться, что с ним все о'кей и его не содержат в тюрьме.

Он отключился и вышел из будки. Такси, как он и надеялся, уже

прибыло. Вивьена спрятала пистолет под плащ. Таксист не приблизится, если увидит оружие. Как и друг Неффа, таксист был в шлеме, и у него был игольчатый пистолет. Господи, и это было всего два дня назад!

Коскинен и Вивьена вошли в машину. Водитель сказал в микрофон:

— Куда?

Его защищала от пассажиров прозрачная панель, видимо, пуленепробиваемая.

Коскинен был захвачен врасплох, но Вивьена быстро ответила:

— В Бруклин. И поживее.

— Придется облетать Кратер, мадам. Гораздо дальше, чем обычно. Там какая-то заварушка, и Служба Управления перекроила все маршруты.

— О'кей, — сказал Коскинен.

Он откинулся на спинку, насколько позволял ему аппарат. Они взмыли вверх. Служба Безопасности будет здесь через несколько минут, но будет поздно. Они, конечно, могут проверить Службу Управления, но компьютер уже сотрет из памяти информацию, что такси останавливалось на этом углу. А работа со Службой Такси займет много времени. «Значит, пока мы управляем ситуацией», — подумал Коскинен.

— Бруклин, — немного погодя сказал водитель. — Куда именно?

— К станции Флатбуш, — ответила Вивьена.

— Эй, на такие расстояния не стоит брать такси. Можно доехать на метро.

— Ты слышал леди? — сказал Коскинен.

Водитель пробормотал что-то не очень любезное, но повиновался. Вивьена щедро расплатилась с ним.

— Он так зол, что мог бы заявить о нас в полицию, надеясь, что нас разыскивают копы, — сказала она, когда они вступили на эскалатор.

Турникет проглотил монеты и впустил их. Они вошли в вагон и уселись на свободные места. Пассажиров было мало: рабочие, священник, несколько людей восточного типа, которые смотрели вокруг сонными глазами. Видимо, город еще не проснулся.

Вивьена посмотрела на Коскинена.

— Ты выглядишь гораздо лучше, — заметила она.

— И чувствую себя тоже лучше, — признался он. Он снял со спины прибор и поставил возле ног.

— Хотела бы я сказать то же самое, — вздохнула Вивьена. Вокруг ее покрасневших глаз были черные круги. — Устала донельзя. И не только из-за сегодняшнего бегства. Все эти годы навалились на меня. Неужели я когда-то была маленькой девочкой, беззаботной, веселой, которую звали Виви? Сейчас мне кажется, что я читала об этом в старой книге.

Он молча взял ее за руку, а другой рукой отважился обнять. Темная голова опустилась ему на плечо.

— Прости, Пит, — сказала она. — Я совсем не хочу жаловаться тебе. Но ты не будешь возражать, если я немного поплачу? Я тихо...

Он прижал ее к себе. Никто не обращал на них внимания. Да, самое ужасное, что он нашел на Земле, — это полная изоляция людей друг от друга. Но что можно было ожидать, если каждый человек всего лишь глухой, слепой, немой придаток автоматической машины, называемой государством?

Они ехали без всякой цели, пока не пришло время снова звонить в Службу Безопасности. Вивьена поспала несколько минут и выглядела посвежевшей. Она шла рядом с ним пружинистой походкой.

Сойдя с эскалатора, они огляделись. Теперь они оказались в более богатом районе. Дома вокруг были новые, с панелями, отделанными пластиком, с широкими окнами и балконами. Вдоль улицы тянулся высокий забор, служивший границей парка вокруг центра. Сам центр возвышался вдали подобно горе, но Коскинен не обратил на него внимания. Его поразила свежая зелень травы, пышное великолепие цветочных клумб, грациозная красота деревьев... «Я совсем забыл, что Земля такая красивая планета», — подумал он.

Охранник в форме со скучающим видом смотрел на них из-за забора. Ранние — или, может, поздние — автомобили проносились по улице. Тут было запрещено движение поездов. Возле тротуара стояло такси. Значит, можно было не вызывать машину для немедленного бегства после звонка.

«Почему бегства? — подумал Коскинен. — Почему бы просто не отправиться в ближайшее бюро Службы Безопасности?»

Он облизнул губы, заставил себя успокоиться и вошел в будку. Вивьена осталась на улице. Она охраняла прибор, но не спускала с него глаз. Коскинен набрал номер.

— Бюро...

— Коскинен, — хрипло произнес он. — Вы готовы говорить со мной?

— О! Один момент! — Щелчок. Включился мужской голос: — Полковник Осленд. Если вы включите канал визуальной связи, Коскинен, я соединю вас прямо с директором Маркусом.

— О'кей! — Коскинен бросил еще монету. — Но прошу учесть, что у меня нет с собой аппарата. Если вы выследите и схватите меня, мой товарищ уничтожит прибор. И никто, даже я, не сможет воспроизвести его. Даже я, повторяю.

На экране появилось мужское лицо, которое тут же сменилось другим, тяжелым, с густыми бровями, — Хью Маркус из Вашингтона. Коскинен много раз видел фотографии этого лица, так что узнал его сразу.

— Хэлло, — мягко сказал Маркус, — в чем дело? Чего ты боишься, сынок?

— Вас, — ответил Коскинен.

— Вероятно, у тебя есть основания, но...

— Стоп! Я знаю, что у меня совсем немного времени. Ваши агенты наверняка уже мчатся сюда. Послушайте, Маркус, мне нужны гарантии для человека, которого я хорошо знаю. Готов Дэйв Абрамс говорить со мной?

— Минуту, минуту. — Маркус поднял руку с накрашенными ногтями. — Не нужно давать волю предубеждению против нас. Да, мы держим Абрамса в тюрьме. Но для его же собственной безопасности. Кстати, единственное, что мы хотим, это обезопасить тебя тоже. Абрамс в полном порядке...

— Дайте мне с ним переговорить. Быстро!

Маркус вздохнул, но продолжал вполне мирно:

— Почему именно Абрамс? К сожалению, мы не можем так быстро привести его. Он содержится в Рокай Маунтес, и мы не видим причин, чтобы нарушать покой Абрамса и агентов, охраняющих его. А условия связи сейчас очень плохие, так что мы не в состоянии подключить его к этой линии.

— Я считаю, что вы вкатили ему такую дозу наркотиков, что сейчас нельзя привести его в себя. Все ясно, Маркус. — Коскинен протянул руку к выключателю связи.

— Подожди! — крикнул Маркус. — Хочешь поговорить с Карлом Хомбе? Он здесь и в полной безопасности.

«Механик», — подумал Коскинен. Колени его внезапно стали ватными.

— Хорошо, — прохрипел он. — Подключайте Хомбе.

Изображение на экране изменилось. Лысый человек с моржовыми усами смотрел на Коскинена.

— Хэлло, Карл, — мягко сказал Коскинен.

— О, Пит! — Хомбе искоса посмотрел в сторону. Значит, где-то рядом находился охранник с пистолетом. — Что это нашло на тебя?

— Пока не знаю, — ответил Коскинен. — Как они обращаются с тобой?

— Прекрасно, — ответил Карл. — У меня все прекрасно.

— По твоему виду этого не скажешь.

— Пит... — Хомбе запнулся. — Возвращайся домой, Пит. Я не знаю, в чем дело, но мне сказано передать тебе, что Служба Безопасности не сделает тебе ничего плохого. Так оно и есть.

Коскинен помолчал. В трубке слышалось гуденье. В окно будки он видел звезды, которые постепенно таяли по мере приближения утра. Вивьена не сдвинулась со своего места.

Он напряг мышцы гортани, чтобы говорить на языке, на котором общались ближайшие друзья на Марсе:

— Карл, есть истина в том, что ты говоришь?

Хомбе замер. Лицо его побледнело.

— Не говори со мной так!

— Почему? Ведь мы говорили с тобой на этом языке в ту ночь, когда были в святилище вместе с марсианами! Я приду к тебе, если ты скажешь на этом языке, что против меня не планируется ничего дурного.

Хомбе пытался заговорить, но не смог.

— Послушай. Я сам знаю, что мне угрожает опасность, — сказал Коскинен. — Если бы она угрожала только мне, я бы пришел. Но я уверен, что эта опасность всемирна...

— Уходи. Побыстрей и подальше, — сказал Хомбе на языке марсиан. Затем он наклонился к экрану и заговорил по-английски: — Брось все это, Пит. На тебя нашло затмение. Если ты хочешь, чтобы я дал марсианскую клятву, что ты будешь в безопасности здесь, о'кей, я клянусь. Так что кончай всю эту мороку.

— Ясно. Я приду, — сказал Коскинен. — Но мне нужно забрать аппарат у помощника. А потом явлюсь в ближайшее бюро Службы Безопасности. — Он перевел дыхание. В горле у него пересохло. — Благодарю, Карл, — наконец сказал он.

— Ладно. Увидимся.

«Надеюсь», — подумал Коскинен.

Он выключил экран. Может, ему удалось выиграть немного времени... чтобы сделать еще кое-что.

Он вышел из будки, и Вивьена схватила его за руку.

— Ну что, Пит?

Он поднял аппарат.

— Надо убираться отсюда, пока есть время, — сказал он.

ГЛАВА 10

Она некоторое время стояла молча. Солнца еще не было видно, но оно уже позолотило верхушки зданий центра и наполнило улицы светом. Уличное движение пока не увеличивалось: для обитателей этого района вставать еще рано. Тут не было слышно утробного рева фабрик и заводов, который никогда не прерывался в бедных районах. Здесь звуки городской жизни напоминали мягкое дыхание спящего. Он посмотрел на Вивьену, и она показалась ему похожей на падшего ангела, прислонившегося к воротам рая, из которого его выгнали.

— Куда? — спросила она. — В убежище Зиггера?

— Я не знаю. Мне не хотелось бы... но нужно бежать. Нам нужна помощь.

Смех ее прозвучал саркастически.

— Кто предоставит ее тебе? — Она взяла его за руку. — Идем, Пит. Служба Безопасности проследит этот звонок. Скоро они будут здесь.

— Я сказал, что иду к ним.

— Они все равно не поверят. Идем!

В огромном здании на противоположной стороне вспыхнул свет. Коскинен зажмурился. Как будто само солнце дало ему сигнал.

— Да! — почти выкрикнул он.

— Что? — Широкие глаза с блестящими золотинками пытливо смотрели на него. — Ты что-нибудь придумал?

— Да.

Он быстро пошел к стоянке такси. Машины здесь были новые, блестящие, водители не вооружены.

— Отсюда не возят в трущобы, — предупредила его Вивьена.

— Мы и не собираемся в трущобы.

— Но лететь на верхние уровни опасно, Пит. Все вызовы такси здесь фиксируются. Как только Служба Безопасности поднимет тревогу, все таксисты будут запоминать пассажиров и...

— Но у нас нет выбора. Метро слишком медленный вид транспорта. К тому же его могут остановить. А я вовсе не желаю сидеть в туннеле и ждать, когда за нами придут.

— Значит, ты хочешь куда-нибудь на верхний уровень, да? — Он кивнул. — О'кей. Будем считать, ты знаешь, что делаешь. Тем более, что времени для спора у нас нет. Но мы будем действовать, не привлекая внимания, чтобы нас не запомнили по необычности поведения. Дай мне генератор. — Она легко взяла прибор одной рукой. — Я понесу этот аппарат. Я девушка, которую ты подцепил в трущобах. Я как раз подхожу под эту роль. А ты все еще выглядишь вполне респектабельно. Твой темный костюм не позволяет увидеть, что ты весь в грязи.

— Что ты имеешь в виду? — в замешательстве спросил он.

Небо уже просветлело, и он мог увидеть ее лицо. Она негромко сказала ему:

— Ты подцепил меня в таверне нижнего уровня. — Затем она громко заговорила: — Эй, ты, дурачок, беспутный сынок мультимиллионера! Иди за мной.

Они пошли к такси. Коскинен еще ничего не понимал, но когда рука Вивьены схватила его за волосы и приблизила его рот к своему, ему все стало ясно.

Обнимая друг друга — даже в этот момент Коскинен удивился искусству, с которым Вивьена закрыла его лицо от таксиста, — они забрались в такси. Вивьена кинула прибор в угол.

— Том, мне нужно вернуться на работу. Босс снимет с меня шкуру с живой, если эта шкура не будет утром стоять в его кабинете.

Коскинен не мог сразу придумать ответ, и Вивьена ущипнула его.

— О, не беспокойся об этом, крошка! Я позабочусь, чтобы босс был удовлетворен.

— Как, наверное, приятно иметь много денег, — промурлыкала она.

Дверь закрылась. Такси взлетело, сразу набрав полную скорость.

Инерция еще крепче прижала их друг к другу. Коскинен сильно сжал ее в объятиях.

— Полегче, медведь, — прошептала она.

А он, закрыв глаза, вдыхал ее теплый аромат. Волосы ее пахли солнечным восходом, а кожа... Он не мог найти подходящего сравнения. Сердце билось у него в груди, он задыхался от желания обладать ею.

Уголком глаза, без особого интереса, Коскинен увидел восходящее солнце. В его свете мегаполис казался какой-то романтической крепостью. Две реки и залив Лонг-Айленд блестели, как расплавленное серебро. В воздухе не было видно других машин. Такси быстро летело на восток — гораздо быстрее, чем ему хотелось бы. Сейчас они летели над районами, где могли себе позволить жить только очень богатые люди. Здесь было запрещено строительство предприятий.

Громада Центра появилась на горизонте.

— Куда, сэр? — спросил водитель.

Ему пришлось дважды повторить свой вопрос, так как Коскинен замер в объятиях Вивьены. Затем он спохватился и пробормотал:

— Вест-Сайд. Двадцать третья, пожалуйста.

— Хорошо, сэр.

Водитель запросил разрешения на поворот, получил его и направил такси вниз. Вскоре колеса зашуршали по флексиглазу.

Вивьена сунула деньги в карман Коскинена.

— Заплати побольше! — выдохнула она ему в ухо и вышла из кабины. Все еще находясь в полном смятении от близости ее тела, он кивнул. — О, Боже! — рассмеялась она. — Я такая растрепанная!

— Ты выглядишь прекрасно.

Вивьена взяла прибор и пошла. Коскинен расплатился с таксистом, который совсем не смотрел на него, а смотрел на Вивьену, которая удалялась, отчаянно виляя задом.

— Вам повезло, сэр, — сказал он, и вскоре такси взмыло в воздух, направляясь в сторону Манхэттена.

Они стояли перед прекрасным садом и смотрели на свежую зеленую траву, где блестели росинки, на прекрасные цветочные клумбы, вдыхали запах роз... Коскинен обнял Вивьену за талию. Она вздохнула и положила голову ему на плечо.

— Я почти забыла, что Земля так прекрасна, — прошептала она.

— А я это только что узнал... благодаря тебе... — Он сам удивился своему ответу.

Она хмыкнула.

— Ты способный ученик, Пит, должна сказать.

Послышались шаги по дорожке, усыпанной гравием.

Они обернулись, насторожившись. На площадке для приземления не было служителей, но их, вероятно, заметили, и теперь охранник шел, чтобы узнать, кто они и что им надо.

Этот человек не был одет в униформу. Он шел лениво, и улыбка

играла на его губах, но Коскинен отметил его прекрасно тренированные мускулы и микропередатчик на запястье.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался человек. — Чем могу вам служить?

— Мне бы хотелось увидеть мистера Абрамса, — сказал Коскинен.

Охранник поднял брови.

— Мое имя Коскинен. Я прилетел вместе с Дэйвом Абрамсом, и у меня есть некоторые новости, которые заинтересуют его отца.

Профессиональная невозмутимость уступила место возбуждению.

— О, конечно, мистер Коскинен! Сейчас! Я думаю, что он еще спит, но... Идите за мной!

Коскинен взял у Вивьены генератор и накинул ремень на одно плечо. Она схватила его за руку и придержала, пока охранник ушел вперед. Он заметил, что Вивьена очень напряжена.

— Послушай, Пит, — прошептала она. — Я слышала о Натане Абрамсе. Он большой человек в Дженерал Атомик. Зачем ты пришел к нему?

— Ты забыла, что Служба Безопасности схватила его сына? Я думаю, что он будет рад помочь нам.

— Идиот! — взорвалась она. — Ты думаешь, что Служба Безопасности не следит за ним?

— О, несомненно. Риск, разумеется, есть, но не очень большой. Сейчас они заняты тем, что разбираются с этой историей у Кратера. Они вынуждены подключить туда всех местных агентов, и я уверен, что здесь пока чисто.

— Если Служба Безопасности не имеет агентов внутри дома.

— Я сомневаюсь в этом. Дэйв говорил мне, что его отец очень тщательно подбирает слуг, и он уверен в их преданности себе. Так делают все большие люди. В нашем волчьем мире это необходимо.

— Хмм... Ну, хорошо... То, что нас пока еще не схватили, доказывает, что ты, может, и прав. — Она испытующе посмотрела на него. — Неплохо. Профессионал не смог бы так быстро оправиться от той передряги, в которую ты попал. Ты так быстро все схватываешь, что это даже пугает меня. Но идем, охранник ждет нас.

Они вошли через стеклянные двери в дом. В центре солярия был фонтан высотой в двадцать футов. Коскинен увидел, что бассейн, в котором бил фонтан, отделан плитками из метеоритов. Плещущая вода, утреннее солнце, запах лилий — все было чудесно, но внимание Коскинена было привлечено к другому — к человеку, который спешил им навстречу.

Это был не Абрамс, а плотный человек в голубом костюме. Охранник что-то тихо сказал ему. После этого человек повернулся, исчез и вошел другой человек. Лицо его было лицом старого человека и совершенно не подходило к атлетической фигуре. Кожа туго обтягивала его высокие скулы, вокруг глаз и рта залегли морщинки.

Коскинен редко встречал людей с таким пронзительным взором. Рукопожатие его было крепким. Коскинен представил себя и Вивьену.

— Я Ян Трембицкий, личный секретарь мистера Абрамса. Он будет через несколько минут. Присядьте, пожалуйста.

Его английский был правильным, но слова он произносил с акцентом.

— Благодарю.

Коскинен осознал, как он устал. Он почти упал в кресло и с наслаждением утонул в его мягкой глубине.

Вивьена опустилась в кресло небрежно, но было видно, что она тоже устала.

Трембицкий смотрел на них.

— Как насчет завтрака? — спросил он и нажал кнопку внутренней связи.

Услышав ответ, он сделал заказ. После этого он предложил сигареты. Вивьена взяла сигарету, прикурила и с наслаждением затянулась. Она с неохотой выпустила дым из легких. Трембицкий тоже сел и закурил.

— Как я понял, вам удалось убежать от агентов Службы Безопасности, — сказал он. Когда Коскинен кивнул, он продолжал: — Ну что же, мы спрячем вас, но зачем? У нас и так достаточно неприятностей.

— Я могу оказать вам помощь, — сказал Коскинен. Он показал на генератор. — Вот из-за чего весь этот шум.

— Ах, вот оно что! — Трембицкий остался невозмутим. — Мы уже кое-что знаем о нем из своих источников.

— Вы думаете, что... с Дэйвом все в порядке?

— Сомневаюсь, что ему причинили какой-нибудь вред. Несомненно, его подвергли психологическим тестам, но если он ничего особенного не знает... А он ведь действительно не знает?

Вопрос прозвучал как пуля. Коскинен даже не успел ничего ответить, даже покачать головой, как Трембицкий продолжал:

— Хорошо. В этом случае Дэйв содержится в роли заложника. Правда, это связывает нам руки.

— А что вы пытались сделать? Мистер Абрамс ведь мог сообщить обо всем президенту?

— Разумеется, он это сделает. Но нужно время. Не следует забывать, что все сотрудники и помощники президента запуганы Службой Безопасности. Они понимают, что в любой момент могут потерять работу в штате президента.

— Но сам президент...

— Да, здесь нам повезло. Он по убеждению либерал. Но ему приходится думать о безопасности Соединенных Штатов, которая, в свою очередь, является гарантией стабильности Протектората. И в этом играет большую роль Служба Безопасности.

— Но президент может избавиться от Маркуса!

— Не так все просто, мой друг. Нужно уважать целостность

государственных организаций, иначе само государство рухнет. Кроме того, каждый государственный деятель должен идти на компромиссы. В противном случае он окружит себя врагами и ничего не сможет совершить. Почитай историю, вспомни Линкольна, который был окружен дубинами-генералами и ослами-чиновниками. Или неустойчивое равновесие между сталинистами и антисталинистами в старом Советском Союзе. Нет, президент не может отстранить Маркуса, если не сумеет доказать перед конгрессом, что действия шефа Службы Безопасности причиняют вред государству.

— Может, мы сумеем убедить его, — сказал Коскинен.

— Может быть. Хотя через легальные каналы сделать это трудно. А если мы сами будем поступать незаконным образом, то как мы сможем говорить и обвинять Маркуса в беззаконии?

Коскинен почувствовал, что все мышцы его напряглись. Воцарилась тишина, нарушаемая только журчанием фонтана.

— А вот и освежающее.

Коскинен открыл глаза. Он с удивлением обнаружил, что уснул. Слуга накрывал стол. Коскинен посмотрел на кофе, апельсиновый сок, хлеб, сыр, масло, икру, запотевшую от холода бутылку водки. Трембицкий предложил ему и Вивьене таблетки.

— Они возбуждают аппетит, — пояснил он. — Очень хорошо принять перед обедом.

— Нам нужно сохранить мозги свежими, — угрюмо сказала Вивьена.

Они едва принялись за еду, как в холле появились два человека. Трембицкий встал.

— К сожалению, — сказал он, — завтрак придется отложить. Пришел босс.

ГЛАВА 11

Натан Абрамс не был высоким человеком. Скорее наоборот. К тому же пухлым и лысым. Он был в халате, из-под которого виднелись ноги в пижамных брюках. Хрипло дыша, Абрамс сел в кресло и вытянул ноги. Он сказал сквозь зубы:

— О, Боже, я всегда знал, что вокруг много гнили. Но когда эта гниль выступила открыто, с ней уже поздно вступать в борьбу. Но необходимо.

— С каким оружием? — спросил Трембицкий.

Рука Абрамса показала на прибор.

— Для начала с этим.

— Но нужно время, чтобы организовать производство и создать боевые группы.

— А тем временем Дэйв... — голос Абрамса дрогнул. И, стараясь скрыть это, он стал накладывать себе еду в тарелку. — Прошу

простить меня, — сказал он Вивьене и Коскинену. — Вы, должно быть, голодны.

Коскинен не смог удержаться, чтобы не рассмотреть девушку, которая пришла с Абрамсом. Естественно, он знал о существовании сестры Дэйва, но когда экспедиция улетала на Марс, ей было пятнадцать лет.

Он не ожидал увидеть ее такой взрослой. Стройная, гибкая, с серыми глазами, затуманенными печалью, с мягкими медно-красными волосами, волнами спадавшими на плечи. Абрамс не сказал жене о встрече, потому что не знал, как она перенесет это. Но дочь его была сейчас с ним.

Хорошо, что Абрамс вспомнил о завтраке. Коскинен действительно проголодался. Однако он колебался. Девушка как бы прочла его мысли:

— Садитесь, ешьте. Не могли же все ваши злоключения лишить вас аппетита. Пожалуй, я тоже что-то съем.

Вивьена улыбнулась.

— Благодарю, мисс Абрамс, хотя, заботясь о нас, вы не забываете и о себе.

— О, теперь мы в одной армии.

— Я не так уверен в этом, — сказал Трембицкий.

— Что ты имеешь в виду, Ян? — спросил Абрамс.

— Но...

— Ты же знаешь, я не предлагаю ничего экстраординарного. Самое главное, выручить Дэйва и всех остальных участников экспедиции. Мы будем действовать осторожно, но вполне возможно, что настанет момент, когда... — Абрамс замолчал.

Трембицкий закончил за него фразу:

— ...когда нам придется вступить в войну с собственным правительством.

— Да... по крайней мере, с Маркусом. Я говорю тебе, что у него мания величия, и его нужно остановить.

— Не будем бросаться словами, Нат. То, что мы имеем сейчас, это не неофашизм, это цезаризм. Да, да, цезаризм, слегка модифицированный, так как появился в республике, более сложной по структуре, чем Рим тех времен. Но цезаризм появился как веление времени, как средство выживания в ядерном веке. Не захочешь же ты свергнуть Цезаря, обречь страну на гражданскую войну, ослабить ее для окружающих варваров?

— Я о такой чепухе даже не думаю!

— И тем не менее, это так, Нат. Это выступление вызовет брожение социальных сил в стране и, как следствие, экономический хаос. А когда это произойдет — общество не сможет производить достаточно, чтобы удовлетворить собственные нужды, — тогда откроется прямой путь для установления диктатуры. Народ потребует сильного правителя. Лучше пожертвовать свободой, чем видеть, как голодают твои дети. Так считает большинство. У Маркуса миллион

сторонников именно потому, что вы не смогли разрешить многие проблемы: такие, как проблема образования, равномерного распределения благ цивилизации, социального вакуума. Если же сейчас высшие классы Америки передерутся между собой, то положение будет еще хуже. Может быть, Маркуса можно уничтожить, но его сторонники сразу покончат с нами. А если даже забыть о практических трудностях всего предприятия, то нельзя забывать, что на нас лежит громадная ответственность перед обществом, которая не позволит нам пускаться в опасные авантюры.

— Ты не думал об опасностях, когда помогал освободить Краков от русских, — заметил Абрамс.

— Тогда я был моложе. Да и дело было гораздо проще.

Ли нагнулась к Коскинену и прошептала:

— Он из Центральной Европы. Папа нашел его в каком-то польском городке и уговорил приехать в Штаты.

Коскинен с почтением посмотрел на Трембицкого. Война и послевоенные годы были трудными и в США, но сюда, по крайней мере, не вторгались иностранные войска, сеявшие хаос и разрушения в стране, которая подверглась удару ракет с атомными бомбами. И если несмотря на голод этот человек нашел время, чтобы получить образование...

— Только пойми меня правильно, — продолжал Трембицкий. — Я не предлагаю покорно подчиниться Маркусу и не сопротивляться ему. Ты мужественный человек, Нат. Думаю, что я тоже не из трусов. Но Дженерал Атомик это не наша личная империя. Это военная мощь страны, и она должна оставаться ею. Кроме того, ты слишком на виду, и ты не можешь предпринять что-либо, что не было бы замечено обществом. Поэтому не пытайся организовать заговор.

— О, ты признаешь, что нужен заговор, — сказал Абрамс.

— Не знаю. Может — да, а может, и нет. Все произошло слишком быстро, и у меня не было времени подумать.

— Но времени и так слишком мало, — напомнила Вивьена.

— Когда Маркус идет по следу... да. Но я не вижу, как мы сможем спрятать вас на длительное время. Разумеется, у нас большой штат, но это не организация. А вам нужна организация, со службой разведки, с тайными убежищами... С людьми, которым можно верить.

Абрамс щелкнул пальцами.

— Эталитарианцы!

Трембицкий удивленно посмотрел на него.

— Ты имеешь в виду Ганновея?

— Не знаю. Но мы можем проверить его.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — вступила в разговор Ли, — но что касается эталитарианцев — это звучит обнадеживающе. Я бывала на их митингах, говорила со многими. Отец, это действительно хорошие люди.

— Возможно, — хмыкнул Трембицкий. — Но насколько они эффективны?

— Сам Ганновей круто сваренный тип. Мы можем связаться с ним, хотя в этом много риска... Но где его нет?

Трембицкий кивнул.

— Я запущу машину, чтобы колеса начали вертеться. Для начала мы соберем информацию, оценим ее и тогда решим, как поступать. Некоторое время мы сможем укрывать здесь наших юных друзей. Но чем скорее мы переправим их в безопасное место, тем лучше.

— Олл райт. Тогда начнем. — Абрамс повернулся к Коскинену и Вивьене. — Мне жаль сейчас расставаться с вами, но у меня много дел. Поговорим о деталях позже. А пока Ли позаботится о вас.

Трембицкий подошел к генератору, и Коскинен продемонстрировал его действие. Секретарь осторожно потрогал его, осмотрел со всех сторон, прищелкнул языком и удалился. За ним последовал и Абрамс.

— Заканчивайте завтракать, — сказала Ли. — А я распоряжусь насчет комнат. Я скоро вернусь.

Коскинен был счастлив. Пища, кров, могущество хозяев этого дома благотворно подействовали на него.

— Я думаю, — сказал он, набив рот едой, — что мы в безопасности.

— Да? — спросила Вивьена.

Она едва притронулась к еде. Коскинен видел, что тревога все еще владеет ею, и хотел рассеять ее. Но язык его заплетался.

— Прости, — сказала она немного погодя. — Но меня столько раз били и пинали, что я уже не смогу поверить в Санта Клауса.

— Даже если сам Адамс наденет белую бороду и войдет сюда? — засмеялся он.

Она хмуро улыбнулась и похлопала его по руке.

— Пит, ты очень необычный человек.

Послышались легкие шаги Ли. Коскинен поднялся и посмотрел на приближающуюся девушку. Он подумал, что она так красива, и он непременно влюбится в нее...

— Позавтракали? — спросила она. — Хорошо. Тогда пойдемте со мною. Вы, разумеется, хотите вымыться и лечь спать.

— Только не спать, — сказал Коскинен. — Ведь мы приняли возбуждающее.

— О, я забыла. Тогда я покажу вам наш дом и предложу кое-какие развлечения.

— Ты так добра к нам.

Глаза Ли стали серьезными.

— Ты же друг Дэйва, Пит. Он много рассказывал нам о тебе. И ты уже успел сделать на Земле так много хорошего.

— Я? Когда?

— Благодаря тебе уничтожен этот проклятый Кратер... и, вероятно, китайцы, проникшие туда. — Она тряхнула головой, и волосы ее рассыпались. — Я до сих пор не могу поверить, что это произошло.

— Это только случайность. Я спасался от агентов и...

— Идем!

Она взяла его за руку и повела. Вивьена молча пошла за ними.

Эскалатор повез их наверх. Коскинен считал, что его номер в отеле и апартаменты Вивьены в Кратере — это верх роскоши, но то, что он увидел здесь, повергло его в изумление. Он минут пять осматривался вокруг, стараясь прийти в себя. Затем, раздевшись, он заметил цепь на своей шее. «Нужно снять ее», — подумал он, но тут же забыл об этом.

Переодевшись в свежий костюм, он вышел в солярий, где его ждала Ли.

— Идем на улицу, подождем Вивьену, — предложила она. — Сегодня такой чудесный день.

Они прошли на террасу и подошли к парапету. Ли облокотилась на парапет и смотрела вниз на залив. Легкий ветерок шевелил ее волосы. «Ви остановилась на этом же самом месте», — вспомнил Коскинен. Он полной грудью вдохнул чистый воздух.

— Ты права, — сказал он. — На улице хорошо. Пожалуй на Марсе больше всего нам недоставало этого — земного воздуха, солнца, ветра.

— Но разве там не так же?

— Ничего похожего. Днем воздух такой прозрачный, кажется, что между тобой и горизонтом ничего нет. Вакуум. А ночь опускается внезапно. Никаких сумерек. Звезды загораются, как яркие фонари. И тишина такая, что слышен скрип камней, сжимающихся от холода. Или пыльные бури, поднимающие облака пыли в древних долинах. А весна — когда в лучах жаркого солнца тают полярные шапки, и потоки воды вновь оживляют леса — странные, маленькие, корявые деревья, тянущие к солнцу свои сучья-щупальцы, на каждом из которых висит лист, длиной в целый ярд. И эти листья окрашены в самые разнообразные цвета — зеленые, золотые, красные, голубые... и все они танцуют на ветру, как будто от радости... — Коскинен очнулся от воспоминаний. — Простите, мне показалось, что я снова на Марсе.

— Ты хочешь снова вернуться туда? — спокойно спросила она.

— Да, со временем. У нас там много друзей среди марсиан.

— Дэйв говорил об этом. А ты уверен, что слово «друзья» подходит для этого случая?

— Мне трудно объяснить, но между нами и марсианами было что-то, и теперь, когда прошло столько времени, я уже сам не понимаю, что связывало нас.

— Я постараюсь понять, — сказала она. — Расскажи.

— Хорошо, — сказал он, внезапно охваченный энтузиазмом. — В следующей экспедиции обязательно должны быть женщины. Мы не могли провести полные исследования, так как не представляли Землю полностью. Чтобы установить всесторонние отношения с марсианами, нужна полная ячейка человеческого общества —

мужчина, женщина, ребенок... Видишь ли, они общаются между собой не только при помощи слов. У нас на Земле тоже есть много способов общения помимо слов, но все они не систематизированы, не развиты. Для марсиан общение — это функция всего организма. У них развит язык прикосновений, музыкальный язык, язык хореографии — и еще много языков. И они не являются эквивалентными друг другу, как наш язык слов и письменный язык. Но они перекрывают разные области описания объекта, и поэтому, если они используются одновременно, ты можешь представить, насколько полно можно описать объект. Мы далеко продвинулись в изучении марсиан за эти пять лет. Но если мы хотим продвинуться дальше в следующей экспедиции, там должны быть люди разного пола, возраста, разных рас, культур...

— Теперь я начинаю понимать, почему тебя любил Дэйв, — сказала Ли, — ты неисправимый идеалист.

Он с удивлением взглянул на нее.

— Я не хотел, чтобы ты подумала так.

— Я очень хочу знать о Марсе все, а также о том, что ты там делал, что изучал, что открыл. Дэйв так мало был дома, что я не успела расспросить его. Но мне хочется это знать. И когда-нибудь самой оказаться на Марсе. Ты так живо описал мне Марс... Теперь я смотрю на небо, вижу красную точку и знаю, что это МИР, и дрожь охватывает меня. Как будто передо мной раздвигаются границы Вселенной. Спасибо тебе за это, Пит!

Его озадачило то, что они так быстро подружились, более того, в их отношениях появилось нечто интимное. «Вероятно, это произошло потому, что мы оба находимся в стрессовой ситуации, и наши защитные барьеры рухнули, когда мы почувствовали, что находимся среди друзей. И мы оба любим Дэйва, которого я знаю, как себя». Затем он забыл об этом. Все это была такая ерунда по сравнению с красотой дня.

Внезапно Ли рассмеялась.

— Ты должен извинить меня, Пит. Но я вхожу в состав Комитета Зищиты Мира, и мы собираемся возобновить Ралли Освобождения, если тебе это что-то говорит. Сегодня у нас встреча, а я не рискую именно в это время вызывать внимание к себе тем, что не буду на ней присутствовать.

Он согласился с нею, хотя и с большим сожалением. И после того, как она ушла, Коскинен стал осматривать дом. В конце концов он забрел в грандиозный зал, который служил библиотекой. «Хорошо, — подумал он, — здесь, по крайней мере, я смогу убить время».

Вивьена уже была здесь и читала. Она была в белом платье, и это напомнило ему тот вечер, когда он впервые встретился с ней. Ему стало стыдно, что он забыл о ней.

— О! — сказала она небрежным тоном. — И ты здесь?

— Почему ты не пришла к нам? — спросил он. — Мы уже решили, что ты легла спать.

— Нет, я выходила на террасу, но вы так оживленно беседовали, что я решила не мешать вам.

— Ви, мы же не обсуждали никаких секретов! Мы просто болтали.

Ее губы двинулись в улыбке.

— Разумеется, я знаю. Какие у вас тайны?

— Тогда почему же?

Улыбка погасла на лице Вивьены. Она отвернулась.

— Я знаю, что меня вышвырнули из своего класса, а я имею достаточно гордости, чтобы не делать вид, что ничего не произошло.

— О чем ты говоришь, Ви? — воскликнул он. — Ты же видишь, что тут об этом никто не думает, все относятся к тебе как к другу!

— Возможно. Хотя я имела в виду не это. — Тон ее резко изменился. — Послушай, Пит, я совсем не сержусь на тебя, но не мог бы ты оставить меня здесь одну? И закрой за собой дверь, когда будешь выходить.

ГЛАВА 12

Коскинен вернулся в свою комнату после игры в мяч с Ли, и слуга сообщил ему, что в 16.00 в кабинете Абрамса его ждут на совещание. Он переоделся и в назначенное время пошел в кабинет. По пути встретил Ли. Когда они вошли, Абрамс, Трембицкий и Вивьена уже были там.

Абрамс недовольно посмотрел на дочь.

— Только без тебя, моя дорогая, — сказал он.

— Не будь глупым, отец, — запротестовала она. — Я ведь тоже участвую в этом деле.

— Да, но я не хочу этого. Мы тут играем не в куклы.

— Я уже давно понял, что чем меньше людей посвящено в планы организации, тем лучше, — заметил Трембицкий.

— Я не буду болтать, — негодующе ответила она.

— Конечно. Но есть такие вещи, как психологические исследования, наркотики.

— Ты боишься, что меня могут похитить?

— Нет. Они могут просто арестовать тебя, как это было с Дэйвом.

— О! — Она прикусила губу. — Но что же тогда сделать мне, чтобы быть полезной?

— Самое трудное: сидеть тихо и ни во что не вмешиваться.

— Хорошо... — Она выпрямилась. — Мы увидимся позже, Пит. Я имею в виду это... — И она коснулась плеча Пита. Дверь закрылась за нею.

— По этой же причине, — сказал Трембицкий, — мы должны оставить бомбу у тебя на шее. — Он повернулся к Коскинену.

Вивьена неспокойно шевельнулась. Рука ее потянулась к небольшому кошельку на поясе. Затем она медленно расслабилась.

— Может быть, — ровным голосом сказала она.

— Ты вполне подходящий человек, обладающий логикой и здравым смыслом, чтобы хранить взрывное устройство у себя, — сказал ей Трембицкий. — Ты ведь не знаешь сама, как сделать генератор?

— Нет. Мы занимались им в Кратере, но без фундаментальных знаний теории. Все, что я помню, это лишь бессмысленное соединение электронных устройств.

— Значит, Пит, ты единственный, кто знает генератор. — Абрамс тревожно посмотрел на него. — Ты должен согласиться, что, если произойдет худшее, у нас должна быть возможность заставить тебя замолчать. Правда, не совсем приятно чувствовать себя пленником.

— Конечно. — Коскинен взял себя в руки.

— Но я надеюсь, что к этому прибегать не придется, — сказал Абрамс уже менее угрюмо. — Садись и давай обсудим наш следующий шаг.

Он сел за стол, стиснул пальцы рук и медленно оглядел кабинет, прежде чем начать.

— Наша проблема, как я вижу ее, в следующем. Мы должны сохранять экран, чтобы он не попал во враждебные руки, и использовать его как средство шантажа, чтобы вызволить из тюрьмы наших друзей и, если возможно, выманить Маркуса из его убежища. Действовать лучше всего через президента. Если его удастся убедить, то он будет действовать. Ведь совершенно ясно, что, если Соединенные Штаты будут владеть экраном, они смогут закрыть им самые уязвимые точки города. И тогда не будет необходимости в строгом контроле всего остального мира, а функции Службы Безопасности можно будет в значительной степени ограничить. Таким образом, конгресс получит возможность действовать более свободно, не оглядываясь на тех, кто сделал национальную безопасность своим фетишем.

Но нам нужно время, чтобы устроить встречу с президентом. Да и один разговор мало что даст. Единственное, на что можно надеяться при первой встрече, это то, чтобы ему продемонстрировали действие прибора. Это должно быть сделано втайне от Маркуса. Если Маркус узнает о встрече, то тебя придется убить, а генератор уничтожить. Ты это понимаешь? Значит, эта встреча должна быть проведена в глубокой тайне. А затем снова потребуется время, чтобы президент мог подготовить общественность, политическую арену к выступлению против Маркуса. На это время вам нужно подыскать надежное убежище.

Раньше Ян мог бы легко организовать это, но, к сожалению, мы живем на виду и не имеем нужных контактов. Я во всем доверяю своим служащим, но не уверен в их возможности вести игру с копами.

Если бы у нас была хотя бы неделя, мы нашли бы вам убежище, но у нас нет даже недели. Вы не должны оставаться здесь дольше даже на час, чем можно. Твои предположения, Пит, относительно Службы Безопасности, оправдались. Я получил сведения из Вашингтона. Сейчас они бросили все свои силы на борьбу с китайским подпольем. Однако они тут же вернутся к тебе и к прибору, как только спадет напряжение. И я думаю, что это произойдет скоро.

Исходя из всего этого, я думаю, что нам следует обратиться к эталитарианцам. Это тоже риск, но наименьший из всех возможных.

— Кто они? — спросил Коскинен. — Я слышал это название, но не знаю, что это такое.

— Коротко об эталитарианцах. Это идеалистическое движение, члены которого хотят, чтобы Протекторат превратился в справедливое мировое правительство. Эта идея не противоречит закону, хотя Маркус объявил эталитарианцев мягкоголовыми идиотами, стоящими на службе иностранных государств. Правда, никаких мер против них не было принято, так как этого и не требовалось. Эталитарианцы организуют клубы, митинги, дискуссии, пропагандируют своих кандидатов в правительство. И они имеют какое-то значение в общественной жизни только потому, что многие интеллектуалы разделяют их убеждения.

— Все это звучит малообещающе для нас, — заметила Вивьена. — Все эти эталитарианцы, с которыми я встречалась в прошлом, были всего лишь милые старые люди... обоих полов.

Абрамс рассмеялся.

— Верно, но не совсем так. Есть и такие, что требуют немедленных действий. И они не говорят милым старым людям о своих планах.

— Какие действия?

— Если бы я мог рассказать, то эта группа состояла бы из одних болтунов. Во всяком случае, в стране ходит много книг и памфлетов, призывающих к уничтожению Службы Безопасности. И еще: некоторые из тех, кто выступает против Протектората и подвергается опасности ареста, иногда исчезают. Помните случай с Амашитой несколько лет назад? Он пытался расшевелить японцев — если слово расшевелить правильное, — он призывал их к пассивному сопротивлению. Его арестовали, но затем он исчез, и его не могут найти до сих пор, хотя он появляется в городах, произносит речи и исчезает до того, как прибудут агенты. Мне известно несколько подобных случаев. А о скольких я еще не знаю? Да, такие вещи требуют организации. Кто-то действует из подполья, но не националистического, а всемирного. Я сильно подозреваю, что здесь замешаны эталитарианцы.

— Мне все это не нравится, — пробормотал Трембицкий. — Я думаю, что эта организация замешана и в убийствах.

— Может быть. Но эти убийства были необходимы. Помнишь генерала Фридмана, который подавил марши протеста в Риме?

— Хмм. Да, пожалуй, я не тот человек, чтобы обсуждать это. Кроме того, у меня нет лучшего предложения. Продолжай, Нат.

— Итак, — продолжал Абрамс, — здесь есть Карсен Ганновей, исполнительный секретарь местного филиала ЭВМ. И эталитарианец. Я имел с ним дело несколько раз, а сейчас направил детективов, чтобы они изучили всю его жизнь. Разумеется, он не связан открыто с подпольем, но у меня есть подозрения. Например, кое-где возникают незаконные забастовки с сопротивлением. И Ганновей, как и остальные члены Комитета ЭВМ, публично осуждает их, уговаривает людей вернуться на работу и утверждает, что он беспомощен воспрепятствовать спонтанным действиям забастовщиков. Однако кое-кто считает, что Ганновей способствует возникновению забастовок, хотя это никогда не было доказано. Теперь я точно знаю, что Ганновей мог бы предотвратить забастовки, если бы захотел. У него есть такие возможности. А это заставляет предположить, что за ним кто-то стоит. Иногда он берет отпуск, и это подозрительно совпадает по времени с некоторыми событиями. Например, забастовка в Торонто, где забастовщики применили оружие против полиции.

— Служба Безопасности обратила на него внимание? — спросила Вивьена.

— Нет, я уверен в этом. Благодарю Бога, что они не могут следить за всеми нами. Ганновей не такая уж выдающаяся фигура. Я только потому заметил его связи с подпольем, что долгие годы наблюдал за ним. Я не собирался связываться с ним. До последнего времени я не был ярым антимаркусистом, хотя никогда не любил Службу Безопасности. Почему люди, подобные Амашите, должны напоминать своим соотечественникам, что когда-то они были гражданами самостоятельного государства? Поэтому я держал свои наблюдения при себе. Подполье никогда не причиняло мне вреда. Теперь оно должно помочь нам.

— Вы думаете, что Ганновей может... — Коскинен задохнулся в своем возбуждении.

— Мы попытаемся поговорить с ним, — сказал Абрамс. — Ян связался с ним по телефону и попросил встречи, чтобы обсудить кое-какие деловые вопросы. Вы оба поедете с нами. Если он сможет спрятать вас — прекрасно. Если нет, то я уверен, что он будет держать рот закрытым. Тогда мы организуем для вас другое убежище, хотя это и не лучший вариант.

— Если он предложит нам убежище, но мы почувствуем, что здесь что-то не так, мы должны иметь путь к отступлению, — заявил Трембицкий.

— Мы? — спросила Вивьена. — Значит, вы будете с Питом и со мной?

Абрамс кивнул.

— Что касается меня, то я все еще недурно обращаюсь с пистолетом. — И он похлопал себя по бедру, где под туникой

обозначился пистолет. — Что касается Ви, то я не беспокоюсь: она может двигаться резко и быстро, как тигрица. А вот Пит мне кажется несколько наивным, хотя, возможно, пребывание в преступном мире его кое-чему научило.

ГЛАВА 13

В доме Ганновея в Кани жили его жена и четверо детей. Но у него был собственный кабинет, и хозяин заверил посетителей, что кабинет абсолютно звуконепроницаем, в нем нет подслушивающих устройств, а вся семья сегодня вечером отсутствует.

Высокий, угловатый, чем-то напоминающий Эндрью Джексона, Ганновей закрыл дверь кабинета и осмотрел своих гостей. Коскинен переминался с ноги на ногу под этим взглядом. Он посмотрел в окно на сияние ночного города, на Вивьену, стоящую рядом с ним, и не знал, что сказать. Ганновей нарушил тишину и обратился к Трембицкому:

— У вас должны быть веские основания, чтобы привести ко мне этих путешественников. Вы не тот тип, чтобы провоцировать людей. Но я пойму вас, если вы объясните мне все и отклоните мои подозрения относительно этих преступников.

— Преступников? — воскликнула Вивьена. — Уже объявлен розыск?

— Да, час назад, — сказал Ганновей. — В вечерних новостях. Имена, фото, выдержки из записей переговоров мистера Коскинена с бюро. Теперь вы опасные агенты иностранных держав.

— Проклятье! Я надеялся, что у нас еще есть время, — сказал Трембицкий. — Видимо, дело с китайцами кончилось. Теперь они все силы бросят на вас, Пит.

— Что же от вас хочет Служба Безопасности? — спросил Ганновей.

— Это длинная история, — сказал Трембицкий. — Вы услышите ее, если...

— Я знаю, что все члены экспедиции на Марс изолированы, и терялся в догадках, почему. Мне очень жаль сына Ната.

— Если ты спрячешь этих молодых людей, то поможешь освободить заключенных, — сказал Трембицкий. — Нам нужно спрятать их на некоторое время. Может, на месяц. Ты знаешь, что в связи с арестом Дэйва все убежища Ната просматриваются агентами. Можешь ты позаботиться о этих молодых людях?

— Где я их спрячу? Здесь? Это смешно. Я, разумеется, сочувствую им, так как они в тяжелом положении. Но почему я должен жертвовать собой, своей семьей, своим благополучием?

— Разве ты не хотел бы избавиться от Маркуса? — спросил Трембицкий. — У Пита есть кое-что, что можно использовать в борьбе против него.

Выражение лица Ганновея не изменилось, но он явно взволновался.

— Садитесь и расскажите мне.

— Ты, наверное, не очень веришь мне, — сказал Трембицкий. — Все-таки ты и мы с Натом во многом расходимся во взглядах. Но ты также знаешь, что мы не провокаторы.

Ганновей покачал головой.

— Да, мы расходимся во взглядах. А кроме того, я действую не один. Мои союзники не знают вас лично. Их нужно убедить, что риск оправдан.

— Значит, окончательное решение примут они?

— Да... если у вас есть нечто, что поможет сбросить Маркуса и не допустить появления нового шефа Службы Безопасности... — Ганновей кивком головы показал на генератор у ног Коскинена, — ...то тогда можно рассчитывать на более глобальные действия.

— Возможности этого прибора очень большие, — сказал Трембицкий. — Мы бы не отдали его в ваши руки, если бы не были в безвыходном положении. Послушай, Карс, только не обижайся, насколько можно верить твоим друзьям?

— Полностью, до тех пор, пока вы хотите того же, что и они.

— Какие же у них цели?

— Почитайте Карлеса, и вы все поймете. Мы просто его последователи.

— Так вы утверждаете. Но он не первый пророк в истории, чье учение извращается его последователями.

— Он еще жив и руководит нами. Профессор в Колумбии. Я часто вижусь с ним.

Он сел, нахмурился и обратился к Коскинену:

— Послушай, если это ты, из-за которого весь этот шум, то тебе принадлежит решающий голос. Что ты думаешь? Ты можешь довериться мне без всяких гарантий? Или уйдешь отсюда и забудешь навсегда обо мне? В последнем случае я ничего о тебе не скажу, хотя меня самого могут постигнуть крупные неприятности, если тебя схватят и подвергнут психологическим исследованиям. Но я надеюсь, что ты доверишься мне.

— Я... — Коскинен облизнул губы, — я... я так мало знаю о Земле... я не могу...

Вивьена положила руку ему на колено.

— У него не было времени разобраться в земных делах. Откуда ему знать, кто его друзья?

— Мы не можем долго сидеть и спорить, — сказал Ганновей. — Но, подождите... У меня есть предложение. Почему бы нам не пригласить Карлеса? Он изложит вам свои доктрины, доктрины эталитарианства. И тогда вы сможете решить, будете ли вы их поддерживать.

— О, мы не хотим, чтобы еще кто-нибудь узнал, что эти люди с нами, — сказал Трембицкий.

— Это не проблема, — сказал Ганновей. — Он уже много лет слеп. Мы представим вас под вымышленными именами.

— И он явится сюда? — спросил Коскинен.

— Он часто приходит ко мне по вечерам, чтобы поболтать. Он один в целом свете.

— Значит, нам придется прослушать лекцию по социологии, — сказал Трембицкий.

— Я думаю, мистер Ганновей прав, — сказал Коскинен. — Вам, наверное, трудно понять меня, но когда мы были на Марсе, мы старались выяснить, что необходимо для полного понимания ситуации. И решили, что эмоции составляют довольно значительную часть в понимании. Это именно то, чего нельзя вычитать в учебниках логики. Это то, что человек ощущает подсознательно.

— Я позвоню ему, — сказал Ганновей и вышел.

Трембицкий покачал головой.

— Мне бы хотелось побольше узнать об эталитарианцах, прочувствовать их убеждения. Пока что я могу только предполагать. Может быть, неплохо будет поговорить со стариком. Конечно, он скорее всего не догадывается о существовании подполья, но иногда по корням можно судить о дереве. — Он прикурил сигарету, затем добавил: — Иногда.

Вернулся Ганновей.

— Все прекрасно. Он сейчас выезжает. Я сказал ему, что у меня присутствуют люди, долгое время находившиеся за границей, которые хотели бы встретиться с ним. — Он хмыкнул. — Орен Карлес не святой и не лишен тщеславия.

Некоторое время они ждали, а когда прибыл Карлес, то перешли в гостиную.

Философ был низеньким человеком, но держался прямо и с большим достоинством, так что его маленький рост не бросался в глаза. В гриве седых волос прятался искусственный глаз — излучатель инфракрасных лучей, что позволяло Карлесу ходить, не натыкаясь на препятствия.

Он сердечно пожал руку Ганновею, чопорно поклонился в сторону Вивьены и принял стакан шерри. Некоторое время шел обмен обычными любезностями, но Карлес довольно быстро оседлал своего конька.

— Чтобы быть честным, — сказал он, — мне не нравится термин эталитаризм. Во-первых, он неточный, а во-вторых, это ярлык. Люди очень уважают ярлыки. Их даже не смущает то, что под одним и тем же ярлыком могут скрываться самые разные вещи. Посмотрите, что произошло с христианством и демократией. Последняя изменилась особенно резко. Демократия всегда идентифицировалась со свободой. Однако оказалось, что это совсем не так, и это понял еще де Токвиль, а за ним Ювенал. Приобретя мнимую свободу выбирать правительство, народ теряет множество подлинных, более важных свобод. Ни для кого не секрет, что в выборах участвует незначительный процент

населения. И это не результат бедности, плохого образования и прочего. Нет, просто народ понимает, что правительство постепенно превращается в инструмент для тех людей, которые достаточно сильны и умны, чтобы взять контроль над правительством в свои руки. Яркий пример тому — Служба Безопасности. Но не было бы ее, на арену вышла бы какая-нибудь другая организация. Если вы хотите сделать что-нибудь в индустрии, образовании, экономике, вы не пойдете обсуждать эти вопросы к сенатору или конгрессмену. Нет, вы пойдете в ближайшее агентство Службы Безопасности и постараетесь заручиться поддержкой какого-нибудь высокопоставленного лица.

— Значит, конгресс — это всего лишь пешка? — спросил Коскинен.

— Пока еще нет. Все-таки окончательное решение принимает он. Еще Отцы — основатели страны, понимали, что воля народа на самом деле означает волю отдельных групп, наиболее активных и эффективных. И поэтому в Конституцию страны были внесены оговорки, не позволяющие правительству совершать некоторые действия, даже если большинство населения требует их. В действительности наша страна начиналась как республика, а не чистая демократия. Но с течением времени многие из гарантий, которые предоставлялись людям, были уничтожены. Например, правительства штатов не могут уже управлять своей полицией, отдельные лица не имеют права носить оружия... Разумеется, все это делалось из лучших побуждений, но в результате получалась какая-то смесь демократической республики и олигархии. Эволюция происходит и сейчас, причем элемент олигархии начинает превалировать над элементом демократии.

— Я думала, что вы призываете к мировой демократии, а оказывается, вы вовсе не считаете ее оптимальной формой общества, — сказала Вивьена.

— О, напротив, моя дорогая. Я всегда считал и считаю, что свобода — это единственное, что ценно для человека. Но она вовсе не идентична демократии, которая только форма правления.

Вся проблема в том, как добиться свободы и как гарантировать ее. Человек не сможет существовать отдельно от общества. Он часть его, со всеми правами и обязанностями по отношению к нему. Однако мы, сторонники свободы, считаем, что его степень принадлежности к обществу должна определяться самим человеком. Он не должен давать обществу больше, чем желает сам, но и не должен брать от общества больше, чем вкладывает в него. Кроме того, не следует забывать, что в обществе всегда будут бедные, слабые, несчастные, и общество должно будет заботиться о них, иначе его поразит тяжелая болезнь, единственным лекарством от которой будет вмешательство хирургического ножа диктатора.

При всех условиях демократическая республика лучшее средство, чтобы разрешить эти проблемы. Все-таки народное

голосование каким-то образом контролирует правительство. Ведь народ выражает свою волю. И тем не менее, демократическая республика самым решительным образом ограничивает права личности. И к тому же общество постоянно меняется. Средства сообщения развились так, что человек перестал быть оседлым существом. В считанные минуты он может переселиться куда угодно. У него пропал местный патриотизм. Штаты теперь всего лишь анахронизм. В руках правительства штатов остались только функции управления местными службами. И, наконец, атомная война причинила не только материальный ущерб, но и разрушила моральные устои. Мы создали международный Протекторат, в котором играем роль метрополии.

Но иногда вместе со злом приходит и добро. Я считаю, что в истории наступил момент, когда можно восстановить демократическую республику на твердой основе. И сделать это — во всем мире.

— Прошу прощения, — сказал Трембицкий, — я побывал во многих странах Земли и должен сказать, что азиаты, африканцы, даже большинство европейцев и латиноамериканцев — не янки. Они вряд ли считают, что вы правы в своих убеждениях. Не забывайте, что Протекторат ненавидят многие. Вы не сможете сделать из них хороших демократов, так как они хорошие мусульмане...

Карлес улыбнулся.

— В национальном характере могут произойти перемены. Но я не рассчитываю на это. Более того, я даже не хочу американизации мира. Это обеднит человеческую культуру.

— Но я думаю, что это единственный способ создать единое правительство, — сказал Коскинен. — Единая мировая культура, где все народы исповедуют единые идеалы.

— Нет, нет, — ответил Карлес. — Если такое случится, то произойдет то, что произошло в нашей стране, только в мировом масштабе. Нет, в мире должны существовать разные общества, достаточно сильные, чтобы сосуществовать в равенстве с остальными. И достаточно отличающиеся друг от друга, чтобы не смешиваться с остальными. Так сказать — мировая федерация.

— А какое правительство будет в такой федерации? — спросила Вивьена.

— Во-первых, должны быть образованы международные силы поддержания мира на планете, которые будут находиться под контролем президента, избранного двухпалатным парламентом: один сенатор от каждой страны и количество членов конгресса пропорционально населению страны.

— Во-первых, — сказал Трембицкий, — нельзя каждой стране давать одинаковое представительство. Вспомните печальный пример с ООН. И пропорциональность населению тоже плохо. Это будет означать полную китаизацию.

— Сейчас я разрабатываю систему выборов, — сказал Карлес. — Количество представителей от отдельного сообщества будет зависеть

не только от количества населения, но и от уровня образования, общей культуры, развития промышленности и так далее. Разумеется, внутри своих границ каждое сообщество может проводить выборы представителей в мировой парламент по своему усмотрению.

— Что же будет делать мировое правительство? — спросил Коскинен.

— Оно будет работать в областях, политически безопасных: здравоохранение, образование, экономика. И принцип внутренней суверенности будет свято соблюдаться. Но, разумеется, нельзя позволить, чтобы богатые страны богатели, а бедные беднели. Необходимо поровну разделить все экономические тяготы. Я прикинул, что наши нынешние расходы на поддержание Протектората вполне достаточны, чтобы выделить их в качестве помощи бедным странам. Таким образом, мы избавимся от нынешних врагов и приобретем новых друзей. А лет через десять другие страны разбогатеют до такой степени, чтобы разделить с нами расходы.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Трембицкий. — Не забывайте, что только что кончилась война. И еще никогда в истории не было случая, чтобы все участники войны считали справедливым ее исход.

— Нынешние границы могут быть изменены по общему согласию, — сказал Карлес. — А что касается диктаторских режимов, я считаю, что мировое правительство сможет защитить права людей. Можно будет издать закон, согласно которому любой человек, не обвиненный в уголовных преступлениях, может покинуть страну по политическим мотивам.

— А другая страна примет его?

— Я уверен, что да, если будет ясно, что он действительно бежит от тирании. Это будет эффективный метод подрыва репутации тирана. Он явно не захочет лишаться своих подданных и изменит политику.

Карлес отпил виски.

— Вы понимаете, что это не утопическое государство. Жизнь в нем долгое время будет трудной и суровой. Вот почему мне не нравится ярлык эталитарианства. Он означает панацею от всех болезней общества. Но, с другой стороны, — это наша цель. Наша организация должна работать во имя всеобщего равенства. Я думаю, что мы должны работать уже сейчас, бороться против несправедливости, бороться за то, чтобы снова стать свободными людьми.

Разговор продолжался еще несколько часов, и потом Карлес попрощался и ушел.

— Ну? — спросил Ганновей, проводив гостя.

— О, Боже! — воскликнул Коскинен. — Конечно, да!

ГЛАВА 14

Зодиак в Манхэттене казался странным местом для штаб-квартиры местной организации эталитарианцев. Это было очень модное и дорогостоящее место. Очень много людей посещали его. Поэтому сюда можно было пройти в любое время и не привлечь внимания. Кроме того, многие входили сюда в масках. А обилие помещений давало возможность проводить тайные встречи.

Коскинен шел вместе с сопровождающими по гулким коридорам, погруженным в полумрак. Генератор давил на его плечи. Коридор привел их к окованной двери, которая открылась только после того, как Ганновей всунул в щель сканера какую-то карточку. Они вошли в небольшую комнату, где не было ничего, кроме стульев и небольшого стола.

Здесь уже находились человек пять или шесть. Все они настороженно выжидали. В них не было ничего от тех мятежников, которых показывали в ТВ-передачах. Возраст их колебался от тридцати до шестидесяти лет, и они были представлены Коскинену просто, без излишних формальностей, — Томсон, Вошбурн, Ланфьер, Брорсен, Хилл, Риколетти. Но Коскинен чувствовал, что все эти люди были насторожены. У некоторых на лбу виднелись капельки пота.

— Наш совет собрался потому, что каждый из присутствующих имеет возможность выехать для встречи в случае необходимости, — объяснил Ганновей.

— Однако слишком часто мы этого делать не можем, — резко возразил Брорсен. — Надеюсь, что сегодня причина для встречи действительно важная.

— Да, конечно, — сказал Ганновей и коротко изложил причину столь экстренного совещания.

После этого слово дали Коскинену, и когда он закончил и ответил на многие вопросы, то сел, задыхаясь и чувствуя, что у него пересохло в горле. Он жадно выпил кофе, предложенный ему Трембицким, который, продолжая стоять, несколько дополнил его. Члены совета по очереди осматривали генератор и возвращались на свои места. Дым сигарет плавал в воздухе.

Ганновей нарушил тишину.

— Как мы можем использовать этот прибор — ясно, — сказал он, — особенно, если проделать кое-какую предварительную работу. Если сделать, чтобы прибор создавал экран, непроницаемый для лучей лазера, то это будет нечто потрясающее. Достаточно будет небольшой армии в тысячу человек, чтобы контролировать всю страну.

— Подождите, — вмешался Трембицкий. — Мы с Питом еще ни на что не согласились. Особенно на революцию.

— А что вы хотите делать? — с вызовом спросил Вошбурн.

Трембицкий изложил план Абрамса.

— Прекрасно! — фыркнул Ланфьер. — А теперь расскажите мне что-нибудь более реальное.

— А этот план нереален?

— Начать с того, что этот план очень рискованный. Даже если предположить полное сотрудничество с нами президента, неужели вы думаете, что Маркус будет спокойно сидеть и ждать решения своей участи? У него в Вашингтоне много сторонников и своя пропагандистская машина. Он будет говорить, что тайну прибора сохранить невозможно и в других странах этот прибор рано или поздно будет создан. Следовательно, скажет он, Служба Безопасности нуждается в подкреплении, а не в ослаблении.

— Но ему придется иметь дело с национальным героем Питом Коскиненом, который передаст прибор правительству Соединенных Штатов!

— Ха! Героев легко свергнуть с пьедестала.

— Но против Службы Безопасности могут быть выдвинуты обвинения в похищениях, незаконных арестах, даже в попытках убийства.

— На это обвинение вам скажут, что мистер Коскинен просто лжец, или же он неправильно понял ситуацию и впал в панику. И что его товарищи по экспедиции были изолированы для их же блага — чтобы защитить их от китайцев, это частично будет правдой, если вспомнить о капитане Твене. А психологические исследования необходимы, так как возникла чрезвычайная ситуация, и Служба Безопасности должна была быстро получить необходимую информацию.

Ланфьер пожал плечами.

— В конце концов Маркус может пожертвовать несколькими незначительными агентами, обвинив их в том, что они превысили полномочия и действовали по собственной инициативе. Во всяком случае, сам он выйдет сухим из воды.

— Даже если президент будет против него?

— Даже в этом случае. Вы недооцениваете ту роль, которую Служба Безопасности играет в формировании общественного мнения. Американский народ уверен, что Доктрина Корриса — это единственная альтернатива ядерной войне. А эта Доктрина автоматически требует существования Службы Безопасности.

— Теперь вы видите, — сказал Ганновей, — что даже если ваш план сработает, он ничего не изменит в структуре Протектората?

— Пожалуй, — признался Коскинен. — Но при всех обстоятельствах США долгое время будут единственными обладателями прибора. Ведь в основе его лежат нетривиальные идеи, которые трудно осознать человеческому разуму. Пройдут долгие годы, прежде чем человек разработает второй такой прибор без помощи марсиан.

И долгие годы наша страна будет в полной безопасности. Страх покинет людей. Он уступит место разуму и здравому смыслу. Идеи эталитарианства проникнут в сердца людей.

— Я могу обещать, что мой босс, — вмешался Трембицкий, — бросит все силы в поддержку этой организации. И это будет нечто большее, чем просто огромные деньги. Многие влиятельные люди прислушиваются к мнению Натана Абрамса.

— Если вспомнить, сколько вы видели за свою жизнь, — сказал Ганновей, — просто удивительно, как высоко вы цените здравый смысл людей.

Трембицкий печально улыбнулся.

— Я ценю его ниже, чем вы. Но все же надеюсь, что события будут протекать именно так, хотя никто ничего не может гарантировать в этой жизни.

Члены совета переглянулись. Наконец Ганновей, закурив сигарету, медленно выпустил дым и ответил:

— Вы правы, любые действия рискованны. Проблема в том, как минимизировать риск. Как вы должны знать, Ян, единственный способ уменьшить число неизвестных факторов, это познакомиться с ними. Я прекрасно знаю своих друзей, вас двоих и Ната. Но я не знаю президента и не могу предсказать его действия. Да и вы тоже. Кроме того, существуют еще многочисленные чиновники его аппарата, бизнесмены, военные, все те, кто составляет структуру общества. Мы тоже не знаем, как будут реагировать они. А вспомните о миллионах простых американцев! С их страхами, надеждами, убеждениями, привязанностями! Ведь все они живут в условиях существующего общества. Как поступят они? Все это неизвестные, которые действуют помимо нас, и поэтому результат совершенно непредсказуем. Значит, вы предлагаете просто надеяться на лучшее?

Трембицкий прищурился.

— А вы считаете, что единственный предсказуемый фактор — это сила?

— Да, — ответил Ганновей. — Разве не так? Когда я прошу незнакомого человека сделать что-то, он либо делает, либо нет, но если я наставлю на него пистолет, он обязательно это сделает.

— Хмм. Я мог бы назвать вам несколько примеров исключений. Но оставим это. Как вы предлагаете поступить нам?

— Подробно я не могу сказать, нет времени. Но ясно одно: аппарат должен быть в наших руках, и мы должны научиться работать с ним. Кроме того, следует вести разработки для создания более усовершенствованных моделей.

— Минутку, — возразил Коскинен. — Это потребует много времени. А что будет с моими товарищами?

— Верно, — согласился Ганновей. — И Нат не пойдет на то, чтобы его сын долго томился в тюрьме. Кроме того, следует убедить его, чтобы он не ходил к президенту... О'кей. Сделаем несколько аппаратов существующей модели — это можно сделать быстро, и тогда мы сможем освободить ваших друзей. И нескольких наших товарищей, которые тоже сидят в тюрьме.

— Прямое нападение? — Вошбурн сжал кулаки. — Наконец-то!

Экран закроет небольшой флайер. Мы захватим нескольких агентов Службы Безопасности, при помощи психологического исследования узнаем от них, где содержатся пленники и затем ударим.

— А когда мы сделаем усовершенствованные аппараты, проведем следующую стадию нейтрализации Службы Безопасности, — сказал Ганновей.

— Будете убивать агентов? — спросил Трембицкий.

— Иногда. В основном мы будем просто изолировать их, чтобы не мешали.

— Служба Безопасности — орган государственной власти. Значит, вы посягаете на основы государства.

— Да.

— А вы задумывались над тем, что в дело вмешается армия? Полагаете ли вы, что конгресс и президент одобрят все это?

— Нет.

— А как отнесется народ к вашим действиям?

— Разумеется, мы проведем большую пропагандистскую кампанию.

— Этого мало, если вы решили поднять оружие против государства. Согласно Конституции — это измена.

— Джорджа Вашингтона тоже называли изменником, когда он делал революцию.

— Я не говорю просто так. Если вы сказали «а», вам придется говорить и «б». — Трембицкий обвел взглядом всех сидевших за столом. — Вам придется признать, что ваша цель — свержение правительства Соединенных Штатов.

— Пусть так, — заметил Риколетти. — Другого пути нет.

— Значит, какая-то полувоенная хунта захватит власть и будет править силой оружия. Мир исчезнет с Земли. Что тогда произойдет?

— Ничего особенного, — сказал Ганновей. — Мы детально изучили эту проблему. Не забывайте, что мы не замшелые анархисты, изобретающие бомбы в подвалах. Мы изучали теорию игр, стратегический анализ, политическую антропологию не хуже, чем в Вест-Пойнте. Мы целые годы разрабатывали свой план.

— Нельзя забывать о заграничных гарнизонах. Даже когда не будет Службы Безопасности, они могут долгое время контролировать территорию стран. Обширное восстание нельзя подготовить за короткое время. На нашей стороне те преимущества, которые всегда на стороне тех, кто проводит переворот, — быстрота и решительность. Как только порядок в стране будет восстановлен, мы созовем всеобщую конференцию. Мы уже знаем делегатов, которые будут там присутствовать. Ознакомим их с планом Карлеса, заключим и ратифицируем соответствующие договоры, затем отзовем домой американские войска. После этого люди будут наслаждаться жизнью на планете, новой планете, на которой никогда не возникнет угроза войны!

ГЛАВА 15

Уже было раннее утро, когда Коскинен и Трембицкий вернулись. Но ни тот, ни другой не могли спать.

Коскинен положил генератор на пол, уселся на стул, затем вскочил, выпил воды и подошел к окну. Темная громада города раскинулась перед ним. Коскинен ударил себя кулаком по ладони и выругался. Трембицкий закурил. Лицо его не выражало ничего.

— Что же делать, Ян? — спросил Коскинен.

— Бежать отсюда, — сразу отозвался Трембицкий. — Правда, я не знаю, куда. Вероятно, Служба Безопасности уже взяла под контроль все убежища Натана.

Коскинен повернулся к нему.

— Так куда же?

— Если мы пойдем за эталитарианцами, нам придется уговорить их придерживаться умеренного курса.

— Они... может, они правы?

Трембицкий хмыкнул.

— Я имею в виду, что они вполне искренни.

— Искренность не самое большое достоинство.

— Я не знаю... Когда я отправился в экспедицию, я подписал клятву, что всегда буду придерживаться Конституции. Может, это звучит по-детски, но я все еще серьезно отношусь к этой клятве. А эталитарианцы призывают меня нарушить эту клятву.

— Да.

— Но, с другой стороны, — ведь все революции в прошлом были справедливыми.

— Я в этом сомневаюсь.

— А наша революция?

— Это совсем другое дело. Вспомни, она началась с того, что Англия решила превратить Америку в свою колонию на основании того, что большинство колонистов были выходцами из Англии. Но они уже давно перестали быть англичанами. Восстание против иностранного вторжения легко назвать справедливым.

— А восстание против внутреннего притеснения? Например, Французская революция?

— Тебе нужно почитать историю. Французская революция не была основана на насилии. Она даже не упразднила монархию. Революционеры просто использовали политическое давление для проведения некоторых реформ. Но затем экстремисты привели Францию к разгулу террора и Наполеону. Первая русская революция проходила точно так же. Сначала Дума упразднила царя, а затем большевики силой захватили власть, и в России на долгие годы воцарилась анархия. Я мог бы привести тебе еще дюжину примеров...

— Но должна же быть...

— Да, конечно. В некоторых случаях народы избавлялись от тиранов. Но это ненадолго. Очень скоро они попадали под власть

нового деспота, часто более жестокого, чем прежний. Иногда, правда, диктатор оказывался добрым, но от этого он не переставал быть диктатором, хотя он и давал народу кое-какие свободы. Наиболее известный пример этому — Кемаль Ататюрк.

— Оставь теорию! — рявкнул Коскинен. — Мы живем сегодня. Разве есть другой путь создания мировой федерации, чем тот, что избрали эталитарианцы?

— Вполне возможно. У нас нет времени глубоко проникнуть в эту проблему. Правда, я сомневаюсь, что ее можно решить приказом свыше. Такая проблема не решается быстро, она должна созреть.

— А ей дадут время созреть? Ян, я не верю в сияющие вершины всемирного рая и прочую чепуху. Но я пытаюсь понять, где правда. Ты не можешь не согласиться с тем, что говорил Карлес о Конституции: она уже сейчас превратилась в мертвую бумагу. Разве не единственный выход из создавшегося положения — радикальные изменения?

Огонек сигареты Трембицкого мерно вспыхивал и затухал.

— Может, это и правда, — наконец сказал он. — Вполне возможно. Но есть разные виды радикализма. Такой радикализм, при котором народ силой заставляют принять изменения, мне не по душе. Я думаю, и тебе тоже. Послушай, Пит, мы же еще не исчерпали все мирные возможности. Мы еще не зажаты в угол. Маркус вовсе не такой уж вездесущий демон, каким они его изображают. Да и президент совсем не слабая пешка в его руках. Они говорят о поддержке народом Службы Безопасности, но полностью игнорируют тот факт, что существует и оппозиция, хотя они сами являются частью ее. Они фанатики и совершенно не хотят видеть того, что не входит в их схему. К примеру Маркус — он совсем не так уж жаждет личной власти, хотя элемент этого присутствует в его действиях. Нет, он просто убежден до мозга костей, что все зло идет от иностранцев и что он единственный, кто знает, как спасти цивилизацию. Ты хочешь сменить одного Маркуса на другого?

— Но Ганновей сказал, что хунта отойдет от власти, как только порядок будет установлен.

— Мир уже слышал такие песенки, мой мальчик. Если эталитарианцы ухватятся за руль, то они будут держаться за него так же крепко, как держались до них другие революционные группы в прошлом. Они будут оставаться у власти, чтобы убедиться, что порядок в мире устанавливается таким, каким его хотят видеть они. И если что-либо будет идти не по их плану — снова аресты, снова убийства, снова Служба Безопасности, снова диктатура. Нет, если ты пытаешься весь народ втиснуть в рамки своей идеологии, ты обязательно будешь тираном. Другого пути нет.

— Карлес не позволит им!

— Что он может сделать? Он всего лишь теоретик. Если он увидит правду и выразит протест — снова разыграется сцена, какая уже была в истории, — сцена инквизиции. Впрочем, что я говорю абстрактно.

Тебе нужно спросить себя только о том, можно ли доверять людям, которые хотят добиться цели такими средствами.

Молчание воцарилось в комнате. Коскинен сидел и смотрел на генератор. «Зачем я привез его на Землю? — в отчаянии думал он. — Зачем я родился?!»

Звук шагов вернул его к действительности. Дверь в спальню Вивьены открылась. Она вышла к ним в халате. Блики света играли в ее волосах.

— Мне показалось, что вы разговариваете, — сказала она.

— Ты все слышала? — спросил Трембицкий.

— Многое. Но сейчас я расскажу о том, что узнала я. — Она взяла сигарету, закурила и заговорила безразличным тоном: — Я ходила в город. Я ходила под видом босса банды, вернее, помощника босса, и делала вид, что хочу завязать деловые контакты со здешними гангстерами. Вы же знаете, что вся страна поделена между разными гангстерскими бандами. А когда погиб Зиггер, естественно, что на его территорию всегда найдутся охотники. Я подружилась с несколькими девушками, которые уже давно здесь и многое знают. Они вывели меня на одного типа, с которым я немного пофлиртовала, чтобы выведать обстановку. И я узнала, кому принадлежит Зодиак.

— Ну?

— Одной незарегистрированной корпорации, где главным держателем акций является под вымышленным именем Карсен Ганновей.

— Что? — Коскинен вскочил.

Трембицкий не удивился.

— Я думал об этом, — сказал он. — Это место слишком открыто и не очень удобно для эталитарианцев. Я думаю, что они выбрали его не для того, чтобы устроить здесь штаб-квартиру, а в основном из-за того, что это богатый источник денег. Для каждой революционной организации финансирование — одна из серьезных проблем.

— О, нет, нет! — содрогнулся Коскинен.

Но вот он снова стал решительным и холодным.

— Одевайся, Ви, — сказал он. — Мы уходим.

— Тебя это так встревожило? — спросила Вивьена.

— Нет, теперь ему просто многое стало ясно, — сказал за него Трембицкий. — Собирайтесь...

Коскинен ходил по холлу взад-вперед. Ладони у него вспотели. Что делать? Куда уходить? Можно ли оставаться в доме Абрамса? Трембицкий говорит, что нельзя, а он знает. Кроме того, подвергать опасности Ли... Нет, нет.

А что говорила Вивьена об убежище Зиггера? Да, он теперь вспомнил и сказал об этом Трембицкому. Возможно, там у них будет небольшая передышка, где они смогут обдумать следующие действия. Трембицкий согласился.

— Возможно, мы даже возьмем такси, хотя поднята тревога. У нас есть шанс пробраться туда. Ты готова, Ви?

— Сейчас. — Она вышла из комнаты уже в платье. Кошелек был пристегнут к поясу. — Может, нам надеть маски?

— Только когда будем на улице. Иначе это вызовет подозрения. Куда же я дел свою маску?

Внезапно дверь распахнулась. Трембицкий резко повернулся, схватившись за пистолет. Но было уже поздно.

— Стоять! — рявкнул Ганновей. Пистолет в его руке был направлен на них. За ним стояли вооруженные члены совета.

— Неужели вы думаете, что я мог оставить вас без присмотра и не подслушать ваши разговоры? — сказал Ганновей.

ГЛАВА 16

— Пит! Генератор! — крикнула Вивьена.

Генератор был на спине Коскинена. Он включил его и отчаянно старался расширить поле, чтобы закрыть Вивьену и Трембицкого. И тут выстрелил пистолет.

Черт, поздно! Тишина сомкнулась вокруг него. Пуля упала перед ним на пол. Риколетти снова щелкнул курком, а Брорсен и Ланфьер держали за руки Вивьену. Томсон и Вошбурн схватили Трембицкого. Ганновей взял у Трембицкого пистолет и бросил его на софу. Затем он запер дверь. Все происшедшее казалось Коскинену кошмаром.

Ганновей заговорил с Вивьеной. Девушка что-то презрительно отвечала. Советники переговаривались между собой. Ганновей заставил их замолчать повелительным жестом, подошел к экрану и долго смотрел на Коскинена. Пит мог только выругаться.

Ганновей щелкнул пальцами. Открыв шкаф, он достал переговорное устройство с парой наушников. Затем он что-то написал на листке бумаги и показал Коскинену. Тот прочел:

«Такой способ общения слишком утомителен. Если ты отключишь экран на короткое время, то сможешь взять наушники. Я на это время положу пистолет в другом конце комнаты и не смогу выстрелить в тебя. Остальные поднимут руки вверх. О'кей?»

Коскинен кивнул. Он хотел что-то сказать Вивьене, пока экран был отключен, но времени было мало.

Снова включив экран, он надел наушники. Ганновей положил вторую пару наушников на стол так, чтобы его могли слышать все.

— Теперь мы можем разговаривать, — сказал он.

— Разговаривать не о чем, — сказал Коскинен.

— Напротив. У вас фантастически неверное мнение о нас и наших целях.

— Ваш способ действий все время укрепляет меня в моем мнении.

— Ты слушал нас, когда мы говорили в кабинете, а теперь Ян Трембицкий отравил твой разум.

— Он только разъяснил мне то, к чему вы стремились. Я не собираюсь принимать участие в убийствах своих сограждан.

— За исключением некоторых, — сказал Трембицкий.

Риколетти ударил его по лицу.

— Прекратить! — приказал Ганновей.

— Неужели революционер не может позволить себе немного грубости? — ехидно спросила Вивьена.

— Мы хотим быть вашими друзьями, — заявил Ганновей.

— Начните с того, что предоставьте нас самим себе.

— Это сумасшествие. Вы не пробудете на свободе и неделю. Я не могу допустить, чтобы генератор попал в руки Маркуса.

— Тогда помоги, чтобы он попал к президенту.

— Я уже объяснил вам...

— Такое объяснение не удовлетворяет нас, — прервал его Коскинен. — Я хочу передать прибор властям, которые смогут воспользоваться им так, как необходимо. Ты, Ганновей, не входишь в число таких людей.

— Все это бесполезно, Карс, — прорычал Томсон. — Они фанатики.

— Трембицкий — да, — сказал Ганновей. — Но Пит кажется вполне разумным. Ты можешь посмотреть на вещи с нашей точки зрения?

— Могу. В этом-то все дело.

— Мне не хотелось бы быть жестоким. Но ты не сможешь выйти отсюда и умрешь от голода через несколько дней.

Коскинен удивился тому, что не испытывает страха. Он хотел жить, как и любое другое живое существо. Может быть, даже больше. Но страха в нем не было. Только ярость.

— Я готов к этому, — сказал он. — Но тогда мое тело навсегда останется под экраном. Разве что вы разрежете генератор тепловыми лучами. Но это не поможет вам создать новый.

— Когда-нибудь построим.

— Это будет очень долго. За это время люди пошлют экспедицию на Марс — может сам Адамс финансирует ее. И марсиане помогут землянам сделать новый генератор.

— Может быть. — Ганновей повернулся к своим пленникам, и глаза его сузились. — Может, ты и не боишься смерти, — сказал он. — Но не захочешь же ты, чтобы из-за твоего упрямства погибли твои друзья?

Трембицкий с негодованием плюнул.

— Ну разве он не мошенник?

— Слишком большая ставка, — сказал Ганновей. — Я пойду на все.

Коскинена бросало то в жар, то в холод.

— Если ты убьешь их, — крикнул он, — ты убьешь последний атом надежды, который еще остается у тебя!

— Я не имею в виду немедленную смерть. Ты можешь подумать три-четыре дня.

Краска схлынула с лица Вивьены. Она с трудом выговорила:

— Не слушай его, Пит. Пусть будет что будет.

— Ты еще не знаешь, что будет. — Ганновей повернулся к Хиллу и Риколетти. — Вы знаете, где находится аппаратура. Принесите ее сюда.

Советники вышли. Ганновей сел и закурил.

— Можете поговорить друг с другом, — сказал он.

— Ви... — прохрипел Коскинен.

Она сделала несколько коротких вздохов, чтобы прийти в себя.

— Не думай обо мне, Пит. Мне не нужна жизнь, если за нее нужно помогать этим выродкам.

— Эй, вы! — крикнул Томсон. — Вы думаете, нам приятно заниматься этим?

— Конечно, — сказал Трембицкий.

— Я понимаю вас, — сказал Ганновей, и в его голосе послышалось отчаяние. — Вы даже не можете представить, как я хотел бы, чтобы мы были друзьями. Мы могли бы столько сделать для планеты. Неужели я выгляжу преступником?

Трембицкий обратился к Коскинену:

— Они, скорее всего, пристрелят меня, но... — В глазах его стояли слезы. — Если я вдруг сломаюсь, не выдержу и попрошу тебя открыть экран, не слушай меня, Пит.

Коскинен почти не слышал его. Ужас овладел им. Он видел Вивьену, как сквозь туман.

— Решение за тобой, — проговорил он. — Ты единственная, кто имеет право решать.

— Я уже решила. Будь твердым.

— Послушай, что для тебя все эти бредни о политике? Единственное, что ты хочешь, это мести Маркусу. Эталитарианцы это тебе могут обещать. Ви, я хочу, чтобы ты сама сделала выбор...

Она слабо улыбнулась.

— Ты трус, Пит. Ты хочешь переложить ответственность на меня, — сказала она.

— Но я не могу взять на себя ответственность! — взмолился он.

— О'кей, возьму я. Будь твердым, Пит. Моя жизнь мало что значит для меня. Потеря невелика!

— Не говори так!

— А как насчет того, о чем вы сами знаете? — внезапно спросил Ганновей.

«Детонатор!» — вспомнил Коскинен. Безумная надежда всколыхнулась в нем.

— Хорошо, — сказал он, — я выйду. Только сначала отпустите ее. И тогда я сдамся.

— Сначала выходи, — сказал Ганновей. — А то я боюсь какой-нибудь шутки с твоей стороны.

— Нельзя, Пит, — сказала Вивьена. — Слишком шикарный подарок для них.

— Но если у тебя будет шанс, пока я... — прошептал он.

Лучше погибнуть так, чем от голода и жажды, да еще после того, как увидишь ее мучения.

— Нет, — дрожащим голосом сказала она. — Я не могу.

— В чем дело? — спросил Брорсен.

И тут вернулись Хилл и Риколетти. Они принесли тяжелый ящик с ручкой и рулон пластика.

— Где его поставить? — спросил Хилл.

Ганновей осмотрелся.

— Вот сюда, возле двери в спальню. Силовое поле занимает большое пространство.

Риколетти расстелил пластик.

— Чтобы не пачкать ковер, — ухмыльнулся он.

Хилл открыл ящик, достал веревку и бросил ее Вошбурну.

— Свяжи этого парня, — сказал он.

Трембицкий глубоко вздохнул и что-то пробормотал по-польски. Он не стал сопротивляться, когда его привязали к креслу, но он позвал Коскинена:

— Пит!

Коскинен услышал его только с третьего раза.

— Да, да!

— Пит, взгляни на меня. — Трембицкий внимательно смотрел в глаза Пита. — Слушай, я уже мертвец.

— Нет, нет, — сказал Ганновей. — Отдайте мне генератор, и вы проживете еще долгие годы.

Трембицкий проигнорировал его.

— Слушай внимательно, Пит. Не думай обо мне. Я люблю жизнь, но уже давно не боюсь смерти. Я много повидал смертей за свою жизнь. Жена моя мертва, дети выросли, никто от меня не зависит. Я умру с легким сердцем, если буду знать, что хоть немного помог делу свободы. Жить рабом я не желаю. Ты понимаешь?

Коскинен кивнул. Он чувствовал, что Трембицкий что-то хочет сказать ему.

— Если у тебя появится шанс, не думай обо мне, — продолжал Трембицкий. — Я уже прожил жизнь. Ви еще молода. И ты тоже. К тому же ты единственный, кто может передать миру секрет генератора. Когда-то давно, еще в Европе, я приказал уничтожить город, где в тюрьме находились мои друзья. Они погибли. Но я никогда не чувствовал угрызений совести. Ты тоже не думай обо мне...

Ганновей что-то заподозрил.

— Эй, заткнись, Ян!

— О'кей, — сказал Трембицкий. — Гуд бай.

— Пока еще рано, — сказал Ганновей и подошел к Коскинену. — Пит, ты понимаешь, что все это значит? Скоро она перестанет быть собой. А в конце она даже не будет человеком.

— Значит, тебе уже приходилось делать это? — сказала Вивьена.

Ганновей прикусил губу.

— Начнем с воздействия на нервы, — сказал он. — Это не причинит вреда, если не делать это слишком долго. Как только ты захочешь прекратить это, скажи нам. Но если ты будешь упорствовать... — Он показал рукой на Риколетти, который готовил аппаратуру.

Хилл поставил кресло в открытом пространстве двери в спальню. Риколетти подключил возбудитель нервов. Брорсен и Ланфьер повели Вивьену к креслу, усадили ее и привязали.

— Олл райт, теперь отойдите, — сказал Ганновей.

С Вивьеной остался один Риколетти. Остальные вошли в комнату, где внутри экрана находился Коскинен. Коскинен не видел Трембицкого, который сидел возле стены позади него.

— Ну, Пит? — спросил Ганновей.

— Нет, — ответила за него Вивьена. — Пошли их к черту, Пит.

Риколетти начал подключать электроды к рукам и ногам Вивьены. Однако его похотливые руки были заняты не только электродами, особенно когда он касался ног девушки.

— Пит! — крикнул Трембицкий. — Расширяй поле!

Руки Коскинена действовали помимо его сознания. Они повернули ручку до максимума. Вся запасенная в аккумуляторе энергия рванулась наружу, и только тогда Коскинен понял, что он делает.

Он увидел Ганновея, раздавленного на стене, как насекомое. И остальные члены совета... Нет, один был зажат в угол. Расширяющееся поле вдавило его в стену. Стены трещали, по потолку пошли трещины. Выдавленное стекло полетело на улицу, за ним стол.

Вивьену и Риколетти просто выдавило в спальню. Коскинен выключил поле и бросился к ним. Риколетти, как безумный, шарил под туникой. Наконец он поднял руку с пистолетом. Коскинен в груде обломков увидел нож и схватил его. Выстрел... В дюйме от ноги Коскинена взорвалось облачко пыли. И одним прыжком Коскинен достал Риколетти. Он ударил ножом. Лезвие легко вошло в глотку эталитарианца...

Риколетти опустился на пол, истекая кровью. Коскинен перескочил через него в спальню.

— Ви! Ты не ранена?

— Нет, — выдохнула она. — Разрежь ремни. Нам нужно выбираться отсюда. Сейчас весь дом будет на ногах.

Разрезав ремни, он бросил нож на пол. Вивьена встала. Чувствовалось, что она лучше владеет собой, чем он.

— Идем!

Они пошли. Вивьена на ходу подняла с пола пистолет и положила его в сумку. Открыв дверь, они оказались в холле, где клубилась пыль.

Коскинен не мог посмотреть туда, где сидел Трембицкий. Но он поднял руку в прощальном жесте.

Где-то в коридоре вскрикнула девушка. Вивьена повела

Коскинена в противоположном направлении. Из бокового прохода вышел служитель:

— Что случилось?

— Я думаю, что-то взорвалось, — сказала Вивьена. — Мы идем за помощью.

Рука ее была готова нырнуть в сумку за пистолетом. Однако служитель, не обратив на них внимания, бросился бежать туда, где произошел взрыв. Выйдя из холла, они направились вниз по лестнице, где находилось много возбужденных людей, но на беглецов никто не обратил внимания. Двумя этажами ниже Вивьена снова свернула в коридор. Когда они завернули за угол, где их никто не видел, она остановилась отдышаться.

— Мы свободны, свободны! — как во сне повторял Коскинен. — Мы сбежали!

Она оперлась о стену, закрыв лицо руками.

— Ян не сбежал, — сказала она сквозь слезы.

Коскинен обнял ее за талию. Так они простояли, поддерживая друг друга, несколько минут. Наконец она подняла голову и сказала почти спокойно:

— Нам лучше уйти отсюда, пока они не спохватились и не связали нас с тем, что произошло. И из города тоже надо уходить... Наша квартира находилась на южной стороне. Давай уйдем через северный выход. Сними генератор со спины и неси его в руке, Пит. Так менее заметно.

Они шли нормальным шагом. Вивьена достала гребенку и попыталась придать себе более или менее приличный вид.

— Какой человек погиб! — сказала она со вздохом.

«А какая женщина спасена!» — подумал Пит.

Ему было странно, что он ничего не ощущал по отношению к тем, кого убил. Трембицкого, конечно, было ему жаль, к тому же тот сам освободил Пита от ощущения вины. А что касается остальных — так он не чувствовал ни жалости, ни радости. Их гибель была чем-то таким, что его не касалось, что уже исчезло из памяти, вытесненное более важными эмоциями — необходимостью бегства.

ГЛАВА 17

Уже было утро, когда Вивьена и Коскинен очутились на улице. В западной части неба еще сверкали звезды, а в восточной стороне уже разливалось сияние. Перед ними лежала пустынная улица. Где-то вдали промелькнуло наземное такси. Воздух был неправдоподобно свежим и холодным.

— Полагаю, что мы идем в убежище Зиггера? — спросил Коскинен.

— А куда нам еще идти?

— И оттуда мы попытаемся связаться с Абрамсом?

— Можем попытаться, но черт меня побери, если его телефон не прослушивается. И ты знаешь, — продолжала она, — есть одна верная мысль в рассуждениях эталитарианцев. Мне разъяснил ее Трембицкий. Передать генератор Протекторату и надеяться на улучшение условий жизни, это все равно что давать аспирин наркоману и думать, что он излечился.

— Кому же еще можно передать генератор?

— Не знаю, не знаю... Вот такси!

Водитель распахнул двери, и они уселись.

— Сиракузы, — сказала Вивьена. — Точный адрес я дам, когда мы будем на месте.

Это была только первая из их остановок. Они пересаживались с машины на машину, постоянно меняя направление. Коскинен уже видел восход солнца.

Водитель нажал на кнопку, и панель, отделяющая кабину от пассажиров салона, стала закрываться.

— Нет, — сказала Вивьена, — пусть будет открыта.

Водитель удивился, но повиновался.

— Я... я люблю смотреть вперед, — капризно сказала Вивьена.

Она наклонилась вперед, чтобы сказать место назначения. Коскинен внезапно вспомнил. Он обхватил руками талию Вивьены и отстегнул кошелек со взрывным устройством.

— Какого черта? — воскликнула она и попыталась отобрать его у Пита, но он крепко держал девушку.

Он сунул детонатор в карман и застегнул молнию. После этого он отпустил Вивьену. Она отпрянула от него, наполовину рассерженная, наполовину испуганная.

— Что с тобой, Пит?

— Прости, Ви. Не думай ничего такого. Но ситуация теперь изменилась. Теперь я хочу сам принимать решения.

— Ты мог бы попросить его у меня.

— Да, но ты могла сказать «нет». Ведь ты уже отказалась использовать его? Я благодарен тебе за это, но я был слишком пассивен. Пора мне стать хозяином самому себе.

Она глубоко вздохнула. Мышцы ее постепенно расслабились. Она улыбнулась. Медленно, тепло.

— Ты быстро становишься мужчиной, — сказала она.

Он вспыхнул. Затем он с беспокойством заметил, что водитель смотрит на них через зеркальце.

— Почему ты не позволила опустить панель? — спросил он Вивьену.

Экран вызова сказал Коскинену почему. На нем вспыхнула надпись: «ВНИМАНИЕ ВСЕМ МАШИНАМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ МАШИНАМ! СООБЩЕНИЕ БЮРО СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ. Два преступника, два иностранных агента разыскиваются для немедленного ареста. Они могут передвигаться и...»

Пистолет Вивьены уже был направлен в голову водителя.

— Не двигайся, парень! — приказала она. — И руки подальше от передатчика!

«...очень опасны», — закончил голос. И на экране Коскинен увидел себя, свое лицо, вероятно, записанное, когда он звонил в Службу Безопасности. А вот и фотография Вивьены. Интересно, откуда она у них?

«...если вы увидите этих людей, то ваш долг...»

— Мне сразу показались ваши лица знакомыми, — пробормотал водитель. — Что вы сделаете со мной? Чего вы хотите?

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, если ты поможешь нам, — сказала Вивьена.

— Пожалуйста... у меня жена, дети...

Коскинен выглянул из окна. Они уже вылетели из центра города и теперь внизу были видны крыши маленьких домов.

— Вам не скрыться на каре, — сказал водитель. — Ни на каком каре. Если они считают, что вы где-нибудь в машине, то Служба Контроля перекроет все пути.

— Вряд ли, — сказал Коскинен. — Почему же они до сих пор не сделали этого?

Вивьена бросила на него косой взгляд.

— Значит, они еще не перебрали другие нити. Рано или поздно, но они возьмутся за тотальную проверку каров. Как только они узнают о том, что произошло в Зодиаке, а они узнают быстро, они мгновенно сложат два и два. И тогда самое логичное с их стороны — это перекрыть пути бегства на каре. Водитель прав. Нам нужно выбираться отсюда, пока не поздно.

— Но... как?..

— Не знаю, не знаю. Подожди. Да. Спускайся здесь!

Они скользнули вниз, и колеса коснулись асфальта улицы. Вокруг стояли дома с острыми крышами и узкими окнами. В этот час город еще спал. Вивьена предложила связать водителя и заткнуть ему рот кляпом.

— Я поменяюсь с ним одеждой, — сказал Коскинен. — Ведь теперь, после Зодиака, известно, как я одет.

— Браво, ты становишься настоящим преступником!

Он быстро переоделся, затем нашел в машине кусок провода, связал водителя и оставил его в салоне для пассажиров.

— Кто-нибудь наверняка скоро освободит тебя, — заверил он водителя. — Прости, но тебе придется подождать несколько часов.

— О, — прошептала Вивьена. — Кто-то идет.

Коскинен вышел и запер двери. Огромный человек в комбинезоне механика шел по улице. Он приблизился к такси и сказал:

— Поломка, приятель? Может, я могу помочь?

— Благодарю, — ответил Коскинен, — но компания запрещает пользоваться услугами чужих механиков. Необходимо анализировать каждый случай поломок. Где здесь ближайшее метро? Мне нужно отправить даму.

Механик подозрительно посмотрел на него.

— Здесь нет поблизости метро.

— О, — рассмеялся Коскинен. — Я недавно из Лос-Анджелеса. Никак не привыкну. А станция монорельсовой дороги?

— Я сам туда иду.

Коскинен по пути подробно отвечал на вопросы о жизни на Западном побережье, хотя никогда сам там не бывал. Во всяком случае, это отвлекло механика от вопросов о генераторе, который, как он мог предположить, принадлежал леди. Сам механик сообщил, что зарабатывает мало и не имеет возможности путешествовать. Благодарение Богу, что есть хоть такая работа...

Он еще долго распространялся о том, как трудно жить.

«Плохо, — подумал Коскинен, — а ведь американцы были когда-то свободными людьми».

К счастью, возле станции не было такси. Если, конечно, это нищее предместье обслуживается ими. Коскинен вошел в телефонную будку и сделал вид, что звонит для Вивьены. Механик вошел в вагон поезда, который только что подошел. Вивьена тут же бегом потащила Коскинена в другой вагон, подальше.

— Не нужно, чтобы наш друг видел нас долго, — задыхаясь сказала она. — Прямо чудо, что он не узнал нас по объявлениям. Но когда он в следующий раз увидит объявление, он обязательно вспомнит о нас.

Коскинен кивнул. Они сели. В вагоне было всего несколько сонных, плохо одетых пассажиров. Вряд ли когда-нибудь этот вагон набивается полностью. Людям, не имеющим работы, ездить некуда.

«Да, — подумал он, — этим людям остается только три пути — преступность, самоубийство или нудная бессмысленная работа. А когда вся индустрия будет полностью автоматизирована и производство пищевых продуктов будет вынесено на внеземные орбиты? Совершенно ясно, что в существующих условиях нация свободных независимых людей потребует коренной перестройки общества, и для того чтобы противостоять этому, любое правительство будет вынуждено закабалять людей налогами, делать их зависимыми от себя. Да, я отчетливо вижу, что общество в том виде, как оно есть, в корне несправедливо...»

И тут он вспомнил свои проблемы.

— Как же мы доберемся до цели? — спросил он Вивьену. — Служба Контроля остановит любой кар, который мы наймем или украдем.

— Да. За исключением...

Она посмотрела в окно. Предместье уступило место открытому полю, освещенному первыми лучами солнца.

— У меня идея, — сказала она. — Комиссия по Мировой Войне построила много копий машин, действовавших на войне. И по соответствующим датам люди разыгрывают битвы, сражения. Этот спектакль передается по ТВ, а кроме того, скучающие люди получают

возможность поиграть с самолетами, пушками, танками — точными копиями тех, что участовали в войне. Здесь есть аэродром с самолетами. Они без автопилотов, так что могут летать свободно. И никаких помех движению, так как они летают медленно, и радары Службы Управления регулируют движение. Самое главное для нас, что полиция не может посадить их, так как у них нет автопилотов. А кроме того, на такой самолет никто не обратит внимания. Он может лететь куда угодно, так как для него нет определенных маршрутов и полетных ограничений.

— О, Боже! — Коскинен с трудом закрыл рот.

— Мы с Зиггером были здесь в прошлом году, так что я знакома с порядками. Если украсть самолет отсюда, то его не хватятся долгое время. Конечно, это некрасиво. Что ты скажешь?

Он понял, что Вивьена окончательно передала ему роль главного в их тандеме. Это была тяжелая ноша. Он глотнул комок в горле и сказал:

— О'кей. Мы попытаемся.

ГЛАВА 18

Самолеты находились в трех милях от станции. Коскинен и Вивьена пошли туда, купив в супермаркете кое-что для завтрака, моток веревки и таблетки против сна. Большую часть пути им пришлось идти по деревенской улице, застроенной грязными, бедными домами. То и дело мимо них проезжали трактора, грузовые машины... Пешеходов было мало, в основном женщины, и на путников никто не обращал внимания. Кто-то показал им дорогу к ангарам и даже не спросил, зачем. Видимо, эти люди жили такой тусклой безразличной жизнью, что даже не читали бюллетени Маркуса, и это было на руку беглецам. Никто не смотрел на них, никто не старался запомнить их внешность.

Улица привела их к полю. Серебрилась трава, где-то пела птица, пахло сырой землей.

— Здесь хорошо, — сказал Коскинен.

Вивьена с любопытством посмотрела на него.

— А я чисто городской житель. Мне не кажется здесь красиво.

Посреди поля находилось пространство, ограниченное электрифицированным забором. За забором виднелись ангары и взлетная полоса. Радарные установки аэродрома предупредят деревенскую полицию, если сюда сядет какой-либо чужой самолет. Так что часовой здесь был не нужен.

За забором тихо, никакой активности. Коскинен осмотрелся. Домов близко не было, так что его вряд ли видит кто-нибудь.

Он сделал на веревке петлю и после нескольких попыток забросил петлю на столб.

— О'кей, Ви, — сказал Пит и помог ей включить генератор.

Затем он пропустил вторую веревку сквозь петлю, жестом показал Вивьене, чтобы она прижалась к металлической решетке, к которой было подключено напряжение, а затем, используя барьер как изоляцию между собой и забором, начал поднимать их обоих. Ему стало не по себе, когда он подумал, что произойдет, если он притронется к сетке. Может, он и не умрет от удара электрическим током, но наверняка поднимется тревога, и их схватят.

Еще немного, и они благополучно спустились по ту сторону забора. Коскинен спрыгнул на землю так близко от забора, что у него остановилось сердце. Но все обошлось.

Вскоре они уже шли к ангарам. Вивьена могла сбить замок выстрелом из пистолета, но этого не потребовалось. Двери открылись сами, когда они подошли. Внутри было полутемно. Увидев самолеты, Коскинен открыл рот. Ему показалось, что он попал в далекое прошлое, еще более древнее, чем башни Марса.

«Видишь, — сказал он себе, — вот твое прошлое. Твой прадед мог летать на таком чудовище. И это моя планета. — Гнев снова вернулся к нему. — Во что они превратили ее?»

Но он подавил свои эмоции, взял кое-какие инструменты из ящика и пошел к самолетам. Через час он выбрал самолет. Это был бомбардировщик «Хэвиленд». Огромная машина с двумя крыльями, менее элегантная, чем «Фоккерн» и «Опады», но в ней чувствовалась какая-то мужественная красота. Это и пленило его. Пользуясь приобретенным на Марсе опытом работы со сложными механизмами, он разобрался, как управляют самолетом. Они выкатили его на взлетную дорожку, заправили из насоса и отвернули в сторону от радаров.

— Садись на заднее сиденье за дополнительный пульт, — сказал Пит Вивьене. — Я крутну пропеллер.

Она внезапно посмотрела на него очень внимательно.

— Мы можем потерпеть крушение, или нас могут сбить. Ты знаешь это?

— Да. — Он пожал плечами. — Это ясно.

— Я... — Она сжала его руку. — Я хочу тебе кое-что сказать — у меня может не быть другой возможности.

Он посмотрел в ее карие глаза и ждал.

— Этот детонатор — фикция.

— Что?!

— Вернее, детонатор работает, но бомбы нет.

Смех застрял у нее в горле.

— Помнишь, Зиггер приказал мне приготовить устройство? Но я не смогла. В капсуле вместо взрывчатки порошок талька.

— Что?! — снова прошептал он.

— Я не сказала об этом в доме Абрамса. Они бы поставили настоящую бомбу. Я не смогла бы взорвать ее, но другой бы смог. Я хотела, чтобы ты знал об этом, Пит.

Она пыталась убрать свои руки, но он стиснул их и не отпускал.

— Это правда, Ви?

— Да. Почему ты сомневаешься?

— Я не сомневаюсь.

Он собрал все свое мужество, достал детонатор и нажал на кнопку. Она смотрела на него сквозь слезы.

Коскинен секунду смотрел на детонатор и швырнул его в траву. Затем он крепко обнял ее, поцеловал, приподнял и посадил в заднюю кабину, где она пристроилась между пулеметом и рычагами управления. Коскинен изо всех сил крутанул деревянный пропеллер.

Мотор закашлял, задымил и затарахтел. Коскинен вскочил на деревянное крыло и уселся в кабине пилота. Он долго сидел, прислушиваясь к работе мотора, отмечал все стуки, нежелательные вибрации. Вроде бы ничего. Двинул рычаг, и самолет побежал по дорожке, набирая скорость. Наконец он подпрыгнул и повис в воздухе. Ощущение было новым для Коскинена.

Вивьена ткнула пальцем в карту, куда им следовало лететь. Коскинен понял, что на такой черепашьей скорости он может спокойно ориентироваться по местности. Его нервы и мускулы, натренированные Элькором, быстро приспособились к управлению самолетом.

Самолет рычал, содрогался, откуда-то тянуло дымом. Странная штука. И как только она летает? И все же Питу было приятно лететь на нем. Казалось, он парит в воздухе. Ветер обдувал лобовое стекло и со свистом хлестал его по лицу. «Смешно, — подумал Коскинен, — что ему приходится возлагать столько надежд на столь примитивное устройство». Затем он вспомнил девушку, которая не могла заставить себя убить его. Он чувствовал себя так, как будто умылся свежей родниковой водой, отмылся от грязи нынешнего мира. И внизу было зелено, красиво. Они летели над богатым районом: большие новые дома, отделенные друг от друга обширными парковыми массивами. Между холмами извивался Гудзон, и в нем отражалась голубизна небес, зелень травы, белизна облаков. Вот в таком мире следует искать ответа на его вопрос!

И он с надеждой смотрел вперед.

ГЛАВА 19

После двух дней напряженного труда приятно остановиться и очутиться один на один с природой. Убежище Зиггера находилось над рекой, которая пылала расплавленным золотом в лучах заходящего солнца. Противоположный берег реки зарос лесом. А на этой стороне по пологому склону спускались к воде небольшие полянки и розовые кусты. Над головой Коскинена шумели дубовые листья, ветви яблонь гнулись под тяжестью плодов. Миллионы запахов околдовывали его.

Но такое состояние не могло длиться бесконечно. Когда приятная

усталость покинула его тело, мозг Пита снова начал работу, и вся радость исчезла.

«Почему? — спросил он себя. — Работа сделана, убежище найдено. Мы скрылись из мира».

Что произойдет дальше и через сколько времени, зависело от того, как быстро враги выследят его. Многие видели приземлившийся здесь самолет. Никто в деревне не подозревает, что они с Вивьеной незаконно вселились в дом, принадлежащий мистеру Ван Вельту. Вивьена представилась местным властям под этим именем. Вряд ли в ней можно было узнать женщину, за которой охотится полиция. С помощью грима она весьма искусно изменила свою внешность.

Но сплетни, конечно, были. Почему она была здесь одна, без мистера Ван Вельта и без слуг? Почему сразу по прибытии она потребовала прислать ей бульдозер и работала на нем сама? Все эти слухи могли дойти до властей и возбудить их подозрения.

И с другой стороны нити могли найтись ключи, указывающие на их нынешнее местонахождение. В Кратере могли взять пленных, и кто-нибудь мог знать о существовании этого убежища. Враг был хитер и всемогущ.

Сомнения терзали Коскинена. Может, все это зря, ни к чему? Нет. Раньше или позже нужно сделать выбор и твердо стоять на своем.

Коскинен глубоко вдохнул земной воздух.

Из дома вышла Вивьена.

— Эй! Я уже охрипла, и пальцы мои болят от нажимания кнопки. Я обзвонила множество людей, пока ты строишь эту крепость.

— Пожалуй, теперь мы можем отдохнуть.

— Чудесно. Я приготовлю праздничный ужин.

— Из концентратов?

— Нет, нет. Я буду делать ужин по-старомодному: при помощи головы и рук. Я неплохая кухарка. — Наигранная веселость покинула ее, и она подошла к Коскинену: — У нас мало шансов.

— Может быть, — признался он. — Несколько дней, не больше.

Она обняла его за талию и положила голову на его плечо.

— Мне бы хотелось сделать для тебя больше, Пит, чем просто приготовить еду.

— Почему? — Лицо его вспыхнуло. Он пристально смотрел на другой берег реки.

— Я тебе стольким обязана.

— Нет, нет. Ты спасла меня... много раз. Но ничто не может сравниться со случаем с бомбой... — Он коснулся цепи на шее. — Мне даже не хочется снимать ее.

— Неужели это для тебя так важно, Пит?

— Да. Потому что... потому что ты стала близкой для меня... Я никогда не смогу забыть этого.

— Я знаю, — прошептала она. — Ты тоже близок мне.

Она быстро отстранилась от него и побежала в дом. Он удивился, хотел пойти за нею, но сдержался. Ситуация была слишком

деликатна. Они были только вдвоем, и он не хотел испортить спешкой те отношения, что сложились между ними.

Однако его беспокойство не утихало. Нужно что-то делать. Может, сделать еще несколько звонков, пока она возится с едой? Чем больше, тем лучше. Он вошел в гостиную и сразу направился к видеофону.

Из раскрытого блокнота он узнал, что Вивьена звонила в разные города Индии. Америку и Европу они уже обзвонили. Коскинен вызвал в памяти карту мира. Куда звонить теперь? Они хотели распространить информацию о генераторе по всему свету.

Китай? Нет, не стоит. Средний китаец ничем не отличается от среднего американца или европейца. Но правительство Китая... Нет, пускай китайцы добывают информацию в другом месте. Коскинен нажал кнопку.

— Токио, — сказал он.

На экране вспыхнул телефонный справочник. Коскинен переключал страницы до тех пор, пока не добрался до той, где были перечислены телефоны инженеров технических компаний. Несколько номеров он выписал наугад и очистил экран, затем набрал один из номеров, добавил РХ, что означало автоматическую запись разговора у абонента. Удивленное, плоское восточное лицо смотрело на него с экрана.

— Я Питер Коскинен, — сказал он. — Служба новостей подтвердит, что я недавно прибыл с Марса, где был в экспедиции. С собой я привез устройство, обеспечивающее неуязвимость человеку. Мне грозит опасность, поэтому я сообщаю всему миру физические принципы, конструкцию и рабочие инструкции для этого прибора.

Японец что-то сказал, что, видимо, означало, что он не понимает по-английски и этот звонок недоразумение. Коскинен открыл первую страницу своих записей, затем следующую, следующую... Подготовить эти записи было несложно, так как они хорошо помнили все, о чем говорили в Кратере. Некоторые люди отключались, считая, что имеют дело с сумасшедшим, но этот человек смотрел со все возрастающим интересом. Коскинен понял, что японец возьмет ленту с записью и наверняка переведет объяснения с английского на японский. Если хотя бы часть тех, кому они с Вивьеной звонили, заинтересуются записями, значит, мир узнает о приборе.

Коскинен закончил, попрощался и стал набирать следующий номер. Крик Вивьены прервал его занятие.

Он поспешил на террасу. Она была там, вытянутая как стрела, и показывала на небо. Четыре длинных черных автокара спускались на землю. Пит увидел эмблемы Службы Безопасности.

— Я заметила их из окна кухни, — дрожащим голосом сказала девушка. — Неужели так быстро?

— Должно быть, мы оставили больше следов, чем я надеялся.

— Но... — Она сжала его руку холодными пальцами, стараясь не кричать.

— Идем!

Они вернулись в гостиную, забрали генератор и поспешили в задний дворик. Двор был вымощен плоскими каменными плитами и окружен кустами. Здесь, под плитами, Коскинен еще раньше устроил кладовую для еды, контейнеров с водой, постельных принадлежностей. Здесь же была и винтовка из кабинета Зиггера, а также переговорное устройство. Коскинен включил генератор. Он настроил поле так, чтобы барьер охватывал пространство в двадцать футов диаметром. Наступила тишина.

— О'кей. Теперь мы в безопасности, Вивьена.

Она обхватила его руками, зарылась лицом в его грудь и всхлипнула.

— Что случилось? — Он взял ее пальцами за подбородок и поднял ее лицо. — Разве ты не рада, что нам придется бороться?

— Если... если... — Она не могла сдержать слез. — Я так надеялась, что мы некоторое время побудем с тобой. Вдвоем...

— Да, это было бы хорошо.

Вивьена выпрямилась.

— Прости. Не обращай внимания.

Он наклонился и нежно поцеловал ее в губы. Они не заметили агентов, окружавших дом. Они были в гражданской одежде, но вооружены. Приблизились цепи солдат. И только когда снижающийся кар заслонил солнце, Коскинен вспомнил о врагах.

Он с удовлетворением смотрел, как агенты пытались прорваться сквозь защитный барьер. Вивьена сидела на каменной плите и курила с безразличным видом. Две дюжины молодых людей с оружием в руках окружили патио.

Коскинен встал, подошел к невидимой стене и показал передатчик. Человек кивнул и что-то сказал. Коскинен не удивился, когда из дома вышел сам Хью Маркус с передатчиком в руках.

Они стояли друг перед другом на расстоянии в один ярд, а между ними была непроницаемая стена, толщиной в несколько дюймов. Маркус улыбнулся.

— Хэлло, Пит! — сказал он дружелюбно.

— Для вас я Коскинен, мистер Коскинен.

— Ты совсем как ребенок, — сказал Маркус. — После такого фантастического бегства я могу только предполагать, что ты немного тронулся. — И затем более мягким тоном: — Выходи, мы вылечим тебя. Для твоей же пользы.

— Излечите от памяти? Или от жизни?

— Не надо пафоса.

— Где Дэйв Абрамс?

— Он...

— Приведите сюда моих товарищей, — сказал Коскинен. — Они же у вас. Поставьте их перед барьером, я возьму их под барьер. Если они подтвердят, что вы их держите в тюрьме для их защиты, я выйду

и попрошу у вас прощения. Если же нет, я буду оставаться здесь, пока солнце не замерзнет.

Маркус покраснел.

— Ты знаешь, что делаешь? Ты выступаешь против правительства США.

— О? Как? Возможно, я виновен в том, что сопротивлялся аресту, но никаких преступлений против Конституции я не совершал. Пусть решит суд. Мой адвокат докажет, что арест был незаконен. Я не сделал ничего, чтобы меня арестовывали.

— Что? А сокрытие собственности правительства?

Коскинен покачал головой.

— Я готов передать прибор властям в любое время. Но только тем, кто сделает прибор собственностью народа.

Маркус поднял палец.

— Да! Измена! Ты скрываешь прибор, представляющий угрозу для безопасности государства.

— Что, конгресс издал закон, ограничивающий использование потенциального барьера? Или есть указ президента? Нет, те бумаги, что я подписывал, ни слова не говорят о сохранении тайны. Напротив. Мы собирались опубликовать наши работы.

Маркус долго стоял молча, затем откинул голову и сказал:

— У меня нет времени беседовать с дилетантом-адвокатом. Ты арестован. Если будешь продолжать сопротивление, мы сожжем тебя.

— Ясно, — сказал Коскинен и пошел к Вивьене. За барьером забегали люди и вскоре притащили три лазерные установки.

— Значит, они знают, — сказала Вивьена, но ни нотки страха не было в ее голосе.

— Я в этом не сомневался. Они не дураки.

Коскинен с Вивьеной спустились в подготовленное убежище. Они устроились довольно удобно.

Солнечный луч проникал сквозь отверстия, трогал ее блестящие волосы. Сердце его отчаянно билось, когда он смотрел на девушку. Лазеры открыли огонь, и Коскинен сжал ее руку. Но эти лучи, способные расплавить броню, ничего не могли поделать с толстыми бетонными плитами.

Немного погодя раздался голос Маркуса:

— Выходи, поговорим.

— Если тебе это доставит удовольствие, — сказал Коскинен. — Но только уберите эти идиотские лазерные пушки.

— Олл райт! — свирепо сказал Маркус.

— Девушка останется здесь, — предупредил Коскинен. — Вдруг ты решишь обмануть меня. А она такая же упрямая, как и я.

И Коскинен вылез из убежища.

Шеф Службы Безопасности был в замешательстве. Он провел рукой по седым волосам.

— Во что ты играешь, Коскинен? Чего ты добиваешься?

— Сначала освобождения моих друзей.

— Но им грозит опасность!

— Не лги. Если есть опасность, то достаточно полицейского охранения. Так как ты все еще держишь их у себя, то я могу предположить, что ты с ними уже успел сделать. А второе, чего я хочу, — чтобы вся информация о генераторе была опубликована. Тогда никому не будет угрожать опасность, и можно не держать их в тюрьме.

— Что?

Маркус был таким взбешенным, что агенты придвинулись к нему. Он жестом руки отослал их прочь и посмотрел на Коскинена. Золотой свет обливал обоих противников, играл в желтых листьях.

— Ты сошел с ума, — сказал Маркус. — Ты сам не знаешь, что говоришь.

— Так объясни мне.

— Ведь каждый преступник будет недосягаем для полиции.

— Но и каждый честный человек станет недосягаем для преступника. Если разработать этот прибор в виде карманного варианта, то будет покончено с преступлениями против личности. Конечно, тогда труднее покончить с преступниками, но общество в целом выиграет больше.

— Может быть. Но произойдет еще кое-что. — Маркус выдвинул вперед челюсть. — Протекторат. Ты хочешь, чтобы снова произошла атомная война?

— Протекторат больше не нужен.

— Этот экран может выстоять против атомной бомбы?

— Пожалуй, нет. Во всяком случае, не против прямого попадания. Но более мощный генератор выдержит. Каждый город будет оснащен генератором, который включится при обнаружении ракеты в полете. Правда, останется опасность взрыва бомбы изнутри, но с нею проще бороться.

— В мире миллиарды китайцев, Коскинен. Ты можешь оценить эту цифру? Мы еще живем на Земле только потому, что можем уничтожить их быстрее, чем они нас. Если наше оружие будет такое же, как у них, или слабее...

— О, тогда достаточно включить свой защитный барьер. И орды, идущие через Берингов пролив, будут тебе не страшны, если ты боишься их. Их легко остановить — и без единого выстрела. Потенциальный барьер от генератора, установленного на дне моря...

Лицо Маркуса изменилось. Может, он кое-что понял? Надежда вспыхнула в душе Коскинена.

— Послушай, — продолжал он. — Ты упустил самое главное. Война не только станет бессмысленной — ее будет невозможно начать. Чтобы организовать войну, нужно твердое правительство и послушное население. А когда будет защитный барьер, граждане страны почувствуют себя в безопасности, и ни одно правительство, не удовлетворяющее их, не удержится у власти. Возьми, к примеру, нынешнего диктатора Китая Ванга. Буквально через месяц после

появления барьера в Китае Ванг будет вынужден скрыться под защитой собственного барьера, а китайцы подождут, когда он умрет от голода.

Маркус наклонился вперед.

— Ты понимаешь, что то же самое может случиться и у нас?

— Разумеется.

— Значит, ты стремишься к анархии?

— Нет. К свободе. Ограниченное в правах правительство и независимость индивидуума. Я хочу, чтобы каждый гражданин имел возможность сказать «нет», если он того желает, и чтобы он не боялся последствий. Разве это не идеал, к которому стремится Америка? Конечно, мир придется немного переделать, но это маленькая цена за возвращение к принципу Джефферсона: «Дерево свободы...»

— «Дерево свободы нужно время от времени орошать кровью патриотов и тиранов!»

— Ты помнишь? Лично я считаю, что для орошения достаточно только крови тиранов.

Коскинен понизил голос.

— Я понимаю, что очень трудно признать свою работу бессмысленной. Работу, в которую ты веришь. Но при переходе мира в новое качество работы хватит всем. Весь мир снова начнет жить, а не прозябать.

Директор стоял неподвижно. Ветер шевелил его волосы. Коскинену очень хотелось, чтобы ветер Земли коснулся и его лица. Солнце опустилось ниже.

Маркус поднял глаза и вздохнул.

— Ну, хватит, дело зашло слишком далеко. Если ты не хочешь сдаться, тем хуже для тебя.

Коскинен хотел ответить, но не мог. Сожаление и гнев владели им. Он вернулся к Вивьене.

Вивьена включила лампу в бункере, где уже стало темно, затем встала на колени перед контейнером, где находились припасы. Он покачал головой и сел. Слабость навалилась на него.

— Поешь, — настаивала Вивьена. — Конечно, это не тот ужин, что я обещала тебе...

Он вздохнул.

— Как бы мне хотелось почувствовать капли дождя.

Она резко выпрямилась.

— Ты уже не надеешься увидеть дождь?

— О, надежда у меня есть. Надежда — это все, что у нас осталось.

Он откинулся назад и посмотрел на свои руки.

Вивьена закончила работу и ласково погладила Коскинена.

— Полежи немного, — сказала она.

Он не стал спорить и покорно положил голову ей на колени.

Сон обрушился на него, как удар.

ГЛАВА 20

Она разбудила его. Пит с трудом открыл глаза.

— О... может, ты тоже хочешь отдохнуть? — Он потер глаза. — Черт побери, я должен был позволить тебе поспать первой.

— Дело не в этом, — ответила Вивьена. Лицо ее было встревожено. — Они притащили какую-то машину.

Коскинен осторожно высунул голову из бункера. Яркие лампы отогнали ночь куда-то далеко. Два громадных крана, как два динозавра, возвышались над барьером. Вокруг суетились рабочие.

Коскинен посмотрел на часы.

— Четверть пятого, — сказал он. — Дать им возможность поковырять еще немного?

— Но что они собираются делать?

— Понятия не имею. Все, что у нас здесь есть, довольно много весит. Может, они хотят перенести нас куда-нибудь в более удобное для них место?

— Но, Пит... — Вивьена прильнула к нему. Он обнял ее за талию. Немного погодя он ощутил, как страх покидает ее. — Ты совсем не боишься? — спросила она.

— Видит Бог, нет, — засмеялся он.

Стрелы кранов стали опускаться. Невидимая оболочка была окутана цепями. И вот рабочий махнул рукой, и стрелы начали подниматься вверх.

— О'кей, — сказал Коскинен. — Пора.

Он нагнулся над генератором и покрутил ручку.

Поле расширилось. Цепи полопались и с грохотом упали на землю. Краны качнулись. Коскинен вернул ручку в прежнее положение.

— Я мог бы опрокинуть эти чудовища, — сказал он, — но не хочу причинить вреда рабочим.

— О, — дрожащим голосом сказала Вивьена, — ты великолепен!

Смятение вне барьера углеглось. Рабочие отошли в сторону, и на освещенное место вышел Маркус. Один.

— Коскинен! — раздался его голос, когда Пит включил переговорное устройство.

— Да?

Коскинен остался на месте. Он не хотел снова предстать перед Маркусом.

— Великолепная штука. Ты все еще хочешь сопротивляться?

— Да.

Маркус вздохнул.

— Ты не оставляешь мне выбора.

У Коскинена сжалось горло. Он прислушался к своему сердцу.

— Мне не хочется делать этого, — сказал Маркус. — Но если ты не выйдешь, я сброшу атомную бомбу.

Коскинен услышал возглас Вивьены. Ногти его впились в ладони.

— Ты не можешь! — крикнул он. — Не можешь без приказа президента! Я знаю закон.

— А может, у меня есть приказ.

Коскинен провел языком по пересохшим губам.

— Если у тебя есть согласие президента, то можно сделать проще: пригласите сюда президента, и пусть он подтвердит свое согласие. Тогда я выйду отсюда.

— Ты выйдешь отсюда тогда, когда тебе приказано, Коскинен. Сейчас.

— Другими словами — у тебя нет разрешения президента, и ты знаешь, что не получишь его. Так кто из нас нарушает закон?

— Служба Безопасности имеет право использовать ядерное оружие, имеющееся в ее арсенале, по собственной инициативе в случае экстренной необходимости.

— Какая необходимость убивать нас? Мы просто сидим и никому не мешаем.

Маркус посмотрел на часы.

— Четверть шестого. У тебя два часа на размышления. — И он твердым шагом направился прочь.

— Пит! — Вивьена прижалась к Коскинену. Он почувствовал, что девушка дрожит. — Он блефует, правда? Он же не может, это невозможно!

— Боюсь, что может.

— Но как он это объяснит потом?

— Придумает что-нибудь. От нас почти ничего не останется, а его люди, видимо, очень преданы ему. Все диктаторы в истории всегда подбирали таких людей. Так что они поддержат все, что он скажет, и ему это сойдет с рук.

— Но он же потеряет и генератор!

— Это лучше, чем потерять положение. И шанс на более высокий пост. Кроме того, он полагает, что его ученые сумеют раскрыть секрет генератора.

— Но ведь секрета уже нет! Мы позаботились об этом. Почему ты не скажешь это ему?

— Боюсь, что тогда он сбросит бомбу сразу. Ведь мы с работающим генератором потенциального барьера — прямое доказательство того, что он лжец и давно изжил себя. Ты же понимаешь, что новый экран не сделают сегодня к вечеру. Первые образцы изготовят минимум через месяц. И если Маркус будет действовать быстро, он и его агенты смогут выследить тех людей, с которыми мы вошли в контакт, и обвинить их в заговоре против Протектората. И правительство поверит ему, поддержит его, так как доказательств противоположного нет.

— Ясно, — сказала она. И почему-то отключила свет. Мягкий свет, проникающий с улицы, коснулся ее световыми пятнами, обнял мягкими тенями. — Значит, нам остается только ждать.

— Может быть, твой бразильский друг, которому ты сообщила все, успеет что-либо предпринять?

— Может быть. Однако ему придется иметь дело с бюрократической машиной администрации, а он числится в списке подозрительных, так как был знаком с Джанисом. Но он журналист. Он должен знать больше уловок, чем остальные люди.

— А как насчет того сенатора, с которым ты говорила?

— Хохенридер? Да, я все рассказала ему. Но я говорила, разумеется, не с ним, а с секретарем, который слушал меня весьма скептически. Ведь в офис Хохенридера наверняка звонят многие по разным пустякам.

— И тем не менее есть возможность, что твой бразильский журналист расскажет обо всем президенту, и сенатор Хохенридер... и еще кто-нибудь, кто получил наши данные и смог понять, что происходит и почему мы прибегли к такому необычному способу распространения информации. Так что помощь может прийти в любую минуту.

— Не надо меня успокаивать, дорогой. Я прекрасно понимаю, что до 7.15 никто не успеет. Возможно, к полудню Маркус уже будет в тюрьме, но мы этого уже не узнаем.

— Может быть, — неохотно признал он. — Но все же здесь лучше, чем в Зодиаке. Смерть будет мгновенной. Никаких мучений.

— Знаю. Это самое худшее. Жизнь в одно мгновение снова превратится в мертвую материю.

— Может, ты хочешь выйти? Я могу отключить барьер на полсекунды.

— О Боже, нет! — Ее негодование вдохнуло жизнь в них обоих. Она неуверенно рассмеялась и достала сигарету.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— И я тоже люблю тебя. Может быть, нам...

— Нет, нет! Во всяком случае, не сейчас, когда я знаю, что ты умрешь через сто минут. Я не могу забыть об этом. Я лучше буду просто говорить с тобой, смотреть на тебя.

— В конце концов, может, для нас наступит другое время. Вот тогда я...

Пит не понимал, почему боль исказила ее лицо. Однако Вивьена улыбнулась и прижалась к нему. Они держались за руки. Впоследствии он вспоминал, что говорил только он, говорил о том, что ждет их в будущем.

Первые лучи солнца скользнули по небу. Они вышли из бункера, не обращая внимания на лазерные пушки, на охранников, стоящих вокруг, на отвратительный черный цилиндр, который лежал на тележке возле барьера.

— Солнце, — сказал Коскинен. — Деревья, цветы, река, ты... Я рад, что вернулся на Землю.

Вивьена не ответила. Коскинен не мог удержаться и взглянул на часы. 6.47.

Внезапно раздалась очередь, и пули выбили штукатурку из стены дома. Коскинен подпрыгнул. Аэрокар Службы Безопасности, висевший над ними, полетел прочь. Сверкающая игла неслась за ним. Раздался взрыв. Аэрокар рухнул вниз. Коскинен не видел падения, но из-за деревьев поднялись клубы дыма.

Появился длинный узкий кар.

— Это армейский кар! — крикнул Коскинен. — Ты видишь эмблему?

Человек в солдатской форме бежал через кусты. Один из агентов упал на колено, прицелился и выстрелил. Но солдат успел упасть вовремя. Тут же его рука описала дугу. Коскинен увидел в воздухе гранату. Он инстинктивно закрыл собой Вивьену. Однако даже звук разрыва не проник через барьер. «Но все же, — подумал Коскинен, — я не дал ей увидеть смерть агента». Остальные агенты исчезли из виду.

Нет, один человек пробирался сквозь кусты. Маркус! С лица его исчезло все человеческое. Он подбежал к бомбе и начал что-то крутить возле ее головки. Из кустов выскочил солдат и выстрелил. Маркус упал на землю. Солдат подошел, перевернул его на спину, покачал головой и осмотрелся вокруг. Мертвые глаза Маркуса смотрели в небо на восходящее солнце.

Сражения Коскинен не видел. Он крепко прижимал к себе Вивьену и не понимал, почему она плачет. Вскоре солдаты сгрудились вокруг барьера. Коскинен не мог прочесть на их лицах ничего, кроме изумления.

Пожилой человек в сопровождении нескольких офицеров и гражданских вышел из дома и направился к патио. Четыре звезды горели на его погонах.

— Коскинен? — сказал он, остановившись и глядя на двоих людей внутри барьера.

— Да, — сказал Коскинен.

— Я генерал Грахович. Регулярная армия. — Он бросил презрительный взгляд на Маркуса. — Отдел Специальных операций. Здесь нахожусь по приказу президента. Мы прибыли сюда для изучения обстановки, но когда приземлились, эти птицы открыли огонь. Что все это означает, черт побери?

— Я все объясню! — крикнул Коскинен. — Одну минуту!

Он снял со своей шеи руки Вивьены, спрыгнул в бункер и отключил генератор. Затем поднялся из бункера на поверхность, и утренний ветер коснулся его лица.

ГЛАВА 21

Благодаря любезности генерала Граховича перед отъездом в Вашингтон Коскинен смог побыть наедине с Вивьеной в гостиной. Когда он вошел, то увидел, что девушка стоит возле окна и смотрит на реку и холмы на другом берегу.

— Ви! — позвал он.

Она не повернулась. Он подошел сзади, положил руки ей на талию и сказал в самое ухо, хотя губы его щекотали черно-голубые волосы, пахнувшие летом:

— Все улажено!

Снова она не двинулась.

— Разумеется, — продолжал он, — некоторое время еще будет шум по поводу того, что мы по всему свету распространили сведения о генераторе. Но большая часть правительства считает, что выбора у нас не было и мы не нарушили никаких законов. Так что остается признать — дело сделано, и мы герои. Не могу сказать, что мне не нравится такая перспектива, но я уверен, что со временем шумиха уляжется.

— Это хорошо, — ровным тоном сказала она.

Он поцеловал Вивьену.

— А тогда...

— О, да, — проговорила она. — Я уверена, что у тебя начнется чудесная жизнь.

— Что ты имеешь в виду под «у меня»? Я говорю о нас.

Коскинен почувствовал, как ее тело напряглось под его руками.

— Может, ты беспокоишься о прежних обвинениях против тебя? Но я получил от Граховича честное слово, что ты будешь прощена.

— Очень мило с твоей стороны не забыть обо мне, — сказала она. Медленно, через силу, она повернулась и посмотрела ему в лицо. — Однако я не удивлена. Такой уж ты человек.

— Чепуха! — фыркнул он. — Разве я не могу позаботиться о своей жене? — И тут он с удивлением увидел, что Вивьена не плачет только потому, что все уже выплакала.

— Ничего не будет у нас, Пит.

— Что ты говоришь?

— Я не могу связывать такого человека, как ты...

— О чем ты? Разве ты не хочешь меня? Ведь еще сегодня утром...

— Сейчас совсем другое дело. Я не думала, что мы останемся живы. Так почему бы не дать друг другу, что у нас есть. Но теперь, когда мы живы... Нет, нет, я не могу... О, Пит, Пит... — Она спрятала лицо в ладонях. — Неужели ты не можешь понять? После всего, что я сделала и чем была...

— Ты думаешь, это имеет значение для меня?

— ...И что я есть. Ведь старые привычки не забываются. Да, все это имеет значение для тебя. Ты слишком молод, чтобы понять это. Но позже поймешь. Когда пройдут годы. Ты узнаешь других людей... Ли Абрамс, например... Нет, я не могу остаться с тобой. Для твоего же блага. И для своего. Давай попрощаемся.

— Но что ты будешь делать? — спросил Коскинен, ошарашенный ее словами.

Впоследствии он понял, что только силой смог бы удержать ее.

— Я устроюсь, — ответила Вивьена. — Я умею устраиваться.

Сначала я исчезну, а потом появлюсь где-нибудь под другой фамилией и займусь чем-нибудь. Вспомни, дорогой, как мало времени ты знал меня. Через шесть месяцев ты даже и не вспомнишь, как я выгляжу. Я знаю.

Она поцеловала его, очень быстро, как будто боясь.

— После Джаниса, — сказала она, — я больше всех люблю тебя.

Прежде чем он успел пошевелиться, она вышла из комнаты, спустилась с крыльца и пошла к берегу, где ждали несколько военных аэрокаров. Голову она держала высоко.

НА СТРАЖЕ ВРЕМЕН

1

Требуются мужчины: возраст — 21—40, желательно холост., с военным или техн. образов., в хорошем физич. состоянии, на высокооплачиваемую работу с заграничн. командировками.

Обращаться: Компания технологических исследований 305-Е, 45, с 9 до 10 и с 14 до 18 ч.

— Работа, как вы понимаете, несколько необычная, — сказал Гордон. — И строго секретная. Надеюсь, вы умеете хранить тайны?

— Как правило, — сказал Мэнс Эверард. — Впрочем, смотря в чем они заключаются.

Гордон улыбнулся. Это была странная улыбка. Эверард и представления не имел, что можно улыбаться, не разжимая губ.

Гордон свободно говорил по-английски с обычным американским акцентом, носил общепринятый деловой костюм, но было в нем что-то иностранное, и не только смуглый цвет лица с гладкими, без намека на бородку щеками и узкие монгольские глаза, совершенно не вязавшиеся с его арийским носом. Трудно было понять, откуда он родом.

— Мы вовсе не шпионы, если именно эта мысль пришла вам в голову, — сказал он.

Эверард усмехнулся.

— Простите, только, ради бога, не подумайте, что я поддался всеобщей шпиономании. К тому же у меня никогда не было доступа к секретным данным. Но в вашем объявлении говорится о заграничных командировках, а при теперешней ситуации... Словом, я не хотел бы лишиться своего заграничного паспорта.

Эверард был высок ростом, широкоплеч, темноволос и коротко пострижен, но на лице его уже проступали следы пережитого.

Он положил на стол свои документы: свидетельство об увольнении из армии, справки о работе в различных фирмах в качестве инженера-механика. Гордон вроде и не посмотрел на эти бумаги.

Кабинет выглядел совсем обычно: стол, несколько стульев, бюро и дверь, ведущая, по-видимому, в другую комнату. Из окна открывался вид на забитую автомобилями нью-йоркскую улицу.

— Вы независимы, — сказал человек, сидящий за столом. — Мне это нравится. Многие из тех, кто к нам приходят, чуть ли не ползут на брюхе и готовы благодарить даже за пинок в зад. Конечно, с вашими данными вы еще не потеряли надежду и можете получить работу и в другом месте. Кажется, это теперь называется «в порядке временного трудоустройства».

— Меня интересует работа у вас, — сказал Эверард. — Я много раз бывал за границей, как вы можете видеть по документам, и хотел бы еще поездить, хотя, честно говоря, все еще не понимаю, чем вы занимаетесь.

— Мы занимаемся многими вещами. Позвольте, позвольте... вы воевали во Франции и в Германии.

Эверард вздрогнул: в документах упоминались все его ордена и медали, но он мог бы поклясться, что Гордон не успел прочитать ни строчки.

— Гм... Будьте любезны, положите руки на выступы подлокотников вашего кресла. Благодарю. Скажите, как вы реагируете на физическую опасность?

Эверард весь напрягся.

— Послушайте...

Глаза Гордона были прикованы к какому-то прибору на столе: это была простая пластмассовая коробка с индикаторной стрелкой и двумя циферблатами.

— Неважно. Можете не отвечать. Скажите, каковы ваши взгляды на интернационализм?

— Послушайте, я...

— Коммунизм? Фашизм? Как относитесь к женщинам? Чем еще интересуетесь?.. Это все. Можете не отвечать.

— Какого черта? Что все это значит? — взорвался Эверард.

— Небольшой психологический тест. Забудьте об этом. Меня не интересуют ваши взгляды, разве что с точки зрения основных эмоциональных рефлексов.

Гордон откинулся на спинку кресла и сомкнул кончики пальцев.

— Пока все идет очень хорошо. Теперь я объясню вам, в чем дело. Мы занимаемся, как я уже говорил, очень секретной работой. Мы... гм... собираемся устроить небольшой сюрприз нашим конкурентам. — Он усмехнулся. — Если хотите, можете прямо отсюда отправиться в ФБР. Нас уже проверяли и выдали нам, так

сказать, полное отпущение грехов. Там вам сообщат, что мы действительно ведем финансовые операции и занимаемся технологическими исследованиями во всех странах мира. Но существует еще один аспект нашей работы, и для нее нам нужны люди. Я заплачу вам сто долларов, если вы пройдете вон в ту комнату и разрешите себя обследовать. Это займет три часа вашего времени. Если вы нам не подойдете, тем дело и кончится. Если подойдете, мы подпишем с вами контракт, расскажем о работе и начнем вас обучать. Ну как, годится?

Эверард заколебался. Ему не нравилась эта поспешность. Обычный кабинет и несколько странный человек... За всем этим что-то скрывалось...

— Я подпишу с вами контракт только после того, как узнаю, в чем заключается работа, — сказал он.

— Как угодно. — Гордон пожал плечами. — Тесты покажут, подходите ли вы нам. У нас очень совершенная аппаратура.

По крайней мере, это оказалось правдой. Эверард более или менее разбирался в методах современной психологии: энцефалография, ассоциативные тесты. Но он никогда в жизни не видел ни одного из тех упрятанных в кожухи приборов, которые жужжали и мигали вокруг. Вопросы, которые ему задавал ассистент — неопределенного возраста человек с белым, ничего не выражающим лицом и абсолютно лысый, — казались ему беспредметными. И что это за металлический колпак, который ему надели на голову? Куда вели от него многочисленные провода?

Он украдкой бросал взгляды на шкалы различных приборов, но таких букв и цифр он раньше никогда не видел. Не английские, не французские, не русские, не греческие, не китайские — такие буквы и цифры вообще не могли существовать в году 1954-м от Рождества Христова. Возможно, уже тогда Эверард начал подозревать истину.

Он с удивлением отметил, что в ходе этих тестов стал узнавать себя все лучше: Мэнсон Эммерт Эверард, 30 лет, лейтенант в отставке, служил в инженерном корпусе вооруженных сил США; работал проектировщиком и производственником в Америке, Швеции, Аравии; все еще холостяк, но все больше завидующий своим женатым друзьям; не имеет своей девушки, никаких других связей; немного библиофил, великолепно играет в покер, любит лошадей, оружие и парусный спорт; в отпуске увлекается рыбалкой и туризмом. Все это он, конечно, о себе знал, но только как отдельные факты. Сейчас же у него возникло особое чувство: он вдруг ощутил себя как единый организм, будто каждая отдельная его черточка стала частью чего-то целого.

Он вышел из комнаты очень усталым и насквозь мокрым от пота. Гордон предложил ему сигарету и торопливо пробежал глазами закодированные листки, которые протянул ассистент. Время от времени он бормотал вслух: «Зета-20 кортикальная... здесь

недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... ослабление центральной координации...»

Он перешел в разговоре с ассистентом на незнакомый язык с такой интонацией и чередованием гласных и согласных, которого Эверард, хоть он и знал разнообразнейший английский сленг и диалекты, никогда в жизни не слышал.

Прежде чем он оторвался от бумаг, прошло еще полчаса. Эверарда охватило беспокойство, его так и подмывало встать и уйти, но любопытство одержало верх. Наконец Гордон обнажил свои невероятно белые зубы в широкой улыбке.

— Ах! Наконец-то! Знаете ли вы, что мне пришлось отклонить уже двадцать четыре кандидатуры? Но вы подойдете. Вы определенно подойдете.

— Подойду — для чего?

Эверард подался вперед, чувствуя, как учащается его пульс.

— Для Патруля. Вы будете вроде как полицейским.

— И что же? Где именно?

— Везде. И во все времена. Приготовьтесь, сейчас вы услышите нечто невероятное. Наша компания, хоть и вполне легальная, всего лишь своего рода ширма и средство для добывания необходимых фондов. Наше настоящее дело — патрулирование времени.

2

Академия находилась на американском Западе в теплом олигоценовом периоде, когда среди лесов и травянистых полян жалкие предки человека в трепете скрывались, заслыша поступь гигантских млекопитающих. Академия была основана тысячи лет назад, должна была просуществовать еще полмиллиона лет — срок вполне достаточный, для того чтобы обучить и выпустить столько патрульных, сколько потребуется Патрулю времени, — и затем быть тщательно уничтожена, чтобы от нее не осталось и следа. Позже настанет ледниковый период и появятся люди, и в году 9352-м (7841 год Мореннианской Победы) эти люди откроют способ путешествий во времени и вернутся в олигоценовый период, чтобы основать в нем Академию.

Это был комплекс больших низких зданий с округлыми линиями, окрашенных в мягкие цвета и расположенных на травянистых полянах между гигантскими древними деревьями на фоне холмов и лугов, опускавшихся к большой коричневой реке. По ночам иногда слышался рев тиранозавров и далекий рык саблезубого тигра.

Эверард вышел из машины времени — большой, неопределенной формы металлической коробки. В горле у него пересохло. Он чувствовал себя так же, как и в первый день в армии — двенадцать лет назад или, если угодно, от пятнадцати до двадцати миллионов лет в будущем: одиноким и беспомощным; как и тогда, им владела

одна только мысль — найти какой-нибудь достаточно благовидный предлог, чтобы удрать домой. Его немного утешило, что из других машин времени вышло около пятидесяти молодых мужчин и женщин. Новоприбывшие сбились в кучу, видимо, чувствуя себя очень неуютно. Вначале они не разговаривали и только глазели друг на друга. Эверард заметил на ком-то воротничок и котелок времен президента Гувера; моды и прически доходили до 1954 года и, по-видимому, представляли более поздний период. Откуда, например, эта девушка в переливчатых облегающих брюках, с зеленой помадой на губах и фантастически взбитыми желтыми волосами? Нет, из какого времени?

Рядом с ним очутился мужчина лет двадцати пяти, судя по его худощавому лицу и потертым твидовым брюкам — англичанин. Казалось, под изысканными манерами он скрывает какое-то глубокое горе.

— Привет, — сказал Эверард. — Давайте хоть покамест познакомимся.

Он назвал себя.

— Чарлз Уиткомб, Лондон, 1947-й, — смущенно ответил тот. — Только что демобилизовался из Королевского воздушного флота — и решил податься сюда. Теперь не знаю, может, и зря.

— Вполне понятно, — ответил Эверард, думая о предложенной ему зарплате. Пятнадцать тысяч в год для начала! Интересно, как они исчисляют время. Очевидно, исходя из фактического срока жизни каждого.

К ним подошел приятного вида молодой человек в ладно сидящей форме, поверх которой был накинут темно-синий плащ, переливающийся так, будто он усыпан звездами. У него было открытое улыбающееся лицо, говорил он без какого-либо выраженного акцента.

— Здорово, ребята! — сказал он приветливо. — Добро пожаловать в Академию. Полагаю, все тут говорят по-английски?

Эверард заметил какого-то мужчину в потрепанной немецкой военной форме, одного индийца и еще нескольких человек разных национальностей.

— Тогда будем говорить по-английски, пока вы не выучите темпоральный. — Он встал поудобнее, упершись руками в бока. — Меня зовут Дард Келм. Я родился... одну минутку... да, в 9573 году от Рождества Христова, но я специализировался как раз на вашем периоде. Кстати, этот период охватывает годы с 1850 по 1975, и каждый из вас родился где-то в промежутке между этими датами. Можете, когда вздумается, поплакаться мне в жилетку, если что не так. Я здесь специально для этого. В нашей Академии учат не совсем так, как вы, может быть, думаете. Мы не обучаем много людей сразу и не требуем школьной или военной дисциплины. Каждый из вас пройдет как индивидуальное, так и общее обучение. Мы не наказываем за неуспеваемость, так как уже предварительное

обследование исключило всякую ее возможность и предопределило почти полную гарантию успеха в вашей будущей работе. Каждый из вас обладает высоким умственным потенциалом исходя из критериев своей эпохи. Однако различие в ваших способностях требует индивидуального обучения, для того чтобы добиться максимума от каждого. Никаких формальностей у нас здесь нет, за исключением, разумеется, правил обычной вежливости. Помимо занятий у вас, естественно, будет и время для отдыха. Мы не собираемся требовать от вас более того, на что вы способны. Мне остается только добавить, что рыбалка и охота здесь хороши даже в двух шагах от здания Академии, а если отъехать на пару сот миль, так это — сплошная фантастика. Если нет вопросов, следуйте за мной, и я размещу вас по комнатам.

Дард Келм показал им технические приспособления в каждой из стандартных комнат для отдыха и занятий. Такие технические новинки, очевидно, должны были войти в повседневный обиход примерно в 2000 году: непритязательная мебель, послушно принимающая формы того, кто на нее садится, кондиционеры, экраны, способные воспроизводить любую кино- или фонозапись из большой коллекции. А в общем ничего необычайного. Каждый учащийся имел свою комнату в здании, где располагались спальни. Общая столовая помещалась в другом месте, но обед можно было заказать и «на дом», для какой-нибудь вечеринки. Эверард почувствовал, что напряжение постепенно отпускает его.

Для новоприбывших был устроен банкет. Блюда подавались более или менее знакомые, но бесшумные машины, подающие их на стол, были совершенно необычны. На столах появились вино, пиво, сигареты. Может быть, в пищу было что-то подмешано, потому что Эверард, как и все другие, почувствовал приятное возбуждение. Он кончил тем, что принялся барабанить буги-вуги на рояле, в то время как группа молодых людей так же тщетно сотрясала воздух, пытаясь спеть какую-то песню.

Только Чарлз Уиткомб сидел в стороне. Дард Келм, смакующий в уголке вино, был достаточно тактичен и не пытался втянуть его в общее веселье.

Эверард решил, что ему здесь понравится. Но в чем заключается и как будет организована его работа, каковы ее цели — все еще оставалось для него неясным.

— Путешествие во времени было открыто, когда Хоритская ересь почти распалась, — говорил Келм в лекционном зале. — Подробности вы узнаете позже, а сейчас я просто скажу, что это был бурный век, когда гигантские концерны сражались не на жизнь, а насмерть за коммерческое и генетическое господство, а различные правительства были простыми пешками в галактической игре. Эффект времени был побочным продуктом в поисках средств космического гиперпере-

хода, который, как понимают некоторые из вас, требует для своего описания тончайшего математического аппарата... так же, впрочем, как и путешествие в прошлое. Я сейчас не буду вдаваться в теорию — кое-что об этом вы узнаете впоследствии на занятиях физикой, — а просто скажу, что речь идет о математических зависимостях, выраженных бесконечными величинами в континууме четырехмерного пространства — 4 N, где N — общее число частиц во Вселенной. Естественно, группа, обнаружившая этот эффект, так называемая группа Девяти, четко представляла себе последствия своего открытия. Не только коммерческие — в таких отраслях, как торговля, добыча полезных ископаемых и тому подобное, — но и военные: то есть возможность нанесения противнику смертельного удара. Ведь время изменчиво, прошлое можно изменить.

— Вопрос!

Это была девушка из 1972 года, Элизабет Грей, в своей эпохе — подающий надежды физик.

— Да? — вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, вы описываете логически невозможную ситуацию. Я, конечно, допускаю путешествие во времени как таковое, раз уж мы находимся здесь, но ни одно событие не могло и произойти, и не произойти. Это — внутреннее противоречие.

— Только не тогда, когда в основе лежит логика Алеф-суб-Алеф, — сказал Келм. — А происходит вот что: допустим, я отправился назад в прошлое и предотвратил встречу вашего отца с вашей матерью. Вы бы никогда не родились. Этот небольшой эпизод из истории Вселенной выглядел бы совершенно иначе. Оказалось бы, что он с самого начала был иным, несмотря на то что у меня в памяти сохранилось бы и первоначальное, исходное положение вещей.

— Ну хорошо, а как насчет вас самого? — не сдавалась Элизабет. — Вы бы перестали существовать?

— Нет, потому что я бы принадлежал к моменту истории, предшествовавшему моему вмешательству. Давайте применим это к вам. Если бы вы вернулись, скажем, в 1946 год и предотвратили брак ваших родителей в 1947 году, вы все же существовали бы в этом году; вы не перестали бы существовать только потому, что оказали влияние на события того времени. То же самое произошло бы, если бы вы пробыли в 1946 году хоть одну микросекунду до того, как убить человека, который, останься он в живых, стал бы вашим отцом.

— Но тогда бы я существовала, не будучи... не будучи рождена, — запротестовала она. — У меня была бы своя жизнь и воспоминания... и... всякое такое... хотя меня и вовсе не было бы на свете.

Келм пожал плечами.

— Что с того? Вы настаиваете на том, что закон случайности, или, точнее говоря, закон сохранения энергии, касается только непрерывных функций. В действительности же вполне возможна и прерывность.

Он рассмеялся и склонился над кафедрой.

— Конечно, существуют и вещи невозможные, — сказал он. — Вы, например, не можете стать собственной матерью: этого не допускают законы генетики. Если бы вы вернулись в прошлое и вышли замуж за своего бывшего отца, дети были бы другими, ни один из них не был бы вами, поскольку у каждого из них оказалась бы только половина ваших хромосом.

Он откашлялся.

— Давайте не отклоняться от темы. Все подробности вы узнаете за время обучения, я же даю вам только основы. Итак, продолжим: группа Девяти разрешила проблему путешествий в прошлое и таким образом добилась возможности либо пресекать действия своих врагов в зародыше, либо вообще помешать их появлению на свет. И вот тогда появились данеллиане.

Впервые он оставил свою свободную, чуть ироничную манеру говорить. Перед ними стоял человек, оказавшийся перед непознаваемым. Негромко он продолжал:

— Данеллиане — часть будущего, нашего будущего, которое наступит примерно через миллион лет после моей эпохи. Люди там достигли такого развития... что нет слов, чтобы это описать. Вы, вероятно, никогда не встретите ни одного данеллианина. Если же встретите, это будет для вас... большим потрясением. Они не злы и не добры — они стоят настолько же за пределами того, что знаем или чувствуем мы с вами, насколько мы отстоим от тех насекомоядных, которые были нашими предками. Со всем этим лучше не встречаться лицом к лицу. Данеллиане действовали просто в порядке самосохранения. Когда они появились, путешествия во времени уже стали обычным делом. Для глупых, жадных и безумных открылись неисчислимые возможности возвращаться в прошлые времена и перекраивать историю. Данеллиане не хотели запрещать путешествия во времени — это была часть того комплекса явлений, который породил их самих, — но им пришлось регулировать эти путешествия. Группе Девяти не дали возможности осуществить свои планы. И для наблюдения за порядком на трассах времени был создан Патруль.

Вы будете работать в основном в собственных эпохах, если, конечно, не достигнете высокого статуса агента с правом свободных действий. Вы будете жить как обычно, иметь семью и друзей. Тайная сторона вашей жизни обеспечит вас деньгами, защитой, если она понадобится, возможностью ездить в отпуск в очень интересные места и, главное, работой, которая будет приносить вам огромное удовлетворение. Но вы должны быть готовы в любой момент явиться по первому зову. Иногда вам придется помогать путешественникам во времени, попавшим в трудное положение; в другой раз — противодействовать конкистадорам, пытающимся захватить власть или получить экономические преимущества и влияние в военных делах; бывает, что Патруль поставлен перед свершившимся фактом какого-нибудь злодеяния в прошлом и вынужден принять необходи-

мые меры в более поздние эпохи, чтобы вернуть историю на ее нормальный путь развития. Желаю вам всем удачи!

Первая часть обучения включала физическую и психологическую подготовку. Эверард раньше даже не мог себе представить, как обкрадывала его жизнь и телесно, и духовно: он был только наполовину тем, кем мог быть. Сначала ему приходилось нелегко, но затем он почувствовал огромную радость оттого, что мускулы полностью подчиняются ему, что дисциплина чувств сделала его эмоции намного глубже, а мысль стала точнее, острее, и все умственные реакции — осознаннее.

В процессе обучения ему внушили, что он не должен ничего говорить о Патруле непосвященным, даже намекать на его существование. Для него подобные разговоры стали абсолютно невозможными, такими же невозможными, как и прыжок на Луну. Он также хорошо изучил все аспекты психологии людей двадцатого века.

Темпоральный — искусственный — язык, на котором могли говорить патрульные всех эпох, не боясь быть понятыми кем-либо из непосвященных, был чудом логического совершенства и выразительности.

Раньше Эверард считал, что неплохо разбирается в военном деле, но ему пришлось научиться пользоваться боевыми приемами и оружием, которое существовало на протяжении пятидесяти тысяч лет: от меча бронзового века до циклобласта, способного уничтожить целый континент. Вернувшись в свою собственную эпоху, он должен был пользоваться только общепринятым оружием, но не исключалась возможность, что его пошлют с поручением в какое-нибудь другое время, а использование неизвестного в тот период оружия допускалось очень редко.

Они изучали разнообразнейшие науки, историю, искусство, философию, различные диалекты и манеры поведения. Впрочем, курс манер охватывал только период с 1850 по 1975 год; если бы потребовалось отправиться в другие времена, то специальное обучение проводилось бы с помощью гипноизлучателя. Именно посредством этих машин все обучение было закончено в три месяца.

Он изучил организацию Патруля. Впереди лежала тайна данеллианской цивилизации, но с ней почти не было прямого контакта. Сам Патруль напоминал полувоенную организацию, в которой имелись звания, но не существовало каких-либо особых формальностей.

Вся история была разбита на периоды в соответствии с географическими ареалами, причем для каждого имелось свое центральное управление, находившееся в каком-нибудь из больших городов в период, охватывающий одно из двадцатилетий века. Эти управления занимались для маскировки какой-либо легальной

деятельностью вроде торговли. Кроме того, имелись более мелкие местные отделения.

В период жизни Эверарда существовало три ареала — Запад, с центром в Лондоне, Россия, с управлением в Москве, и Азия — штаб-квартира в Пекине. Все они размещались в самом спокойном двадцатилетии — с 1890 по 1910 год, — когда маскировка была проще, чем в последующие годы, где приходилось иметь более мелкие отделения. Рядовые агенты жили каждый в свое время и часто выполняли обычную работу. Связь между различными годами и эпохами осуществлялась с помощью небольших хронокапсул, автоматически настраивающихся на нужную дату.

Организация в целом была настолько велика, что ему трудно было представить ее себе полностью. Он просто знал, что на его долю выпала удивительная и прекрасная судьба, и старался больше ни о чем не думать... пока.

Наставники его были дружелюбны, готовы в любой момент прийти на помощь. Старый ветеран, учивший Эверарда управлять космическими кораблями, сражался в Марсианской войне 3890 года.

— Вы, ребята, хорошо соображаете, — сказал он как-то. — Это просто ад — учить людей из эпохи до промышленной революции. Мы уже махнули на них рукой и учим только начаткам знаний. Был здесь как-то один римлянин времен Цезаря — вполне толковый парень, только он никак не мог взять в ум, что машину нельзя седлать, как лошадь. А у этих ребят из Вавилона просто не укладывалось в голове, как это можно путешествовать во времени. Пришлось травить им легенду про битвы богов.

— А что вы травите нам? — спросил Уиткомб.

Космонавт пристально посмотрел на него.

— Вам говорим правду, — сказал он наконец. — Всю правду, какую вы в состоянии осмыслить.

— Как вы попали на эту работу?

— О... Меня сбили около Юпитера. Не много от меня осталось. Собрали по кусочкам. Вся моя команда погибла, и меня тоже считали мертвым, так что возвращаться домой не имело смысла. Мало радости — подчиняться диктаторам. Поэтому я здесь. Хорошие друзья, интересная работа и возможность ездить в отпуск в любые века и эпохи.

Космонавт усмехнулся.

— Подождите, вот попадете в упадочный век Третьего Матриархата, узнаете, что такое настоящее раздолье.

Эверард промолчал. Он был слишком захвачен зрелищем огромного шара Земли, плывущего среди звезд.

Он подружился с несколькими студентами. У них было много общего: все прошли такой же строгий отбор, как и он сам, это были мыслящие люди. Завязалось несколько романов. Никаких запретов на вступление в брак не было, и счастливая пара обычно сама выбирала ту эпоху, в которой хотела жить. Сам он любил иногда

провести время с девушками, но не позволял себе увлечься слишком сильно.

Как ни странно, самая тесная дружба у него возникла с молчаливым и угрюмым Уиткомбом. В англичанине было что-то притягательное: славный человек, умный и образованный, но какой-то потерянный...

Однажды они поехали кататься верхом на лошадях, чьи отдаленные предки спасались бегством от своих гигантских потомков. Эверард захватил с собой ружье в надежде подстрелить кабана, следы которого недавно видел. Оба были одеты в светло-серую шелковистую форму Академии, в ней было прохладно даже под палящим желтым солнцем.

— Странно, что нам разрешена охота, — заметил американец. — Допустим, я подстрелю саблезубого тигра в Азии, которому на роду было написано съесть одного из наших насекомоядных предков. Разве это не изменит будущего?

— Нет, — сказал Уиткомб, уже успевший более глубоко изучить теорию путешествий во времени. — Видишь ли, это все равно что представить континуум в виде клубка из тугих резиновых лент. Этот клубок нелегко растянуть, он стремится возвращаться к первозданному состоянию. Одно какое-нибудь насекомоядное не имеет никакого значения, важен общий генетический код, ведущий от всего этого вида к человеку. Точно так же, если я убил овцу где-то в средние века, я тем самым отнюдь не уничтожил все ее потомство, всех овец, которые должны появиться, скажем, к 1940 году. Все эти овцы останутся, и каждый их ген, несмотря на различие предков, не изменится, потому что в ходе столь долгого времени все овцы в целом (или люди в целом) являются прямыми потомками всех более ранних овец (и людей). Происходит самая обычная компенсация: где-то в прошлом в генетической линии какой-нибудь другой предок восполняет те гены, которые, по твоему мнению, ты уничтожил. Таким же образом... ну, скажем, я возвращаюсь в прошлое и предотвращаю убийство президента Линкольна Бутом. Если только я не приму особых мер предосторожности, может случиться, что выстрелит кто-нибудь другой, но обвинят все равно Бута. Такая упругость или пластичность времени и объясняет, почему нам разрешено совершать в нем путешествия. Если ты хочешь изменить порядок вещей, нужно правильно взяться за дело и здорово потрудиться.

Он скривил рот.

— Воспитательная работа! Нам повторяют снова и снова, что, если мы вмешаемся в историю, нас накажут. Я не могу вернуться назад и убить этого негодяя Гитлера еще в колыбели. Я должен сидеть и смотреть, как он набирает силу, начинает войну и убивает мою девушку.

Некоторое время Эверард ехал молча. Раздавались лишь скрип кожаных седел да шуршание высокой травы.

— Извини, — заговорил он наконец. — Может быть, ты хочешь рассказать мне об этом?

— Да. Хочу. Но рассказывать, по существу, нечего. Она служила в женских вспомогательных частях. Звали ее Мэри Нельсон. Мы собирались пожениться после войны. Семнадцатое ноября сорок четвертого в Лондоне. Я никогда не забуду этой даты. Она пошла к соседям в Стритхем (была в отпуске у матери). В дом соседей угодил снаряд «Фау», не осталось даже развалин, а ее собственный дом уцелел.

Уиткомб был бледен как смерть. Он смотрел вперед невидящими глазами.

— Будет очень трудно... не вернуться хотя бы на несколько лет назад и увидеть ее живой. Только увидеть... Но нет! Я не имею права.

Эверард с неловкой лаской положил руку ему на плечо, и они молча поехали дальше.

Занятия продолжались, каждый совершенствовался по своей программе, но закончили обучение они все вместе: за короткой церемонией выпуска последовал роскошный банкет, все растрогались, стали договариваться о будущих встречах и сборах. Затем каждый вернулся в тот же самый год и в тот же самый час, из которого пришел.

Эверард выслушал поздравления Гордона, получил список других агентов своего времени (некоторые из них, как оказалось, работали в военной разведке) и вернулся домой. Позднее ему, возможно, предоставят какую-нибудь важную работу, но сейчас — для официального статуса у налоговых властей — он был назначен просто консультантом Компании технологических исследований. В его обязанности входило ежедневно просматривать какой-нибудь десяток документов, относящихся к путешествиям во времени, чему он был обучен, а в остальном — сидеть и ждать вызова.

Случилось так, что он сам нашел себе первую самостоятельную работу.

3

Было странно читать заголовки газет и знать наперед, что произойдет дальше. Снималось напряжение, но появлялась грусть, потому что время было трагичным. Он начинал понимать желание Уиткомба вернуться назад и изменить историю, но прекрасно осознавал, что возможности одного человека слишком ограниченны. Он не мог изменить прошлое к лучшему — разве что каким-то чудом; скорее же всего, такая попытка привела бы к полному хаосу. Вернуться и убить Гитлера или японских генералов, развязавших войну... а вдруг вместо них придут еще более изощренные в злодействе? Может быть,

атомную энергию так никогда и не откроют, и тогда не наступит блистательный век Венерианского Ренессанса. Ни черта мы не знаем.

Он выглянул из окна. Огни вспыхивали и гасли во взбудораженном небе, по улицам сновали автомобили, и куда-то торопилась безликая толпа; он не мог видеть отсюда башен Манхэттена, но знал, что они дерзко вздымаются к облакам. И все это — всего лишь водоворот в той великой реке времени, которая текла из только что покинутого им мирного доисторического прошлого к невообразимому данеллианскому будущему. Сколько миллиардов и триллионов человеческих существ жило, смеялось, плакало, трудилось, надеялось и умирало в ее водах.

Что ж... Он вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Долгое безделье не успокоило его: и ум, и тело жаждали действия. Но сейчас было уже поздно и... Он подошел к книжной полке, взял первую попавшуюся книгу и попытался читать. Это был сборник рассказов времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Одна из сносок поразила его. Трагедия в Аддлтоне и необыкновенная находка в древнем английском кургане. Ничего больше. Гм... Путешествие во времени? Он улыбнулся.

И все же...

«Нет, — подумал он. — Этого не может быть».

Однако проверить не помешает. Говорилось, что случай этот произошел в Англии в 1894 году. Можно просмотреть подшивку лондонской «Таймс». Все равно делать нечего.

Возможно, только от скуки он решил взяться за эту нудную работу. Истомившийся от безделья мозг искал любую лазейку, чтобы начать настоящее дело.

В публичную библиотеку Эверард пришел к открытию.

Сообщение он нашел сразу в газете за 25 июня 1894 года и в последующих выпусках. Аддлтон — небольшая деревня в Кенте, известная поместьем эпохи короля Якова, принадлежащим лорду Уиндему, и курганом, относящимся к неизвестной эпохе. Лорд Уиндем, археолог-любитель, начал раскопки кургана вместе с Джеймсом Ротеритом, своим кузеном, экспертом Британского музея. Захоронение оказалось довольно бедным. Находившиеся там предметы уже сгнили или рассыпались от ржавчины; в могиле лежали человеческие и лошадиные кости. Там же обнаружили небольшой сундучок в удивительно хорошем состоянии, в котором лежали слитки неизвестного металла, похожего на свинец или сплав серебра. Лорд Уиндем заболел какой-то смертельной болезнью с признаками отравления неизвестным ядом; Ротерит, который едва заглянул в сундучок, совершенно не пострадал, и следствие пришло к выводу, что он подсыпал лорду какой-то неизвестный восточный яд.

Когда 25 июня лорд Уиндем скончался, Скотланд-Ярд арестовал Ротерита, предъявив ему обвинение в убийстве. Родственники Ротерита наняли знаменитого частного детектива, который путем сложных умозаключений, подтвержденных опытами на животных,

нашел неопровержимые доказательства того, что подозреваемый невиновен и что кончина наступила от «смертельной эманации» из сундучка. Последний вместе с содержимым выбросили в Ла-Манш.

Детектив принимает заслуженные поздравления. Наплыв. Хеппи-энд.

Эверард молча сидел в тихой, уставленной книгами комнате. В сообщении явно не хватало данных, но оно наталкивало на весьма определенные выводы.

Тогда почему же Викторианское отделение Патруля не провело расследование? А может быть, провело? Вполне возможно. Результаты своих изысканий они, естественно, в газетах не печатали.

И все же лучше послать запрос.

Вернувшись домой, он взял одну из выданных ему маленьких хронокапсул, вложил туда свое донесение и настроил прибор на Лондонское отделение, на 25 июня 1894-го. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла, оставив за собой чуть ощутимое дуновение.

Она возвратилась через несколько минут. Эверард открыл ее и вынул аккуратно отпечатанный лист — да, конечно, машинка в то время была уже изобретена. Он пробежал его глазами с той быстротой, которой научился еще в стенах Академии.

«Дорогой сэр!

Подтверждаю получение Вашего письма от 6 сентября 1954 г. и прошу Вашего просвещенного внимания.

В настоящий момент мы только приступили к упомянутому Вами делу, так как отделение занято предотвращением убийства Ее Величества, а также Балканским вопросом. Хотя нам представляется возможным, закончив текущие дела, заняться Вашим, желательно избежать парадокса времени, т. е. одновременного нахождения в двух местах, что может иметь место в настоящем случае. Будем весьма обязаны, если Вы лично и квалифицированный английский агент окажете нам содействие. При отсутствии иных сведений будем ожидать вас по адресу 14-В, Олд Осборн Роуд, 28 июня 1894 г. в 24.00.

Остаюсь, дорогой сэр, вашим преданным и покорным слугой

Дж. Мэйнуоттеринг».

Далее следовала записка с пространственно-временными координатами, звучащими весьма неуместно рядом с цветистым слогом самого письма.

Эверард позвонил Гордону, получил его «добро», заказал скуттер на складе компании. Затем он отправил записку Чарлзу Уиткомбу в 1947 год, получил ответ, состоящий из одного слова «конечно», и отправился за скуттером. Это была небольшая машина времени, напоминавшая мотоцикл, но без колес и руля. Позади двух седел располагался двигатель с антигравитатором. Эверард настроил программатор на эпоху Уиткомба, нажал кнопку и оказался в помещении другого склада.

Лондон, 1946-й. Секунду он сидел не двигаясь, вспоминая, что делал в это время Эверард, который был на семь лет моложе. Учился в колледже в Штатах. Появился Уиткомб. Он прошел мимо охранников и протянул Эверарду руку.

— Рад видеть тебя, старина, — сказал он.

На осунувшемся лице Уиткомба появилась та полная странного обаяния улыбка, которую Эверард так хорошо помнил.

— Итак, в викторианскую эпоху?

— Точно. Садись.

Эверард снова настроил программатор. На этот раз им предстояло появиться в кабинете. Очень маленьком кабинете. Он возник перед ними в мгновение ока. Дубовая мебель, толстый ковер, горящий газовый камин — все это сразу весьма впечатляло. Вокруг горели и газовые рожки. Конечно, к тому времени было уже изобретено электричество, но «Дэлхаус и Робертс» была солидной фирмой со своими традициями. Приветствовал их сам Мэйнуоттеринг, крупный, весьма помпезного вида человек с пушистыми бакенбардами и моноклем. Но в нем чувствовалась и сила. Говорил он с таким аффектированным оксфордским произношением, что Эверард с трудом понимал его.

— Добрый вечер, джентльмены. Надеюсь, путешествие было приятным? О да, простите... вы еще новички в нашем деле, а? Сначала всегда как-то озадачивает. Помню, как я был шокирован, когда впервые попал в двадцать первый век. Все совсем неанглийское. Хотя это естественно — res naturae, так сказать, другая грань вечно изумляющей нас Вселенной, а? Извините, я недостаточно гостеприимен, но мы сейчас страшно заняты. Один фанатик, немец из 1917-го, узнал секрет передвижения во времени от какого-то неосторожного антрополога, украл машину и явился в Лондон, чтобы убить Ее Величество. Мы с ног сбились, разыскивая его.

— И найдете? — спросил Уиткомб.

— Да, конечно. Но дело чертовски трудное, джентльмены, тем более что мы должны хранить строжайшую тайну. Я бы не отказался от услуг частного сыщика, но единственный, кто нам подходит, чересчур умен. У него есть свой принцип: если отрешиться от невозможного — то, что останется, как бы невероятно оно ни было, и есть истина. Путешествие во времени тоже может показаться ему не слишком невероятным.

— Могу побиться об заклад, что это тот самый сыщик, который работал по делу лорда Уиндема в Аддлтоне или будет работать завтра, — сказал Эверард. — Впрочем, это неважно — мы знаем, что он докажет невиновность Ротерита. Важно другое: существует большая вероятность каких-то махинаций с этим сундучком в древнеанглийские времена.

— Ты хочешь сказать, саксонские, — поправил Уиткомб, который самолично сверял даты. — Многие путают англов и саксов.

— Почти так же, как путают саксов и ютов, — неожиданно

сказал Мэйнуоттеринг. — Насколько я помню, в Кент вторглись именно юты... Да. Гм. Одежда здесь, джентльмены. И деньги. Бумаги для вас тоже приготовлены. Я иногда думаю, что вы, разъездные агенты, даже не представляете себе, сколько подготовительной работы приходится проделывать в наших отделениях даже для самой мелкой операции. О! Простите. У вас есть план кампании?

— Да.

Эверард начал снимать с себя костюм двадцатого века.

— Полагаю, что есть. Мы оба достаточно знаем о викторианской эпохе, чтоб не запутаться. Хотя я должен оставаться американцем... Ведь вы приготовили мне американские документы.

Мэйнуоттеринг сказал похоронным тоном:

— Если, как вы говорите, этот инцидент с курганом появился даже в известном сборнике рассказов, то могу представить себе, сколько придет к нам запросов. Ваш был первый, пришло еще два: из 1923-го и 1960-го. Боже, почему мне не разрешают иметь секретаря-робота?

Эверард с трудом напялил на себя непривычный костюм. Он был ему, конечно, впору, так как размеры одежды всех агентов хранились в любом отделении, но он раньше никогда не подозревал, до чего удобен его прежний костюм. Черт бы побрал этот жилет!

— Послушайте, — сказал он, — во всем этом не должно быть ничего опасного. Строго говоря, если уж мы очутились здесь, значит, ничего опасного и не было.

— На данный момент, — ответил Мэйнуоттеринг. — Но допустим, вы возвращаетесь во времена ютов и находите мародера. Возможно, он убьет вас до того, как вам удастся убить его; возможно, он найдет способ уничтожить и тех, кого мы пошлем за вами. Тогда, естественно, ему удастся произвести промышленную революцию или чего он там еще добивается. История изменится. Вы, попав туда до поворотного момента, все еще существуете... даже если и мертвы... нас же здесь никогда не было. Этой беседы никогда не было. Как говорил Гораций...

— Неважно! — засмеялся Уиткомб. — Сначала посмотрим, что там у них в кургане в этом году, затем вернемся сюда и на месте решим, что делать дальше.

Наклонившись, он стал перекладывать свои вещи из современной дорожной сумки в цветастое чудовище, именовавшееся во времена Гладстона саквояжем: пару пистолетов, физические и химические приборы, еще неизвестные в это время, крошечный передатчик, с помощью которого можно было связаться с отделением в случае опасности.

Мэйнуоттеринг сверился со справочником.

— Вы можете уехать завтра утром с вокзала Черинг-Кросс на 8.23, — сказал он. — Отсюда до вокзала полчаса ходьбы.

— Отлично.

Эверард и Уиткомб вновь сели в скуттер и исчезли.

Мэйнуоттеринг вздохнул, зевнул, оставил своему клерку указания и пошел домой. Когда в 7.45 утра скуттер вновь появился в конторе, клерк был уже на месте.

4

Впервые Эверард действительно почувствовал реальность путешествий во времени. Он понимал их умом, восхищался ими, но ощущал их как своего рода экзотику. Сейчас же, трясясь по Лондону, которого он не знал, в двухколесном кебе (не в стилизованном под старину экипаже для туристов, а в самой настоящей пыльной и расхлябанной коляске, которой пользовались для поездок), вдыхая утренний воздух, в котором чувствовалось больше дыма, чем в городе двадцатого века, но не было бензиновых паров; видя толпы проходящих людей: джентльменов в котелках и цилиндрах, чернорабочих, женщин в длинных платьях — не актеров, а живых, настоящих людей, болтающих, смеющихся, грустных и усталых, спешащих по своим делам, — он по-настоящему осознал, где он находится. Его мать еще не появилась на свет, его бабушка и дедушка были еще молодой парой, собиравшейся пожениться; Гровер Кливленд был президентом Соединенных Штатов, Виктория — королевой Англии, Киплинг сочинял свои произведения, а последнему восстанию индейцев в Америке еще предстояло произойти... Эверард испытал настоящее потрясение.

Уиткомб воспринимал происходящее более спокойно, но и он, не отрывая глаз, смотрел на Англию в дни ее славы.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Историки никак не могли прийти к согласию, была ли это эпоха претенциозных светских условностей и чуть прикрытой жестокости или расцвет западной цивилизации накануне ее упадка. Глядя на этих людей, я понимаю: это было и то и другое, потому что нельзя просто измерить это время одной общей меркой; оно складывалось из миллионов жизней разных людей.

— Конечно, — ответил Эверард. — То, что ты говоришь, справедливо для любого века.

Поезд был почти обычным и мало отличался от таких же английских поездов в году 1947-м от Рождества Христова, что дало Уиткомбу повод съязвить насчет английского консерватизма и пристрастия к традициям. Через несколько часов состав подкатил к небольшой деревенской станции, окруженной ухоженными цветниками. Здесь путешественники наняли экипаж до поместья Уиндема.

Вежливый полицейский задал им несколько вопросов. Они представились как археологи: Эверард — из Америки, а Уиткомб — из Австралии, которые спешили к лорду Уиндему и были потрясены известием о его трагической смерти. Мэйнуоттеринг, который, казалось, имел своих людей повсюду, снабдил их рекомендательными

письмами от известного специалиста, работающего в Британском музее. Инспектор из Скотланд-Ярда согласился допустить их к кургану. «Преступление раскрыто, джентльмены, улик вы больше не найдете, даже если мой коллега и не согласен, ха-ха!» Частный сыщик кисло улыбнулся и, прищурив глаза, оглядел новоприбывших; он был высок, худ, в лице его виделось что-то ястребиное. Он всюду ходил в сопровождении какого-то хромого усатого мужчины, видимо секретаря.

Длинный и высокий курган зарос травой; там, где было раскопано место захоронения, зияло отверстие.

Когда-то внутренность кургана была обшита грубо обтесанными бревнами, но они давно сгнили; остатки того, что было некогда деревом, валялись в земле.

— В газетах говорилось о каком-то металлическом сундучке, — сказал Эверард. — Не могли бы мы взглянуть и на него?

Инспектор согласно кивнул головой и провел их в здание, где на столе лежали главные находки археологов. Кроме небольшого железного сундучка здесь находилось всего лишь несколько кусков ржавого металла и сломанных костей.

— Гм-м, — пробурчал Уиткомб.

Он задумчиво смотрел на гладкую поверхность сундучка. Она слегка отливала голубоватым цветом — это был нержавеющий сплав, которому еще предстояло быть открытым.

— Очень странно. Совсем непохоже на примитивные изделия древних. Можно подумать, что его сделали на станке, верно?

Эверард осторожно подошел и встал рядом. Он слишком хорошо представлял себе, что находится внутри, и думал о необходимых предосторожностях, естественных для жителя так называемого атомного века. Вынув из саквояжа счетчик, он поднес его к сундучку. Стрелка отклонилась — не очень сильно, но все же...

— Интересная эта у вас штука, — сказал инспектор. — Могу я спросить, что это такое?

— Экспериментальный электроскоп, — соврал Эверард.

Он осторожно приоткрыл крышку и поднес счетчик вплотную. Боже милосердный! Радиоактивности было достаточно, чтобы убить человека в один день! Он едва взглянул на тускло-серые слитки металла и сразу же захлопнул сундучок.

— Будьте с этим осторожны, — сказал он дрожащим голосом. Слава всевышнему: кто бы ни подбросил в курган этот чертов сундучок, появился он из того века, когда уже знали, как защититься от радиации.

Частный сыщик бесшумно подошел и встал за их спиной. Его худое лицо загорелось азартом охотника, увидевшего добычу.

— Итак, вы опознали содержимое, сэр? — спросил он спокойно.

— Да. По-моему, опознал.

Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность не

раньше чем через два года, даже рентгеновские лучи будут открыты не ранее чем через год. Ему следовало быть осторожным.

— Дело в том, что... индейцы рассказывали мне, будто находили руду, похожую на эту, и она была ядовитой...

— Чрезвычайно интересно.

Детектив принялся набивать большую трубку.

— Наподобие ртутных паров, да?

— Значит, это Ротерит подложил сундучок в могилу? — прошептал инспектор из Скотланд-Ярда.

— Что за нелепость, — отрезал сыщик. — Я располагаю тремя группами неопровержимых доказательств полной невиновности Ротерита. Я только не мог понять, в чем причина смерти лорда Уиндема. Но джентльмен говорит, что в этом кургане находился смертельный яд. Наверно, чтобы отпугнуть гробокопателей. Странно, однако, как это к саксам попал американский минерал? Возможно, в этих теориях о ранних путешествиях финикийцев через Атлантику есть доля истины. Я в свое время немного занимался исследованиями, чтобы подтвердить свою гипотезу о наличии халдейских элементов в уэльском языке. Эта находка, похоже, подтверждает мою гипотезу.

Эверард испытывал чувство вины перед археологией. Ну да ладно: в любом случае сундучок этот бросят в Ла-Манш и навсегда о нем забудут. Они с Уиткомбом ретировались, как только позволили приличия. По пути в Лондон, уже в купе вагона, где они были только вдвоем, англичанин вынул из кармана кусочек сгнившего дерева.

— Сунул в карман там, на кургане, — сказал он. — Это поможет нам разобраться в датах. Дай мне, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он сунул кусочек дерева в отверстие прибора, нажал нужные кнопки и прочитал готовый ответ.

— Год одна тысяча четыреста тридцатый плюс-минус десять лет. Курган был насыпан примерно... гм... в 468 году, когда юты только-только начали осваиваться в Кенте.

— Если до сих пор в этих слитках такая чертовская сила радиоактивности, — прошептал Эверард, — хотел бы я знать, какова она была первоначально! Трудно себе представить, чтобы такая высокая радиоактивность сочеталась с таким долгим периодом полураспада, но в будущем уже умеют так использовать атом, как в мое время и не снилось.

Доложив о результатах своей поездки Мэйнуоттерингу, они целых два дня пробродили по окрестностям, пока он связывался с различными временными периодами и приводил в действие сложный механизм Патруля. Эверарду очень нравился Лондон викторианской эпохи, несмотря на его угрюмость и нищету. У Уиткомба в глазах застыло мечтательное выражение.

— Я бы хотел жить в эту эпоху, — сказал он.

— Да ну? При таком-то уровне медицины и с такими зубными врачами?

— Зато без всяких бомб, — ответил Уиткомб.

Когда они вернулись в контору, у Мэйнуоттеринга все было готово. Попыхивая сигарой, расхаживая взад и вперед и заложив за спиной пухлые руки под полы сюртука, он с удовольствием сыпал полученными сведениями.

Происхождение металла установлено с довольно большой точностью. Изотопное топливо примерно из тридцатого века. Проверка показала, что торговец из империи Инг отправился в год 2987-й, чтобы обменять свое сырье на синтроп, секрет которого был утерян в период Междуцарствия. Естественно, он принял меры предосторожности, представлялся всем как купец из системы Сатурна, но тем не менее таинственно исчез. Так же, как и его машина времени. Вероятно, кто-то из 2987 года выяснил, кто он такой, и уничтожил его, чтобы завладеть скуттером. Патруль был оповещен, но следов машины обнаружить не удалось. В конце концов скуттер был найден в Англии пятого века двумя патрульными по имени — ха-ха! — Эверард и Уиткомб!

— Но если мы уже все сделали, к чему беспокоиться? — ухмыльнулся американец.

Мэйнуоттеринг был явно шокирован.

— Но, дорогой мой, вы же еще не справились с этим делом. С точки зрения периода нашего с вами биологического существования работу еще предстоит выполнить. И пожалуйста, не будьте так уверены в успехе только потому, что в истории он уже значится. Время гибко и изменчиво; каждый человек наделен свободной волей. Если у вас ничего не выйдет, история изменится, ваш успех нигде не будет отмечен, словно я и не говорил вам всего того, что вы только что слышали. Именно так бывало, если термин «бывало» верен, в тех немногих случаях, когда Патруль не добивался успеха. Над этими казусами продолжается работа, и, если успех все же будет достигнут, история изменится и окажется, что этот успех существовал «всегда», с самого начала.

— Ну хорошо, хорошо, я просто пошутил, — сказал Эверард.

Оказалось, что даже в Патруле мало осведомлены о том темном периоде, когда римляне оставили Англию (римско-бриттская цивилизация распадалась, и на ее место приходили англы). Эта эпоха никогда не казалась особенно важной. Отделение в Лондоне 1000 года прислало те сведения, которыми располагало, а также одежду, которую носили в те времена.

Эверард и Уиткомб воспользовались гипноизлучателем и уже через час вполне достаточно знали обычаи того времени и могли свободно изъясняться на латыни и нескольких саксонских и ютских диалектах.

Одежда была неудобной: штаны, рубашки, куртки из грубой шерсти и кожаные плащи с бесчисленным множеством ремешков и завязок. Длинные парики из льняных нитей скрыли современные прически: на чисто выбритые лица могли не обратить внимания даже

в пятом веке. У Уиткомба на поясе висел топор, у Эверарда — меч, изготовленные для них из особо твердой стали, но они больше полагались на звуковые станнеры, спрятанные под куртками. Латы присланы не были, но в скуттере, в седельной сумке, оказалось два мотоциклетных шлема, которые не должны были привлекать особого внимания в век самодельных вещей и орудий и к тому же были много удобнее и прочнее, чем настоящие шлемы той эпохи. Они захватили с собой также кое-какую еду и несколько кувшинов великолепного викторианского пива.

— Чудесно.

Мэйнуоттеринг вынул из кармана часы и взглянул на циферблат.

— Я жду вас обратно, скажем... в четыре часа. Я вызову несколько вооруженных патрульных на случай, если вы вернетесь с пленником, а потом зайдем ко мне и выпьем по чашке чаю.

Он пожал им руки.

— Доброй охоты!

Эверард вскочил в скуттер, включил прибор, настроил программатор на год 464-й, курган в Аддлтоне, полночь, и нажал кнопку «Пуск».

5

Была полная луна. Под ней лежала земля, большая и пустынная, на горизонте темнел силуэт леса. Где-то завыл волк. Курган уже был насыпан, они прибыли слишком поздно.

Включив антигравитационную установку, они пролетели низко над густым тенистым лесом. Примерно в миле от кургана находилась деревня — большое строение из отесанных бревен и вокруг него постройки поменьше, обнесенные оградой. Высвеченная полной луной, деревня безмолвно лежала перед ними.

— Возделанные поля, — заметил Уиткомб. Голос его звучал приглушенно в окружающей тишине. — Юты и саксы были в основном йоменами, они пришли сюда в поисках новых земель. Представь себе только: совсем недавно отсюда прогнали бриттов.

— Надо разузнать насчет этого захоронения, — сказал Эверард. — Может, нам следует вернуться еще немного назад, к моменту, когда курган засыпали? Хотя нет, все-таки безопаснее расспросить сейчас; если по поводу этого кургана и ходили всякие слухи и легенды, они уже улеглись. Скажем, завтра утром.

Уиткомб кивнул, Эверард опустил скуттер в заросли и настроил программатор на пять часов вперед.

Ослепительное солнце вставало на северо-востоке, птицы вовсю щебетали, густая трава была мокрой от росы. Сойдя со скуттера, они отправили его с космической скоростью на десять миль от земли, где он и должен был находиться до получения радиоимпульса от крошечного передатчика, который был вмонтирован в их шлемы.

Они открыто подошли к деревне, отгоняя топором и мечом, повернутыми плашмя, довольно диких на вид рычащих и лающих собак. Войдя во двор за ограду, они обнаружили, что он незамощен и густо покрыт грязью и навозом. Несколько голых растрепанных ребятишек глазели на них из плетеных, обмазанных глиной хижин. Девушка, доившая низкорослую корову, вскрикнула; коренастый мужчина с низким лбом, возившийся со свиньями, схватился за копье. Сморщив нос, Эверард подумал о том, что неплохо было бы привести сюда кое-кого из современных ему чересчур горячих апологетов теории «благородных нордических предков».

В дверях большого строения появился седобородый человек с топором в руке. Как и все люди его эпохи, он был на несколько дюймов ниже среднего человека двадцатого века. Перед тем как поздороваться, он внимательно оглядел их.

Эверард вежливо улыбнулся.

— Я зовусь Уффа Хундингссон, а это — мой брат, он зовется Кнуби, — сказал он. — Мы купцы из Ютландии, приехали сюда торговать в Кентербери. (Он произнес это название Кантуарабириг, как было принято в том веке.) Мы шли с того места, где пристал наш корабль, и заблудились, проплутали всю ночь по лесу и вот подошли к твоему дому.

— Я зовусь Ульфнот, сын Альфреда, — сказал йомен. — Входите и разделите с нами трапезу.

Большая темноватая комната была полна дыма и до отказа набита людьми: детьми Ульфнота, их женами, мужьями и детьми; арендаторами Ульфнота, женами, детьми и внуками арендаторов. Завтрак состоял из полусырой свинины, которую запивали из рогов слабым кисловатым пивом. Вести разговор было нетрудно: как все люди, живущие вдалеке от других поселений, они были рады посплетничать. Труднее было придумать правдоподобный рассказ, о том, что происходит в Ютландии. Раз или два Ульфнот, который отнюдь не был дураком, ловил их на какой-нибудь ошибке, но Эверард твердо отвечал:

— Это ложные слухи. Иной раз происходит ужасная путаница, пока вести идут из-за моря.

Впрочем, разговоры о погоде и урожае мало отличались от тех, которые велись на Среднем Западе в двадцатом веке.

Только позже Эверарду удалось спросить о кургане. Ульфнот нахмурился, а его тучная беззубая жена торопливо повернулась к деревянному идолу и сделала рукой какой-то охранительный знак.

— Негоже говорить об этом, — пробормотал ют. — Я бы желал, чтобы волшебник не был похоронен на моей земле. Но он был другом моего отца, умершего в прошлом году, а отец и слышать не хотел о том, чтобы курган насыпали не здесь.

— Волшебник? — Уиткомб навострил уши. — Что это за история?

— Ну что ж, — сказал Ульфнот. — Могу вам рассказать. Шесть

лет назад в Кентербери пришел незнакомец по имени Стейн. Он, наверно, был из далеких стран, потому что не говорил ни на языке бриттов, ни на языке англов. Но король Хенгист милостиво принял его, а потом Стейн научился нашему языку. Он поднес королю странные, но хорошие подарки. Этот человек умел давать хитроумные советы, и король все больше полагался на него во всех делах. Никто не смел перечить Стейну, потому что у него была палка, которая метала молнии. Он разрушал своими молниями скалы и в битве с бриттами сжигал заживо людей. Многие думали, что он бог Вотан, но этого не может быть, раз он умер.

— Вот как! — Эверард почувствовал, как в нем растет нетерпение. — А чем он занимался, пока жил?

— О... Я же говорил, он давал королю мудрые советы. Это он предложил, чтобы мы перестали убивать бриттов и позвали сюда, в Кент, наших родичей из страны ютов. Он говорил, что лучше жить в мире с местными жителями. Он считал, что наша сила и знания бриттов, перенятые от римлян, помогут нам построить могущественное королевство. Может, он и был прав, хотя я-то сам не вижу смысла во всех этих книгах и баснях, не говоря уже об их непонятном боге с крестом. Как бы то ни было, он был убит три года назад какими-то людьми и похоронен как подобает — с жертвенными животными и теми пожитками, что не забрали его враги. Дважды в год мы приносим жертвы на его могиле, и, должен сказать, его дух не тревожит нас. Но все-таки мне как-то не по себе...

— Понятно...

Им удалось уйти только через час, и Ульфнот настоял, чтобы мальчик проводил их до реки. Эверард, которому вовсе не хотелось идти пешком в такую даль, усмехнулся и на полдороге вызвал по радио скуттер. Когда они с Уиткомбом забрались на сиденья, он сказал насмерть перепуганному мальчишке:

— Знай, что у вас гостили великие боги Вотан и Тор, которые охранят твой род на годы и годы от всяких бед.

Затем он нажал кнопку и отправил скуттер сразу на три года назад.

— Сейчас — самое трудное, — сказал он, глядя из кустарника на ночную деревню.

Курган еще не был насыпан, волшебник Стейн был еще жив.

— Мальчишку нетрудно было обмануть нашим волшебством, но сейчас нам предстоит добраться до человека, который живет в большом городе и который к тому же — правая рука самого короля! Притом у него есть бластер.

— По-видимому, нам это удалось... или удастся, — сказал Уиткомб.

— Не обязательно. Если у нас ничего не получится, Ульфнот расскажет нам через три года совсем другую историю, возможно, что Стейн сейчас находится у него — тогда он сможет убить нас дважды! И Англия пятого века, которую Стейн втащит в эпоху неоклассиче-

ской культуры, пойдет совсем не тем путем, который превратил ее в страну, известную тебе в 1894 году... Интересно, чего же добивается Стейн?

Он поднял скуттер в воздух и направил его в сторону Кентербери. Ночной ветерок овевал его лицо. Вскоре появились очертания города, и они опустились на землю в какой-то рощице. Луна освещала полуразрушенные римские стены древнего Дуровернума с черными пятнами там, где юты пытались заделывать дыры глиной и досками. Никто не мог войти в город после захода солнца.

Скуттер вновь перенес их к полудню следующего дня, и вновь они отослали его в небо. Завтрак, который они съели — два часа назад и через три года в будущем, — вызывал у Эверарда легкую тошноту. Они шли по разбитой римской дороге в направлении города. Движение по дороге было довольно оживленным: большинство проезжающих составляли крестьяне, которые везли на базар свои продукты в скрипучих повозках, запряженных быками. У ворот их остановили два стражника довольно злодейского вида и спросили, зачем они идут в город. На сей раз они представились посланниками купца, который поручил им побывать у городских ремесленников. Однако стражники продолжали смотреть недружелюбно, и Уиткомб сунул им несколько римских монет; скрещенные копья разошлись, и они вошли в город.

Город шумел и бурлил вокруг них, но больше всего на Эверарда снова подействовал какой-то особый запах. Среди торопливо снующих ютов он заметил нескольких романо-бриттов, презрительно подбиравших свои ветхие туники, чтобы не коснуться этих дикарей. Все это было бы смешно, если бы не вызывало жалости.

Необычайно грязная гостиница располагалась в покрытых мхом стенах дома, когда-то принадлежавшего богатому римлянину. Эверард и Уиткомб обнаружили, что их деньги в большой цене здесь, где торговля представляла собой главным образом натуральный обмен. Угостив посетителей вином, они очень быстро узнали все, что им было нужно. «Дворец короля Хенгиста находится в центре города... не дворец, а дом, старый дом, который бесстыдно разукрасили по указке этого чужеземца Стейна... я не хочу сказать, что наш добрый и храбрый король в руках... не пойми меня неправильно, незнакомец... да, только в прошлый месяц... что? да, Стейн! Он живет в доме рядом с королем. Странный человек, некоторые говорят, что он — бог... в девушках он разбирается... да, говорят, это он затеял все эти мирные переговоры с бриттами. Столько развелось в городе этих гадов, а честный человек даже не может пустить им кровь без того, чтобы... конечно, Стейн очень мудр, я против него ничего и не имею, понятно, он еще умеет метать молнии...»

— Итак, что нам делать? — спросил Уиткомб, когда они очутились в своей комнате. — Просто пойти и арестовать его?

— Нет. Сомневаюсь, что это возможно, — что-то обдумывая,

ответил Эверард. — У меня есть план, но все зависит от того, чего этот человек в действительности добивается. Пойдем попробуем получить аудиенцию.

Поднявшись с соломенного матраца, служившего постелью, Эверард стал чесаться.

— Черт! Этот век нуждается не в грамоте, а в хорошем дусте.

Дом Стейна был тщательно реставрирован; его белый с портиками фасад выглядел почти болезненно чистым среди окружающей его грязи. На ступенях прохлаждались два стражника, вскочившие по стойке «смирно» при их приближении. Эверард сунул им деньги и сказал, что у него есть новости, которые наверняка заинтересуют великого волшебника.

— Скажи ему: «Человек из завтра». Это — пароль. Понял?

— Но эти слова не имеют смысла, — сказал стражник.

— Пароль и не должен иметь смысла, — сказал Эверард.

Ют ушел, скорбно покачав головой. Все эти новомодные словечки!

— Разумно ли это? — спросил Уиткомб. — Знаешь, сейчас он будет настороже.

— Я знаю еще, что такая важная персона не станет тратить время на каждого встречного. Это срочное дело! Пока он не совершил еще ничего необратимого, даже не успел стать легендой. Но если Хенгист действительно вступил в союз с бриттами...

Стражник вернулся, проворчал что-то и повел их вверх по ступенькам, через перистиль. Дальше находился атриум, большое помещение, в котором выделанные медвежьи шкуры совершенно не вязались с полированным мрамором и выцветшими фресками. У грубого деревенского ложа сидел человек. Когда они вошли, он поднял руку, и Эверард увидел направленное на них узкое дуло бластера тридцатого века.

— Отведите руки в стороны и не двигайтесь, — мягко сказал человек. — В противном случае мне придется убить вас громом и молнией.

Уиткомб судорожно перевел дыхание, но Эверард вроде как ожидал этих слов. Тем не менее и ему стало не по себе.

Волшебник Стейн был человеком небольшого роста, в вышитой тунике из тонкой ткани. У него было гибкое тело, большая голова, а лицо, почти скрытое под шапкой черных волос, чем-то привлекало, несмотря на свое уродство. Губы его кривились в напряженной улыбке.

— Обыщи их, Эдгар, — приказал он. — Вынь то, что у них может быть спрятано под одеждой.

Ют был неуклюж, но станнеры он нашел и бросил их на пол.

— Можешь идти, — сказал Стейн.

— Но ты не в опасности, господин? — спросил воин.

Стейн улыбнулся еще шире.

С этим в моей руке? Нет, ты можешь идти.

Эдгар вышел.

«По крайней мере, у нас есть топор и меч, — подумал Эверард. — Впрочем, от них мало толку при этой штуке, что нацелена прямо на нас».

— Так вы пришли из завтра? — прошептал Стейн.

Внезапно на лбу его выступил пот.

— Это интересно. Вы говорите на позднеанглийском языке?

Уиткомб открыл было рот, но Эверард, зная, что они рискуют жизнью, быстро вывел его из игры.

— О каком языке вы говорите?

— Вот этом.

Стейн перешел на английский язык со странным выговором, но все же понятным жителям двадцатого века:

— Знать хочу, кто вы, откуда, из какого времени.

Эверард покачал головой.

— Нет, — ответил он на ютском, — я вас не понимаю.

Уиткомб бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, решив не мешать американцу.

Нервы Эверарда были напряжены до предела — с мужеством отчаяния он понимал, что малейшая ошибка грозит им смертью.

— В наше время говорят так...

И он перешел на мексиканско-испанский диалект, коверкая его как можно сильнее.

— Вот как... латинский язык! — Глаза Стейна блеснули. Бластер в его руке задрожал. — Из какого же вы времени?

— Двадцатый век от Рождества Христова, и наша страна зовется Лайонесс. Она лежит за западным океаном...

— Америка! — Это прозвучало как всхлип. — Ее когда-нибудь называли Америкой?

— Нет. Не понимаю, о чем вы говорите.

Стейн весь задрожал, но быстро взял себя в руки.

— Знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стейн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте говорить по-латыни. Если бы вы только знали, как я устал от здешнего свинского языка...

По-латыни он тоже говорил с некоторыми ошибками, — видимо, он выучил ее уже в этом веке, — но достаточно свободно. Он помахал бластером.

— Простите мое негостеприимство. Но мне следует быть осторожным!

— Естественно, — сказал Эверард. — Да... мое имя Менциус, а моего друга зовут Ювенал. Как вы уже догадались, мы из будущего, историки, способ передвижения во времени у нас только что открыт.

— На самом деле я — Розер Штейн из 2987 года. Вы... обо мне слышали?

— А как же! — сказал Эверард. — Мы предприняли это путеше-

ствие в поисках загадочного Стейна, который, как полагают, определил поворотный пункт истории. Мы подозревали, что он путешественник во времени — perigrinator temporis. Теперь мы знаем наверняка.

— Три года. — Штейн взволнованно заходил по комнате, размахивая бластером. Но он был еще слишком далеко для внезапного прыжка. — Я здесь уже три года. Если бы вы только знали, как часто я лежал бессонными ночами и думал, удастся мне это или нет... Скажите мне, ваш мир пришел к единству?

— Земля и планеты, — сказал Эверард. — Уже очень давно.

Внутренне он задрожал. Его жизнь зависела от того, правильно ли он угадает, чего добивается Штейн.

— И вы свободный народ?

— Конечно. То есть у нас есть император, но все законы издает сенат, и он избирается народом.

Похожее на маску гнома лицо Штейна выразило почти священный восторг. Черты его исказились.

— Все, как я мечтал, — прошептал Штейн. — Благодарю вас.

— Значит, вы отправились в прошлое, чтобы... творить историю?

— Нет, — сказал Штейн. — Чтобы изменить ее.

Слова полились из него потоком, как будто он мечтал выговориться, но много лет не смел этого сделать.

— Я тоже был историком. Совершенно случайно я повстречался с человеком, который всем представлялся как купец с лун Сатурна, но я там жил когда-то и сразу же понял, что он лжет. Потом я докопался до истины. Это был путешественник во времени — из очень далекого будущего.

Вы должны понять, что век, в котором я жил, был ужасен, и, как психоисторик, я понимал, что война, нищета и тирания, которые были нашим проклятьем, происходили не от зла, внутренне присущего всем людям, а оттого, что весь мир был построен не так. Высокая техника развивалась в разделенном мире, войны становились все более ужасными и разрушительными. Были, конечно, и периоды спокойствия, даже относительно долгие, но зло пустило слишком глубокие корни, столкновения стали неотъемлемой частью нашей цивилизации. Вся моя семья погибла во время венерианского налета, мне нечего было терять. Я захватил машину времени после того, как... устранил ее владельца. Самая большая ошибка, думал я, была сделана в глубоком прошлом, в средние века. Рим объединил в мире великую державу, а когда есть мир, то есть и справедливость. Но Рим истощил себя, империя распалась. Варвары были жизнеспособны, они многого могли бы добиться, но слишком легко поддавались коррупции. Другое дело Англия. Она была изолирована от загнивавшего римского общества. Ее наводнили германцы, грязные полузвери, обладавшие силой и желанием учиться. В моей истории они просто уничтожили цивилизацию бриттов, а затем, будучи умственно беспомощными, сами были поглощены новым и беспощад-

ным врагом, цивилизацией, которая называется западной. Я хотел, чтобы история шла иным путем. Это было нелегко. Не представляете, как это трудно — выжить в незнакомом для тебя веке, пока ты не научился приспосабливаться, даже если у тебя и есть современное оружие и хорошие дары для короля. Но сейчас я добился уважения Хенгиста и доверия бриттов. Я могу объединить эти два народа в борьбе против пиктов. Опираясь на силу саксов и римскую культуру, Англия станет единым королевством, достаточно могущественным, чтобы противостоять любому вторжению. Христианство, конечно, неизбежно, но я прослежу, чтобы это было христианство, которое делает людей образованней и лучше, а не сковывает их догмами. В итоге Англия сможет постепенно овладевать государствами, расположенными на континенте, и вот мир станет единым. Я останусь здесь, пока не создам союз против пиктов, затем исчезну, но пообещаю вернуться позже. Если я буду появляться, скажем, каждые пятьдесят лет в течение нескольких веков, я стану легендой, богом, который не даст им свернуть с намеченного пути.

— Я много читал о Святом Стэниусе, — медленно проговорил Эверард.

— Я добился своего! — вскричал Штейн. — Я дал миру — мир!

По его щекам текли слезы.

Эверард придвинулся ближе. Штейн направил бластер ему в живот, все еще не вполне доверяя. Эверард чуть обошел его кругом, и Штейн тоже повернулся, чтобы держать его под прицелом. Но он был настолько опьянен кажущимися доказательствами своей победы, что совсем забыл об Уиткомбе. Через плечо Эверард бросил на англичанина выразительный взгляд.

Уиткомб замахнулся топором. Эверард бросился на пол. Штейн вскрикнул, и из дула бластера вырвалась молния. Топор рассек Штейну плечо. Уиткомб прыгнул и схватил его за руку, держащую бластер. Штейн застонал, пытаясь повернуть бластер. Эверард вскочил с пола и бросился на помощь Уиткомбу. Наступило минутное замешательство.

Затем бластер выпустил еще одну молнию, и Штейн мертвым грузом повис у них на руках. Кровь, хлещущая из огромной раны у него на груди, залила их одежду.

Вбежали двое стражников. Эверард подхватил с пола свой станнер, оглушающий противника до бесчувственного состояния. Копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и стражники упали на пол. Они должны были прийти в себя не раньше чем через несколько часов.

Пригнувшись, Эверард прислушался. Откуда-то в доме раздался женский крик, послышалась какая-то возня, но в комнату никто не вошел.

— Кажется, все в порядке, — сказал он, задыхаясь.

— Да.

Уиткомб взглянул на труп, лежащий между ними. Он казался маленьким и жалким.

— Я не хотел его смерти, — сказал Эверард. — Но время... не знает жалости. Наверно, так было записано.

— Лучше такая смерть, чем суд Патруля и высылка на отдаленную планету, — сказал Уиткомб.

— Юридически, по крайней мере, он был вором и убийцей, — сказал Эверард. — Но его мечта была великой мечтой.

— А мы уничтожили ее.

— Ее могла уничтожить история. И наверно, должна была уничтожить. Один человек недостаточно могуч или мудр, чтобы быть в ответе за будущее планеты. Мне кажется, что большинство человеческих несчастий и бед происходит как раз из-за таких вот фанатиков с добрыми намерениями.

— Значит, наше дело — просто сидеть сложа руки и принимать все, что случится? Подумай о всех своих друзьях в 1947-м. Они бы просто никогда не родились на свет.

Уиткомб снял с себя плащ и попытался оттереть кровь с одежды.

— Пойдем, — сказал Эверард.

Они пошли через здание к заднему портику. Испуганная наложница проводила их взглядом. Чтобы попасть в следующую дверь, Эверарду пришлось выжечь замок бластером. В комнате стояла Инговая модель машины времени, лежали несколько коробок с оружием и амуницией и книги. Эверард погрузил в машину все, кроме сундучка с радиоактивным металлом. Его надо было оставить, чтобы в будущем узнать о его существовании, вернуться за ним и помешать человеку, который хотел быть богом.

— Не хочешь отправиться в этой машине? — спросил он у Уиткомба. — Я тем временем заберу наш скуттер и встречу тебя в конторе, в 1894-м.

Уиткомб ответил ему долгим взглядом. Лицо у него было печальное, но постепенно на нем появилось выражение решимости.

— Ладно, старина, — сказал англичанин.

Он улыбнулся — почти грустно — и пожал Эверарду руку.

— Пока. Желаю удачи.

Эверард смотрел ему вслед, пока он входил в серый стальной цилиндр. Странное у них вышло прощание, если учесть, что через каких-нибудь несколько часов они будут вместе пить чай в 1894 году.

Беспокойство грызло его и тогда, когда он уже покинул здание и смешался с толпой. Странный парень этот Чарли. Что ж...

Никто не помешал ему выйти из города и направиться в рощу. Он вызвал скуттер и, несмотря на то что следовало торопиться, чтобы случайный прохожий не полюбопытствовал, что за птица приземлилась в этих кустах, открыл кувшин с элем. Ему сейчас было просто необходимо выпить. Затем он в последний раз взглянул на Старую Англию и настроил программатор на год 1894-й.

Мэйнуоттеринг и его охрана были на месте. Сначала они

встревожились, увидев только одного человека, всего забрызганного кровью, но Эверард быстро рассеял их опасения на этот счет.

Пока он помылся, побрился и продиктовал рапорт секретарю, прошло довольно много времени. Уиткомб давно уже должен был приехать в кебе, но о нем не было ни слуху ни духу. Мэнуоттеринг вызвал по радио склад и нахмурился.

— Его еще нет, — сказал он. — Что-нибудь могло случиться?

— Вряд ли. Эти машины времени безотказны.

Эверард закусил губу.

— Не знаю, в чем дело. Может быть, он меня не понял и отправился к себе в 1947-й?

После запросов выяснилось, что Уиткомб не доложил о своем прибытии и у себя.

Эверард и Мэйнуоттеринг пошли выпить по чашке чая. Когда они вернулись, от Уиткомба все еще не было никаких известий.

— Я думаю, надо оповестить разъездной патруль, — сказал Мэйнуоттеринг. — А что? Они быстро его разыщут.

— Нет. Погодите.

Эверард на минуту задумался. Он начал понимать, что произошло. И мысль эта была ужасна.

— У вас есть какие-либо предположения?

— Да. Кое-какие есть.

Эверард принялся поспешно стаскивать с себя викторианскую одежду. Руки его дрожали.

— Дайте мне мои вещи XX века, пожалуйста. Я, может быть, найду его сам.

— Патруль требует от вас предварительного доклада о ваших предположениях и намерениях, — напомнил Мэйнуоттеринг.

— К черту Патруль! — ответил Эверард.

6

Лондон, 1944-й. Ранняя зимняя ночь и пронзительный холодный ветер, продувающий темные улицы. Где-то слышится взрыв, вспыхивает огонь, красные языки пламени, точно флаги, полощутся над крышами.

Эверард остановил свой скуттер прямо на панели — при обстрелах «Фау»-снарядами все равно никто не выходил из домов — и медленно пошел по сумеречной улице. Семнадцатое ноября — тренированная память услужливо подсказала ему нужную дату. День смерти Мэри Нельсон.

Он вошел в будку телефона-автомата на углу и стал листать телефонный справочник. Нельсонов было много, но Мэри Нельсон в районе Стритхема была только одна. Это, конечно, мать. Он догадался, что дочь зовут так же. Не знал он и времени, когда упал снаряд, но это-то как раз было нетрудно выяснить.

Когда он выходил из будки, рядом раздался взрыв. Он свалился на тротуар ничком, и осколки стекла просвистели мимо. Семнадцатое ноября 1944 года. Мэнс Эверард — тогда он был моложе, — лейтенант инженерного корпуса США, в это время находился где-то за Ла-Маншем, неподалеку от немецких пушек. Он не мог сейчас точно припомнить, где именно, да и зачем? Это не имело значения.

Он знал, что в эту бомбежку с ним лично ничего не случится.

Новая вспышка высветила пространство за его спиной, пока он бежал к своему скуттеру. Он прыгнул на сиденье и поднялся в воздух. С высоты он не увидел города — только мрак и пятна огня. Вальпургиева ночь! Ад на земле!

Он хорошо помнил Стритхем — скучные ряды кирпичных домов, населенных клерками, зеленщиками и механиками, именно они поднялись на борьбу с силой, перед которой склонилась вся Европа. В 1943-м здесь жила одна девушка... Потом она вышла замуж за другого.

Он летел низко, пытаясь найти нужный дом. Неподалеку поднялся столб огня. Скуттер затрясся, Эверард чуть не вылетел из седла. Потом он увидел, как развалилось и запылало какое-то здание. Всего в трех кварталах от дома Нельсонов.

Он опоздал!

Нет!

Он взглянул на часы — десять тридцать — и перепрыгнул на два часа назад. Ночь уже наступила, но разбомбленный дом прочно стоял на своем месте. На секунду ему захотелось предупредить всех, живущих в нем. Но нет. Люди гибли сейчас во всем мире. Он не Штейн, чтобы взваливать на свои плечи историю.

Эверард усмехнулся, остановил скуттер и вошел в ворота. Он ведь и не из этих проклятых данеллиан. Эверард постучал, и дверь открылась. Женщина средних лет глядела на него из полумрака, и он вдруг понял, что ее удивил его штатский костюм. Она не привыкла видеть американцев в штатском.

— Простите, — сказал он, — вы ведь знаете мисс Мэри Нельсон?

— Конечно. — Женщина заколебалась. — Она живет поблизости. Она скоро придет. Вы ее друг?

Эверард кивнул головой.

— Она просила меня передать вам, миссис... э...

— Эндерби.

— О да, конечно, миссис Эндерби. Простите мою забывчивость. Мисс Нельсон просила передать вам, что никак не сможет прийти. Но очень просит вас и всю вашу семью быть у нее ровно в десять тридцать.

— Всю семью, сэр? Но дети...

— И детей обязательно тоже. Всех. Она для вас приготовила какой-то сюрприз и хочет его преподнести всем вместе именно у себя. Так что обязательно приходите.

— Что ж, хорошо, сэр... если она просит.

— Она приглашает вас всех, в 10.30, без опоздания. Увидимся там, миссис Эндерби.

Эверард откланялся и вышел на улицу.

Он сделал все, что мог. Теперь надо было спешить к дому Нельсонов. Он проехал три квартала, оставил свой скуттер в темной аллее и пошел к дому. На нем лежала теперь вина, такая же, как на Штейне. Он раздумывал, какой может оказаться отдаленная планета.

Рядом с домом Нельсонов не оказалось машины времени, а Инговая модель была слишком велика, чтобы ее можно было спрятать. Значит, Чарли еще не прибыл. Придется потянуть время.

Постучавшись в дверь, он продолжал размышлять, к чему может привести то, что он спас семью Эндерби. Дети вырастут, у них появятся свои дети, обычные англичане среднего класса, но где-нибудь в веках может родиться или, напротив, не родиться очень значительный человек. Время, конечно, не столь уж негибко. Кроме некоторых исключительных случаев ближайшие предки не имеют решающего значения, важен генетический код целого рода. Но ведь данный случай вполне может оказаться исключительным.

Дверь ему открыла молодая женщина, хорошенькая, небольшого роста, военная форма была ей очень к лицу.

— Мисс Нельсон?

— Да?

Меня зовут Эверард. Я — друг Чарли Уиткомба. Разрешите войти? У меня для вас довольно неожиданные новости.

— Я только что собиралась уходить, — сказала она извиняющимся тоном.

— Нет, вы никуда не пойдете.

Он совершил ошибку. Девушка вспыхнула от негодования.

— Простите. Разрешите же мне все объяснить.

Она провела его в гостиную с довольно убогой разношерстной мебелью и занавешенными окнами.

— Присаживайтесь, мистер Эверард. Только, пожалуйста, говорите тише. Мои все спят. Им рано вставать.

Эверард уселся поудобнее. Мэри устроилась на самом краешке дивана, глядя на него большими глазами. Он почему-то подумал, что Ульфнот и Эдгар могли быть ее предками. Да, возможно. И Штейн тоже...

— Вы в летных частях? — спросила она. — Там и познакомились с Чарли?

— Нет. Я из разведки, поэтому и одет в штатское. Скажите, когда вы его в последний раз видели?

— О, давно. Сейчас он во Франции. Надеюсь, что война скоро кончится. Так глупо с их стороны продолжать воевать, когда совершенно ясно, что им конец, правда?

Она с любопытством посмотрела на него.

— Но что у вас за новости?

— Минуточку.

Эверард пытался отвлечь ее разговорами о военных событиях, о положении на континенте. Странно было разговаривать с призраком. Он не мог заставить себя сказать ей правду, мешала дисциплина, вошедшая в плоть и кровь. Он хотел все рассказать, но язык, казалось, прилипал к гортани и не повиновался ему.

— ...И вы себе представить не можете, как тяжело иногда достать пузырек самых обычных чернил...

— Пожалуйста, — нетерпеливо перебила она. — Скажите мне сразу, в чем дело? Я договорилась пойти сегодня к знакомым.

Его спас стук в дверь.

— Извините, — прошептала она и прошла к двери мимо занавешенных окон. Эверард вышел вслед за ней.

Она отшатнулась и вскрикнула:

— Чарли!

Уиткомб прижал ее к себе, не замечая своей ютской одежды, забрызганной кровью. Эверард вышел в холл. Англичанин с ужасом уставился на него.

— Ты...

Он потянулся за станнером, но Эверард уже успел выхватить свой.

— Не будь дураком, — сказал американец. — Я твой друг. Я хочу тебе помочь. Что за безумие ты хочешь совершить?

— Я... я не дам... не дам ей пойти... не дам пойти...

— И ты думаешь, они не сумеют обнаружить тебя?

Эверард перешел на темпоральный, единственно возможный язык в присутствии перепуганной Мэри.

— Когда я ушел от Мэйнуоттеринга, он уже что-то начал подозревать. Если мы сейчас не найдем верного решения, весь Патруль будет поднят на ноги. Чтобы исправить ошибку, они, возможно, просто убьют ее. Тебя сошлют на отдаленную планету.

— Я...

Уиткомб проглотил комок в горле. На лице его застыл ужас.

— Ты... ты хочешь, чтобы она ушла и ее убили?

— Нет. Но сделать это надо по-умному.

— Мы исчезнем... в какую-нибудь эпоху... если надо, даже к динозаврам.

Мэри высвободилась из его объятий. Она готова была закричать.

— Молчите! — прикрикнул Эверард. — Ваша жизнь в опасности, и мы пытаемся вас спасти. Если не верите мне, поверьте хоть Чарли.

Он снова заговорил с Уиткомбом на темпоральном.

— Слушай, друг, нет такой эпохи или эры, где бы ты мог спрятаться со своей возлюбленной. Мэри Нельсон умерла сегодня ночью. Ее не было в 1947 году. Это тоже исторический факт. Я сам кое во что впутался: семья, которую она собиралась навестить, уйдет из дома, когда там упадет бомба. Если ты попытаешься скрыться с

ней, вас все равно найдут. Чистая случайность, что здесь еще нет патрульных.

Уиткомб попытался взять себя в руки.

— А если я заберу ее с собой в 1948-й? Откуда ты знаешь, что она вдруг внезапно не появилась в 1948-м? Может быть, это тоже факт истории?

— Да пойми ты, это невозможно. Попробуй. Скажи ей, что ты собираешься перенести ее в будущее на четыре года вперед.

Уиткомб застонал.

— Безнадежно... Я обречен...

— Да. Ты вообще не имел права даже появляться здесь в таком виде. Теперь тебе придется лгать, иначе она ничего не поймет. Между прочим, как ты собираешься объяснить ее появление вместе с тобой? Если она останется военнослужащей Мэри Нельсон — она дезертир. Если примет другое имя — где ее свидетельство о рождении, школьный аттестат, продовольственные карточки — все те документы, которые правительства двадцатого века так свято чтут? Безнадежное дело, дружище.

— Что же делать?

— Ждать патрульных и ничего более. Не уходи, я сейчас вернусь.

Эверард был холоден и точен, ему некогда было ни бояться, ни даже удивляться собственному поведению.

Вернувшись на улицу, он поставил программатор скуттера на пять лет вперед, двенадцать часов дня, площадь Пиккадилли-Серкус. Он включил главное устройство, посмотрел, как машина исчезает в воздухе, и вернулся обратно в дом. Мэри плакала в объятиях Уиткомба. Бедные дети, заблудившиеся в лесу!

— Порядок!

Эверард отвел их обратно в гостиную, сел и вытащил свой станнер.

— Теперь еще немного подождем.

Ждать пришлось недолго. Скуттер с двумя людьми в серой форме Патруля возник как по волшебству. В руках патрульных было оружие.

Эверард направил на них слабый луч станнера, рассчитанный на то, чтобы только оглушить их.

— Помоги мне связать их, Чарли, — сказал Эверард.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними, холодно улыбаясь.

— В чем нас обвиняют, ребята? — спросил он на темпоральном.

— Думаю, вам это известно, — спокойно сказал один из пленников. — Разыскать вас нам поручило главное управление. Проверив всю следующую неделю, мы выяснили, что вы эвакуировали семью, которая должна была погибнуть при бомбежке. Из анкеты Уиткомба нетрудно было установить, что вы придете к нему на помощь и попытаетесь спасти женщину, которая должна была

умереть сегодня ночью. Советую вам развязать нас, если вы не хотите еще больше повредить себе.

— Я же не изменил историю, — сказал Эверард. — Данеллиане остались там, где и были, верно?

— Да, конечно, но...

— С чего вы взяли, что семья Эндерби должна была погибнуть при бомбежке?

— Их дом разрушен, и они сказали, что ушли заранее только потому...

— Ага, но суть в том, что они ушли. Это факт истории. Значит, это вы хотите изменить прошлое.

— Но эта женщина...

— А вы уверены, что не было какой-нибудь Мэри Нельсон, которая приехала в Лондон в 1850 году и умерла от старости в 1900-м?

Патрульный ухмыльнулся.

— Вы настырный парень, а? Но номер не пройдет. Вы не сможете переспорить весь Патруль.

— Неужто нет? Я могу оставить вас связанными здесь, на полу, и вас найдет семья Эндерби. Я запрограммировал свой скуттер так, что он появится в публичном месте и во время, известное только мне одному. Как вы думаете, что после этого произойдет с историей?

— Патруль примет необходимые меры... как это сделали вы в пятом веке.

— Возможно! Но думаю, что облегчу им задачу, если смогу изложить свою просьбу. Я хочу говорить с данеллианином.

— Что?!

— То, что я сказал, — ответил Эверард. — Если потребуется, я возьму хоть ваш скуттер и отправлюсь на миллион лет вперед. Я просто расскажу им, насколько проще будет пойти нам навстречу.

— В этом не будет необходимости!

Эверард резко обернулся. У него перехватило дыхание, станнер выпал из его рук, глаза слепило мерцающее сияние. В горле у него сразу пересохло, он попятился назад.

— Ваша просьба уже рассмотрена, — произнес беззвучный голос. — Все было известно и обдумано за много веков до вашего рождения. Но вы все же были необходимым звеном в цепи времени. И если бы сегодня ваш замысел не удался, вам не было бы пощады... Некие Чарлз и Мэри Уиткомб жили в викторианской Англии — это исторический факт. Но в истории также значится, что какая-то Мэри Нельсон погибла в доме своих знакомых во время бомбежки в 1944 году, а Чарлз Уиткомб оставался холостяком до конца жизни и был убит в одной из операций Патруля. Эта неувязка была нами замечена, а так как даже малейший парадокс в ходе истории опасен, один из этих двух фактов должен был исчезнуть с ее страниц. Сейчас вы сами определили, какой именно.

В подсознании Эверард знал, что веревки с патрульных внезапно упали. В своем мятущемся мозгу он уловил мысль, что его скуттер

исчез... исчезает... исчезнет в момент своего появления на Пиккадилли-Серкус. Он знал, что факты истории теперь выглядят так: Мэри Нельсон пропала без вести, по всей видимости, убита бомбой около дома семьи Эндерби, которая, в свою очередь, находилась в ее квартире, когда упала эта бомба. Чарлз Уиткомб, пропавший без вести в 1947 году, по всей видимости, утонул в море. Эверард знал, что Мэри сказали правду, внушили ей, что она должна ее забыть, и переместили вместе с Чарли в 1850 год. Он также знал, что они будут жить, как и другие англичане среднего класса, но так до конца и не приспособятся к викторианской эпохе, что Чарли будет с болью душевной вспоминать о своей службе в Патруле, но любовь к жене и детям возьмет верх, и он поймет, что не так уж велика была жертва.

Он узнал все это, а затем данеллианин исчез. Сознание Эверарда постепенно прояснилось, и он снова посмотрел на двух патрульных. Какой будет его собственная судьба, он не знал.

— Пошли, — сказал первый патрульный. — Надо выбраться отсюда, пока люди не проснулись. Мы подбросим вас в ваш год. 1954-й? Верно?

— И что же дальше? — спросил Эверард.

Патрульный пожал плечами. Он держался и говорил небрежно, но за всем этим чувствовалось, что потрясение от встречи с данеллианином еще не прошло.

— Явитесь к начальнику своего отделения. Как показывают факты, вы совершенно не пригодны для регулярной работы.

— Значит... меня просто увольняют?

— Только без драм. Вы что думаете, это первый случай за столько лет работы Патруля? Существует обычный порядок. Вам, безусловно, нужно будет еще подучиться. Люди такого типа, как вы, больше подходят для статуса агента с правом свободных действий: сегодня — здесь, завтра — там, любой век и любое место, где вы можете понадобиться. Мне кажется, что эта работа как раз для вас.

Эверард забрался на скуттер, чувствуя слабость во всем теле. Когда он сошел с него, на Земле прошло уже десять лет.

БЫТЬ ЦАРЕМ

1

Однажды вечером в Нью-Йорке середины двадцатого века Эверард, переодевшись в старенький халат, смешивал себе коктейль. Его прервал звонок в дверь. Он выругался. За последние несколько дней он очень устал и сейчас не желал иной компании, кроме доктора Ватсона и его рассказов.

Может быть, ему быстро удастся избавиться от незваного гостя?

В домашних туфлях он прошлепал через квартиру и открыл дверь, придав своему лицу как можно более недружелюбное выражение.

— Привет, — холодно сказал он. И тут же, в одно мгновение ему показалось, что он на допотопном космическом корабле, который только что освободился от земного притяжения: наступила невесомость и он беспомощно барахтается в воздухе среди сияния звезд.

— Ох, — сказал Эверард. — Я и не думал... Заходи.

Цинтия Денисон задержалась на секунду в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели два скрещенных копья и шлем с плюмажем из Эгеиды бронзового века. Предметы были темные, блестящие и изумительно красивые. Она попыталась говорить спокойно, но из этого ничего не вышло.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорей.

— Ну конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять плащ. Она закрыла за собой дверь и присела на модную шведскую кушетку, такую же красивую и необходимую, как оружие над баром. Дрожащими руками она достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское? — спросил он.

Ему показалось, что слова эти донеслись откуда-то издалека, а его тело, неуклюже ворочавшееся среди бокалов и бутылок, забыло все, чему его обучили в Патруле.

— Да, — сказала она. — Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко щелкнула ее зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев, — сказал он, не зная, что говорить дальше.

Энтропия. Обычное время, ничем не изменяемые сутки по двадцать четыре часа в каждых.

Она выпустила клуб дыма и посмотрела, как он расплывается в воздухе.

— Я почти все время пробыла в нашей эпохе со дня моего замужества. Ровно восемь с половиной месяцев моего личного, биологического времени жизни, с тех пор как Кейт и я... А ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких эпохах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей свадьбе?

У нее всегда был довольно высокий и тонкий голос, единственный недостаток, который он мог в ней найти, если не считать ее маленького роста — всего пять футов. Поэтому речь ее всегда звучала невыразительно. Но сейчас он понял, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна, — сказал он. — Пей.

Она повиновалась и перевела дыхание. Он дал ей второй бокал и налил себе шотландского виски с содовой. Затем придвинул кресло и достал из своего старого, изъеденного молью халата трубку и табак. Руки у него еще слегка дрожали, но он надеялся, что она не заметит

этого. Она повела себя умно, не выпалив сразу же, зачем пришла: им обоим нужно было время, чтобы прийти в себя.

Сейчас он даже нашел в себе силы прямо взглянуть на нее. Несмотря на маленький рост, фигура у нее была почти безупречная, и черное платье подчеркивало изящество линий. Золотистые волосы падали до плеч, глаза — огромные голубые глаза — сияли из-под крутых дуг бровей, на лице, чуть запрокинутом вверх, губы были, как всегда, полуоткрыты.

Эверард медленно набивал трубку.

— Ну ладно, Цин, — сказал он. — В чем дело?

Она вздрогнула и с трудом проговорила:

— Кейт. Он исчез.

— Что? — Эверард выпрямился в кресле. — Выполнять задание?

— Да. Как же иначе? Отправился в Древний Иран. И не вернулся. Это было неделю назад.

Она поставила бокал рядом с собой на кушетку и переплела пальцы.

— Патруль, конечно, провел самое тщательное расследование. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Вот гады, — прошептал Эверард.

— Кейт всегда... всегда считал тебя своим лучшим другом. Ты даже не знаешь, как часто он говорил о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы мало общались с тобой, но тебя ведь никогда не было на месте...

— Конечно, — сказал он. — Ты что, думаешь, я малое дитя? Я был занят. И потом, в конце концов, вы же — молодожены.

«После того как я познакомил вас на Гавайях в лунную ночь у вулкана Моуна Лоа. Патрулю наплевать на условности, и такой новичок, как молоденькая Цинтия Куннингэм, только что выпущенная из Академии, работающая простым клерком в своем собственном веке, имеет полное право встречаться с заслуженным ветераном... со мной, например, встречаться сколько угодно, когда мы оба свободны от работы. И почему бы не использовать свой опыт и в соответствующей одежде не переносить ее на танцы в Вену Штрауса или в Лондон в Шекспировский театр, в маленькие бары старинного Нью-Йорка или на солнечные пляжи на Гавайях, где человек со своим каноэ появится еще только через тысячу лет? А его товарищ из Патруля... Почему бы ему тоже не принять участие в их маленьких развлечениях? А потом и не жениться на ней? Вот так-то!»

Эверард раскурил трубку. Когда его лицо заволокло клубами дыма, он сказал:

— Начни-ка с самого начала. Я не видел тебя два-три года своей биологической жизни и не знаю точно, над чем работал Кейт.

— Так долго? — с удивлением спросила она. — Ты даже не проводил отпуска в нашем десятилетии? Мы очень хотели видеть тебя.

— Перестань извиняться, — отрезал он. — Если бы захотел, я бы сам вас навестил.

Ее нежное личико перекосилось, как от удара.

Он тоже вздрогнул и забил отбой.

— Извини. Конечно, я хотел повидаться. Но ведь ты знаешь, мы, агенты с правом свободных действий, слишком заняты — все эти прыжки в пространстве-времени, чувствуешь себя, как блоха на сковородке. Ох, черт! — Он попытался улыбнуться. — Ты же помнишь, Цин, что я — невежа, но это ведь только на словах. Знаешь, я лично проводил легенду о Химере в Древней Греции. Был там известен под именем «дилайопод», странное чудище с двумя левыми ногами, торчащими изо рта.

Она послушно улыбнулась и взяла из пепельницы свою сигарету.

— А я все еще — простой клерк в Компании технологических исследований, — сказала она. — Но зато у меня тесная связь со всеми секциями и отделениями нашего ареала, включая и главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейта, и считаю их недостаточными! Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейт погибнет.

Она замолчала, вся дрожа.

Чтобы дать себе самому и ей время успокоиться, Эверард промолчал и стал вспоминать карьеру Кейта Денисона.

Родился в Кембридже, штат Массачусетс, в мае 1927 года, в довольно богатой семье. Докторскую степень за выдающуюся работу по археологии получил в двадцать три года. Неоднократно выигрывал чемпионаты по боксу в колледже, пересек Атлантический океан на маленькой яхте. Ушел в армию в 1950-м, служил в Корее и отличался храбростью, которая принесла бы ему славу в более популярной войне.

С Кейтом надо было достаточно сблизиться, чтобы узнать все это. Когда он был не на работе, он судил о разных вещах с тонкой иронией. Когда же наступало время действовать, просто делал свое дело без лишних слов.

«Конечно, — подумал Эверард, — девушка достается самому достойному. Кейт легко мог бы получить статус свободного агента, если бы захотел. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, Денисон завербовался по тому же объявлению, что и Эверард. Возможность путешествий во времени он осознал и принял более легко и естественно, чем большинство других: он обладал гибким умом и был, в конце концов, археологом. После окончания Академии он с радостью обнаружил, что его собственные интересы совпадают с нуждами Патруля: он стал Специалистом по древней истории индоевропейцев Востока и во многих отношениях был более ценным работником, чем Эверард.

Потому что свободный агент мог путешествовать во всех направлениях по трассам времени, спасая попавших в беду,

арестовывая правонарушителей, охраняя неприкосновенность ткани человеческих судеб. Но что бы он делал без знания истории? За много веков до появления иероглифов существовали войны, путешествия, совершались открытия, последствия которых сказались на всем протяжении временного континуума. Патруль должен был знать о них. Изучать ход событий — в этом и состояла работа Специалиста.

Кроме того, Кейт был его другом.

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну ладно, Цинтия, — сказал он. — Расскажи мне, что же случилось.

2

Высокий голос почти не дрожал — она взяла себя в руки.

— Он прослеживал миграцию разных индоевропейских племен. Об этом мало сведений. Приходится начинать с точно известного в истории момента, а оттуда уже идти назад. Поэтому Кейт и собрался в Иран 558 года до нашей эры. Он говорил, что это близко к концу мидийского периода. Ему приходилось расспрашивать жителей, перенимать их обычаи и нравы, затем отправляться в еще более ранний период, и так далее. Но ты же все это должен знать, Мэнс, ты ведь однажды помогал ему, до того как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, я просто помог ему в одном хлопотном деле. — Эверард пожал плечами. — Он тогда изучал древнейший путь одного племени от Дона до Гиндукуша. Мы представились их вождю как охотники, воспользовались его гостеприимством и пропутешествовали с племенем несколько недель. Это было забавно.

Он вспомнил степи и огромный простор небес над головой, бешеную скачку за антилопой, пиршество у костра и девушку, чьи волосы горьковато пахли дымом. На секунду у него возникло желание прожить свою жизнь и умереть как самый обычный человек из этого племени.

— В последний раз Кейт ушел один, — продолжала Цинтия. — У них там в отделении, да и во всем Патруле, вечно не хватает Специалистов. Сколько тысячелетий приходится изучать — и так мало коротких человеческих жизней, чтобы делать это. Он и раньше уходил один. Я всегда боялась его отпускать, но он говорил, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего... он будет в меньшей опасности в горах Ирана, чем переходя Бродвей. Но только не в этот раз!

— Ты хочешь сказать, — быстро спросил Эверард, — что он оставил Нью-Йорк неделю назад, чтобы собрать всю нужную информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день?

«Потому что только слепой кретин может оставить тебя одну надолго».

— И он не вернулся?

— Нет.

Она прикурила вторую сигарету от окурка.

— Я сразу начала волноваться и попросила своего начальника выяснить, в чем дело. Он оказал мне любезность, послал запрос на неделю вперед в будущее, то есть в сегодняшний день, и получил ответ, что Кейт еще не вернулся. Информационный пропускной центр сообщал, что Кейт к ним не являлся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились с данными главного управления. Они ответили, что... что... Кейт так никогда и не возвращался и что не было найдено даже его следов.

Эверард осторожно кивнул головой.

— Тогда, конечно, и начался поиск, о котором имеются данные в главном управлении.

«Изменчивое время допускает множество парадоксов», — в тысячный раз подумал он. Если вдруг пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что требовалось организовать его поиски, даже если где-то и было отмечено, что это произошло. Но какая еще есть возможность найти человека? Конечно, можно вернуться в прошлое и изменить историю так, чтобы в конце концов обнаружить его. В таком случае окажется: в истории «всегда» значилось, что дело было успешно завершено. И только ты один будешь знать «прежнюю» правду.

Все это создавало большую путаницу. Неудивительно, что Патруль с неудовольствием относился к любому, пусть самому маленькому изменению, которое даже не затрагивало основного хода событий.

— Наше отделение послало ребят в ареал Древнего Ирана расследовать это дело, — продолжал за Цинтию Эверард. — Они только приблизительно знали, где и когда Кейт должен был появиться, верно? Я имею в виду, что он и сам не знал, где сумеет спрятать свой скуттер, так что не мог оставить точных координат.

Цинтия кивнула.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли сам скуттер? Что бы ни случилось с Кейтом, скуттер пропасть не мог, он должен был быть где-нибудь поблизости, в какой-нибудь пещере например. В Патруле есть детекторы. Они должны были найти скуттер и уж отсюда вести поиски самого Кейта.

Она с такой силой затянулась сигаретой, что щеки ее запали.

— Они пытались найти скуттер, — сказала она. — Но мне объяснили, что это — дикая холмистая страна, где очень трудно вести поиски. Ничего не вышло. Они даже не нашли следов. Конечно, если бы патрульные прочесывали час за часом, милю за милей, может быть, что-нибудь и получилось. Но они не осмелились. Видишь ли,

этот ареал в критическом положении. Гордон показал мне выводы из анализа ситуации. Я не поняла всех этих обозначений и букв, но он объяснил мне, что это очень опасный век, который лучше не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Ее тепло успокаивало. Эпохи критических ситуаций никогда не приводили его в особенный восторг.

— Понятно, — сказал он. — Они не сумели произвести тщательный поиск, потому что это могло привлечь внимание слишком большого числа местных жителей и в критический момент они повели бы себя совсем не так, как обусловлено историей. Понятно. А кто-нибудь пытался переодеться, походить среди людей и осторожно разведать, что к чему?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили там по многу недель, конечно, из расчета времени Древней Персии. И не услышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны... может, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского царя: насколько я поняла, они недовольны его правлением... Нет, Патруль не смог ничего обнаружить. И к тому же нет никаких данных, что исчезновение Кейта как-то повлияло на историю. Они считают, что Кейта убили, а его скуттер куда-то исчез. И какая разница... — Цинтия вскочила на ноги и почти закричала: — И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, в каком-нибудь овраге окажется еще один?

Эверард тоже поднялся, она прильнула к его груди, и он не стал мешать ей выплакаться. Он никогда не подозревал, что ему будет так плохо. Он уже совсем перестал вспоминать ее (разве что по десять раз на дню), но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется забывать ее заново.

— Разве нельзя вернуться назад в пределах нашего времени? — взмолилась она. — Хотя бы на неделю назад, чтобы предупредить его, что он не должен туда отправляться? Разве я многого прошу? Что за чудовища придумали закон, запрещающий это?

— Его придумали самые обычные люди, — сказал Эверард. — Если мы хоть раз начнем играть с собственным прошлым, то в конце концов запутаемся так, что никого из нас просто не останется в этом мире.

— Но за миллионы лет и даже больше... ведь были же исключения!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейта Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали не святые, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить существующие законы в личных целях. Потери ты воспринимаешь, как на войне, и поднимаешь бокал в память погибшего, но не отправляешься назад в прошлое, чтобы увидеть его живым.

Цинтия высвободилась из его объятий, вернулась на кушетку и

выпила свой бокал до дна. Когда она опустила голову, золотые локоны упали ей на лицо.

— Прости, — сказала она, вынула платок и вытерла глаза. — Прости, что я разревелась.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейту. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попробовать.

Это была мольба, и отступать Эверарду было некуда.

— Могу, — сказал он. — У меня может ничего не получиться. В истории значится, что, если я попытаюсь разыскать его, у меня ничего не выйдет. Кроме того, на любое изменение пространства-времени посмотрят косо даже в таком простом и обычном деле.

— Для Кейта это дело совсем не обычное.

— Знаешь, Цин, — прошептал он, — немногие женщины на Земле сказали бы так. Большинство сказало бы, что это дело довольно непростое для меня.

Она попыталась поймать его взгляд и секунду стояла совершенно неподвижно. Потом пролепетала:

— Прости, Мэнс. Я не знала... Я думала, за столько времени ты уже...

— О чем это ты? — проговорил он, обороняясь.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут сделать? — спросила она и снова опустила голову. — Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не в состоянии никому рассказать, что существуют путешествия во времени... я думала, вполне возможно внушить человеку, что он больше не...

— Замолчи, — грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он сосредоточенно грыз свою трубку. — Хорошо, — сказал он наконец. — Есть у меня кое-какие соображения по этому поводу. Если Кейта можно спасти, ты его увидишь завтра утром.

— Скажи, ты можешь перебросить меня сейчас в завтрашний день?

— Могу, — сказал он. — Только я этого не сделаю. Тебе нужно хорошенько отдохнуть за ночь. Я провожу тебя домой и позабочусь, чтобы ты приняла снотворное. Затем вернусь сюда и все хорошенько обдумаю. — Его губы дрогнули в каком-то подобии усмешки. — Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс...

Она вложила свои руки в его.

Он вдруг ощутил в ней внезапный прилив надежды и проклял себя за это.

3

Осенью 452 года до нашей эры в долину Кура въезжал какой-то одинокий всадник. Он ехал на гнедой кобыле, более крупной, чем даже местные кавалерийские лошади, которая в другом месте наверняка привлекла бы какого-нибудь разбойника. Но Великий царь установил во всех своих владениях такой строгий порядок, что, как говорили в народе, даже девственница могла пройти всю Персию вдоль и поперек безо всякого для себя ущерба. Это было одной из причин, по которой Мэнс Эверард выбрал именно эту дату: шестнадцать лет спустя после исчезновения Кейта Денисона. Другая причина заключалась в том, что он хотел оказаться в Персии тогда, когда улягутся волнение и суматоха, вызванные появлением в 558 году первого путешественника во времени.

Какова бы ни была судьба Кейта, о ней легче всего было узнать в более позднее время, по крайней мере, непосредственно после происшествия Патрулю ничего сделать не удалось.

И наконец, согласно данным Ахеменидского ареала, 542 год был первым относительно спокойным годом с момента исчезновения Кейта. Годы 558 — 553, когда персидский царь Аншана, Куруш (известный истории под именем Кира), находился в натянутых отношениях со своим господином мидийским царем Астиагом, были очень напряженными. Затем следовали три года, во время которых Кир поднял мятеж, империю разрывала гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. Но Кир не мог еще считать себя победителем. Ему предстояло подавить восстания побежденных и отразить набеги урало-алтайских племен; он потратил еще четыре года на то, чтобы справиться со всем этим и расширить свои владения к востоку. Это встревожило его соседей — монархов. Вавилон, Египет, Лидия и Спарта составили коалицию во главе с лидийским царем Крезом и в 546 году напали на Кира. Лидийцы были разбиты наголову, их земли были захвачены, но они поднимали восстания, которые снова и снова приходилось подавлять. Надо было как-то договориться с греческими колониями Ионией, Карией и Ликией. И пока полководцы Кира разрешали эти проблемы на западе, сам он воевал на востоке, отбрасывая от границ государства дикие племена, грозящие захватить и сжечь его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этих войн. Киликия сдалась без борьбы, видя, что на всех завоеванных землях Персия издает невиданно гуманные законы и проявляет терпимость к местным обычаям. Кир поручил восточные походы своим приближенным и занялся объединением империи, которую создал. Войны с Вавилоном теперь не будет до 539 года; только тогда империя присоединит к своим владениям и Месопотамию. А затем опять наступит долгое время мира, пока не наберут силы дикие племена за Аральским морем и царь Кир не отправится воевать с ними навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард въезжал в Пасаргады как в страну надежды, хотя, пожалуй, нет такой эры в истории, которая давала бы основание для столь пышной метафоры.

Эверард проезжал вдоль полей, где крестьяне серпами жали хлеб и грузили снопы на скрипучие некрашеные повозки, запряженные быками. Пыль, поднимавшаяся от стерни, слепила жнецам глаза.

Дети в лохмотьях, стоявшие у землянок без окон, провожали его глазами.

На дороге метался цыпленок, вспугнутый царским вестником. Всадник проскакал мимо, оставив мертвую птицу валяться в пыли...

Мимо проехал конный отряд. Воины были одеты весьма живописно: мешковатые штаны, латы, остроконечные шлемы, иногда украшенные перьями, и яркие полосатые плащи, правда, покрытые пылью и пропитанные потом. К тому же всадники отпускали грубые шутки.

За высокими каменными стенами виднелись большие дома знати, окруженные пышными садами, но при существовавшей в эту эпоху экономической системе немногие были в состоянии содержать подобные поместья. Пасаргады, город, в который въехал Эверард, был на 90 процентов восточным городом — с кривыми грязными улочками, вдоль которых тянулись безликие хибары; с людьми в грязных головных уборах и жалкой одежде; купцами на базаре, зазывающими покупателей; нищими, выставляющими напоказ свои язвы; торговцами, ведущими караваны облезлых верблюдов и тяжело нагруженных ослов; голодными собаками, копающимися в отбросах; музыкой, доносившейся из кабачков и напоминающей мяуканье кошки, попавшей в стиральную машину; воинами, размахивающими оружием и изрыгающими проклятия:..

...Откуда взялась эта ходячая легенда о загадочном Востоке?

— Подайте милостыню, господин! Подайте, и да осветит вас улыбка Митры!..

— Взгляни, господин! Клянусь бородой своего отца, ни у кого еще не было такой чудесной уздечки! Тебе повезло, господин, возьми уздечку всего за...

— Сюда, господин, сюда. Самый прекрасный караван-сарай во всей Персии, нет, во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебединым пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором идет во все концы света, а три мои сестры — это дивные луны восторга, все за...

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих рядом с его конем мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку — он выругался и отпихнул мальчишку ногой. Тот не обиделся — только ухмыльнулся. Эверарду не хотелось останавливаться в караван-сарае: хотя персы и тщательнее следили за чистотой, чем другие народы этого века, насекомых хватало и у них.

Он попытался побороть в себе внезапно возникшее чувство беспомощности. Обычно патрульные всегда как-то страховали себя,

брали в незнакомую эпоху станнер тридцатого века и крошечный радиоприемник, с помощью которого можно было вызвать в любой момент спрятанный скуттер. Но не сейчас, когда его могли подвергнуть обыску, да и прятать всю эту технику было некуда. Эверард был в греческой одежде: туника, сандалии и шерстяной плащ, меч на боку, шлем и щит на луке седла — только вооружение было из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, если бы попал в беду: никаких отделений здесь не было. Эта относительно бедная и бурная переходная эпоха не способствовала межвременным торговым операциям. Ближайший патрульный пост находился в управлении ареала в Персеполе, на поколение позже.

Улицы расширялись, торговцев становилось меньше, а дома — роскошнее. Наконец он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре больших дворца. За окружавшими их стенами виднелись сливовые деревья. Стражники — легковооруженные юноши — сидели на корточках у стен: стойка «смирно» еще не была изобретена. Но когда Эверард приблизился, они натянули стрелы на тетивах. Он мог просто пересечь площадь, но остановился и обратился к человеку, выглядевшему старшим по команде.

— Пусть солнце всегда ярко светит тебе, уважаемый.

Персидский язык, который он выучил всего за один час под гипноизлучателем, легко слетал с его губ.

— Я ищу гостеприимства какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть и твои дни будут долгими, — ответил стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: соплеменники Кира были гордыми людьми, храбрыми охотниками, пастухами и воинами. Все они говорили с той полной достоинства вежливостью, которая отличала этот народ на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Лидийскому, слуге Великого царя. Он не откажет в крыше над головой.

— Меандру из Афин, — подхватил Эверард.

Греческое происхождение объясняло его крепкое сложение, светлую кожу и короткую стрижку. Ему все же пришлось прилепить вандейковскую бородку. Геродот не был первым греком, совершавшим кругосветное путешествие, поэтому не следовало утрировать афинскую внешность.

В то же время за полстолетия до Марафона европейцы все еще были здесь в достаточной мере в диковинку, чтобы вызвать интерес.

Позвали раба, который пошел к управляющему, тот послал другого раба, который провел чужеземца через ворота. Сад за стенами утопал в зелени, и от него веяло прохладой, как Эверард и предполагал; нечего было и думать, что здесь у него что-нибудь могут украсть; вино и еда должны были быть великолепными, а сам Крез,

несомненно, заинтересуется гостем. «Все будет хорошо, вот увидишь», — сказал Эверард сам себе, принял горячую ванну, умастил себя благовониями и надел чистое белье. Блюда с пищей и вино были принесены в его спартански убранную комнату, где стоял низкий широкий диван и из окон открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Разумеется, из вещей, вообще для него доступных...

Конечно, если бы Кейт оказался погибшим...

— Черти в аду и грешники на сковородке! — прошептал Эверард. — Не смей об этом даже думать, слышишь?

4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники, раздуты жаровни — огонь считался священным. Раб распростерся перед ним и провозгласил, что обед подан. Эверард последовал за рабом через длинный зал, стены которого были украшены фресками с изображением Солнца и великого Митры. Мимо двух склонившихся стражников он прошел в небольшую комнату, ярко освещенную, окутанную ароматом благовоний и устланную коврами. У стола, согласно греческим обычаям, было два ложа; вопреки этим обычаям блюда подавались только на золоте и серебре, рабы неслышно сновали взад и вперед, разнося пищу, и откуда-то доносилась далекая, похожая на китайскую, музыка.

Крез Лидийский благожелательно кивнул головой. Его лицо с правильными чертами было когда-то красиво, но он сильно состарился по сравнению с тем временем, когда его слава, богатство и могущество вошли в поговорку. Он носил кудрявую бороду, длинные волосы и был одет в греческую хламиду.

— Будь гостем, Меандр из Афин, — сказал он по-гречески, глядя на Эверарда.

Согласно обычаю хозяин подставил Эверарду щеку для поцелуя. Было очень любезно со стороны Креза приветствовать его так, тем самым ставя почти на одну доску с собой; неважно, что от него пахло чесноком.

— Приветствую тебя, господин мой. Благодарю за твою доброту.

— Да не унизит тебя, что за трапезой мы только вдвоем, — произнес бывший царь. — Я решил... — Он заколебался. — Я всегда считал себя близким к роду греков, и мы сможем поговорить серьезно...

— Я не достоин столь высокого уважения господина моего.

Исполнив положенный ритуал обмена любезностями, они принялись за еду. Эверард рассказал заранее выдуманную историю своих приключений; иногда Крез задавал неожиданные вопросы,

на которые непросто было ответить, но Эверард скоро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры, — сказал Крез. — Никогда еще мир не знал более великого царя, чем... — И так далее, и тому подобное, безусловно, для тех слуг, которые попутно были и царскими шпионами. Впрочем, на сей раз царь был действительно велик...

— Сами боги отметили нашего царя, — продолжал Крез. — Знай я раньше, что они на его стороне, взаправду, а не согласно легенде, как думал я, никогда бы не решился я восстать против него. Потому что он, несомненно, избранник богов.

Эверард, продолжая изображать из себя грека, разбавил вино водой и внутренне пожалел, что не избрал для себя народ, менее приверженный к трезвенности.

— Какова же история царя, господин мой? — спросил он. — Я слышал только, что Великий царь — сын Камбиса, который стоял во главе этой провинции как подданный царя мидийского Астиага. Больше ничего.

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение: страх и энтузиазм отражались в них одновременно — люди эпохи Эверарда просто разучились так смотреть.

— Слушай же и расскажи своему народу, — сказал он. — Астиаг выдал дочь свою Мандану замуж за Камбиса, так как знал, что персы ненадежны под его тяжким игом, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Камбис был болен и слаб. Если бы он умер и его малолетний сын Кир сел на трон в Аншане, персидские вельможи устроили бы регентство, неподвластное Астиагу. Толкователи снов предупредили мидийского царя, что Кир положит конец его власти. Тогда Астиаг приказал своему придворному Аурвагаушу (Крез произнес это имя на греческий манер — Гарпаг — как, впрочем, он произносил все местные имена) убить Кира. Несмотря на сопротивление царицы Манданы, Гарпаг забрал ребенка. Камбис был слишком болен, чтобы помешать этому, а Персия не могла поднять восстания без подготовки. Но Гарпаг не нашел в себе сил убить мальчика. Он обменял его на другого, мертворожденного сына пастуха, который поклялся молчать. Мертвого ребенка завернули в царские одежды и оставили на склоне холма. Придворные мидийского царя подтвердили, что это — Кир, и его похоронили. Наш повелитель вырос пастухом. Камбис жил еще двадцать лет, но у него не было больше сыновей. Он был слишком слаб, чтобы отомстить за убийство своего первенца. У него не осталось наследника, власти которого персы считали бы себя обязанными подчиниться. Страна снова оказалась под угрозой восстания. В это время и появился Кир, которого узнали по многим знамениям и знакам. Астиаг, сожалея о своем поступке, приветствовал его и объявил наследником Камбиса. Кир оставался подданным Астиага целых пять лет, но в конце концов

не смог больше терпеть тирании мидян. Гарпагу в Акбатане тоже было за что мстить: ведь он ослушался своего царя и не убил Кира. Астиаг за это подверг его чудовищному наказанию: заставил умертвить и съесть собственного сына. Гарпаг договорился кое с кем из мидийской знати. Они выбрали Кира своим вождем, Персия восстала, и после трехлетней войны Кир стал царем двух народов. С тех пор, конечно, он прибавил к своим владениям много новых земель. Когда еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард некоторое время молчал. За окном в саду осенний ветер шелестел сухими листьями.

— Все это правда или просто слухи? — спросил он.

— Я слышал подтверждения этой истории достаточно часто, с тех пор как живу при персидском дворе. Ее рассказывал мне сам царь, а также Гарпаг и другие, кто участвовал в этом деле.

Лидиец не мог лгать, раз он ссылался на слова своего царя. Высокородные персы были фанатиками в отношении правды. И все же Эверард не слышал ничего более невероятного за все время своей работы в Патруле. Потому что это было точное изложение рассказа, записанного Геродотом, засвидетельствованное с некоторыми изменениями и в персидской «Шахнаме», и всем было абсолютно ясно, что это — самый обычный миф.

Примерно такие же легенды создавались о Моисее, Ромуле, Сигурде и множестве других великих людях. Не было никаких оснований верить в то, что все это правда и что Кир не вырос обыкновенным образом в доме своего отца, не получил трон по праву рождения и не поднял восстание по самым обычным причинам.

Но все дело в том, что у этой легенды были очевидцы, готовые присягнуть, что она правдива. Здесь была какая-то загадка, и она напомнила Эверарду о цели его пребывания в Персии.

После соответствующих случаю выражений удивления он спросил:

— До меня дошли слухи, что шестнадцать лет назад в Пасаргады пришел человек в простой пастушьей одежде, который на самом деле был волшебником и умел творить чудеса. Может быть, он и умер здесь. Слышал ли мой досточтимый хозяин что-нибудь об этом?

Весь напрягшись, он ожидал ответа. У него было предчувствие, что Кейта Денисона не могли просто убить какие-нибудь проходимцы, он не мог свалиться со скалы и сломать себе шею или вообще попасть в какую-нибудь переделку, иначе патрульные обязательно нашли бы его скуттер. Возможно, они недостаточно прочесали местность, чтобы отыскать самого Денисона, но как они могли не запеленговать машину времени своими чувствительными детекторами?

«Значит, — подумал Эверард, — здесь что-то другое. И если Кейт еще жив, он должен находиться где-то среди людей».

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Но действительно, в этот год случилось много чудесных знамений, так как именно тогда Кир спустился с гор и законно возложил на себя корону Аншана. Нет, Меандр, я ничего об этом не знаю.

— Я хотел отыскать этого человека, — сказал Эверард, — потому что оракул повелел мне... — И так далее и тому подобное.

— Ты сможешь расспросить слуг и горожан, — предложил Крез. — Я представлю тебя царскому двору. Ты ведь поживешь здесь немного? Возможно, сам царь пожелает увидеть тебя, ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил с довольно кислой улыбкой, что персы придерживаются правила рано ложиться и рано вставать и что он должен быть в царском дворце с наступлением зари. Раб проводил Эверарда обратно в его комнату, где его ждала хорошенькая девушка с обещающей улыбкой на губах. Он заколебался, припомнив ту, которая живет через две тысячи четыреста лет. Но... к черту! Человеку надо пользоваться всеми благами, которые дают ему боги, а боги не так уж щедры.

5

Вскоре после восхода солнца на площадь вылетела кавалькада вооруженных всадников, громко выкрикивая имя Меандра из Афин.

Эверард поспешно оставил свой завтрак и вышел из дома. Ему пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всадника на высоком сером жеребце. Это был человек с ястребиным носом и заросшим волосами лицом, начальник стражников, которых здесь называли бессмертными. Стражники поднимали на дыбы разгоряченных коней, перья и плащи развевались, оружие бряцало, скрипели кожаные седла.

— Тебя призывает хилиарх, — выкрикнул начальник отряда.

В действительности он назвал чисто персидский титул, обозначавший главу бессмертных и великого визиря империи.

Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Его мускулы напряглись. Это было не очень любезное приглашение, но вряд ли он мог не пойти, сославшись на неотложное дело.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он. — Разреши мне только вернуться и взять скромный подарок, чтобы быть достойным той чести, которая мне оказана.

— Хилиарх повелел, чтобы ты пришел немедленно. Вот лошадь.

Лучник подвел к нему коня и подставил руки лодочкой, на манер стремени, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи: способ, полезный в те века, когда еще не были изобретены стремена. Начальник отряда одобрительно кивнул головой, повернул коня, и они начали бешеную скачку по широкой аллее, украшенной статуями

сфинксов и виллами знатных горожан. Здесь не было такой толкотни, как на улицах, примыкавших к базару, но разъезжало много всадников и колесниц, попадались и прохожие, которые шарахались в сторону: бессмертные не останавливались, чтобы пропустить пешехода. Вскоре кавалькада уже прогрохотала через широко распахнувшиеся перед ними ворота дворца, гравий летел из-под копыт. Обогнув лужайку с несколькими фонтанами, всадники остановились у западного крыла здания.

Сам дворец из безвкусно раскрашенного кирпича стоял на небольшом возвышении, окруженный несколькими зданиями поменьше. Начальник стражи соскочил с коня, жестом приказал Эверарду следовать за ним и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард шел окруженный воинами, которые держали наготове блестящие боевые секиры. Они прошли мимо рабов в чалмах, лежавших лицом вниз на полу, по желто-красному колонному залу, затем через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард в тот момент был не в состоянии оценить, потом мимо отряда других стражников в зал, купол которого, украшенный мозаикой цветов павлиньего хвоста, поддерживали стройные и легкие колонны. Аромат отцветающих роз наполнял комнату сквозь сводчатые окна.

Бессмертные совершили ритуал повиновения. «Что могут они, можешь и ты, сынок, — подумал Эверард, — пал ниц и поцеловал персидский ковер».

Человек, возлежавший на низком диване, кивнул.

— Поднимись и слушай! — сказал он. — Подайте греку подушку.

Солдаты окружили его. Нубиец поспешно принес подушку, которую положил у ног своего господина. Эверард сел, поджав ноги. Во рту у него пересохло. Хилиарх, которого Крез, как он помнил, называл Гарпагом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры, покрывавшей диван, и роскошной красной мантии, окутавшей его худое тело, мидянин выглядел старым: его длинные, до плеч волосы отливали сероватым блеском железа, темное горбоносое лицо было изрыто морщинами. Но пронзительные умные глаза внимательно смотрели на чужеземца.

— Ну, — сказал он по-персидски с сильным североиранским акцентом, — значит, это ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказал нам о твоем прибытии сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Поскольку речь может идти о безопасности государства, мне следует знать, кого же ты ищешь.

Он погладил бороду рукой, на которой блеснули драгоценные камни, и улыбнулся ледяной улыбкой.

— Может случиться, что, если твои поиски не принесут вреда, я даже помогу тебе.

Он намеренно опустил обычные формы приветствия, не

предложил угощения и вообще не принимал Меандра, как полагается, по обычаю, принимать гостя. Это был допрос.

— Что ты хочешь знать, господин? — спросил Эверард.

Он хорошо представлял себе, чего хочет Гарпаг, и в ожидании ответа испытывал острое чувство тревоги.

— Ты ищешь волшебника, который пришел в Пасаргады шестнадцать лет назад в одежде пастуха и творил чудеса. — Напряжение исказило голос хилиарха: он стал хриплым. — Зачем тебе знать это и что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Говори быстро и не вздумай лгать!

— Великий господин, — заговорил Эверард, — оракул из Дельф сказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в... э-э-э... третий год первой тирании Писистрата. Больше ничего не ведаю. Господин хорошо знает, как темны предсказания оракулов.

— Так, так...

На худом лице Гарпага промелькнула тень страха. Он начертил в воздухе знак креста — символическое изображение солнца в культе Митры. Потом хрипло спросил:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне...

— Ты лжешь! — вскричал Гарпаг. — Все греки — лжецы. Берегись, ты впутался в нехорошее дело. С кем еще ты говорил?

Эверард увидел, что губы хилиарха дергаются в нервном тике. Он сам чувствовал холод и пустоту в желудке. Он приоткрыл завесу над какой-то тайной, которая, как считал Гарпаг, была надежно скрыта, тайной настолько великой, что хилиарх решился даже не считаться с возможностью оскорбить Креза, под чьей защитой Меандр как гость находился согласно обычаям. А сам он мог полагаться только на кинжал. В эту эпоху ничего более надежного еще не изобрели. И после того как дыба и клещи извлекут из чужеземца все, что ему известно... Но что же, черт побери, ему известно?

— Ни с кем, господин, — сказал он. — Ни с кем, кроме оракула и бога Солнца, говорившего устами оракула, который прислал меня сюда. Впервые я рассказал об этом почтенному Крезу вчера вечером.

Гарпаг отпрянул, несколько обескураженный упоминанием божества, но буквально в ту же секунду овладел собой.

— Мы слышали только от тебя, от грека, что ты послан оракулом. А может, ты пришел выпытать наши тайны? Или даже если ты действительно послан богом, то, значит, для того, чтобы тебя здесь казнили за твои грехи. Но мы это быстро выясним.

Он кивнул начальнику стражи.

— Отведите его вниз. Именем царя.

Царь!

Догадка ослепительно, как молния, блеснула в мозгу Эверарда.

— Да, царь! — закричал он. — Бог сказал мне... что будет знак... и что я должен донести его слова до царя персов!

— Взять его! — взревел Гарпаг.

Стража бросилась выполнять приказание. Эверард отскочил, крича, что отдается на милость царя Кира. Он кричал изо всех сил. Пускай его даже арестуют, его слова дойдут до трона и... Два воина с поднятыми секирами прижали его к стене. Через их головы он видел, как Гарпаг вскочил с дивана.

— Схватить и отрубить ему голову, — приказал мидянин.

— Господин, — возразил начальник стражи, — он отдался на милость царя.

— Это колдовство. Я теперь знаю, он — колдун, слуга Аримана! Убить его!

— Нет, подождите! — вскричал Эверард. — Подождите, он сам предатель, который не дает мне сказать царю, что... Отпусти меня сейчас же, мерзавец.

Кто-то схватил его за правую руку.

Эверард был готов отсидеть несколько часов в тюрьме, пока этот царь не услышит о нем и не вытащит его оттуда, но дело начало принимать совсем иной оборот. Боковым ударом Эверард расквасил стражнику нос. Тот попятился. Американец вырвал у него секиру, отпрыгнул и парировал удар воина, нападавшего слева.

Бессмертные атаковали. Эверард взмахнул секирой, она ударилась о другую, и один из стражников поплатился пальцами руки. Искусством владеть оружием патрульный превосходил большинство нападавших, но долго, конечно, он бы не продержался. Уклонившись от очередного удара, направленного в голову, он нырнул за колонну. Немного свободного пространства. Еще один удар, и рука атакующего воина безжизненно повисла. Перепрыгнув через падающее тело в латах, Эверард выбежал на середину комнаты. Гарпаг поднялся с дивана, выхватывая из-под мантии меч: чертов старик отнюдь не был трусом. Эверард развернулся, так что хилиарх оказался между ним и стражей. Меч и секира скрестились. Патрульный старался подойти к Гарпагу вплотную, по крайней мере, тогда стража не сможет бросить в него оружие. Но воины стали окружать его сзади. Вот ведь черт! Может быть, сейчас погибнет еще один патрульный!

— Стойте! Все — ниц! Царь идет!

Три раза прокричал глашатай, огромный мужчина в алом плаще. Стража застыла на месте, не сводя с него глаз, а затем попадала ниц. Гарпаг уронил меч. Эверард чуть не рассек ему череп, но вовремя сдержал руку и, слыша торопливую поступь воинов через зал, тоже бросил свою секиру. Секунду они с хилиархом, задыхаясь, глядели прямо в глаза друг другу.

— Он услышал... и пришел... сразу же... — с трудом выговорил Эверард.

Мидянин подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется яд или кинжал!

— Царь! Царь! — кричал глашатай.

Эверард вместе с Гарпагом бросились на пол.

Сначала в комнату вошли бессмертные и выстроились в две шеренги, образуя широкий проход к дивану. Затем вошел сам Кир, в длинной мантии, развевавшейся при каждом его широком шаге. За ним следовало несколько приближенных, одетых в кожу; они пользовались привилегией носить оружие в присутствии царя. Раб-церемониймейстер ломал руки им вслед: он не успел расстелить ковер и позвать музыкантов.

Голос царя разорвал абсолютную тишину:

— В чем дело? Где чужеземец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул приподнять голову. Кир был высок, широкоплеч, но худощав; он выглядел старше, чем можно было предположить из рассказа Креза. С дрожью в сердце Эверард подумал, что ему сорок семь, но шестнадцать лет войн, которые пришлось вести царю, и охота сохранили его тело гибким. У Кира было узкое темное лицо со шрамом на левой скуле, карие глаза, прямой нос и полные губы. Его слегка вьющиеся черные волосы были зачесаны назад, а борода подстрижена немного короче, чем полагалось по персидскому обычаю. Он был одет просто, насколько позволял его сан.

— Где же тот чужеземец, о котором сообщил раб?

— Я здесь, Великий царь, — сказал Эверард.

— Встань. Назови свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Привет, Кейт.

6

По стенам мраморной беседки густо вились виноградные лозы. Они почти скрывали окруживших ее лучников. Кейт Денисон тяжело опустился на скамейку. Глядя на причудливые тени от листьев на полу, он сказал с отвращением:

— По крайней мере, мы можем поговорить без чужих ушей. Английский язык еще не изобретен.

Он помолчал и продолжал говорить по-английски с некоторым напряжением: сказывалось отсутствие практики.

— Иногда мне казалось, что самое трудное в здешней жизни — ни минуты не быть предоставленным самому себе. Максимум, что я могу сделать, это выгнать всех из комнаты, где нахожусь, но они тут же начнут подслушивать у дверей, подглядывать в окна, всячески охранять меня. Пусть их преданные души сгорят в адском пламени!

— Представление о том, что такое право на уединение, пока еще не существует в этом веке, — напомнил Эверард. — Впрочем, такие важные персоны, как ты, не очень-то располагали собой во все исторические эпохи.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все хочу спросить тебя, как Цинтия, — сказал он, — но ведь, конечно, для нее прошло... пройдет не так много времени, может быть, всего неделя. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скуттере, — сказал Эверард. — Я подумал, что мне и так придется достаточно многое объяснять. Вот уж никак не ожидал, что ты будешь здесь заправлять всем этим государством.

— Я и сам этого не ожидал. — Денисон пожал плечами. — Самое фантастическое, что только могло произойти. Парадоксы времени...

— Как же это случилось?

— Денисон потер лоб рукой и вздохнул.

— Меня затянуло в машину здешней государственной политики. Знаешь, иногда все прошлое кажется мне странным сном. Существовало ли когда-нибудь христианство? Хартия вольностей? Контрапунктическая музыка? Не говоря уже о тех людях, которых я знал. Все еще никак не верится, что ты здесь, Мэнс. Наверное, я сейчас проснусь. Ладно, дай вспомнить. Знаешь, как все произошло? Мидяне и персы и в расовом и в культурном отношении находятся в близком родстве, но мидяне в те времена держали власть в своих руках; они многое переняли от ассирийцев, о которых персы не столь хорошего мнения. Мы в основном свободные земледельцы и скотоводы, и, конечно, несправедливо, что мы оставались подданными...

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот видишь, опять. Почему я говорю «мы»? Ну, в общем, в Персии было неспокойно. За двадцать лет до того мидийский царь Астиаг приказал убить Кира, но теперь он пожалел об этом, так как отец Кира умирал, и отсутствие законного наследника могло вызвать гражданскую войну. Я высадился в горах. Для того чтобы спрятать скуттер, мне пришлось поискать место и во времени, и в пространстве: день туда, несколько миль сюда... Потому-то Патруль и не смог потом засечь его своими детекторами... Это одна из причин. В конце концов я оставил его в пещере и отправился дальше пешком, но почти сразу же попал в беду. Через этот район на усмирение персов, среди которых начались волнения, как раз проходила мидийская армия. Один из воинов заметил, как я выходил из пещеры, вернулся, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали допрашивать, выпытывать, что это я прячу. Они приняли меня за волшебника и сильно испугались, но еще больше они боялись показать себя трусами.

Со скоростью лесного пожара весть обо мне разнеслась по армии и по всей стране. Все знали, что я появился при удивительных обстоятельствах.

Их начальником был сам Гарпаг, злой и умный, как черт. Он решил, что меня можно использовать. Он приказал мне привести в движение мою бронзовую лошадь, но не разрешил сесть на нее. Мне все же удалось настроить программатор скуттера и отправить его путешествовать во времени. Это вторая причина, по которой Патруль

не нашел его. Машина находилась в этом веке всего несколько часов, а потом, вероятно, отправилась к началу начал.

— Здорово! — одобрительно сказал Эверард.

— Я ведь знал приказ, запрещающий такую степень анахронизма. — Денисон скривил рот. — Но я все же ожидал, что Патруль меня выручит. Знай я, как все получится, я совсем не уверен, что повел бы себя столь законопослушно. Я мог бы взять скуттер с собой, сделать вид, что подчиняюсь во всем Гарпагу, и удрать, как только представится такая возможность.

Эверард целую минуту мрачно смотрел на него.

«Кейт изменился, — подумал он, — не просто постарел; годы, проведенные среди чужестранцев, изменили его так, что он сам не замечает в себе этих перемен».

— Если бы ты рискнул изменить будущее, — сказал он, — ты поставил бы под угрозу и существование Цинтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом... тогда... Как давно все это было!

Денисон наклонился вперед, положив руки на колени и глядя сквозь переплет беседки. Он продолжал говорить ровным, безжизненным голосом.

— Гарпаг, конечно, рвал и метал. Я думал, он собирается убить меня. Меня все время держали связанным, как скотину, которую ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и чем дальше, тем больше, и у Гарпага возник план. Он предоставил мне выбор: повиноваться ему или умереть. Что я мог поделать? И к тому же здесь речь шла не об изменении прошлого: я скоро понял, что играю роль, уже записанную в истории. Гарпаг подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его версию и представил меня как Кира, сына Камбиса.

Эверард, ничуть не удивленный, кивнул.

— Зачем ему это было надо? — спросил он.

— В то время он еще просто хотел поддержать мидийского царя. Царь Аншана, всецело от него зависящий, будет теперь предан Астиагу и станет держать персов в узде. Я был так ошеломлен, что ничего не мог поделать, и подчинился ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что мне на выручку придет Патруль. Фанатическая преданность иранских аристократов идее правды здорово помогла нам — только немногие заподозрили, что я самозванец, а не Кир, хотя мне кажется, что сам Астиаг нарочно игнорировал некоторые неточности. Он поставил Гарпага на место, сурово наказав его за то, что тот не убил Кира, хотя Кир был сейчас Астиагу нужен. Ирония судьбы особенно очевидна, если иметь в виду, что в действительности Гарпаг в точности выполнил его приказание за двадцать лет до того.

На протяжении первых пяти лет Астиаг вызывал все большую ненависть у меня лично. Сейчас, глядя в прошлое, я вижу, что он был не таким уж исчадием ада, просто типичный восточный монарх древнего мира, — но тогда, глядя каждый день на пытки и мучения

людей, мне трудно было мыслить столь рационально. Гарпаг, мечтавший отомстить за несправедливость и обиду, подготовил восстание и предложил мне встать во главе его.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов, я был Киром Великим, который должен был выполнить свое предназначение. Сначала нам пришлось тяжело — мидяне били нас вновь и вновь, но знаешь, Мэнс, я чувствовал, что все это начинает мне нравиться. Это тебе не сидеть в окопе двадцатого века и гадать, скоро ли прекратится вражеский обстрел. О, война и здесь достаточно ужасна, в особенности когда ты рядовой и когда начинаются болезни, а они всегда начинаются. Но если ты сражаешься, боже правый, ты сражаешься собственными руками! И я даже обнаружил в себе талант: оказывается, я умею драться! А какие замечательные сражения у нас были!

Эверард видел, как светлеет лицо Кейта: царь Кир выпрямился и сказал со смехом:

— Вот, например, лидийская конница многим числом превосходила нас. Обозных верблюдов мы поставили в авангард, пехоту позади них, а в самом конце — кавалерию. Лошади Креза почуяли запах верблюдов и обратились в бегство. По-моему, они бегут до сих пор. Мы стерли кавалерию Креза с лица земли! — Он внезапно замолчал, прикусил губу и посмотрел на Эверарда. — Прости, я все время забываю. Иногда после боя, глядя на убитых и особенно на раненых, я вспоминаю, что там, дома, я не был убийцей. Но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен был воевать! Сначала было восстание. Если бы я не подчинился Гарпагу, как ты думаешь, остался бы я в живых? А затем речь пошла о судьбе государства. Я не просил ни лидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел город, захваченный варварами? Вопрос стоит так: или мы, или они, и когда побеждаем мы, то, по крайней мере, не превращаем побежденных в рабов: у них остаются их земли, и обычаи, и... Во имя Митры, Мэнс, мог ли я поступить иначе?

Эверард сидел, вслушиваясь в шуршание листьев под легким ветерком. Наконец он сказал:

— Нет. Я понимаю. Надеюсь, тебе было не слишком одиноко.

— Я привык, — осторожно сказал Денисон. — Гарпаг — выходец из низов, но он интересен. Крез оказался очень порядочным человеком, у волшебника Кобада оригинальный ум, и он единственный осмеливается обыгрывать меня в шахматы. Здесь есть праздники, охота, женщины...

Он с вызовом посмотрел на Эверарда.

— Да. Ты ожидал от меня другого?

— Нет, — сказал Эверард. — Шестнадцать лет — долгий срок.

— Кассандана — моя старшая жена — стоит всего того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Цинтия... Боже мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда, сжав их до

боли сильными пальцами, которые за шестнадцать лет привыкли держать топор, лук и уздечку. Царь Персии громко спросил:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

7

Эверард тоже поднялся, подошел к краю беседки и стал смотреть сквозь плетение каменных кружев, опустив голову и засунув руки за пояс.

— Не знаю, — ответил он.

Денисон изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони.

— Этого я и боялся. С каждым годом я все больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит... Ты должен помочь мне, Мэнс.

— Говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прервался. Он не обернулся.

— Пойми меня. Ты наверняка уже сам думал об этом. Ведь ты не какой-нибудь там мелкий предводитель варваров, судьба которого не будет иметь особого значения уже лет через сто. Ты — Кир, основатель Персидской империи, ключевая фигура всей этой эпохи! Если исчезнет Кир, исчезнет и будущее! Не будет вообще никакого двадцатого века, и, конечно, исчезнет Цинтия.

— Ты уверен? — взмолился человек за его спиной.

— Я просчитал все, прежде чем направиться сюда, — сказал Эверард сквозь зубы. — Не обманывай себя. Мы предубеждены против персов, потому что одно время они враждовали с Грецией, а в нашей собственной культуре слишком много от греческой. Но персы имеют по меньшей мере столь же важное значение в истории. Ты и сам видел, как все здесь было. Конечно, по твоим представлениям, все они грубы, но такова эпоха, и греки ничуть не лучше персов. Да, у них нет демократии, но нельзя же упрекать людей за то, что они не дошли до этого европейского открытия, столь далекого от их умственных горизонтов. Важно другое: Персия была первой державой-победительницей, сделавшей попытку уважать побежденные народы и умиротворять их; державой, соблюдавшей собственные законы, добившейся мира на огромной территории, что позволило наладить тесный контакт с Дальним Востоком и привело к появлению жизнеспособной религии, зороастризма, распространившейся среди многих рас и на большом пространстве. Может быть, ты не знаешь, сколько христианство переняло от культа Митры, но поверь мне, — очень многое. Не говоря уже об иудаизме, религии, которую ты, Кир Великий, спасешь собственными руками. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и дашь возможность всем евреям, еще не принявшим другой веры, возвратиться к себе на родину; без тебя они будут поглощены другими народами, так, как это случилось с десятками племен.

Даже в своем упадке Персидская империя останется как бы матрицей будущей цивилизации. Какими победами знаменит

Александр Великий как не завоеваниями персидских территорий? А это распространило эллинскую культуру по всему миру! И затем появятся преемники Персидского государства: Понт, Парфия, Персия времен Фирдоуси, Омара Хайяма и Хафиза, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после двадцатого века...

Эверард круто повернулся.

— Если ты сейчас исчезнешь, — сказал он, — то я могу ясно представить себе, как через три тысячи лет человечество все еще будет гадать о своих судьбах на внутренностях животных и скитаться по лесам Европы. Америка не будет открыта вовсе...

Денисон обмяк.

— Да, — ответил он. — Я думал об этом.

Он прошелся взад и вперед, заложив руки за спину. Его темное лицо старело с каждой минутой.

— Еще тринадцать лет, — прошептал он, как бы про себя. — Еще тринадцать лет, и я погибну в битве с кочевниками. Я не знаю точно, как это произойдет. Но так или иначе обстоятельства приведут меня к гибели. Почему бы и нет? Волей-неволей обстоятельства заставили меня проделывать все, что от меня требовалось... И как бы я ни воспитывал своего сына Камбиса, я знаю, что он окажется недоумком и садистом и что только Дарий сможет спасти империю. Боже мой!

Он прикрыл лицо широким рукавом.

— Прости, я ненавижу жаловаться, но не могу справиться с собой.

Эверард сел, избегая смотреть на Денисона. Он слышал тяжелое его дыхание.

В конце концов царь налил вино в две чаши, сел рядом с Эверардом и сухо произнес:

— Еще раз прости. Все прошло. И я еще не сдался.

— Я могу поставить вопрос перед главным управлением, — с некоторой долей сарказма сказал Эверард.

Денисон с той же иронией ответил:

— Спасибо, старина. Я помню их правила достаточно хорошо. Без нас можно обойтись. Они просто запретят путешествия сюда на весь период жизни Кира, чтобы не вводить меня в соблазн, и пошлют мне любезное письмо. В нем будет говориться, что я — абсолютный монарх цивилизованного народа, с дворцами, рабами, виноградниками, шутами, поварами, наложницами, охотничьими угодьями, — и все это в неограниченных количествах. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, этот вопрос нам придется решать только с тобой вдвоем.

Эверард сжал руки в кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня чертовски многого, Кейт, — медленно сказал он.

— Я просто прошу тебя обдумать все возможности, и, Ариман тебя побери, ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда: это завоеватель Востока отдавал приказ. Прежний Кейт никогда бы не разговаривал таким тоном, отметил про себя Эверард, начиная злиться, и сказал:

— Если ты не вернешься и Цинтия узнает, что ты не сможешь вернуться... она явится сюда к тебе, а еще одна чужестранка в гареме царя никак не сможет повлиять на историю. Но если я представлю доклад в главное управление до того, как увижу ее, доложу, что проблема неразрешима, а это не подлежит сомнению... Что ж, тогда посещение эпохи Кира будет под запретом, и Цинтия никогда не сможет попасть к тебе.

— Я не раз сам думал об этом, — более спокойно продолжал Денисон. — И я не хуже тебя понимаю все сложности. Но послушай, я могу показать тебе пещеру, в которой мой скуттер находился несколько часов, пока меня не схватили. Ты сможешь вернуться туда к моменту, когда я появлюсь, и предупредить меня.

— Нет, — сказал Эверард. — Это отпадает. По двум причинам. Во-первых, закон, причем очень мудрый закон, запрещает делать это. В некоторых случаях бывали исключения, но тут вступает в силу вторая причина: ты — Кир. Они не пойдут на то, чтобы уничтожить будущее ради спасения одного человека.

Сделал бы я это ради спасения одной женщины? Не уверен... Надеюсь, нет. Цинтии вовсе ни к чему знать все факты. Будет куда лучше, если она вообще ничего не узнает. Я могу использовать свой авторитет агента с правом свободных действий, чтобы эти сведения не пошли дальше главного управления, и не говорить ей ничего, разве только, что Кейт умер при обстоятельствах, которые вынудили нас запретить путешествия во времени в эту эпоху. Она, конечно, погорюет некоторое время, но она слишком молода и здорова, чтобы скорбеть всю жизнь... Правда, это непорядочно. Но разве лучше будет позволить ей жить здесь в качестве рабыни и делить своего любимого по меньшей мере с дюжиной царевен, на которых он был вынужден жениться из политических соображений? Не лучше ли для нее будет все позабыть и начать жизнь сначала, среди своих соотечественников?

— Ясно, — сказал Денисон. — Я просто хотел быть до конца уверен, что это отпадает. Но должен же быть какой-нибудь другой выход. Слушай, Мэнс, шестнадцать лет назад создалась ситуация, являющаяся причиной всего того, что произошло впоследствии, но ведь это случилось не из-за человеческого каприза, а по самой логике событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпаг не нашел бы другого псевдо-Кира? Кто именно стал Великим царем — не имеет абсолютно никакого значения. Другой Кир вел бы себя совершенно не так, как я, во множестве повседневных деталей. Естественно. Но если только он не был бы безнадежным болваном или маньяком, а достаточно разумным и порядочным человеком, — надеюсь, ты не будешь отрицать этих моих качеств, — его поведение во всех важных событиях не отличалось бы от моего. Я имею в виду поступки и события, отраженные в истории. Ты знаешь это не хуже меня. За

исключением нескольких критических моментов время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшие различия с годами исчезают и забываются — это и есть негативная обратная связь. Только в ключевые моменты может возникнуть позитивная обратная связь, и прошлые события с годами возрастают в своем значении и последствиях, вместо того чтобы исчезнуть. Ты ведь знаешь все это.

— Конечно, — сказал Эверард. — Но по твоим же словам, твое появление в пещере и было таким критическим ключевым моментом. Именно твое появление навело Гарпага на мысль о Кире. Без этого... я хорошо представляю себе, как разваливается Мидийская империя. Либо ее завоевывает Лидия, либо варвары, потому что персы не получат царя, имеющего божественное право властвовать над ними по рождению... Нет, я не появлюсь в пещере в тот момент, если не получу разрешения по меньшей мере самого даннеллианина.

Денисон бросил на него взгляд поверх края чаши, потом поставил ее на стол, но продолжал глядеть на Эверарда.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся, верно?

Эверард вскочил со скамьи. Он уронил свою чашу, и она со звоном упала на пол. Вино растеклось, как кровь.

— Замолчи! — крикнул он.

Денисон кивнул головой.

— Я — царь. Стоит мне пальцем шевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Прекрасный способ заручиться моей поддержкой. — Эверард все еще никак не мог успокоиться.

Денисон вздрогнул. Секунду он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, что я испытал... Да, да, жизнь моя здесь была не так уж плоха. Даже более интересна, чем у большинства, а когда тебя почитают божеством, со временем это начинает нравиться. Наверное, поэтому я через тринадцать лет ввяжусь в бой за Яксартом: ведь у меня не будет иного выхода; все мои храбрецы будут смотреть на своего повелителя. Черт возьми, может, оно и стоит того. — Он растянул губы в улыбке. — Некоторые мои наложницы сногсшибательны. И у меня есть Кассандана. Я сделал ее своей старшей женой, наверно, потому, что она чем-то напоминает мне Цинтию. Трудно сказать, ведь прошло столько времени. Двадцатый век нереален для меня. И знаешь, мчаться на горячей лошади — гораздо большее удовольствие, чем гнать спортивный автомобиль... И я знаю, что делаю здесь полезное дело, — не каждому дано знать это о себе... Да, извини, что я накричал. Я верю, ты бы помог, если бы только смел. Но ты не смеешь, и я не упрекаю тебя, и тебе незачем меня жалеть.

— Прекрати это! — простонал Эверард.

Он почувствовал, будто мозг его разрывается на части в абсолютной пустоте. Сквозь решетки беседки он видел статую на крыше: юноша убивает быка — это был символ человека и солнца.

За колоннами и виноградными лозами стояли стражники в кожаных доспехах с луками наготове. Лица их казались вырезанными из дерева. Видно было и то крыло здания, где находился гарем и где сотня, а может быть, и тысяча молодых женщин считали за счастье проводить время в ожидании случайной прихоти своего царя. За городскими стенами лежали возделанные поля, где крестьяне готовили жертву земле-матери. Люди поклонялись ей еще [illegible] те времена, когда пришли индоевропейцы, а это произошло в далеком туманном прошлом. Далеко за городом будто парили в небе горы, где водились волки, львы, кабаны и скрывались демоны. Этот мир был совсем чужим.

Эверард считал, что годы службы в Патруле дали ему достаточную закалку и готовность воспринимать все чужое, но сейчас он почувствовал острое желание сбежать в свой собственный век, к своему народу, скрыться там и все позабыть. Он осторожно сказал:

— Дай мне посоветоваться кое с кем. Придется детально проверить весь период. Мы можем обнаружить какую-нибудь зацепку... Я недостаточно компетентен, чтобы справиться с этим в одиночку, Кейт. Надо мне вернуться обратно к себе и все обговорить. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь... в эту же ночь.

— Где твой скуттер? — спросил Денисон.

— Эверард махнул рукой.

— Там, в холмах.

Денисон погладил бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, а? Что ж, это разумно. Я не уверен, что доверил бы себе самому, если бы знал, где машина времени.

— Я имел в виду вовсе не это! — вскричал Эверард.

— А, неважно. Не будем ссориться еще и по этому поводу. — Денисон вздохнул. — Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь не обязательно?

— Нет. У нас здесь безопаснее, чем в Центральном парке в Нью-Йорке.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне патрульную лошадь. Она специально обучена, и мне бы не хотелось ее потерять.

Их взгляды встретились.

— Я вернусь. Сам. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс, — сказал Денисон.

Они вместе покинули беседку, чтобы беспрепятственно пройти мимо застывших при появлении царя стражников и часовых у ворот. Денисон указал на дворцовую спальню и сказал, что будет ждать Эверарда там всю неделю каждый вечер.

Затем Эверард облобызал ногу Кира и, когда Великий царь удалился, сел на лошадь и медленно выехал из ворот дворца.

Он чувствовал себя усталым и совершенно опустошенным. Сделать было ничего нельзя, а он обещал вернуться самолично и сообщить царю его приговор.

8

День близился к концу, и он ехал среди холмов, где над бурными холодными ручьями хмурились кедры, и боковая дорога, на которую он свернул, вела вверх и была хорошо наезжена. В засушливом Иране в те времена были еще такие леса. Его лошадь явно устала и ступала тяжело. Надо найти какую-нибудь хижину пастуха и попросить пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но нет, тогда уже будет поздно. Нет! Сейчас полнолуние, и, если потребуется, он лучше пойдет пешком, лишь бы добраться до скуттера к восходу солнца. Ему было не до сна.

Лужайка, покрытая высокой, уже пожелтевшей травой и спелыми ягодами, так и манила отдохнуть. Последний раз он ел рано утром, но в седельных сумках у него была еда и мех с вином. Он понукнул лошадь и свернул с дороги.

Что-то привлекло его внимание. Вдалеке, на дороге, низкое солнце осветило облако пыли. Оно становилось все больше, росло прямо на глазах. Несколько всадников, решил он, чертовски гнавшие коней. Царские вестники? Но почему они спешат в этом направлении? Ему стало не по себе. Он надел подшлемник, затем пристегнул шлем, повесил на руку щит и высвободил из ножен короткий меч. Всадники просто проскачут мимо, он почти не сомневался в этом, и все же...

Сейчас он ясно видел, что их было восемь. Кони были хорошие, а последний всадник вел на поводу еще свежих лошадей. Коней успели загнать: видно, скакали они давно — пот стекал струйками по их запыленным бокам, гривы прилипли к шеям. Одеты всадники были хорошо: широкие белые штаны, рубахи, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — не придворные, не профессиональные воины, но и не бандиты. Они были вооружены мечами, луками и арканами.

Внезапно Эверард узнал седобородого человека, скачущего впереди. Его как обухом по голове ударило: Гарпаг!

Сквозь летучее облако пыли он ясно видел всадников: даже для древних иранцев вид у них был устрашающий.

— Ого, — сказал Эверард вслух. — Все ясно.

У него не хватило времени испугаться, надо было быстро думать и принимать решение. У Гарпага не могло быть иной причины для этого бешеного галопа в горы, кроме поимки грека Меандра. Естественно, во дворце, полном доносчиков и болтунов, Гарпаг не позднее чем через час узнал, что царь говорил с чужеземцем как с

равным, на незнакомом языке, а потом отпустил его обратно на север. Немного больше времени хилиарху понадобилось, чтобы придумать причину, позволяющую ему покинуть дворец, собрать воинов из своей личной охраны и броситься в погоню. Почему? Потому что «Кир» когда-то появился среди этих же холмов на какой-то неизвестной штуке, которую Гарпаг мечтал захватить. Мидянин был отнюдь не дурак и явно не поверил истории, которую тогда сплел для него Кейт. Он вполне допускал, что рано или поздно из страны царя явится другой волшебник, и уж на сей раз он, Гарпаг, не допустит, чтобы чудесная повозка так легко выскользнула из его рук.

Эверард более не медлил. Всадники были всего в сотне ярдов от него. Он видел глаза Гарпага, сверкающие из-под кустистых бровей. Пришпорив лошадь, Эверард свернул с дороги и поскакал прямо через луг.

— Стой! — закричал позади него знакомый голос. — Остановись, грек!

Эверард погнал свою усталую лошадь рысью. Кедры бросали на него длинные тени.

— Стой или будем стрелять!.. Стой!.. Стреляйте! Только не убивать. Стреляйте по коню!

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышались злое жужжание стрелы и тяжелый топот. Лошадь заржала. Эверард оглянулся — бедное животное упало на колени. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их — восемь. Он поспешил под защиту деревьев. Стрела вонзилась в ствол, просвистев мимо его левого плеча.

Он побежал, пригибаясь, петляя из стороны в сторону в холодных сгущающихся сумерках, напоенных запахом трав, радуясь, что мягкая, покрытая хвоей земля не издавала ни звука под его деревянными сандалиями. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Жаль, что кустарник рос очень редко, можно было бы воспользоваться каким-нибудь индейским приемом и укрыться в кустах. Персов видно не было. Почти наугад они пытались проехать за ним верхом. Треск ломающихся кустов и громкие ругательства за его спиной говорили о том, что это им дается нелегко.

Скоро они спешились. Он прислушался. Где-то далеко журчала вода... Он двинулся в направлении этого журчания, вверх по крутому склону холма, покрытому большими валунами. Его преследовали не беспомощные новички-горожане, подумал он. По крайней мере некоторые из них были горцами, умеющими прочитать малейший знак на земле. Ему нужно сбить их со следа — тогда можно будет спрятаться и переждать, пока Гарпаг не вынужден будет вернуться к своим дворцовым обязанностям. Эверард тяжело дышал. Резкие голоса слышались за его спиной, было принято какое-то решение, но они находились слишком далеко, и он не мог расслышать, какое именно. К тому же кровь слишком громко стучала у него в висках.

Если Гарпаг посмел напасть на гостя самого царя, он,

естественно, не предполагал, что тому удастся когда-нибудь пожаловаться на это царю. Плен и пытки — пока он не откроет им, где находится скуттер и как он действует, а в конце программы — в порядке милосердия — нож в горло.

«Черт побери, — подумал Эверард, слыша бешеный стук своего сердца, я изгадил эту операцию до такой степени, что теперь ее можно включить в учебник в качестве примера, как не должен поступать патрульный. И все потому, что не надо столько думать о некоей женщине, чужой женщине, чтобы эти мысли не заставили тебя забыть об элементарных предосторожностях».

Он вышел на высокий берег. Внизу, под его ногами по направлению к долине тек ручеек. Они, конечно, увидят, что он здесь был, но им придется гадать, вверх или вниз по течению он пошел... Кстати, куда же лучше?.. Сначала он пошел вниз по ручью; тина и скользкая грязь холодили ноги. Нет, лучше все-таки идти вверх по течению. Во-первых, так будет ближе к скуттеру, а во-вторых, Гарпаг, вернее всего, подумает, что он отправился вниз по течению, чтобы вернуться назад, к царю.

Камни речушки ранили его ноги, и вода леденила их. Деревья стеной поднимались вдоль обоих берегов, наверху виднелась только быстро темнеющая узкая полоска неба. В вышине парил орел. Становилось все холоднее. Но ему повезло: ручеек петлял, как змея в бреду, и Эверард почти сразу же, скользя и спотыкаясь, исчез за поворотом.

«Я пойду милю или две, — подумал он, — и, может быть, там окажется свисающая низко ветка, ухвачусь за нее, вылезу и окончательно запутаю следы».

Минуты текли медленно.

«Я доберусь до скуттера, обращусь в главное управление и попрошу помощи. Я знаю, черт побери, что никакой помощи от них не будет. Почему бы не пожертвовать одним человеком, чтобы обеспечить собственное спокойное существование и благоденствие? Так что Кейт застрянет здесь еще на тринадцать лет, пока его не убьют варвары. Но через тринадцать лет Цинтия все еще будет молода и, пережив весь кошмар изгнания, точно зная дату смерти мужа, останется совсем одна в запрещенной для путешествия во времени эпохе, при запуганном дворе безумного Камбиса II... Нет, я должен скрыть от нее правду, удержать ее дома, сказать, что Кейт мертв. Он и сам хочет, чтобы я так поступил. А через год или два она опять будет счастлива, я сумею научить ее быть счастливой».

Он не замечал, как острые камни изранили его обутые в тонкие сандалии ноги, как неверен его шаг и как сильно шумит вода. Но тут он подошел к повороту речушки и увидел персов.

Их было двое. Они брели вниз по течению. Очевидно, его поимке придавали большое значение, раз уж решились пренебречь религиозным запретом относительно осквернения речных вод. Сверху

по обоим берегам шли еще двое, прочесывая лес. Одним из них был Гарпаг. Они со свистом вытащили длинные мечи из ножен.

— Стой! — вскричал Гарпаг. — Стой, грек, сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Вода журчала по его ногам. Те двое, что шли по реке навстречу ему в этом колодце темноты, казались нереальными: их темные лица были совсем не видны. Выделялись только белая одежда и мерцающие лезвия их мечей. Эверард вздрогнул: преследователи видели, как он вошел в ручей, и просто разделились — половина пошла вниз по ручью, остальные — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем он по воде. Пробежав дальше, чем он мог дойти, они повернули назад и пошли медленнее, так как река петляла, но уже уверенные, что добыча от них не ускользнет.

— Взять живым, — напомнил Гарпаг. — Можете ранить его в ноги, если придется, но возьмите живым.

Эверард захрипел от ярости и повернулся лицом к берегу.

— Ну подожди же, негодяй! — по-английски сказал он. — Ты сам напросился.

Двое воинов, идущих по реке, с криком бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом в воду. Воин, двигавшийся вдоль берега, съехал вниз по склону, сидя на заду.

Береговой склон был покрыт скользкой грязью. Эверард вонзил в нее нижний конец щита, оперся на него и с трудом выбрался из воды. Гарпаг медленно и спокойно двинулся вперед, ожидая этого момента. Лезвие в руке мидянина сверкнуло, обрушиваясь на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя шлем, который погнулся, но выдержал удар. Меч соскользнул со шлема и задел правое плечо, но не очень сильно. Эверард почувствовал небольшое жжение, но уже через секунду ему стало некогда разбираться в своих ощущениях.

Он знал, что не сможет справиться со всеми нападающими. Но он заставит их убить его и дорого заплатить за эту честь.

Эверард упал на траву и поднял щит, как раз вовремя, чтобы парировать удар в лицо. Гарпаг сделал выпад, пытаясь достать его ноги. Эверард и этот удар парировал своим коротким мечом. Сталь мидянина со свистом рассекла воздух. Но при близком бое у легковооруженного азиата не было ни одного шанса против греческого вооружения, что истории предстояло доказать двумя поколениями позже.

«Бог ты мой, — подумал Эверард, — если бы только у меня были панцирь и поножи, я бы справился со всеми четверыми».

Он искусно прикрывался щитом, отражая выпады и удары и стараясь как можно ближе подойти к Гарпагу, чтобы тот не мог действовать своим длинным мечом и сам оказался незащищенным от меча Эверарда. Хилиарх усмехнулся в седую бороду и отскочил назад. Тянет время, конечно. Так и есть. Еще трое солдат вскарабкались на берег и с криком бежали к ним. Атака была беспорядочной. Умелые

воины каждый по отдельности, персы никогда не могли научиться организованной массовой дисциплине Европы, за что и поплатились при Марафоне и Гавгамелах. Но вчетвером против одного, да еще не одетого в латы, они имели все шансы на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. Первый воин подбежал к нему совершенно беспечно, его меч зазвенел о щит Эверарда. Клинок американца сверкнул из-за бронзового овала щита. Эверард почувствовал, как клинок с трудом вошел во что-то мягкое. По прежнему опыту он знал это ощущение. Он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Воин медленно осел на землю, истекая кровью. Он знал, что умирает, и, застонав, обратил лицо к небу.

Остальные воины были уже рядом с Эверардом — по одному с каждой стороны. Нависающие кусты не давали персам возможности воспользоваться арканом. Придется им вступить в открытый бой. Патрульный отразил щитом нападение слева. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но так как им было приказано взять его живым, он мог себе это позволить. Солдат справа пытался подсечь Эверарду ноги. Патрульный подпрыгнул, и меч просвистел под ним. Теперь воин слева ударил ниже, и внезапно Эверард ощутил боль и увидел лезвие, торчавшее в его ноге. Он отдернул ногу. Последний луч заходящего солнца проник сквозь густую хвою и тронул лужу крови, заставив ее блеснуть немыслимо алым цветом. Эверард почувствовал, как нога под ним начинает подгибаться.

— Так, так, — возбужденно выкрикивал Гарпаг, подпрыгивая футах в десяти от места сражения, — рубите его.

Уклоняясь от очередного удара, Эверард выкрикнул, немного опустив щит:

— Рубите! Сам-то он на это не решается, трусливый шакал. У вашего предводителя духу не хватает сразиться со мной самому. Ведь он уже раз бежал от меня, поджав хвост.

Расчет оказался правильным, атака персов немедленно прекратилась, Эверард снова заговорил, не давая им опомниться:

— Если уж вы, персы, должны быть собаками мидянина — неужели вы не могли найти такого, который хоть немного напоминал бы мужчину, а не этого шакала, который предал своего царя, а сейчас бежит от одного-единственного грека?

Даже так далеко к западу и в такое давнее время ни один человек с Востока просто не мог решиться «потерять лицо» при подобных обстоятельствах. Гарпаг был далеко не трус: Эверард знал, насколько несправедливы его упреки. Но хилиарх уже кинулся к нему, осыпая проклятиями. На секунду Эверард увидел дикие расширенные глаза на худом лице с ястребиным носом. Он повернулся боком и пошел вперед, подволакивая ногу. Двое из воинов на секунду заколебались; этой секунды было достаточно, чтобы Эверард и Гарпаг встретились. Меч мидянина взлетел и упал, отскочив от греческого щита и шлема Эверарда, и скользнул к его ноге. Перед глазами Эверарда мелькнула

широкая белая рубаха мидянина. Чуть подняв плечи, американец сделал выпад своим коротким мечом и вонзил его в грудь Гарпага.

Он вытащил меч, слегка повернув его привычным профессиональным движением, обеспечивающим смертельную рану, затем развернулся на правой ступне и отразил щитом удар одного из воинов. Эверард и перс мгновение в ярости смотрели друг на друга. Потом Эверард краешком глаза увидел, что еще один воин пытается зайти ему за спину. «Что ж, — промелькнула у него смутная мысль, — по крайней мере, одним опасным человеком для Цинтии меньше...»

— Стой! Стойте!

Голос прозвучал в воздухе слабо, тише журчания ручейка, но воины отступили и опустили мечи. Даже умирающий перс отвел свой неподвижный взгляд от неба.

Гарпаг пытался подняться и сесть в луже собственной крови. Его лицо стало серым.

— Нет... постой... — прошептал он. — Подожди. В этом есть своя цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если...

Как ни был слаб, Гарпаг сумел величественно подозвать Эверарда движением руки.

Эверард отбросил меч, хромая, подошел к Гарпагу и опустился рядом с ним на колено. Мидянин откинулся ему на руки.

— Ты из страны царя, — прошептал Гарпаг в окровавленную бороду. — Не отрицай, я знаю. Но знай и ты, что Ауравагаш, сын Кшаяварша, не предатель.

Мускулы его лица напряглись, как бы величественно отгоняя смерть, пока он не совершит задуманного.

— Я знаю, что есть силы и могущества — от бога или от черта, до сих пор не понимаю, — но они есть в стране царя. И только они сделали возможным его появление здесь. Я использовал их, использовал его; не для себя, но потому, что я поклялся в верности своему царю Астиагу, а ему был нужен... Кир... чтобы государство не развалилось. Потом, из-за своей жестокости, Астиаг не имел больше права на мою верность. Но я все еще оставался мидянином. Я видел в Кире единственную надежду, надежду на лучшее будущее Мидии. Потому что он был хорошим царем и для нас тоже — вторыми после персов почитались мидяне в его государстве... Понимаешь ли ты это, человек из страны царя? — Мутнеющие глаза пытались поймать взгляд Эверарда, но тщетно. — Я хотел взять тебя в плен, выпытать, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить тебя... это правда... но не ради себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь царя в его страну, ведь я знал, что он этого хочет. И что тогда станет с нами? Будь милосерден, ведь и тебе когда-нибудь понадобится милосердие.

— Не бойся, — сказал Эверард. — Царь останется здесь.

— Хорошо, — выдохнул Гарпаг. — Я верю, что ты говоришь правду... я не смею думать иначе... Но тогда... значит, я искупил свою вину? — еле слышно спросил он с тревогой в голосе. — За то убийство

по приказу моего повелителя, когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает, — искупил ли я свою вину, человек из страны царя? Потому что из-за смерти царевича... наше государство чуть не погибло... но я нашел другого Кира! Я спас всех нас! Искупил ли я свою вину?

— Да, — сказал Эверард и подумал о том, имеет ли какую-нибудь силу данное им отпущение грехов.

Гарпаг закрыл глаза.

— Тогда оставь меня, — сказал он, и это прозвучало как слабое эхо команды.

Эверард осторожно опустил его на землю и заковылял в сторону. Два перса склонились над своим господином, исполняя какой-то ритуал. Умирающий воин вернулся к своей молитве. Эверард сел под дерево, разорвал часть плаща на полосы и принялся перевязывать свои раны. Той, что на ноге, придется заняться. Ему надо как-то добраться до скуттера. Это будет нелегко, но он как-нибудь перебьется, а врач Патруля вылечит его за несколько часов с помощью медицины, которая появится в будущем, даже много позже, чем его собственная эпоха. Ему придется отправиться в какое-нибудь отделение в малоизвестном ареале, чтобы не отвечать на вопросы, которых будет слишком много в двадцатом веке. А он не может себе позволить подобные разговоры. Если только в главном управлении узнают, что он решил сделать, вероятно, запретят ему и думать об этом.

Ответ пришел к нему не как озарение, а как убеждение, которое подсознательно созревало уже давно. Он откинулся назад, переводя дыхание. К этому времени подошли еще четыре воина, им сказали, что произошло. Никто из них не обращал на Эверарда внимания, они лишь бросали на него взгляды, в которых страх боролся с гордостью, и незаметно делали знаки против злых сил. Затем воины подняли своего мертвого начальника и умирающего товарища и понесли их в лес. Сгущались сумерки. Где-то проухал филин.

9

Великий царь сел на постели. За занавесками раздался какой-то легкий шум.

Кассандана, царица, неслышно зашевелилась. Тонкая рука скользнула по его лицу.

— Что там такое, о солнце моего счастья? — спросила она.

— Не знаю.

Он пошарил под подушкой, где у него всегда лежал короткий меч.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души, — прошептала она, внезапно

задрожав. — Что-то случилось. Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Оставайся здесь. — Он встал с постели, откинув тяжелый полог.

Лунный свет лился с иссиня-голубого неба и падал на пол сквозь сводчатое окно. Он почти слепил, отражаясь от бронзового зеркала. Воздух холодил обнаженное тело.

Какой-то черный металлический предмет, на котором находился человек, осторожно дотрагивающийся до тумблеров на пульте управления, внезапно, как тень, возник в воздухе.

Предмет беззвучно опустился на ковер, и человек сошел с него. Он был в шлеме и греческой тунике, крепко сложен и высок ростом.

— Кейт, — прошептал он.

— Мэнс!

Денисон вышел из темноты в лунный свет.

— Ты вернулся!

— Да не может быть! — иронически усмехнулся Эверард. — Скажи, нас тут могут подслушать? Не думаю, чтобы меня видели. Материализовался прямо над крышей и спустился на антигравиторе.

— За дверью стража, — сказал Денисон. — Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не крикну.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил меч. Секунду он стоял не двигаясь, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Может быть, может быть...

Эверард отвел глаза и стал выстукивать дробь на панели управления.

— Послушай, Кейт, — сказал он в конце концов, — у меня есть одна мысль, но из нее может ничего не получиться. Мне нужна твоя помощь. Если у нас все выйдет, как задумано, считай, что ты дома. Главное управление будет поставлено перед уже свершившимся фактом и закроет глаза на какое-то там нарушение правил. Если же ничего не выйдет, тебе придется вернуться сюда в эту самую ночь и жить жизнью Кира до самой смерти. Ты в состоянии пойти на это?

Дрожь била Денисона сильнее, чем при лихорадке. Очень тихо он сказал:

— Наверно.

— Я сильнее тебя, — грубо напомнил Эверард, — и у меня с собой современное оружие. Если будет необходимо, я доставлю тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Денисон глубоко вздохнул.

— Не заставлю.

— Тогда остается надеяться, что боги будут на нашей стороне. Одевайся. Я объясню тебе все по дороге. Скажи этому году «прощай», и будем надеяться, что не «до свидания», потому что, если все

получится, ты его никогда больше не увидишь, да и никто другой тоже.

Денисон, уже отправившийся в угол комнаты, где была свалена его одежда, которую до утра должен был прибрать раб, остановился на полдороге.

— Что? — спросил он.

— Мы попробуем переписать историю, — сказал Эверард. — Или, может быть, восстановить историю в том виде, как она существовала на самом деле. Не знаю. Давай скорее!

— Но...

— Говорю тебе, одевайся! Понимаешь ли ты, что я появился здесь в тот же самый день, когда уехал отсюда, что в эту минуту я, раненный в ногу, карабкаюсь по холмам, только бы выкроить для тебя лишнее время? Давай, шевелись!

Денисон принял решение. Лицо его находилось в темноте, но голос прозвучал твердо, хоть и негромко.

— Мне надо проститься с одним человеком.

— Что?

— С Кассанданой, моей женой. Она была со мной... боже, уже четырнадцать лет! Она родила мне троих детей и выхаживала меня, когда я два раза умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а однажды, когда мидяне были уже у ворот города, она повела за собой женщин, и они вдохновили нас на сражение и победу... Дай мне пять минут, Мэнс.

— Ну хорошо, хорошо. Правда, за пять минут до нее и евнух дойти не успеет...

— Она здесь.

Денисон скрылся за пологом ложа.

Эверард так и остался стоять, пораженный.

«Ты ждал меня сегодня ночью, — подумал он, — ты надеялся, что я смогу вернуть тебя Цинтии, и все же ты послал за Кассанданой».

И потом, когда пальцы его онемели оттого, что он все крепче сжимал рукоять меча, внутренний голос сказал ему: «Заткнись, Эверард, ты просто лицемер и самодовольный ханжа».

Денисон вернулся быстро. Он оделся в полном молчании и сел на заднее сиденье скуттера.

Эверард включил тумблер пространства, комната исчезла, и теперь перед ними уже лежали освещенные луной холмы. Холодный ветер продувал их насквозь.

— А сейчас — в Экбатану.

Эверард включил освещение и принялся манипулировать с контрольными рукоятями, сверяясь с записями в блокноте.

— Эк... О, ты имеешь в виду Хамадан? Старую столицу Мидии?

Голос Денисона звучал удивленно.

— Но ведь сейчас это просто летняя резиденция царей.

— Я имею в виду Экбатану тридцать шесть лет назад, — сказал Эверард.

— Что?

— Слушай. Все историки будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Кира в изложении Геродота и самих персов — чистая легенда. В конце концов, может быть, они и правы. Может быть, то, что произошло здесь с тобой, — просто одно из тех искривлений пространства-времени, которые Патруль так тщательно старается выправить.

— Понятно, — медленно сказал Денисон.

— Ты был в свите Астиага достаточно часто, пока еще оставался подданным. Ты будешь указывать мне путь. Старик нам нужен самолично, предпочтительно один и ночью.

— Шестнадцать лет — долгий срок, — сказал Денисон.

— А?

— Если ты все равно хочешь изменить прошлое, зачем я нужен тебе именно сейчас? Ты можешь отправиться в то время, когда я правил всего год, достаточно для того, чтобы знать все относительно Экбатаны, но...

— Нет. Прости. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Один господь бог знает, к чему может привести вторичный эффект, который возникает в мировых линиях при таком изменении событий. Даже если у нас все получится, Патруль вполне может сослать нас обоих на отдаленную планету только за то, что мы пошли на подобный риск.

— Да... я понимаю.

— К тому же, — сказал Эверард, — ведь ты не самоубийца! Ты что, действительно хочешь, чтобы тебя, такого, какой ты есть в эту минуту, никогда не существовало?

Он закончил программирование на пакели управления. Человек позади него вздрогнул.

— Великий Митра! — произнес Денисон. — Ты прав. Давай не будем говорить об этом.

— Тогда поехали.

Эверард нажал кнопку главного переключателя.

Скуттер завис над незнакомым городом, окруженным стеной. Хотя эта ночь тоже была лунной, город терялся в темноте. Эверард начал открывать сумки, пристегнутые у седел.

— Возьми, — сказал он. — Надень этот костюм, я тоже переоденусь. Ребята из отделения в Мохенджо-Даро подогнали их под наши размеры. Там, во втором тысячелетии до нашей эры, им самим приходится часто так переодеваться, ситуации возникают всякие...

Ветер свистел мимо, скуттер повернул к востоку. Денисон показал Эверарду рукой вниз.

— Вот дворец. Царская опочивальня в восточном крыле.

Это было массивное и менее изящное здание, чем новый дворец персидского царя в Пасаргадах. Эверард заметил среди осенней листвы белые скульптуры двух крылатых быков, оставшиеся от

ассирийцев. Окна были слишком узки, в них невозможно было влететь. Эверард выругался и направил машину к ближайшему входу. Двое конных стражников взглянули вверх и, увидев, что приближается к ним, завопили от ужаса. Скуттер разнес в щепки дверь. Лошади встали на дыбы и сбросили всадников. Еще одно чудо никак не повлияет на историю, потому что в этих веках так же истово верили в чудеса, как в его собственную эпоху — в витамины, и, возможно, с куда большим основанием. Они проехали по длинному коридору, освещенному лампами, бросающими на стены тусклый свет, мимо перепуганной насмерть стражи к царской опочивальне. Здесь Эверард вытащил меч и постучал эфесом в дверь.

— Теперь давай ты, Кейт, — шепнул он. — Ты лучше знаешь мидийскую речь и как с ними обращаться.

— Открывай, Астиаг! — загремел Денисон. — Открывай посланцам великого Ахурамазды.

К некоторому удивлению Эверарда, человек за дверью немедленно исполнил приказание. Астиаг был не менее храбр, чем любой из его подданных, но, когда царь, коренастый мужчина средних лет с грубым лицом, увидел двух существ в люминесцентной одежде, с сиянием вокруг головы и крыльями за спиной, излучающими свет, в воздухе на железном троне, он распростерся перед ними ниц.

Эверард услышал, как Кейт заговорил громовым голосом ярмарочного прорицателя на диалекте, который сам он не совсем понимал:

— О бесславный сосуд порока, проклятие небес пало на твою голову! Неужели ты думаешь, что самые сокровенные твои мысли, хоть и прячешь ты их во тьме, их породившей, могут сокрыться от Всевидящего Ока? Неужели ты вообразил, что великий Ахурамазда допустит, чтобы свершилось то подлое зло, которое ты замыслил?

Эверард перестал слушать, отдавшись собственным мыслям: «Гарпаг был, вероятно, где-то в этом же городе, в цвете сил и еще не повинный в преступлении. Теперь ему никогда не придется нести всю жизнь этот тяжелый крест. Он никогда не оставит ребенка на вершине холма и, опершись на копье, не будет ждать, когда стихнут его крики и плач. Он, конечно, восстанет в будущем, но уже по другим причинам, и станет хилиархом Кира, но он не умрет от руки врага в дремучем лесу; и какой-то перс, чьего имени Эверард не знал, тоже не умрет от греческого короткого меча, пронзившего его насквозь.

Но воспоминание о тех двух людях, что я убил, останется в клеточках моего мозга, на моей ноге всю жизнь будет виден тонкий белый шрам. Кейту Денисону сорок семь лет, и он научился думать и повелевать, как царь».

— ...Знай же, Астиаг, что этот ребенок — Кир, избранник небес. Небеса милосердны. Ты получил знак. И если ты возьмешь на душу

этот грех и прольешь кровь невинного младенца, тебе ее никогда не смыть! Оставь Кира в его родном Аншане, или ты будешь гореть в огне с Ариманом. Митра сказал свое слово!

Астиаг, простертый у их ног, бился головой об пол.

— Поехали, — сказал Денисон по-английски.

Эверард поставил программатор на тридцать шесть лет вперед. Лунный свет освещал ручей в горах Персии и кедры вдоль дороги. Было холодно. Где-то завывал волк.

Эверард посадил скуттер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из одежды. На бородатом лице Денисона застыло непонятное выражение.

— Знаешь, — сказал он, — я опасаюсь... — Голос его будто растаял в окружающей его тишине. — Я опасаюсь, Мэнс, не слишком ли мы его напугали? В истории записано, что Астиаг три года воевал с Киром, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, скажем, к самому началу войны, и устроить ему видение, которое побудит его сопротивляться восставшим, — сказал Эверард, с трудом стараясь сохранить здравый смысл. — Но надеюсь, что этого не понадобится. Он не тронет царевича сейчас, но, когда его подданные восстанут, он достаточно разъярится для того, чтобы забыть сегодняшний далекий сон. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли разрешат ему сидеть сложа руки. Но ведь это можно проверить. Разве в день зимнего солнцестояния царь не устраивает пышного праздника?

— Да. Поехали. Быстро.

И внезапно в вышине над ними зажглось солнце. Они спрятали скуттер и пошли пешком в Пасаргады, влившись в толпу стремящихся на праздник Митры людей. По пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время пробыли в чужих странах. Ответы удовлетворили их до мельчайших деталей, которые не были записаны в истории, но остались в памяти Денисона.

И, стоя в многотысячной толпе под холодным голубым небом, они приветствовали Кира, Великого царя, который проезжал со своими приближенными и помощниками — Кобадом, Крезом и Гарпагом. Вслед за ними ехали те, кто составлял гордость и славу Персии, ее сановники и жрецы.

— Он моложе меня, — прошептал Денисон. — Так я и думал. И немного меньше ростом... лицо совсем не похоже, как ты думаешь? Но он годится.

— Хочешь остаться посмотреть? — спросил Эверард.

Денисон завернулся в плащ. Было холодно.

— Нет, — глухо сказал он. — Домой. Прошло так много времени. Даже если всего этого никогда и не было.

— Ну-ну.

Эверард тоже был угрюм и совсем не походил на счастливого спасителя.

— Да, этого никогда не было, — повторил он.

10

Кейт Денисон вышел из лифта своего дома в Нью-Йорке. Он был немного удивлен тем, что забыл, как выглядит этот дом. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что пришлось обратиться к помощи справочника. Детали, детали. Он попытался остановить дрожь в руках.

Цинтия открыла дверь, как только он подошел к ней.

— Кейт, — сказала она почти удивленно.

Он не нашелся, что сказать, и только спросил:

— Мэнс предупредил тебя? Он обещал мне, что предупредит.

— Да. Неважно. Я не могла себе представить, что ты так изменился. Но это неважно. О, мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и прижалась к нему.

Денисон оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она тесная. И ему всегда не по душе был вкус Цинтии в выборе обстановки, но он не спорил с ней.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — этому ему еще предстояло заново учиться. Будет нелегко.

Она подставила свое заплаканное лицо для поцелуя. Значит, вот как она выглядит! Нет, он не помнил, не помнил. После стольких лет в его памяти остался только полустертый образ маленькой женщины со светлыми волосами. Он прожил с ней всего несколько месяцев... Кассандана называла его своей утренней звездой, дала жизнь троим его детям и все четырнадцать лет была готова исполнять любые его желания.

— Ох, Кейт, наконец-то ты дома, — сказал высокий, тонкий голос.

«Дома! — подумал он. — Боже!»

DELENDA EST[1]

1

Двадцать тысяч лет назад в Европе была великолепная охота, а зимний спорт там хорош в любую эпоху. Вот почему Патруль времени, всегда заботившийся о своих высококвалифицированных сотрудниках, разместил несколько охотничьих домиков в Пиренеях плейстоценового периода.

Мэнс Эверард стоял на застекленной веранде и смотрел на голубые горы, покрытые льдом; ниже по склонам спускались леса, а совсем внизу тянулись болота и тундра. Сильное мускулистое тело патрульного было одето в свободные зеленые штаны и в куртку из

[1] Должен быть разрушен (*лат.*) — знаменитая фраза римского сенатора Катона-старшего о Карфагене, которой он заканчивал любую речь в сенате.

инсульсинта двадцать третьего века; ботинки были сшиты на заказ сапожником из французской Канады девятнадцатого века; он курил старую вересковую трубку вовсе не известного происхождения. Эверард ощущал какое-то беспокойство и не обращал внимания на шум, доносившийся из дома, где другие патрульные пели, пили, разговаривали и играли на пианино.

Через покрытый снегом двор прошел их проводник-кроманьонец, высокий красивый парень в эскимосской одежде (непонятно, почему авторы романов о ледниковом периоде никогда не признавали за людьми палеолита достаточно здравого смысла, чтобы носить куртки, штаны и обувь?). Лицо у проводника было раскрашено, за поясом торчал стальной нож, ради которого он и взялся за эту работу. Так далеко в прошлом Патруль мог действовать достаточно свободно, не боясь нарушить ход истории: нож все равно заржавеет, а пришельцев через несколько столетий забудут. Основное затруднение было в другом: женщины-агенты из далеких веков, где нравы были проще, все время заводили романы с местными охотниками.

Пит Ван Саравак (голландско-индонезийский венерианин из раннего XXIV века), стройный, темноволосый молодой человек, чья наружность и манера ухаживать составляли большую конкуренцию охотникам, присоединился к Эверарду на веранде. Минуту они стояли молча, с удовольствием ощущая присутствие друг друга. Пит тоже был агентом с правом свободных действий, в любой момент готовым прийти на выручку в любом ареале. Несколько раз они работали вместе. Отдыхать они тоже приехали вдвоем.

Пит первым нарушил молчание, заговорив на темпоральном:

— Я слышал, около Тулузы обнаружили несколько мамонтов.

Тулуза будет построена только спустя столетия, но сила привычки велика.

— Я уже подстрелил одного, — нетерпеливо сказал Эверард. — И уже вволю накатался на лыжах, назанимался альпинизмом и по горло сыт зрелищем местных танцев.

Ван Саравак кивнул и раскурил сигарету. Когда он затянулся, его скулы еще резче выдались вперед на худом коричневом лице.

— Это приятный отдых, — согласился он, — но, честно говоря, через некоторое время жизнь на природе малость надоедает.

Им предстояло ничего не делать еще две недели. В теории, поскольку, возвращаясь из отпуска, агент имел возможность при желании попасть чуть ли не в день и час своего отъезда, отпуск мог длиться бесконечно, но на практике каждый должен был посвятить определенный отрезок своей биологической жизни работе. (В Патруле никогда не говорилось, когда кому предстоит умереть, и у каждого обычно хватало ума не пытаться выяснить это самому. К тому же в любом случае дата могла оказаться неточной — время изменчиво. Одним из преимуществ работы в Патруле была возможность пройти данеллианский курс продления жизни.)

— Чего бы я хотел, — продолжал Ван Саравак, — так это ярких

огней, музыки и встреч с девочками, которые никогда и не слышали о путешествиях во времени...

— Сказано-сделано! — подхватил Эверард.

— Рим времен Августа? — радостно спросил его товарищ. — Я никогда там не был. Могу за час выучить их язык и обычаи под гипноизлучателем.

Эверард покачал головой.

— Слишком дорого обойдется. Если мы не намерены забираться далеко в будущее, то по части всяческого разложения лучшего века, чем мой, не найти. Нью-Йорк в особенности... если ты знаешь нужные номера телефонов. А я их знаю.

Ван Саравак ухмыльнулся,

— Я и сам знаю несколько приятных местечек в моем веке, — ответил он. — Но в целом новое общество мало нуждается в изысканном искусстве развлечений. Ладно, пусть это будет Нью-Йорк... Когда?

— Давай год 1960-й. Перед тем как поехать в отпуск, я как раз там проживал как гражданин и налогоплательщик.

Они усмехнулись друг другу и пошли собирать вещи. Эверард предусмотрительно захватил с собой одежду двадцатого века не только для себя, но и для приятеля.

Бросая одежду и бритву в маленький чемодан, американец думал, надолго ли его хватит, чтобы поддержать компанию Ван Сараваку. Он никогда не был заядлым гулякой и не представлял себя бесшабашным бражником ни в одну из эпох на протяжении пространства-времени. Бой быков, ящик пива и интересная книжка — пожалуй, этот набор исчерпывал его возможности. Но и самому умеренному человеку иногда необходимо встряхнуться.

И не только встряхнуться, но и забыться. Ведь он свободный агент в Патруле времени; ведь его работа в Компании технологических исследований — только ширма для скитаний и сражений на всем протяжении истории; ведь он собственными глазами видел, как эту историю, пусть в мелочах, перекраивают наново — не боги, что было бы еще терпимо, а простые смертные, которым свойственно ошибаться, ибо даже данеллиане все же не боги; ведь он знал, что может произойти изменение в чем-то главном, и тогда он сам и весь окружающий его мир перестанут существовать.

Простое лицо Эверарда перекосила гримаса. Он провел рукой по своим жестким темным волосам, будто отгоняя эти мысли. Бесполезно думать о таких вещах. Перед парадоксом не устоит никакая логика. Лучше в такие минуты расслабиться и отдохнуть, а он сейчас может себе это позволить.

Эверард подхватил чемодан и присоединился к Питу Ван Сараваку.

Их маленький двухместный антигравитационный скуттер стоял в гараже. Трудно было поверить, что его программатор можно

настроить на любую эпоху и любое место земли. Но и самолет тоже — чудо, и корабль, и даже огонь.

«Подайте мне блондиночку,
Блондиночку мою,
Подайте мне блондиночку,
Я так ее люблю!» —

громко распевал Ван Саравак, и дыхание его облачком растворялось в морозном свежем воздухе. Он вскочил на заднее сиденье скуттера. Саравак выучил эту песню, когда как-то раз ему пришлось сопровождать армию Людовика XIV. Эверард рассмеялся.

— Уже! Не рано ли?

— Ну вот еще, — пропел молодой человек, — это такой веселый континуум в прекрасном и вечно живом космосе. Гони машину!

Эверард совсем не был в этом уверен: он повидал достаточно человеческих страданий во всех веках. Со временем ты затвердеваешь снаружи, но внутри... когда крестьянин смотрит на тебя больными, измученными глазами, или воин кричит, пронзенный пикой, или город вдруг вздымается вверх грибом радиоактивного взрыва... что-то в тебе плачет. Он мог понять фанатиков, которые стремились изменить прошлое. Но, к сожалению, они вряд ли могли привести мир к лучшему будущему.

Он настроил программатор на двадцатый век, склад Компании технологических исследований — хорошее, скрытое от глаз место, где можно материализоваться без опаски. Оттуда они пойдут к нему домой и уж потом начнут развлекаться.

— Надеюсь, ты успел попрощаться со всеми своими здешними красотками? — посмеиваясь, спросил Эверард.

— О да, и уверяю тебя, весьма любезно. Поехали скорей. Ты тут завяз, будто в патоке на Плутоне. К твоему сведению, эту машину не требуется гнать к дому веслами.

Эверард пожал плечами и включил главный тумблер. Гараж исчез из виду.

2

От неожиданности они на какую-то секунду замерли на месте. Все замелькало перед их глазами. Они материализовались в нескольких дюймах от поверхности земли — скуттер был сконструирован так, что не мог вдруг появиться внутри твердого объекта, — поэтому машина ударилась о мостовую с такой силой, что патрульные чуть не вывихнули себе челюсти. Они очутились в месте, напоминавшем площадь. Рядом шумел фонтан, его каменные стенки были украшены резными виноградными гроздьями. От площади отходили улицы, застроенные квадратными зданиями из кирпича или бетона от шести до десяти этажей в высоту. Эти дома, совершенно диких расцветок, были украшены грубым лепным орнаментом. Мимо проезжали

неуклюжие коробки-машины абсолютно неизвестной им марки. На площади толпилась масса народу.

— Боги — хранители Патруля! Где мы?

Эверард уставился на приборы. Нет, все было правильно. Скуттер приземлился в Манхэттене 23 октября 1960 года в 11.30 утра и точно в пространственных координатах склада. Но порывистый ветер бросал им в лицо пыль и сажу, пахло дымом печных труб и...

Ван Саравак выхватил звуковой станнер. Толпа пятилась от них, крича на каком-то непонятном языке. Люди здесь были самые разные: и высокие круглоголовые белые с рыжими волосами, и американские туземцы, и полукровки всех мастей. Мужчины одевались в свободные цветные блузы, шотландские юбки и в какие-то, похожие на шотландские, шапки; на ногах — ботинки и чулки до колен. Прически здесь носили длинные, так же как и усы. На женщинах были пышные юбки до лодыжек. Волосы они укладывали в косы вокруг головы и прятали под капюшоны плащей. Независимо от пола здешние жители носили массивные браслеты и ожерелья.

— Что случилось? — прошептал венерианин. — Где мы?

Эверард сидел, напрягшись. Его мозг лихорадочно работал на пределе, вызывая картины всех веков, где он побывал или о которых читал. Промышленная цивилизация? Автомобили эти смахивали на паровые — но почему тогда радиаторы такой острой формы и с такими носовыми украшениями? Уголь в качестве топлива? Или эпоха восстановления после ядерной войны? Тоже нет, при чем тут тогда эти шотландские юбки, да и речь не английская?!

Ничто не сходилось. Такой эпохи просто не было!

— Скорей поехали отсюда!

Руки Эверарда уже легли на панель управления, когда на него прыгнул какой-то высокий мужчина. Они вместе рухнули на тротуар — в ход пошли ноги и кулаки. Ван Саравак выстрелил, кто-то упал без сознания, но его самого схватили за руки сзади. Толпа навалилась на них обоих, и все смешалось в сознании Эверарда. Он смутно помнил, как сквозь людскую массу пробились несколько человек со сверкающими медными пластинами на груди и в шлемах, подняли его на ноги и защелкнули наручники на запястьях. Затем их с Ван Сараваком обыскали и впихнули в большую закрытую машину. «Черные вороны» одинаковы во все века и эпохи.

Окончательно он пришел в себя только в сырой и холодной камере с забранной железной решеткой дверью.

— Черти в адском пламени!

Венерианин плюхнулся на деревянный топчан и закрыл лицо руками.

Эверард стоял у двери, выглядывая наружу. Он смог увидеть только узкий зал с бетонными стенами и камеру на другом его конце. Оттуда через решетку на них смотрело типично ирландское лицо человека, кричавшего что-то непонятное.

— Что происходит?

Стройное тело Ван Саравака задрожало.

— Не знаю, — медленно сказал Эверард. — Просто не знаю. Наша машина времени устроена так, что ею может управлять совершенный дурак, но мы, вероятно, все же еще большие дураки, чем те, на которых она рассчитана.

— Такого места нет на свете, — сказал Ван Саравак в полном отчаянии. — Сон?

Он ущипнул себя за руку и выдавил грустную улыбку. Губа у него была разбита и уже стала опухать, на скуле начал проступать огромный синяк.

— Логически рассуждая, друг мой, щипок не может служить доказательством реальности, но есть в нем что-то обнадеживающее.

— Лучше бы не было, — сказал Эверард.

Он затряс металлические перекладины с такой силой, что они зазвенели.

— Послушай, может быть, мы действительно неправильно произвели настройку? Есть ли такой город на Земле? — а в том, что это Земля, я, по крайней мере, уверен. Пусть не город, а никому не известное захолустье!

— Я такого не знаю.

Эверард полностью расслабился, как его учили в Академии, заставляя свой мозг работать с полной отдачей. В свое время он изучал историю всех веков, даже тех, в которых никогда не был, причем настолько тщательно, что имел полное право претендовать на присуждение ему ученой степени доктора философии, и даже не единожды.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Нечто среднее между белыми брахицефалами в шотландских юбках и индейцами, разъезжающими в паровых автомобилях, — ничего подобного никогда не было.

— Координатор Стантель В., — слабым голосом сказал Ван Саравак. — В тридцать восьмом веке. Великий экспериментатор создавал колонии, в точности воспроизводящие цивилизации прошлого...

— Не было в прошлом таких цивилизаций, — сказал Эверард.

Постепенно он начал осознавать, что произошло, и готов был продать душу дьяволу, лишь бы это оказалось не так. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы не завопить и не разбить голову о стенку.

— Придется подождать, что будет дальше, — сказал он безжизненным тоном.

Полисмен (Эверард предполагал, что они находятся в руках закона) принес им пищу и попытался заговорить с ними. Ван Саравак сказал, что язык напоминает кельтский, но что он понял лишь несколько отдельных слов. Пища была недурна.

К вечеру их отвели в умывальную, и они привели себя в порядок под дулами пистолетов. Эверард внимательно осмотрел оружие: восьмизарядные револьверы и длинноствольные винтовки. Газовые

светильники в виде переплетающихся лоз и змей освещали помещение. Характер удобств, оружия, а также запахи заставляли предполагать уровень техники примерно начала девятнадцатого века.

По пути в камеру он заметил несколько букв на стенах. По начертанию они безусловно относились к семитическим, но, хотя Ван Саравак знал древнееврейский, он не смог прочитать ни слова.

Вновь запертые в камеру, они наблюдали, как ведут мыться других заключенных — на удивление веселую толпу бродяг и пьяниц.

— Кажется, мы удостоены особого внимания, — заметил Ван Саравак.

— Ничего удивительного, — сказал Эверард. — Интересно, как бы ты поступил с двумя неизвестными, явившимися из ниоткуда и применившими неизвестное оружие?

Ван Саравак повернулся к нему и спросил с несвойственной ему угрюмостью:

— Ты думаешь то же, что и я?

— Возможно.

Венерианин скривил рот, в его голосе послышался ужас.

— Другая линия времени. Кому-то все же удалось изменить историю.

Эверард кивнул.

Ночь они провели плохо, хотя сон был бы истинным благодеянием: во-первых, из других камер раздавался шум — дисциплина здесь, видимо, хромала на обе ноги; во-вторых, в постелях оказалось достаточно клопов.

Позавтракали они словно в тумане, потом им опять разрешили умыться и побриться безопасными бритвами, довольно похожими на современные. Затем стража из десяти человек отвела их в какой-то кабинет и неподвижно застыла у стен.

Патрульных усадили у стола, и они стали ждать. Мебель здесь была такой же полузнакомой-получужой, как и все остальное, и это действовало на нервы. Только через некоторое время появилось большое начальство.

Их было двое: седой краснощекий мужчина в доспехах и зеленом мундире, вероятно шеф полиции, и худощавый с жесткими чертами лица полукровка — тоже седой, но с черными усами, одетый в голубой мундир и в шерстяную, надвинутую на лоб шапочку. Слева на груди у него блестела золотая бычья голова, очевидно воинский знак различия. В человеке этом ощущалось спокойное достоинство, но это впечатление нарушали тонкие волосатые ноги, торчавшие из-под шотландской юбки. За ним следовали двое молодых людей, вооруженные и одетые, почти как он. Когда человек сел, они встали за его спиной.

Эверард наклонился и прошептал:

— Могу спорить, что это — военные. Кажется, мы представляем интерес.

Ван Саравак слабо кивнул.

Шеф полиции с важностью откашлялся и что-то сказал... генералу? Последний что-то буркнул в ответ и обратился к пленникам. Он выкрикивал слова отчетливо, и это помогло Эверарду уловить фонемы, но тон генерала не предвещал ничего хорошего.

Каким-то образом надо было установить контакт. Эверард указал на себя.

— Мэнс Эверард, — сказал он.

Ван Саравак последовал его примеру и тоже представился.

Генерал заерзал на стуле и стал совещаться с шефом полиции.

Повернувшись к пленникам, он резко сказал:

— Irn Cimberland?

— Но спикка да Инглиз, — ответил Эверард.

— Gotland Svea? Nairoin Teutonach?

— Эти названия, если только это названия, похожи на германские, — прошептал Ван Саравак.

— Так же как и наши имена, если ты прислушаешься повнимательней, — сухо ответил Эверард. — Может быть, они решили, что мы — германцы. — Он повернулся к генералу.

— Шпрехен зи дойч? — Лицо генерала не выразило понимания. — Талер, ни свенск? Нидерландск? Денск тунга? Парле ву франсе? Ох, черт побери, абла устед эспаньоль?

Шеф полиции снова откашлялся и указал на себя.

— Кадвалладер Мак Барка, — сказал он. — Генерал Цинит ап Сиорн.

Или по крайней мере так англо-саксонский мозг Эверарда уловил звучание этих слов.

— Кельтский, точно, — сказал он, — чувствуя, что весь взмок от пота. — Но чтобы проверить окончательно...

Он вопросительно указал на несколько человек у стены и получил в награду такие имена, как Гамилькар ап Ашур ир Катхлан и Финн О'Картиа.

— Нет... Здесь явно есть и семитический элемент. К тому же это соответствует буквам, написанным на стенах тюрьмы.

Ван Саравак облизнул пересохшие губы.

— Попробуй классические языки, — хрипло предложил он. — Может, нам удастся установить тот момент, когда история сошла с ума.

— Loquerisne latine?

Они молча смотрели на него.

— Хеллена?

Генерал ап Сиорн дернулся, подул себе в усы и сузил глаза.

— Hellenach? — насторожился он. — Irn Parthia?

Патрульный покачал головой.

— По крайней мере, они слышали о греках, — медленно проговорил он.

Эверард сказал еще несколько слов по-гречески, но никто не знал этого языка.

Ап Сиорн приказал что-то одному из своих людей, который поклонился и вышел. Наступило долгое молчание.

Эверард почувствовал, что перестает бояться за себя. Он попал в скверное положение, мог скоро умереть, но, что бы с ним ни случилось, это было до смешного несущественно в сравнении с тем, что произошло со всем миром.

Боже великий! Со всей Вселенной!

Он не мог осознать этого до конца. Он ясно представлял себе землю, которую знал: просторные равнины, высокие горы, горделивые города. Он вспомнил своего отца в гробу и то, как в детстве отец подбрасывал его высоко в воздух и смеялся, глядя на него снизу вверх. И мать... Родители прожили вместе хорошую жизнь.

Он вспомнил девушку, с которой вместе учился в колледже, самую прелестную девушку из всех, каких парень может быть удостоен чести провожать домой под дождем; и Берни Ааронсона, пиво, табачный дым и ночные разговоры; Фила Брэкни, который выволок его из грязи во Франции, когда пулеметы перепахивали изрытое снарядами поле; Чарли и Мэри Уиткомб в викторианской Англии, крепкий чай и раскаленные угли в камине; Кейта и Цинтию Денисон в отдаленном хромированной сталью гнездышке в нью-йоркском небоскребе; Джона Сандовала в желто-коричневых горах Аризоны; собаку, которую он однажды завел; суровые песни Данте и громоподобные звучания шекспировских строк, величие собора в Йорке и мост у Золотых Ворот; боже, целую человеческую жизнь и жизнь миллиардов людей, которые трудились, терпели лишения, плакали, смеялись и уходили в землю, чтобы на их место пришли сыновья...

Ничего этого никогда не было.

Он тряхнул головой, ошеломленный несчастьем, так и не осознавая до конца, что же произошло.

Солдаты вернулись с картой и расстелили ее на столе. Ап Сиорн сделал повелительный жест рукой, и Эверард с Ван Сараваком склонились над ней.

Да, это была Земля в меркаторовой проекции, но память подсказывала им, что карта довольно приблизительна.

— Ты можешь прочесть эти названия, Ван?

— Могу только попытаться — здесь много букв древнееврейского алфавита, — сказал венерианин. Он начал читать названия вслух. Ап Сиорн сварливо поправлял его.

Северная Америка до Колумбии называлась Инис ир Афаллон, по всей видимости — одна страна, разделенная на штаты. Южная Америка была большим государством, Хай Бразил; там же было несколько меньших стран, чьи названия напоминали индейские. Австралазия, Индонезия, Борнео, Бирма, Восточная Индия и добрая половина тихоокеанских островов принадлежала Хиндураджу. Афганистан и остальная Индия назывались Пенджабом. Литторн простирался далеко на территорию Европы. Британские острова

назывались Бриттис; Франция и Нидерланды — Галлис; Иберийский полуостров — Солтан. Центральная Европа и Балканы были разделены на множество мелких государств, названия некоторых из них имели, по-видимому, гуннское происхождение. Над Швейцарией и Австрией было написано — Хельвети; Италия называлась Симберлендом; посередине Скандинавии проходила граница: Свеа на севере и Готланд на юге. Северная Африка, очевидно, была конфедерацией от Сенегала до Суэца, подходила почти к самому экватору и называлась Картагалан; южная часть континента была разделена на более мелкие страны, имевшие в большинстве чисто африканские названия. Ближний Восток состоял из Парфии и Аравии.

Ван Саравак оторвался от карты. В его глазах стояли слезы.

Ап Сиорн выкрикнул вопрос и помахал пальцем около карты. Он хотел знать, откуда они.

Эверард пожал плечами и указал на небо. Единственное, чего он не мог сказать, это правды. Они заранее договорились с Ван Сараваком утверждать, что прибыли с другой планеты, благо в этом мире еще не знали космических кораблей.

Ап Сиорн что-то сказал шефу полиции, который кивнул и ответил ему. Пленников снова отвели в камеру.

3

— И что дальше?

Ван Саравак опустился на топчан и уставился в пол.

— Надо подлаживаться, — хмуро сказал Эверард. — Любым путем нужно добраться до скуттера и бежать отсюда. На свободе разберемся, что к чему.

— Но что случилось?

— Говорю тебе, не знаю! На первый взгляд можно сделать такое предположение: что-то произошло с греко-римлянами и власть перешла к кельтам. Но я понятия не имею, что именно случилось.

Эверард мерил камеру шагами. Ему было горько, но решение уже созревало.

— Вспомни основополагающую теорию, — сказал он. — События являются результатом комплекса явлений. Не существует одной-единственной причины, могущей повлиять на будущее. Вот почему так трудно изменить историю. Если я вернусь, скажем, в средние века и застрелю одного из голландских предков Франклина Рузвельта, он все равно родится в девятнадцатом веке, потому что он и его гены происходят от многих поколений его предков. Вступает в действие компенсация. Но время от времени, конечно, возникают ключевые ситуации. Какое-нибудь событие может явиться узлом многих событийных линий, и тогда его исход станет решающим для будущего в целом. Кто-то неизвестно почему и каким образом вмешался в такое ключевое событие в далеком прошлом.

— Нет больше моего города, — прошептал Ван Саравак. — Ни каналов в голубых сумерках, ни веселых пирушек с девушками, ни... ты знаешь, что на Венере у меня осталась сестра?

— Заткнись! — почти выкрикнул Эверард. — Я знаю. К черту все это. Сейчас надо думать, что можно сделать. Послушай, — продолжал он через минуту, — ни Патруля, ни данеллиан больше нет. (Не спрашивай меня, почему я сказал «нет», а не «никогда не было», почему мы впервые возвращаемся из прошлого и находим изменившееся будущее. Я не понимаю парадоксов изменчивого времени. С нами просто это случилось в первый раз, вот и все.) Как бы то ни было, отделения Патруля, существовавшие в ареалах до ключевого момента, наверняка уцелели. Должно остаться несколько сот агентов, на которых мы можем рассчитывать.

— Если нам удастся к ним вернуться.

— Только тогда мы сможем обнаружить, в чем заключается этот ключевой момент, и попытаться прекратить вмешательство в историю. Мы должны сделать это!

— Прекрасная мысль. Но...

Снаружи раздались шаги. В замке повернулся ключ. Пленники отпрянули. Затем внезапно Ван Саравак принялся раскланиваться, расшаркиваться и расточать улыбки. Даже Эверард чуть не раскрыл рот от изумления.

Девушка, вошедшая в камеру в сопровождении трех солдат, была потрясающе красива. Высокого роста, с массой золотисто-рыжих волос, спускающихся ниже плеч до тонкой талии, она словно собрала в себе красоту всех поколений ирландок, живших на земле. На прекрасном лице сияли огромные светло-зеленые глаза. Длинное белое платье облегало фигуру, будто созданную для того, чтобы стоять не здесь, а на стенах Трои... Эверард еще раньше обратил внимание, что в эту эпоху пользовались косметикой, но девушка прекрасно обходилась без нее. Он даже не заметил золота и драгоценных камней ее украшений и стражников за ее спиной.

Она застенчиво улыбнулась и сказала:

— Вы меня понимаете? У нас решили, что вы знаете греческий.

Она говорила скорее на классическом, чем на современном языке. Эверард, однажды работавший в Александрии, понимал ее, несмотря на акцент, если внимательно смотрел ей в лицо, не смотреть на которое было трудно в любом случае.

— О да, конечно! — ответил он. Слова наскакивали одно на другое, торопясь выстроиться во фразы.

— На каком это языке ты бормочешь? — спросил Ван Саравак.

— На древнегреческом, — сказал Эверард.

— Ну конечно, как же иначе! — простонал венерианин, казалось, забывший о своем недавнем отчаянии. Глаза его сияли.

Эверард представил себя и своего товарища. Девушка тоже сказала свое имя: Дейрдра Мак Морн.

— О нет, — простонал Ван Саравак, — это уж слишком, Мэнс, научи меня греческому, быстро!

— Замолчи, — сказал Эверард. — Сейчас не до шуток.

— Ну хорошо, а разве я не могу тоже заняться ею всерьез?

Эверард перестал обращать на него внимание и пригласил девушку присесть. Он сел рядом с ней на койке, а несчастный Ван Саравак кружился вокруг них, не находя себе места. Стража держала оружие наготове.

— Разве на греческом еще говорят? — спросил Эверард.

— Только в Парфии, и там он сильно исковеркан, — сказала Дейрдра. — Я изучаю классический период, помимо других занятий. Саоранн ап Сиорн — мой дядя, и он попросил меня попробовать говорить с вами по-гречески. В Афаллоне немногие знают аттический язык.

— Я... — Эверард едва удержался от глупой улыбки, — весьма признателен вашему дяде.

Она серьезно посмотрела на него.

— Откуда вы? И как получилось, что из всех существующих языков вы говорите только на греческом?

— Я говорю и по-латыни.

— Латынь?

Она нахмурилась, вспоминая.

— О, язык римлян, да? Боюсь, что у нас почти никто не знает о нем.

— Мы вполне обойдемся греческим, — твердо сказал Эверард.

— Но вы не ответили мне, откуда вы, — повторила она настойчиво.

Эверард пожал плечами.

— Нас приняли не очень-то любезно, — намекнул он.

— Очень жаль. — Она, видимо, говорила искренне. — Но наш народ так легко приходит в волнение. В особенности сейчас, когда такое напряженное международное положение. И когда вы появились прямо из воздуха...

Эверард кивнул. Международное положение? Это звучало достаточно знакомо и достаточно неприятно.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Неужели вы не знаете? Хай Бразил и Хиндурадж на грани войны, и мы не знаем, чем все это кончится... Трудно быть маленькой страной.

— Маленькой страной? Но я видел карту. Афаллон показался мне достаточно большим.

— Мы истощили свои силы еще двести лет назад, во время великой войны с Литторном. Сейчас ни один из штатов нашей конфедерации не может прийти к соглашению с другими по вопросам общей политики.

Дейрдра взглянула ему прямо в глаза.

— Как объяснить, что вы этого не знаете?

Эверард проглотил комок в горле и сказал:

— Мы из другого мира.

— Что?

— Да. С планеты (нет, по-гречески это значит — спутник)... С небесного тела, вращающегося вокруг Сириуса. Так мы называем некую звезду.

— Но... что вы говорите? Целый мир, вращающийся вокруг звезды? Я вас не понимаю.

— Разве вы не знаете? Звезды — это те же солнца.

Дейрдра отшатнулась и сделала пальцем какой-то знак.

— Великий Баал, защити нас, — прошептала она. — Или вы сумасшедший, или... Звезды прикреплены к кристаллической сфере. Нет, это невозможно!

— Какие из движущихся звезд вы можете видеть? — медленно спросил Эверард. — Марс, Венеру и...

— Я не знаю этих названий. Если вы имеете в виду Молоха, Ашторет и остальные, то это, конечно, такие же миры, как наш, и они так же вращаются вокруг своего солнца. На одном живут души мертвых, другой — прибежище ведьм, третий...

Все это — и паровые автомобили! Эверард улыбнулся дрожащими губами.

— Если вы мне не верите, то как вы считаете, кто я?

Дейрдра оглядела его своими большими глазами.

— Я думаю, вы оба — волшебники, — сказала она.

На это нечего было ответить. Эверард задал еще несколько беспредметных вопросов, но узнал только, что город этот называется Катувеллаунан и что он является центром торговли и промышленности. Дейрдра определила его население в два миллиона человек, а всего Афаллона — в пятьдесят миллионов, но точнее сказать не смогла. Перепись населения здесь не производилась.

Судьба патрульных тоже оставалась весьма неопределенной. Скуттер и остальные их вещи забрали военные, но никто не осмелился даже дотронуться до них, и сейчас шла горячая дискуссия: что же делать с пленными дальше. У Эверарда создалось впечатление, что все управление этим государством, в том числе его военными силами, зависит от личных амбиций и проходит в постоянных спорах, представляя собой довольно плохо организованный процесс.

Афаллон — это очень непрочная конфедерация бывших самостоятельных государств — колоний Бриттиса и индейских племен, перенявших европейскую культуру. Каждое из них постоянно опасалось ущемления своих прав. Старая империя Майя, уничтоженная во время войны с Техасом (Теханнах) и аннексированная, не забыла еще времен своей славы и посылала самых несговорчивых представителей в Совет конфедерации.

Майя хотели вступить в союз с Хай Бразил, возможно, потому, что те тоже были индейцами. Штаты западного побережья, боящиеся Хиндураджа, тяготели к Юго-Восточной азиатской империи, надеясь

на ее поддержку. Штаты Среднего Запада (как всегда) придерживались изоляционизма. Восточные штаты каждый вели политику на свой лад, но склонялись к политическому курсу Бриттиса.

Когда Эверард понял, что здесь еще существует рабство, хотя и не по расовому признаку, он в ярости чуть было не решил, что люди, изменившие историю, могли оказаться представителями рабовладельцев американского Юга.

К черту! Ему за глаза хватало одной заботы: как вызволить себя и Вана из этой проклятой западни.

— Мы с Сириуса, — высокомерно повторил он. — Ваши представления о звездах ошибочны. Мы — мирные путешественники, но, если с нами что-нибудь случится, придут другие наши собратья и отомстят за нас.

Вид у Дейрдры был такой несчастный, что ему стало совестно.

— Но они пощадят детей? — взмолилась она. — Дети ни в чем не виноваты.

Эверард ясно представлял себе, какая картина возникла перед ее мысленным взором: маленьких плачущих пленников гонят в рабство на планету ведьм.

— Если нас отпустят и наши вещи возвратят, то вообще не будет никаких неприятностей, — сказал он.

— Я поговорю с дядей, — обещала она, — но, даже если мне удастся убедить его, ведь это только один голос во всем Совете. Мысль о том, что ваше оружие может значить для нас, если мы его заполучим, свела всех с ума.

Она поднялась. Эверард взял обе ее руки в свои — они были мягкими и теплыми — и улыбнулся.

— Выше носик, детка, — сказал он по-английски. Она задрожала, вырвалась от него и сделала пальцем все тот же защитный знак от волшебства.

— Ну что? — спросил Ван Саравак, когда они остались вдвоем. — Теперь рассказывай.

Выслушав Эверарда, он погладил подбородок и пробормотал:

— Прелестное сочетание очаровательных линий и форм. Бывают и худшие миры, чем этот.

— Или лучшие, — грубо оборвал его Эверард. — У них нет атомных бомб, но, ручаюсь, нет и пенициллина. А наше дело не строить из себя богов.

— Да, да, конечно.

И венерианин вздохнул.

4

День они провели беспокойно. Когда наступила ночь, в коридоре зажглись фонари, и надзиратель в военной форме отпер дверь их камеры. В полном молчании пленников повели к заднему выходу,

где уже стояли два автомобиля, их усадили в один из них, и обе машины отъехали от тюрьмы.

Катувеллаунан не имел уличного освещения, особого движения по ночам тоже не было. Наверное, поэтому лежащий в темноте город выглядел нереально. Эверард обратил внимание на устройство автомобиля, как он и предполагал, с паровым двигателем, который работал на порошкообразном угле; колеса были на резиновых шинах. Машина имела обтекаемую форму, остроконечный радиатор украшало изображение змеи. Простой в обращении автомобиль был добротно сработан, но не очень интересен по конструкции. По-видимому, в этом мире постепенно освоили на практике необходимые технические приемы, но не знали никаких научных основ технологии и инженерного дела.

Они проехали по неуклюжему стальному мосту к Лонг-Айленду — в этом мире здесь тоже жили люди состоятельные. Несмотря на тусклый свет масляных фар, водитель не снижал скорости. Дважды они чуть было не врезались в другие машины: никаких дорожных знаков, конечно, не было, не было и водителей, которых волновала бы проблема безопасности движения. Характер государственного управления, уличное движение... Все это несколько напоминало Францию, если не считать, конечно, те редкие периоды, когда там приходил к власти какой-нибудь Генрих Наваррский или Шарль де Голль. И даже в собственном XX веке Эверарда Франция оставалась в большой мере кельтской. Он никогда не был поклонником многословных теорий о врожденных расовых качествах, и все же традиции, столь древние, что вошли в плоть народа, имели какое-то значение. Западный мир, где главную роль стали играть кельты, а народы германского происхождения сведены до положения небольших этнических групп... да, если вспомнить Ирландию его времени или племенные распри, фактически приведшие к поражению восстания галлов Верцингеторикса... но как насчет Литторна? Минутку, минутку! В период раннего средневековья его мира Литва была могущественным государством; она долго сдерживала немцев и поляков и даже не принимала христианства до пятнадцатого века! Если бы не соперничество немцев, литовское владычество легко могло бы распространиться на Восток...

Несмотря на политическую нестабильность кельтов, здешний мир состоял из больших государств, здесь было меньше отдельных стран, чем в мире Эверарда. Это говорило о более древней цивилизации. Если западная цивилизация его мира родилась из умирающей Римской империи примерно в 600 году нашей эры, кельты в мире, где они сейчас находились, должны были вытеснить римлян в более раннюю эпоху.

Эверард начал понимать, что произошло с Римом, но пока оставил свои умозаключения при себе.

Машины подъехали к широким, украшенным орнаментом воротам в длинной каменной стене. Шоферы что-то сказали двум

вооруженным стражам, одетым в ливреи и тонкие стальные ошейники рабов. Через минуту машины уже мчались мимо лужаек и деревьев. В дальнем конце аллеи, почти у самого берега, стоял дом. Эверарду и Ван Сараваку жестами приказали выйти из машины и повели их к входу.

Это было деревянное строение, не имевшее определенной архитектурной формы. В свете газовых ламп у подъезда можно было разобрать, что оно раскрашено яркими полосами разного цвета, а конец крыши и венцы бревен вырезаны в виде драконьих голов. Совсем близко слышался шум моря, и в свете луны на ущербе Эверард разглядел стоящее у берега судно, по-видимому грузовое, с высокой трубой и носовым украшением.

Окна светились желтым светом. Раб-дворецкий провел их внутрь. На полу холла лежал пушистый ковер, стены были отделаны темными резными панелями. В конце холла находилась гостиная, уставленная мягкой мебелью. Стены украшали несколько картин весьма традиционного стиля, весело трещало пламя в огромном, сложенном из камня камине.

Саоранк ап Сиори сидел в одном кресле, Дейрдра — в другом. Когда они вошли, она отложила книгу и поднялась с улыбкой на губах. Генерал курил сигару и взглянул на них весьма сердито. Он прорычал несколько слов, и охрана исчезла. Дворецкий внес поднос с бутылками, и Дейрдра пригласила патрульных присесть.

Эверард отпил из своего бокала — это оказалось великолепное бургундское вино — и прямо спросил:

— Зачем мы здесь?

Дейрдра дразняще улыбнулась.

— Думаю, вам будет здесь приятнее, чем в тюрьме.

— Конечно. Кроме того, здесь гораздо красивее. Но я все-таки хочу знать. Нас освободили?

— Вас...

Она заколебалась, подыскивая подходящий дипломатичный ответ, но присущая ей искренность, по-видимому, взяла верх.

— Мы рады принимать вас здесь у себя, но вы не должны покидать это поместье. Мы надеемся, что сумеем убедить вас помочь нам. Вы будете щедро вознаграждены.

— Помочь? Как?

— Научив наших мастеров и друидов делать такое же волшебное оружие и такие же волшебные повозки, как ваши.

Эверард вздохнул. Объяснять было бесполезно. В этом мире не было орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для производства нужных им предметов, но как объяснить это людям, которые верят в колдовство?

— Это дом вашего дяди? — спросил Эверард.

— Нет, мой собственный, — ответила Дейрдра. — Я единственный ребенок. Мои родители были очень богаты и знатны. Они умерли в прошлом году.

Ап Сиорн выговорил несколько слов, будто отрубил их. Дейрдра перевела. Лицо ее стало озабоченным.

— История вашего прибытия известна уже всему Катувеллауну, а значит, и иностранным шпионам тоже. Мы надеемся, что сможем вас здесь от них спрятать.

Эверард вспомнил, какие штуки в его собственном мире откалывали страны Оси и союзные державы в маленьких нейтральных странах вроде Португалии, и внутренне содрогнулся. Люди, доведенные до отчаяния приближающейся войной, очевидно, не будут столь гостеприимны, как афаллоняне.

— В чем заключается конфликт, о котором вы мне говорили? — спросил он.

— Речь, конечно, идет о контроле над Айсенийским океаном. В частности, над группой богатейших островов, которые мы называем Инис ир Лионнах.

Плавным движением Дейрдра поднялась с кресла и показала на глобусе Гавайи.

— Видите ли, — продолжала она тоном старательной ученицы, — как я уже говорила, Литторн и западные союзники (включая нас) истощили друг друга в войнах. Основные же могущественные державы сегодня — Хай Бразил и Хиндурадж. Они постоянно ссорятся, захватывают новые земли. В их ссору втягиваются и маленькие государства, потому что тут вопрос не только в престиже, но и в том, какая система лучше: монархия Хиндураджа или теократия солнцепоклонников Хай Бразил.

— Могу я спросить, какова ваша религия?

Дейрдра поморщилась. Вопрос явно показался ей ненужным.

— Более образованные люди считают, что существует Великий Баал, который создал всех меньших богов, — наконец ответила она. — Но, естественно, мы придерживаемся и древних культов и чтим также могущественных богов других стран, например, в Литторне — Перхунаса и Чернебога, в Симберленде — Вотана, Аммона, Браму, Солнце... Лучше не испытывать их терпения.

— Понятно.

Ап Сиорн предложил им сигары и спички. Ван Саравак затянулся и сердито сказал:

— Черт, почему это история изменилась именно по такой линии, что я не знаю здесь ни одного языка? — Потом лицо его просветлело. — Но мне легко даются языки, даже без гипноза. Я попрошу, чтобы Дейрдра взялась учить меня.

— И тебя и меня, — сразу же сказал Эверард. — Но послушай, Ван...

Он быстро пересказал ему содержание разговора.

— Гм-м...

Молодой человек потер подбородок.

— Хорошего мало, а? Конечно, если только они дадут нам

добраться до скуттера, мы легко ускользнем. Почему бы не сделать вид, что мы согласны помочь?

— Не такие уж они дураки, — сказал Эверард. — Они могут верить в чудеса, но не в такое неограниченное бескорыстие.

— Странно, что при подобной отсталости в области интеллектуальной им известны двигатели внутреннего сгорания.

— Нет. Это как раз вполне понятно. Поэтому я и спросил их о религии. Она всегда была чисто языческой: даже иудаизм — и тот исчез, а буддизм не имеет больше влияния. Как доказал еще Уайтхед, средневековые представления об едином всемогущем боге дали толчок науке, внушив понятие о существовании законов природы. А Льюис Мэмфорд добавил, что ранние монастыри были, вероятно, первыми изобретателями часового механизма. Это было очень нужное изобретение в связи с необходимостью собираться на молитву. В здешний мир часы пришли, кажется, значительно позже.

Эверард горько улыбнулся, скрывая за улыбкой грусть.

— Странно говорить об этом. Уайтхеда и Мэмфорда никогда не было. И все-таки.

— Подожди минуточку. — Эверард повернулся к Дейрдре. — Когда был открыт Афаллон?

— Белыми? В 4827 году.

— Гм... откуда вы ведете летоисчисление?

Дейрдра уже перестала обращать внимание на их невежество.

— С сотворения мира. По крайней мере, с той даты, которую называют в этой связи ученые. 5964 года назад.

Что соответствует знаменитой дате епископа Усшера: 4004 год до нашей эры. Возможно, что простое совпадение... но все-таки в этой цивилизации был определенный семитический элемент — легенда о сотворении мира в Книге бытия тоже вавилонского происхождения.

— А когда пар (пнеума) стал впервые использоваться в двигателях ваших машин?

— Около тысячи лет назад. Великий друид Бороихм О'Фиона...

— Неважно.

Эверард курил сигару и что-то обдумывал. Потом он повернулся к Ван Сараваку.

— Я начинаю понимать, что произошло, — сказал он. — Галлы всегда считались не более чем варварами. Но они многому научились у финикийских торговцев, греческих колонистов и этрусков в цизальпинской Галлии. Очень энергичный, предприимчивый народ. Римляне же были флегматичны и довольно далеки от интеллектуальных интересов. В нашей истории до средних веков, когда Римская империя была сметена варварами, уровень развития техники был чрезвычайно низок. В здешней истории римляне исчезли рано. Так же как и евреи, уверен в этом. На мой взгляд, произошло следующее: при отсутствии могущественного Рима с его теорией равновесия сил сирийцы подавили маккавеев, даже у нас чуть было не случилось то же самое. Иудаизм исчез, а следовательно, так и не возникло

христианство. Но как бы то ни было, когда Рим прекратил свое существование, галлы стали господствующей силой. Они начали изучать окружающий мир, построили более совершенные корабли и в девятом веке открыли Америку. Но они не настолько превосходили индейцев, чтобы те не могли догнать их в развитии и даже создать собственные империи, как сейчас Хай Бразил. В одиннадцатом веке кельты начали мастерить паровые машины. У них, наверное, был и порох, может быть из Китая, и некоторые другие изобретения. Но все эти достижения — результат проб и ошибок, без всякой научной основы.

Ван Саравак кивнул.

— Думаю, ты прав. Но что случилось с Римом?

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но ключевой момент, который мы ищем, находится именно там.

Он повернулся к Дейрдре.

— Сейчас я, вероятно, удивлю вас, — сказал он вкрадчиво. — Мои соотечественники уже побывали в вашем мире 2500 лет назад. Вот почему я говорю по-гречески, но мне неизвестно, что у вас произошло с тех пор. Как я понял, вы занимаетесь наукой и много знаете, и мне хотелось бы услышать именно от вас историю вашего мира.

Она покраснела и опустила свои длинные темные ресницы, столь необычные у рыжеволосых.

— Буду рада помочь вам всем, чем могу. А вы, — воскликнула она с мольбой, — вы поможете нам?

— Не знаю, — с трудом проговорил Эверард. — Я бы хотел помочь, но не знаю, сможем ли мы...

«Потому что мой долг — уничтожить и вас, и весь ваш мир. Навсегда».

5

Когда Эверарда проводили в его комнату, он обнаружил, что здешнее гостеприимство действительно не знает границ. Сам он слишком устал и подавлен, чтобы воспользоваться им... но, подумал он, засыпая, по крайней мере рабыня, которая ждала Вана, не будет разочарована.

Вставали здесь рано. Из своего окна Эверард видел стражников, шагающих взад и вперед по берегу, но это никак не повлияло на прелесть свежего утра. Вместе с Ван Сараваком он сошел вниз к завтраку, состоявшему из бекона, яиц, тостов и крепкого кофе — о чем еще можно было мечтать! Дейрдра сообщила, что ап Сиорн уехал обратно в город, на совещание: она, казалось, забыла свои огорчения и весело болтала о пустяках. Эверард узнал, что она играет в любительском драматическом театре, который иногда ставит классические греческие пьесы в оригинале, и поэтому так бегло

говорит по-гречески, любит ездить верхом, охотиться, ходить под парусом, плавать...

— Как вы насчет этого? — спросила она.

— Насчет чего?

— Поплавать в море.

Дейрдра вскочила с кресла, стоявшего на лужайке, где они беседовали под багряными кронами осенних деревьев. Она совершенно непринужденно принялась скидывать с себя одежду. Эверарду показалось, что он услышал стук отвалившейся челюсти Ван Саравака.

— Пошли! — засмеялась она. — Кто нырнет последним, тот бриттисский дохляк!

Она уже плескалась в седом прибое, когда к морю, дрожа, подошли Эверард с Ван Сараваком. Венерианин застонал.

— Я с жаркой планеты. Мои предки были индонезийцами. Экватор. Тропические пташки.

— В твоем роду были и голландцы, — ухмыльнулся Эверард.

— У них достало ума перебраться в Индонезию.

— Ну что ж, тогда оставайся на берегу.

— Вот еще! Если может она, могу и я.

Ван Саравак попробовал воду ногой и снова застонал.

Эверард собрал все свое мужество, вспомнил все, чему его учили, и вбежал в море. Дейрдра брызнула не него водой. Он глубоко нырнул, схватился за стройную ногу и потянул ее вниз. Они дурачились в воде несколько минут, затем выскочили на берег и побежали в дом под горячий душ. Ван Саравак горестно плелся сзади.

— Танталовы муки, — жаловался он. — Самая красивая девушка в этом мире, а я не могу поговорить с нею, да она еще к тому же — наполовину белый медведь.

Растертый полотенцем и одетый рабами в местную одежду, Эверард прошел в гостиную к пылающему очагу.

— Что это за расцветка? — спросил он, указывая на свою шотландскую юбку в клетку.

Дейрдра подняла рыжую головку.

— Это цвета моего клана. Почетный гость у нас всегда считается принадлежащим к клану хозяина дома, даже если он кровный его враг. А мы не враги, Мэнслах.

Эти слова опять повергли его в дурное настроение. Он вспомнил, какая перед ним цель.

— Мне бы хотелось узнать побольше о вашей истории, — сказал он. — Я всегда интересовался этим предметом.

Она кивнула, поправила золотую пряжку в волосах и сняла с тесно уставленной полки одну из книг.

— На мой взгляд, это самая лучшая книга по истории мира. В ней я смогу найти все детали и подробности, которые вас заинтересуют.

«И заодно расскажешь мне, как лучше разрушить ваш мир».

Эверард уселся рядом с ней на диван. Дворецкий вкатил столик с едой. Эверард ел машинально, не чувствуя вкуса.

— Скажите, — спросил он наконец, желая проверить свое предположение. — Рим и Карфаген воевали друг с другом?

— Да. Два раза. Сначала они были союзниками против Эпира. Римляне выиграли первую войну и попытались ограничить действия Карфагена.

Девушка склонилась над книгой, и, глядя на ее тонкий профиль, Эверард подумал, что она напоминает прилежную школьницу.

— Вторая война разразилась через двадцать три года и продолжалась... гм... одиннадцать лет, хотя последние три года войны, по существу, не было, просто добивали противника — Ганнибал уже взял и сжег Рим.

Ага! Почему-то этот успех Ганнибала не вызвал у Эверарда прилива радости. Вторая Пуническая война (здесь ее называли римской) или, вернее, какой-то ключевой эпизод этой войны и был тем поворотным пунктом, в результате которого изменилась история. Но частью из любопытства, частью из суеверия Эверард не стал сразу выяснять, какой именно это был эпизод. Сначала в его мозгу должно было уложиться все, что произошло (нет... то, чего не произошло. Реальность — вот она, теплая, живая — рядом с ним; сам же он — бесплотный призрак).

— Что же было дальше? — бесстрастно произнес он.

— Карфагенская империя захватила Испанию, Южную Галлию и кончик Итальянского сапога, — сказала она. — После того как римская конфедерация распалась, остальная часть Италии оказалась совершенно бессильной, там царил хаос. Но правительство Карфагена было слишком продажно и поэтому не могло управлять империей. Сам Ганнибал был убит людьми, считавшими, что его честность стоит им поперек дороги. Тем временем Сирия и Парфиа воевали за восточное побережье Средиземного моря. Парфиа победила и попала под еще более сильное греческое влияние, чем когда-либо прежде. Примерно через сто лет после римских войн Италию захватили германские племена. (По всей видимости, кимвры с тевтонами и амбронами, которые были их союзниками. В мире Эверарда их остановил Марий.) Их разрушительные походы через Галлию заставили переселиться кельтов. В основном по мере упадка Карфагенской империи они мигрировали в Испанию и Северную Африку. А от карфагенян галлы научились многому. Последовал долгий период войн, в течение которых Парфиа уступала свои территории, а государства кельтов росли. Гунны разбили германцев в Средней Европе, но, в свою очередь, были побеждены Парфией, на завоеванные пространства вошли галлы, и германцы остались только в Италии и Гипербореях (по всей видимости, на Скандинавском полуострове). На верфях стали закладывать большие корабли, в результате росла торговля между Дальним Востоком и Аравией, а также непосредственно с Африкой, которую корабли огибали,

направляясь на Восток. (В истории Эверарда Юлий Цезарь был изумлен, когда увидел, что венеты строят самые лучшие корабли во всем Средиземноморье.) Кельты открыли Северный Афаллон, думая, что это остров, — отсюда название «инис», — но они были изгнаны оттуда индейцами майя. Бриттисские колонии дальше на север уцелели и впоследствии завоевали независимость. Тем временем набирал силу Литторн. Был период, когда это государство завоевало большую часть Европы. Только западная ее часть возвратила себе независимость в результате мирного договора после Столетней войны, о которой я уже говорила. Азиатские страны сбросили иго своих истощенных войной европейских завоевателей и быстро развивались, а западные государства, наоборот, приходили в упадок.

Дейрдра подняла голову от книги, которую перелистывала, ведя свой рассказ.

— Но все это — только самые основные факты нашей истории, Мэнслах. Продолжать?

Эверард покачал головой.

— Нет, спасибо.

После минутной паузы он сказал:

— Вы очень честно рассказываете о положении в своей стране.

— Большинство из нас не хочет признавать этого, но я предпочитаю смотреть правде в глаза, — резко сказала Дейрдра.

Она тут же добавила с живым интересом:

— Но расскажите мне о вашем мире. В это чудо трудно поверить.

Эверард вздохнул, плюнул на свою совесть и принялся врать.

Нападение произошло после обеда.

Ван Саравак наконец-то воспрял духом и прилежно занимался с Дейрдрой изучением афаллонского языка. Они ходили по саду, взявшись за руки, и называли различные предметы; затем, чтобы освоить и глаголы, производили всевозможные действия. Эверард плелся за ними, мимолетно думая о том, что, пожалуй, он — третий лишний, и главным образом пытаясь сообразить, как добраться до скуттера.

На безоблачном бледном небе сверкало ясное солнце. Алым пламенем полыхал клен, по траве катились гонимые ветром желтые листья. Пожилой раб неторопливо убирал двор граблями. Молодой стражник-индеец стоял в ленивой позе в ружьем на плече. Два волкодава дремали у ограды. Картина была настолько мирной, что с трудом верилось, что за этими стенами люди готовились убивать друг друга.

Но люди остаются людьми в истории любого мира. Возможно, в здешнем мире они не обладают безжалостной и утонченной жестокостью западных цивилизаций; можно даже сказать, что они кажутся до странности неиспорченными. Но это не от недостатка старания. И в этом мире наука может никогда не достигнуть

развития, и люди могут бесконечно повторять один и тот же цикл: война, рождение империи, ее гибель и снова война. В будущем Эверарда человечество наконец отошло от всего этого.

Для чего? Честно говоря, он не мог утверждать, что этот континуум хуже или лучше его собственного. Он был иным — вот и все. И разве этот народ не имеет такого же права на существование, как... как и его собственный, которого, как окажется, вовсе и не было на Земле, если им не удастся сделать то, что они с Сараваком сделать должны?

Он до боли сжал кулаки. Слишком многое поставлено на карту. Не дело одного человека брать на себя подобные решения.

Если решать придется ему, не абстрактное чувство долга заставит его поступить так или иначе, а воспоминание о мелочах жизни и простых людях того мира, где он жил сам.

Они обошли дом, и Дейрдра указала на море.

— Аварланн, — сказала она. Ее свободно распущенные огненные волосы развевались по ветру.

— Что же это значит? — рассмеялся Ван Саравак. — Океан, Атлантический или просто вода? Пойдем посмотрим. — Он потянул ее к берегу. Эверард последовал за ними.

По волнам, милях в двух от берега, шел какой-то пароходик — длинный и быстроходный. За ним, хлопая крыльями, летела туча белых чаек. Эверард подумал, что, если бы охрана дома была поручена ему, он обязательно бы держал на море военный корабль.

Разве именно он должен принимать решение? В доримское время были и другие агенты Патруля. Они могут вернуться в свои эпохи, увидеть, что случилось, и...

Эверард замер на месте. Озноб пробежал по его спине, он весь похолодел.

...Они вернутся, увидят, что случилось, и постараются исправить ошибку. Если у кого-нибудь из них это получится, здешний мир исчезнет в мгновение ока из пространства-времени, и он вместе с ним.

Дейрдра остановилась. Эверард, весь в поту, едва понял, на что она так пристально смотрит. Затем Дейрдра закричала и указала вперед рукой. Эверард посмотрел вслед за ней на море.

Пароходик стоял уже совсем близко от берега, из его высокой трубы шел дым и летели искры, на носу сверкало украшение — позолоченная змея. Эверард разглядел на борту людей и что-то белое с крыльями. Оно поднялось с кормы и начало набирать высоту. Планер! Кельтская аэронавтика достигла уже такого уровня.

— Красиво, — сказал Ван Саравак. — Воздушные шары у них, наверно, тоже есть.

Планер отбросил веревку, соединявшую его с кораблем, и направился к берегу. Один из стражников закричал. Остальные выбежали из-за дома. Солнце блестело на их ружьях. Корабль шел прямо к берегу. Планер приземлился, пропахав полосу в песке.

Офицер закричал и замахал патрульным, призывая их назад. Эверард краем глаза увидел бледное озадаченное лицо Дейрдры. Затем на планере повернулась турель, вспыхнул огонь, и раздался грохот выстрела легкой пушки. Эверард автоматически отметил про себя, что турель поворачивается вручную, и упал на живот. Ван Саравак последовал его примеру и потащил за собой Дейрдру. Шрапнель проложила дорожки среди афаллонских солдат. Из планера выскочили люди с темными лицами, в чалмах и саронгах. «Хиндурадж», — подумал Эверард. Они на ходу стреляли в уцелевших стражников, окруживших своего начальника.

Тот громко отдал какой-то приказ и вместе со своими людьми кинулся вперед. Эверард чуть поднял голову и увидел, что афаллонцы атакуют команду планера. Ван Саравак вскочил на ноги, Эверард, ловко повернувшись, ухватил его за ногу и снова заставил лечь, прежде чем Ван Саравак успел ввязаться в бой.

— Пусти меня! — крикнул венерианин.

По всему пляжу, как в кровавом кошмаре, валялись убитые и раненые. Шум сражения, казалось, доносился до самого неба.

— Лежи, ты, кретин! Неужели ты не понимаешь, что им нужны именно мы... И так этот безумный ирландец, их командир, сделал ужасную глупость... хуже некуда.

Внимание Эверарда отвлек новый взрыв. Корабль подошел к самому берегу и выплевывал вооруженных солдат. Слишком поздно афаллонцы поняли, что они истратили все патроны и теперь их атакуют с тыла.

— Скорей!

Эверард вскочил и рывком поднял Дейрдру и Ван Саравака на ноги.

— Нам надо уходить отсюда, может, к кому-нибудь поблизости...

Десант с корабля увидел его и развернулся. Он скорее почувствовал, чем услышал, подбегая к лужайке, как в песок позади него с чавканьем вошла пуля. Из дома доносились истерические крики рабов. Два волкодава бросились на непрошенных гостей, и были тут же застрелены.

Сначала — ползком, потом зигзагами, через стену и на дорогу! У Эверарда это получилось бы, но Дейрдра споткнулась и упала. Ван Саравак остановился, чтобы помочь ей. Эверард тоже остановился, и это стоило им свободы. Их окружили.

Предводитель темнокожих что-то крикнул Дейрдре. Она села на землю и дерзко ответила ему. Он коротко рассмеялся и указал большим пальцем на пароход у себя за спиной.

— Что им надо? — по-гречески спросил Эверард.

— Вас. — Она с ужасом посмотрела на него. — Вас обоих.

Офицер опять что-то сказал.

— И меня как переводчицу... Нет!

Она вырывалась из рук схватившего ее солдата, высвободила

одну руку и вцепилась ему в лицо. Кулак Эверарда описал дугу и разбил чью-то челюсть. Но долго это продолжаться не могло. На его голову опустился приклад ружья, и он смутно ощутил, как его волокут ногами по песку на пароход.

6

Команда бросила планер на берегу, перенесла своих убитых и раненых на корабль, и он, набирая скорость, стал удаляться в море.

Эверард сидел в кресле на палубе и смотрел на удаляющийся берег. В голове у него постепенно прояснялось. Дейрдра плакала на плече Ван Саравака, и венерианин пытался ее успокоить. Холодный ветер с шумом швырял брызги пены им в лицо.

Когда из рубки вышли двое белых, Эверарда сразу же покинуло охватившее его оцепенение. Нет, они все-таки не азиаты! Европейцы. И сейчас, приглядевшись к команде, он заметил, что у всех лица европейского типа. Смуглая кожа — это просто-напросто грим.

Он встал и осторожно оглядел своих новых хозяев. Один из них, довольно представительного вида человек средних лет, не очень высокий, в красной шелковой рубахе, мешковатых белых штанах и в похожей на каракулевую шапке, был чисто выбрит, его темные волосы были заплетены в косу. Другой казался несколько моложе: косматый светловолосый гигант в мундире с нашитыми медными колечками, в штанах с гамашами, кожаном плаще и явно декоративном шлеме с рогами. У обоих к поясу были пристегнуты револьверы. Судя по отношению команды, они были здесь старшими.

— Какого черта!

Эверард еще раз огляделся. Земля уже исчезла из виду, и корабль поворачивал к северу. Мотор работал на полную мощность, корпус парохода дрожал, и, когда нос зарывался в волны, брызги долетали до палубы.

Сначала старший из двоих заговорил на афаллонском. Эверард пожал плечами. Затем попытку объясниться сделал бородатый северянин, сначала на совершенно незнакомом Эверарду диалекте, но потом:

— Taelan thu Cimbric?

— Кимврийский? — Эверард, который знал несколько германских языков, решил попытаться вступить в разговор, а Ван Саравак навострил свои голландские уши. Дейрдра прижалась к нему, глядя широко открытыми глазами, потрясенная случившимся.

— Ya, — сказал Эверард, — ein venig.

Когда золотоволосый взглянул на него неуверенно, он повторил по-английски:

— Немного.

— Ах, aen litt, Gode!

Гигант потер руки и назвал себя и своего спутника.

Ik hait Боерик Вульфилассон.

Болеслав Арконски.

Такого языка Эверард никогда в жизни не слыхал — это не мог быть даже чисто кимврийский, ведь прошло столько веков, — но собеседника своего он понимал сравнительно легко.

Труднее было говорить. Эверард не мог себе представить, как именно развился первоначальный язык.

— Что, черт побери, arranthu задумал? — угрожающе спросил он. — Ik bin человек auf Sirius, со звезды Сириус, mir planeten и всякое такое. Отпустите uns gebach или Willen вы чертовски, der Teufel, дорого заплатите.

Боерик Вульфилассон выглядел огорченным. Он предложил продолжить разговор у него в каюте с Дейрдрой как переводчицей. Их провели в рубку, где оказался небольшой, но комфортабельный салон, дверь осталась открытой, перед ней стоял часовой. Еще несколько вооруженных людей находились поблизости.

Болеслав Арконски сказал что-то Дейрдре на афаллонском. Она кивнула, и он налил ей стакан вина. Она выпила и как-то немного успокоилась, но голос ее звучал слабо.

— Мы попали в плен, Мэнслах. Их шпионы узнали, где вы находитесь. Другая группа должна украсть вашу машину. Где она, они тоже знают.

— Так я и думал, — сказал Эверард. — Но кто они, во имя Баала?

Боерик грубо расхохотался в ответ и долго хвалился своей хитроумной выдумкой. Его план заключался в том, чтобы правители Афаллона подумали, будто нападение совершили хиндураджцы. В действительности же секретное сотрудничество между Литторном и Симберлендом помогло им создать прекрасную шпионскую сеть, и сейчас они направлялись в летнюю резиденцию посольства Литторна на Инис Лланголен (то есть в Нантакет), где волшебников настоятельно попросят растолковать смысл своего колдовства, а для великих держав приготовят хорошенький сюрприз.

— А если мы этого не сделаем?

Дейрдра перевела ответ Арконски дословно.

— Я сожалею о последствиях. Мы — цивилизованный народ и хорошо заплатим за помощь и почетом и золотом, если вы ее нам окажете добровольно. Но в случае отказа мы можем и заставить вас. На карту поставлено существование наших государств.

Эверард внимательно поглядел на них.

Боерик выглядел смущенным и неуверенным, от его бравады не осталось и следа. Болеслав Арконски выстукивал по столу пальцами дробь, губы его были сжаты, а глаза, казалось, говорили: не заставляйте нас поступать так. Ведь и у нас есть совесть.

Они, наверное, были хорошими мужьями и отцами, любили пропустить иногда по кружке пива и сыграть с друзьями в кости. Может быть, Боерик разводил породистых лошадей в Италии, а

Арконски выращивал розы на берегах Балтики. Но все это никак не могло помочь пленникам в тот момент, когда одно всемогущее государство сцепится с другим.

Эверард задумался, отдавая должное тому, с каким искусством была проведена операция по захвату их в плен. Потом прикинул, что делать дальше. Пароход шел быстро, но, насколько патрульный помнил путь до Нантакета, плыть им оставалось еще часов двадцать. А значит, по крайней мере двадцать часов в их распоряжении было.

— Мы устали, — сказал он по-английски. — Можем мы немного отдохнуть?

— Да, конечно, — с неуклюжей вежливостью сказал Боерик. — Ok wir skallen gode gefreonds bin, ni? — ведь мы будем добрыми друзьями?

На западе тлел закат. Дейрдра и Ван Саравак стояли на палубе, глядя на серый морской простор. Трое матросов, уже снявшие свои маскарадные костюмы и грим, стояли на корме с оружием наготове. Рулевой вел корабль по компасу. Боерик и Эверард прохаживались по палубе. Все были в теплых куртках, защищающих от резкого ветра. Эверард делал успехи в кимврийском — язык еще с трудом ему повиновался, но собеседник мог понять, что он говорит. Впрочем, он больше старался слушать Боерика.

— Так вы со звезд? Этого я не понимаю. Я простой человек. Будь моя воля, я уехал бы к себе в Тоскану, занимался бы там своим поместьем, а мир пусть сходит с ума как хочет. Но у каждого из нас, граждан, есть свои обязанности перед государством.

По-видимому, тевтоны полностью вытеснили латинян из Италии, как в мире Эверарда — англы бриттов.

— Я вас понимаю, — сказал Эверард. — Странно, что так много людей воюют, когда только немногие хотят воевать.

— О, но это необходимо. И, — почти жалобно, — ведь Картаган захватил Египет, наше законное владение.

— Времена повторяются, — прошептал Эверард.

— А?

— Нет, нет, ничего. Значит, вы, кимврийцы, заключили союз с Литторном и надеетесь захватить Европу и Африку, пока большие и могущественные государства дерутся на Востоке?

— Вовсе нет! — с возмущением возразил Боерик. — Мы просто восстанавливаем свои законные исторические территориальные права. Сам король сказал...

И так далее и тому подобное.

Эверард старался удержаться на ногах: корабль качало.

— Мне кажется, что вы обращаетесь с нами, волшебниками, довольно неучтиво, — сказал он. — Смотрите, как бы мы по-настоящему не рассердились.

— О, ведь нас с детства защищают особыми заклинаниями против колдовства.

— Ах так...

— Я бы очень хотел, чтобы вы помогли нам добровольно. Буду рад убедить вас в справедливости нашего дела, если вы готовы посвятить мне несколько часов.

Эверард покачал головой, отошел от борта и остановился рядом с Дейрдрой. Лицо девушки было едва различимо в сгущающихся сумерках, но в голосе ее ему послышалась ярость отчаяния.

— Я надеюсь, Мэнслах, вы сказали ему, куда он может идти вместе со своими планами?

— Нет, — твердо ответил Эверард, — мы собираемся помочь им.

Она вздрогнула, как от удара.

— Что ты сказал, Мэнс? — спросил Ван Саравак.

Эверард перевел.

— Нет! — воскликнул венерианин.

— Да! — сказал Эверард.

— Бог ты мой, нет! Я...

Эверард схватил его за руку и холодно сказал:

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Мы не можем принимать ничью сторону в этом мире — мы против всех, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Единственное, что нужно сейчас, это некоторое время делать вид, что мы — с ними. И не вздумай сказать это Дейрдре.

Ван Саравак склонил голову и задумался.

— Ладно, — угрюмо согласился он.

7

Летний курорт Литторна находился на южном берегу Нантакета, рядом с рыбацкой деревушкой, но был отгорожен от нее стеной. Архитектура посольства была того же стиля, что и здания в самом Литторне, — длинные бревенчатые дома с крышами, выгнутыми, как спина рассерженной кошки. Главное здание и его флигели окружали выложенный плитами двор.

Пока корабль подходил к частному пирсу, Эверард, стоя на палубе, успел позавтракать под гневным взглядом Дейрдры, отнюдь не улучшившим его аппетит.

Другой, большего размера, корабль уже стоял у пирса, кругом толпилось множество людей весьма сурового вида.

Арконски возбужденно сказал на афаллонском:

— Видите, вашу волшебную машину уже привезли. Вы сможете сразу же нам все показать.

Когда Боерик перевел эти слова, сердце Эверарда забилось сильнее.

Гости, как их настойчиво называли кимврийцы, были проведены в огромную комнату, где Арконски преклонил колено перед идолом

с четырьмя лицами, тем самым Свантевитом, которого датчане в истории другого мира изрубили на дрова. В камине горел огонь, вокруг стен стояла вооруженная охрана, но Эверард ни на что не обращал внимания: его глаза были прикованы к скуттеру, поблескивающему на полу.

— Я слышал, что нашим пришлось здорово подраться, чтобы заполучить эту штуку в Катувеллаунане, — обронил Боерик. — Многие были убиты, но остальным удалось уйти от погони.

Он опасливо дотронулся до рукоятки скуттера.

— И эта повозка действительно может появиться в любом месте по желанию седока прямо из воздуха?

— Да, — сказал Эверард.

Дейрдра взглянула на него с таким презрением, какого он до сих пор не встречал. Она с высокомерным видом стояла в стороне, стараясь держаться как можно дальше от него и Ван Саравака.

Арконски заговорил с ней. Потом потребовал, чтобы она перевела. Девушка плюнула ему под ноги.

Боерик вздохнул и сказал Эверарду:

— Мы хотим, чтобы вы продемонстрировали нам эту машину. Мы вместе поднимемся на ней. Предупреждаю, что приставлю револьвер к вашей спине. Вы будете говорить мне заранее, что собираетесь делать, и, если что-нибудь окажется не так, я выстрелю. Ваши друзья останутся здесь заложниками и тоже будут застрелены при первом подозрении. Но я уверен, — поспешно добавил он, — что все мы останемся добрыми друзьями.

Эверард кивнул. Нервы его были напряжены до предела, ладони взмокли от холодного пота.

— Но раньше я должен прочесть заклинания, — сказал он. Глаза его блеснули. Сначала он бросил взгляд на пространственно-временные счетчики приборов. Затем посмотрел на Ван Саравака, сидящего под дулами пистолета Арконски и ружей стражников. Дейрдра находилась на той же скамейке, хотя постаралась отодвинуться от патрульного как можно дальше. Эверард прикинул примерное расстояние от скуттера до скамейки, воздел руки к небу и нараспев заговорил на темпоральном:

— Ван, я попытаюсь вытащить тебя отсюда. Не двигайся с места ни на миллиметр, повторяю, ни на миллиметр. Мне придется подхватить тебя на лету. Если все пойдет, как задумано, я вернусь за тобой примерно через минуту после того, как мы испаримся с нашим волосатым другом.

Венерианин сидел с абсолютно бесстрастным лицом, но на лбу его выступили мелкие бисеринки пота.

— Очень хорошо, — сказал Эверард на своем ломаном кимврийском. — Садись сзади, Боерик, и мы погоним мою волшебную лошадку вперед.

Светловолосый гигант кивнул и повиновался. Когда Эверард

устраивался на переднем сиденье, он почувствовал, как в спину ему уперлось дрожащее дуло пистолета.

— Скажи Арконски, что мы вернемся через полчаса, — бросил он через плечо.

Время в этом мире исчислялось примерно так же, как в его собственном, и там и тут заимствованное у вавилонян.

Когда Боерик перевел, Эверард продолжал:

Прежде всего мы возникнем из воздуха прямо над океаном и зависнем там.

— Х-х-хорошо, — выдохнул Боерик. Голос его звучал нетвердо.

Эверард настроил программатор пространства на десять миль к востоку и на тысячу футов высоты, потом включил главный тумблер.

Они сидели, как ведьмы на помеле, глядя вниз на сине-зеленый простор волн и на дымку, которая была далекой землей. Сильный ветер дул им в лицо, и Эверард покрепче сжал седло коленями.

— Ну? — спросил он. — Как тебе нравится?

— Это... чудесно!

По мере того как он свыкался с обстановкой, Боерика охватывал все больший энтузиазм.

— Наши воздушные шары перед этим — ничто. С такими машинами мы взлетим в небо над вражескими городами и сметем их огнем с лица земли.

После этих слов Эверарду стало как-то легче при мысли о том, что ему предстояло сделать.

— Сейчас мы полетим вперед — и скуттер будет скользить по воздуху.

Боерик восхищенно крякнул.

— А сейчас мы спрыгнем сразу вниз, на землю твоей родины.

Эверард включил тумблер маневрирования. Скуттер на бешеной скорости сделал мертвую петлю и вышел из нее в пике. Зная, что произойдет, Эверард еле удержался в седле. Он так и не понял, когда именно выпал Боерик; только краем глаза успел он заметить человека, камнем летящего сквозь пространство в море, и пожалел, что увидел это.

Затем патрульный позволил себе недолгий отдых, зависнув у самой поверхности воды. Сначала его пробрала дрожь: успей Боерик выстрелить... Потом он почувствовал угрызения совести. Отогнав от себя ненужные мысли, он сосредоточился на проблеме спасения Ван Саравака, поставил верньеры пространства на один фут от скамейки, где находились пленники, настроил время — одна минута после того, как они с Боериком отбыли. Правая его рука лежала на панели управления — ему предстояло действовать быстро, — а левую он оставил свободной.

Держите шапки, ребята! Поехали!

Машина возникла из воздуха, прямо перед Ван Сараваком. Эверард схватил венерианина за рубашку, притянул его к себе, внутрь пространственно-временного силового поля, в то время как

правая его рука, проделав все необходимые переключения, уже нажимала главный тумблер.

От металлической поверхности скуттера отскочила пуля. Эверард успел увидеть что-то бешено кричащего Арконски. А затем — все исчезло, и они оказались на травянистом холме, спускавшемся к морю две тысячи лет назад.

Нервное напряжение взяло свое: Эверард, весь дрожа, упал головой на панель управления.

В чувство его привел крик. Он обернулся, чтобы посмотреть на Ван Саравака, распростертого на склоне холма.

Одна рука венерианина все еще обнимала талию Дейрдры.

Ветер стих, море набегало на берег широкой пенистой волной, по небу плыли высокие облака.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя, Ван. — Эверард ходил взад и вперед возле скуттера, глядя в землю. — Но это безусловно усложняет наше положение.

— Что мне оставалось делать? — спросил венерианин с болью в голосе. — Оставить ее на растерзание негодяям или дать ей исчезнуть из жизни вместе со всем ее миром?

— Вспомни, как действует психовнушение, которому нас подвергли в Академии. Без разрешения мы не можем сказать ей правду, даже если и захотим. А я к тому же и не хочу.

Эверард взглянул на девушку. Она стояла, тяжело дыша, но в глазах ее светилась радость. Ветер трепал ее волосы и длинное тонкое платье.

Она тряхнула головой, как бы пытаясь освободиться от кошмара, подбежала к патрульным и схватила их за руки.

— Прости меня, Мэнслах, — выдохнула она. — Я должна была догадаться, что ты не предашь нас.

Она поцеловала их обоих. Ван Саравак, как и следовало ожидать, с готовностью ответил, но Эверарду не удалось себя пересилить. Он вспомнил об Иуде.

— Где мы? — продолжала она. — Похоже на Лланголен, но нет жителей. Или вы привезли меня на Счастливые острова?

Она подпрыгнула на одной ноге и принялась танцевать среди цветов.

— А можно нам отдохнуть здесь немного, прежде чем мы вернемся домой?

Эверард тяжело вздохнул.

— Боюсь, что у меня для вас дурные вести, Дейрдра, — сказал он.

Она замолчала. Он увидел, как она вся сжалась.

— Мы не можем вернуться. Эти... заклинания, которые мне пришлось использовать, чтобы спасти нашу жизнь... У меня не было выбора. Но теперь из-за них мы не можем вернуться домой.

— И никакой надежды? — он едва расслышал ее слабый голос.

— Нет, — сказал он, чувствуя резь в глазах.

Она повернулась и медленно пошла прочь.

Ван Саравак метнулся было следом, но остановился и сел рядом с Эверардом.

— Что ты сказал ей?

Эверард повторил.

— По-моему, это самый лучший компромисс, — сказал он. — Я не могу отослать ее обратно, в тот мир, который скоро перестанет существовать.

— Ты прав.

Ван Саравак некоторое время сидел молча, глядя на море. Потом спросил:

— Какой сейчас год? Примерно время Христа? Тогда мы все еще находимся позже ключевого момента.

— Да. И нам все еще предстоит выяснить, когда он был и в чем заключался.

— Надо обратиться в отделение Патруля в более ранние века. Там мы сможем получить необходимую помощь.

— Может быть.

Эверард улегся на траву и стал глядеть в небо, буквально раздавленный физической усталостью после всего, что им довелось пережить.

— Хотя я думаю, что ключевой момент мне удастся установить прямо здесь, с помощью Дейрдры. Разбуди меня, когда она вернется.

Она вернулась с сухими глазами, хотя по лицу ее было заметно, что она плакала. Когда Эверард спросил, поможет ли она ему в его деле, Дейрдра кивнула.

— Конечно. Моя жизнь принадлежит тем, кто спас ее.

«После того как мы сами втянули тебя в эту историю».

Эверард осторожно сказал:

— Я просто хочу узнать от вас кое-какие сведения. Слышали ли вы о... о том, что можно человека усыпить и во сне он будет делать все, что ему говорят?

Она неуверенно кивнула.

— Я видела, как это делали медики-друиды.

— Это не причинит вам вреда. Я только хочу, чтобы вы заснули и могли вспомнить во сне все, что когда-либо знали, даже если вам кажется, что вы это забыли. Это не займет много времени.

Она была так доверчива, что ему стало совестно... Применяя методы, изученные в Патруле, он погрузил ее в гипнотическое состояние полного раскрытия памяти и выудил из ее мозга все, что она когда-либо читала или слышала о Второй Пунической войне. Этого оказалось вполне достаточно для его целей.

В 219 году до нашей эры Ганнибал Барка, правитель карфагенской Испании, осадил Сагунт. После восьми месяцев осады он захватил его, и это вызвало задолго до того задуманную им войну с Римом. В начале мая 218 года он пересек Пиренеи с армией в 90 000 пехотинцев, 12 000 конников и 37 слонами, прошел Галлию и

перевалил через Альпы. Потери его в пути были огромны: к концу года к Италии подошло только 20 000 пехотинцев и 6000 конных воинов. Тем не менее около реки Тицин он встретил и разгромил превосходящие силы противника. В течение следующего года он дал римлянам еще несколько кровопролитных, но победоносных сражений и вошел в Апулию и Кампанью.

Апулийцы, луканы, бруттии и самниты перешли на его сторону. Квинт Фабий Максим повел ожесточенную партизанскую войну, которая разорила Италию, но так ничего и не решила. Тем временем Ганнибал Барка спешно собирал в Испании новое войско и в 211 году прибыл с подкреплением. В 210 году Ганнибал захватил и сжег Рим, а к 207 году последние города конфедерации были вынуждены сдаться ему.

— Вот оно, — сказал Эверард и погладил медноволосую головку девушки, лежавшей перед ним. — Теперь усни, спи спокойно и проснись с радостью в сердце.

— Что она тебе рассказала? — спросил Ван Саравак.

— Множество подробностей, — ответил Эверард. — Весь рассказ занял более часа. Важно одно: она прекрасно знает историю тех времен, но ни разу не упомянула о Сципионах.

— О ком?

— Публий Корнелий Сципион командовал римской армией при Тицине. В нашем мире его тоже постигла неудача — он проиграл сражение. Но позже у него хватило ума повернуть на запад и постепенно разрушить базу Карфагена в Испании. Кончилось тем, что Ганнибал оказался полностью отрезанным от своих баз в Италии, а те небольшие подкрепления, которые ему могли послать иберийцы, уничтожались в пути. Сын Сципиона, носивший такое же имя, тоже занимал высокий пост и был тем самым человеком, который окончательно разгромил войска Ганнибала при Заме — это Сципион Африканский. Отец и сын были лучшими полководцами, которых когда-либо знал Рим. Но Дейрдра о них никогда не слышала.

— Итак...

Ван Саравак опять стал смотреть на восток через море, туда, где галлы, кимвры и парфяне опустошали античный мир.

— Что произошло с ними в здешнем времени?

— Насколько я помню, оба Сципиона в нашем мире участвовали в сражении при Тицине и чудом избежали смерти. Во время отступления, скорее, бегства сын спас жизнь отцу. Совершенно очевидно, что в здешней истории оба Сципиона погибли.

— Кто-то должен был их убить, — сказал Ван Саравак. В его голосе зазвучали металлические нотки.

— Какой-нибудь путешественник во времени. Все другое отпадает.

— Что ж, во всяком случае, это вероятно. Посмотрим. — Эверард отвел взгляд от лица спящей Дейрдры. — Посмотрим.

8

На курорте в плейстоценовом периоде — они вернулись обратно через полчаса после того, как вылетели отсюда, — патрульные сдали девушку на попечение пожилой доброжелательной экономке, говорившей по-гречески, и собрали своих коллег. Затем сквозь пространство-время полетели хронокапсулы с сообщениями и запросами.

Отделения до 218 года — ближайшее находилось в Александрии в периоде с 250 по 230 год — все еще были на месте: работало в них примерно двести агентов Патруля. Письменные связи с отделениями в будущем, как выяснилось после проверки, оказались невозможными.

Обеспокоенные патрульные собрались на совещание в Академии, в олигоценовом периоде. Присутствующие свободные агенты соответствовали по званиям своим коллегам, работавшим постоянно в тех или иных отделениях, хотя между собой они не были равны в правах.

Эверард неожиданно для себя оказался председателем комитета самых высокопоставленных офицеров Патруля. Это была трудная и мучительная работа. Люди, собравшиеся здесь, подчинили себе пространство и время, они владели оружием богов, но все же оставались людьми с человеческими недостатками — упрямством, своеволием, раздражительностью.

Все согласились с тем, что происшедшее необходимо исправить. Но возникали опасения относительно судьбы тех агентов, которые, как в свое время Эверард, могли находиться сейчас в будущих эпохах, не будучи заблаговременно предупреждены о предполагаемых действиях. Если они не вернутся к тому моменту, когда история еще раз будет изменена, они просто перестанут существовать.

Эверард организовал несколько спасательных экспедиций, но сомневался, что они достигнут успеха. Он твердо приказал спасателям вернуться в течение дня по местному времени, если они сами не хотят оказаться в положении спасаемых.

Специалист по возрождению науки тоже высказал некоторые соображения. Конечно, безусловный долг всех, кто уцелел, восстановить «первоначальную» линию развития времени. Но существует и долг перед наукой. Открылись блестящие и уникальные возможности изучения новой линии времени в истории человечества. Нужно провести антропологические исследования в течение нескольких лет, прежде чем... Эверард с трудом прервал это словоизвержение. У них оставалось не так много патрульных, чтобы идти на подобный риск.

Были созданы исследовательские группы с задачей определить точный момент и обстоятельства, при которых произошло изменение. Разгорелись яростные споры о том, как следует действовать. Эверард глядел в окно в доисторическую тьму и думал, что саблезубые тигры

в конечном счете справляются со своими делами куда лучше, чем их обезьяноподобные потомки.

Когда все группы и команды были наконец назначены, расставлены по местам и отправлены, Эверард открыл бутылку виски и напился вместе с Ван Сарабаком до бесчувствия.

На следующий день руководящий комитет заслушал сообщения спасателей, побывавших в различных эпохах будущего. С десяток патрульных удалось выручить из более или менее затруднительных положений; человек двадцать, видимо, придется списать со счетов. Рапорт групп, занимавшихся разведкой, был интереснее. Оказалось, что два гельветских купца присоединились к Ганнибалу в Альпах и полностью вошли к нему в доверие. После войны они заняли в Карфагенской империи высокое положение. Назвавшись Фронтос и Химилко, они практически управляли государством, организовали убийство Ганнибала и жили с небывалой роскошью. Один из патрульных видел и самих узурпаторов, и их дворцы.

— Масса предметов и усовершенствований, о которых в античные времена не могли и мечтать. Сами они показались мне нелдорианами из 205-го тысячелетия.

Эверард кивнул. Это был век бандитов, с которыми Патрулю уже немало пришлось повозиться.

— Думаю, что все ясно, — сказал он. — Были они или не были с Ганнибалом до сражения при Тицине, не имеет никакого значения. Нам было бы чертовски трудно захватить их в Альпах, не наделав такого шума, из-за которого мы сами, чего доброго, можем изменить ход событий. Важно то, что, по всей видимости, именно они убили обоих Сципионов, и именно в этот момент истории нам следует вмешаться.

Англичанин из девятнадцатого века, весьма компетентный в своем деле, но напоминающий полковника Блимпа, развернул составленную им карту боя, который он наблюдал с помощью инфракрасного телескопа сквозь низкие облака.

— Римляне стояли вот здесь...

— Знаю, — сказал Эверард. — Тонкая красная линия. Критический момент наступил, когда они обратились в бегство, но и предшествующая сумятица может оказаться нам в помощь. Ну что ж, придется окружить поле, но считаю, что в самой битве должны участвовать только два агента. Эти «купцы» наверняка все время будут начеку, ожидая возможного противодействия. Отделение в Александрии может снабдить меня и Вана нужной одеждой.

— То есть как! — воскликнул англичанин. — Я полагал, что достоин чести...

— Нет. Простите, — Эверард улыбнулся краешком губ. — Какая там честь? Просто возможность сломать себе шею ради того, чтобы уничтожить целый мир таких же людей, как мы сами. — Эверард поднялся. — Идти надо мне, — бесстрастно сказал он. — Не могу объяснить почему, но знаю, что идти должен именно я.

Ван Саравак кивнул.

Они оставили скуттер под защитой купы деревьев и пошли через поле боя.

За горизонтом, высоко в небе, парило около сотни скуттеров с вооруженными патрульными, но это было слабым утешением среди свиста копьев и стрел. Низкие облака стремительно мчались под напором холодного ветра, моросил мелкий дождь, в солнечной Италии наступила поздняя осень.

Пробиваясь сквозь месиво грязи и крови, Эверард чувствовал тяжесть панциря на своих плечах. На нем был шлем, поножи, римский щит на левой руке и меч у пояса, но в правой руке он держал станнер. Ван Саравак, экипированный точно так же, тащился сзади, глядя по сторонам из-под развевающегося на шлеме командирского плюмажа.

Взвыли трубы, застучали барабаны. Эти звуки почти потонули в воплях людей, топоте ног, ржании лошадей, потерявших всадников, свисте стрел. Только немногие командиры и разведчики все еще держались верхом; как это часто бывало до изобретения стремени, бой, который начинался сражением конницы, превращался в рукопашные схватки, когда всадников выбивали из седел.

Карфагеняне наступали, прорубаясь сквозь римские линии и сминая их. То в одном месте, то в другом сражение превращалось в отдельные стычки: люди проклинали противников и бросались врукопашную.

Здесь бой уже кончился. Вокруг Эверарда лежали трупы. Он поспешил за отступающей римской армией, к сверкающим вдали значкам легионов — бронзовым орлам. За шлемами и трупами он различил победно развевающееся пурпурно-красное знамя. И тогда, словно чудовища на фоне серого неба, подняв хоботы и трубя, выступили слоны.

Война всегда одинакова: это не бравада храбрецов и не аккуратные линии на картах, а крики, пот и кровь людей, мечущихся в круговерти боя.

Темнолицый худощавый карфагенянин-пращник со стоном пытался вытащить копье, застрявшее у него в животе. Но сидящий на земле рядом с ним римский крестьянин не обращал на него никакого внимания и только с недоумением рассматривал культю своей руки.

Над полем кружили вороны. Они покачивались на ветру и ждали своего часа.

— Скорей! — прошептал Эверард. — Поспеши, ради всего святого! Линия обороны может рухнуть в любую минуту.

В горле у него пересохло, он поспешно заковылял туда, где развевались знамена Республики. Ему пришло в голову, что в душе он всегда стоял за победу Ганнибала, а не Рима. Было что-то отталкивающее в его холодной и всеядной жадности. И вот он здесь, пытаясь спасти этот вечный город. Да, жизнь — странная штука.

Его немного утешало то, что Сципион Африканский был одним из немногих порядочных людей, оставшихся в живых после войны.

Стоны и крики усилились — римляне откатывались назад. Эверард увидел нечто похожее на волну, разбивавшуюся о скалы. Но здесь двигалась не волна, а скала, с громким криком и нанося удары...

Он побежал. Мимо него, крича от страха, пронесся легионер. Седоволосый римский ветеран плюнул в землю, широко расставил ноги и бился, не сходя с места, пока не упал замертво. Карфагеняне держали строй и наступали под нечеловеческий грохот барабанов.

Там, впереди! Эверард увидел группу римлян, окружавшую полководцев верхом на лошадях. Они высоко поднимали бронзовых орлов, что-то громко кричали, но их невозможно было расслышать из-за шума битвы.

Мимо пробежала небольшая группа легионеров. Их начальник окликнул патрульных:

— Эй, вы, спешите туда! Мы еще покажем им, клянусь лоном Венеры!

Эверард покачал головой и продолжал свой путь. Римлянин оскалил зубы и кинулся на него.

— Ах ты, трусливый...

Луч станнера оборвал его слова. Он рухнул в грязь. Остальные легионеры дрогнули, закричали и бросились бежать. Карфагеняне были очень близко — сплошная стена щитов и мечей, с которых стекала кровь. Эверард увидел орлиный профиль одного из них, свежий шрам на щеке у другого.

Копье отскочило от его шлема. Он наклонил голову и побежал. На его пути возникла стычка. Он хотел обойти дерущихся, но споткнулся о труп и упал. На него свалился какой-то римлянин. Ван Саравак с проклятьями вытащил Эверарда и получил удар мечом по руке.

Неподалеку люди Сципиона, окруженные врагами, безуспешно пытались отразить атаку. Эверард остановился, набрал побольше воздуха в легкие и внимательно огляделся. Сквозь сетку дождя он увидел группу приближающихся римских всадников в мокро поблескивающих доспехах. Кони их по брюхо были забрызганы грязью. Это, должно быть, сын, Сципион Африканский, спешил на помощь отцу. Под копытами дрожала земля.

— Вон там!

Ван Саравак закричал и махнул рукой. Эверард пригнулся. Дождь стекал с его шлема на лицо.

С другой стороны группа карфагенян направлялась к тому месту, где дрались римляне. Во главе их гарцевали два человека, высокие, с грубыми чертами лица, характерными для нелдориан. Они были одеты в те же доспехи, что и остальные, но в руке каждый держал по длинноствольному пистолету.

— Сюда!

Эверард круто повернулся и побежал к ним. Кожа его панциря скрипела на ходу.

Карфагеняне заметили патрульных, когда те были уже совсем близко. Только тогда какой-то всадник выкрикнул предупреждение. Двое безумных римлян! Эверард видел, как воин ухмыльнулся в бороду. Один из нелдориан поднял свой бластер.

Эверард бросился плашмя на землю. На том месте, где он только что стоял, мелькнул страшный сине-белый луч огня. Он выстрелил лежа, и одна из африканских лошадей упала. Раздался лязг металла. Ван Саравак стоял на месте и методично нажимал на курок. Два, три, четыре, и вот уже один из нелдориан свалился с лошади в грязь!

Воины рубились вокруг Сципионов.

Эскорт нелдориан завопил от ужаса. Действие бластера они, очевидно, видели раньше, но невидимое оружие, которым поражали Эверард и Ван Саравак, было для них в диковинку. Они разбежались. Второй нелдорианин с трудом успокоил свою лошадь и повернулся, намереваясь последовать за ними.

— Присмотри за тем, которого ты сбил, Ван, — выкрикнул Эверард. — Оттащи его с поля боя, нам придется допросить...

Он быстро вскочил на ноги и поймал пробегавшую мимо лошадь без седока. Вскочить в седло и последовать за оставшимся нелдорианином было делом одной минуты — Эверард даже не успел толком сообразить, что он делает.

Позади Публий Корнелий Сципион и его сын отбились, наконец, от карфагенян и присоединились к своей отступающей армии.

Эверард скакал сквозь хаос. Он все убыстрял бег лошади и только приветствовал, что нелдорианин тоже пришпоривает своего коня. Как только они окажутся за пределами поля боя, сверху сможет спуститься скуттер и быстро решить исход схватки.

Та же мысль, очевидно, пришла в голову и нелдорианину. Он развернул коня и прицелился. Эверард увидел вспышку и почувствовал жжение: огненный луч едва не задел его левую щеку. Эверард поставил свой станнер на широкий диапазон действия и, стреляя, помчался вперед.

Вторая молния попала его лошади прямо в грудь. Колени животного подогнулись, и Эверард вылетел из седла. Тренированное тело смягчило удар от падения — он быстро поднялся на ноги и бросился навстречу врагу. Правда, станнер Эверарда остался лежать где-то в грязи, рядом с лошадью, но искать его уже не было времени. Неважно! Если он останется жив, оружие можно будет найти потом, тем более что станнер сделал свое дело. Широкий луч попал в цель. При таком расстоянии он не мог, конечно, сбить с ног, но нелдорианин выронил свой бластер, а лошадь едва стояла, шатаясь и закрыв глаза.

В лицо Эверарда бил дождь. Он бросился к лошади. Нелдорианин соскочил на землю и выхватил меч. В ту же минуту в воздухе сверкнул клинок Эверарда.

— Как вам будет угодно, — сказал он по-латыни. — Но один из нас останется на этом поле.

9

Луна осветила горы, и снег тускло заблестел на их вершинах. Далеко на севере лунный свет отразился от ледника. Где-то завыл волк. Кроманьонцы что-то пели в своей пещере; их напев едва слышно доносился до веранды.

Дейрдра стояла в темноте. Лунный луч высветил ее лицо, мокрое от слез. Когда Ван Саравак и Эверард подошли к ней сзади, она с удивлением посмотрела на них.

— Так скоро? — спросила она. — Но ведь вы приехали сюда и простились со мной только сегодня утром.

— Мы быстро справились, — ответил Ван Саравак, первым делом выучивший под гипноизлучателем древнегреческий.

— Я надеюсь... — она попыталась улыбнуться, — вы уже освободились и теперь сможете хорошо отдохнуть.

— Да, — сказал Эверард. — Мы освободились.

Некоторое время они стояли молча рядом, вглядываясь в снежную равнину перед ними.

— Это правда, что я никогда не смогу вернуться домой? — тихо спросила Дейрдра.

— Боюсь, что да. Заклинания...

Эверард и Ван Саравак переглянулись.

Они получили официальное разрешение сказать девушке все, что сочтут нужным, и взять ее в любое место, где она, по их мнению, сможет быстро привыкнуть к новой жизни.

Ван Саравак настаивал, что этим местом может быть только Венера его века, а Эверард слишком устал, чтобы спорить.

Дейрдра глубоко вздохнула.

— Пусть будет так, — сказала она. — Я не собираюсь тратить всю жизнь на сожаления. Ведь Великий Баал в конце концов дарует счастье моему народу. Правда?

— Уверен в этом, — сказал Эверард.

Внезапно он почувствовал, что у него больше нет сил. Он хотел только одного: поскорей добраться до постели и заснуть. Пусть Ван Саравак скажет ей то, что следует сказать, и получит свою награду.

Эверард кивнул товарищу.

— Прощай, — сказал он. — Теперь дело за тобой, Ван.

Венерианин взял девушку за руку. Эверард медленно пошел в свою комнату.

ЕДИНСТВЕННАЯ ИГРА В ГОРОДЕ

1

Имя Джон Сандовал ему явно не шло. И уж совсем нелепым казался сам человек с поджарой фигурой, одетый в слаксы и блузу, стоявший на шкуре белого медведя (когда-то подаренной Эверарду Бьёрне Герьюльсоном) перед окном квартиры, из которой открывался вид на Манхэттен середины двадцатого века. Эверард привык к анахронизмам, но глядя на темное лицо с орлиным носом, он невольно представлял себе боевую раскраску, коня и пистолет, направленный на какого-нибудь бледнолицего вора.

— Ну хорошо, — сказал он. — Китайцы открыли Америку. — Факт не лишен интереса, но при чем здесь я?

— Почем мне знать? — ответил Сандовал и отвернулся, уставившись в окно. На фоне ясного неба резко выделялись башни зданий; городской шум, терявшийся далеко внизу, почти не был слышен. Руки индейца, заложенные за спину, нервно сжимались и разжимались. — Мне было приказано подыскать агента с правом свободных действий, отправиться с ним в прошлое и принять необходимые меры. Тебя я знаю лучше других, так что... — он умолк.

— Может, все-таки обратишься за помощью к одному из твоих соплеменников? — спросил Эверард. — Ведь мое появление в Америке середины тринадцатого века, мягко говоря, будет несколько необычным.

— Тем лучше. Зато достаточно впечатляющим и загадочным... Да и задание не такое уж трудное.

— Что верно, то верно, — заметил Эверард. — Трудных у нас не бывает.

Он достал из кармана своего старенького, видавшего виды халата кисет с табаком и трубку и принялся набивать ее быстрыми нервными движениями. Еще в самом начале своей карьеры, будучи простым патрульным, он усвоил суровую истину: любое, даже самое важное поручение, следовало выполнять малыми силами, не создавая мощных организаций, так характерных для двадцатого века. Примером могли служить Афинская Эллада, Япония времен Камакура[1], да и более поздние цивилизации, которые уделяли внимание развитию и совершенствованию отдельно взятой личности. Выпускник Академии Патруля (само-собой, снабженный техническими новинками и оружием будущего) мог при необходи-

---

[1] Бывшая резиденция японских сиогунов (фактических правителей страны).

мости заменить воинскую часть. Слишком мало было патрульных и над слишком многими тысячелетиями приходилось им вести наблюдения.

— У меня такое ощущение, — медленно проговорил Эверард, — что в данном случае речь идет не о конкретном исправлении чьего-либо вмешательства извне.

— Ты прав, — хрипло ответил Сандовал. — Когда я доложил обстановку, отделение Юань провело самое тщательное расследование. Путешественники во времени здесь ни при чем. Хубилай-хан[1] организовал экспедицию на свой страх и риск. Возможно, его вдохновило описание путешествий Марко Поло по венецианскому и арабскому морям, но такова история, даже если в книге Марко ни словом не упоминается о возможности открытия Америки.

— Китайцы — древние мореплаватели, — пробормотал Эверард. — Так что все вполне естественно. Но только при чем здесь мы? — Он раскурил трубку, глубоко затянулся и, видя, что Сандовал упорно молчит, задал следующий вопрос. — Как ты обнаружил монголов? Неужели в стране навахо?

— Я не ограничиваюсь изучением одного своего племени, — ответил Сандовал. — В Патруле слишком мало индейцев, а гримировать под «краснокожих» достаточно сложно. Последнее время я работал над миграцией атабасков.

Подобно Кейту Денисону он был этническим специалистом и изучал историю народов, о которых почти ничего не было известно, собирая данные, необходимые для наблюдения над определенными ключевыми моментами истории.

— Я исследовал восточный склон Каскадных гор, неподалеку от Кратерного озера, — продолжал Сандовал. — Это — страна лутуами, но у меня были все основания подозревать, что племя атабасков, следы которого я потерял, двигалось именно здесь. Аборигены говорили о загадочных незнакомцах, пришедших с севера. Я решил проверить, в чем дело, и наткнулся на отряд конных монголов. Проследив их путь, я обнаружил лагерь в устье реки Чечалис, где еще несколько монголов помогали китайским морякам сторожить корабли. Делать было нечего, и я тут же доложил обстановку в центр.

Эверард уселся в кресло и окинул своего собеседника долгим взглядом.

— Достаточно ли тщательным было расследование в Китае? — спросил он. — Ты абсолютно уверен, что экстратемпорального вмешательства не произошло? Ведь оно могло быть и неумышлен-

[1] Ши-цзу Хубилай, монгольский император (1264 — 1295). Завершил завоевание Китая, основав юаньскую династию (двадцатую по счету и первую из инородческих, овладевших всем Китаем).

ным: ты знаешь, иногда последствия остаются неясны десятилетиями.

Сандовал кивнул.

— Получив задание, я первым делом отправился в главное отделение Юань в Ханбалыке — древнее название Пекина. Они скрупулезно проверили время вплоть до правления Чингиз-хана, а пространственно охватили даже Индонезию. Исторически все так же верно, как и в случае скандинавов, открывших свой Винланд[1]. При китайском дворе известно, что экспедиция была отправлена и никогда не вернулась и что Хубилай решил не рисковать второй раз. Запись хранилась в имперском архиве, уничтоженном во время восстания Минской династии[2], в результате которого монголы были изгнаны из Китая. Историографы вообще позабыли об этом инциденте.

Эверард задумался. Как правило, он любил свою работу, но сейчас чувствовал себя не совсем уютно. Сандовал явно чего-то не договаривал.

— Послушай, — обратился он к индейцу, — совершенно очевидно, что экспедиция погибла. Вполне понятно, нас интересует, как это произошло. Но почему следить за ними должен агент с правом свободных действий?

Сандовал перестал смотреть в окно и повернулся. На какое-то мгновение Эверарду опять пришла в голову мысль, насколько индеец племени навахо чужд этому миру. Он родился в 1930 году, прошел суровую школу армии, окончил колледж с отличием, стал прекрасным патрульным, но так никогда и не выглядел полноправным жителем двадцатого века.

А кто из нас в лучшем положении? И вообще, в состоянии ли человек жить на свете, зная будущее своего народа?

— Но я не должен следить за ними! — воскликнул Сандовал. — Доложив обстановку, я получил приказ прямо от данеллиан. Без объяснения причин, без малейших колебаний: уничтожить экспедицию! Переписать страницу истории!

2

Год одна тысяча двести восьмидесятый новой эры.

Воля Хубилай-хана распространилась по параллелям и меридианам, он мечтал о мировой империи, а при его дворе с почетом встречали каждого чужеземца, несшего с собой новые знания.

---

[1] Под этим именем был известен в X в. у скандинавов восточный берег северной Америки. Бьёрне Герьюльсон открыл его в 986 г., но не высадился. В 1000 г. сын Эрика Рыжего, Лайф, назвал часть страны Винланд (виноградная страна).

[2] Двадцать первая китайская династия (1368 — 1636 гг.). Ее основатель, Чжу-Юань-чжань, известный под именем Минского Тай-цзу, окончательно изгнал из своей страны монголов.

Молодой венецианский купец по имени Марко Поло стал фаворитом. Но отнюдь не все народы жаждали жить под игом монгольского императора. Тайные революционные общества, собиравшиеся во многих покоренных странах, создали свой центр в Катае[1]. Япония, за троном которой стояли представители рода Ходзо[2], успешно отразила первый натиск. Да и объединены монголы были только в теории. Среди русских принцев, собиравших дань Золотой Орде, происходили брожения; Ильхан Абака царил в Багдаде.

В те далекие времена аббасиды[3] нашли прибежище в Каире; Дели процветал под властью первой турецкой династии[4]; Николай III был папой римским; гвельфы и гибеллины разоряли Италию; Рудольф Габсбургский был германским императором; Филипп Смелый — королем Франции; Эдуард I — «рыцарь без страха и упрека» — правил Англией. Великими их современниками были Данте Алигьери, Иоанн Дунс Скот[5], Роджер Бэкон и Томас Стихотворец[6].

А в Северной Америке Мэнс Эверард и Джон Сандовал остановили своих коней на вершине пологого холма и уставились вдаль.

— Впервые я увидел их на прошлой неделе, — сказал индеец, — причем достаточно далеко отсюда. Если так будет продолжаться, через пару месяцев они окажутся в Мексике, невзирая ни на какие препятствия.

---

[1] Китай.

[2] Род Ходзо (Ходжо) обладал действительной властью в стране, и его представители, под титулом регентов, командовали всеми вооруженными силами Японии. Первое нападение было совершено Хубилаем на острова, но успешно отбито (1274 г.). В 1281 г. Хубилай отправляет стотысячную армию в саму Японию, но после высадки буря уничтожила весь монгольский флот, и отрезанные от сообщения с материком войска были полностью уничтожены японцами: только троим удалось перебраться в Китай и сообщить об участи армии.

[3] Аббас — дядя пророка Магомета. Старший из его сыновей, Абдалла, был основателем династии аббасидов (652 г. н. э.), которая в 750 г. в лице внука Абдаллы, Абул-Аббаса, вступила на трон багдадских калифов и в 1258 г., в лице Мотазема, была свергнута с него монголами.

[4] Дели обрел независимость в 1206 г., и его наместник, Каттаб-эд-дин-Айбек сделал его резиденцией могущественного государства и положил начало первой турецкой династии, при которой Дели стал одним из самых богатых городов Азии. С 1288 г. в Дели царствует вторая турецкая династия Гильджи, при которой город удачно отражал нашествия монголов.

[5] Последний и самый оригинальный представитель средневековой схоластики. Знаменит тем, что еще в 1305 г. защитил диссертацию, отстаивающую изначальную непорочность Святой Девы Марии (за пять с половиной веков до провозглашения этого догмата папой Пием IX).

[6] *Томас де Галь* — замечательный лирический поэт конца XIII в., который, в отличие от своих собратьев по перу, не писал духовных стихов.

— Согласно монгольским стандартам, — ответил Эверард, — это еще медленно.

Он поднес к глазам бинокль. Вокруг зеленела весенняя апрельская трава. Даже на самых высоких и старых ветвях распускались веселые молодые листочки. Холодный ветер, дующий с гор, шумел в соснах; множество птиц, спешащих в родные края, казалось, затмили собой солнце. Пики Каскадных гор как бы парили в небе далеко на западе: бело-голубые, величавые, неприступные. У подножья холма росли группы деревьев, за которыми виднелись долины, а там, вдали, за горизонтом, лежала необъятная прерия, сотрясающаяся под громовым топотом бизоньих стад.

Эверард перевел бинокль на экспедицию. Монголы растянулись по равнине длинной цепью, более или менее следуя течению реки. Примерно семьдесят человек на косматых, караковой масти, коротконогих, длинноголовых азиатских лошадях. Они вели в поводу вьючных животных и сменных лошадей. Эверард сразу приметил несколько туземных проводников: не только по лицу и одежде, но и по тому, как они неуклюже держались в седле. Потом он вновь принялся тщательно изучать монголов.

— Что-то больно много вьючных беременных кобыл, — пробормотал он себе под нос. — Видимо, они перевезли на кораблях столько лошадей, сколько смогли, выпуская их прогуляться и попастись на каждой остановке, а сейчас решили увеличить поголовье. Да, эти пони достаточно выносливы и могут перенести все тяготы пути.

— Те, кто остался у кораблей, тоже занимаются разведением лошадей, — сообщил Сандовал. — Видел собственными глазами.

— Что ты еще о них знаешь?

— Практически ничего. О записи, которая хранится в архиве Хубилая, я тебе уже говорил. Если помнишь, там мимоходом упоминается о четырех кораблях под командованием нойона Токтая и ученого Ли Дай-цзуна, посланных для исследования островов, лежащих за Японией.

Эверард рассеянно кивнул. Незачем сидеть сложа руки и в сотый раз повторять одно и то же. Он просто оттягивал тот момент, когда от слов пора было переходить к делу.

Сандовал откашлялся.

— Может, все-таки я пойду один? — спросил он. — Мало ли что взбредет им в голову?

— Жаждешь увенчать себя лаврами героя? Ну нет, лучше вместе. К тому же я не жду никаких неприятностей. По крайней мере в начале. Эти ребята достаточно умны, чтобы ни с того, ни с сего наживать врагов. Ведь они завели хорошие отношения с индейцами, ты же видишь. А мы для них вообще величина неизвестная... Но от рюмки на дорожку я не откажусь.

— И я тоже. Ладно, давай!

Они вынули из седельных сумок фляжки, примерно на полгаллона каждая, поднесли их к губам и сделали по глотку.

Шотландское виски обожгло Эверарду горло, огнем прокатилось по жилам. Он окрикнул лошадь и поскакал вниз по склону холма. Сандовал последовал его примеру.

Послышался резкий свист. Их заметили. Все так же неторопливо они продолжали ехать к выстроившимся в линию монголам. Несколько всадников приблизились к ним с двух сторон, натянув стрелы на тетивах коротких мощных луков, но не стали останавливать.

«Наверное, мы выглядим достаточно безопасными», — подумал Эверард.

На нем, как и на Сандовале, была одежда двадцатого века: охотничий жакет, защищающий от сильного ветра, широкополая шляпа от дождя; но индеец выглядел куда более элегантно в специально изготовленном «Аберкромби и Фичем» национальном костюме навахо. У обоих патрульных висели на поясе кинжалы напоказ, а также маузеры и станнеры тридцатого века, на тот случай, если дело дойдет до потасовки.

Дисциплиной монголы отличались безукоризненной: отряд остановился, как один человек. Подъезжая, Эверард пристально наблюдал за ними. Примерно за час до отправки в прошлое он прошел курс полного гипнообучения, включая языки, историю, уровень технологии, манеры и моральные принципы монголов, китайцев и даже местных индейцев. Но он впервые видел их так близко.

Монголы не отличались особой импозантностью: коренастые, кривоногие, с жиденькими бороденками и плоскими широкими лицами, смазанными жиром и сверкающими на солнце. Все они были прекрасно обмундированы: сапоги, брюки, покрытые тонкими кожаными пластинками кирасы с лаковым орнаментом, конические стальные шлемы с костылем или плюмажем наверху. Вооружение составляли кривые сабли, кинжалы, копья и луки самых разнообразных размеров. Один из монголов, стоявший почти в самом начале отряда, нес штандарт из позолоченных хвостов яка. Они наблюдали за приближением патрульных своими узкими, ничего не выражающими глазами.

Их начальника легко было узнать. Он ехал в повозке, и разодранный шелковый плащ раздувался от ветра за его спиной. Он был крупнее своих воинов, с рыжей бородой, почти римским носом, и еще более жестоким выражением лица. Проводник-туземец рядом с ним вскрикнул и отпрянул назад, но нойон Токтай продолжал свой путь, глядя на Эверарда немигающим кровожадным взором.

— Я приветствую незнакомцев! — громким голосом произнес он, когда вновь прибывшие остановились в нескольких шагах от него. — Какие духи привели вас к нам?

Эверард ответил на лающем, но безукоризненном монгольском:

— Приветствую тебя Токтай, сын Батыя. Да будет на то воля Тэнгри[1], мы пришли с миром.

Это произвело эффект. Краешком глаза Эверард заметил, как монголы потянулись за амулетами и начали делать различные движения руками от сглаза. Но всадник слева от Токтая быстро обрел самообладание.

— Ах! — сказал он. — Значит, путешественники с запада уже побывали здесь раньше. Нам об этом ничего не было известно.

Эверард повернулся. Китаец был выше ростом любого из монголов, с почти белой кожей, холеными руками и тонкими чертами лица. Одетый почти так же, как остальные воины, он был безоружен. Ему можно было дать лет пятьдесят, больше, чем нойону. Эверард слегка поклонился в седле и обратился к нему на северно-китайском диалекте:

— Достопочтенный Ли Дай-цзун, как ни печально, что такой ничтожный червь, как я, противоречит столь уважаемому человеку, но должен сказать, что мы пришли из великого государства далекого юга.

— До нас дошли слухи, — ответил ученый. Он так и не смог до конца скрыть своего волнения. — Даже здесь, на севере, мы слышали много удивительных рассказов о далекой, прекрасной стране. Мы ищем эту страну, чтобы передать братский поклон вашему царю от великого Кагана Хубилая, сына Тули, сына Чингиза, попирающего землю своими стопами.

— Мы слышали о Великом Кагане, — как бы вскользь произнес Эверард, — а также о Калифе, Папе Римском, Императоре и прочих менее именитых властителях. — Ему приходилось как можно тщательнее подбирать слова, чтобы, с одной стороны, не нанести открытого оскорбления китайскому владыке, а с другой — как бы невзначай поставить его на место. — О нас же почти ничего не известно, так как наш повелитель сам не ищет мирской славы и не желает, чтобы она пришла к нему из чужих краев. А теперь разрешите представиться мне, недостойному. Мое имя — Эверард, и хоть по внешнему виду меня можно принять за жителя России или запада, это не так. Я — пограничник.

Пусть-ка поломают голову над тем, что это значит.

— Немного же людей в твоей свите, — резко бросил Токтай.

— Зачем нам свита? — удивленно ответил Эверард, стараясь говорить как можно непринужденней.

— И вы путешествуете далеко от родины, — вставил Ли.

---

[1] Тэнгри (*монгол.*) — небо, небесный дух, высший представитель всех сил природы.

— Не далее монголов, достопочтенный, когда они маршируют в киргизских степях.

Токтай взялся рукой за эфес сабли и окинул патрульных пронзительным настороженным взглядом.

— Пойдемте, — сказал он. — Я буду принимать вас, как послов. Разобьем лагерь и выслушаем слово вашего повелителя.

3

Солнце, нависшее над западными пиками гор, посеребрило их снежные вершины. Тени удлинялись, опускаясь в долину, лес потемнел. И лишь небольшая лужайка, казалось, осветилась еще ярче. Вокруг стояла такая тишина, что каждый звук слышался особенно отчетливо: быстрое журчание ручья, плеск воды, звон топора, хрупанье лошадей, пасущихся в высокой траве. В воздухе пахло дымом костра.

Монголы были явно озадачены присутствием незнакомцев и столь ранним привалом, и хотя лица их оставались бесстрастными, они то и дело поглядывали на Эверарда и Сандовала, бормоча себе под нос заклинания: языческие, буддийские, мусульманские и несторианские[1]. Правда, это нисколько не повлияло на ловкость и быстроту, с которой они разбили лагерь, выставили дозорных, позаботились о лошадях и стали готовить ужин. И все же Эверарду показалось, что они ведут себя куда тише обычного. По крайней мере гипноизлучатель твердо вбил ему в голову, что, как правило, монголы народ веселый и разговорчивый.

Он сидел, скрестив ноги, на коврике в палатке. Сандовал, Токтай и Ли замыкали круг. На горячих углях кипел чайник. Палатка была единственной во всем лагере, видимо, ее возили с собой именно для таких вот торжественных случаев. Токтай собственноручно наполнил чашу кумысом и передал ее Эверарду. Патрульный отхлебнул как можно громче — того требовал этикет — и пустил чашу по кругу. Ему приходилось пить напитки куда более неприятные, чем ферментированное кобылье молоко, но он вздохнул с облегчением, когда ритуал завершился и всем был подан чай.

Вождь монголов произнес речь. Она звучала отнюдь не так гладко, как у его китайского секретаря. Невольно в голосе нойона проскальзывали вызывающие нотки, и казалось, он сейчас рявкнет: «Какой чужеземец осмелился приблизиться к посланнику Великого Хана не на брюхе своем?» Однако, слова его прозвучали достаточно вежливо:

— Так пусть наши гости расскажут, с каким поручением посланы

[1] Несториане — христианская секта, ведущая свое происхождение от Нестория, патриарха Константинопольского, фанатика, устраивавшего гонения на еретиков. В конце концов сам Несторий был объявлен еретиком и сослан в Египет.

они своим повелителем. И для начала мы бы хотели услышать его имя.

— Его имя нельзя произносить вслух, — ответствовал Эверард. — О его владениях до вас могли дойти лишь ничтожные слухи. О его могуществе, нойон, ты можешь судить по тому, что он отправил в далекие края лишь нас двоих и нам не потребовалось даже сменных лошадей.

Токтай ухмыльнулся.

— Красивые кони, вот только не знаю, годятся ли для степей. И долго вы до нас добирались?

— Менее одного дня, нойон. Мы знаем способ. — Эверард сунул руку в карман куртки и достал несколько небольших пакетов. — Наш владыка просит китайских вождей принять эти скромные дары в знак его глубокого уважения.

Пока разворачивали бумагу, Сандовал наклонился и прошипел на ухо Эверарду по-английски:

— Посмотри-ка на их физиономии, Мэнс. Мы сваляли дурака.

— Что ты имеешь в виду?

— Сверкающий целлофан и упаковка произвели впечатление на такого варвара, как Токтай. Но обрати внимание на Ли. Каллиграфия в Китае известна с незапамятных времен, так что его мнение о нашем вкусе резко поменялось к худшему.

Эверард незаметно пожал плечами.

— Ну что ж, и он прав, ты не находишь?

Их разговор не остался незамеченным. Токтай бросил на патрульных хмурый взгляд, но тут же вновь принялся рассматривать подарок: электрический фонарик, действие которого пришлось демонстрировать под аккомпанемент всевозможных восклицаний. Сначала нойон отнесся к нему недоверчиво, и даже пробормотал заклинание, но затем, видимо, вспомнил, что монголу не позволено бояться ничего, кроме грома, взял себя в руки и вскоре радовался, как ребенок. Китайский ученый, последователь Конфуция[1], получил в подарок книгу «Содружество людей» с множеством цветных иллюстраций, но Эверард не был уверен, что она произвела на Ли ожидаемое впечатление. Патрульным хорошо было известно, что мудрость существует при любом уровне развития технологии.

Следовало принять ответные дары: красивую китайскую саблю и связку бобровых шкур с побережья, так что прошло довольно много времени, прежде чем их беседа возобновилась. Сандовалу удалось повернуть ее в нужное русло.

— Раз вы так хорошо обо всем осведомлены, — произнес

[1] Кун-фу-цзы (551 — 479 гг. до н. э.) — знаменитый китайский философ. Учение первоначального конфуцианства занималось только вопросами этики и политики и отрицало все то, что не может быть объяснено человеческим разумом, в частности вопросы веры.

Токтай, — то не можете не знать, что наше вторжение в Японию несколько лет тому назад окончилось неудачей.

— Такова была воля небес, — заметил Ли с придворной учтивостью.

— Конский помет! — рыкнул Токтай. — Такова была глупость людей, ты хочешь сказать. Мы послали слишком мало войск, ничего не зная ни об островах, ни о бурном море. Ну ничего! В следующий раз будем умнее!

Эверард с грустью подумал, что они действительно высадятся в Японии, и буря уничтожит их флот, а множество молодых людей бесславно погибнет. Но он не стал перебивать Токтая.

— Великий хан собирается тщательно изучить эти острова. Возможно, организовать базу к северу от Хоккайдо. К тому же до нас дошли слухи о землях, лежащих далеко к западу. Рыбаки, сбившиеся с курса, мельком видели неизвестную страну; купцы из Сибири рассказывали о морском проливе, отделяющем одну сушу от другой. Каган снарядил четыре корабля с китайскими матросами, приказал мне взять на борт сотню монгольских воинов и разузнать что к чему.

Эверард кивнул. Рассказ не произвел на него особого впечатления: китайцы уже сотни лет бороздили моря в джонках, причем некоторые из них могли принять на борт до тысячи пассажиров. Правда, они не были так надежны, какими станут несколько веков спустя, под португальским влиянием, и их капитанов не прельщал океанский простор и уж тем более северные холодные воды. Но оставались еще китайские мореходы, готовые ради новых рынков сбыта добывать сведения о неизвестных землях у корейцев, мореплавателей с Формозы[1] и листая древние рукописи своих предков. Во всяком случае, они должны были знать Курильские острова.

— Мы прошли две группы островов, одну за другой, — тем временем продолжал Токтай. — Суровые края, но мы изредка делали остановки, выпускали лошадей попастись и расспрашивали туземцев. Один Тэнгри знает, как мы намучались, переводя с шести языков! Зато мы поняли, что впереди лежат два континента — Сибирь и еще один, — которые так близко сходятся на севере, что зимой море можно пересечь пешком по льду, а летом — переплыть в лодке из шкур. И наконец-то мы увидели землю! Огромную страну, покрытую лесом, с массой зверей, птиц, тюленей. Впрочем, там слишком часто шли дожди. Мы решили плыть дальше, более или менее следуя береговой линии.

Эверард мысленно представил себе карту. Если идти вдоль Курильских, а затем Алеутских островов, то суша всегда неподалеку.

[1] Формоза — бывшее название Тайваня. Здесь автор несколько грешит против истории, так как остров был открыт португальцами лишь в XVI в. и получил свое имя ввиду живописности и красоты местности.

К счастью для монголов, джонки обладали высокой посадкой, так что в случае шторма они могли бросить якорь в любой скалистой бухте. К тому же им помогало течение, несшее корабли по большому кругу. Токтай открыл Аляску, сам того не подозревая. Так как по мере его продвижения на юг местность становилась все более привлекательной, он прошел залив Пьюджет и остановился в устье реки Чечалис. Возможно, индейцы предупредили его об опасностях дальнейшего плавания, а потом и помогли воинам с лошадьми перебраться через реку.

— Мы высадились с кораблей и разбили лагерь в конце года, — говорил Токтай. — Племена там живут отсталые, но отнеслись к нам дружелюбно и помогли во всем. Наши матросы не остались в долгу: показали несколько способов ловли рыбы, научили строить крепкие лодки. Мы перезимовали, выучили местные языки, сделали несколько вылазок в глубь страны. И повсюду мы слышали рассказы о необъятных лесах и равнинах, где стада диких буйволов так многочисленны, что из-за них не видно земли. Мы достаточно узнали, чтобы верить этим рассказам. Никогда еще я не видел такой богатой страны. — Глаза его хищно блеснули, совсем как у тигра. — И она так мало заселена, а о железе здесь вообще никто не слышал.

— Нойон, — многозначительно пробормотал Ли и слегка кивнул головой в сторону патрульных. Токтай умолк и поджал губы.

Ли повернулся к Эверарду.

— До нас также дошли слухи о сказочной, полной золота стране далеко на юге. Мы почли своим долгом отправиться туда, а заодно разузнать о тех краях, по которым путешествуем. Мы никак ни ожидали, что нам выпадет большая честь встретиться с вами, уважаемые.

— Это — честь для нас, — ответил Эверард слащавым голосом и тут же придал своему лицу строгое выражение. — Мой повелитель Золотой Империи, имя которого нельзя произносить вслух, послал нас из дружеских чувств, которые он к вам питает. Он будет глубоко опечален, если с вами случится несчастье. Мы пришли, чтобы предупредить вас.

— Что такое? — Токтай выпрямился. Мускулистая рука ухватилась за эфес несуществующей сабли, которую он из вежливости снял у входа. — Забери тебя злые духи, что ты несешь?

— Вот именно, нойон, злые духи. Прекрасной кажется эта земля с первого взгляда, но на ней лежит заклятье. Скажи, брат мой.

Сандовал, у которого язык был лучше подвешен, не заставил себя упрашивать. Его рассказ был рассчитан на суеверных, полуграмотных монголов и вместе с тем составлен таким образом, чтобы не возбудить особых подозрений китайца. Дело в том, объяснил он, что на юге существует не одно, а два великих государства. Одно из них действительно находится на крайнем юге, другое — на северо-востоке. Оба государства обладают несказанной мощью, которую одни приписывают колдовству, другие — великим научным

достижениям. Северная Империя, Плохогония, считает все земли в округе своими и не потерпит никаких чужеземцев. Ее дозорные обнаружат отряд в кратчайшие сроки и уничтожат пришельцев громом небесным. Дружественно настроенная Южная Империя, Прекрасногония, не может взять экспедицию под свое покровительство и защитить ее, поэтому она послала своих представителей предупредить монголов об опасности и просить их немедленно повернуть назад.

— Почему же туземцы ничего не говорили нам о двух таких могущественных державах? — проницательно спросил Ли.

— А разве все маленькие племена в джунглях Бирмы слышали о Великом хане? — не растерялся Сандовал.

— Я всего лишь невежественный чужеземец, — скромно произнес Ли. — Прости мне, но я не понимаю, о каком страшном оружии ты говоришь.

«Еще никто и никогда не называл меня лжецом более вежливо», — подумал Эверард, но вслух произнес:

— Я бы мог показать тебе, если у нойона найдется животное, которым он не слишком дорожит.

Токтай задумался. Если монгол и был устрашен предсказанными напастями, то ничем себя не выдал. Громко хлопнув в ладоши, он отдал резкое приказание заглянувшему внутрь палатки часовому. Потом они долго сидели, перебрасываясь ничего не значащими фразами, паузы между которыми становились все длиннее.

Время тянулось нескончаемо долго, хотя не прошло и часа, как один из воинов появился у входа и сообщил, что они заарканили оленя. Нойон доволен? Да, доволен. Токтай вышел из палатки, расталкивая плечом столпившихся вокруг монголов. Эверард вышел следом, сожалея о том, что должно произойти. Не замедляя шага, он пристегнул к маузеру приклад.

— Может, ты? — спросил он Сандовала.

— О господи, нет, конечно.

Олень, вернее лань, дрожа стояла у самой реки. На ее шее были натянуты волосяные арканы. В лучах заходящего за западные вершины гор солнца животное казалось отлитым из чистого золота, и что-то нежное почудилось Эверарду в ее взгляде. Он махнул рукой воинам, державшим арканы, и прицелился. Первая пуля убила лань наповал, но Эверард продолжал нажимать на курок, пока не расстрелял все патроны.

Когда он опустил пистолет, в воздухе зазвенела тишина. Он окинул взглядом кривоногие, крепко сбитые тела, плоские угрюмые лица; необычайно отчетливо ощутил запахи пота, лошадей и дыма костра. В этот момент он перестал быть человеком не только в глазах монголов, но и в своих собственных.

— Это — самое слабое наше оружие, — произнес он. — Душа, оторванная от тела громом, никогда не найдет пути домой.

Он резко повернулся. Сандовал пошел следом. Не говоря ни

слова, они оседлали коней и медленно поехали по направлению к лесу.

4

Язык пламени взвился от порыва ветра. Костер был разложен умелыми руками, и огонь лишь смутно высветил две темные фигуры и части лица: скулы, бровь, нос, блеск глаз. Но вот пламя опять прижалось к земле, трепеща над красными и голубыми углями, и темнота поглотила людей.

Эверард ни о чем не жалел. Он переложил трубку из руки в руку и глубоко затянулся, крепко сжав мундштук зубами. Легче ему не стало. Когда он заговорил, ночной ветер, шумящий высоко в деревьях, почти заглушил звук его голоса, но и это было ему безразлично.

Неподалеку лежали их спальные мешки, стояли лошади, парил в воздухе пространственно-временной скуттер на антигравитационной подушке. На многие мили вокруг не было ни одной живой души: костры, подобно тому, который они разложили, были так же далеки и одиноки, как звезды во вселенной. Где-то завыл волк.

— Мне кажется, — сказал Эверард, — каждый полицейский чувствует себя время от времени последним подонком. До сих пор ты оставался только в роли наблюдателя, Джек. Тебе трудно понять, что мне всегда приходится выполнять поручения подобного рода.

— Да. — Сандовал вел себя еще тише своего друга. После ужина он сидел не шелохнувшись.

— А сейчас вообще все не так. Когда исправляешь последствия чьего-то темпорального вмешательства в историю, во всяком случае знаешь, что восстанавливаешь истинный ход событий. — Эверард запыхтел трубкой. — И не говори, что слово «истинный» лишено в данном контексте всякого смысла. По крайней мере, оно меня утешает.

— Угу.

— Но когда наши шефы, наши данеллианские супермены приказывают вмешаться... Мы знаем, что экспедиция Гоктая никогда не вернулась в Катай. Для чего тогда нам прикладывать к этому руку? Если они наткнулись на враждебных индейцев или погибли от стихийных бедствий, я не возражаю. А если и возражаю, то не более, чем против любого несчастья в этой кровавой бойне, которую называют историей человечества.

— Нам не приказывали уничтожить участников экспедиции. Мы должны заставить их повернуть назад. Возможно, твоей утренней демонстрации окажется достаточно.

— Гм-м... повернуть назад, а дальше что? Скорее всего, гибель в открытом море. Не так-то легко им вернуться на родину: штормы, туманы, противоборствующие течения, скалы; а ведь они поплывут

в своих утлых суденышках, годящихся, в основном, для речных переходов. И получается, что они отправятся в далекий путь именно сейчас, в максимально непригодных условиях. Если бы не наше вмешательство, судьба распорядилась бы по-иному... Так почему же мы должны быть виновниками их гибели?

— Ведь они могли бы благополучно добраться домой, — пробормотал Сандовал.

— Что? — Эверард вздрогнул.

— Вспомни, о чем говорил Токтай. Я уверен, он собирается вернуться сухопутным путем. Берингов пролив пересечь нетрудно, алеуты часто совершают путешествия из одной страны в другую по льду. Мэнс, я боюсь, мы не сможем пощадить их.

— Но они никогда не вернутся на родину! Это исторический факт!

— Допустим, ты ошибаешься. — Сандовал повысил голос, заговорил быстрее. Ночной ветер приглушал слова, уносил их вдаль. — Давай немного пофантазируем. Допустим, Токтай продолжит путь на юго-восток. Да и что может помешать ему? Довольно скоро он встретится с племенами пуэбло, обладающими высокой неолитической культурой. Это вдохновит его еще больше. Не позже августа месяца он окажется в Мексике. Мексика сейчас такой же лакомый кусочек, как была... будет во времена Кортеса[1]. И завоевать ее очень соблазнительно: ацтеки и тольтеки никак не могут решить, кому встать у власти, а соседние племена с готовностью примкнут к любой посторонней силе, чтобы уничтожить и тех, и других. Если ты читал Диаса, то должен помнить, что пушки мало чем помогли испанцам. А монгольские воины превосходят европейских во всем... Да я и не думаю, что Токтай ринется в бой очертя голову. Он, несомненно, соблюдет все правила хорошего тона, останется на зиму, разузнает все, что только возможно. Через год он уйдет на север, переправится домой и доложит Хубилаю, что богатейшие земли, сказочные, полные золота страны, только и ждут, когда их завоюют!

— А как насчет других индейских племен? — перебил Эверард. — Я довольно смутно представляю себе этот период.

— Новая империя майя достигла вершин своего расцвета. Крепкий орешек, но тем более желанный. Я думаю, обосновавшись в Мексике, монголы ни перед чем не остановятся. В Перу культура еще выше, а организованности куда меньше, чем во времена Писарро[2]; что касается остальных, то только Кечуа и Аймар, цивилизация инков, может оказать хоть какое-то сопротивление. И

---

[1] Кортес начал завоевание Мексики в 1519 г.

[2] Испанский авантюрист, настолько безграмотный, что на документах за него подписывались другие. Безжалостно разграбил Перу в 1532 — 1533 гг.

не забывай о землях. Ты можешь себе представить, во что монгольское войско превратит Великие Равнины?

— Не думаю, что они хлынут сюда ордами, — неуверенно сказал Эверард. В голосе Сандовала проскальзывали нотки, от которых ему становилось как-то не по себе. — Не забывай, им придется пересечь Сибирь и Аляску.

— И не такие препятствия преодолевались. Да я вовсе не хочу сказать, что они все разом отправятся в Америку. Вполне возможно, как и европейцам, им понадобится несколько веков. Могу представить себе кланы и племена, постепенно заселяющие северо-запад страны. Мексика и Юкатан станут ханствами. Постепенно, по мере роста населения и наплыва новых эмигрантов, начнется освоение востока. Не забывай, юаньская династия прекратит свое существование менее чем через сто лет. Монголам придется убраться из Азии. А за ними последуют китайцы, чтобы получить свою долю золота и годных для возделывания земель.

— Мне кажется, — мягко перебил его Эверард, — что кому-кому, а тебе негоже мечтать о скорейшем завоевании Америки.

— Завоевание завоеванию — рознь, — ответил Сандовал. — Мне безразлична судьба ацтеков: если ты изучал их историю, то согласишься, что Кортес оказал Мексике милость[1]. Другим индейским племенам придется туго, но ненадолго. Ведь монголы не такие уж варвары. Мы предубеждены против них, потому что западная цивилизация вбила нам в голову всякие глупости. А ведь европейцы не меньше других наслаждались пытками и устраивали кровавые побоища.

— Монголы в этом отношении скорее напоминают древних римлян. Они, конечно, жестоко подавляют восстания, но уважают права тех, кто сдался им на милость. Они оставляют в завоеванных странах гарнизоны и компетентное правительство. Они не обладают высокой культурой, но покровительствуют ученым и жаждут новых знаний. В данный момент монгольская империя охватывает собой такую территорию и объединяет такое количество всевозможных рас, какие и не снились Риму.

— Что же касается индейцев... не забывай, монголы — кочевники и скотоводы. И если в нашей истории между охотником и фермером возник неразрешимый конфликт, в результате которого белые уничтожили «краснокожих», в данном случае этого не произойдет. К тому же монголы начисто лишены расовых предрассудков. И после короткого сопротивления рядовые воины навахо, чиппева, семинолов, алгонкинов, чироки, дакота только рады будут покориться и обрести новых союзников. Почему бы нет? Они получат лошадей, овец, одежду, научатся выплавке металла. Числом

---

[1] Ацтеки расширяли свои территории путем захватнических войн и покорения других индейских племен.

они будут превосходить завоевателей, и равноправие им обеспечено истинное, а отнюдь не такое, как в случае белых фермеров и последующих веков технического прогресса. И повторяю, за монголами придут китайцы, несущие древние знания и культуру, объединяющие нации в одну...

— Великий боже, Мэнс! Когда Колумб подплывет к этим берегам, он-таки откроет Землю Обетованную! Великое Ханство, самую сильную державу на земле!

Сандовал умолк. Ветви деревьев скрипели от порывов ветра, как виселицы. Долгое время Эверард не произносил ни слова, глядя перед собой в ночную тьму, потом нарушил затянувшееся молчание.

— Да, это логично. Теперь понятно, почему мы должны торчать в этом веке, пока кризис не кончится. Наш мир перестал бы существовать. Никогда бы не существовал.

— Не таким уж он был прекрасным, этот мир, — рассеянно пробормотал Сандовал.

— Что ты говоришь? Подумай... о своих родителях. Ведь они тоже никогда бы не появились на свет.

— Мои родители ютились в ветхой лачуге. Однажды я видел, как отец плакал, потому что ему не на что было купить детям зимней обуви. Моя мать скончалась от туберкулеза.

Эверард сидел, не шелохнувшись. Да и что он мог сказать? Сандовал первым вскочил на ноги, как бы стряхивая с себя оцепенение, и натянуто рассмеялся.

— Что я тут наболтал, Мэнс? Не обращай внимания. Давай-ка лучше спать. Хочешь, я первым покараулю?

Эверард согласился, но долго не мог уснуть.

5

Скуттер отправил их на два дня в будущее, и сейчас они парили высоко в небе, подальше от посторонних глаз. В разреженном воздухе было холодно. Эверард передернул плечами, настраивая электронный телескоп. Даже при самом сильном увеличении караван казался состоящим из крохотных точек, двигающихся по необозримой зеленой поверхности. Но в западном полушарии в то время других всадников быть не могло.

Он повернулся к своему товарищу.

— Что ты на это скажешь?

Лицо Сандовала оставалось непроницаемым.

— Раз демонстрация силы не произвела впечатления...

— Это ты верно подметил! Могу поклясться, они двигаются к югу в два раза быстрее прежнего! Но почему?

— Чтобы дать тебе исчерпывающий ответ, Мэнс, мне необходимо тщательно изучить психологию каждого монгола. Но в общих чертах могу сказать, что мы лишь раззадорили их боевой дух. Смело

встречать опасности и тяготы походов — единственные добродетели воина... так разве мог Токтай трусливо повернуть назад? Если бы они испугались простой угрозы, им не для чего было бы жить на свете.

— Но ведь монголы не полные идиоты! Все их завоевания говорят о том, что они использовали не грубую силу, а пытались применить более совершенную стратегию и тактику ведения боевых действий. Токтай должен был вернуться, доложить Хубилаю все увиденное, а затем организовать новую, хорошо подготовленную экспедицию.

— Он может поручить эту миссию монголам на кораблях, — напомнил Сандовал. — Только теперь, кажется, я начинаю понимать, как сильно мы недооценили Токтая. Скорее всего, он приказал кораблям отплыть домой, если экспедиция не вернется в течение года. Встретившись по пути с чем-нибудь непредвиденным — например, с нами — он всегда может отправить к месту стоянки донесение с проводником-индейцем.

Эверард кивнул. Ему пришло в голову, что хоть его и торопили изо всех сил, никогда еще он не был так плохо подготовлен к выполнению задания. Отсюда — осечка. И можно ли винить Джона Сандовала, что подсознательно он ничем не хочет помочь? На мгновение Эверард задумался.

— А может, они нам просто не поверили? — спросил он. — Монголы всегда были тонкими психологами.

— Может быть. Но что нам делать?

«Спуститься вниз, дать несколько залпов из энергетической пушки сорок первого века, установленной на скуттере, и все... О боже, да за одни такие мысли меня отправят в ссылку на отдаленную планету. Есть же предел...»

— Попробуем организовать более впечатляющую демонстрацию, — сказал он.

— А если опять сорвется?

— Не каркай! Сперва попробуем.

— Я просто спросил. — Ветер приглушал слова, уносил их вдаль. — Почему бы нам не отменить саму экспедицию? Ведь нетрудно отправиться на пару лет назад и убедить Хубилая в нецелесообразности посылать корабли в столь далекое плавание.

— Ты прекрасно знаешь правила Патруля, запрещающие вмешиваться в исторический ход событий.

— Вот интересно, а что мы сейчас делаем?

— Выполняем задание данеллиан особой важности. Возможно, чтобы исправить темпоральное вмешательство в другие времена, в других странах. Я — человек маленький, всего лишь ступень эволюционной лестницы, а за их плечами — миллионы лет развития.

— Папочка знает лучше, — пробормотал Сандовал.

Эверард стиснул зубы.

— Ты не можешь оспаривать тот факт, — сказал он, — что

события при дворе Хубилая, самого могущественного человека на земле, куда важнее и критичнее любых изменений в Америке. Нет уж, ты втянул меня в это злосчастное дело, так изволь теперь повиноваться, как старшему. Нам ясно приказали заставить этих людей повернуть назад. Что произойдет потом — не наше дело. Ну, так они не вернутся домой. Не мы будем тому причиной. Это все равно, что упрекать себя в смерти человека, которого ты пригласил на обед, а ему по дороге кирпич упал на голову.

— В таком случае прекрати читать мне нравоучения и возьмемся за дело, — отрезал Сандовал.

Эверард послал скуттер вперед.

— Видишь тот холм? — спросил он несколько минут спустя. — Мне кажется, Токтай разобьет лагерь в нескольких милях от него, в долине у ручья. Давай приготовим ему маленький сюрприз.

— Что-нибудь вроде фейерверка? Тебе придется здорово попотеть. В Катае порох известен с незапамятных времен. Они изобрели даже нечто вроде военных ракет.

— Да, знаю. Но я прихватил с собой кое-какое оборудование на тот случай, если первая попытка не удастся.

На вершине холма росла небольшая группа сосен. Эверард опустил скуттер между деревьями и принялся выкладывать на землю коробки из вместительного багажника. Сандовал молча помогал ему. Патрульные лошади, прошедшие специальную подготовку, спокойно сошли с огороженных платформ и принялись щипать травку вдоль склона.

Индеец первым нарушил молчание.

— Что ты делаешь? Честно говоря, это не совсем по моей специальности.

Эверард ласково похлопал по кожуху наполовину собранного аппарата.

— Часть установки управления погодой, которую применяли в Холодные Столетия. Нечто вроде распределителя. Может организовать такую грозу, что тебе и не снилось.

— Мммм... единственное, чего боятся монголы. — Внезапно Сандовал ухмыльнулся. — Твоя взяла. Ладно, не будем больше ссориться.

— Послушай, собери что-нибудь на ужин, пока я тут вожусь. Только огня не разводи. Они могут заметить дым... О, кстати, вот и генератор чудес. Если ты переоденешься и накинешь капюшон, чтобы случайно тебя не узнали, я преподнесу монголам твой образ в милю высотой и еще уродливей нашей жизни.

— Хочешь, я станцую? Пляски вождей навахо выглядят достаточно устрашающе для непосвященных.

— Годится!

День клонился к вечеру. Серый сумрак разлился под соснами, воздух стал свеж и ароматен. Закончив работу, Эверард с жадностью уплел бутерброд и поднес к глазам бинокль, с удовольствием

убедившись, что высланные вперед дозорные монголов облюбовали для стоянки предсказанное им место. Вскоре у ручья появились охотники с настреленной добычей и немедленно принялись за приготовление пищи. Основной отряд подтянулся перед самым заходом солнца, и воины тут же принялись за еду. Токтай действительно не щадил людей, используя каждую минуту светлого времени. В сгущавшейся темноте можно было разглядеть часовых: конных, с луками наизготовку. Но как Эверард ни храбрился, настроение у него было неважное. Ведь он имел дело с народом, который заставил говорить о себе весь мир.

Над снежными пиками гор засверкали первые звезды. Пора было начинать.

— Ты стреножил лошадей, Джек? Они могут испугаться. По крайней мере за монгольских лошадок я ручаюсь! Ну ладно, начали! — Эверард нажал на кнопку и присел перед слабо засветившейся панелью управления.

Между небом и землей постепенно стало возникать бледно-голубое сияние. Затем появились молнии: раздвоенные языки и трезубцы пламени неслись сверху, разбивая деревья; от непрерывного грохота дрожали склоны холмов. И, наконец, пришел черед шаровым молниям: огромным скоплениям, которые, извиваясь и разбрасывая искры, неслись, как пули, по направлению к монгольскому лагерю и взрывались над ним, добела раскаляя воздух.

Эверард, наполовину ослепший и оглушенный, настроил прибор на флюоресцентную ионизацию. Подобно северному сиянию заискрилось небо гаммой цветных полотен от кроваво-красного до ослепительно-белого, зло шипящих под непрерывными раскатами грома. И в это время вперед выступил Сандовал. Он разделся до штанов, и его обнаженное тело было разрисовано глиной по древнему индейскому обычаю, а лицо, хоть и неприкрытое, испачкано землей и перекошено гримасой до такой степени, что Эверард сам с трудом узнал своего товарища. Генератор чудес мгновенно сканировал и преломил образ, согласно заданной программе. Человек, стоящий на фоне авроры, казалось, был выше гор. Он дергался в диком танце, раскачиваясь от горизонта до горизонта, и при этом завывал и смеялся отрывистым, лающим смехом, заглушавшим раскаты грома.

Эверард, продолжая нажимать на кнопки панели управления, невольно съежился. Он чувствовал, как в нем растет первобытный страх: танец пробудил в нем давно забытые ощущения.

«О боже, если и это на них не подействует...»

Он встряхнулся и посмотрел на часы. Полчаса... еще минут пятнадцать, пока все затихнет... До рассвета монголы наверняка не тронутся с места: дисциплина все же у них достаточно высока, и вряд ли они кинутся ночью кто куда очертя голову. Значит, несколько часов передышки, а напоследок можно окончательно попортить им нервы и, скажем, разбить молнией дерево в лагере... Эверард махнул

Сандовалу рукой. Индеец уселся на землю, тяжело дыша, хотя непохоже, что от физической усталости.

Постепенно грохот затих.

— Просто здорово, Джек, — проговорил Эверард. Голос его прозвучал тихо и как-то странно.

— Сколько лет прошло, — пробормотал Сандовал. Он чиркнул спичкой, и в наступившей тишине звук показался на удивление громким. Зажженная сигарета высветила его тонкие губы. — Когда я жил в резервации, никто из нас не относился к этому всерьез. Несколько стариков пытались обучить нас, мальчишек, древним обычаям. Они говорили, нам нельзя забывать, что мы все еще являемся самобытным народом. А нас интересовало только поплясать перед туристами, которые иногда швыряли нам мелочь.

Наступило долгое молчание. Эверард окончательно отключил генератор. В полной темноте виден был лишь огонек сигареты, вспыхивающий и затухающий, как Алголь[1].

— Туристы! — повторил Сандовал. Прошло еще несколько минут. — Сегодня я танцевал, зная для чего. У меня была цель. Раньше я ничего не чувствовал.

Эверард не ответил.

На сей раз тишину прервало ржание лошади, отбежавшей на всю длину привязи и все еще напуганной недавними событиями.

Эверард поднял голову, но в кромешной тьме ему ничего не удалось разглядеть.

— Ты что-нибудь слышал, Джек?

Луч фонарика осветил его с головы до ног.

Какое-то мгновение он слепо смотрел прямо на свет. Затем вскочил на ноги, кляня все на свете и выхватывая станнер. Из-за дерева к нему метнулась чья-то тень. Удар пришелся по ребрам. Отпрыгнув назад, он нажал на курок.

Луч фонарика описал полукруг. Эверард мельком увидел Сандовала. Индеец не успел переодеться и теперь, безоружный, еле уклонился от удара монгольской сабли. Воин замахнулся второй раз, но каждый патрульный проходил курс обучения джиу-джитсу. Сандовал упал на колено, и когда клинок просвистел мимо, резко поднялся, угодив противнику плечом в живот. Четкий удар по подбородку, а после того как голова в шлеме откинулась назад — ребром ладони по горлу, и в ту же секунду Сандовал выхватил оружие из ослабевшей руки и отразил нападение сзади.

Среди воплей и криков кто-то отдавал распоряжения четким, лающим голосом. Эверард попятился. Однако нападавшего он уже оглушил выстрелом из станнера. Но между ним и скуттером

[1] Звезда в созвездии Персея, отличающаяся изменчивостью своего света.

столпились монголы. Он повернулся к ним лицом. Внезапно плечи его обвил аркан, затянувшийся с профессиональной ловкостью. Он упал, и в ту же секунду на него навалились четверо. Он еще успел разглядеть, как с полдюжины солдат бьют Сандовала древками копий по голове. Дважды удалось Эверарду подняться на ноги, но станнер его отлетел в сторону, маузер вытащили из кобуры, да к тому же невысокие монголы и сами довольно искусно владели разнообразными приемами боя без оружия. Его протащили по земле, нанося на ходу удары кулаками, ногами, рукоятками кинжалов. Эверард не потерял сознания, но через некоторое время ему все стало безразлично.

6

Токтай свернул лагерь на заре, и уже с первыми лучами солнца его отряд растянулся длинной цепью по широкой равнине. Земля, покрытая зарослями невысокого кустарника, постепенно становилась более пологой и засушливой, горы уходили за горизонт к западу, и все меньше снежных пиков можно было разглядеть в призрачном белесом небе.

Небольшого роста выносливые монгольские лошади без устали бежали вперед, и слышен был лишь стук копыт да бряцанье упряжи. Оглянувшись, Эверард увидел перед собой вереницу людей, слившихся в четкую линию: копья опускались и подымались, знамена и плащи развевались по ветру, из-под шлемов блестели раскосые глаза, там и тут мелькали непривычно ярко раскрашенные кирасы. Монголы двигались молча, не переговариваясь, и их плоские лица оставались бесстрастными.

У Эверарда болела голова. Руки ему оставили свободными, но голени накрепко привязали к стременам. Сначала его раздели донага, — вполне разумная предосторожность, ведь кто знает, какое невиданное оружие могло находиться в одежде, — а затем выдали полное обмундирование монгольского солдата, смехотворно маленького размера. Ему пришлось даже распороть рубаху по швам, прежде чем удалось хоть как-то напялить ее на себя.

Генератор чудес и скуттер остались на холме. Токтай не желал рисковать. Ему даже пришлось накричать на перепуганных воинов, которые никак не хотели привести странных лошадей и походное снаряжение патрульных.

Сзади послышался конский топот. Один из лучников, охранявших Эверарда, что-то буркнул и отъехал в сторону. Его место занял Ли Дай-цзун.

Эверард бросил на него безнадежный взгляд.

— Ну как?

— Боюсь, друг твой больше не проснется, — ответил китаец. — Я устроил его поудобнее.

Ну да, на самодельных носилках, привязанных между двумя

лошадьми... Вне всякого сомнения, тяжелое сотрясение мозга от вчерашних ударов по голове. В госпитале Патруля его поднимут на ноги в два счета. Но ближайшее отделение находится в Ханбалыке, а я не думаю, что Токтай разрешит мне вернуться к скуттеру и связаться с ними по рации. Джон Сандовал умрет за шестьсот пятьдесят лет до того, как появился на свет.

Карие глаза китайца наблюдали за ним спокойно, с интересом, даже с некоторой долей сочувствия, но понимания в этом взгляде не было. Эверард знал, что спорить бессмысленно: аргументы, казавшиеся логичными в двадцатом веке, здесь считались пустой болтовней. И все же он обязан был попробовать.

— Неужели ты не можешь по крайней мере попытаться объяснить Токтаю, какие беды он может навлечь не только на себя, но и на весь свой народ?

Ли огладил свою раздвоенную бороду.

— Мне совершенно ясно, достопочтенный, что ваше племя обладает неизвестными нам знаниями, — сказал он. — Но что с того? Варвары (тут он быстро посмотрел в сторону монголов-охранников, но те, видимо, не понимали по-китайски) покорили много стран, превосходящих их во всем, кроме искусства ведения войны. Нам теперь совершенно ясно, что вы... гм-мм... скрыли истину, говоря о враждебном государстве недалеко отсюда. А если у вашего царя нет причин нас бояться, зачем ему лгать?

— Наш могущественный повелитель, — проговорил Эверард, тщательно подбирая слова, — не любит кровопролития. Но если вы вынудите его...

— Прошу тебя. — Ли даже поморщился. Он помахал в воздухе холеной рукой, как бы отгоняя насекомое. — Говори Токтаю, что хочешь, я не собираюсь вмешиваться. Я не опечалюсь, если придется вернуться домой: ведь я отправился сюда, повинуясь воле императора. Но мы — культурные люди, и когда беседуем с глазу на глаз, давай не оскорблять друг друга никчемными высказываниями. Разве ты не понимаешь, уважаемый, что на монголов тебе не удастся воздействовать никакими угрозами? Смерть они презирают, самые мучительные пытки рано или поздно убьют их, а любое надругательство не страшно воину, готовому покончить с собой, прокусив язык. Токтай считает, что покроет себя вечным позором, повернув назад, и добудет бесчисленные богатства и славу, бесстрашно продолжив путь.

Эверард вздохнул. То, что их так постыдно легко захватили в плен, явилось, несомненно, поворотным пунктом. Монголы чуть было не разбежались при первых ударах грома. Многие из них с воем и воплями катались по земле (и именно они поведут себя наиболее агрессивно, чтобы остальные поскорее забыли об их трусости). Токтай велел атаковать, во-первых, потому что сам был напуган, а во-вторых — из духа противоречия. Отчасти, его решению способствовал Ли: ученый, скептик, хорошо знакомый с пиротехникой и ни

во что не верящий, китаец уговорил Токтая напасть, прежде чем их всех не поубивает громом.

Да, здорово мы напутали. Следовало взять с собой Специалиста, интуитивно разбирающегося во всех оттенках их культуры. А мы ринулись в бой, не сомневаясь, что голых фактов окажется достаточно. И что теперь? Может, спасательная экспедиция Патруля и придет на помощь, но Джек умрет через день-другой... — Эверард посмотрел на каменное выражение лица стражника, скачущего слева. — А возможно, они и со мной покончат. Нервы-то у них на пределе. Им проще избавиться от меня, чем тащить за собой.

А если все-таки (мало шансов!) Патруль его выручит, как смотреть в глаза товарищам? Агент с правом свободных действий, пользующийся всеми привилегиями своего ранга, обязан самостоятельно выпутываться из любых передряг и при этом отвечать за жизнь людей, посланных с ним на задание.

— Поэтому я со всей искренностью советую тебе больше не пытаться прибегать к обману.

— Что? — Эверард вздрогнул и посмотрел на Ли.

— Ты ведь не можешь не понимать, надеюсь, — сказал китаец, — что проводники-индейцы сбежали? И что тебе придется занять их место? Правда, мы надеемся вскоре повстречаться с другими племенами, наладить отношения...

Эверард кивнул, и голова у него разболелась еще больше. Солнечный свет неприятно резал глаза. Его ничуть не удивляло, что монголам удавалось договориться с аборигенами. Если не упирать на грамматику, достаточно нескольких часов, чтобы довольно сносно изъясняться на любом языке с помощью нескольких основных слов и жестов. А наняв провожатых, можно не торопясь совершенствовать свои знания по дороге.

— ...и нанимать проводников у каждого племени, — продолжал Ли, — как и раньше. Так что если ты вздумаешь завести нас куда-нибудь, обман вскоре откроется, и Токтай накажет тебя самым нецивилизованным способом. С другой стороны, за верную службу ты будешь хорошо вознагражден. Со временем ты даже сможешь занять высокое положение при нашем дворе, разумеется, после того как мы завоюем эти земли.

Эверард перестал слушать. От неожиданно пришедшей в голову мысли у него перехватило дыхание.

Почему он так уверен, что Патруль придет к ним на выручку? Совершенно очевидно, что монгольская экспедиция в результате потерпела фиаско. Так ли очевидно? Ведь им приказали вмешаться в исторический ход событий — парадокс, необъяснимый с точки зрения логики, — а это говорило о нестабильности пространственно-временного континуума в данный период.

Все черти в аду! Значит, Токтай мог преуспеть в своем начинании! И тогда будущее Американское Ханство, о котором Сандовал даже не смел мечтать — реальная действительность.

Пространство-время полно неожиданностей. Оно прерывисто, изменчиво. Исторические линии пересекаются, текут вспять; незначительные события и факты забываются. Так же, как забудутся Мэнс Эверард и погибший Джон Сандовал — агенты Патруля Времени, который никогда не существовал, в далеком будущем, которого никогда не было.

7

После многочасового тяжелейшего перехода, перед заходом солнца, они оказались в довольно неприглядной местности, где произрастал лишь редкий кустарник да полынь. Коричневые холмы стали более пологими; пыль клубилась под копытами лошадей; серебристо-зеленые кусты попадались все реже.

Эверард помог уложить Сандовала на землю. Глаза навахо были закрыты, лицо осунулось. Иногда он что-то бормотал в горячечном бреду, вздрагивая всем телом. Намочив тряпку, Эверард влил ему несколько капель воды сквозь растрескавшиеся губы, но больше ничем не мог помочь.

Монголы, устраиваясь на отдых, вели себя куда оживленнее, чем раньше. Они победили двух могучих волшебников, никто на них больше не нападал, и вывод напрашивался сам собой. Они занимались делом, весело болтая друг с другом, а после скромной трапезы открыли меха с кумысом.

Эверард остался сидеть рядом с Сандовалом, почти в центре лагеря. Их охраняли два молчаливых стражника с луками наготове. То и дело один из них вставал, чтобы подбросить дрова в небольшой костер. Постепенно разговоры начали затихать. Даже неутомимые монголы оказались подвластны усталости: люди укладывались на землю и мгновенно засыпали; часовые, объезжающие лагерь, старались выпрямиться в седлах; костры медленно догорали, уступая место появившимся в вышине звездам; на много миль разносился дикий лай койота.

Под тяжелыми шагами заскрипела сухая земля. В ту же секунду стражники приладили к тетивам луков стрелы. Свет костра высветил фигуру Токтая с непокрытой головой. Воины склонились до земли и отступили в тень.

Токтай остановился. Эверард поднял голову, но тут же отвел взгляд. Некоторое время нойон молча смотрел на Сандовала, потом произнес необычно мягким тоном:

— Не думаю, что друг твой увидит еще один восход.

Эверард буркнул что-то неразборчивое.

— Может, у тебя есть какое-нибудь лекарство? — спросил Токтай. — В ваших седельных сумках много непонятных предметов.

— У меня есть лекарство против воспаления, — машинально

ответил Эверард, — и еще от боли. Но чтобы вылечить человека с проломленным черепом, его необходимо отвести к искусным лекарям.

Токтай присел рядом и протянул руки к огню.

— Мне очень жаль, но в моем отряде нет целителей.

— Ты мог бы отпустить нас, — предложил Эверард без всякой надежды на успех. — Моя повозка, оставшаяся на холме, вовремя доставит его туда, где окажут помощь.

— Ты же знаешь, я не могу этого позволить! — Токтай ухмыльнулся. В голосе его перестала сквозить жалость к умирающему. — В конце концов, Эбурар, ты первый на нас напал.

Это было правдой, и Эверард не нашелся, что ответить.

— Но я не затаил на тебя зла, — продолжал нойон. — Более того, я хотел бы стать твоим другом. Ведь мне ничего не стоило сделать остановку на пару дней и выпытать у тебя все, что ты знаешь.

Глаза Эверарда яростно вспыхнули.

— Ты бы мог лишь попробовать!

— И, думаю, преуспеть, раз ты возишь с собой лекарство от боли. — Губы Токтая растянулись в волчьей усмешке. — Однако ты еще можешь пригодиться, как заложник, например, и вообще, мне нравится твоя смелость. Я даже скажу, какая мысль пришла мне в голову. Мне кажется, ты из небольшого племени волшебников, а вовсе не из южной страны, царь которой, наверное, находится в твоей власти. А если нет, значит, ты надеешься заколдовать его и не хочешь, чтобы мы тебе мешали. — Токтай сплюнул в костер. — Я слышал много легенд, и в них герой всегда побеждает волшебника. Почему бы мне не стать этим героем?

Эверард вздохнул.

— Скоро ты узнаешь, почему, нойон. — На какое-то мгновение он подумал, что скорее всего окажется неправ.

— О, перестань. — Токтай хлопнул его по спине. — Неужели тебе трудно рассказать мне хоть самую малость? Ведь между нами нет крови. Будем друзьями!

Эверард молча кивнул в сторону Сандовала.

— Это печально, — сказал Токтай, — но он оказал сопротивление солдатам Великого Кагана. Брось, Эбурар, давай лучше выпьем. Я прикажу подать кумыс.

Невольно патрульный скорчил гримасу.

— Не самый лучший способ умиротворить меня!

— Вот как, твоему народу не нравится кумыс? Боюсь, больше у нас ничего нет. Вино давно кончилось.

— Ты мог бы разрешить мне выпить виски. — Эверард вновь посмотрел на Сандовала и перевел взгляд в окружающую тьму. Он чувствовал, что его бьет легкий озноб. — О господи, от рюмки я бы сейчас не отказался!

— А?

— Наш национальный напиток. Фляги лежат в седельных сумках.

— Что ж... — Токтай явно колебался. — Ну хорошо. Пойдем со мной и возьмешь, что тебе надо.

Стражники последовали за своим начальником и пленником, пробираясь сквозь кусты, мимо спящих воинов, пока не подошли к сваленным в кучу вещам, тоже находившимся под охраной. Один из часовых зажег ветку от костра, чтобы посветить Эверарду. Мускулы патрульного напряглись, он физически ощущал стрелы, нацеленные ему в спину. Тем не менее он спокойно присел на корточки, открыл седельные сумки и неторопливо достал из них обе фляжки. Затем опять же в сопровождении нойона и стражников вернулся к своему костру.

Токтай сел на землю. Он внимательно следил, как Эверард налил виски в отвинчивающийся колпачок, а затем опрокинул содержимое себе в рот.

— Странно пахнет, — заметил он.

— Попробуй. — Патрульный настолько остро чувствовал свое одиночество, что и сам не понял, как у него вырвались эти слова. В конце концов, чем плох нойон? По современным понятиям, он даже ведет себя любезно. А если ты сидишь рядом с умирающим другом, можно выпить хоть с самим дьяволом, лишь бы ни о чем не думать.

Токтай посмотрел на Эверарда, недоверчиво понюхал горлышко, на секунду задумался, а затем, явно бравируя, припал к нему губами.

— Оо-оо-оо-аа-аа-аа!

Эверард едва успел подхватить фляжку, пока ее содержимое окончательно не вылилось. Нойон отплевывался, тяжело дыша. Один из стражников натянул стрелу на тетиву лука, другой — бросился вперед и схватил Эверарда за плечо, высоко занося саблю.

— Это не яд! — воскликнул патрульный. — Просто для него напиток слишком крепок. Смотрите, я сейчас еще выпью.

Токтай махнул воину рукой и посмотрел на своего пленника слезящимися глазами.

— Что это за штука? — спросил он сдавленным голосом. — Должно быть, приготовлена из драконьей крови?

— Из ячменя. — Эверард был не в настроении объяснять монголу процесс дистилляции. Он плеснул в небольшой колпачок еще немного виски. — Давай, пей свое кобылье молоко.

Токтай причмокнул.

— Здорово согревает. Как перец. — Он протянул грязную руку. — Дай сюда.

Эверард сидел, не шевелясь.

— Ну?! — прорычал нойон.

Патрульный покачал головой.

— Я ведь сказал тебе: напиток этот слишком крепок для монголов.

— Что такое? Послушай, ты, бледнолицый слизняк...

— Смотри же, я тебя честно предупредил. Пусть твои воины будут свидетелями: завтра утром тебе будет плохо.

Токтай сделал несколько крупных глотков, рыгнул и протянул фляжку Эверарду.

— Чепуха! Просто сначала я не был готов. Пей!

Эверард надолго приложился губами к горлышку, делая вид, что пьет.

Токтай нетерпеливо заерзал на месте.

— Чего ты возишься? Давай скорее. Нет, лучше я возьму вторую фляжку.

— Хорошо. Тебе виднее. Но прошу тебя, не пей со мной наравне. У тебя ничего не получится.

— То есть как это не получится? Да я перепил в Каракоруме двадцать человек, и не каких-нибудь там китайцев, а настоящих монголов. — Он забулькал.

Эверард прихлебывал виски крохотными глотками, чувствуя лишь некоторое жжение в желудке. Внезапно он понял, что у него есть шанс.

— Глотни немного, — сказал он, кивнув ближайшему стражнику. — Ночь сегодня холодная. Погрейтесь, ребята.

Токтай поднял голову и посмотрел на Эверарда слегка осоловелым взглядом.

— Хорошее вино, — с упреком в голосе произнес он. — Слишком хорошее для... — Он вовремя спохватился и умолк. Жестокой была монгольская империя и пользовалась всеми правами абсолютной власти, но начальники ее честно делились любыми благами с самым последним из своих подчиненных.

Воин обиженно посмотрел на нойона, схватил фляжку и поднес ее ко рту.

— Полегче, — предупредил Эверард. — А то голова закружится.

— А у меня никогда не закружится. — Токтай влил в себя очередную порцию. — Трезв, как бонза[1]. — Он погрозил пальцем. — Знаешь, почему монголы так несчастны? Никогда не могут напиться допьяна.

— Ты хвастаешь или жалуешься? — спросил Эверард. Первый стражник прищелкнул языком, взял лук в руки и передал драгоценный сосуд своему товарищу. Токтай сделал еще несколько глотков.

— Аххххх! — Он уставился в костер бессмысленным взглядом. — А теперь — спать. Часовые, отдайте ему вино!

У Эверарда перехватило дыхание. Но он нашел в себе силы насмешливо улыбнуться.

— Вот это правильно, — произнес он. — А я еще выпью. Рад, что ты понял, что вам за мной не угнаться.

---

[1] Бонзы — название, даваемое европейцами всем буддистским духовным лицам в Индии, Японии, Китае и Корее. Происходит от китайского слова, которое означает «учитель закона».

— Что ты болтаешь? — Токтай сурово посмотрел на патрульного. — Монгол сколько ни пьет — ему все мало!

Он снова забулькал. Первый охранник получил от своего товарища фляжку и торопливо принялся пить, пока начальник не передумал.

Весь дрожа, Эверард с облегчением вздохнул. Может быть, получится. Может быть.

Токтай привык бражничать. Не было никакого сомнения в том, что он и его соплеменники могли, почти не пьянея, пить кумыс, вино, эль, мед, квас — это жиденькое пиво, которое неправильно называли хлебным вином — короче, напитки своей эпохи. Они знали меру и, пожелав друг другу спокойной ночи, доходили до постелей по прямой.

Вся беда заключалась в том, что любой продукт, подверженный брожению, не может быть крепче 24 градусов — отходы брожения прекращают процесс — а в большинстве напитков, употребляемых в тринадцатом веке, содержание алкоголя не превышало 5 процентов, и пили их, как правило, за обильными трапезами.

Шотландское виски — совсем другое дело. Если пить его, как пиво или вино, жди беды. Сначала ты теряешь рассудок, сам о том не подозревая, а затем и сознание.

Эверард протянул руку за фляжкой, которую держал один из стражников.

— Отдай! — потребовал он. — Ты все выпьешь!

Воин ухмыльнулся, сделал большой глоток и передал фляжку товарищу. Эверард скорчил гримасу, поднялся на ноги и неуклюже попытался отобрать ее. Стражник ткнул его в живот. Патрульный тут же свалился на спину, задрав вверх ноги. Монголы зашлись смехом, прислонившись друг к другу. Шутка была так хороша, что по ее поводу необходимо было выпить.

Когда Токтай отключился, заметил это один Эверард. Нойон, сидевший скрестив ноги, принял полулежачее положение. При свете костра видна была глупая улыбка, блуждавшая на его губах. Мускулы патрульного напряглись, как струна.

Один из стражников продержался на несколько минут дольше. Но затем и он мягко опустился на четвереньки и принялся выдавать на землю свой ужин. Другой стражник повернулся, недоуменно моргая, и попытался вытащить из ножен непослушную саблю.

— Что такое? — простонал он. — Чшто сшлучшилось? Отрава?

Пришла пора действовать.

Эверард перескочил через костер и, кинувшись на Токтая, прижал его к земле, выхватывая саблю из ножен. Второй стражник, все еще державшийся на ногах, громко вскрикнул и попытался напасть на патрульного. Эверарду не хотелось убивать практически беспомощного человека, так что пришлось пустить в ход кулак. Монгол медленно опустился на колени, и, последовав примеру своего товарища, тут же заснул мертвым сном.

Эверард бросился бежать. В потревоженном лагере послышались недоуменные голоса. Раздался топот копыт: конные часовые спешили проверить, в чем дело. Кто-то достал из костра почти потухшую ветку и принялся размахивать ею в воздухе, пока та не разгорелась. Эверард упал и прижался к земле.

Мимо куста, за которым он лежал, промчался воин. Сзади раздался громкий вопль и взрыв проклятий, значит, нойона обнаружили.

Эверард вскочил на ноги и побежал, что было сил.

Лошади были стреножены и, как обычно, охранялись. Табун выделялся черным пятном на равнине, серебристой от звездного света. Эверард увидел, что к нему на полном скаку несется один из часовых.

— Что случилось? — крикнул он.

— Нападение на лагерь! — ответил патрульный высоким голосом, плотнее заворачиваясь в плащ и чуть согнув ноги. Ему необходимо было выиграть время, чтобы монгол не успел приладить стрелу и выстрелить. Часовой поравнялся с ним. Эверард прыгнул.

Он схватил коня под уздцы в ту самую минуту, когда его узнали. Громко вскрикнув, монгол выхватил саблю и, не колеблясь, нанес удар. Но Эверард находился с левой стороны и легко отпарировал. Сделав, в свою очередь, выпад, он почувствовал, как клинок погрузился во что-то мягкое. Лошадь испуганно взвилась на дыбы, и всадник вылетел из седла. Покатившись по земле, он тем не менее поднялся и, прихрамывая, побежал вперед, громко крича. Эверард тем временем уже нащупал стремя. Монгол хромал все сильнее, и в темноте кровь черной струей била из раны в ноге. Эверард вскочил в седло и плашмя ударил саблей по крупу животного.

Он скакал к табуну. Еще один часовой мчался наперерез. Патрульный пригнулся, чувствуя свист стрелы над головой. Его лошадь, обеспокоенная непривычной тяжестью, не желала слушать повода и вскидывала задом. Пришлось потратить целую минуту, чтобы заставить ее повиноваться, и в это время монгол мог прикончить его, если бы схватился врукопашную. Но привычка оказалась сильнее, и часовой промчался мимо, стреляя на ходу. В темноте он промахнулся, и прежде чем успел вернуться, Эверард был далеко.

Разворачивая на ходу аркан, он заехал в самую середину табуна, накинул петлю на шею одной из лошадей, взмахом сабли обрубил ремешки, которыми она была стреножена, и поскакал прочь, на север.

«Придется им со мной повозиться, — не совсем к месту сказал он сам себе. — Надо запутать следы, иначе поймают. Насколько я помню географию, вулканические пласты находятся примерно к северо-западу».

Он оглянулся. Погони пока что не было. Для того чтобы организовать ее, понадобится время... Но что это?

Над его головой засверкали молнии. Воздух посвежел, послыша-

лись раскаты грома. Эверард почувствовал, что его бьет озноб, и вовсе не от ночного холода. Он умерил бег своего коня. Теперь можно было не спешить. Потому что там, сзади, находился Мэнс Эверард...

...который вернулся к патрульному скуттеру и отправился на нем к югу в пространстве и к настоящему моменту во времени.

Мягко говоря, не совсем этично. По неписаным правилам Патруля, помогать самим себе считалось недозволенным. Слишком велика вероятность появления замкнутой петли времени, не говоря уже об изменении будущего.

«Но в данном случае мне это сойдет с рук. Никто даже не упрекнет. Потому что я спасаю не себя, а Джека Сандовала. Я уже свободен, и мне ничего не стоит уйти от погони в горах, которые мне известны, а монголам — нет. А ведь речь идет о спасении жизни моего друга.

Кроме того (с горечью подумал он), наше задание, на поверку, состояло именно в том, чтобы, изменив прошлое, обеспечить собственное будущее».

Необъятное черное небо было усыпано звездами: редко когда доводилось наблюдать такую картину. Большая Медведица сияла над древней землей; дробь копыт звенела в тишине. Никогда еше Эверард не чувствовал себя таким одиноким.

— Интересно, чем это я занимаюсь сейчас в монгольском лагере? — спросил он вслух.

Ответ пришел к нему сам собой, и, облегченно вздохнув, он поудобней уселся в седле и пришпорил лошадь. Ему хотелось как можно скорее выполнить задание, и теперь он знал, что надо делать.

Не так уж все страшно, как казалось с первого взгляда. Токтай и Ли Дай-цзун никогда не вернулись на родину. Но не потому, что погибли в море или столкнулись с враждебными племенами. Просто волшебник спустился с неба, и уничтожил всех их лошадей громом, и сжег их корабли в устье реки. Ни один китайский матрос не отправится в плавание на суденышках, которые можно здесь построить; ни один монгол не осмелится вернуться домой пешим. Значит, так оно и было на самом деле. Экспедиция не погибнет, а останется в Америке; монголы обзаведутся местными женами, научат индейцев чинук, тлингитов, нутка, все племена потлач[1] строить прочные корабли, дома, выплавлять медь, обрабатывать меха, шить одежды... что ж, монгольский нойон и даже конфуцианский ученый могли провести остатки дней своих куда более счастливо и с большей пользой, чем осуществив свои прежние чаяния.

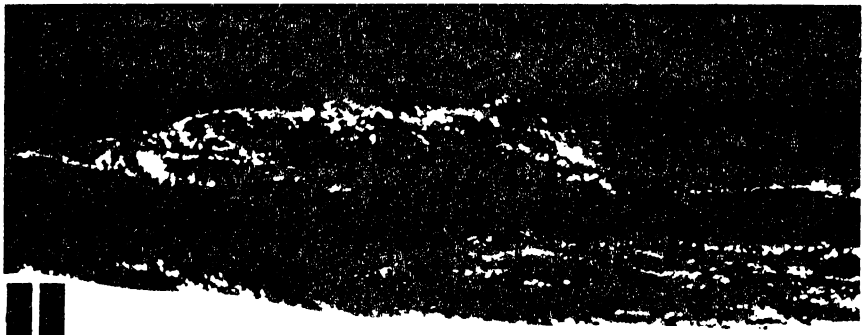
Как бы соглашаясь сам с собой, Эверард кивнул. С Токтаем и его кровожадными замыслами покончено. Тут все ясно. Куда труднее осознать горькую правду о потомках: ведь он считал их своей семьей,

[1] Племена, связанные обычаем.

и в работе, которую выполнял, видел цель всей жизни. Далекие супермены оказались на деле совсем не такими бескорыстными. Они не просто охраняли тот самый истинный исторический ход событий, в результате которого появились в далеком будущем. Нет, они тоже передергивали, чтобы создать собственное прошлое... И не надо спрашивать, что значит «истинный». Лучше вообще ни о чем не спрашивать. Гляди себе на тернистый путь, которым идет человечество, и говори, что где-то могло быть лучше, а где-то — хуже.

— Может, это и не единственный выход, — вслух произнес Эверард, — но другого я не знаю.

Голос его прозвучал неожиданно громко, прокатившись над покрытой инеем равниной, и больше он не произнес ни слова: лишь прищелкнул языком, понукая лошадь, держа путь на север.

Царица ветров и тьмы

Последние отблески последнего заката продержатся в небе еще до середины зимы, но день уже кончился, и северные земли охватило ликование. Раскрылись яркие соцветия на ветвях огненных деревьев, на поросших броком и дождевальником холмах заголубели чашечки сталецвета, в долинах раскрыли белые лепестки первые застенчивые «недотроги». Заметались над лугами порхунчики с радужными крыльями, тряхнул рогами и зычно затрубил королевский олень. Фиолетовое небо от горизонта до горизонта заполнилось чернотой. Обе луны, почти полные, лили свой студеный свет на листву и оставляли в воде дорожки расплавленного серебра, но тени от них размывались северным сиянием. Огромное мерцающее полотнище раскинулось на полнеба, а за ним уже проглядывали ранние звезды.

Под дольменом, венчающим курган Воланда, сидели юноша и девушка. Их длинные, чуть не до пояса, волосы, выбеленные летним солнцем, светились в полутьме, словно два ярких пятна, зато тела, темные от загара, почти сливались с землей, кустарником и камнями. Юноша играл на костяной флейте, девушка пела. Совсем недавно они открыли для себя любовь. Им обоим было около шестнадцати, но ни он, ни она не знали этого. Оба считали себя аутлингами, по традиции безразличными к ходу времени, и почти ничего не помнили о жизни среди людей.

Холодные звуки флейты оплетали ее голос тонкой мелодией:

Волшебные чары
Сложим на пару

Из капель росы и пыли,
Из ночи, что нас укрыла.

Ручей у подножия кургана, уносящий отблески лунного света к скрытой за холмами реке, откликался на песню веселым журчанием. На фоне северного сияния то и дело проскальзывали в небе темные силуэты летучих дьяволов.

Через ручей перепрыгнуло существо с двумя руками, двумя длинными, когтистыми ногами и целиком, до самого хвоста, покрытое перьями. За спиной у него колыхались большие сложенные крылья. На лице, лишь наполовину человеческом, блестели огромные глаза. Если бы Айох мог выпрямиться, он, пожалуй, достал бы юноше до плеча.

— Он что-то несет, — сказала девушка, поднимаясь. В северных сумерках она видела гораздо хуже, чем издревле обитавшие здесь существа, но у нее давно вошло в привычку полагаться даже на крохотные подсказки своих чувств: помимо того, что пэки обычно летают, этот передвигался, хотя и торопливо, но явно с трудом.

— И он идет с юга. — В душе у юноши, словно расцветший зеленый всполох на фоне созвездия Лирт, разгорелось радостное предчувствие, и он устремился к подножию холма. — Эгей, Айох! Это я, Погонщик Тумана!

— И я, Тень Сновидения, — выкрикнула, смеясь, девушка и последовала за ним.

Пэк остановился. За его шумным дыханием даже не слышно было шороха листвы вокруг. От того места, где он стоял, тянуло острым запахом раздавленных плодов йербы.

— С рождением зимы! Вы поможете мне отнести вот это в Кархеддин? — сипло проговорил пэк и протянул им свою ношу. Глаза его светились, словно два желтых фонаря. Ноша шевелилась и хныкала.

— Ой, это ребенок, — сказал Погонщик Тумана.

— Такой же, как и ты в детстве, такой же, как и ты. Хо-хо! Вот это улов! — хвастливо произнес Айох. — Их там было немало, в лагере у Перепаханного леса, все вооружены, а кроме сторожевых машин у них еще и злющие псы, что бродят по лагерю, пока люди спят. Но я спустился с неба, причем сначала долго следил и, лишь когда убедился, что горстки сонной пыли будет...

— Бедняжка. — Тень Сновидения взяла мальчика из рук Айоха и прижала к своей маленькой груди. — Ты еще совсем сонный, да?

Ребенок слепо ткнулся губами один раз, другой, пока не нашел, наконец, сосок. Девушка улыбнулась через завесу ниспадающих волос.

— Нет-нет, я еще слишком молода, а ты уже вырос из этого

возраста. Однако когда ты проснешься у подножия горы в Кархеддине, у тебя будет настоящий пир...

— О-о-о, она повсюду, она все слышит и все видит. Она идет, — сказал вдруг Айох очень тихо и опустился на колени, сложив крылья еще плотнее.

Спустя секунду опустился на колени Погонщик Тумана, за ним Тень Сновидения, но мальчика она по-прежнему прижимала к себе.

Высокий силуэт Царицы заслонил обе луны. Она молча разглядывала всех троих и добычу Айоха. Журчание ручья, шорох травы — все звуки медленно таяли, исчезали, и вскоре им начало казаться, будто они слышат даже шипение северных огней.

Наконец Айох прошептал:

— Я хорошо поступил, Праматерь Звезд?

— Если ты украл ребенка в том лагере, где множество машин, — донесся до них ее прекрасный голос, — то эти люди наверняка с дальнего юга, и они, возможно, отнесутся к пропаже не так покорно, как фермеры.

— Но что они могут сделать, Создательница Снега? — спросил пэк. — Как они нас выследят?

Погонщик Тумана поднял голову и с гордостью произнес:

— Кроме того, теперь и они почувствовали страх перед нами.

— И он такой милый, — сказала Тень Сновидения. — Нам ведь нужны такие, как он, да, Повелительница Неба?

— Время от времени это должно случаться, — донесся с высоты голос Царицы. — Примите дитя и позаботьтесь о нем. Этим знамением... — она взмахнула рукой, совершив несколько сложных движений, — ...мальчик объявляется Истинным Обитателем.

Их радость наконец выплеснулась наружу. Перекатившись по земле кувырком, Айох врезался в дерево, затем вскарабкался по стволу дрожелиста, уселся на сук, скрывшись в беспокойной бледной листве, и ликующе заклекотал. Юноша и девушка с младенцем на руках двинулись к Кархеддину легкой, подпрыгивающей походкой. Он снова заиграл на флейте, а она запела:

Уайяй, уайяй!
Уайала-лай!
Взлети на ветру,
Высоко в небеса,
С пронзительным звонким свистом
И упади вместе с дождем,
Сквозь непогоду промчав,
Нырни к деревьям под луной,
  где тени тяжелы, как сны,
Приляг и слейся с ритмом волн,
  где тонут звездные лучи.

Едва войдя в комнату, Барбро Каллен почувствовала смятение, пробившееся даже сквозь ее печаль и ярость. В комнате царил полный беспорядок. Журналы, кассеты с лентами, пустые бобины, справочники, картотечные ящики, бумажки с каракулями лежали грудами на каждом столе. Повсюду — тонкий слой пыли. У одной из стен ютился небольшой лабораторный комплекс — микроскоп и различные анализаторы. Барбро готова была признать за помещением компактность и эффективность, но все-таки при слове «кабинет» представляется нечто иное. Кроме того, в воздухе чувствовался слабый запах какой-то химии. Ковер протерся во многих местах, мебель стояла обшарпанная и старая.

Неужели это ее последний шанс?

Эрик Шерринфорд вышел ей навстречу.

— Добрый день, миссис Каллен.

Бодрый голос. Крепкое рукопожатие. Выцветший старый комбинезон в обтяжку... Впрочем, последнее ее не задело: она и сама уделяла одежде мало внимания, разве что по праздникам. (А будет ли у нее в жизни еще когда-нибудь праздник, если ей так и не удастся найти Джимми?) Неряшливости, правда, она никогда себе не позволяла.

Он улыбнулся, и у глаз сложились тоненькие морщинки, похожие на отпечаток птичьей лапы.

— Я приношу свои извинения за холостяцкий беспорядок. На Беовульфе у нас об этом заботились машины, и я так и не приобрел нужных навыков. А нанимать кого-то для уборки не хотелось: потом каждую вещь будешь искать по полчаса. Да и работать здесь гораздо удобнее, и не нужно отдельной приемной... А вы садитесь, садитесь.

— Спасибо, я постою, — пробормотала она.

— Понимаю. Но если вы не возражаете, я все-таки лучше соображаю сидя.

Шерринфорд плюхнулся в кресло и закинул одну длинную ногу на другую, потом достал трубку и набил ее табаком из кисета. Барбро даже удивилась, что он употребляет табак таким допотопным способом: ведь на Беовульфе полно самых современных чудес технологии, которые они до сих пор не могут позволить себе здесь, на Роланде... Хотя, конечно, древние обычаи и привычки могут сохраняться в любой ситуации. В колониях они, во всяком случае, сохраняются. В конце концов, люди отправились к звездам именно в надежде сохранить какие-то уходящие в прошлое стороны жизни, вроде родного языка, или конституционного правительства, или цивилизации, построенной на рациональной технологии...

Из усталой задумчивости ее вывел Шерринфорд:

— Миссис Каллен, вам нужно посвятить меня в детали. Вы сказали, что вашего сына похитили, но местная полиция не предприняла никаких действий. Помимо этого я знаю лишь несколько вполне очевидных фактов. Мне известно, что вы не развелись, а

овдовели, что вы дочь дальнопоселенцев с Земли Ольги Ивановой, но они тем не менее всегда поддерживали тесный телекоммуникационный контакт с Рождественской Посадкой. Вы специалист в какой-то из областей биологии, но работу возобновили лишь недавно после перерыва в несколько лет.

Барбро озадаченно взглянула на его обрамленное черными волосами лицо с высокими скулами и крючковатым носом под серыми глазами. В этот момент зажигалка щелкнула и вспыхнула, заполнив светом, казалось, всю комнату. Шум городских улиц едва доносился снизу, а в окна сочились зимние сумерки.

— Откуда вы, черт возьми, все это знаете? — воскликнула она невольно.

Шерринфорд пожал плечами и заговорил в своей знаменитой лекторской манере:

— Вся моя работа зависит от того, насколько хорошо я умею замечать мелкие детали и воссоздавать по ним цельную картину. За сто с небольшим лет пребывания на Роланде люди, стремясь жить рядом с теми, кто им ближе по происхождению или образу мысли, уже успели сформировать региональные акценты. Я сразу заметил у вас некоторую картавость, характерную для жителей Земли Ольги Ивановой, но гласные вы произносите в нос, как в этих местах, хотя сейчас живете в Портолондоне. Следовательно, в детстве вы регулярно слышали столичную речь. Далее, вы сказали мне, что работали в экспедиции Мацуямы и взяли с собой ребенка. Какому-нибудь обычному технику этого никто бы не разрешил. Следовательно, вы обладаете достаточно высокой квалификацией, чтобы вам это сошло с рук. Экспедиция занималась экологическими исследованиями. Значит, вы специалист в какой-то из областей биологии. По этой же причине у вас должен быть определенный опыт работы в полевых условиях. Однако лицо у вас чистое, необветренное и без загара, из чего я заключил, что до этой злополучной экспедиции вы довольно долгое время сидели дома. Что же касается вдовства... Вы ни разу не упомянули мужа, но у вас был мужчина, о котором вы остались настолько высокого мнения, что все еще носите подаренные им кольца — обручальное и то, которое он преподнес вам при помолвке.

Глаза ее заблестели влагой. Последние слова Шерринфорда снова вернули в памяти Тима — огромного, нежного весельчака с румяным лицом. Барбро пришлось отвести взгляд в сторону.

— Да, — заставила она себя сказать, — вы правы.

Квартира находилась на вершине холма, вознесшегося над Рождественской Посадкой. Ступенями из крыш и стен, с архаичными дымоходами, освещенными улицами и крошечными огнями экипажей город спускался вниз, к порту в заливе Риска, где время от времени причаливали корабли с Солнечных островов и из более удаленных регионов Северного океана, мерцающего в отблесках Карла Великого словно разлитая ртуть. Быстро взбирался по небосклону Оливер,

пятнистый оранжевый диск, больше углового градуса диаметром. Ближе к зениту, куда он так и не доберется, Оливер заблестит словно лед. Альда, кажущаяся в два раза меньше, выглядела тоненьким серпом, медленно ползущим недалеко от Сириуса, который, как Барбро помнила, совсем недалеко от Солнца, но Солнце без телескопа отсюда уже не видно...

— Да, — повторила она, борясь со сдавливающей горло болью, — мой муж погиб четыре года назад. Я носила нашего первенца, когда его убил обезумевший монорог. Мы поженились тремя годами раньше. Встретились еще в университете... Сами знаете, передачи из Школьного центра дают только базовое образование. Мы создали свою собственную группу для проведения экологических исследований по контрактам... Может ли какая-то территория заселяться с сохранением природного баланса, какие культуры будут там расти, какие могут встретиться опасности и тому подобное... После я выполняла кое-какие лабораторные исследования для рыболовецкого кооператива в Портолондоне, но монотонность работы... все время взаперти... это словно подтачивало меня изнутри... А тут профессор Мацуяма предложил мне место в экспедиции для изучения Земли Комиссара Хоча. Я думала, Боже, я думала, что с Джимми... Едва только анализы подтвердили, что будет мальчик, Тим захотел, чтобы мы назвали его Джеймсом, потому что у него отец Джеймс и потому что ему нравилось, как звучит «Тимми и Джимми», и... Я думала, что с Джимми ничего не случится. Я просто не могла оставить его на несколько месяцев... в таком возрасте. Мы полагали, что сумеем проследить, чтобы он никогда не уходил за пределы лагеря, а внутри ему ничего не угрожало. Я никогда не верила в эти байки про аутлингов, которые крадут детей. Считала, что их в оправдание себе или в утешение придумывают родители, по небрежности не уследившие за детьми, когда те потерялись в лесу, или наткнулись на стаю дьяволков, или... Теперь я другого мнения, мистер Шерринфорд. Сторожевых роботов обошли, собак усыпили, и, когда я проснулась, Джимми уже не было...

Некоторое время он просто разглядывал ее сквозь облака дыма. Барбро Энгдал Каллен выглядела лет на тридцать или около того. (Роландских лет, напомнил себе Шерринфорд, которые составляют девяносто пять процентов от земных и совсем уже не совпадают с летосчислением Беовульфа.) Крупная, широкоплечая женщина, длинноногая, полногрудая и гибкая. Широкое лицо, ровный взгляд карих глаз, тяжелый, но подвижный рот, каштановые с рыжинкой волосы, короткая прическа, хрипловатый голос, одежда простая, обыденная. Чтобы отвлечь ее, чтобы она перестала заламывать пальцы от мучительных воспоминаний, Шерринфорд спросил:

— А теперь вы верите в аутлингов?

— Нет. Просто у меня поубавилось прежней категоричности. — Она резко обернулась, и в ее глазах сверкнуло сдержанное раздражение. — Кроме того, мы находим следы...

— Ископаемые останки, — кивнул Шерринфорд. — И кое-какие предметы материальной культуры на уровне неолита. Все — очень древнее, как будто их создатели вымерли уже давно. Интенсивные поиски разумных обитателей планеты не принесли никаких результатов.

Насколько интенсивными могут быть поиски в районе Северного полюса, если летом там постоянно штормит, а зимой — холод и мрак? Нас на всю планету — сколько? миллион? — и половина живет в одном этом городе.

— Но вторая половина все-таки расселилась по континенту, — заметил Шерринфорд.

— Арктика — это пять миллионов квадратных километров, — парировала Барбро. — Непосредственно Арктическая зона занимает примерно четверть этой площади. У нас нет пока промышленной основы, чтобы повесить над планетой наблюдательные спутники или построить самолеты, которым можно было бы доверять на таких широтах, или пробить дороги в сумеречные земли, поставить там постоянные базы, узнать эти места по-настоящему, приручить их. Боже, да вы сами подумайте: несколько поколений фермеров-одиночек рассказывали байки про Серую Мантию, а специалисты впервые обнаружили этого зверя в прошлом году!

— И все же вы не верите, что аутлинги существуют?

— С таким же успехом можно предположить существование некоего тайного культа, возникшего там, в глуши, от изоляции и невежества. Может, эти люди скрываются и, когда возможно, крадут детей для... — Она с трудом сглотнула и опустила голову. — В конце концов, вы в таких вещах лучше разбираетесь.

— Насколько я понял из того, что вы сообщили мне по визифону, портолондонская полиция поставила под сомнение достоверность показаний ваших коллег. Они утверждали, что ваш рассказ — это по большей части истерика, что вы, очевидно, не уследили за ребенком и он, выбравшись за пределы базы, просто заблудился.

Эти сухие слова помогли ей избавиться от давящего ужаса. Барбро покраснела, потом ответила с вызовом:

— Как у поселенцев на дальних землях, вы это имеете в виду? Так вот, я все-таки взяла себя в руки и проверила имеющиеся на этот счет данные. В компьютерных банках памяти описывается слишком много подобных исчезновений, чтобы это можно было объяснить несчастными случаями. И вправе ли мы сбрасывать со счетов иногда всплывающие рассказы перепуганных людей о кратких появлениях давно пропавших детей? Однако когда я пошла в полицию со всеми этими фактами, от меня просто отмахнулись. Отчасти, возможно, потому, что у них катастрофически не хватает людей. И они тоже боятся. Ведь полицию там набирают из тех же деревенских парней, а сам Портолондон стоит чуть ли не на границе с неизвестностью. — Она сникла и добавила бесцветным голосом: —

На Роланде нет централизованного полицейского управления. Вы — моя последняя надежда.

Шерринфорд выпустил в темноту облако дыма, и оно тут же в ней растаяло, потом сказал потеплевшим тоном:

— Пожалуйста, не надейтесь на меня слишком сильно, миссис Каллен. Я на этой планете единственный частный детектив, мне не на кого рассчитывать, кроме себя, а кроме того, я тут еще и новичок.

— Сколько вы здесь прожили?

— Двенадцать лет. Едва-едва освоился на сравнительно цивилизованном побережье. Что уж тут говорить, когда даже вы, здешние, после ста с лишним лет освоения планеты до сих пор не знаете сердца Арктики? — Он вздохнул и продолжил: — Я, конечно, займусь этим делом и возьму с вас не больше, чем необходимо. Во всяком случае, я приобрету какой-то опыт, узнаю новые места. Но с одним условием: вы будете моим гидом и помощником.

— Конечно. Сидеть в ожидании, без дела... Это было бы ужасно. Но почему именно я?

— Нанимать кого-то столь же опытного будет слишком дорого: здесь, на малоосвоенной планете, у каждого сотни неотложных дел. Кроме того, у вас есть мотив. Что тоже не лишнее. Я родился на планете, совсем не похожей на эту и на Землю-прародительницу, так что я прекрасно понимаю, в каком мы находимся положении.

Над Рождественской Посадкой собиралась ночь. Температура оставалась умеренной, но подсвечиваемые северным сиянием языки тумана, змеящиеся по улицам, казались леденяще холодными, и еще холоднее выглядело само северное сияние, вздрагивающее и переливающееся между лунами. В комнате стало темно, и женщина невольно придвинулась ближе к мужчине, заметив это, лишь когда он включил световую панель. В них обоих жило присущее Роланду ощущение одиночества.

Один световой год — это не так уж много по галактическим меркам. Человек может пройти такое расстояние примерно за 270 миллионов лет. Скажем, если отправиться в дорогу в пермский период, когда даже динозавры еще только должны были появиться на Земле, то закончится путешествие как раз сейчас, когда космические корабли летают гораздо дальше. Но в окружающем нас районе Галактики расстояния между звездами составляют в среднем девять с небольшим светолет, и едва у одного процента звезд есть планеты, пригодные для человека, а еще надо учесть, что предельная скорость кораблей все-таки ниже, чем у светового излучения. Немного помогает релятивистское сокращение времени и анабиоз в пути, отчего путешествия кажутся короткими, но история на родной планете от этого вовсе не останавливается.

Короче, путешествий от звезды к звезде всегда будет мало, и колонистами становятся лишь те, у кого есть на то особые причины.

Для экзогенного выращивания домашних животных и растений они берут с собой зародышевую плазму. Человеческую тоже — чтобы колония росла быстро и могла за счет генетического дрейфа избежать вырождения. В такой ситуации вряд ли стоит рассчитывать на следующую волну иммигрантов. Может быть, два или три раза в столетие залетит корабль с другой планеты. (Но не с Земли, которая уже давно озабочена своими проблемами, совершенно непонятными и чуждыми этим людям.) Скорее всего корабль прибудет с какой-нибудь уже окрепшей колонии: молодым поселениям не до постройки космических кораблей.

Само их выживание, не говоря уже о последующей модернизации, стоит под вопросом. Отцам-основателям приходилось брать что попадется: Вселенная ведь создавалась не специально для человека.

Например, Роланд. Одна из счастливых находок. Мир, где человек может жить, дышать, есть пищу, пить воду, ходить нагим, если ему захочется, сеять злаки, разводить скот, рыть шахты, возводить дома, растить детей и внуков. Видимо, оно того стоит — пересечь три четверти светового века, чтобы сохранить какие-то дорогие сердцу ценности и пустить новые корни на земле Роланда.

Но звезда Карл Великий — это тип F9. Она на сорок процентов ярче Солнца, еще опасней в коварной ультрафиолетовой области и уж совсем дико ведет себя, когда расшвыривает во все стороны мощные потоки заряженных частиц. У планеты эксцентрическая орбита. В разгар короткого, но бурного северного лета, когда Роланд приближается к периастрию, суммарная инсоляция превышает земную более чем в два раза; в середине же долгой арктической зимы она чуть ниже средней по Земле.

Жизнь на планете бурлит повсюду. Но без сложных машин, не имея пока возможности создавать их кроме как для немногочисленных специалистов, человек вынужден жить в высоких широтах. Наклон оси в десять градусов плюс специфическая орбита — все это приводит к тому, что самая северная часть арктического континента по полгода живет без солнца. У южного полюса в этих широтах только безбрежный океан.

Прочие отличия от Земли могут при поверхностном рассмотрении показаться даже более важными. У Роланда, например, две луны — маленьких, но расположенных довольно близко от планеты, отчего тут бывают накладывающиеся приливы. Период обращения Роланда вокруг своей оси — тридцать два часа, что исподволь, но постоянно действует на организмы, привыкшие за миллионы лет эволюции к более высокому темпу.

Погодные условия здесь тоже отличаются от земных. Диаметр планеты всего 9500 километров. Сила тяжести у поверхности — 0,42 g. Давление на уровне моря чуть выше одной земной атмосферы. (И надо сказать, что Земля в этом отношении настоящий каприз

мироздания; человек там появился лишь потому, что по какой-то случайности космического масштаба газообразная оболочка планеты значительно меньше, чем положено иметь такому небесному телу; вот на Венере в этом отношении все в порядке.)

Однако «гомо» можно лишь тогда по праву назвать «сапиенсом», когда он в полную силу использует свою основную способность — универсальность. Неоднократные попытки человека загнать себя в рамки какой-то одной всеобщей линии поведения, или культуры, или идеологии всегда заканчивались неудачами. Зато когда перед ним стоит задача просто выжить и жить, он справляется с ней по большей части неплохо. Он умеет приспосабливаться, и в довольно широких пределах.

Пределы эти обычно устанавливаются тем, например, что человеку необходим солнечный свет, или тем, что он — обязательно и постоянно — должен быть неотъемлемой частью окружающей его жизни и непременно существом духовным.

Портолондон спускался своими доками, кораблями, машинами и складами прямо в залив Поларис. За ними уже располагались жилища 500 000 его постоянных обитателей. Каменные стены, ставни на окнах, остроконечные черепичные крыши. Но веселая разноцветная окраска строений выглядела в лучах уличных фонарей как-то жалко — ведь город лежал за Северным полярным кругом.

Тем не менее Шерринфорд заметил:

— Веселенькое местечко. Вот именно ради этого я и прибыл на Роланд.

Барбро промолчала. Дни, проведенные в Рождественской Посадке, пока они готовились к отъезду, лишили ее последних сил. К причалу они прибыли на гидроплане, и теперь, глядя через купол такси, что везло их в пригород, она решила, будто Шерринфорд имеет в виду богатые леса и луга вдоль дороги, переливы светящихся цветов в садах, шорох крыльев в небе. В отличие от земной флоры холодных регионов, растительность арктической зоны Роланда каждый световой день лихорадочно растет и копит энергию. И только когда летний зной уступает место мягкой зиме, растения начинают цвести и плодоносить. В это же время выбираются из своих берлог впадающие в летнюю спячку животные и возвращаются домой птицы.

Вид из машины открывался действительно замечательный: за деревьями раскинулась просторная равнина, взбирающаяся к горам в отдалении; вершины, залитые серебристо-серым лунным светом; северное сияние; рассеянные отсветы солнца, только-только спрятавшегося за горизонт.

Эта красота — словно красота охотящегося летучего дьявола, подумалось ей. И эта дикая, необузданная природа отняла у нее

Джимми. Удастся ли ей хотя бы найти его маленькие косточки, чтобы похоронить рядом с отцом...

Неожиданно она поняла, что такси остановилось у отеля, и Шерринфорд говорил о самом городе, втором по величине городе после столицы. Видимо, он здесь уже бывал не раз. Шумные улицы были полны народа, мелькали огни рекламы, из таверн, магазинов, ресторанов, спортивных центров, танцевальных залов — отовсюду неслась музыка. Прижатые друг к другу автомобили еле ползли. Деловые здания в несколько этажей светились всеми окнами. Портолондон связывал огромный материк с внешним миром. По реке Глории тянулись сюда плоты, баржи с рудой, урожаем с ферм, чьи владельцы медленно, но верно заставляли Роланд служить себе, мясом, костью и мехами, добытыми охотниками в горах у подножия кряжа Троллей. С моря подходили рыболовецкие суда и грузоходы, доставляющие продукцию Солнечных островов и богатства континентов, расположенных дальше к югу, куда совершали вылазки отважные искатели приключений. Портолондон грохотал, смеялся, бушевал, потворствовал, грабил, молился, обжирался, пьянствовал, работал, мечтал, вожделел, строил, разрушал, умирал, рождался, был счастлив, зол, печален, жаден, вульгарен, любвеобилен, амбициозен, человечен. Ни яростные лучи солнца где-то южнее, ни полугодовые сумерки здесь — а в середине зимы настоящая ночь — не могли остановить человека.

Так, во всяком случае, все говорили.

Все, кроме тех, кто поселился в темных землях. Раньше Барбро не сомневалась, что именно там рождались странные обычаи, легенды и суеверия, которые наверняка умрут, когда все дальние регионы появятся на подробных картах и будут полностью под контролем. Теперь же... Может быть, виной тому слова Шерринфорда о том, что сам он, после некоторых предварительных исследований, склонен изменить свою прежнюю точку зрения.

А может быть, ей просто нужно было переключиться на какие-то другие мысли, чтобы не вспоминать постоянно, как за день до отъезда, например, когда она спросила Джимми, сделать ему сандвич из ржаного хлеба или из французской булочки, сын совершенно серьезно ответил: «Пожалуй, я съем кусочек Ф-хлеба». Незадолго до этого он как раз начал проявлять интерес к алфавиту.

Они выбрались из такси, оформили номера и направились по своим комнатам с примитивной меблировкой, но все это Барбро помнила как в тумане. И только распаковав вещи, она вспомнила, что Шерринфорд пригласил ее к себе обговорить все обстоятельства дела с глазу на глаз. Пройдя вдоль коридора, она нашла его комнату и постучала. Сердце у нее колотилось так сильно, что казалось, его удары заглушают стук в дверь.

Он открыл и, приложив палец к губам, указал ей на кресло в углу. Барбро едва не вспылила, но тут заметила на экране визифона лицо главного констебля Доусона. Очевидно, Шерринфорд позвонил

ему сам, и у него были причины просить ее не показываться в поле зрения камеры. Она опустилась в кресло и, впившись ногтями в колени, снова взглянула на экран.

Шерринфорд уселся перед аппаратом.

— Извини, — сказал он. — Какой-то тип ошибся дверью. Наверно, пьяный.

Барбро вспомнила, что констебль всегда отличался болтливостью. Во время разговора он постоянно поглаживал свою бороду, которая, видимо, ему самому очень нравилась. Не горожанин, а какой-то дальнопоселенец...

— У нас их тут хватает, — усмехнулся Доусон. — Хотя, как правило, все они безобидные ребята. Просто после нескольких недель или месяцев в дальних землях им бывает нужно слегка разрядиться.

— Насколько я понимаю, это окружение — и в малом, и в большом отличающееся от того, что привело к появлению человека, — порой влияет на людей очень странным образом. — Шерринфорд набил трубку. — Ты, разумеется, знаешь, что моя практика до сих пор касалась городских или пригородных районов. В изолированных поселениях частный детектив едва ли когда бывает нужен. Но сейчас ситуация переменилась, и я позвонил, чтобы посоветоваться с тобой.

Шерринфорд чиркнул спичкой, и табачный дым сразу же забил запахи зелени, доносившиеся даже сюда — за два вымощенных камнем километра от ближайшего леса, мимо идущих в сумерках потоков машин.

— Это скорее научные изыскания, чем поиски скрывшегося должника или подозреваемого в промышленном шпионаже, — неторопливо проговорил он. — Я хотел бы исследовать две версии: либо какая-то организация — преступная, религиозная или еще что-нибудь в таком духе — давно и регулярно похищает детей, либо аутлинги из легенд действительно существуют.

На лице Доусона отразилось и удивление, и смятение одновременно.

— Ты это всерьез?

— А почему бы и нет? — Шерринфорд улыбнулся. — Несколько поколений подряд регистрируются сообщения о похищении детей, и подобные факты нельзя сбрасывать со счетов. Особенно если с ходом времени это происходит все чаще. Зарегистрировано уже более сотни пропавших детей, но никто ни разу не нашел никаких следов. И, кстати, почти никаких доказательств, что в Арктике когда-то обитала разумная раса, а теперь они скрываются где-то там, в дальних землях.

Доусон наклонился вперед, словно хотел пролезть через экран.

— Кто тебя нанял? — спросил он строго — Та самая Каллен?

Нам, естественно, было ее жаль, но она несла какую-то бессмыслицу, а потом и вообще стала вести себя просто оскорбительно...

— Но разве ее коллеги, весьма уважаемые ученые, не подтвердили рассказ?

— Да нет тут никакого рассказа. У них весь лагерь был обнесен детекторами и сигнальными системами. Плюс сторожевые мастифы. Это стандартный порядок для таких вот мест, где вполне может встретиться голодный завроид или кто-нибудь еще. Никто не мог проникнуть туда незамеченным.

— По земле. А как насчет летающего существа, которое могло опуститься прямо посреди лагеря?

— Но человек с ранцевым вертолетом поднял бы на ноги всю экспедицию.

— Какое-нибудь крылатое существо могло пробраться в лагерь гораздо тише.

— Крылатое существо, способное унести трехлетнего мальчишку? Таких в природе не существует.

— Ты имеешь в виду, не существует в научной литературе. А вспомни Серую Мантию. Вспомни, как мало мы вообще знаем о Роланде. На Беовульфе, кстати, такие птицы существуют. И, я читал, на Рустуме тоже. Я проделал кое-какие вычисления с учетом здешней плотности воздуха и силы тяжести. Так вот, у меня получилось, что здесь это тоже возможно, хотя и едва-едва. Ребенка могли унести воздухом на небольшое расстояние, а потом это существо устало и просто приземлилось за пределами лагеря.

Доусон фыркнул.

— Сначала оно приземлилось и забралось в палатку, где спали мать и ребенок. А затем, когда у него не осталось сил лететь, ушло пешком с ребенком на руках. По-твоему, это похоже на хищную птицу? Причем ребенок ни разу не закричал, а собаки не залаяли.

— Эти несоответствия как раз и убедили, и заинтересовали меня одновременно, — сказал Шёрринфорд. — В одном ты, безусловно, прав: человек не мог проникнуть в лагерь незамеченным, а хищная птица вроде орла едва ли стала бы действовать подобным образом. Но это могло быть крылатое разумное существо. Возможно, оно усыпило мальчишку. Собаки, во всяком случае, выглядели так, словно их усыпили.

— Скорее, они проспали и не заметили мальчишку, когда он прошел мимо. Не надо ничего придумывать, когда все можно объяснить гораздо проще. Достаточно предположить, что, во-первых, он проснулся и решил погулять, а во-вторых, охранная сигнализация была смонтирована небрежно — никто ведь не ожидал опасности изнутри — и поэтому просто не сработала, когда мальчишка двинулся за пределы лагеря. В-третьих... Говорить об этом чертовски неприятно, но скорее всего он или умер с голода, или погиб. — Доусон замолчал на секунду, потом добавил: — Если бы у нас было больше

людей, мы могли бы провести более тщательную проверку. И провели бы, конечно. Хотя мы и так организовали поиски с воздуха в радиусе пятидесяти километров, причем пилоты здорово рисковали. Приборы наверняка засекли бы мальчишку, если бы он еще был жив. Ты сам знаешь, насколько чувствительны термальные анализаторы, но поиски не дали никакого результата. А у нас есть заботы и поважнее, чем искать останки, разбросанные хищниками по округе. Если тебя наняла миссис Каллен, то мой тебе совет: выкрутись как-нибудь и оставь это дело. Для нее же будет лучше. Нужно принимать действительность, как бы тяжела она ни была.

Барбро прикусила язык и едва сдержалась, чтобы не закричать.

— Но это только последнее исчезновение в целой серии таких же событий, — возразил Шерринфорд, и Барбро удивленно подумала: «Как он может говорить об этом так спокойно, когда пропал Джимми?»

— Оно описано подробнее всех остальных, и тут есть над чем задуматься, — продолжал Шерринфорд. — Обычно это просто слезливый, но лишенный деталей рассказ дальнопоселенцев о том, как их ребенок исчез или, по их словам, был похищен некими Древними. Иногда, спустя годы, они рассказывают, что видели мельком какое-то существо, которое, мол, и есть их выросший ребенок, только он уже перестал быть человеком. Всегда мельком — или оно заглядывает в окно, или бесшумно скользит мимо в сумерках, или вытворяет исподтишка какую-нибудь шалость. Как ты говоришь, ни у ученых, ни у властей просто не было до сих пор людей и средств, чтобы провести тщательное расследование. Но я чувствую, что здесь есть чем заняться. И возможно, частное расследование вроде того, что собираюсь предпринять я, принесет какую-то пользу.

— Послушай, что я тебе скажу... Большинство из наших парней выросли там, на дальних землях. Мы не только патрулируем город и выезжаем по вызовам; мы, случается, ездим домой на праздники и семейные юбилеи. И если бы в этих местах объявилась банда, практикующая... человеческие жертвоприношения, мы бы наверняка об этом знали.

— Понимаю. Но я также знаю и про распространенную в тех краях, глубоко укоренившуюся веру в неких существ со сверхъестественными способностями. У людей даже возникали связанные с этим верованием ритуалы, и многие, чтобы умилостивить их, оставляют в лесу дары...

— Я знаю, к чему ты клонишь. — Доусон презрительно хмыкнул. — Слышал про это сто раз от разных любителей дешевых сенсаций. Аборигены, мол, и есть эти легендарные аутлинги. Признаться, я был о тебе лучшего мнения. Тебе наверняка случалось бывать в музеях и читать литературу с тех планет, где есть местные жители. Да и в конце-то концов, где твоя хваленая логика?

Он покачал пальцем и продолжил:

— Сам подумай. Что нам удалось здесь найти? Считанные осколки обработанных камней; несколько мегалитов, которые — возможно! — имеют искусственное происхождение; выцарапанные на скалах рисунки, вроде бы изображающие растения и животных, хотя они совершенно не похожи на рисунки любой из известных нам гуманоидных культур; остатки костров и раздробленные кости; обломки костей, которые могли бы принадлежать разумным существам, потому что они напоминают фаланги пальцев или фрагменты крупных черепов... Но если это так, то их обладатели меньше всего напоминали людей. Или ангелов, если уж на то пошло. Ничего общего! Наиболее антропоидная реконструкция, что мне довелось видеть, выглядела как двуногий крокогатор... Подожди, дай мне закончить. Все эти сказки про аутлингов... Я их тоже слышал предостаточно. И даже верил в них — в детстве. Рассказывают, что аутлинги бывают и крылатые, и бескрылые, и полулюди, и совсем люди, только невероятной красоты — так вот, все это сплошь сказки с Земли. Ты не согласен? Я в свое время не поленился и, покопавшись в микрозаписях Библиотеки Наследия, отыскал там почти идентичные сказки, которые крестьяне рассказывали еще за несколько сот лет до космических полетов. Более того, описания никак не согласуются даже с нашими жалкими находками — если они вообще имеют отношение к истории планеты — или с тем фактом, что на территории, равной по площади Арктике, просто не могло развиться более десятка видов разумных существ одновременно, или... Черт побери, как, по-твоему, должны были вести себя аборигены, когда здесь появились люди?

— Верно, верно, — сказал Шерринфорд, кивая. — Я, пожалуй, менее тебя склонен считать, что здравомыслием негуманоидные существа будут походить на нас. Даже у людей я наблюдал слишком большие различия в этой области. Но я согласен, у тебя веские аргументы. У немногочисленного отряда ученых на Роланде были задачи поважней, чем отслеживать истоки, как ты считаешь, возрожденного средневекового суеверия.

Он взял трубку в обе ладони, задумчиво посмотрел на крохотный огонек внутри и без нажима продолжил:

— Однако меня больше всего интересует, почему у вполне трезво мыслящих, технически оснащенных и относительно хорошо образованных колонистов возродилась вдруг вера в каких-то мифических Древних. Буквально восстала из могилы, пройдя сквозь заслон веков и пробившись через наслоения машинной цивилизации с ее крайне антагонистическим отношением к традициям.

— Надо полагать, в университете рано или поздно откроют таки отделение психологии, о котором так давно говорят, и, видимо, кто-нибудь когда-нибудь еще напишет на эту тему диссертацию, — неуверенно произнес Доусон и судорожно сглотнул, когда снова заговорил Шерринфорд:

— Я хочу попытаться найти ответ прямо сейчас, на Земле Комиссара Хоча, поскольку именно там случилась последняя трагедия. Где я смогу взять напрокат машину?

— Это не так-то просто...

— Полно тебе. Я хоть и новичок здесь, но кое-что понимаю. В условиях недостаточной экономики очень немногие владеют дорогим и сложным оборудованием. Но раз в нем есть потребность, значит, его можно все-таки взять напрокат. Мне нужно что-то вроде походного фургона с ходовой частью для любых условий местности. Я хочу разместить внутри кое-какое оборудование, что я привез с собой, а вместо смотрового купола наверху нужно установить пулеметную турель с управлением из кабины. Кроме своих собственных пистолетов и винтовок я по договоренности с полицией Рождественской Посадки привез кое-какую артиллерию из их арсеналов.

— Ого! Ты, похоже, действительно собрался воевать с мифами.

— Скажем, я собрался застраховать себя от неожиданностей. Опасность кажется незначительной, но застраховаться всегда нелишне. И как насчет легкого самолета, который я мог бы перевозить на крыше и использовать для воздушной разведки?

— Нет. — теперь голос Доусона звучал гораздо категоричнее. — Не ищи себе приключений. Мы можем доставить тебя к лагерю грузовым самолетом, когда позволит метеопрогноз. Но пилоту придется сразу же вернуться, пока снова не переменилась погода. Метеорология еще не очень развита на Роланде, а в это время года воздушные массы особенно неспокойны, и у нас пока нет самолетов, способных устоять перед любой неожиданностью. — Он сделал глубокий вздох. — Ты представляешь себе, с какой скоростью может налететь смерч, или какие камни иногда валятся там с неба, или?.. Короче, в тех краях лучше всего держаться поближе к земле, так-то вот. И это одна из причин, почему мы так мало знаем о дальних районах, а тамошние поселенцы живут так изолированно.

Шерринфорд печально рассмеялся.

— Что ж, поскольку мне нужны детали, так и так придется двигаться ползком.

— Видимо, ты потратишь немало времени, — сказал Доусон. — Не говоря уже о деньгах твоего клиента. Слушай, я, конечно, не могу запретить тебе гоняться за призраками, но...

Разговор продолжался еще добрых полчаса. Когда экран наконец погас, Шерринфорд поднялся, потянулся и двинулся к Барбро. Она снова обратила внимание на его странную походку. Шерринфорд прибыл на Роланд с планеты, где сила тяжести превышала земную на четверть, а здесь она была в два раза меньше, чем на планете-прародительнице. Интересно, подумала Барбро, летает ли он во сне...

— Я приношу свои извинения за то, что пришлось просить вас помолчать, — сказал Шерринфорд. — Никак не ожидал, что мне

удастся сразу связаться с Доусоном. Он действительно постоянно занят. Но когда нас соединили, я подумал, что не стоит лишний раз напоминать ему о вас. Он, возможно, сочтет мою затею пустой выдумкой, которая мне скоро надоест. Но из-за вас Доусон мог догадаться, насколько это серьезно, и отказать в помощи. Он мог бы даже помешать нам.

— Какое ему дело? — спросила Барбро с обидой.

— Боязнь последствий, и, что еще хуже, он в этом не признается даже самому себе. Скажем, боязнь совершенно непредвиденных последствий. — Шерринфорд взглянул на экран, потом на небосклон за окном, где переливалось голубыми и белыми всполохами огромное полотно северного сияния. — Очевидно, вы заметили, что я разговаривал с испуганным человеком. Его рационализм и сарказм — это оболочка, а внутри этот человек верит в аутлингов, еще как верит!

Погонщик Тумана бежал, легко перескакивая через кусты йербы и обгоняя взметаемые ветром клочья летучей травы. Рядом, сгорбившись, бежал черный уродливый никор Нагрим, чьи гигантские ступни сотрясали землю и оставляли позади широкую полосу раздавленных растений. Следом, извиваясь на фоне просвечивающих сквозь него цветов огненного дерева, струился контур Моргарела-призрака.

Здесь склон Клаудмура поднимался все выше и выше похожими на волны мелкими холмами с зарослями кустарника между ними. Тишина лишь изредка прерывалась приглушенными расстоянием криками лесных зверей. Было темнее, чем обычно при рождении зимы: луны закатились, а от северного сияния осталась лишь тонкая мерцающая полоска над горным кряжем у северного края земли. Но звезды от этого казались ярче и теснились на небе плотнее, а Призрачная Дорога сверкала, словно усыпанная росой трава.

— Там, вверху! — заорал Нагрим, показывая всеми четырьмя руками, когда они одолели очередной подъем. Впереди мелькала маленькая искорка. — О-о-а! О-о-а! Мы их растопчем, или мы их разорвем на куски?

— Ничего такого мы не сделаем, костяная башка, — услышали они мысленный ответ Моргарела. — Если, конечно, они нас не атакуют. А этого не произойдет, если мы себя не выдадим. Нам приказано затаиться и вызнать их планы.

— Р-р-р-р. Я и так знаю их планы. Срезáть деревья, втыкать в землю плуги, сеять в полях свою проклятую траву и плодиться. Если мы их не прогоним до горьких вод, они станут слишком сильны для нас.

— Но не для Царицы! — горячо возразил Погонщик Тумана.

— Однако они, похоже, и в самом деле стали сильнее, — напомнил им Моргарел. — Мы должны действовать осторожно.

— Может, мы тогда осторожно на них наступим?

От этого вопроса на неспокойном лице Погонщика Тумана проснулась улыбка, и, хлопнув Нагрима по чешуйчатой спине, он сказал:

— Молчи, а то у меня уши болят. А еще лучше и не думай — от этого болит голова у тебя. Бегом! Вперед!

— Полегче, — осадил его Моргарел. — У тебя слишком много энергии, рожденный-от-человека.

Погонщик Тумана скорчил ему физиономию, но послушался и сбавил шаг. Теперь он двигался осторожнее, прячась, где возможно, за кустами. Ибо он отправился в путь по велению Прекраснейшей вызнать, что привело сюда тех двоих смертных.

Может быть, они ищут ребенка, что унес Айох? (Мальчик по-прежнему плакал, звал маму, но по мере того, как ему открывались все новые и новые чудеса Кархеддина, реже и реже.) Может быть и так. Птицелет доставил их машину к покинутой лагерной стоянке, откуда они двигались расширяющейся спиралью. Но когда им так и не удалось обнаружить никаких следов мальчишки в окрестностях лагеря, они все равно не вызвали птицелет, чтобы вернуться к себе. И вовсе не потому, что погода мешала распространению волн их дальноречника, как это порой случалось. Вместо того они направились к горам Лунного Рога, и этот путь должен привести их мимо нескольких поселений захватчиков на земли, где никогда не ступала нога человека.

Значит, это не праздная прогулка. Но тогда что же?

Теперь Погонщик Тумана понимал, зачем она, которая правит, заставляла своих приемных детей из смертных учить или хранить в памяти неуклюжий язык прародителей. Он всей душой ненавидел эту зубрежку, совершенно чуждую Истинным Обитателям. Но, разумеется, никто не вправе ослушаться ее, и со временем становится понятно, насколько она мудра...

Оставив Нагрима за скалой — польза от него все равно только в драке, — Погонщик Тумана пополз вперед, перебираясь от одного куста до другого, пока не оказался совсем рядом с людьми. Мягкие листья дождевальника укрывали его тенью и гладили по голой спине. Моргарел взлетел на вершину дрожелиста, где беспокойная зелень дерева совсем спрятала его призрачный силуэт. Однако и от него тоже мало помощи. Вот это тревожило, даже пугало больше всего. Призраки всегда умели не только чувствовать и передавать мысли, но и насылать чары. Однако в этот раз Моргарел доложил, что его усилия словно бы отскакивают от какой-то невидимой, холодной стены, окружающей машину...

Никаких охранных механизмов и сторожевых собак у мужчины и женщины не было. Видимо, им казалось, что в этом нет необходимости, потому что они ночевали в своей большой машине. Но разве можно допускать такое презрительное отношение к мощи Царицы?..

В отблесках костра, горевшего между мужчиной и женщиной, слабо отсвечивали металлические стенки фургона. Люди кутались в теплые куртки, но Погонщику Тумана это казалось лишним — даже без одежды он едва чувствовал холод. Мужчина пил дым. Женщина смотрела поверх его головы куда-то вдаль и, сидя перед ярким костром, видела, наверно, лишь один непроницаемый мрак. Танцующий огонь освещал ее целиком, и — да, судя по рассказам Айоха, это та самая женщина, мать похищенного ребенка.

Айох тоже хотел пойти с ним, но Восхитительная запретила. Пэкам трудно сохранять неподвижность подолгу, и поэтому он для такого задания не годился.

Мужчина потягивал трубку. Щеки его проваливались внутрь, сразу скрываясь в тени, и в тот же момент нос и лоб освещались маленьким красным заревом, отчего он вдруг становился пугающе похож на птицу-клювореза, которая вот-вот бросится на добычу.

— ...и я снова могу повторить: «Нет. У меня нет никаких теорий», — говорил мужчина. — Когда фактов недостаточно, теоретизировать в лучшем случае глупо, а в худшем — небезопасно.

— Тем не менее у тебя есть какие-то идеи, — сказала женщина.

Ясно было, что они говорят на эту тему не в первый раз. Ни один Истинный Обитатель не обладал такой настойчивостью, как она, или таким терпением, как он.

— Все это снаряжение, что ты взял с собой... И генератор, который работает у тебя постоянно...

— У меня есть рабочая гипотеза. Исходя из нее, я и подобрал снаряжение.

— А почему ты не хочешь рассказать мне о деталях?

— Сама гипотеза предполагает, что в настоящее время это неразумно. Я пока, можно сказать, пытаюсь проникнуть в лабиринт и еще не выбрал путь. У меня даже не было пока возможности использовать всю аппаратуру. Мы сейчас защищены только от так называемого телепатического воздействия...

— Что? — удивленно воскликнула женщина. — Ты хочешь сказать, что все эти легенды о существах, которые читают мысли... — Она умолкла, и ее обеспокоенный взгляд метнулся в темноту за спиной мужчины.

Он же чуть наклонился вперед, и вместо отрывистой деловитости в его голосе явственно послышалась заботливость, даже мягкость:

— Барбро, ты все время мучаешь, изводишь себя, но этим ты вряд ли поможешь Джимми, если он еще жив. Да и мне твоя помощь тоже еще может понадобиться. Нам предстоит долгий путь, и будет только лучше, если ты сразу свыкнешься с этой мыслью.

Она нервно кивнула, закусила губу, потом ответила:

— Я постараюсь.

Мужчина улыбнулся, не выпуская трубки изо рта.

— Думаю, тебе это удастся. Я сразу понял, что ты не из тех, кто

хнычет, или отказывается от задуманного, или упивается своим несчастьем.

Рука женщины невольно опустилась на рукоять пистолета, висевшего на поясе. Голос ее изменился, каждое слово вырывалось теперь из нее, словно нож, вылетающий из ножен.

— Когда мы их найдем, они еще узнают, кто я такая. И кто такие люди.

— Лучше умерь свою злость, — посоветовал мужчина. — Мы не можем позволить себе бурные эмоции. Если аутлинги действительно существуют, что я вполне допускаю, они защищают свою собственную землю. Мне хотелось бы думать, что, если бы первые поселенцы нашли тут живых хозяев планеты, люди не стали бы колонизировать Роланд. Но сейчас говорить об этом уже поздно. Ничего нельзя вернуть назад. Мы ведем войну с врагом настолько хитрым, что он скрыл от нас сам факт этой войны.

— Ты полагаешь, это настолько серьезно? Я хочу сказать, что они всего лишь таятся и время от времени похищают младенцев...

— Это тоже часть моей гипотезы. Подозреваю, что дело тут не просто в стремлении досадить или навредить по мелочам; на самом деле здесь тактика, конкретное проявление коварного и невероятно сложного стратегического плана.

Костер трещал и плевался искрами. Мужчина некоторое время курил молча, раздумывая о чем-то своем, потом продолжил:

— Я не хотел вселять в тебя необоснованные надежды или излишне будоражить воображение, пока тебе приходилось ждать сначала в Рождественской Посадке, а после в Портолондоне. Затем мы были слишком заняты, пытаясь доказать себе, что Джимми унесли дальше, чем он мог бы уйти сам. И у меня просто не было раньше возможности рассказать, насколько тщательно я изучил все доступные материалы о... Древних. Вначале я занимался этим, просто чтобы доказательно отвергнуть любое, даже самое невероятное предположение. И никаких других результатов, кроме опровержения, я не ожидал. Но тем не менее проработал все, что мог: археологические находки, анализы, рассказы очевидцев, журналистские отчеты, монографии. Я разговаривал с дальнопоселенцами, которых застал в городе, и несколькими учеными, которых это хоть немного волновало. Мне всегда легко удавалось приобретать новые знания, и без ложной скромности могу сказать, что я стал неплохим экспертом по аутлингам, хотя, видит Бог, фактов тут на самом деле всего ничего. Кроме того, я в определенном смысле новичок на Роланде, и, возможно, мне удалось подойти к проблеме непредвзято, подметить некоторые странности. Если аборигены вымерли, тогда почему так редко встречаются их останки? Арктика на самом деле не так уж велика и вполне пригодна для жизни. Население, которое тут, по идее, могло существовать, должно было оставить множество артефактов, накапливавшихся тысячелетиями. Я когда-то читал, что на Земле были найдены буквально десятки тысяч каменных топоров,

причем по большей части не при археологических раскопках, а случайно. Но хорошо. Предположим, ископаемые останки и различные предметы удалили, спрятали намеренно — за время между отлетом последней разведывательной группы и прибытием первых кораблей с колонистами. Мне даже удалось найти в дневниках первых исследователей Роланда кое-какие доводы в пользу этого предположения. Они тогда были слишком заняты проверкой условий жизни на планете, чтобы каталогизировать примитивные монументы, но записи тех лет свидетельствуют, что им довелось увидеть гораздо больше, нежели колонистам. Можно предположить, что все наши находки — это лишь остатки материальной культуры, которые аборигены забыли или не успели спрятать. Подобное допущение говорит в пользу их развитости, способности планировать на много лет вперед, верно? А это, в свою очередь, предполагает, что так называемые Древние были отнюдь не только охотниками или примитивными земледельцами.

— Но никто никогда не видел здесь строений, машин или вообще чего-то подобного, — возразила женщина.

— Согласен. И скорее всего аборигены развивались совсем другим путем, отличным от нашей индустриально-металлургической эволюции. Я вполне могу представить себе эти другие пути. Возможно, их цивилизация по-настоящему началась с биологических наук и биотехнологии. Возможно, они развили какие-то особенности нервной системы, которые у них проявились сильнее, чем у людей. Как тебе известно, и у нас такое случается. Лозоходцы, например, на самом деле просто чувствуют местные изменения интенсивности магнитного поля, вызванные уровнем залегания грунтовых вод. Однако у людей подобные таланты встречаются невероятно редко, и поэтому мы переключились на другие задачи. Зачем нужна телепатия, если есть визифон? А вот Древние, очевидно, решили наоборот. Возможно, мы просто не распознали тогда и не замечаем сейчас настоящих доказательств высокого уровня развития их цивилизации.

— Они могли бы показаться людям. Зачем прятаться?

— Я мог бы предположить сразу несколько причин. Скажем, они были напуганы, потому что им уже доводилось встречаться с воинственными инопланетянами. Вряд ли мы единственная раса в Галактике, освоившая межпланетные перелеты. Однако, как я говорил раньше, глупо теоретизировать, не имея фактов. С уверенностью можно сказать только одно: если эти Древние существуют, мы с ними очень разные.

— При том, как тщательно ты относишься к фактам, это слишком невероятная идея.

— Но я ведь уже признал, что это всего лишь предположение, — он сощурился от дыма и взглянул на нее в упор. — Ты сама пришла ко мне, уверяя, что мальчика похитили, хотя официальная точка зрения была иная. Но твои выдумки про сектантов, которые крадут

детей, это полная ерунда. Почему ты не хочешь поверить в существование аборигенов?

— Даже при том, что от этого, возможно, зависит, жив Джимми до сих пор или нет? Да? — женщина удрученно вздохнула, потом вздрогнула. — Может быть, я просто боюсь.

— Пока я не говорил ничего такого, о чем не писали бы в прессе, — сказал мужчина. — Согласен, это довольно безответственные выступления. За сотню лет никто так и не сумел обоснованно доказать, что аутлинги не суеверие, а реальность. Тем не менее некоторые ученые утверждали, что это по крайней мере возможно: в неосвоенных, неисследованных районах действительно могут скрываться разумные аборигены.

— Знаю, — сказала женщина. — Однако я не могу понять, с чего вдруг ты принял эти догадки всерьез.

— Когда ты заставила меня задуматься над проблемой, мне пришло в голову, что дальнопоселенцы Роланда живут далеко не так изолированно, как, скажем, какие-нибудь средневековые хуторяне. У них есть книги, телевизионная связь, электрооборудование, машины и, самое главное, современное научное образование. Почему же они стали суеверны? Что-то заставляет их... — он умолк на секунду. — Пожалуй, мне лучше не продолжать. Мои предположения идут гораздо дальше, но, если они верны, говорить об этом вслух небезопасно.

Погонщик Тумана почувствовал, как сжались у него мышцы живота. Опасность. Этот человек, похожий на птицу-клювореза, был явно опасен. Нужно будет предупредить Венценосную... На мгновение ему захотелось позвать Нагрима, чтобы тот убил этих двоих. Если никор нападет быстро, им не поможет даже их оружие... Хотя нет, нельзя. Возможно, они сообщили о своих планах дома или... Погонщик Тумана снова превратился в слух. Мужчина и женщина заговорили теперь на другую тему.

— ...почему ты остался на Роланде?

Мужчина улыбнулся тонкими губами.

— Можно сказать, жизнь на Беовульфе потеряла для меня остроту. Георот заселен достаточно плотно, прекрасно организован и удручающе скучен — во всяком случае, так было несколько десятилетий назад. Отчасти это положение сохранилось за счет новых поселений в долинах, куда стекались люди неудовлетворенные или недовольные, — нечто вроде предохранительного клапана. Но я плохо переношу повышенное содержание углекислого газа, а там без этого невозможно жить. Потом я узнал о готовящейся экспедиции, которая должна была посетить несколько колоний, где не имелось оборудования, чтобы поддерживать лазерный контакт. Ты, возможно, помнишь, что они ставили своей целью поиск новых идей в науке, искусстве, социологии, философии и вообще в любых областях, где есть что-нибудь ценное. Боюсь, на Роланде они нашли не особенно много такого, что могло бы пригодиться на Беовульфе. Но я добился

места на корабле и, увидев здесь новые для себя возможности, решил остаться насовсем.

— А там ты тоже был детективом?

— Да, служил в полиции. У нас это семейная традиция. Наверно, причиной тому отчасти далекие предки из племени чероки, если тебе это что-нибудь говорит. Но кроме того, по преданию у нас в роду был один из первых частных детективов на Земле, о котором сохранились сведения еще с докосмической эры. Не знаю уж, насколько это правда, но я всегда считал, что у него есть чему поучиться. Видишь ли, такой образ... — мужчина замолчал, и на лице его появилось обеспокоенное выражение. — Пора спать. Завтра утром нам предстоит долгий путь.

— Здесь утра не будет, — сказала женщина, вглядываясь в темноту.

Вскоре они легли спать. Погонщик Тумана встал и бесшумно размял затекшие ноги и руки. Прежде чем вернуться к Царице, он рискнул заглянуть в машину через заднюю стеклянную панель. Внутри стояли рядом две расправленные койки, где улеглись мужчина и женщина. Однако мужчина даже не прикоснулся к ней, хотя женщина была очень привлекательна, и, судя по разговору, ничего такого он делать не собирался.

Жуткие и непонятные существа. Холодные и бесчувственные, как глина. Неужели они захватят этот прекрасный дикий мир? Погонщик Тумана презрительно сплюнул. Так случиться не должно. И не случится. Она, которая правит, обещала.

Земли Уильяма Айронса простирались на много миль вокруг. Но такие большие площади требовались, потому что поместье должно было обеспечивать и его, и всех родственников, и домашний скот за счет местных культур, а наука об их разведении все еще находилась в зачаточном состоянии. При летнем свете и в оранжереях он выращивал кое-какие земные растения, но это уже скорее как роскошь. На самом деле будущее сельского хозяйства в северной Арктике лежало в таких культурах, как йерба для заготовки сена, батрихиза, из которой можно получать отличную древесину, перикуп, гликофилон, а позже, когда с ростом населения и промышленности расширится рынок, здесь можно будет выращивать даже халкантемы для городских цветочников и разводить роуверов ради пушнины.

Но это в будущем, до которого Айронс, похоже, дожить не надеялся, и Шерринфорду показалось, что судьбу всех остальных поселенцев этот человек представляет столь же пессимистично.

В ярко освещенной комнате было тепло. Весело трещал огонь в камине. Свет от флуоропанелей играл отражениями на резных самодельных комодах, стульях, в посуде, расставленной по полкам. Кругом висели цветные шторы и занавесочки. Сам хозяин, крепкий,

широкоплечий дальнопоселенец с бородой до пояса, сидел в кресле с высокой спинкой. Гостям, ему и сыновьям жена с дочерьми принесли кофе, чей аромат смешивался с еще не ушедшими запахами богатого ужина.

Но снаружи завывал ветер, сверкали молнии, грохотал гром, дождь буквально обрушивался на крышу и стены дома, с шумом и плеском стекая вниз и растекаясь по вымощенному булыжником двору. Сараи и хлева словно присели, съежились на фоне огромного темного неба. Стонали деревья, испуганно мычали коровы, и... не зловещий ли это смех пробивается сквозь буйство стихии? Новый порыв ветра принес с собой град, застучавший по черепице костяшками гигантских пальцев.

Сейчас очень хорошо чувствуется, как далеко живут другие люди, подумалось Шерринфорду. Однако это именно те люди, которых ты видишь чаще всего, с которыми договариваешься о делах по визифону (когда солнечная вспышка не превращает голоса в тарабарщину, а лица — в цветную мешанину) или лично, отмечаешь праздники, сплетничаешь, замышляешь интриги, породняешься. Это те люди, которые в конце концов тебя похоронят. А огни прибрежных городов очень далеко, чудовищно далеко.

Уильям Айронс был сильным человеком, и все же, когда он говорил, в его голосе чувствовался страх.

— Вы в самом деле собираетесь за кряж Троллей?

— Имеете в виду скалы Ханштейна? — переспросил Шерринфорд с вызовом.

— Ни один дальнопоселенец не называет их иначе как кряж Троллей, — сказала Барбро.

Но как возродилось тут это название? За много парсеков от Земли и спустя сотни лет после того, как закончилось ее средневековье?

— Однако в тех местах бывают охотники, трапперы, старатели-бродяги, как вы их называете, — уверенно заявил Шерринфорд.

— Не везде, — ответил Айронс. — Это разрешено уговором между человеком и Царицей, потому что когда-то давно один человек спас попрыгайца, покалеченного летучим дьяволом. Там, где растет плумабланка, человеку ходить можно, если он оставляет на каменных алтарях дары в обмен на то, что берет из тех земель. В других же местах... — Рука Айронса сжала подлокотник кресла и тут же обмякла. — В других местах это неразумно.

— Но люди там бывали.

— Бывали, бывали. И некоторые даже вернулись живы-здоровы, как они уверяют, да только я слышал, что никому из них с тех пор не везло. А кое-кто и не вернулся: люди порой просто исчезают. Есть и такие, кто возвращался с рассказами об ужасах и чудесах, но так до конца своих дней и оставался не в себе. Давно уже нет охотников нарушать уговор и переходить границу.

Айронс взглянул на Барбро почти умоляюще, и точно так же

смотрели на нее притихшие жена и дети. Завывающий на улице ветер с грохотом теребил ставни на окнах.

— И вам не советую, — закончил Айронс.

— У меня есть причины думать, что мой сын там, — ответила Барбро.

— Да, вы уже говорили, и я действительно сочувствую. Может быть, что-то сделать можно. Не знаю, что именно, но я с удовольствием положу на скалу Уивара двойное зимнее подношение или вырежу на земле молитву кремниевым ножом. Может, они его вернут. — Айронс вздохнул. — Хотя на моей памяти такого никогда не случалось. А потом ему могла выпасть и худшая доля. Я сам видел, как они носятся в сумерках сломя голову, и, похоже, они счастливее нас. Может, это и не добро вовсе — послать мальчишку домой.

— Как в песне про Арвида, — вступила в разговор жена.

Айронс кивнул.

— Хм. Да и в других тоже.

— О чем вы? — спросил Шерринфорд. Он еще острее почувствовал себя чужаком. Дитя города, техники и, превыше всего, дитя критической вдумчивости. А это семейство верило. И то, как в медленном кивке Барбро словно отразилась тень их покорности, задело и встревожило Шерринфорда.

— У нас на Земле Ольги Ивановой есть такая же баллада, — ответила Барбро. Слова самые обычные, но в голосе ее ощущалось беспокойство. — Одна из народных баллад. Никто не знает, кто все это сочинил, но обычно их поют для ритма в хороводах.

— В вашем багаже я заметила мультилиру, миссис Каллен, — сказала жена Айронса: ей явно не терпелось увести разговор от опасной темы неповиновения Древним, и она, видимо, решила, что пение послужит этой цели как нельзя лучше. — Вы не откажетесь спеть?

Барбро покачала головой. Предложение даже рассердило ее немного, и это было заметно по тому, как побелели у нее ноздри.

— Если наши гости не откажутся послушать, могу спеть и я, — быстро сказал старший сын хозяев с ноткой самоуверенности в голосе.

— Спасибо. Я бы с удовольствием послушал, — Шерринфорд откинулся на спинку стула и раскурил трубку. Если бы это предложение не возникло само собой, он бы специально направил разговор к такому же исходу.

В прошлом, до тех пор пока Барбро не пришла к нему со своим горем, у него просто не возникало необходимости изучать фольклор дальнопоселенцев, да и упоминания об этой стороне жизни в прессе тоже встречались нечасто. В последнее же время он все чаще приходил к мысли, что ему недостает понимания отношений, сложившихся между дальнопоселенцами Роланда и запугавшими их «призраками». Он не собирался изучать их с точки зрения антропологической науки, но полагал, что нужно хотя бы прочувствовать, узнать этот феномен.

Все задвигали стульями, забегали, потом снова расселись по местам. В чашки налили свежий кофе, рядом появились рюмки с бренди.

— Последнюю строчку нужно петь хором. Так что давайте все вместе, хорошо? — сказал старший сын Айронса.

Ему тоже явно хотелось как-то разрядить напряженность. Что это, подумал Шерринфорд, катарсис посредством музыки? И тут же ответил сам себе: нет, скорее — экзорцизм.

Одна из дочерей хозяев взяла в руки гитару, и юноша запел. И голос, и мелодия едва пробивались сквозь шум разгулявшейся снаружи стихии.

Бродил бродяга Арвид
Среди полей и холмов,
Под сенью лесных дрожелистов
И вдоль поющих ручьев.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Шептал бродяге ветер,
И в воздухе пахло травой,
Светили на небе две лунные лампы,
Холмы блестели росой.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Свою вспоминая подружку,
Что ждала, где солнца свет,
Он замер, увидев сиянье звезд,
Где звезд в самом деле нет.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет
А там под огромной скалою
Во мраке неверных теней
Резвился, приплясывал Древний народец
Среди золотых огней.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
И в танце каждый аутлинг,
Как ветер, огонь и вода.
Все пляшут под звуки серебряных струн
И не устают никогда.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.
Навстречу ему вдруг выходит
Царица ветров и тьмы,
И звездами блещет Царицы взгляд
И холодом дышит зимы.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.

Любовь, словно свет небесный,
Во взгляде ее горит.
Становится с Арвидом рядом Царица...

— Хватит! — Барбро, сжав кулаки, вскочила со стула. По ее щекам бежали слезы. — Как вы можете... такое... про этих тварей... Они же украли Джимми...

Выбежав из комнаты, Барбро поднялась по лестнице в гостевую спальню. Но балладу про Арвида она все-таки допела сама, и случилось это спустя несколько часов, когда они остановились на перевале, куда не осмеливались забираться даже самые отчаянные бродяги.

Все семейство Айронсов настойчиво уговаривало их оставить свои планы и не ходить в запретные земли, но они стояли на своем, и прощание получилось очень сдержанным. Оказавшись вдвоем в машине, движущейся на север, они тоже поначалу молчали. Однако мало-помалу Шерринфорд разговорил Барбро, попросив рассказать о себе. Через какое-то время, вспоминая дом и старых соседей, она даже забыла отчасти о своем горе. И как-то незаметно, за разговором Барбро сделала несколько важных открытий: например, что под строгими профессиональными манерами Шерринфорда на самом деле скрывается гурман, поклонник оперы, и что она ему, оказывается, небезразлична. Или что она сама все еще умеет смеяться и ценить красоту раскинувшихся вокруг диких земель. Неожиданно Барбро поняла, почувствовав себя при этом немного виноватой, что в ее жизни есть и другие надежды помимо той единственной — вернуть сына, которого подарил ей Тим.

— Я уверен, что он жив, — сказал Шерринфорд и нахмурился. — Откровенно говоря, я теперь жалею, что взял тебя с собой. Мне думалось, мы просто соберем кое-какие факты, но тут вырисовывается нечто большее. Если нам встретятся настоящие похитители Джимми, они могут оказаться и настоящей угрозой. Возможно, мне следует повернуть к ближайшему поселению и вызвать самолет, чтобы тебя забрали обратно.

— Черта с два я улечу обратно, — ответила Барбро. — Тебе все равно нужен кто-то, кто знает местные условия, и, кроме того, я очень неплохо стреляю.

— М-м-м... Помимо всего прочего вышла бы и большая задержка по времени. Мало того, что придется делать объезд, нужно будет также ждать, когда пройдет эта вспышка солнечной активности, и только потом мы сможем связаться с ближайшим аэропортом...

Следующей «ночью» Шерринфорд распаковал и подключил оставшееся оборудование. Какие-то приборы Барбро узнала: например, термодетектор. Другие были ей совершенно незнакомы. Многие из них делали перед выездом на заказ, копируя современные образцы с родной планеты Шерринфорда. О том, что это за приборы, он почти ничего не говорил.

— Я ведь уже высказывал предположение, — пояснил он, оправдываясь, — что наши противники обладают телепатическими способностями.

Барбро удивленно вскинула брови.

— Ты имеешь в виду, что Царица и ее люди действительно могут читать мысли?

— Но ведь отчасти поэтому легенды про них так и пугают, верно? Хотя на самом деле ничего сверхъестественного в этом феномене нет. Его изучали и достаточно хорошо изучили много веков назад, еще на Земле. В научных микрозаписях в Рождественской Посадке есть множество сведений о телепатии. У вас на Роланде просто не было пока повода ими воспользоваться, так же как данными о лазерной галактической связи и постройке космических кораблей.

— И как же телепатия работает?

Шерринфорд догадался, что она спрашивает не столько из интереса, сколько ради успокоения, и поэтому ответил намеренно сухо:

— Человеческий организм вырабатывает длинноволновое излучение, которое, в принципе, может модулироваться нервной системой. На практике слабость сигнала и малая способность передавать информацию вызывают определенные трудности при его улавливании и измерении. Наши далекие предки пользовались более надежными чувствами — зрением и слухом. Поэтому способность к телепатическому общению у нас едва-едва развита. Однако исследователи обнаружили несколько видов инопланетных существ, которые в своих собственных условиях развили систему дальше, чем мы, и добились ощутимых эволюционных преимуществ. Насколько я понимаю, такими существами могут стать, в частности, те, что получают мало света или прячутся в дневное время. Видимо, они могут обрести способность улавливать на небольшом расстоянии даже слабые телепатические излучения человека и заставлять его примитивные чувства резонировать в ответ на сильные устрашающие импульсы.

— Это объяснило бы очень многое.. — произнесла Барбро слабым голосом.

— Сейчас мы вместе с машиной экранированы гасящим полем, — сказал Шерринфорд, — но оно распространяется всего на несколько метров в стороны от шасси. Если бы ты знала, что именно я собираюсь делать, то за пределами поля их разведчик мог бы получить предупреждение прямо из твоих мыслей. У меня самого подсознание отлично тренировано, и снаружи я думаю обо всем этом только по-французски. Любое сообщение, чтобы его можно было понять, должно иметь определенную структуру, а структура этого языка довольно сильно отличается от английского. На Роланде английский — единственный язык, и Древние наверняка его уже выучили.

Барбро кивнула. Пока он рассказал ей об общем плане, который и так был слишком очевиден, чтобы его скрыть. Проблема заключалась в том, чтобы найти контакт с аутлингами, если те существуют. До сих пор они лишь изредка показывались одному, от силы нескольким жителям этой глухомани. И способность вызывать галлюцинации только помогала им. Они наверняка старались бы держаться подальше от любой большой экспедиции на их территории — с большой группой людей им, возможно, просто не справиться. А вот два человека, осмелившихся нарушить запрет, скорее всего не вызовут у них никаких опасений. И это будет самая первая исследовательская группа, не только работающая, исходя из предположения, что аутлинги действительно существуют, но и оснащенная современными ресурсами инопланетной полицейской технологии...

Во время той стоянки ничего не произошло. Шерринфорд сказал, что он ничего здесь и не ожидал. Так близко от поселений Древние всегда держались осторожно. На своих же собственных землях они, возможно, будут смелее.

К наступлению следующей «ночи» машина зашла уже довольно далеко на территорию аутлингов. Когда Шерринфорд остановился на небольшой поляне и выключил мотор, со всех сторон будто накатила тяжелая гнетущая тишина.

Они вышли из кабины. Барбро достала плитку и занялась приготовлением ужина. Шерринфорд тем временем собирал дрова, решив, что позже им, возможно, захочется разжечь костер и это немного скрасит остаток суток. Время от времени он поглядывал на запястье, где вместо часов поблескивал радиоиндикатор, показывающий, что регистрируют приборы в машине.

Да и зачем здесь нужны часы? За сияющей пеленой северного сияния медленно ползли ленивые созвездия. Луна Альда зависла над далеким снежным пиком, заливая его серебряным блеском. Остальные же горы скрывались под густым покровом леса — в основном дрожелист, и лишь кое-где выглядывали из густой тени пушистые белые кроны плумабланки. Неподалеку, словно тусклые фонари, светились гроздьями цветов несколько огненных деревьев. От густого кустарника ветер доносил приятный сладковатый запах. В синих сумерках виделось удивительно далеко. А где-то совсем рядом журчал ручей и насвистывала птица.

— Красивые здесь места, — сказал Шерринфорд, когда они закончили ужин, но еще не разожгли костер.

— Но все-таки какие-то чужие, — тихо ответила Барбро. — Мне иногда кажется, что это все не для нас. Можем ли мы надеяться покорить этот мир?

— Человек бывал и в более странных местах, — произнес Шерринфорд, указывая трубкой на звезды.

— Да... Я... Видимо, у меня это осталось еще с детства, которое прошло среди дальнопоселенцев, но, знаешь, глядя на звезды, я не

могу думать о них как о газообразных сферах, чьи энергетические параметры давно измерены, а планеты исхожены. Нет. Они маленькие, холодные, волшебные. С ними связана жизнь каждого из нас, а когда мы умираем, они шепчут нам что-то даже в могилах, — она потупила взгляд. — Я, конечно, понимаю, что все это чушь.

Даже в темноте Барбро заметила, как напряглись у него мышцы лица.

— Почему же, — сказал Шерринфорд. — С точки зрения эмоций физика — еще бо́льшая чушь. И в конце концов, спустя несколько поколений, мысль начинает следовать за чувствами. В сердце своем человек отнюдь не рационален. Он вполне может перестать верить в науку, если она уже не кажется верной... Эта баллада, что они так и не закончили, — почему она так на тебя подействовала?

— Я не могла слушать, как их... превозносят. Так мне, по крайней мере, показалось. Извини, что я все испортила.

— Насколько я понял, это всего лишь одна баллада из целого цикла ей подобных?

— М-м-м... Мне никогда не приходило в голову считать их. На Роланде, похоже, просто нет времени для фольклористики или, вернее, никто еще просто не занимался этим всерьез. А вот сейчас, когда ты спросил, мне самой стало удивительно, сколько существует песен и сказок, в которых присутствует тема Арвида.

— Хотел попросить тебя пересказать, что там дальше. Не трудно?

— Не трудно. Если хочешь, я сделаю еще лучше. Сейчас достану мультилиру и спою.

И она спела, правда, пропуская в конце строфы, где аккорды становились громче и звонче, гипнотизирующий рефрен везде, кроме самого конца баллады. Барбро стояла на фоне звезд и северного сияния, а Шерринфорд глядел на нее не отрываясь.

...Становится с Арвидом рядом Царица
И тихо ему говорит:

«Сойди с коня, о, Арвид,
Останься навеки тут.
Зачем тебе быть человеком?
Ведь это тяжелый труд».

«Я должен вернуться к людям, —
Таков был его ответ. —
Ведь ждет меня там подружка,
Где солнечный яркий свет.

И ждет меня там работа,
И ждут меня там друзья,

А если я все это брошу,
То разве я это я?

Оставь свои чары, Царица,
Ты можешь меня погубить,
Но все же тебе при всей твоей власти
Свободы меня не лишить».

Объятая северным светом,
В глазах — лютый холод зимы,
Стояла, прекрасна и недоступна,
Царица ветров и тьмы.

Хрустальный смех Царицы
Наполнил презреньем слова:
«Тебя заставлю я страдать
Без чар и волшебства.

Ведь жить ты будешь долго,
В памяти вечно храня
Наш лунный свет и музыку нашу,
Наш ветер, росу и меня.

Все эти воспоминанья —
Они ходят следом как тень,
И даже во сне они будут рядом,
Когда кончается день.

И в будни, и в праздник с друзьями
Печаль тебя будет глодать.
Ты будешь помнить, кто ты есть
И кем ты мог бы стать.

С той глупой, скучной женщиной
Живи хоть целый век.
Иди же к себе, бродяга Арвид,
Ведь свободен ты, человек».

В мгновение ока исчезло
Веселье на склоне горы,
И Арвид остался один в лунном свете,
Рыдая до самой зари.
Вьется под деревом наш хоровод,
Где огнецвет цветет.

Допев, Барбро сразу отложила мультилиру в сторону. В ветвях деревьев, не переставая, шумел ветер. Шерринфорд долго молчал, потом наконец спросил:

— И подобные истории играют значительную роль в жизни дальнопоселенцев?

— Можно и так сказать, — ответила Барбро. — Хотя не все они о сверхъестественном. Есть баллады и сказки о любви, о героизме. Тоже вполне традиционные темы.

— Я не думаю, что здесь эта традиция выросла сама по себе, — произнес он бесцветным голосом. — По правде сказать, я думаю, очень многие из ваших песен и сказок сочинены не людьми.

Шерринфорд замолчал и больше к этой теме не возвращался. Спать они легли рано.

А спустя несколько часов их разбудил сигнал тревоги.

Жужжание сигнала, хотя тихое и неназойливое, разбудило их мгновенно. На всякий случай они спали не раздеваясь. Через купол фургона пробивались слабые отблески северного сияния, но этого света было вполне достаточно. Шерринфорд спрыгнул с койки, надел ботинки и прицепил к поясу кобуру.

— Не выходить! — приказал он.

— Что там такое? — взволнованно спросила Барбро.

Шерринфорд внимательно изучил показания приборов и сверил их со светящимися индикаторами на запястье.

— Три живых существа, — сосчитал он. — Явно не дикие, что просто проходят мимо. Большое, судя по инфрадатчику, теплокровное и держится пока чуть поодаль. Другое... хм, температура невысокая, излучение нестабильное, диффузное. Словно это какой-то рой клеток, координируемых, может быть, феромонами. Оно вроде как парит и тоже в отдалении. Зато третье — практически рядом, обходит нас, прячась в кустах. И его комплекс сигналов напоминает человеческий.

Барбро заметила, что все его академические манеры исчезли и он буквально дрожит от возбуждения.

— Я попробую взять его, — сказал Шерринфорд. — Тогда у нас будет кого допросить... Будь наготове, чтобы быстро впустить меня обратно. Но ни в коем случае не выходи. И держи вот это под рукой. — Он передал ей заряженную крупнокалиберную винтовку.

Высокий худой силуэт Шерринфорда переместился к двери, изготовился к броску. Дверь бесшумно приоткрылась, и в фургон потянуло холодным воздухом, насыщенным влагой, свежестью и ночными шорохами. Теперь на небе появился Оливер; свечение обеих лун казалось неестественно ярким, а беспокойное северное сияние стало бледным и призрачно-голубым.

Шерринфорд снова взглянул на свой индикатор. Очевидно, тот указывал и положение наблюдателей, прячущихся в пестрой листве. Неожиданно он выпрыгнул наружу, пронесся мимо погасшего костра и скрылся за деревьями. Руки Барбро невольно сжали ружье.

Лужайка словно взорвалась треском сучьев и звуками борьбы, а секунду спустя из кустов выкатились две человеческие фигуры. Шерринфорд удерживал своего противника железным захватом. В серебристых отсветах луны и всполохах северного сияния Барбро успела заметить, что это длинноволосый юноша, обнаженный и очень гибкий. Сопротивлялся он отчаянно, пихался ногами, царапался и пытался укусить. При этом еще и дико улюлюкал.

Барбро мгновенно догадалась, что видит оборотня — ребенка, украденного у дальнопоселенцев и выращенного Древними. В такое же существо они хотели превратить и Джимми.

С резким выкриком Шерринфорд развернул противника лицом к себе и тут же двинул его в солнечное сплетение. Тот шумно выдохнул и осел, после чего Шерринфорд без труда потащил его к машине.

Но в этот момент из леса появился великан — огромный словно дерево, такой же черный и корявый, с четырьмя кривыми, похожими на сучья руками. Земля задрожала под его поступью, а хриплый оглушительный рев заполнил, казалось, все окружающее пространство.

Барбро вскрикнула. Шерринфорд обернулся и выдернул из кобуры пистолет. Сухие звуки выстрелов напоминали щелчки кнута. Левой рукой Шерринфорд по-прежнему держал юношу в захвате. Гигантский тролль покачнулся под ударами пуль, но устоял и снова двинулся вперед — медленнее, осторожнее, в обход, чтобы отрезать его от фургона. С пленником Шерринфорд не мог двигаться быстрее, но выпустить его означало потерять, возможно, единственный ключ к Джимми.

Барбро выпрыгнула из фургона.

— Не сметь! — закричал Шерринфорд. — Ради бога, оставайся внутри!

Чудовище зарычало и потянулось в ее сторону лапой. Барбро нажала на курок, и винтовка с силой ударила ее в плечо. Гигант покачнулся и упал, но потом снова поднялся на ноги и, переваливаясь, двинулся к ней. Барбро отступила. Еще выстрел. Еще. Чудовище разинуло пасть, и опять раздался оглушительный рев. Темными маслянистыми каплями среди росы заблестела в траве его кровь. Секунду спустя оно развернулось и, ломая ветви, скрылось из виду во мраке леса.

— Назад! — закричал Шерринфорд. — Ты вышла за пределы поля!

Над головой Барбро пронеслось что-то зыбкое, призрачное. Она едва заметила движение, но тут увидела на краю поляны еще одну фигурку.

— Джимми! — вырвалось у нее.

— Мама! — Джимми протянул к ней руки. В слезинках, сбегающих по щекам малыша, блеснул лунный свет.

Барбро бросила винтовку и рванулась к Джимми.

Шерринфорд дернулся было за ней, но Джимми ускользнул в кусты, и она, продираясь сквозь колючие ветки, скрылась там же. А потом ее схватили и понесли.

Не спуская глаз с пленника, Шерринфорд увеличил свет, и дикий пейзаж за окнами фургона скрылся под холодными отражениями в стекле. Юноша сощурился, пряча глаза от яркого безжизненного света.

— Ты будешь говорить, — сказал Шерринфорд спокойно, несмотря на усталость.

Юноша сердито сверкнул глазами из-за спутанных волос. Пока Шерринфорд пытался догнать Барбро, он почти пришел в себя и едва не убежал. Миндальничать было некогда — вот-вот могли прибыть подкрепления аутлингов, — и Шерринфорд просто двинул его так, что тот потерял сознание, потом затащил в машину. Теперь юноша сидел привязанный к вращающемуся стулу.

— Говорить с тобой, презренный человек? — он сплюнул на пол, но на лбу у него выступили капли пота, а взгляд беспокойно метался по металлической камере.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя?

— Так я тебе и сказал. Не хватало еще, чтобы ты наслал на меня чары.

— Меня зовут Эрик. И если ты не оставишь мне выбора, я буду называть тебя... м-м-м... Недоумком.

— Что?.. — Хотя и воспитанный какими-то жуткими сверхъестественными существами, пленник все же оставался обычным подростком.

— Тогда — Погонщик Тумана. — Странное ритмичное произношение английских слов только добавляло им загадочности.

— Но это просто разговорное имя, не больше.

— А у тебя есть еще и тайное, которое ты считаешь настоящим?

— Она считает. Я его и сам не знаю. Зато она знает настоящие имена любого из живущих.

— Она? — Шерринфорд удивленно поднял брови.

— Она, которая правит. Надеюсь, она простит меня, но со связанными руками я не могу сделать священный жест. Кое-кто из захватчиков называет ее Царицей ветров и тьмы.

— Так-так, — Шерринфорд достал трубку, набил ее табаком и в полном молчании раскурил. — Должен признаться, Древние оказались для меня сюрпризом. Никак не ожидал, что с вами окажется этот жуткий гигант. Я думал, что они обрабатывают моих

соплеменников — кстати, и твоих тоже, парень, — лишь коварством, обманом и иллюзиями.

Юноша горделиво вскинул голову.

— Она создала первых никоров не так давно. Поверь, в ее распоряжении отнюдь не одни только иллюзии.

— Верю. Однако пуля со стальной оболочкой тоже действует неплохо, а? — усмехнулся Шерринфорд, затем, словно бы сам себе, продолжил: — Я по-прежнему считаю, что эти м-м-м... никоры — да и все остальные полулюди — служат скорее для устрашения, чем для действий. А способность вызывать иллюзии наверняка ограничена и расстоянием, и числом тех, кто ею обладает. Иначе Царице не пришлось бы действовать так осторожно. И даже за пределами гасящего поля Барбро — это моя спутница — смогла бы устоять против иллюзий, если бы догадалась, что видит перед собой мираж. Просто она была слишком потрясена, взволнована, одержима. — Шерринфорд покачал головой в окутавшем его облаке дыма. — Я тоже видел там кое-что, но это уже не важно. Она наверняка увидела что-то другое. Я думаю, нам просто скомандовали увидеть, как нечто самое желанное для нас на свете удаляется в лес. Надо полагать, она успела сделать всего несколько шагов, а потом ее схватил никор. Я решил, что выслеживать их будет совсем глупо: я ведь не следопыт, и, кроме того, в лесу слишком легко было бы устроить мне засаду. Поэтому я вернулся. И ты свяжешь меня со своей повелительницей. — Закончил он твердо.

— Ты думаешь, я отведу тебя в Звездную Гавань или в Кархеддин? Попробуй меня заставить!

— Я думаю, мы договоримся.

— И я подозреваю, ты рассчитываешь на нечто большее. — Погонщик Тумана оказался удивительно догадлив. — Что ты расскажешь, когда вернешься к себе домой?

— Да, это для вас проблема, не так ли? Барбро Каллен и я — не запуганные дальнопоселенцы. Мы — городские жители. Мы привезли с собой записывающую аппаратуру. Мы — первые, кто сможет сообщить о встрече с Древними, и наше сообщение будет подробным и доказательным. После этого люди не станут сидеть сложа руки.

— Я не боюсь смерти, — заявил Погонщик Тумана, хотя губы его при этом немного дрожали. — Если я позволю тебе проникнуть туда, чтобы лишить нас всех свободы, мне все равно незачем будет жить.

— Сейчас тебе бояться нечего, — сказал Шерринфорд. — Ты всего лишь приманка.

Он опустился на сиденье и взглянул на юношу оценивающим взглядом, хотя при воспоминании о Барбро все сжималось у него внутри.

— Сам подумай. Твоя Царица, понятно, не может отпустить меня назад с пленником и рассказом о том, что я видел. Как-то она должна этому помешать. Пробиться я сумею: машина защищена

лучше, чем ты думаешь. Но так мне никого не освободить, и поэтому я остаюсь на месте. Очевидно, свежие силы прибудут сюда со всей поспешностью, но я полагаю, они не станут бросаться очертя голову на машину с пулеметом, гаубицей и огнеметом. Каковы бы ни были их намерения, сначала они вступят в переговоры, и таким образом я добьюсь нужной мне встречи.

— Что ты задумал? — сердито пробормотал юноша.

— Для начала — вот это. Вместо приглашения. — Шерринфорд протянул руку и щелкнул переключателем. — Я убрал щит, мешающий читать мысли и наводить галлюцинации. Думаю, по крайней мере ваши вожаки почувствуют, что щит исчез. Возможно, это прибавит им уверенности.

— А потом?

— Потом посмотрим. Ты хочешь есть или пить?

В ожидании развития событий Шерринфорд пытался немного развеселить Погонщика Тумана, а заодно и узнать что-нибудь о его жизни, но тот отвечал коротко, односложно. Шерринфорд погасил свет в кабине и устроился в кресле поудобнее, наблюдая за поляной. Часы неопределенности тянулись долго.

Закончилось ожидание радостным полувскриком-полувсхлипом связанного юноши. Из леса вышел на поляну целый отряд Древних.

Некоторых из них было видно гораздо лучше, чем должно быть при скудном свете лун, звезд и северного сияния. Во главе отряда ехал на белом королевском олене с гирляндами на рогах мужчина невероятной, неземной красоты: его гордое холодное лицо обрамляли платиновые волосы, волнами спадавшие на плечи из-под рогатого шлема. Плащ трепетал за его спиной, словно живые крылья. Кольчуга цвета изморози позвякивала при каждом шаге оленя.

Чуть позади, слева и справа, ехали двое с мечами, на которых то и дело вспыхивали и мелькали крохотные огоньки. В небе с трелями и смехом кувыркались на ветру какие-то существа. Неподалеку от их стаи зависли полупрозрачные сгустки тумана. Остальных, что следовали за вождем между деревьями, разглядеть было труднее. Но они двигались быстро и грациозно, словно ручей из ртути, перетекающий под звуки арф и труб.

— Лорд Луихад. — В голосе Погонщика Тумана слышалось беспредельное обожание. — Сам главный Познаватель Царицы.

Никогда в жизни не выпадало Шерринфорду задачи тяжелее — сидеть у приборной панели, держа палец на переключателе генератора защитного поля, и ждать. Чтобы лучше слышать, он опустил стекло одной из секций кабины. В лицо ударил порыв ветра, смешанного с запахом роз, что росли в саду его матери. В салоне фургона связанный юноша изо всех сил напрягал мышцы, чтобы дотянуться лицом к окну.

— Поговори с ними, — приказал Шерринфорд. — Спроси, будут ли они разговаривать со мной.

Полилась незнакомая мелодичная речь. Ответили ему точно так же.

— Да, — перевел Погонщик Тумана. — С тобой будет говорить сам лорд Луихад. Но я могу сразу сказать, что тебя никогда отсюда не выпустят. Лучше не сопротивляться. Сдавайся. Выходи из машины. А то ты так и не узнаешь, что такое настоящая жизнь. Для этого надо хоть немного пожить в Кархеддине под горой.

Аутлинги приближались.

Джимми поманил и исчез. Барбро полулежала в крепких руках прижатая к широкой груди и чувствовала каждое движение коня под ней. Видимо, это действительно конь, смутно подумала она, хотя на дальних поселениях их почти уже не держали — разве что для каких-то особых целей или просто по привязанности. Она ощущала, как перекатываются его мышцы, слышала шелест стремительно раздвигаемых ветвей и тяжелый стук, когда копыто ударяло в камень. В окружающей ее темноте то и дело проскальзывало что-то живое, теплое.

— Не бойся, дорогая, — произнес всадник. — Это было видение. Но он ждет тебя, и скоро мы к нему приедем.

Смутно, в глубине сознания, Барбро понимала, что она должна испытывать ужас, смятение и еще что-то. Но память о прошлом осталась где-то позади. Она даже не знала, как попала сюда, чувствуя лишь, что любима. Покой, долгожданный покой, отдых в тихом предвкушении радости...

Спустя какое-то время лес кончился, и они выехали на широкий луг, где в отблесках лун лежали огромные валуны. Тени от них чуть шевелились в такт всполохам северного сияния. Над растущими между ними цветами, словно крохотные кометы, летали порхунчики. Впереди блестела гора, самый пик которой скрывался в облаках.

Барбро посмотрела вперед, увидела лошадиную голову и вдруг подумала: «Это же Самбо! Мой Самбо. Я каталась на нем в детстве». Потом она запрокинула голову и взглянула на мужчину в черном плаще с капюшоном, под которым лицо едва угадывалось.

— Тим.. — прошептала она, потому что просто не могла закричать.

— Да, Барбро.

— Но я похоронила тебя...

— Неужели ты думаешь, что мы — это всего лишь телесная оболочка, которую кладут в могилу? Бедняжка моя. Ту, которая позвала нас, зовут Целительница. А теперь отдыхай, спи.

— Сон... — пробормотала она, какое-то время еще пытаясь сопротивляться, но сил уже не осталось. Почему она должна верить пепельно-бледным сказкам про атомы, энергию?.. Сказки, которые она даже не может вспомнить... Ведь рядом Тим, и на коне,

подаренном ей еще отцом, они едут к Джимми. Сном была та, другая жизнь, а это ее первое робкое пробуждение.

Словно в ответ на ее мысли Тим проговорил:

— У аутлингов есть песня. Она называется «Песня о человеке»:

Мир плывет,
Его гонит невидимый ветер,
Впереди разгорается свет,
За кормой остается ночь...

Истинные Обитатели не знают такой печали.

— Я не понимаю тебя, — сказала Барбро.

Тим кивнул.

— Тебе еще многое предстоит понять, дорогая, и мы не сможем видеться, пока ты не познаешь основные истины. Но это время ты проведешь с нашим сыном.

Барбро попробовала приподняться и поцеловать его, но он удержал ее на месте.

— Рано. Ты еще не принята среди народа Царицы. Мне даже не следовало приезжать за тобой, но она была слишком великодушна, чтобы запретить. Ложись, ложись.

Время летело. Конь без устали скакал вверх по склону, ни разу не споткнувшись. Барбро заметила отряд, спускавшийся мимо них к западу на битву с... С кем? С тем, кто закован в сталь и сожаление... Позже она спросит себя и узнает, как имя того, кто доставил ее на землю Древних Истин.

Наконец впереди на фоне звезд — маленьких волшебных звезд, которые шепчут нам слова утешения, когда мы мертвы, — поднялись великолепные шпили. Они въехали во двор замка, где, не колеблясь, горели свечи, плескали фонтаны и пели птицы. В воздухе стоял запах цветов брока и перикупа, руты и роз — не все, что принес в этот мир человек, ужасно. Истинные Обитатели во всей своей красе ждали у входа, чтобы поприветствовать их. За стройными рядами встречающих играли в полутьме пэки; среди деревьев мельтешили дети; веселье сливалось с торжественной музыкой...

— Мы прибыли, — сказал Тим неожиданно хриплым, каркающим голосом.

Барбро даже не поняла, как он слез с коня, держа ее на руках. Теперь она стояла рядом с ним и вдруг заметила, что его качает.

— Тебе плохо? — со страхом спросила она и схватила Тима за руки, оказавшиеся вдруг холодными и грубыми на ощупь.

Самбо куда-то исчез. Барбро под капюшоном: здесь гораздо светлее, и она разглядит его лучше... Но лицо Тима оставалось расплывчатым и изменчивым.

— Что-то не так... Что происходит?

Тим улыбнулся. Неужели это та самая улыбка, которую она так обожала?

— Я... Мне надо идти, — с трудом выговорил Тим и так тихо, что она едва расслышала. — Наше время еще не пришло.

Он высвободился из ее объятий и оперся на фигуру в капюшоне, возникшую вдруг рядом. У голов обоих вилось нечто смутное и туманное.

— Не смотри, как я ухожу... обратно в землю, — молил Тим. — Это твоя смерть... Скоро придет наше время... Вон, наш сын!

Барбро не могла не обернуться. Она упала на колени, расставив руки в стороны, и Джимми врезался в нее, словно теплое, живое пушечное ядро. Барбро ерошила ему волосы, целовала шею, смеялась, плакала, лепетала какие-то глупости. Это был не призрак, не воспоминание, которое исчезнет, едва она отвернется. Барбро беспокойно перебирала в уме всяческие беды, которые могли выпасть на долю Джимми, — голод, болезни, страх — и не находила никаких признаков. Сады вокруг исчезли, но это уже не имело никакого значения.

— Я так скучал по тебе, мама. Ты останешься?

— Я заберу тебя с собой, золото мое.

— Останься. Здесь весело. Я тебе все покажу. Но ты обязательно оставайся.

Словно вздох, пронесся в сумерках порыв ветра. Барбро встала, и Джимми вцепился в ее руку. Перед ними стояла Царица. Высокая, очень высокая, в наряде, сотканном из северного сияния, в короне из звезд и гирляндах из цветов-недотрог. Позой она напоминала Венеру Милосскую, чье изображение Барбро часто видела на землях людей, но Царица выглядела несравненно красивее, и гораздо больше величия чувствовалось в ее осанке и сине-черных глазах. Снова восстали вокруг сады, воскресли придворные, вознеслись к небу высокие шпили.

— Добро пожаловать, — произнесла Царица, словно пропела. — Навсегда.

Но переборов страх, Барбро ответила:

— Праматерь Лун, отпусти нас.

— Этому не бывать!

— Отпусти нас в наш мир, маленький, но любимый, — молила Барбро, словно в полусне. — Мир, который мы построили для себя и которым дорожим ради наших детей.

— К дням заточения, к ночам, полным горести, к работе, которая рассыпается в пальцах, любви, которая превращается в гниль, или в камень, или в мусор, к потерям, к печали, к единственной уверенности, что впереди ничего не будет? Нет. Ты, которая будешь зваться отныне Странницей, тоже возрадуешься, когда знамена Северного Мира вознесутся над последним городом человека, и человек наконец оживет. А теперь иди с теми, кто будет тебя учить.

Царица ветров и тьмы подняла руку, призывая слуг, но вдруг замерла, и никто не явился на ее зов.

На фоне тихого шелеста фонтанов и мелодичной музыки нарастал свирепый рев. Метнулось пламя, где-то загрохотало, и придворные бросились врассыпную перед стальным чудовищем, взбиравшимся на скалу. Пэки испуганно взмыли в воздух и скрылись из виду. Никоры один за другим кидались навстречу машине и падали сраженные, пока Царица не закричала, чтобы они остановились.

Барбро повалила Джимми на землю и закрыла собой. Башни замка закачались и растаяли как дым. Под леденящим светом лун остался голый склон горы: камни, расселины, а чуть дальше — ледник, в прозрачной глубине которого пульсировало голубое отражение северного сияния. На вертикальной стене скалы чернел вход в пещеру. Древние с криками бросились в темный проем, ища спасения под землей. Бежали все: и люди, и гротескные создания вроде пэков, никоров и призраков, но больше всего было худощавых чешуйчатых существ с длинными клювами и длинными хвостами.

Джимми плакал, прижимаясь к груди Барбро — может быть, от страха, а может, от того, что растаяло очарование сказочного мира. На мгновение Барбро даже стало жаль Царицу. Та осталась теперь одна и стояла совершенно нагая. Но затем она тоже бросилась бежать, и мир вокруг Барбро рухнул.

Пулеметы смолкли, машина с лязгом остановилась. Из кабины выпрыгнул юноша и закричал во весь голос:

— Тень Сновидения, ты где? Это я, Погонщик Тумана! Иди сюда!

Только потом он сообразил, что приехавший с ним человек не понимает его слов, но продолжал кричать, пока девушка не выбралась из кустов, где спряталась с самого начала атаки. Некоторое время они молча смотрели друг на друга сквозь дым и пыль, пронизанные лунным светом. Затем девушка бросилась вперед.

А из кабины донесся еще один голос:

— Барбро! Скорее!

В Рождественской Посадке был день. Короткий в это время года, но все же день — с солнцем, голубым небом, белыми облаками, сверкающей водой, соленым ветром на улицах и организованным беспорядком в гостиной Шерринфорда.

Он долго перекладывал одну ногу на другую, тянул трубку, словно хотел поставить дымовую завесу, и наконец спросил:

— Ты уверена, что уже поправилась? Тебе не следует излишне волноваться.

— Не беспокойся, все хорошо, — ответила Барбро Каллен, хотя голос ее оставался бесцветным. — Усталость, конечно, еще чувствуется, и, наверно, это заметно. Но ничего удивительного тут нет: за одну неделю от такого трудно оправиться. Однако я встаю, хожу. И честно говоря, прежде чем осесть и начать набираться сил, мне не

терпелось узнать, что случилось там и что происходит сейчас. Ни в прессе, ни по телевидению ничего не было.

— Ты с кем-нибудь говорила о нашей экспедиции?

— Нет. Посетителям я просто отвечала, что слишком устала и не могу разговаривать. Не очень веселая жизнь. Но я решила, что для секретности есть какие-то причины.

Шерринфорд вздохнул с облегчением.

— И правильно. Это по моей просьбе. Ты можешь представить себе, что произойдет, если все станет известно широкой публике прямо сейчас? Власти согласились, что нужно изучить факты, обдумать, обсудить их в спокойной обстановке и выработать какую-то программу, которую можно будет предлагать населению Роланда. Иначе все просто свихнутся. — Он едва заметно улыбнулся. — А кроме того, и тебе, и Джимми надо привести нервы в порядок перед началом журналистского штурма. Как он там?

— Он-то ничего. По-прежнему пристает, чтобы мы отправились играть с его друзьями в Прекрасный Замок. Но в таком возрасте... Это пройдет. Он забудет.

— Возможно, он еще встретит своих друзей.

— Что? Мы... — Барбро чуть подвинулась в кресле. — Знаешь, я тоже забыла. В памяти почти ничего не осталось о последних часах. Мы привезли с собой кого-нибудь еще из похищенных?

— Нет. Они и так испытали слишком сильное потрясение, а тут еще проблема адаптации в обществе... Погонщик Тумана — парень вполне трезво мыслящий, он заверил меня, что, пока мы будем готовиться, они выживут. Но по правде сказать, я и сам не уверен, что это будут за приготовления. Никто пока не знает. Очевидно, они должны включать в себя какие-то меры, нацеленные на воссоединение этих людей с человечеством. Особенно тех, что еще не подросли. Хотя, возможно, они уже никогда не будут считать цивилизацию своим домом. Может, это и к лучшему: нам все равно как-то нужно будет поддерживать контакт с Истинными Обитателями.

Его ровный, почти лишенный эмоций голос действовал успокаивающе на обоих, и Барбро, собравшись с духом, сказала:

— Наверно, я вела себя как полная идиотка, да? Помню, что я кричала, выла и билась головой об пол.

— Забудь. Все нормально. — Шерринфорда по-прежнему беспокоило, что думает эта женщина о случившемся с ней и о его роли в недавних событиях. Он встал, подошел и положил руку ей на плечо. — Тебя заманили в ловушку искусной игрой на глубоких человеческих инстинктах, причем ты была взволнована и напугана. После, когда это раненое чудовище унесло тебя, очевидно, появилось еще одно существо, буквально накачавшее тебя иллюзиями с близкого расстояния. А потом мое прибытие, внезапное исчезновение всех галлюцинаций — должно быть, это подействовало очень сильно. Неудивительно, что ты кричала, словно от дикой боли. Однако

прежде ты все-таки успела посадить в машину Джимми, забралась сама и ни разу не пыталась помешать мне в дороге.

— А что ты сделал потом?

— Дунул оттуда на полной скорости. Через несколько часов магнитная буря немного поутихла, и я сумел связаться с Портолондоном, чтобы запросить самолет. Возможно, это было уже не так важно — Древние вряд ли смогли бы нас остановить, да они и не пытались, — но все же быстрый транспорт оказался нелишним.

— Это я примерно так себе и представляла. — Барбро поймала его взгляд. — Но я имела в виду другое. Как ты нас нашел?

Шерринфорд чуть отодвинулся.

— Дорогу указывал пленник. Я не думаю, что убил кого-то из тех, кто явился на поляну, чтобы разобраться со мной. Надеюсь. Я дал несколько предупредительных выстрелов и повел машину вперед, а потом просто обогнал их. Это даже нечестно — сталь и высокооктановое горючее против слабой плоти. А вот у входа в пещеру мне действительно пришлось застрелить десяток троллей. Поверь, я этим совсем не горжусь. — Он умолк на короткое время, потом закончил: — Но тебя взяли в плен. Я не знал, что они могут с тобой сделать, и тебе не на кого было больше рассчитывать. — Снова пауза. — Хотя на самом деле я человек мягкий.

— А как ты заставил... того парня... помочь?

Шерринфорд отошел к окну, откуда открывался вид на Северный океан.

— Я отключил гасящее поле и позволил отряду аутлингов подойти поближе. В полном блеске иллюзорного величия. А затем снова включил, и мы оба увидели их так, как они выглядят в действительности. По дороге на север я объяснил Погонщику Тумана, что и его, и всех остальных людей обманывали, использовали, заставляли жить в мире, которого никогда не было. Спросил, хочется ли ему, чтобы он сам и те, кто ему близок, до самой смерти жили как прирученные животные — вроде бы и на свободе среди холмов, но чуть что, мысленный приказ: «Назад! В будку!» — Шерринфорд волновался и выпускал целые облака дыма. — Не дай Бог кому увидеть столько горечи на человеческом лице. Всю жизнь его заставляли верить, что он свободен.

В комнате наступила тишина, только шум транспортных потоков доносился снизу. Карл Великий спустился к самому горизонту, и небо на востоке уже потемнело. Наконец Барбро спросила:

— Ты узнал, для чего все это?

— Для чего они похищали детей и воспитывали их в таком духе? Отчасти для реализации своего давнего плана, а отчасти, чтобы изучать нас и экспериментировать. Мы нужны были им, потому что у людей есть особые способности, которые их интересовали. Например, способность переносить яркий дневной свет.

— Но какую конечную цель они себе ставили?

Шерринфорд отвернулся от окна и прошелся по комнате.

— Об этом трудно судить. Мы можем лишь догадываться о том, что они думают и, тем более, как на самом деле к нам относятся. Но, похоже, наши догадки подтверждаются объективными данными. Почему они прятались от людей? Подозреваю, что так называемые Древние или, вернее, их предки, поскольку ты сама знаешь, никакие они не эльфы, а обычные смертные, подверженные ошибкам существа, — так вот, я подозреваю, что поначалу аборигены осторожничали больше даже, чем некоторые примитивные племена на Земле, хотя и там встречались случаи, когда местные жители далеко не сразу открывались путешественникам. Шпионя и подслушивая мысли, обитатели Роланда в конце концов освоили язык настолько, что сумели понять, как сильно отличаются от них люди и как они могучи. Им стало известно, что скоро прибудут большие корабли с множеством поселенцев, но не пришло в голову договориться о своем праве на землю. Возможно, у них территориальные чувства развиты гораздо сильнее наших, и они решили сражаться, чтобы уничтожить нас, но по-своему. Я уверен, что, едва мы начнем изучать их образ мышления, с нашей психологической наукой произойдет нечто, подобное революции, которую Коперник совершил в астрономии. — Шерринфорд буквально загорелся. — И мы сможем обогатиться знаниями не только в этой области. У них тоже была своего рода наука — нечеловеческая, неземная. Ведь они наблюдали за нами очень пристально, даже разработали направленный против нас план, для которого потребовалось бы век или два. Возможно, они знают и что-то еще. На чем, например, держится их цивилизация без видимого сельского хозяйства, без наземных зданий, без шахт и тому подобного? Как им удается по желанию создавать новые виды разумных существ? Миллионы вопросов и десятки миллионов ответов!

— А сможем ли мы научиться чему-нибудь от них? — мягко спросила Барбро. — Или мы просто задавим их, как они того и боялись?

Шерринфорд остановился у каминной полки, оперся на нее локтем и, вынув трубку изо рта, ответил:

— Я надеюсь, мы окажемся благосклонны к поверженному врагу. Ведь они действительно враги. Они пытались покорить нас, но им это не удалось, а теперь мы в каком-то смысле обязаны покорить их. Древние ожидали, что еще увидят, как ржавеют наши машины, а вместо этого им придется смириться с существованием машинной цивилизации. С другой стороны, они никогда не поступали с нами столь же жестоко, сколь мы в далеком прошлом со своими собственными братьями. И, я повторяю, они способны научить нас многим чудесным вещам. Мы сможем ответить тем же, когда они станут более сдержанно относиться к чужому образу жизни.

— Очевидно, им выделят резервацию, — сказала Барбро и с недоумением взглянула на Шерринфорда, когда тот поморщился.

— Но за что же лишать их чести и достоинства? — спросил он. —

Они боролись, чтобы спасти свой мир вот от этого. — Шерринфорд махнул рукой в сторону города. — И я вовсе не исключаю, что, будь всего этого меньше, мы тоже жили бы гораздо счастливее.

Плечи у него поникли, и, тяжело вздохнув, он добавил:

— Хотя, я полагаю, если бы «королевство эльфов» победило, человечество на Роланде просто вымерло бы — тихо и даже умиротворенно. Мы живем со своими выдумками, но вряд ли бы прижились внутри этих образов.

— Извини, я тебя не понимаю, — покачала головой Барбро.

— А? — Он взглянул на нее с удивлением, мгновенно вытеснившим меланхолию, потом рассмеялся. — Это, конечно, глупо с моей стороны. За последние несколько дней я столько раз уже объяснял свою точку зрения политикам, ученым, полицейским и бог знает кому еще, что просто забыл рассказать об этом тебе. Смутная идея возникла у меня еще по дороге на север, но я не люблю обсуждать свои идеи до срока. Теперь же, когда мы встретили аутлингов и увидели, что они могут, я почувствовал себя гораздо уверенней. — Он снова набил трубку и продолжил: — Я, например, всю свою сознательную жизнь тоже играл определенный образ. Образ рассудительного сыщика. И это, как правило, не сознательная поза, а просто образ, который лучше всего соответствует складу моего характера и профессиональному стилю. Но у большинства людей, независимо от того, слышали они про оригинал или нет, такой образ вызывает вполне определенную реакцию. Это довольно распространенное явление. В жизни нам нередко встречаются люди, которые в разной степени напоминают Христа, Будду, Прародительницу Земли или, если попроще, Гамлета или д'Артаньяна. Эти исторические, литературные или мифические фигуры концентрируют в себе определенные базовые аспекты человеческой психики, и, встречая их воочию, мы реагируем гораздо глубже, чем на сознательном уровне. — Тут его голос стал гораздо серьезнее. — Помимо этого, человек всегда создавал образы или концепции, которые нельзя назвать личностями: чудовища, тени, дальние миры. Мир волшебства и чар — что раньше называлось колдовством — мир получеловеческих существ вроде Ариэля или Калибана, свободных от немощей и забот простых смертных, а следовательно, чуть беззаботно-жестоких, игривых. Существа, что кроются в сумерках, пронзаемых лунным светом, не совсем боги, но они подвластны повелителям достаточно загадочным и могущественным, чтобы... Да, наша Царица ветров и тьмы отлично знала, какие видения подбрасывать отрезанным от больших поселений людям, какими иллюзиями окручивать их время от времени, какие песни и легенды пустить среди них. Интересно, сколько на самом деле она и ее подручные почерпнули из земных сказок, сколько придумали сами и сколько туда добавили люди уже здесь, сейчас, невольно подчиняясь ощущению, что живешь на краю мира?

Комнату постепенно заполнили вечерние тени. Стало прохладнее, и шум транспорта, доносившийся с улицы, заметно уменьшился.

— А какой в этом вред? — тихо спросила Барбро.

— В каком-то смысле дальнопоселенец все-таки живет тут словно в средневековье. У него мало соседей, он редко слышит новости извне и живет, обрабатывая землю, которую знает лишь отчасти. Кругом нескончаемые дикие леса, а сама планета может в любую тихую ночь обрушить на поселенца совершенно непредсказуемые бедствия. Машинная цивилизация, что доставила на Роланд его предков, здесь едва угадывается. И он запросто может потерять с ней всякую связь — так же, как люди забыли в средние века Грецию и Рим, как забыла сейчас свое былое величие сама Земля. Можно накачивать его образами загадочного мира — долго, упорно, исподволь — до тех пор, пока он не проникнется верой, что волшебство Царицы ветров и тьмы сильнее энергии моторов, созданных руками человека, и тогда сначала душой, а затем и делами он последует за ней. Конечно, это не делается быстро. В идеале процесс должен идти очень медленно — так, чтобы его никто не заметил, особенно самодовольные жители городов. А когда поселенцы скатятся к примитивному существованию и в конце концов отвернутся от горожан, те просто умрут с голоду.

— Как сказала Царица, мы сами возрадуемся, когда знамена Северного Мира вознесутся над последним городом человека...

— Возможно, так бы оно и случилось, — признал Шерринфорд. — Но я все же предпочитаю выбирать свою судьбу сам.

Он передернул плечами, словно стряхивая с себя тяжелую ношу, потом выбил трубку и медленно, с чувством потянулся.

— Теперь, впрочем, ничего страшного с нами не случится.

— Благодаря тебе, — сказала Барбро, глядя на него в упор.

Щеки у Шерринфорда слегка порозовели.

— Я думаю, рано или поздно кто-нибудь другой... Гораздо важнее, что мы будем делать дальше, а это для одного человека или даже для одного поколения вопрос слишком сложный.

— Да, если только это не личный вопрос, Эрик, — сказала она, чувствуя, как горят у нее щеки, и с удивлением отметила, что он тоже взволнован.

— Я надеялся, что мы увидимся вновь.

— Обязательно увидимся.

Айох сидел на кургане Воланда. Северное сияние полыхало так ярко и такими огромными полосами света, что за ним почти не видно было ущербных лун. Цветы огненного дерева опали — лишь несколько бутонов еще продолжали светиться среди корявых корней и в зарослях сухого брока, теперь уже ломкого, трескучего, пахнущего дымом. В воздухе еще держалось тепло, но на западе, где скрылось за горизонтом солнце, не осталось даже намека на его розовые отсветы.

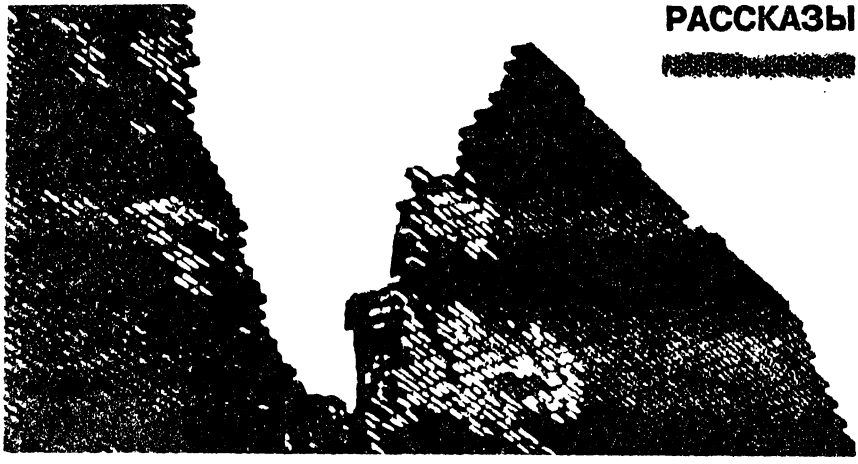
— Прощайте. И удачи вам, — крикнул пэк.

Погонщик Тумана и Тень Сновидения даже не обернулись — возможно, просто не осмелились — и вскоре скрылись в темноте в направлении разбитого людьми лагеря, что светился огнями, словно новое яркое созвездие на южном небосклоне.

Айох медлил. Ему казалось, что нужно попрощаться и с той, которая присоединилась недавно к спящему в дольмене. Скорее всего, здесь никто уже не встретится, чтобы любить и творить волшебство. Но память подсказывала один-единственный старый стих подобающего содержания. Айох встал и пропел:

Из груди ее цветок
Потянулся алый,
Но лето сожгло его,
И песни не стало.

Затем пэк расправил крылья и полетел прочь от этих мест.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА

Через три часа за мной придут. Распахнется дверь. Двое в парадной форме встанут в проходе с оружием наизготовку. Не знаю, будут ли их лица выражать отвращение и ненависть или болезненную жалость, но уверен, что они будут трогательно юными, эти лица, как у всех нынешних рядовых. Затем между ними пройдет Эрик Халворсен и встанет по стойке смирно. Я тоже. «Эдвард Брекинридж», — произнесет он и продолжит дальше как положено. Совсем недавно он звал меня Эд. Мы однокашники; в последний отпуск мы провели вместе такой вечер, что сейчас о нем уже наверняка ходят легенды. (То было в Порт-Желании, а на следующий день мы махнули к морю, красному на той планете, и кувыркались в прибое, и блаженствовали на песке под палящим солнцем.) Не знаю, что я увижу в его глазах. Любопытно: поведение ближайшего друга может быть непредсказуемо. Но так как он был хорошим офицером, следует предполагать, что он честно выполнит свой долг.

Я тоже. Нет смысла нарушать ритуал. Пожалуй, мне не стоит отказываться и от священника. Я сам добавляю штрихи к портрету Люцифера — сейчас, когда крушение нашего мира сопровождается взрывом религиозности. Услышат ли мои дети в школе: «Он был не только предателем, но и грязным безбожником?..» Все равно. Позвольте мне хоть сохранить достоинство и остаться самим собой.

Я пройду по коридору между застывшими телами и еще более застывшими лицами людей, которыми командовал; пробьют дробь барабаны.

Люк внутреннего отсека уже будет широко распахнут. Я шагну в камеру, люк закроется. Тогда, на мир, я останусь один. И

постараюсь удержать память об Элис и детях, но, боюсь, мой пот будет пахнуть слишком резко.

В подобных случаях воздух из камеры не откачивают. Это было бы жестоко. Они просто нажимают кнопку аварийного открывания. (Нет, не «они». Кто-то один. Но кто? Не хочу знать.) Внезапно мой гроб заполняется тьмой и звездами. Земной воздух выталкивает меня. Я вылетаю.

Ничего больше для меня не существует.

Они верно поступили, дав мне этот психограф. Слово написанное лжет, но не могут лгать молекулы мыслезаписывающей ленты. Мир убедится, что я был по крайней мере честным дураком; от этого, возможно, будет лучше Элис, Джин, маленькому Бобби, который стал походить на отца, — так написано в ее последнем письме. С другой стороны, далеко не специалист по использованию этого устройства, я открою больше, чем хотелось бы.

Что ж, попытайся, Эд. Запись всегда можно стереть. Хотя почему тебя волнует это, ведь впереди смерть...

Друзилла.

НЕТ.

Уходи, забирай из моей памяти благоухающие летом волосы, ощущение груди и живота, птицу, поющую в саду у твоего окна, — все забирай. Элис моя единственная, просто слишком долго я был оторван от нее. Но нет, это тоже неправда, мне было хорошо с тобой, Дру, и я ничуть не жалею ни о миге из наших ночей, но как же тяжело будет Элис узнать... или она поймет?.. Я не могу быть уверен даже в этом.

Лучше подумай о возвышенном. Например, о сражении. Убивать вполне дозволено; это вот любовь опасна и должна держаться на привязи.

Морвэйн не забудет нескольких часов в ослепительном блеске Скопления Кантрелла. Попытка оправдаться: помнишь, Эрик Халворсен, моя эскадра нанесла врагу тяжелый удар? Но военный трибунал не может следовать подобной логике. Почему я атаковал превосходящие силы противника, после того как предал планету... человеческий род? В деле записаны мои слова: «Я глубоко убежден, что выполнение порученной нам задачи повлекло бы катастрофические последствия. В то же время хороший результат мог принести удар в другом месте». Да будет сказано, однако, к предельной честности этой машины, что я надеялся на плен. Я хочу умереть не больше, чем ты, Эрик.

И кто-то же должен представлять людей по пришествии Морвейна! Почему не я?

Одно среди прочих соображений против: Хидеки Ивасаки. (То есть Ивасаки Хидеки; у японцев сперва идет фамилия, мы такая богатая вариациями форма жизни.) «Ия-а-а!» — закричал он, когда

мы получили лобовой удар. И крик этот ворвался в мои уши через судорожный скрежет металла, через свист вырывающегося воздуха.

Потом нас накрыла тьма. Гравиполе тоже исчезло, я парил, кувыркаясь, пока не ударился о переборку и не схватился за поручень. Кровь во рту отдавала влажным железом. Когда туман перед глазами рассеялся, я увидел светившуюся голубым аварийным светом главную панель и вырисовывавшуюся на ее фоне фигуру Ивасаки.

Я узнал его по флуоресцирующему номеру на спине. Сквозь дыру в его скафандре вырывался воздух вперемешку с кровью.

У меня еще мелькнула мысль сквозь судорожные толчки пульса: да ведь нас вывели из строя! Мы не перешли на аварийный контроль, мы неуправляемы — должно быть, сгорели переключающие цепи. Мы можем лишь сдаваться. Быстро включайся в сеть и прикажи передавать сигнал капитуляции!.. Нет, сперва формально сдай командование Фенштейну на борту «Йорктауна», чтобы эскадра могла продолжать бой.

Задвигались руки Ивасаки. Умирая, он плавал перед разбитым сверхпроводящим мозгом и что-то пытался ремонтировать. Это длилось недолго. Всего несколько соединений, чтобы включилась аварийная система. Я и сам мог попробовать, и то, что не сделал этого, — вот моя настоящая измена. Но потом я бросился вместе с Мбото и Холалом ему на помощь. Мы немногое могли сделать. Он был офицер-электронщик. Но мы могли подавать ему инструменты. В голубом свечении я видел его искаженное лицо. Он не позволил себе умереть, пока не кончил работу.

Зажегся свет. Вернулся вес, ожили экраны. Безжалостно ярко сверкали звезды, но все затмила вспышка в полумиллионе километров от нас. И: «Por Dios! — вскричал офицер-наблюдатель. — Это же крейсер джанго! Кто-то влепил в них ракету!»

Позже оказалось, что это отличился «Эгинкорт». Я слышал, его капитан представлен к награде. Он мне благодарен?

В тот момент, однако, я думал лишь о том, что Ивасаки оживил корабль и мне нужно продолжать драться. Я вызвал врачей, чтобы оживить его самого. Он был хорошим парнем, застенчиво показывающим мне фотографии своих детей под сакурой в Киото. Увы. В нормальных условиях, в госпитале, его бы подключили к машинам и продержали до тех пор, пока не вырастят новый желудочно-кишечный тракт; на военных кораблях такого оборудования нет.

В ушах ревели доклады, перед глазами мельтешили цифры, я принимал решения и отдавал приказы. Мы не собирались сдаваться.

Вместо этого мы прорвались и вернулись на базу — те, кто уцелел.

Мне думается, военные всегда были образованными людьми, хотя нам легче представить образ эдакого бравого вояки. Но, готовясь

сражаться в межзвездном пространстве за целую планетную систему, необходимо понимать устройства, которыми пользуешься; стараться понимать соседей по галактическому дому, таких же чувствующих, как человек, но отделенных от него миллионами лет эволюции; необходимо знать и понимать самого человека. Так что современный офицер образован лучше и привык думать больше, чем средний Брат Любви.

О это Братство! Посидели бы они на занятиях у Полковника, заслужившего Лунный Полумесяц еще до моего рождения...

Солнечные лучи скользили по газонам Академии, дробились в густой листве дубов, сияли на орудии, стрелявшем еще при Трафальгаре, и падали на кометы у него на плечах.

«Джентльмены, — сказал он как-то на медленном, искаженном эсперанто, служившем предметом многочисленных шуток в наших общежитиях, и подался вперед над столом, опершись на него кончиками пальцев, — джентльмены, вы слышали немало слов о чести, достоинстве и долге. Это истина. Но чтобы жить по этим идеалам, надо правильно оценить свою службу. Космические войска — не элита общества; не следует ожидать высочайших материальных вознаграждений или почестей.

Мы — орудие.

Человек не одинок в этой Вселенной. Существуют другие расы, другие культуры, со своими чаяниями и надеждами, с собственными страхами и огорчениями; они смотрят своими глазами и думают свои думы, но их цели не менее верны и естественны для них, чем наши для нас. И хорошо, если мы можем быть друзьями.

Но так бывает не всегда. Кто-то объясняет это изначальным грехом, кто-то кармой, кто-то всего лишь присущими нам ошибками... Так или иначе, общества иногда могут вступать в конфликт. В таких случаях надо договариваться. И здесь существенна равность — равная способность уничтожать, да и другие, более высокие способности. Я не говорю, что это хорошо; я просто отмечаю это. Вы собираетесь стать частью орудия, которое дает Земле и Союзу эту способность.

Любое орудие может быть использовано не по назначению. Молотком можно забить гвоздь или разнести череп... Но то, что вы военные и подчиняетесь военной дисциплине, не освобождает вас от ответственности гражданина.

Война — не конец, а продолжение политики. Самые кошмарные преступления совершались тогда, когда это забывали. Ваш офицерский долг — долг слишком высокий и сложный для занесения в Устав — помнить...»

Вероятно, в своей основе я лишен чувства юмора. Я люблю хорошие шутки, не прочь повеселиться на вечеринке, в группе меня

ценили за забавные стишки, но к некоторым вещам я не могу относится иначе, чем сверхсерьезно.

Например, к шовинизму. Я не могу выносить слово «джанго», как не мог бы выносить слово «нигтер» несколько столетий назад. (Как видите, я неплохо знаю историю. Мое хобби, да и способ коротать время среди звезд.) Это мне припомнили на суде. Том Дир присягнул, что я хорошо отзывался о Морвэйне. В трибунале были честные люди, ему сделали замечание, но, Том, ты же был моим другом. Или нет?

Позвольте мне просто рассказать, что произошло. Мы заправлялись на Асфаделе. Асфадель! (Да-да, я знаю, это целый мир, с ледяными шапками, пустынями и вонючими болотами, но говорю я про тот кусочек, который мы, люди, сделали своим в те славные дни, когда ощущали себя хозяевами Вселенной.) Белоснежные горы, подпирающие васильковое небо; шумные птичьим говором долины, пестрящие цветами; маленькие веселые города и девушки... Но то был уже разгар войны; здания пустовали, скрипели на ветру двери, гулко раздавалось эхо шагов... Вечерами светили звезды, принадлежащие врагу. То и дело прокатывался гром — это эвакуировалось население. Асфадель пал через два месяца.

Мы сидели в заброшенном баре — Том и я — и, нарушая инструкции, хлестали спиртное. С тоскливым воем пробежала сбитая с толку голодная собака.

— Будь они прокляты!.. — вскричал Том.

— Кто? — спросил я, наливая. — Если ты имеешь в виду недоносков из Расквартирования, то полностью с тобой согласен. Но не слишком ли большую работу ты взваливаешь на Всевышнего?

— Сейчас не время шутить, — отозвался он.

— Напротив, больше ничего не остается, — ответил я.

Мы только что узнали о гибели Девятого Флота.

— Джанго, — яростно процедил Том. — Грязные, мерзкие извращенцы.

— Морвэйн, ты хочешь сказать, — поправил я. Я тоже был пьян, иначе пропустил бы его слова мимо ушей. — Они не грязные. Они еще щепетильнее, чем мы. Сора в их городах не увидишь. Они трехполые, выделяют клейкий пот и имеют кошачью походку, но что с того?

— Что с того? — Он занес кулак. Лицо его исказилось, побелело, лишь ярко горели лихорадочные пятна на щеках. — Они собираются завладеть Вселенной, а ты спрашиваешь, что с того?!

— Кто говорит, что они собираются завладеть Вселенной?

— Ход событий, ты, идиот!

Я не мог ответить прямо и произнес, напряженно подыскивая слова, как бывает на определенной стадии опьянения:

— Планеты земного типа встречаются редко. Их интересует то же, что и нас. Территориальные споры привели к войне. Они заявили, что их цель — сбить с нас спесь, точно так же, как наша — сбить

спесь с них. Но они ничего не говорили о том, чтобы сбросить нас с планет — с большинства планет, которые мы уже занимаем. Это было бы слишком дорого.

— Им стоит лишь вырезать колонистов!

— А мы бы вырезали — сколько там? — около двадцати миллиардов и у нас, и у них, — мы бы вырезали такое количество разумных существ?

— Я бы с удовольствием, — процедил Том сквозь зубы. — Эти чудовища, — добавил он шепотом, — под шпилями Оксфорда...

Что ж, для меня это будут чужаки, шагающие по земле Вайоминга, где вольные люди некогда гнали скот под щелканье бичей; для Ивасаки — демоны перед Буддой в Камакуре...

— Они образуют правительство, если победят, — сказал я, — и кое о чем мы научимся думать по-иному. Но знаешь, я встречался с некоторыми из них до войны и довольно близко сошелся — так вот, им очень многое в нас нравится.

Некоторое время он сидел не двигаясь, как будто застыв в столбняке, затем выдохнул:

— Ты хочешь сказать, что тебе наплевать, кто победит?

— Я хочу сказать, что надо смотреть правде в глаза, — произнес я. — Мы должны будем приспособиться, чтобы сохранить как можно больше... если они победят. Мы можем оказаться полезными.

Тут он меня ударил.

А я не ответил. Я просто вышел в противоестественно чудесный день и оставил его плачущим. О происшедшем мы впредь не говорили и работали вместе с подчеркнутой вежливостью.

Он присягнул, что я хотел стать коллаборационистом.

Элис, ты когда-нибудь понимала, за что шла война? Ты сказала «до свидания» с почти невыносимой для меня храбростью, и в единственный мой за пять лет земной отпуск мы слишком НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ.

Когда я уезжал, шел дождь. Земля, еще черная после зимы, грязные кучи талого снега, низкое небо, словно какая-то зловещая серая крыша, щупальца тумана, опутывающие мой дом... Но я все равно видел — очень далеко — то плато, куда собирался взять когда-нибудь сына на охоту. Мелкие капли у тебя в волосах... Я слышал журчание ручья, вдыхал влажный воздух, ощущал твое тело и жесткий комок в желудке.

Надеюсь, ты найдешь себе другого. Это может быть непросто; это будет непросто, если я тебя знаю. Ты жена предателя, но слишком чиста для этих Братьев, которые, как стервятники, будут виться вокруг. Но кто-нибудь из Космических войск, вернувшийся на ставшую незнакомой Землю...

Да, я ревную. Вот только странно — не к словам «я люблю тебя», которые ты шепнешь в темноте. А к тому, что он станет отцом Джин и Бобби. Не оправдывает ли это Друзиллу (и других, бывало), если я никогда не сомневался в твоей верности?

Однако предполагается, что я должен объяснить нечто, считающееся несравненно более важным. Дело только в том, что все это настолько просто, что я не понимаю, зачем нужен психограф.

Сферы наших интересов пересекались задолго до войны. «Пограничный конфликт» — неудачный термин; Вселенная слишком велика для границ. Они основали преуспевающую колонию на второй планете ГГС 421387, промышленность ее превалирует над всей системой. И эта планета всего в пятидесяти световых годах от Земли.

Свара началась значительно дальше. Савамор — так мы называли спорную планету, ибо человеческая гортань не в состоянии передать ту особую музыку, — был под их протекцией. Они должны были защищать его, что связывало значительные силы.

Мы эвакуировали Асфадель, не так ли? Да, но Савамор был слишком дорог. Не просто индустриальная база, не просто стратегическое расположение, хотя, естественно, и они играли немалую роль. Савамор — это легенда.

Я бывал там зеленым лейтенантиком на борту «Данно-Ура», в те дни, когда флот наносит визиты доброй воли. Уже пылали споры, уже были стычки, угроза повисла в воздухе. Мы знали, и знали они, что наши корабли кружат над планетой в знак предупреждения.

И все же мы были понятно возбуждены, получив увольнения. Мы сошли в порту Дорвей, и вскоре я остался один среди зеленых башен, на зеленом ковре травы... Разве мог я не назвать это Изумрудным Городом? Через несколько часов я устал бродить и присел на террасе послушать музыку. Мелодии странные, плавные, тягучие, человеку ни за что такие не придумать, но мне они нравились. Глядя на прохожих — не только морва, но существа из двадцати различных рас, тысячи различных культур, — я вдруг так резко и ярко почувствовал себя космополитом, что это ощущение сравнимо лишь с первым поцелуем.

Ко мне подошел морва.

— Сэр, — обратился он на эсперанто (не буду пытаться вспомнить особенности его акцента), — позвольте разделить радость вашего присутствия.

— С удовольствием, — отозвался я.

И мы начали говорить. Конечно, мы не пили, да это и не требовалось.

Тамулан было одно из его имен. Сперва мы обменивались любезностями, потом перешли на обычаи, потом на политику. Он был безукоризненно вежлив, даже когда я горячился. Он просто показывал, как выглядят ваши с его стороны... впрочем, вы еще наслушаетесь этого в ближайшие годы.

— Мы не должны воевать, — сказал он. — У нас слишком много общего.

— Может быть, причина именно в этом, — заметил я и поздравил себя с тонким наблюдением.

Его щупальца опустились; человек бы вздохнул.

— Возможно. Но мы естественные союзники. Кто может выгадать от войны между нами, кроме Билтуриса?

В те дни Билтурис был для нас слишком далек и незаметен. Мы не ощущали их давления, эту тяжесть нес Морвэйн.

— Они тоже разумны, — сказал я.

— Чудовища, — ответил он.

Тогда я не поверил тому, что он рассказал. Теперь, узнав неизмеримо больше, я бы не усомнился. Я не допускаю, что раса может потерять право на существование, но некоторые культуры — безусловно.

— Не почтите ли вы наш дом своим присутствием? — наконец сказал он.

Наш дом, заметьте. Мы можем кое-чему у них поучиться.

А они у нас. Без сомнения. Увы, все обесценено шумихой, раздутой вокруг того, За Что Мы Сражаемся. Должно пройти время...

Так за что же мы сражаемся? Не за пару планет: обе стороны достаточно рассудительны, чтобы пойти на уступки, хотя именно территориальные притязания послужили непосредственным поводом. И вовсе не за чье-то желание насадить свою систему ценностей; только наши комментаторы настолько глупы, чтобы верить в это. Так за что, в самом деле?

Почему сражался я?

Потому что был офицером действующей армии. Потому что сражались мои братья по крови. Потому что я не хочу, чтобы завоеватели попирали нашу землю. Не хочу.

Говорю это в психограф и не собираюсь стирать запись, ибо страстно желаю, чтобы мне поверили: я за победу Земли. За это я отдал бы не только свою жизнь, это как раз проще всего. Нет, не задумываясь, я кинул бы в огонь и Элис, и Джин, которая сейчас, должно быть, превратилась в самую очаровательную смесь ребенка и девушки. Не говоря уже о Париже, пещерах, куда мои предки затаскивали мамонта, обо всем распроклятом штате Вайоминг... — из чего следует, что планета Савамор вызовет у меня лишь легкое сожаление. Так?

Опять разбегаются мысли.

Я хочу, чтобы мой народ был хозяином своей судьбы. Над Землей нельзя господствовать. Но равно ненавистно господство Земли.

Я бы хотел написать любовное послание своей планете, но из меня никудышный писатель и, боюсь, ничего, кроме сумятицы, не получится: горящее закатом зимнее небо; «...что люди созданы свободными и равными»; поразительная крохотность Стоунхенджа и поразительная масса Парфенона; лунный свет на беспокойных водах; квартеты Бетховена; шаги по влажной мостовой; поцелуй — и красный, сморщенный, негодующий комок жизни девять месяцев спустя; возмутительные каламбуры; моя соседка миссис Элтон, вырастившая трех сыновей после смерти мужа... Нет, стрелка бежит, время уходит слишком быстро...

Меня инструктировал не кто иной, как сам генерал Ванг. Он сидел на командном пункте, в недрах «Черта с два»; за его большой лысой головой мерцал экран звездного неба. Я встал по стойке смирно, и в наступившей тишине завис рокот вентиляторов. Когда генерал наконец произнес: «Вольно, полковник, садитесь», я был потрясен, услышав, как он состарился.

Он еще поиграл ручкой, прежде чем поднял глаза.

— Дело совершенной секретности. В настоящий момент компьютер дает 87 процентов вероятности успеха — успех определяется как выполнение задания с потерями не более 50 процентов, но если просочится хоть слово, операция станет бессмысленной.

Я никогда не верил слухам об агентах Морвэйна среди нас. Тем не менее я кивнул и сказал:

— Ясно, сэр.

— От этой штуки, — продолжал он тем же мертвым голосом, повернувшись к экрану, — мало проку — чересчур много звезд. Но все же общее положение представить можно. Смотрите.

Его руки прикоснулись к пульту, и звезды окрасились в два цвета: золотистый и багровый. Наш цвет и цвет врага.

Я видел, как мы в беспорядке отступаем, оставляя парсек за парсеком, я видел вражеские клинья, забитые глубоко в нашу оборону среди звезд, что еще светились золотом, и тогда уже понял, чего следует ожидать.

— Эта система... весь сектор... внешние коммуникации... хранилища... ремонтная база...

Я едва слышал. Я снова был на Саваморе в доме Тамулана.

О да, эскадра могла пробиться. Космос велик, его нельзя охранять везде. У цели, конечно, будут оборонительные силы, не слишком, однако, серьезные в случае неожиданной атаки; и потом придется прорываться сквозь корабли, которые, как пчелы, ринутся со всех сторон трехмерного пространства. Но уже никто не помешает сбросить сверхбомбу в небо Савамора.

Это даже не антигуманно. Просто будет вспышка и одновременный взрыв стольких мегатонн, что вся атмосфера мгновенно превратится в свободную плазму. Действительно, еще долго будут гулять огненные бури, не оставив ничего, кроме выжженной пустыни, и миллионы лет пройдут, прежде чем жизнь выйдет из океанов. Но Тамулан не поймет, что случилось. Если Тамулан не сражается со своим флотом. Если еще не умер, зажимая выпадающие из живота внутренности или судорожно хватая ртом воздух, которого уже нет вокруг, как умирали люди на моих глазах. Без населенной планеты, служащей базой экономики, промышленность на других мирах ГГС 421387 не сможет существовать; клин обломается. Без этого клина, острием нацеленного на Землю...

— Они не бомбардировали наши колонии...

— Мы тоже, — сказал Ванг. — Теперь у нас нет выбора.

— Но...

— Молчать! — Он приподнялся, одно веко задергалось. — Думаете, мне легко?! — И, немного погодя, таким же бесстрастным монотонным голосом: — Они получат тяжелый удар. Мы сможем удерживать этот сектор по крайней мере еще год, что, между прочим, продлит на год войну.

— Ради этого?

— Многое может случиться за год. У нас может появиться новое оружие. Они могут решить, что игра не стоит свеч. Наконец, просто проживут еще год там, дома.

— А если они ответят тем же? — заметил я.

Смелый человек: он встретил мой взгляд.

— Никому не удавалось жить, не рискуя.

Я ничего не мог ответить.

— Если вы сомневаетесь, полковник, — произнес он, — я не стану вам приказывать. Я даже не буду хуже о вас думать. Есть много других офицеров.

И на это мне нечего было сказать.

Да будет здесь ясно видно, как было видно на моем процессе: ни один человек под моим командованием не виноват в случившемся. На всех кораблях эскадры только я один знал истинную задачу. Капитаны считали, что цель рейда в район Савамора — охота за некоей укрепленной военной базой, подобной нашей. Офицеры-артиллеристы, очевидно, кое-что могли подозревать, зная характер груза, но слишком низко стояли они на служебной лестнице. И все поверили, что полученная в последний момент информация заставила меня изменить курс на Скопление Кантрелла. Там мы вступили в наш доблестный, кровопролитный и совершенно бесполезный бой, победили и вернулись.

Таким образом, виноват я. Почему?

На суде я говорил, что, считая атаку на Савамор безумием, я решил выбить вражеский клин неожиданным ударом по Скоплению. Чепуха. Мы лишь потрепали их, как предсказал бы любой кадет-второкурсник.

В душе я надеялся привести в негодность силы, которые Ванг мог использовать для уничтожения Савамора с более надежным офицером во главе.

Факты доказывают мою правоту. Мы уже сдали «Черта с два» и теперь не можем обойти триумфально наступающего противника. Да в этом и нет смысла: они выпрямили линию фронта, и остаток войны будет вестись обычными методами и средствами.

Моей конечной целью был плен. Они, как пока и мы, хорошо обращаются с пленными. Со временем я бы вернулся к Элис с немалым опытом за плечами. А разве моему народу не понадобятся посредники? Или руководители? Перед лицом Билтуриса Морвэйн

захочет иметь союзников. Мы установим цену за дружбу, и ценой этой может быть свобода.

Сожги мы Савамор, я сомневаюсь, что Морвэйн не расправился бы с Землей. Народ Тамулана не настолько добр. А даже и так — не посчитали бы они долгом стереть до основания плоды, мечты и следы цивилизации, способной на такое, и построить заново по своему подобию? Смогли бы они доверять нам? Кто когда-нибудь сможет простить Дахау?

Сражаясь честно, прямо глядя в лицо поражению, мы вправе надеяться спасти многое; надеяться даже, что через десятилетия этим будут восхищаться.

Конечно, все это предсказано в предположении, что Морвэйн победит. Хочется верить в чудо: вот-вот что-нибудь изменится, стоит продержаться... Я сам верил; я задушил свою веру и противопоставил собственное суждение тому, что нельзя назвать иначе, как всенародным.

Прав ли я? Будет ли моя статуя стоять рядом со статуями Джефферсона и Линкольна, так что Бобби мог бы показать на нее и сказать: «Он был моим папой»? Или, чтобы избежать плевков, ему придется сменить фамилию в тщетной надежде затеряться? Я не знаю. И не узнаю никогда.

Оставшееся мне время я буду думать об этом.

ЗАДЕРЖКА В РАЗВИТИИ

В детстве он хотел стать пилотом космического корабля (какой мальчик не мечтал об этом?), но достаточно быстро понял, что ему не хватает способностей. Потом он увлекся психологией и даже получил университетский диплом. Одно цеплялось за другое, и в результате Джо Хастинг стал мошенником. Жизнь оказалась не такой уж плохой. Простаков он примечал в Нью-Йорке, а плодами успешной охоты пользовался во Флориде, на курортах Гренландии и в Луна-Сити.

Хотя среди посетителей бара Джо не видел потенциального клиента, ему не хотелось куда-то идти, кого-то искать. Нью-Йорк наслаждался весной. В открытую дверь вливался легкий ветерок, в зале царили полумрак и прохлада. Светилось лишь пятно телевизионного экрана. Сквозь облако сигаретного дыма Джо следил за выпуском новостей.

Естественно, показывали галактов. Их гигантский звездолет, опустившийся на Землю в сотне миль от города, не покидал экрана. Вид с вертолета сменялся крупным планом: операторам телекомпании удалось прорваться сквозь оцепление солдат ООН, сдерживающих толпу любопытных. Комментатор сообщил, что в настоящий момент идут переговоры между капитаном звездолета и Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, а члены экипажа осматривают достопримечательности Земли.

— Они прибыли к нам с добрыми намерениями, — вещал комментатор. — Повторяю, с добрыми намерениями. Они не причинят нам вреда. Они уже обменяли привезенный уран на миллионы наших долларов и теперь тратят их как обычные туристы. Но Генеральный секретарь ООН и Президент Соединенных Штатов просят помнить о том, что галакты прилетели с далеких звезд и обладают мощью, которая нам и не снилась. И малейший конфликт может лишить Землю величайшей...

Хастинг задумался. Да, большое дело, наверное, самое значительное событие современной истории. Земля — член Галактической Федерации! Перед нами открыты все звезды. Невозможное становится возможным... гм-м. Для начала он мог бы вставить фальшивые бриллианты в красивую оправу и толкнуть их как священные огненные камни Тарденозии, но только для начала...

С улицы донесся нарастающий шум. Мимо бара один за другим проезжали электрокары, бежали люди. В чем дело? Хастинг оставил на стойке недопитую кружку пива и подошел к двери. Какой-то мужчина в потрепанном костюме спешил вслед за толпой. Хастинг поймал его за рукав.

— Что происходит, приятель?

— Разве вы не слышали? Галакты! Приземлились прямо на мостовой, у них есть летательные пояса, зашли в магазин «Мейси» и накупили всякой всячины на миллион долларов. А теперь они идут сюда. Отпустите меня, мистер.

Хастинг постоял, закурил. По спине его пробежал холодок. Пришельцы со звезд. Цивилизация, раскинувшаяся по всему Млечному Пути, существующая тысячи веков. Увидеть галактов, возможно, даже поговорить с ними... Да, будет о чем рассказать внукам, если они у него когда-нибудь появятся.

Он подождал, пока толпа поравняется с баром, и бросился вперед, энергично работая локтями. Несколько минут спустя, изрядно вспотев, Хастинг пробился к барьеру.

Невидимое силовое поле — мудрая предосторожность — сдерживало возбужденных нью-йоркцев. Иначе, движимые самыми благими намерениями, они могли бы растоптать пришельцев.

Их было семеро. Высокие, широкоплечие, красивые, с темными волосами, полными губами, аристократической линией носа. Вполне естественно, что за добрый миллион лет все гуманоидные цивилизации слились в одну, и обитатели разных планет стали похожи, как братья. Блестящие голубые мундиры сидели на галактах как влитые, талии стягивали широкие металлические пояса. И украшения! О боже, должно быть, они скупили все сверкающие поделки, которые увидели на прилавках, и нацепили на руки и мускулистые шеи. Норка и горностай небрежно наброшены на плечи. Один из галактов неторопливо пересчитывал оставшиеся деньги. (Хастингу такого количества хватило бы надолго.) Остальные дружелюбно улыбались землянам. Джо Хастинг прижался к барьеру.

Облизал внезапно пересохшие губы, сердце стучало. Неужели такое возможно? Он, маленький человечек, сможет поговорить с богами, спустившимися с небес?

Огромное здание напоминало растревоженный улей, на всех этажах сердитыми пчелами жужжали политики, репортеры, священнослужители. Они готовились вести переговоры с соответствующими представителями галактов. Всем известно, что единственный способ понять непонятное — создать многочисленные комиссии и полгода согласовывать повестку дня. Но Генеральный секретарь ООН имел определенные права и на этот раз воспользовался ими. Получасовая беседа с капитаном Хардго сулила куда больше, чем годовые совещания всех комитетов, вместе взятых.

Генеральный секретарь наклонился вперед и предложил собеседнику коробку сигар.

— Не знаю, правильно ли я поступаю, — сказал он. — Быть может, табак вреден для вашего организма?

— Простите? — вежливо переспросил гость, крупный, полноватый мужчина с благородной сединой на висках. Как это ни странно, галакты брили подбородки и подстригали волосы точь-в-точь как земляне.

— Я хочу сказать, что мы привычны к табачному дыму, а вас он может отравить, — ответил Ларсон. — Вы же прилетели с далеких звезд.

— О, это пустяки, — махнул рукой Хардго. — Подобные растения есть на каждой планете земного типа. Невелики различия и у народов, населяющих эти планеты. Не говоря уже о животных. Благодарю. — Он взял сигару и покатал ее между пальцами. — Хорошо пахнет.

— Лично меня это потрясло больше всего. Я и представить не мог, что эволюция идет одним и тем же путем по всей Вселенной. Почему?

— Такова жизнь. — Капитан Хардго откусил кончик сигары и выплюнул его на ковер. — При других параметрах окружающей среды развитие идет иначе, но на планетах земного типа все одинаково.

— Но почему? Мне кажется, что процесс эволюции... не могу поверить, что это совпадение.

Хардго пожал плечами.

— Ну, не знаю. Я всего лишь космонавт. Никогда не задумывался над этим. — Он зажал сигару в зубах и поднес к ней перстень, надетый на палец правой руки. Что-то сверкнуло, и капитан глубоко затянулся ароматным дымом.

— Это... какое удивительное устройство! — восхитился Ларсон.

На долю бедного землянина осталось лишь унижение. Земля

слишком поздно вышла в космос, гигантская пропасть отделяла ее от галактов.

— Что?

— Ваш перстень. Зажигалка.

— А, это. Да, там внутри какая-то ядерная штучка. — Капитан выпустил струю дыма. — Мы пришлем кого-нибудь, чтобы показать вам, как это делается. Одолжим вам технику, чтобы вы могли построить свои заводы. Мы подтянем вас к общему уровню.

— Правда? Ваше великодушие не знает границ. — Ларсон чуть не прыгал от счастья.

— Для нас это сущий пустяк. Мы сможем торговать с вами, как только вы наладите производство. Чем больше планет, тем лучше для нас.

— Но... Извините, сэр, на мне лежит огромная ответственность. Мы должны знать требования, выполнение которых необходимо для вступления в Галактическую Федерацию. Нам ничего не известно о ваших законах, обычаях...

— Тут мне нечего сказать, — перебил его Хардго. — Каждая планета сама заботится о себе. Как иначе можно управлять миллионами миров? Короче, этим занимаются эксперты и компьютеры. Они берут за оказанные услуги определенную плату, в Федерации нет налогов, каждый платит за полученный товар, а за счет прибыли финансируются дальние экспедиции вроде нашей.

— Понятно, — кивнул Ларсон. — Координационный совет.

— Да, вероятно, так.

Генеральный секретарь в недоумении покачал головой. Иногда он задумывался, какой же станет цивилизация через миллион лет. Но не ожидал ничего подобного. Предельная простота. Супермен, считающий ниже собственного достоинства разбираться в громоздком механизме межзвездного государства, свободный от всех ограничений, думающий свои великие думы среди мириад звезд.

Хардго взглянул в окно, на небоскребы Нью-Йорка.

— Никогда не видел такого большого города, — отметил он, — а я бывал на многих планетах. Не представляю, как вы им управляете. Должно быть, это ужасно трудно.

— Да, сэр, — сухо улыбнулся Ларсон. Разумеется, галакты давно прошли ту ступень, когда цивилизация не могла обойтись без таких вот человеческих муравейников. Они разучились поддерживать жизнь мегаполисов, точно так же как современники Ларсона разучились высекать искру из камня.

— Ну, вернемся к делу. — Хардго стряхнул пепел на ковер. — Я вот о чем. Мы давно поняли: нельзя допустить, чтобы молодая цивилизация вырывалась в космос без нашего ведома. Поэтому мы расставили специальные детекторы по всей Галактике. Когда они фиксируют определенные... как это у вас называется... а, вибрации... да, вибрации, свойственные двигателю для межзвездных полетов,

особый сигнал поступает в Координационный совет. А уж Совет направляет звездолет для налаживания контактов с новичками.

— Да, действительно... Мы только что разработали двигатель, позволяющий лететь со сверхсветовой скоростью... разумеется, очень примитивный по сравнению с вашими конструкциями. Значит, во время его испытаний...

— Совершенно верно. Поэтому нас послали объяснить вам, кто есть кто, и присмотреться к вашим порядкам. Как вы понимаете, нам не нужны воинственные соседи. Они могут причинить много вреда.

— Уверяю вас, мы...

— Знаю, знаю, приятель. У вас хорошее государство, и компьютер подтвердил, что вы перестали воевать друг с другом. Я, конечно, не могу понять всего, что вы делаете... у вас довольно странный образ мышления, во всяком случае, на других планетах нет ничего похожего, но это не имеет значения. Каждый народ имеет право на индивидуальность. Вы прошли по всем показателям.

— А если допустить... — Каждое слово давалось Ларсону с большим трудом. — Если бы случилось так, что вы приняли бы решение отказать нам в приеме в Федерацию? Что тогда? Вы постарались бы изменить наши порядки?

— Изменить? Что вы имеете в виду? Мы послали бы боевой звездолет, и он превратил бы в пыль все планеты вашего солнца. Нам не нужны цивилизации, готовые развязать войну.

Ларсон чувствовал, как по его спине стекают струйки пота. В горле у него пересохло. Все планеты...

— Эй, там!

Хастингу пришлось кричать во всю глотку, но ближайший к нему галакт взглянул на него и улыбнулся.

— Привет, — отозвался он.

Невероятно! Он приветствовал ничтожного Джо Хастинга как близкого приятеля. Почему? Минуточку! Может, никто не решался заговорить с ними первым? А когда тебе отвечают только «да, сэр», даже галакт чувствует себя очень одиноким.

— И как вам тут нравится? — продолжил Хастинг.

— Потрясающе. Никогда не видел такого большого города. И ты только посмотри, что я тут купил! — Галакт коснулся ожерелья из красных стекляшек. — Когда я вернусь домой, соседи лопнут от зависти.

Хастинга с такой силой прижали к невидимому барьеру, что у него перехватило дыхание. Он попытался вырваться из-под пресса тел.

— Эй, подожди. — Галакт нажал какую-то кнопку на поясе, силовое поле переместилось, отталкивая толпу, и Хастинг оказался внутри, рядом с семеркой галактов.

— Как ты, приятель? — Сильные руки подхватили его, не дав упасть на землю.

— Я... да... хорошо. Все в порядке. — Хастинг ухмыльнулся лицам по ту сторону барьера. — Большое спасибо.

— Рад тебе помочь. Меня зовут Джилграф. По-простому Джил. — Галакт обнял его за плечо. — А это Бронни, Кол, Джордо...

— Очень приятно с вами познакомиться, — пробормотал Хастинг. — А я — Джо.

— Ну вот и отлично, — радостно воскликнул Джил. — А то я уже начал задумываться, почему все такие забитые.

— Забитые? — У Хастинга закружилась голова. Неужели галакты прочли его мысли? Немудрено, если они показались пришельцам довольно необычными.

— Да, — продолжил галакт. — Почему-то нас тут сторонятся.

— Это точно, — кивнул Бронни. — На новых планетах нас обычно встречают с распростертыми объятьями, угощают...

— А какие устраивают карнавалы! — напомнил Джордо.

— Да. Помните ту пьянку на Алфазе? Какие там были девочки! — Джил в восторге закатил глаза.

— У вас в Нью-Йорке столько милашек, — добавил Кол, — но мы получили приказ никого не оскорблять. Как ты думаешь, если я поздороваюсь с девушкой, она не обидится?

— Вы все не так поняли, — незамедлительно ответил Хастинг. — Мы просто боялись заговорить с вами. Мы думали, вы не хотите, чтобы к вам приставали с вопросами.

— А мы уж решили, что вы... Эй! — Джил хлопнул себя по бедру и загоготал. — Ну кто бы мог подумать?! Они не хотели беспокоить нас, а мы — их!

— Будь я проклят! — проревел Кол. — Что же нам теперь делать?

— Мне кажется... — начал Джордо.

— Подождите, подождите! — Хастинг замахал руками. — Если я не ошибаюсь, вы хотите поразвлечься?

— Еще бы, — хмыкнул Кол. — В космосе начинает тошнить от скуки.

— Тогда учтите, — продолжил Хастинг, — что вы никуда не денетесь от этих зевак, репортеров... — Очередная фотовспышка, десятая или двадцатая за несколько минут, заставила его зажмуриться. — Пока все знают, что вы — галакты, покоя вам не дадут.

— На Алфазе... — запротестовал Бронни.

— Тут не Алфаз, — отрезал Хастинг. — Но у меня есть идея. Послушайте... — Семь темноволосых голов склонились к Хастингу, чтобы разобрать лихорадочный шепот. — Мы сможем убраться отсюда? Улететь невидимыми или что-нибудь в этом роде?

— Конечно, — ответил Джил. — Эй, а откуда тебе известно, что такое возможно?

— Какая разница? Значит, так, сейчас мы сматываемся в мою квартиру, посылаем за обычной земной одеждой для вас, а потом...

Джон Джозеф О'Рейли, архиепископ Нью-Йорка, имел немало друзей как среди власть имущих, так и среди бедноты. Он не счел зазорным воспользоваться своими связями, чтобы устроить встречу с капелланом звездолета. То, что могло открыться ему в этом разговоре, имело бы непреходящее значение для всего человечества. Священнослужитель со звезд прибыл под защитой силового поля, и его немедленно провели в гостиную.

Тиркна, плотный седовласый мужчина в обычной голубой форме космонавта, крепко пожал руку архиепископу.

«Во всяком случае, — подумал архиепископ, — за миллион лет галакты сумели смирить гордыню», — и сказал:

— Для меня большая честь принимать вас у себя.

— Благодарю, — оглядываясь, кивнул Тиркна. — У вас тут очень мило.

— Пожалуйста, садитесь. Хотите что-нибудь выпить?

— Не откажусь.

О'Рейли поставил на столик два бокала и бутылку старого французского вина.

— Добро пожаловать на Землю, — улыбнулся он, наполнив бокал гостю, а затем себе.

— За встречу. — И капеллан одним махом осушил бокал. — А-а-а-х! Идет отлично.

Архиепископ внутренне дрогнул, но вновь наполнил бокал. Нельзя же требовать, чтобы вкусы и манеры разных цивилизаций полностью совпадали. Китайцы вот любят тухлые яйца, но терпеть не могут сыра...

Архиепископ уселся поудобнее и положил ногу на ногу.

— Не могли бы вы сказать, какой у вас сан? — робко спросил он.

— Сан? Что это такое?

— Я хочу узнать, как обращается к вам ваша паства?

— Моя паства? А, вы имеете в виду команду. Просто — Тиркна. Мне этого вполне достаточно. — Гость допил второй бокал и рыгнул. Вероятно, точно так же поступил бы и цивилизованный эскимос.

— Насколько мне известно, — продолжал О'Рейли, — у вас не сразу поняли существо моей просьбы. Вероятно, вы не знали, что означает слово «капеллан».

— Конечно, мы не знаем всех слов вашего языка, — признал Тиркна. — Обычно это делается так. Подлетая к новой планете, мы ведем прием радиопередач.

— О, понимаю. Тех, что проходят сквозь ионосферу.

Тиркна мигнул.

— Ионо... Я не знаю таких под... — он икнул, — ...робностей. Вам лучше поговорить с нашими тех... техниками. Во всяком случае, у нас есть машина, которая анализирует различные языки. На это

ей требуется несколько часов. Потом она погружает нас в сон и учит новым языкам. Проснувшись, мы можем говорить на любом из них.

Архиепископ засмеялся.

— Извините меня. Честно говоря, я удивлялся, почему представители столь высокоразвитой цивилизации пользуются самым отвратительным уличным жаргоном. Теперь мне все ясно. К сожалению, содержание наших передач оставляет желать лучшего. Они рассчитаны на массовые вкусы, знаете ли. Общий уровень чрезвычайно низок... пожалуйста, простите меня за такие эпитеты. Естественно, что вы... но, уверяю вас, мы не так уж плохи. Мы с надеждой смотрим в будущее. Например, этот ваш электронный учитель... с его помощью мы сможем резко поднять общий культурный уровень.

Тиркна изумленно уставился на архиепископа.

— Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так же, как вы, земляне. И как вам только хватает воздуха?

О'Рейли чувствовал себя жалкой букашкой. Для великих галактов молчание могло быть так же красноречиво, как и сотня слов. Подумать только, их цивилизация развивалась уже миллион лет!

— Извините, — пробормотал архиепископ.

— О, пустяки. Вероятно, многое в нашем поведении кажется вам не менее забавным. — Тиркна потянулся к бутылке и сам наполнил бокал.

— Я просил вас приехать сюда, чтобы... Вы можете рассказать мне столько удивительного, но я хотел бы задать несколько вопросов, касающихся религии.

— Конечно. Я слушаю, — добродушно отозвался Тиркна.

— Мы, слуги божьи, давно задумывались о возможности встречи с инопланетной разумной жизнью. То обстоятельство, что вы такие же люди, хотя, несомненно, гораздо более развитые, чем мы, есть чудесное откровение воли господней. Но я хотел бы знать основные положения вашего вероучения.

— Что вы имеете в виду? — В голосе Тиркны слышалось замешательство. — Я всего лишь... э... интендант. Кроме всего прочего, я должен убивать кроликов, в звездолете нет места для более крупных животных. Я кормлю богов, вот и все.

— Богов?! — Архиепископ даже выронил бокал.

— Между прочим, а кто ваши главные боги? — осведомился Тиркна. — Было бы неплохо принести им в жертву пару коров, пока мы находимся на их планете. А то как бы они не накликали на нас беду.

— Но... вы... язычники!!!

Тиркна взглянул на часы.

— Послушайте, где тут телевизор? — спросил он. — Скоро начнется «Другая жизнь Джона». Фильмы у вас отменные.

Утром Джо Хастинг с трудом продрал глаза. И тут же пожалел об этом. Квартира была перевернута вверх дном. Как же это произошло?

О да... эти девушки, которых они привели сюда... неужели они опустошили все бутылки, что валяются на полу?

Хастинг застонал и схватился за голову, ему казалось, что она разламывается на части. И зачем только он смешал виски и пиво!

Что-то загрохотало. Повернувшись на софе, Хастинг увидел Джила, выходящего из спальни. Галакт бил себя в грудь и пел песню, которую выучил вчера вечером.

— О Полли, Полли...

— Замолчи, а? — простонал Хастинг.

— Парень, да ты, похоже, перепил? — Джил сочувственно прищелкнул языком. — Одну минуту. — Он вынул из карманчика на поясе маленький флакон. — Прими пару капель. Будешь как огурчик.

Неимоверным усилием воли Хастинг заставил себя проглотить эти капли. На мгновение у него в животе вспыхнул пожар, затем... он снова стал человеком. Казалось, он спал не меньше десяти часов, а спиртного не брал в рот целую неделю.

Джил вернулся в спальню и начал будить остальных. Хастинг, глубоко задумавшись, стоял у окна. Лекарство от похмелья могло принести миллионы, получи он исключительные права на его продажу. Но нет, пришельцы со звезд научат землян изготовлять это лекарство наряду с космическими кораблями и экранами-невидимками. Конечно, он мог добыть запасы этой семерки, а потом распродать их по сотне долларов за каплю.

Из спальни появился Бронни, его физиономия сияла как медный таз.

— Отличный ты парень, Джо! — воскликнул он. — Так хорошо я проводил время только на Алфазе. Чем мы теперь займемся, приятель? — Крепкая рука галакта опустилась на плечо Хастинга.

— Посмотрим, что я смогу для вас сделать, — осторожно ответил тот. — Вообще-то я очень занят. У меня масса дел.

— Понимаю, — Бронни подмигнул Хастингу. — Такой парень не теряет даром ни минуты. Как ты обвел вокруг пальца того вышибалу. Я уж испугался, что он вызовет полицию.

— Чтобы успокоить его, хватило десятки. Это ерунда.

Когда все собрались в гостиной, Джил заявил, что пора завтракать. Джо повел их в соседнюю закусочную.

— Вы, космонавты, должно быть, очень умны, — заметил он, когда они уселись за столик. — Умнее, чем большинство остальных, правда?

— Это точно, — пробасил Джордо, подмигнув официантке.

— Космонавт должен многое знать и уметь, — добавил Кол. — Звездолеты, естественно, летят сами по себе, но все равно в экипаже нет места для дураков.

— Понятно, — пробормотал Хастинг. — Я так и думал.

Диплом психолога помогает дать правильную оценку ситуации, особенно если человек свободен от предрассудков.

Достаточно рассмотреть такой пример. Сэр Исаак Ньютон открыл три закона движения, закон всемирного тяготения, дифференциальное исчисление, основы спектроскопии, акустики и, помимо того, находил время, чтобы выполнять различные государственные обязанности. Один человек! И для гения он не был исключением. Самые одаренные земляне оставляли след в нескольких областях.

И тем не менее такой выдающийся ум не является необходимостью. Самые важные шаги в развитии человечества сделали обезьяноподобные тупицы. Они приручили огонь, вытесали первые инструменты, создали язык, сшили одежду, заложили социальную основу цивилизации. Только им потребовалась на это бездна времени.

А за миллион лет многое может случиться. Ньютон создал современную физику в течение жизни одного поколения. Сотня менее талантливых людей добилась бы того же за тысячелетие.

Для человечества коэффициент умственного развития в среднем приближается к ста. У гениев он может достичь двухсот. У дебилов снижается до шестидесяти. Необъяснимое стечение обстоятельств одарило человека таким могучим разумом. Он мог бы обойтись и меньшими способностями.

А если средний коэффициент у галактов составляет семьдесят пять, то их самые блестящие представители поднимались, скажем, до ста пятидесяти.

Визг отпрыгнувшей от стола официантки прервал размышления Хастинга. Когда она повернулась к ущипнувшему ее Бронни, тот добродушно улыбался.

Джо Хастинг успокоил официантку. А после завтрака показал галактам достопримечательности Нью-Йорка и продал им Бруклинский мост.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕСТОНОСЦЫ НЕБА.
(Пер. Ю. Руфина)
5

ЭКРАН.
(Пер. М. Гилинского)
108

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ.
(Пер. Ю. Руфина)
206

ЦАРИЦА ВЕТРОВ И ТЬМЫ.
(Пер. А. Корженевского)
350

РАССКАЗЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА.
(Пер. В. Баканова)
396

ЗАДЕРЖКА В РАЗВИТИИ.
(Пер. В. Баканова)
406

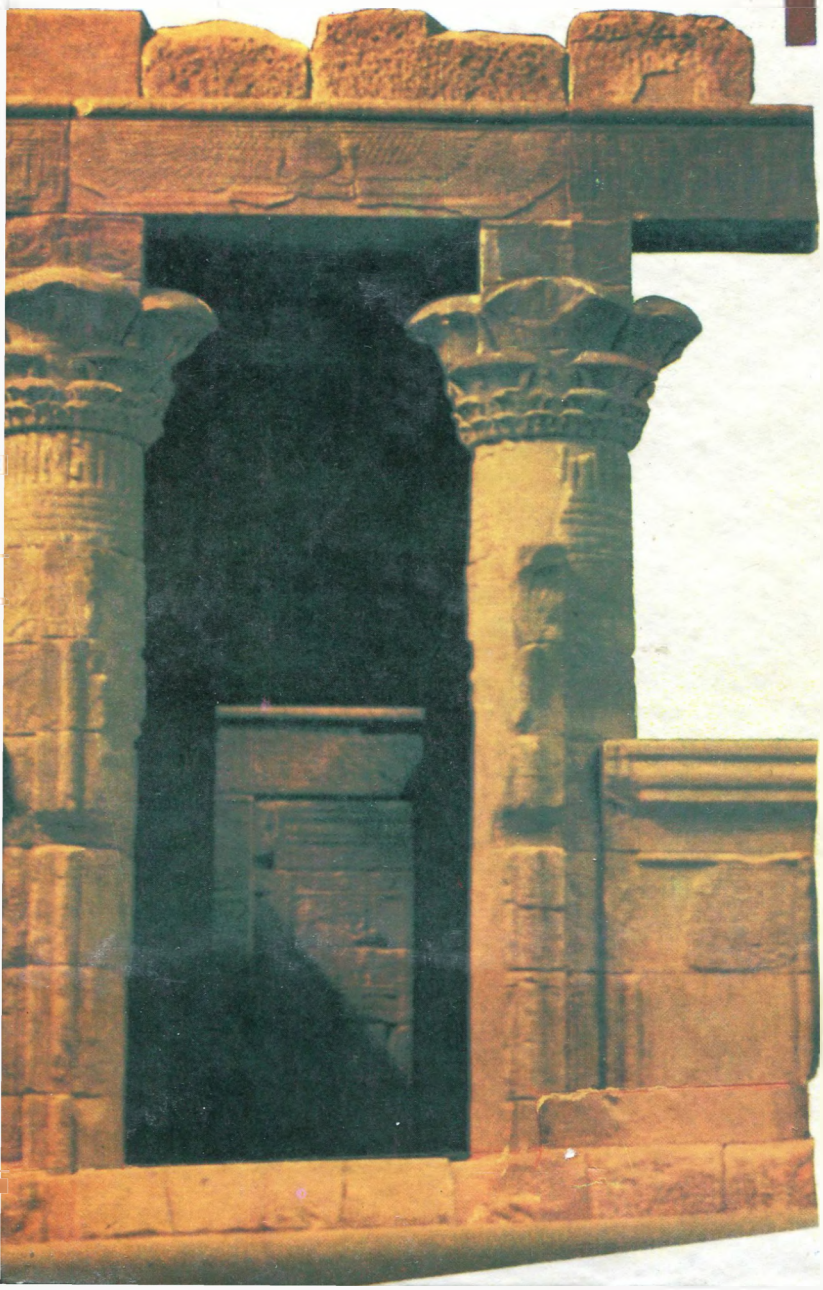
Редакторы *В. Подбельский, А. Комаров*
Художник *П. Храмцов*
Технический редактор *Т. Луговская*
Корректор *О. Поливанова*

Сдано в набор 18.10.92. Подписано к печати 12.04.93. Формат 60 × 90 1/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 29,38. Усл. кр.-отт. 27,0. Тираж 50 000 экз. Заказ 1717. Цена договорная.

ПОО «Фабула». 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Типография № 7 Министерства печати и информации Российской Федерации. 121019 Москва, пер. Аксакова, 13.

Серия «МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ» основана в 1992 г. Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Пол АНДЕРСОН

